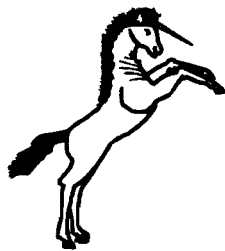
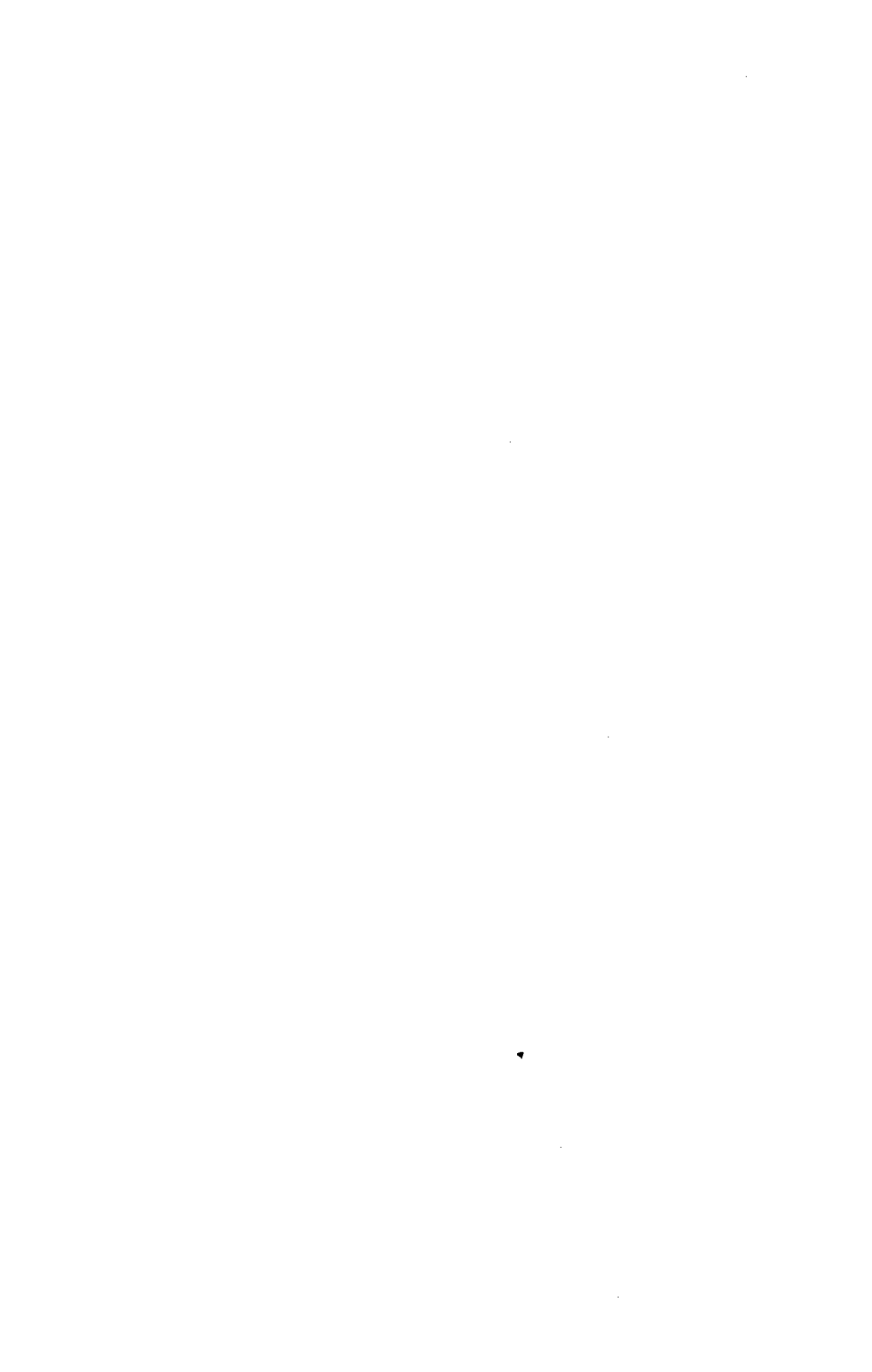

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2001

УДК 39:81
ББК 91.9:63
В-03

*Авторская работа и издание выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 95-06-17564а, 00-04-16034)*

В работе использована электронная версия
базы данных «Полесский архив»,
создаваемая при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97-04-12003в)

Редакционная коллегия сборника
*О. В. Белова, Е. Е. Левкиевская,
А. А. Плотникова (отв. ред.), С. М. Толстая*

**Восточнославянский этнолингвистический сборник.
Исследования и материалы. — М.: «Индрик», 2001. —
496 с.**

ISBN 5-85759-159-2

Сборник посвящен разным аспектам изучения языка и традиционной народной культуры восточных славян. Исследуются терминология и символика семейных обрядов — свадебного, родинного и погребального, народная мифология и демонология, астрономия и метеорология, верования и представления, связанные с хлебом, ткачеством, пастушеством и др. Публикуются тематические словари, созданные на основе электронной версии Полесского архива, хранящегося в Институте славяноведения РАН.

**INDRIK Publishers have the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries. This book as well as other
INDRIK publications may be ordered by**

**e-mail: indrik@pochtamt.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15**

ISBN 5-85759-159-2

© Коллектив авторов, 2001
© Издательство «Индрик», 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	7
----------------------	---

I

<i>Л. Н. Виноградова</i> ПОЛЕССКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ НА ФОНЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДАННЫХ	10
<i>Г. И. Кабакова</i> ПОЛЕССКАЯ НАРОДНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЖЕНСКИЙ ТЕКСТ	50
<i>Н. В. Богатырь</i> КРЕСТИЛЬНЫЕ ОВЫЧАИ И ОБРЯДЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX вв.	79
<i>А. В. Гура</i> МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТКАЧЕСТВОМ, В ЗОНЕ ПОЛЕССКО-ПОДЛЯССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ	105
<i>О. В. Белова</i> БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ	118
<i>С. М. Толстая</i> ПОЛЕССКИЕ ПОВЕРЬЯ О ХОДЯЧИХ ПОКОЙНИКАХ	151
<i>Ж. В. Кормина, С. А. Штырков</i> МИР ЖИВЫХ И МИР МЕРТВЫХ: СПОСОБЫ КОНТАКТОВ (ДВА ВАРИАНТА СЕВЕРОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ)	206
<i>А. Б. Мороз</i> СЕВЕРНОРУССКИЕ ПАСТУШЕСКИЕ ОТПУСКА И МАГИЯ ПЕРВОГО ВЫГОНА СКОТА У СЛАВЯН	232
<i>Е. Е. Левкиевская, А. А. Плотникова</i> ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕВЕРНОРУССКОГО СЕЛА ТИХМАНЬГИ	259

II

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ПОЛЕССКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ (ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБРАБОТКИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ).....		300
ВВЕДЕНИЕ (А. А. Плотникова)		300
Родины (М. М. Валенцова)		305
Похороны (А. А. Плотникова)		315
ХЛЕБ (Т. А. Агапкина)		337
АСТРОНОМИЯ. МЕТЕОРОЛОГИЯ. ВРЕМЯ (М. М. Валенцова)		355
ДЕМОНОЛОГИЯ (Е. Е. Левкиевская)		379
Е. Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ		
ДЕМОНОЛОГИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО СЕЛА ТИХМАНЬГИ.....		432
М. Н. ТОЛСТАЯ		
ИЗ МАТЕРИАЛОВ КАРПАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ.....		477

От редколлегии

Этнолингвистические исследования в области традиционной славянской духовной культуры, начатые по инициативе Н. И. Толстого и ведущиеся в Институте славяноведения уже более четверти века, придерживались до сих пор главным образом двух «масштабов» — общеславянского и регионального полесского. Главным результатом общеславянских исследований стал издаваемый под общей редакцией Н. И. Толстого этнолингвистический словарь «Славянские древности» (т. 1. А-Г. М., 1995; т. 2. Д-Крошки. М., 1999); в этом же «масштабе» выполнено большинство работ, опубликованных в серийном издании «Славянский и балканский фольклор» (вып. 2-8, М., 1978-2000), в тематических сборниках («Символический язык традиционной культуры». М., 1993; «Концепт движения в языке и культуре». М., 1996; «Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян». М., 1999 и др.); общеславянский характер по охвату материала и проблематике носят монографии А. В. Гуры (1997), Л. Н. Виноградовой (2000), О. В. Беловой (2000), Т. А. Агапкиной (2000) и многие другие публикации коллектива, работающего над словарем «Славянские древности».

Этнолингвистическое изучение Полесья, включающее интенсивную и систематическую полевую работу в 70-е и 80-е годы, было подчинено задаче создания атласа духовной культуры Полесья (подробнее см.: [Толстой 1995; Толстая 1996]). Хотя полевое обследование Полесья по программе атласа не было завершено из-за Чернобыльской катастрофы 1986 г., полесские исследования продолжают по нескольким направлениям: 1) осуществляется компьютерная обработка материалов Полесского архива с помощью специально составленной базы данных; первые результаты этой работы получили отражение в серии словарей, публикуемых в настоящем сборнике; 2) издаются материалы Полесского архива в виде тематических подборок, например, по народной демонологии [Виноградова 2000: 363-398], тематических этнолингвистических словарей [Гура 1984-1995; Толстая 1984-1995], сборников текстов (готовится к печати сборник полесских заговоров); 3) продолжают опыты картографирования полесских языковых и этнокультурных явлений (см.: [СБФ 1986, СБФ 1995]); 4) наконец, полесский материал не только широко используется в исследованиях общеславянского масштаба (прежде всего в словаре «Славянские древности»), но он часто оказывается важнейшим звеном се-

мантических реконструкций и основой интерпретации общеславянских данных.

Опыт полевой и исследовательской работы в Полесье получил продолжение в этнолингвистическом изучении других славянских ареалов, прежде всего восточнославянских. Участники полесских экспедиций работали на Карпатах (см. подробнее: [Бушкевич, Николаев, Толстая 1994]) и в некоторых районах Русского Севера. Эти экспедиции не были организованы столь систематически, как полесские, и носили по началу скорее эпизодический характер. В них применялись тематические программы-вопросники, созданные для Полесья, которые оказались при незначительной модификации применительно к региональным условиям вполне эффективными. Со временем этнолингвистическое изучение Русского Севера, осуществляемое под руководством А. Б. Мороза (бывшего активного участника полесских экспедиций) студентами и аспирантами Российского государственного гуманитарного университета, приобрело планомерный характер: объектом постоянной полевой работы стал Каргопольский район Архангельской области, создается солидный архив экспедиционных записей в рукописной и компьютерной версиях, публикуются хроники и отдельные материалы экспедиций (главным образом в журнале «Живая старина»). В этих экспедициях принимают участие и представители Института славяноведения: Е. Е. Левкиевская и аспирантка Л. Р. Хафизова. В настоящем сборнике севернорусской традиции посвящены статьи А. Б. Мороза (РГГУ), Е. Е. Левкиевской и А. А. Плотниковой (Институт славяноведения), а также Ж. Корминой и С. Штыркова, представляющих Европейский университет Санкт-Петербурга. Изучением традиционной духовной культуры Русского Севера занимаются и многие другие научные центры Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Екатеринбурга и др.

Значительно менее изученной остается южнорусская традиция, хотя в последние годы интересные полевые и исследовательские работы ведутся во многих регионах центральных и южных областей России учеными Курска, Орла, Тамбова, Ростова-на-Дону, Краснодара и др. В этом сборнике южнорусский материал присутствует только в одной публикации — в статье Н. Богатырь из Краснодара.

Таким образом, в сборнике представлены, хотя и весьма неравномерно, разные регионы восточнославянского этнокультурного пространства (Полесье, Русский Север, южная Россия, Карпаты), т. е. так или иначе в нем выдержан «средний» мас-

штаб — восточнославянская рамка рассмотрения языковых, этнографических и фольклорных фактов. Главное место и по числу, и по объему, и по основательности разработки занимают полесские материалы. К ним относятся прежде всего оформленные в виде серии этнолингвистических словарей работы Т. А. Агапкиной, М. М. Валенцовой, Е. Е. Левкиевской и А. А. Плотниковой. Полесской традиции посвящены также статьи Л. Н. Виноградовой, Г. И. Кабаковой, С. М. Толстой, причем в первых двух из них полесский материал рассматривается на широком восточнославянском и общеславянском фоне. В статье А. В. Гуры освещается этнокультурная ситуация полесско-восточнопольского (подляшского) пограничья.

В тематическом отношении сборник отражает традиционную культуру весьма широко: исследуется терминология и символика семейных обрядов — свадебного, родинного и погребального, народной мифологии и демонологии, народной астрономии и метеорологии, обрядов и представлений, связанных с хлебом, ткачеством, пастушеством и уходом за скотом, со строительством и устройством дома и др.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Агапкина 2000 — *Агапкина Т. А.* Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М., 2000.
- Белова 2000 — *Белова О. В.* Славянский бестиарий. М., 2000.
- Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 — *Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М.* Этнолингвистические экспедиции в украинские Карпаты // Славяноведение. 1994. № 3. С. 62–83.
- Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М., 2000.
- Гура 1984–1995 — *Гура А. В.* Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь) // СБЯ 1984. С. 137–177; СБФ 1986. С. 144–177; СБФ 1995. С. 318–334.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
- СБФ — Славянский и балканский фольклор. М.
- СБЯ — Славянское и балканское языкознание. М.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994) // СБФ 1995. С. 5–18.
- Толстая 1984–1995 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю // СБЯ 1984. С. 178–200; СБЯ 1986. С. 98–131; СБФ 1986. С. 178–242; СБФ 1995. С. 251–317.
- Толстая 1996 — *Толстая С. М.* Этнолингвистическое изучение Полесья. Состояние и перспективы // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996. С. 47–54.

Л. Н. Виноградова

ПОЛЕССКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ НА ФОНЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДАННЫХ

Результатом многолетних этнолингвистических экспедиций в Полесье, проводимых в 60–80-х годах по инициативе и под руководством Н. И. Толстого, явился богатейший архив полевых материалов, на основе которых специалисты могут не только детально (с привлечением многовариантных данных) проанализировать отдельные обряды, поверья, фольклорные тексты, но и увидеть в этом многообразии фактов единую систему, осмыслить значение этого уникального региона для изучения славянских древностей, для реконструкции праславянских форм духовной традиционной культуры. Исследования последних лет подтвердили, что Полесье можно признать своеобразным «заповедником языковой и духовной культуры, сохранившим множество ценных фактов устной живой старины». [ПЭС: 9]. Среди разных тематических блоков и фрагментов полесской духовной культуры неплохой степенью изученности в настоящее время характеризуется сфера народной демонологии¹. Это создает условия для нового этапа осмысления всего комплекса демонологических поверий этого региона как единой системы, а не только как списка конкретных мифологических персонажей.

Ситуация в этой сфере оказывается для специалистов в значительной мере неожиданной и не вполне ясной. Учитывая общие особенности Полесья как региона, сохраняющего чрезвычайную архаику в языковом и этнокультурном отношении (позволяющую в ряде случаев установить сходжение фактов не только на общеславянском, но и на индоевропейском уровне), можно было бы ожидать хорошей сохранности такого значимого фрагмента традиционной «картины мира», каким является комплекс представлений о нечистой силе. Между тем, из специальной литературы известно следующее сообщение польского этнографа К. Мошиньского, обследовавшего в 20-е гг. нынешнего века районы Центрального и Восточного Полесья: «В отношении полесской демонологии можно отметить поразительную вещь: необычную и

просто вызывающую изумление скупость демонологических поверий и ничтожное количество мифологических персонажей» [Moszyński 1967: 702]. Слабо представлены, по заключению Мошиньского, поверья о ведьмах, колдунах, русалках; совершенно размыты, неясно выражены, противоречивы свидетельства о домовых, леших, водяных, полевиках; вовсе нет данных о планетниках, зморах, вампирах, змее-обогащительнице, краснолюдках и т. п. Практически вся полесская демонология сводится к поверьям о ходячих покойниках и разного рода чертах [там же].

В ходе дальнейшего сбора материала и более тщательного массового обследования разных областей полесской зоны к настоящему времени накоплен достаточно репрезентативный материал, который позволяет оценить действительное состояние демонологической традиции этого региона. Приходится признать, что в самых общих чертах данные Полесского Архива (ПА) подтверждают предварительные наблюдения К. Мошиньского, касавшиеся необычно скромного состава персонажных типов полесской демонологии. Действительно, на вопросы анкеты, какие духи обитают в лесу, в воде, в поле, работавшие в экспедиции собиратели часто получали ответы следующего типа: «Ў лисе, ў води, ў лози — чорт» (Ласицк); «В лесу сатана водить, злый дух, незвидимая сила» (Засимы); «Ў лесу незчыста сила — выхор» (там же); «В лесу е нечистый и в воде е нечистая сила» (Красностав). Показательны также зафиксированные в полевых материалах личные комментарии собирателей, работавших по программе «Народная демонология»: «Специального названия для лесного и водяного персонажа нет» (Дяковичи); «О лешем и водяном ничего не известно» (Дягова); «Особых названий для нечистой силы, живущей в лесу, воде, поле, появляющейся в полдень, полночь, — нет» (Копачи); «Водяного, полевого духа не знают» (Журба); «Водяные, полевые мифологические персонажи не известны, в воде есть черти» (Комаровичи); «В селе нет четкого разграничения мифологических персонажей: в одном тексте может упоминаться один и тот же персонаж то под именем домового, то ведьмы, то русалки, то черта» (Челхов); «Ничего не известно о лесных, водяных, полевых духах; о появляющихся в полдень — тоже (массовые отрицательные ответы)» (Ополь); «Спецификации нечистой силы по локусам типа „леший“, „водяной“, „полевик“ — нет» (Красностав). Сходного типа сведения записаны также в селах: Олтуш, Чудель, Барбаров, Ветлы, Радчицк, Кривляны, Онискови-

чи, Ст. Яриловичи, Ст. Боровичи и др. Ср. также опубликованные данные, полученные на основе опроса по «Программе Полесского этнолингвистического Атласа» в с. Симоновичи: <о лешем и водяном> «Гэто в Російі звали» [Климчук 1995: 364].

Вместе с тем, странным кажется замечание К. Мошиньского о якобы слабой разработанности в Полесье поверий о ведьме. На самом деле, по материалам Полесского архива, класс полудемонических женских существ вполне определенно и последовательно представлен здесь именно образом ведьмы, причисляемой скорее к категории «знающих» людей, чем к нечистой силе. Вариантами названий этого персонажа в Полесье выступают (наряду с преобладающим термином *ведьма, ведьмарка*) определения, сближающие ее с колдуньей и знахаркой: *варожка, шэптуха, знахорка, калдоўка, чаровница, «тая, што знае»*. При весьма скудных данных о признаках внешнего вида и генезисе, подробно разработан мотив оборотничества полесской ведьмы, способной принимать вид: чаще всего — жабы, кошки, собаки, свиньи (иногда — коня, коровы, мыши, волчицы, змеи); реже — птицы (вороны, гуся, утки, аиста); сравнительно часто — предмета (колеса, обруча, решета, корзины, клубка ниток, стога сена, куста, ветки, палки). Не было, пожалуй, ни одного села, где бы собиратели не записали варианта самых популярных в Полесье быличек о том, как в Купальскую ночь некто обнаруживает жабу (или другое животное) у себя во дворе или в хлеву возле коровы и калечит ее (отсекает лапу, выкалывает глаз), а утром односельчане распознают по характерному увечью «ведьмарствующую» особу.

Из числа злокозненных действий полесской ведьмы на первое место, безусловно, выступает функция отбирания молока у коров: с этой целью она собирает росу на меже, пастбище, волоча по траве полотно, сорочку, фартук, затем выжимает ткань и поит такой водой свою корову или вешает предмет, которым собирала росу, — и дома с него непрестанно течет молоко. Кроме того, ведьма магическим способом может отобрать у соседей все виды добра, достатка, удачи. С этой целью она завязывает *завитки* в злаковом поле, после чего урожай хлеба переносится в закрома ведьме. Таким же способом она насылает порчу, болезни и гибель на хозяев поля. Вообще способность сглазить, навредить, испортить, причинить ущерб своим соседям — одна из наиболее типичных примет этого персонажа в полесских представлениях. Реже упоминаются такие ее свойства, как умение управлять

природными стихиями (насылать или задерживать дождь, создавать бурю, вихри); превращать человека в животное, заколдовать его на определенное время; ездить верхом на человеке в ночное время и ряд др.

Одной из важнейших примет этого персонажа у восточных славян является мотив полетов ведьмы на общие сборища нечистой силы, устраиваемые в купальскую или юрьевскую ночь на перекрестках дорог, на межах, на высоких деревьях, на горах. Среди других мотивов популярны в Полесье следующие: распознавание ведьмы односельчанами с помощью особых магических приемов (например, во время церковной службы или в ночь накануне Ивана Купалы); трудная смерть женщины-ведьмы в случае, если она не сумела перед смертью передать другому человеку «своего духа» (т. е. сидящего в ней нечистого); отделение от тела спящей ведьмы ее демонической души, которая в ночное время летает, чтобы вредить людям (мотив, подтверждающий признак двоедушия ведьмы) и некоторые другие (см. подробнее: [Виноградова 1992: 61–64]).

В тех районах, где работал К. Мошинский (Центральное Полесье и Гомельщина), активность бытования поверий о ведьме несколько не слабее, чем в соседних зонах, однако сведения об этом персонаже легче получить от жителей, если расспрашивать о комплексе купальских обрядов и поверий, чем в составе вопросов о нечистой силе. Может быть, эта специфика (календарная закреплённость поверий о ведьме) затруднила для польского этнографа доступ к нужной информации.

Нечто подобное происходит и с полесскими верованиями о русалке. В свое время мне пришлось довольно подробно проанализировать все имевшиеся к 1985 году сведения Полесского Архива о русалках (к тому времени было обследовано более ста сел из разных областей Полесья). В результате картографирования таких поверий была отмечена следующая ситуация: «Поверья о русалках распространены на территории Полесья таким образом, что в зоне бытования обряда „проводов русалки“ (Восточное Полесье) сильно ослаблен комплекс традиционных поверий о русалках. Наша экспедиционная практика показала, что в районах Гомельско-Брянско-Житомирского пограничья иногда довольно трудно получить ответы на вопросы о самых популярных народных представлениях (кто становился русалками, как они выглядели, когда и где появлялись, куда исчезали, чем были опасны и пр.), так как все эти обычные для других зон характеристики замещались

описанием ряженой „русалки“ и подробностями, характерными для обряда „проводов“» [Виноградова 1986: 90]. Такая особенность бытования рассказов о русалках в этом регионе отчетливо видна на опубликованных мною картах, показывающих, что «русалочки» поверья фиксируются преимущественно в зоне западного и частично центрального Полесья, а «русалочки» обряды («проводы русалки») — в восточных районах [там же: 134–135]. Быть может, именно по этой причине Мошиньскому не удалось получить массовых свидетельств о русалках в Полесье.

Обширная выборка из Полесского Архива экспедиционных материалов о русалках в настоящее время опубликована мной в качестве приложения к книге «Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян» [Виноградова 2000], поэтому здесь отметим только то, что вообще почти вся сфера женской демонологии представлена в Полесье образами ведьмы (объединяющей в себе комплекс поверий о реальных женщинах, наделенных неким сверхзнанием, т. е. это и колдуньи, и знахарки, и шептухи, и повитухи, и другие «знающие» специалистки) и русалки — мифического женского существа, в наборе признаков которого отмечаются как черты «заложных» покойников (умерших в молодом возрасте), появляющихся на земле на Русальной неделе в виде молодых красивых девушек, так и некоторые признаки, характерные для «житной бабы» (старая, страшная, с железной грудью, сидящая в жите); для «полудницы» (вредит жнецам, работающим в полдень); для женского персонажа, напоминающего «лобасту» (баба с огромными, перекинутыми на спину грудями, подменяющая детей); для «водянихи» (топит в воде или расчесывает волосы возле водоема) и т. п.

Дополняют эту систему женских мифологических персонажей не столь популярные и не имеющие такого определенного набора устойчивых признаков (как это отмечалось для ведьмы и русалки) образы, встречающиеся в поверьях о духах болезни или смерти, о «полуднице», «бессоннице», «ночнице», «полуночнице», «полевой хозяйке», «лесной бабе» и др.

Во многих случаях не различаются (т. е. характеризуются одними и теми же мотивами) образы персонифицированной Смерти и моровой (повальной) болезни: и та, и другая обычно изображаются как женская фигура в белом или черном одеянии; их общим отличительным признаком являются «коровьи ноги»; для них обеих характерен мотив о том, что Смерть (или болезнь) щадит человека, оказавшего ей опреде-

ленную услугу. Например, человек поздно вечером возвращается домой, видит на дороге женскую фигуру в белом; кони встают, как вкопанные, стронуть их с места не удастся до тех пор, пока извозчик не берет бабу в повозку; привозит ее к своему дому; баба молча залазит на печь... «Баба ўлезла на печ, то ў ей оказались товáрочьи ноги. Жынка вискочыла да кажэ: „Шо ты привез?“ Он ка: „Ну, моўчы“. Жынка ему подала вечерать, а он кажэ: „Налей и той бабы“. Та подала на пич бабе <...> Ну, лягають спать, а та баба до пивню сидела на печи. И перед пивнями она злазыт да ўжэ йдэ да и кажэ: „Нэ бойтэсь, вам ничого не будэ“. Она и пошла по селу, и де прийшла, то худоба ў сели ўся пала, а у деда не пала. Цэ смерть така, хвороба ходыть» (Журба). В других вариантах этого мотива Смерть в виде молодой девушки просит рыбака перевезти ее на другой берег реки; тот перевозит и видит ее «коровичьи ноги». Смерть говорит: «Я не заплачу вам, але я вам у вэликой пригоди стану. Зачиняйте вси ваши сараи». Придя домой, мужик закрыл все двери и ворота во дворе, а на другое утро стало известно, что в селе пал весь скот, а у него остался жив (Вышевичи).

В быличках Гомельского Полесья Смерть встречается вознице в виде голой женщины, которая просит достать ей какое-нибудь платье; возница привозит ей новое платье, «дак яна, Смерть, уже стала маладых брать: „Як дали бы мне старое платье, я б старых брала, а як новое дали, дак маладых бяру“» (Жаховичи). В поверьях Брестской обл. Смерть часто изображается как девушка-невеста: в белом наряде и с венком на голове. Вообще такие признаки, как: *женский, высокий, длинный, холодный, худой, костлявый, бледный, белый, черный*, — оказываются ведущими для полесских характеристик, относящихся к образам Смерти и болезни. Ср. следующие свидетельства: «Смерть — это дзеўка ў белым платти, бела женшчына, длинна, худая, пальцы халодны, длинны» (Гортоль); «Смерть ў билом платьи, висока, худая, скачет по хати» (Комаровичи); «Було раз перед Паскою. Я пошла в магазин. И гэто заходыло сонце як раз. Вижу, напротыв тэ цэрквы такая пани иде: висока-высока и в усем белому, а туфельки на ёй черны <...> Я испугалась, в магазин вскочыла. Уже й не бачыла, де вона подилася, но гэто необычны чело-вик, гэто якоесь видение йшло. Длинная, тоненька-тоненька такая и в усем белому» (Кривляны). Атрибутом Смерти часто выступают острые режущие орудия: коса, серп, пила, нож и т. п.:

«Смерть иде, и пила на ней, и коса на ней. А я ее пытаю: „Жэншына, чы ты плотником — и коса на тебе, и пила на тебе?“ А она: „Я, кажэть, Смерть. Хто скоро умирае, того я косою, а хто долго конае, того я пилой“» (Челхов); «Смерть — така баба стара, сама как скелет, и с косою такой» (Дягова).

Представления о Смерти в женском облике совмещаются в Полесье с поверьями о ее зооморфной ипостаси: Смерть ходит по селу в виде свиньи, черного кота. Кроме того, она — судя по рассказам очевидцев, движется в виде копны сена: «Суецца такая сеняна копа великая. Высока, тонка, вострая, што о так-во суецца сама! Там жил пан, у него умирали дети. По того пана йшла смерть — сеняна копа» (Стодоличи). К числу редких относятся представления о Смерти в облике блуждающих огней: «Смерть як огники маленькие. Я раз бачу ввечери огнёчек, огника. Мне мати каже: „Не ходы, то смерть“» (Рясное).

Широкой популярностью в Житомирском Полесье пользуется сюжет о попытке человека обмануть Смерть: при приближении смерти человек ложится в кровати ногами в изголовье, и пришедшая за ним Смерть, не узнав свою жертву, уходит; при повторной попытке избежать кончины он слышит от пришедшей Смерти роковую фразу: «Крути не крути, а трэба ўмерти!».

Практически не известны в полесском регионе поверья о полуднице. Упоминание в быличках имени *полудница* носит единичный характер, однако основные мотивы, характеризующие этот персонаж (появление в полдень в злаковом поле или на сенокосе, преследование людей, работающих в полуденное время или спящих на меже) достаточно хорошо известны в демонологической системе этого региона и соотносятся с группой персонажей, именуемых *полевая хозяйка*, *полудённый бес*, *межник*, *полевик* и т. п. В Брестской обл. был записан рассказ о том, как человек на сенокосе лег отдыхать в полдень, заснул «и тры дня быў обмёрши, видел все, як на том свете; но ничего не розказаў, бо нэ можна; всё ему показалось от полудницы» (Оздамичи). Функция контроля за поведением работающих в поле людей часто приписывается неким мифическим существам, не наделенным индивидуальным именем: «Пошлы жыта жати. Выйшла диўка на самы полудень. Косы распушчаны, платье голубовое. Ходыла, ходыла — и зникла» (Спорово). Кое-где *полуднице* приписывается свойство (более типичное для лесных духов) «водить», т. е. сбивать с пути человека, оказавшегося в полдень в лесу (Червона Волока).

Весьма подробно разработана в полесских верованиях демонология, связанная со сферой ткачества. Среди персонажей, контролирующих соблюдение запретов прясть, сновать, ткать во внеурочное время, чаще всего упоминаются образы народного культа святых (олицетворения конкретных календарных праздников) и персонифицированных дней недели, когда женщинам по обычаю следовало воздерживаться от прядильно-ткаческих работ. Согласно мотивировкам подобных запретов, поверьям и быличкам, пугают по ночам, упрекают, угрожают и наказывают за работу в неположенное время такие женские мифические существа, как: *Пятница*, *Сэрэда*, *Нэдиля* (т. е. воскресенье), *свята Варвара* (4/17.XII), *Евдокия* (1/14.III), *свята Прэчыста* (8/21.IX); другие персонажи, названия которых соотносятся с народными праздниками: *Чудо* (6/19.IX), *Тэлы Ляксий* (17/30.III); духи-опекуны: «деды», души умерших, домовик; а также образы неясного персонажного статуса: *полноч*, *ночница*, *доля*, *верыцённица*, *лякачка* и ряд др. Ср. следующие сообщения: «В пятницу нельзя прясть, потому что Пятница — женщина, обскубливаешь ее, волосы ей выдираешь» (Хоробичи); «Як пятница, а я лён сушу, треплю у пятницу, дак ноччу приходить у хату женшчына, до мене иде... давит меня, женшчына така страшэнна, давит и давит. Дак [с тех пор] николи не пряла и не рабила в пятницу» (Ст. Боровичи); «На Варвару нэ можна сновати. Варвара свята, и она покарае. У нэй вэрэтена ў грудех, а йих видно...» (Хотишов).

В текстах подобного типа приходящие ночью под окно мифические существа укоряют нарушителей запрета, показывают им свои раны и уколы от веретен, требуют прекратить ткать, угрожают задушить, «сжечь на пузе» всю пряжу, либо — наоборот — сами садятся за ткацкий станок, ткуют или прядут по ночам; проверяют, много ли хозяйка напярала; бросают ей в окно 7–9 веретен и приказывают в короткое время напярять очень много пряжи, иначе пряхе грозит смерть. Популярны также в Полесье рассказы о том, как баба взялась ткать в один из праздников (например, в день св. Алексея) и на замечание соседки, что нынче большой праздник, отвечает: «не такой уж большой»; ночью перед ней появляется высокий, под самый потолок, грозный мужик и говорит: «Бачыш, яки я вэлики, а ты казала, шо я малы!» Баба злякалася... (Чудель). (См. подробнее: [Павлова 1982; Павлова 1985; Владимирская 1983: 225–246].)

Этими персонажными типами не исчерпывается женская демонология Полесья: функции пугания, преследования, появления в полдень или полночь, похищения детей, вредоносного воздействия на рожениц и грудных младенцев, предопределения судьбы для новорожденного и др. часто приписываются мифологическим персонажам, не имеющим устойчивого имени, которые определяются терминами, характерными для всей нечистой силы в целом: *нядуга, оно, зализна баба, ляквчка, нйшчо, нэлюдске* и т. п. В такой же роли безыменных женских духов выступают души умерших родственниц, баб-повитух, знахарок; матерей, навещающих с того света своих оставшихся сиротами детей; не вступивших в брак умерших дочерей, приходящих к своим родителям. Лишены определенных демонологических характеристик персонажи, которыми запугивали детей: *баба Яга, лисовая баба, житня баба, баба з залезными зубами, железнячка, колодезный дид, ляк, нимка, полевая хозяйка* и др.

Широко распространены в Полесье (и это было отмечено К. Мошинским) поверья о духах, происхождение которых связано с умершими некрещеными детьми, хотя они так и не получили в данной демонологической системе (в отличие от «низшей» мифологии западных и южных славян) достаточно ясного персонажного статуса и продолжали осмысляться именно как души умерших. Причиной превращения умерших младенцев (не только некрещеных, но и мертворожденных, нечаянно задушенных спящей матерью, умышленно умерщвленных внебрачных) во вредоносных, незримых, летающих по ночам духов считалась — как и в случае с другими «заложными» покойниками — невозможность их душам перейти в загробный мир; умерший младенец «блудить буде, бо уже нема ему дорожки» на «тот свет» [Moszyński 1928: 169]. Устойчивым признаком, характеризующим эти персонажи, является их акустическое поведение: детский плач, жалобный голос, птичьи крики. Ср. следующее волынское свидетельство: «Кажуть, шо на Ивана Купалу <...> можно почути голоса цих детей. Якшо почуеш, ну, таки плачуци, крачащи голоса, то траба, значит, сказати: „Хрещу тебя во имя отца и сына Иван да Марья!“ И почуеш смих, значит, ты охрестила нэхрещчону дитину, — то колись так люди говорили... У нас шчытаецца про тэ диты: нэхришчэни диты не йдуть в рай <...> Кажуть, што помэрла дитина малэсэнька, шо вона зразу ангелом, а у нас скажуть — не! Ходить по болотах, по лесах, типа беспризорние» (Речица, из личного архива Г. И. Кабаковой, зап. 1997 года).

Считалось, что подобные звуки, свидетельствующие о присутствии поблизости духов некрещеных детей, люди могли услышать в вечернее или ночное время вне дома (на дороге, на перекрестках, в лесу, возле кладбища и т. п.); реже сообщалось, что детский плач слышался и в хате: «Плакало диця ў хаце, некрещчоное. Один чоловік говорить: „Як пан, то Иван, як панна, то Анна!“. Оно и перестало, — то по имени плакало» (Оздамичи). Для западного Полесья характерна традиция называть духов умерших некрещеных младенцев именами перволюдей: Адамом и Евой: «Вот ходылы мы у Пружаны. Ишли ў дванадцать часоў. Пэрэходят гэти, котори нэхришчени дети, плачут, значит, я уже назвала по имени: если мальчик, назвала Адамом, если девочка — Евою. Вони плакалы, вони хрэста просылы» (Кривляны). В этом же регионе (зап. Полесье) широко распространено верование, что падающие звезды — это души умерших некрещеных детей, которым надо дать имя (подробнее об этом см.: [Кабакова 1994: 315]).

В Полесье (как и в других славянских регионах) весьма популярны поверья о том, что нечистая сила стремится похитить у роженицы новорожденного ребенка, однако данные о подмене шах, т. е. младенцах, подмененных демонами, здесь единичны (встречаются преимущественно в западноукраинских областях). Ср., например, волынские свидетельства: «В четверг не можно быты дэтыну и выкэдаты за дверь. В четверг по вэчэри нельзя. Бо тильки набьэтэ дэтыну и выкинэтэ за двэры, — то зара нэчыстый дух забэрэ и вам подкыне таково, шчо вин будэ йисты, багато будэ йисты и тилько будэ голова расты, а ногы и рукы будэ такы тонэньки-тонэньки. И вин там усё время ни ходыты нэ будэ, ни шчо» (Уховецк).

К категории духов, вредящих новорожденным, относятся в Полесье (помимо чертей и русалок) *ночницы*, *криксы*, *плаксы*, насылающие бессонницу и ночной плач. Если младенец по ночам беспрестанно плакал, то причину этого видели в том, что на ребенка «начницы напали», «крыкса прыстала», «начницы ходють в доме». В лечебных заговорах с просьбой оставить ребенка в покое обращались к *ночницам-сестрицам*, *криксам-плаксам*, *лесным бабам* и к др. персонажам (см. подробнее: [Виноградова 1983: 100–103; Виноградова 1993: 153–163]).

Таким образом, в полесских демонологических поверьях фиксируется достаточно полный (из числа наиболее популярных в восточнославянской традиции) состав демонологических мотивов и характеристик, приписываемых женским мифи-

ческим существам, в то время, как персонажный ряд разработан в этой системе довольно слабо и представлен лишь несколькими более или менее определенными образами (ведьма, русалка, Пятница, Смерть и некоторые др.).

Похожая ситуация отмечается и в системе мужских демонологических персонажей. Хотя в полесской мифологической лексике фиксируются такие общеизвестные для восточнославянской традиции термины, как: *домовик*, *водяник* (*водяный*), *лесовик* (*лясун*), *мѣжник*, *полѣвык*, *полудѣнник*, *вовкулак* (*вовкулака*), *колдун* (*ведьмак*, *знахѣр*) и некоторые другие, однако обозначаемые ими образы в большинстве своем имеют весьма неопределенный, размытый персонажный статус. Пожалуй, только колдун и вовкулак обладают более или менее устойчивыми индивидуальными, присущими только им, признаками. Остальные образы характеризуются в обобщенной форме как нечистая сила, отличающаяся друг от друга лишь местом своего пребывания или временем появления.

В отношении комплекса представлений о колдуне Полесье входит в зону восточнославянской традиции (украинско-белорусское пограничье и южнорусские области), где образы колдуна и ведьмы сближены по основным функциям. Полесский колдун (подобно ведьме) совмещает в себе признаки реального живущего в селе конкретного человека и вредоносного существа, наделенного особым сверхзнанием: он способен превратить участников свадьбы в волков, вызвать непогоду, наслать болезни, напустить змей и насекомых на дом недруга, испортить людей и скот, но вместе с тем, он же приходит на помощь, когда к нему обращаются с просьбой найти пропавший скот, снять порчу, разогнать градовые тучи, обезвредить «залом», вылечить и предсказать будущее и т. п.

Исключительно популярны в этой зоне рассказы о трудной смерти колдуна, телом которого в момент смерти завладевает черт; это удается увидеть (с помощью особых магических приемов) сыну колдуна; он велит домочадцам нагреть воды и — к великому их изумлению — льет кипяток на тело отца, изгоняя тем самым из него злого духа (варианты таких быличек фиксировались в разных полесских областях, например, в селах — Дягова, Ласицк, Золотуха, Замошье, Нобель, Ветлы и в др.).

Терминологически этот тип персонажа определяется в Полесье как: *колдун*, *коўдунник*, *видьмак*, *чародѣй*, *чмухѣр*, *знахѣр*, *шэптун*, *чорнокнѣжник*, *волошѣбнык*, *лукава людына* и т. п. Тенденция различать «колдуна» как существо, наносящее вред,

и «знахаря» как человека, помогающего людям, снимающего порчу, — отмечается не повсеместно и выглядит весьма противоречиво: «Знахарь — той, што чэртоў знае; чародеи чары знали, на вред робили; шэптун, шэптуха одробляли уроки» (Ветлы); «Знахур — это колдун. Он лечыт — прыговбрыт <...> Многие идут до колдунов, они вылечивают» (Олтуш); «Шаптухи з божьей молитвою лечыли, а знахоры — занималися з нечыстою силою. Ведьмарыть — то на зло робить, а шэптать — то помогае шчо-нибудь» (Верх. Теребежов).

Интересно, что к категории колдунов в Полесье часто относили музыкантов. На вопрос, кто такой колдун, этнографы часто получали ответ: «Коўдунник — то музыкант, играе на гармошке» (Мокраны); «Обычно в музыкантах <бывают> чародеи» (Засимы). Преимущественно для западнополесских поверий характерна связь колдунов с атмосферными явлениями: считалось, что при приближении градовой тучи колдуны могут «збалакаты <т. е. заговорить> хмары — и воны на дві концы разбйдуться» (Вышевичи); «Колдуны могли хмару завэртаты чы насылаты. Як нэдобра хмара йде, то завэрнэ» (Красностав). Этот мотив в целом не является типичным для восточнославянского комплекса поверий о колдуне, но хорошо представлен в карпатской демонологии.

Редко встречаются в Полесье мотивы о противоборстве двух колдунов, демонстрирующих друг перед другом свою колдовскую силу, которые типичны для севернорусской традиции (см. общеславянские сведения о колдуне: [СД 1999: 528–534]).

Достаточно полно и многообразно (по сравнению с общей восточнославянской традицией) представлены в Полесье поверья и былички о вовкулаке. Они тесно смыкаются с характеристиками, относящимися к колдунам и другим «знающим людям», так как именно колдуны, ведьмы и другие «знахари» способны, как считалось, превратить человека в волка-оборотня, называемого *вовкулака*, *вовколак*, *вовкун*, *воўчар* и т. п. Это делалось, как правило, в отместку за нанесенную обиду или неблагоприятные поступки: например, обиженный непочтительным к нему отношением колдун превращает участников свадьбы в волков; мать девушки, которую бросил парень, женившись на другой, оборачивает неверного жениха в волка; так же поступает теща по отношению к зятю, который плохо обращается со своей женой, или мачеха по отношению к нелюбимому пасынку; если не воздержанные на язык родители проклинают своего сына, то он тоже становится вовкулаком:

«Казали, шо такие люди були, — от хто на кого злы, на того тако зробиць, шо тэй ходить вулкулакай» (Выступовичи); «Колдунови як нэ догодять, то всэ весилля поробыцця вовкамы» (Красностав); «Теща поругалась з зятем, а вона ведьма була: „Я тебе устрою...“ и зделала ево волком, у кожи волчьей, а ум, сэрцэ чловеचे, вовкулак, называли» (Муховец); «Тёшча пустила зятя волком, бо бил дочку...» (Ветлы).

Однако волк-оборотень — это не только жертва колдовства со стороны *знающих*, но и результат самопревращения самих колдунов: «Волкулаки — цэ якісь ведьмари. Чоловик скидаеця волком, он вельми врэды, людям робить шкоду. В ночи ходить волком, в якісь празник скидаеця волком» (Тхорин). Еще одной причиной, по которой человек в особое, «урочное», время мог стать (не по своей воле) волкулаком, является греховное поведение родителей: «Як жинка живе з чоловіком напроціў великого празьника, то дитя родицца калечно, воўколаком воно родицца» (Вышевичи); «Маты робила на празник, дак сын родился ў нее и стал волкулаком» (там же); «Шось та мати прогрэшила, дак сын перекидаецца воўком, душит кобыл» (Боровое).

В полесских поверьях этого типа наиболее популярны сюжеты о превращении свадьбы в волков; о «заклятии» человека, превращенного в волка, на определенный срок; о способах распознавания в волке человека-оборотня и о снятии с него «заклятия». Широко известны также рассказы о том, что волкулак не может есть вместе с другими волками сырого мяса; избегает контактов с лесными зверями; отличается от них тем, что имеет человеческую тень и плачет человеческими слезами; приходит к людям в расчете на помощь в расколдовывании и т. п. Значительно реже фиксируется в этой традиции сюжет — подробно разработанный в украинской и польской мифологии — о том, как муж-волкулак оборачивается волком и нападает на свою жену, которая вслед за тем опознает в муже нападавшего на нее оборотня.

Иная ситуация складывается в системе представлений о мифических «хозяевах» определенных локусов — о домовых, водяных, лесных, полевых, болотных духах. Особенностью этих персонажей является их слабая выделенность в общей демонологической системе, размытость границ между персонажными группами (ср. выражение *полевый домовик*, *хатние домовики*), смешение с образом «черта», с духами умерших, с «ходячими» покойниками. Создается впечатление,

что под разными именами проступают контуры одного персонажа, который может называться *домовиком*, если действует в пространстве дома, а встреченный в лесу, поле, у воды — именуется соответственно *лесовиком*, *полевиком*, *водяным* и т. п. Такой обобщающей фигурой, перекрывающей почти все многообразие мужских демонических образов, является в Полесье черт как главное воплощение всей (и персонажно оформленной, и абстрактной) нечистой силы.

В свое время К. Мошинский, отметив убожество списка мифологических персонажей полесской демонологии, далее писал: «Есть, однако, в поверьях Полесья исключительно популярные (разрядка моя. — Л. В.) образы, представляющие собой (в зависимости от места своего обитания) класс вездесущих духов, о которых бесконечное число раз упоминают полешуки в своих повседневных разговорах, рассказах, проклятиях. Эти существа — черти: болотные, водяные, лозовые и т. п.» [Moszyński 1967: 702].

Таким образом, по полесским верованиям, вездесущие черти населяют все природное пространство вокруг человека (прежде всего, водоемы и лес), обитают в растениях (прибрежной лозе, вербе), пребывают в вихре и сами являются его причиной, проникают в дома и во все строения и т. п. Слово *черт* в Полесье может обозначать и более или менее определенный конкретный мужской персонаж, и в то же время иметь отношение к любому узкоспециализированному персонажу нечистой силы. Ср., например, такие свидетельства: «Лешак — тот самый чорт» (Ветлы); «Лесовик — то ето одно, анцыхристы, чэрты» (Замощье); «Домовик — цэ у нас так понимают, шчо то... ну, чорт — то, кажуть, домовик» (Онисковичи); «В рэка — нэчысты, чорт» (Заболотье).

Соответственно, для многих локальных и темпоральных духов характерны составные наименования со словами *черт*, *бес*: *чорт водяный*, *чорт-домовик*, *вихравый чорт*, *лозовый чорт*, *болотный чэртяка*, *лясавой бес*, *пивдэнный чорт*, *полуденный бес* и под. Показательно также использование однотипной лексики по отношению как к локальным духам, так и к черту, и к разного рода привидениям, духам умерших. Так, например, среди названий «водяного» часто встречаются следующие: *нечысты дух*, *нечыстая сила*, *сатана*, *чорт*, *лихое*, *лихий дух*, *лукавый*, *лукавец*, *нелюцкы*, *ничёгое* [Левкиевская, Усачева, 1995: 156–157]. Интересно при этом, что — по наблюдениям исследователей — во многих обследованных пунктах

Полесья лексемы подобного типа зафиксированы в качестве единственного названия для «водяного» [там же: 157].

Таким же образом по отношению к персонажу, носящему имя *домовик*, часто (особенно в западном Полесье) использовались названия, характерные для нечистой силы в целом: *сатана*, *лукавы*, *злой дух*, *погань*, *враг*, *нячысыцк*, *лякайло*, *пўжало*, *начник*, *недобра душа*, *мертвец*, *сьмерть*, «*той, шчо памёр*», *знахбр*, *коўдунник* и под. [Виноградова 1995: 146].

Если от вопросов терминологии и особенностей, связанных с отмеченной неустойчивостью персонажного статуса, перейти к характеристике определяющих признаков поведения каждого из этих мифических существ, то окажется, что основной набор функций, известных в восточнославянской демонологии, в том или ином виде все же фиксируется в Полесье как в народных верованиях, так и в повествовательных текстах.

Рассмотрим, например, поверья о *домовике*. В числе ведущих признаков для этого персонажа остается почти обязательная связь с домашним скотом (как функция патронажа или вредоносного воздействия на неполюбившуюся скотину). Первой реакцией информантов на вопрос о домовом обычно бывает рассказ о его воздействии (положительном или негативном) на скот: «Неки это есть такі домовік: не злюбить худобину — гриву сплетае, и змокае корова» (Замошье); «Вот, корова зробицца мокра як мышь, это домовик гонить. Такую приказку казали, што заплэтае гриву коням. Цы ето добре, што заплэтае, цы не, — я не знаю» (Стодоличи); «Не поправица масть коней — и заплетае гривы коням, мучить целу ноч» (Рясное); «Заплитаў гриву конёви. Якцо заплитэ, то коньк буде добрый, гладкый. А якцо пўтае, кошматыть гриву, то коньк буде плохой» (Березичи); «Он не злюбить яку масть, и зробицца скотина никудэ. Которого любить — косы заплетае» (Копачи).

Действия этого типа в Полесье приписываются как *домовику* антропоморфного облика, так и зооморфным персонажам (ласке, коту), а наряду с ними — и ряду других образов нечистой силы (злomu духу, черту, покойнику, русалке). Особенно характерно такое смешение персонажей, воздействующих на скот, для поверий центрального Полесья и Житомирщины: «Лэсица заплетае коню гривы, трэба красну нитку свичону ў гриву» (Рясное); «Если грива заплетена ў коня, корова мокра, то это чорты мучать, поганый, злый дух» (Курчица); «Счи-

тают, что корову в хлеву гоняет не домовик, а что это насыла-ется колдуном — его ганье вредны хто-то» (Оздамичи); «Есть злой дух, который заплетает гривы коням, живет в хлеве, на-зывают его *дядько*» (Рясное). В с. Тонеж Лельчицкого р-на Го-мельской обл. записан рассказ, как умершая хозяйка приходи-ла по ночам к своему двору и гоняла кобылу до пены.

Из других типичных функций полесского домовика часто отмечалось его свойство душить, давить, щипать, на-валиваться на спящих. Среди мотивировок такого пове-дения наиболее распространены следующие: домовик душит чужого, ночующего в доме; давит переехавших в новый дом в первую ночь; давит тех членов семьи, кого невзлюбит; навали-вается на спящего, предвещая перемены; душит, сталкивает, если спящий лег на место домовика и т. п.

Иногда (довольно редко) отмечается близкая к этой характери-стике функция предсказания будущего или пред-остережения о грядущей беде. Знаками-предвестни-ками считались либо появление домовика (невидимого в обыч-ное время) перед домочадцами, либо акустические сигналы (стук, треск, скрип, свист, стоны). Нередко любой ночной звук в доме или зримое появление домовика осмыслялось как пред-вестие беды: «Домовик осьцерёгу дае, плохое предвешчае» (Сто-доличи).

Среди других, характерных для восточнославянской тради-ции стереотипов поведения этого персонажа, в Полесье зафик-сированы следующие: домовик вызывает ссоры в доме; прячет от хозяев домашние вещи; подталкивает людей к самоубий-ству; танцует с чертями на чердаке или в пустующей хате; пристаёт к женщинам, сожительствует с ними; портит вещи, поджигает дом; выстригает в жите полоску (*дамавой зажы-нае*); если не прятали на ночь кросна, то домовик приходил якобы ткать, а севший после этого за ткацкий стан человек заболел. Отмечались также его опекунские свойства: «Като-рие знаюцца з ими, дак памалóтит жыта, што хочэш, буде рабiць» (Жомаровичи); «Домовый — вин и дытыну глядыць» (Забужье).

Набор основных характерных для домовика функций (му-чить скот или ухаживать за ним; предвещать будущее; обна-руживать свое присутствие ночным шумом; наваливаться на спящих и душить их), хотя и встречается во всех р-нах Поле-сья, в разных локальных зонах по-разному образует сочетания мотивов этой группы с другими функциями (единичными, не

повсеместными). Не одинакова и степень интенсивности, частотности тех или иных функций. Скажем, в восточном Полесье первейшим идентифицирующим свойством домовика считают его воздействие на скот (гоняет, мучит, заботится, заплетает гривы). В западном Полесье на первое место в наборе характерных функций антропоморфного персонажа выступают признаки черта или «ходячего» покойника (ночное вторжение в пространство дома, пугание, окликание домочадцев по имени, сожительство с женщиной, осмысляемое как вредоносное для нее, обереги и формы защиты от приходящего извне домовика и т. п.), а мотив воздействия на скот и благополучия хозяйства связан в этой локальной традиции с образом домашнего ужа.

Резко отрицательное отношение к домовику в Полесье отмечалось еще этнографами прошлого века. Так, по свидетельству польской собирательницы, полешуки признают в домовике чрезвычайно вредное и «шкодливое» существо, которое заезживает коней, дразнит собак, пугает одиноких женщин, выбивает сиденье из-под сидящего, и тот падает; люди его люто ненавидят, но вынуждены терпеть и всячески ублажать [Jeleńska 1891: 503]. К. Мошинский записывал в начале XX в. в восточном Полесье поверья о том, что домовик помогает человеку обогащаться, но за это требует от него душу [Moszyński 1928: 172].

Вместе с тем, хотя под одним и тем же названием *домовик* в полесской мифологии известны разные персонажные типы (антропоморфный домашний дух, опекающий семью и хозяйство; зооморфный персонаж — уж, ласка — обеспечивающий благополучие скота и всего дома; дух-обогачитель, приносящий хозяину из чужих хозяйств обилие зерна, продуктов, денег; нечистая сила, черт, вредоносный дух, от которого старались избавиться; дух умершего колдуна или родственника), тем не менее, основной круг традиционных мотивов, признаваемых типичными для восточнославянского домового, все же представлен в той или иной форме в полесских поверьях, соотносимых с упомянутым кругом персонажей (ср. общую сводку мотивов, характеризующих восточнославянского домового, в новом обстоятельном исследовании — [Левкиевская 2000: 96–131]).

Яркой особенностью полесской демонологии является комплекс представлений о домашнем уже, называемом *уж*, *вуж*, *домовик*, *домовый вуж*. Именно этот персонаж прежде всего осмысляется как покровитель дома, скота и хозяйства в целом. Восприятие ужа как домашнего опекуна характерно для западного Полесья, где его называют *наш хозяин*, *свойский* и

верят, что если он обитает в доме, то хозяйство будет процветать. Повсеместно в Полесье известен запрет убивать ужа, обнаруженного во дворе или доме: «Вужа нельзя убивать, бо скотина може здохнуть, стратиться; як вужа убьютъ, дак корова реве, як по теляти, скупаить» (Макишин). Считалось, что уж обвивается вокруг ноги коровы и сосет ее вымя, а корова от этого дает больше молока; если хозяева убивали такого ужа, то корова тосковала по нему и переставала доиться. В Волынском Полесье бытуют былички о том, что когда люди продавали свою корову, то ее приходилось отдавать покупателю вместе с ужом, иначе бы она не давала молока у нового хозяина [Гура 1997: 314]. Второй чрезвычайно популярный в Полесье (известный также в европейской мифологии) мотив связан с поверьем о домашнем уже, который ест молоко или молочную кашу из одной миски вместе с ребенком хозяев дома, и если те убивают ужа, то погибает и их младенец.

Следы архаических представлений о змее как инкарнации человеческой души могут быть отмечены в полесских поверьях о том, что ужа нельзя бить потому, что это — *человечья порода* (Одрижин); что уж забавляет и опекает оставленных без присмотра детей. О генетической связи ужа с душой умершего предка свидетельствует следующая быличка: женщина с ребенком пошла в лес по ягоды, на минуту отошла от него, а когда вернулась, то увидела воле ребенка большого ужа, который обвил его, шипел и не давал никому подойти; баба испугалась, побежала к знахарю, с просьбой о помощи; тот пришел в лес и говорит ужу: „Чы ты Иван, чы ты Демьян, чы ты Ефим, чы ты Трофим, який ты ни есть, забывайся да иды своей дорогой!“ А он (уж) встаў да й пошов» (Червона Волока). Вообще попытка угадать имя умершего человека, чья душа превратилась в зверя, считалась надежным оберегом, например, при встрече с волком.

Локализация ужа в доме и дворе носит условный характер, в Полесье известны поверья, что его можно встретить и в поле, и в лесу; соответственно, различались: *домовой вуж*, *лисовой вуж*, *поляный вуж* (Озерск), но вместе с тем все они воспринимались как разновидность единого персонажа — опекуна дома и хозяйских угодий. Ср., например, былички, в которых хозяин по неосторожности убивает ужа в своем поле, а вернувшись домой, слышит упрек от домашнего ужа: «„Ты полевого убьў выжа, дак и я уйду од тебе“»; жена с осуждением говорит: „Нашто ты його убьў, то жэ полевого дамавик, то

дамавой поля“; и стали после этого хозяева болеть, а хозяйство беднеть» (Барбаров).

Для поверий об этом персонаже характерен также мотив о яйцах ужа: хозяин обнаруживает их в доме или в поле, переносит на другое место, а уж, не найдя их, напускает яд в горшки с едой; когда же человек возвращает гнездо с яйцами на прежнее место, то уж спешит опрокинуть всю посуду с отравленной едой, чтобы хозяева не погибли.

Практически весь основной набор признаков, относящихся к ужу, характерен также для поверий о ласке, распространенных в восточном Полесье (см. об этом подробнее: [Гура 1984: 130–145]).

Как уже упоминалось выше, образу полесского водяного посвящена специальная работа двух авторов — Е. Е. Левкиевской и В. В. Усачевой [Левкиевская, Усачева 1995: 153–173], которые были вынуждены констатировать, что сведения об этом персонаже в Полесском Архиве «весьма скупы и невыразительны: развернутых быличек, связанных с этим персонажем, очень мало, часто ответы о нем вообще отсутствуют, что кажется странным на фоне соседних традиций (польской, русской, севернобелорусской), где этот персонаж занимает одно из центральных мест в мифологической системе» [там же: 153]; «общей доминантой является определение водяного как нечистой силы, которая сидит в воде» [там же: 158]. Вместе с тем, авторам удалось выявить в полесских представлениях о водяном «весь комплекс основных признаков, составляющих общеславянский инвариант этого мифологического персонажа» [там же: 170]: водяник или водяной черт топит людей, заманивает в воду; окликает человека, зовет его, вынуждая броситься в воду; сидит на дне реки на теле утопленника; создает водовороты и воздушные вихри; оборачивается водоплавающей птицей и т. п.

Сведения о лесном демонологическом персонаже выглядят еще более неопределенными, скудными, разнохарактерными. Фактически, на основе полесских данных (весьма малочисленных) невозможно выявить сколько-нибудь устойчивый, узнаваемый образ, соотносимый с восточнославянским лешим. На вопрос о духе-«хозяине» леса собиратели получали ответы, свидетельствующие об отсутствии цельной местной традиции. Под названием *лесовик* (*боровик*, *лесун*) в Полесье может пониматься: 1. антропоморфный мужской персонаж, выступающий в роли хозяина леса и лесных зверей: ср. следующие примеры: «В лесу *лясун* — некрасивый, горбоносый, на чело-

века похож лицом. Весь мохнатый, только ладони голые. Главный в лесе. Его все бояцца... весь ў листьях...» (Хоробичи); «Идет по лесу огромный человек с ружжом. Почти як дуб, длинный человек... перед собой гадоў гонит, как пастух» (Ручаевка); 2. черт, злой дух: «В лесу нечыста сила — то выхор» (Засимы); «Лесовик — нечистый дух, заведе в лесу. Таке зверь, як волк...» (Днепровское); 3. животное — уж, хорь, волк: «В лесу живеть хазяин леса — лясавик. Лясавики — ў них ё жало и ёни сваим ядом жалять...» (Жихово); «Лесун прыходзиў ў дерэвню, куры душыў, кудлатый, хвосты ў их... може водить по лесу» (Пирки); «Воўк — то нечыста сила, шчо ў лиси живе» (Кривляны); 4. неясный женский персонаж на птичьих ногах: «В лесу водятся женщины с ногами как у аиста. Рассказчик ударил ее в бок осиновым колом, — она исчезла, но поднялась буря и повалила лес» (Спорово); 5. душа умершего, ревающего страшным голосом: «<Боровик> таким голосом рэвэ вин, — страхі голос. Як хто умрэ, — таким сумашэдшим голосом рэвэ. Цэ уже една нич така бувае ў году, шчо лякае. Говорять, шчо хазяин лиса, лисовик або боровик» (Вышевичи); «...Той дядя называецца боровик. А чого вон боровик? Мать лягае з малэньким на кровать, поворачиваецца на нёго и задушила свою дытыну ридну, — и воно называецца боровик» (там же).

Таким же образом по единичным свидетельствам приходится судить о полевых и полуденных духах. В поверьях о них можно отметить общую для Полесья тенденцию, когда круг определенных мотивов приписывается взаимозаменяемым демонологическим образам, в данном случае: и полевику, и полуднику, и черту, и умершим. В результате такого смешения описать действующий персонаж (с признаками полевого или полуденного духа) однозначно невозможно, но основной круг мотивов сохраняется: «*Полёвик* — якась тень ў поле, людына нэ бачыт... Як жнэмо жыто, — рэвуть як мухи. То *полудники* рэвуть, пора полуднать» (Берестье); «У поўдень пужае, можеш побачыць: иде ў капелюшы с тросточкой, несе на руце пинжак; прышоў, стаў против нас и рогочэ. Як человек, а зубы як у коня... Стали мы молицца, а он ў болото пошоў» (Замосье). О полесском *полудзеннике* упоминает Э. В. Померанцева в ст. «Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице»: «Женщина, копавшая картошку, вдруг увидела страшного черного человека. Она кинула тяпку, хотела закричать, бежать, но не смогла. Спаслась она тем, что произнесла: „Гос-

поди, помоги". Когда она рассказала о случившемся с ней матери, та сказала, что это был *полудзенник*, и прибавила, что по полудни ходят умершие нечистой смертью* [Померанцева 1978: 151]. Действительно, в поверьях об умерших неоднократно упоминается их активизация, появление на земле в полдень: «Ен, мертвец, так не пайдётъ, — ему ноч или полдён <нужны>. У двенацать часоў и вада приста́на́вливаеца, не течет...» (Семцы).

Итак, общими признаками для домовых, водяных, лесных, полевых мифологических персонажей оказываются: многозначность термина, неустойчивость образа, расплывчатость границ между разными персонажными типами, смешение с образом черта и с душами умерших (чаще всего — с «нечистыми» покойниками). Напомним еще раз вывод К. Мошиньского об особенностях восточнополесской демонологии, которая, по его мнению, сводится к поверьям о «ходячих» покойниках и разного рода чертях. Действительно, среди суеверных рассказов о нечистой силе первое место в этой зоне занимают былички о встрече с мертвецами. Представления о вмешательстве умерших во все сферы земной жизни не только отражаются в повествовательных текстах, но и постоянно проявляются в ритуальных запретах, объяснениях природных явлений, регулируют формы хозяйственной жизни и бытового поведения.

Образ «ходячего» покойника трудно поддается описанию в качестве самостоятельного, в достаточной степени индивидуализированного, мифологического персонажа. Это связано со слабо выраженным составом присущих именно ему идентифицирующих признаков, которые как бы растворяются во множестве других демонических образов, т. е. к числу покойников часто причисляются и домовые, и русалки, и водяной, и полуденник, и ночница, и лесовик, и вихрь и т. п. Во-первых, отсутствует общее для всей традиции устойчивое имя-название персонажа: наряду с терминами *мрэц*, *помэрльы*, *мэртва людына*, *мэртвак*, *покойнык*, *няжывый*, *нябожчык* и подобными — используется лексика, обозначающая «заложных» (*топлэнык*, *вишалнык*, *ведьмак мэрльы* и т. п.), либо обычные термины родства (*деды*, *прадеды*, *маты помэрла*, *баба-покойница*, *сын-нябожчык* и т. п.), либо личные имена конкретных умерших людей, либо, наконец, демонологические термины и определения, относящиеся вообще к нечистой силе (*домовик*, *сатана*, *нячыстик*, *недобрик*, *нэлюдське*, *не свой дух*, *лякачка*, *пужайло* и т. п.). Во-вторых, следует учитывать

разные типы «возвращающихся» на землю умерших: с одной стороны, это относительно безвредные души умерших родственников, навещающих свои дома, с другой — вредоносные, «нечистые» покойники.

К первым можно отнести тех, которые «ходят» в положенное (специально предназначенное для подобных визитов) время. Это мог быть любой недавно умерший, душа которого в течение сорока дней после смерти еще не перешла окончательно в иной мир; души предков, появлявшихся в особые поминальные дни. Ко вторым — те, которые вторгаются в земное пространство во внеурочное время и становятся опасными злокозненными духами, т. е. приобретают статус нечистой силы. Сохранившаяся в славянских верованиях тенденция различать разные состояния человеческой души (отделившейся от тела умершего) была очень точно подмечена и проанализирована в работе С. М. Толстой «Славянские мифологические представления о душе»: сороковой день после смерти человека служил тем самым рубежом, когда происходило принципиальное изменение природы его отлетевшей души; из потенциального демонического существа, все еще пребывающего в земном пространстве, она становилась предком — обитателем потустороннего мира; однако если душа задерживалась на земле дольше положенного времени, то могла вновь «войти» в мертвое тело и превратиться в опасного «ходячего» покойника [Толстая 2000: 79].

Образы «ходячих» умерших первой группы наделяются чертами духов, не утративших еще свойств и привычек живых людей, поэтому они не причислялись к персонажам истинной демонической рати. В суеверных рассказах они характеризуются мотивами следующего типа: умерший по ночам посещает своих родственников (во сне или наяву) из-за тоски по ним, из-за привычки быть вместе и заботиться о близких. Известно много полесских быличек о том, как умершая мать приходит к осиротевшему грудному ребенку и кормит его своим молоком; умерший сын незримо присутствует за поминальным столом вместе с родителями; недавно умерший родственник в течение сорока дней после смерти каждую ночь появляется в своем доме: слышны его шаги, вздохи, скрип открываемой двери и т. п.; некогда привязанный к конкретным домашним делам умерший ходит по пятам за членом семьи, взявшим на себя его заботы. Ср., например, один из таких типичных текстов: «Е жонцы такие, што ходяць. К своим. Вот одна умерла, старая. Ну, дак ешчо не змеркне <на улице>, дочка картофлю

лупиць, а она седзиць <рядом>. Дочь ў хлеў корову доить, а она за ею йде...» (Замошье).

Другой причиной «прихода» могло быть недовольство умершего поведением родственников, нарушивших обычай: похоронивших покойника не в той одежде, в какой он просил; не на том кладбище, на каком он ожидал; забывших помянуть его в соответствующее время; не приготовивших любимого поминального блюда и т. п. Такие в общем нежелательные визиты воспринимались как «законные», так как требовали от живых людей соблюдения установленных норм поведения.

Следующая группа мотивов связана с такой категорией умерших, «приход» которых мог быть вызван их любовью и привязанностью к живым, но считался опасным, нежелательным и губительным для них: например, умерший жених навещает оставшуюся в живых невесту с намерением увести ее с собой; муж приходит к своей жене с любовными притязаниями и эти контакты доводят ее до смерти; покойник преследует своего друга или избранника.

И все же основную часть суеверных рассказов о «ходячих» покойниках составляют тексты о вредоносных, враждебно настроенных по отношению к людям, мстительных духах умерших, «приход» которых представляет серьезную угрозу для живых. Именно эта категория «нечистых» покойников образует вторую группу «возвращающихся» мертвецов.

Наиболее опасными среди них признавались умершие колдуны, ведьмы и все «знающие» люди (т. е. бывшие в контакте с нечистой силой), а кроме того, — самоубийцы и грешники. Сам факт посмертного «хождения» осмыслялся как свидетельство принадлежности человека к категории «знающих». Часто заключительная фраза подобных рассказов о визитах покойника содержала объяснения следующего типа: умершая ходит к родным из-за того, что при жизни она *нешто знала* (Замошье); «хороша людына нэ пуйде лякать, то колдун ходить» (Чудель). На вопрос собирателя: «Каждый ли умерший мог после смерти ходить?» — следовал ответ: «Нет, только те, что умели *знахорити*» (Радчицк). Тем более зловредными становились, как считалось, затянувшиеся во времени (продолжавшиеся и после сорокового дня после смерти) посещения мертвецов: если людям не удавалось быстро прекратить такие визиты умерших членов семьи, то со временем те становились все более вредоносными духами. В текстах быличек можно отметить мотив нарастания вредоносности по мере того, как часто по-

койник приходит в дом: «Бувало, ходить пакойник да сваих да # ходить. Стаў уже врэд рабіць. Раз барану затяг на дзэри... Ну, вырабляе ўсяке. Пашли паглядзець на могицах. Точно, нора есть ля хрэста. Дак батюшка сказаў тым людям асинавага кола забить ў могилу» (Вел. Бор); «Адзин памьёр, да хадиў <...> От, було, бабы жнуть, а ён с кладбишча бяжыць ў двор к сабе, котик, таки котик... Дак бабы кажуть: „Онде пабег Саўка, — а ён Саўка зваўса. Дак ён бегаў, бегаў к им у хлев, да и стаў шкоду рабіць, барана засаджуваў у хлев, у двер“» (там же).

К категории «нечистых» покойников, вторгавшихся в мир живых, причислялись также умершие великие грешники и самоубийцы. Их принадлежность к персонажам нечистой силы объясняется следующим поверьем: Бог спорит с Чертом, не давая ему забирать в преисподню души умерших людей, но Черт возражает: «Я же твоих не беру, а беру лишь тех, которые мне назначены — *топлэникоў, вешальникоў, душальникоў*». И Бог сказал: «Таких, пожалуста, забирай» (Олевск). Считалось, что до самоубийства люди «не своим духом дошли — цэ нэчысты дух их забрал» (Вышевичи).

Основные мотивы, характеризующие поведение и «чистых», и «нечистых» умерших, сводились в полесской демонологии к следующим, наиболее устойчивым стереотипам: умерший является своим родным, которые по нему тоскуют; ищет оставленную для него поминальную еду; пытается увести за собой на «тот свет» близкого человека; обнаруживает свое присутствие в доме ночными звуками (шумом, скрипом, стуком, вздохами, стонами и т. п.); упрекает родственников в несоблюдении норм поведения; поучает их, как надо поступить; выступает с любовными притязаниями в отношении к своему брачному партнеру; пугает, преследует прохожих; бесчинствует в доме, шкодит или шалит (бросает предметы, бьет посуду, переворачивает вещи, загоняет скот до пены); душит спящих, предвещает судьбу и т. п. Популярны в Полесье и представления о том, что умершие являются людям в зооморфном виде: «Багацько ходыло покойныкиў. У глупу ноч вэльми лякало <...> Якись мэртвяк скинуўса. Скидаеца на свыню, на горобэйка» (Чудель); «После смерти сына мать долго плакала. Когда стала копать картошку, то на голову ей постоянно садился воробей. Може, вон (сын) воробьем скинуўса...» (Замошье); «Умершую девочку видели в виде белой собаки во дворе у повитухи, которая девочку при рождении бабила» (Вел. Бор); «Як нехто

памре, и кукушка прилететь (в село), то кажут: „покойник кукушкою прыляцеў“» (Гортоль). Типичными ипостасями умерших людей в Полесье также выступают: змея, ласка, мышь, кошка, собака, свинья, корова, конь, насекомые, птицы. Реже встречаются поверья о появлении мертвецов в виде природных объектов и явлений: ветра, вихря, тучи, блуждающих огоньков, кометы, клубка сухой травы и т. п.

Таким образом, основной состав мотивов, с помощью которых описываются «ходячие» покойники, позволяет отметить в их характеристиках признаки разных персонажных типов: с одной стороны, подразумеваются свои предки и души родственников, с другой — мертвецы, ставшие злыми духами. Сближение мифического покойника с нечистой силой, с чертом — одна из характерных особенностей полесской демонологии. Во многих свидетельствах эти персонажи не только похожи (иногда вплоть до полного неразличения), но прямо говорится о факте превращения мертвеца в черта: «Котора умрэ людына, переходит ў нечыстую <силу>... Мэртва людына — то сатана» (Берестье). Чаще, однако, к разряду чертей относили именно «заложенных» покойников (прежде всего, самоубийц и «знающих»). Ср., например, следующее сообщение: «Вешальники часто показываюца: то плачэ ў рецы, на березе, часом вылезе, вылэтит ноччу. Ветер пойдэ — то вун полэтыть, ця душа, котору нэ прыймают; вона ужэ погана. То вон (умерший) перероблян чортом. До году, кажут, його не прымают» (Рясное).

Как один и тот же персонаж, действующий в разных ипостасях, предстает во многих быличках то покойник, то черт, то их зооморфный эквивалент, то вихрь. Например, повествование часто начинается с сообщения о случившейся смерти: человек повесился, его закопали «на крыжовой дорози»; некто проходил мимо этого места, и за ним увязался неизвестно откуда взявшийся баран, так увязался, что невозможно отогнать; в заключительной фразе текста утверждается, что это был черт (Кривляны). В другом рассказе, тоже начинавшемся с сообщения «умер дядька-колдун», покойник действует в виде огненного летающего змея, духа-любовника, навещающего женщину, упыря, пьющего кровь своей жертвы (Вышевичи).

Иногда идентичность покойника и черта отрицается, но связь между ними осмысливается как результат вселения злого духа в тело умершего человека: «Як вун [умерший человек] прогрэшоны, то ў яго тило вбыраецься злы дух. От, як то ка-

жуть, умэр да ходить. Вун якыйсь проступнык буў, то вун умэр, душа его пошла, а вун [черт] <...> вбэрэтыся ў его тулуб, ў его корм, — и ходиты!» (Озерск); «Чэрти душу [умирающего] выхватяць да туды влезуть да ходяць, шкуру носяць...» (Барбаров); «Знахароў таскае [черт]. Влезе ў серэдыну и тулуб носить. У шкуру влезе и ходить. Это ужэ нечыстый человек» (Замошье); «Як утѡпицца, завесицца [кто-нибудь], то это не чалавек ходить, а чорт ходить в нём» (там же).

Большая группа быличек посвящена теме тоскующей вдовы, к которой стал ходить по ночам умерший муж: «Мертвы чоловик ходиў к жонке. Она вельмо плакала по ём. Она до-туль плакала, покуль он стал ходить к ёй. Хиба ж его он приходил? Нечиста сила скидалася, чорт!» (Замошье); «[Умерший муж приходил навещать свою жену]. Ходыў, мучыў яе, лягаў з наю спать. [Она посыпала пол песком, чтобы увидеть следы приходящего]. И от, — то булы ногы пэўнячые, пэтуховые, вроди — пэтух, вроди — нечыста сила то ходыла! То не муж, а чорт...» (Нобель); «Если жинки за мужиком сильно плаче, то *недобрый* приде в его (мужа) виде. То нечестивый дух убе-реться ў тило и ходыть чоловиком» (Олтуш).

Связь между покойниками и чертом обнаруживается и в форме персонажной замены того и другого в сходных контекстах. Например, выражение *черт иде вихрем* соседствует в Полесье с объяснением: «То ж, кажутъ, дети нехришчаные вихром тым идуть» (Копачи); «Це колдун бурео пройшол» (Боровое); фразеология, описывающая вихрь как «свадьбу черта» наряду с популярными формулами: *нячысты жэница, дурныя жэняца, чортово весилле полэтило* и т. п. иногда может включать и однотипные варианты с упоминанием умерших: *мэртвух веселье, мэртвые жэняца* (Стодоличи). В польских селах Брестской обл. о ветре или вихре говорили: «О, *duże leca!*» (Лопатин).

Сближение образов мертвеца и черта заметно в мотивах тех быличек, где черт является человеку в виде его умершего родственника; или он преследует, пугает прохожих вблизи кладбища; или черт в виде вихря летит в сторону кладбища и там исчезает и т. п. Кроме того, то один, то другой из этих персонажей оказывается действующим лицом в идентичных фольклорных мотивах. Например, в виде огненного змея (духа-любownika) летает к одинокой женщине то черт, то покойный муж; налетает на человека вихрем, то умерший колдун, то злой дух; заставляет блуждать ночного путника то покойник, то черт и т. п.

Выше говорилось о том, что сближение образов «ходячего» покойника и черта можно признать одной из характерных примет полесских верований (что подтверждается высокой степенью интенсивности бытования и богатством текстовых свидетельств), но оно не является уникальным в контексте восточнославянских данных. Для сравнения приведем аналогичные севернорусские примеры: «До сорокового дня домой ходит покойник, а после этого дня ходит дьявол в облике покойника. Он может задушить. Его нельзя пускать. Это нечистая сила» (каропольское свидетельство — [Толстая 2000: 80]); «В облике мертвеца может явиться и нечистый дух, черт — иногда умершего даже старались схоронить быстрее, пока черт не завладел им» (вятск. — [Власова 1998: 396]). Общеславянским признается также мотив о том, что черт посещает тоскующую вдову под видом ее покойного мужа [Померанцева 1975: 139–140].

Все отмеченные трудности в описании мифических существ, причисляемых к покойникам, остаются актуальными и при анализе одного из самых популярных для этой традиции демонических образов — черта, который (подобно джокеру карточной колоды) может свободно замещать почти любой демонологический образ, принимая на себя его специфические функции. В Полесье, как и в других славянских традициях, черт выступает в качестве обобщенной родовой фигуры для всей нечистой силы и легко смешивается то с водяным, то с лешим, то с банником, то с «ходячим» покойником, то с духом-обогатителем и т. п. С другой стороны, особенность этого персонажа определяется кругом мотивов, связанных с христианским культом. Соотношение этих двух комплексов и составляет основное ядро народных представлений о черте. Книжно-христианское начало отражается прежде всего в мотивах о происхождении чертей и о соперничестве с Богом, восходящих к апокрифическим преданиям. Анализируя образ черта в русской фольклорной прозе, Э. В. Померанцева отметила, что все основные сюжеты о падших ангелах и изгнании с небес соперника верховного божества едины в своей основе — это легенды, христианские мифы о первотворении мира; в них образ черта никак не связан с повседневным бытом человека и поверьями о вмешательстве в него вездесущих чертей [Померанцева 1975: 125].

В полесских суеверных рассказах и верованиях набор признаков этого персонажа неуловимо расплывается во множестве характеристик, присущих другим образам нечистой силы. Одной из важнейших особенностей полесского черта (как, впро-

чем, и общеславянского образа) является связь с водными источниками (о неразличении *водяного* и *черта* в полесских верованиях и рассказах см. выше). Черт не только любит селиться в водоемах, но и проникает в сосуды с водой и питьем, обитает в болотистых, топких, мокрых местах. В остальном он обнаруживает почти все признаки, типичные для водяного персонажа: черт появляется возле водных источников и исчезает в воде, заманивает людей в воду, топит их или подталкивает к самоубийству в воде, переворачивает лодку с рыбаками, устраивает водовороты, сидит на утопленнике на дне реки и т. п. (см. подробнее [Левкиевская, Усачева 1995: 153–172]).

Черт и домовик. О том, что термин *домовик* известен в Полесье применительно к разным персонажам — как опекающим хозяйство, так и вредоносным духам — мы уже упоминали выше. Здесь рассмотрим лишь данные о персонаже, который осмысляется как злой дух или «ходячий» покойник, именуемый в Полесье то как *черт*, то как *домовик*. В западных и некоторых центральных районах записаны свидетельства о том, что эти два персонажа понимаются как полностью идентичные: «Домовик — то черт, як чоловік, в чорній одежі, чорном кузюкє, пуговиці блискучіє ў него» (Ветлы); «Домовик — то шчытаецца черт. Абы влизе до кого, хто Богу не молица, то туда йде. А похрэстять [дом], то він утекає. Домовик — это злий дух, это, говорать, черт...» (Ласицк); «Домовык — нечысты, то черт. На чырдачкі живе» (Одрижин); «[На вопрос собирателя «Может ли домовик защитить человека от черта?» был получен характерный ответ] «Дак ета ж дамавой ци лукавы — адно!» (Жаховичи). Подобное восприятие объясняет такие нетрадиционные характеристики *домовика*, как ипостась вихря, обитание в лесу, воде, лозе, облик франта и т. п. Ср. следующие данные: «Дамавик — это нячысьцик, черт ў красных сапожках, ў капелюшы ходить, ў лазе живе. Это тот самый вихор, што крутить» (Комаровичи); «Есь хатние домовики, и полеwie, и луговіе» (Копачи).

Сходство черта и домовика проявляется также в том, что и тот, и другой часто осмысляется в Полесье как «ходячий» покойник. Многочисленные данные показывают, что термином *домовик* в этом регионе называют духа умершего родственника (или умершего колдуна): «Вот умре хто з сямьи, — и здаецца, шчо ў хате ходить домовик. Свечоной водой хату кропят, маком обсыпают. Домовики ў старинное врэмя ходили з того свету, пужали» (Голубица); «Домовик пугает, ходит по крыше <...>

Это ходит мертвец, як умрэ» (Ковнятин); «Домовой бывае, ежели привидение... Умер у сестры муж, я пошла к ней [ночевать], — то мне душыло» (Доброводье). Много свидетельств (особенно в поверьях Брестской обл.) о том, что *домовиками* становились самоубийцы или умершие «знающие» люди, либо о том, что домовики заводились в домах тех людей, «кто чорту продался».

Не удивительно, что типичными функциями такого *домовика* назывались вредоносные действия, совпадающие с признаками поведения черта: говорили, что домовик пугает по ночам, преследует женщин любовными домогательствами, выживает людей из дома, вызывает ссоры, толкает к самоубийству, гоняет скот до пены, плетет гриву коням, стремится проникнуть в сосуды с непокрытой на ночь водой и т. п.

Черт в роли лешего. Как уже говорилось, в полесской демонологии особого лесного МП практически нет: основными признаками образов этой группы является их принадлежность к нечистой силе, обитающей в лесу: «В лесу — лесовый, корчовый, — то чорт <...> Деревья повырывает с корнями, трактором не вырвешь, а он вырывает!» (Ветлы); «Нэчыстая сила ў лёсе — то чэрты» (Муховец); «В лесу сатана водить, злый дух, невидимая сила» (Засимы). Вместе с тем, в быличках встречаются мотивы, традиционно относящиеся у восточных славян к образу лешего, а в Полесье закрепленные за чертом или за образами неиндивидуализированной безымянной нечистой силы. Очень популярны, например, мотивы: лесной черт водит, заводит на бездорожье, пугает, внезапно появляется и исчезает, хохочет, пугает, преследует, наказывает человека за неправильное поведение в лесу, откликается эхом, подшучивает над человеком и др. С опасениями встретиться с чертом связаны многие запреты на пребывание в лесу во внеурочное время или на некоторые опасные действия (свистеть, кричать, петь, смеяться, отзываться на зов, ночевать на месте, принадлежащем черту). Так, запрет откликаться на чей-то зов в лесу мотивировался тем, что «это нечистый дух ходить и вызывае» (Верх. Теребежов); рассказ о том, как женщина, певшая в лесу песни, заметила, что кто-то шел за ней огромного роста весь в черном («одежа как на леснике или военном»), — комментировался информантом следующим образом: «Сама виновата. Песнями прикликала дьявола!» (Ветлы).

Черт как вихрь — один из наиболее детально разработанных и популярных в Полесье мотивов. Представления о том, что самая типичная ипостась черта — ветер, вихрь, или что

вихрь — это результат его деятельности, широко известны на всей территории Полесья. О черте говорят, что он *вигром напдааеть, идет вихрем, скидаецца вихрем, крутит ветром* и т. п. Соответственно о вихре говорят: «Это чорт крутыть»; «Чорт верьёвку вье»; «Вихорь — это чорт»; «Усё равно, што вихор, што лихый — то-то однэ!»; «Ветер крутить, кажуть, чорт летить»; «Вот, кажуть, вихор прѣцца,— ужэ злые жэняцца, веселье еде»; «Вихор — то чортово веселье» и т. п.

Множество полесских быличек основано на сюжете о вредоносности вихря (осмысляемого то как душа «нечистого» покойника, то как черта), после встречи с которым человек якобы заболевает, лишается разума, беременная женщина, попавшая в вихрь, производит на свет чертенка. Попытка систематизировать полесские поверья о вихре предпринята в тезисах доклада Э. Г. Азимова [Азимов 1983: 89–90].

Черт в роли других мифологических персонажей. Судя по некоторым специфическим функциям, на черта переносятся признаки колдуна, полудника, полевика, банника, духа-обогагителя, летающего змея, персонажа, похищающего или подменяющего новорожденных, духов болезней и других персонажей. Например, в западном Полесье опасность полдня объясняли тем, что в это время появляются (ходят, гуляют) черти: «Поўдзень опасны. Не давали купацца дзецям <...> Кб-лись ў поўдзень не жали, не пололи, бо як будешь полоць ў поўдзень, — нехорошы сон можэ прысницца. Ў поўдзень бес гуляе» (Хоромск); «Пивдэнный чорт прыстане до человека — дорогу не найдеш... Вин так водит» (Ветлы); «На кладбище бабу с ребенком преследовал в полдень *полуденный бес*, принявший вид умершего деда» (Олтуш). Часто черту приписываются свойства духа-обогагителя, которого хозяева содержат в доме, кормят соответствующей пищей, соблюдая договор с духом, за что тот приносит в дом золото, деньги, зерно, обеспечивает достаток. Подобно баннику русских поверий, черт сдирает кожу с моющих (не по правилам) людей или обжигает кипятком (данные из Брянской обл.). Как духи болезней или мифическая Смерть, черт просит перенести его через воду или подвести в повозке до села (Вышевичи).

Специфические признаки черта как самостоятельного персонажа. Наряду с функциями, свойственными для нечистой силы в целом или для отдельных узкоспециализированных демонологических персонажей, полесского черта характеризует набор собственных относительно устойчивых признаков. Один

из них — связь с растениями. Привычным местом обитания чертей считают в Полесье прибрежную и болотистую растительность: «Ў той лозе, шо на болоте, черты ведуцца» (Дяковичи); «На сухих лозах черти водятся, чорт у лозе сидить. Чорт — чоловік негодящый» (Оброво); «Чорт в лозыне сидить. Пока вербу не святыт, чорт живе на дереве» (Заболотье). Эвфемистической заменой имени *черт* на Житомирщине выступает выражение «Тот, шо лбзая трясэ», «Тэй, шо кубло его ў лозе» (Рясное).

Одним из наиболее типичных можно считать мотив суеверных полесских рассказов, в которых черт изображается сидящим на дереве (причем он принимает вид человека в шляпе, что служит в Полесье типовым опознавательным знаком черта): «Дядько ў шляпе сидел на берозе, а потом полетел поверх леса» (Вышевичи); «Пошла брать бруснику. На лецине сидит человек ў капелюше. А потом як засвистал, буран ухватиў да пашол лес ломить. То чорт, не свой дух» (Дяковичи); «[Заблудился человек в лесу] Чуе — гукáють его по лису. Бачыт: сидит на дэрэви, постолá плете, ў капелюшыку» (Лисятичи); «...Сидел челавек на берозе, чорный. Как я близко падхажу, а ён — шарак у воду! И зделался бараном, и захыхатаў!» (Радутино).

Единичные данные свидетельствуют о какой-то неясной связи черта с озимыми злаками: считалось, например, что он появляется в полдень в жите, вызывает ветер в поле, волнует рожь. Особенно интересно редкое сообщение, записанное на Волыни (Любешовский р-н), о том, что черти не могут появляться среди яровых всходов, а только там, где посеяна озимая рожь: «Чорт нэ пыйдэ у ярыну [злаки, посеянные весной], ни ў грэчку, ни ў овэс, — во шчо весной сйецца, вин нэ пыйдэ. Ў жыто пыйдэ, — жыто сйецца за зиму» (Ветлы). Из комплекса поверий о *русалке*, *полуднице*, *житной бабе* известны сведения о постоянной локализации подобных персонажей в житном поле (особенно во время цветения злаков). Вода и растения, кроме того, выступают в роли традиционных мест пребывания черта при его сезонных переходах в течение календарного года. Так, по сообщению Е. Р. Романова, черт сидит в воде до Крещенья, а после освящения воды он «лезя на лозы»; остается в лозе до Масленицы, а затем переходит на вербу; после освящения вербы переходит в Вербное Воскресенье на явор, а на Пасху Бог гонит черта с явора на жито; на жите черт сидит до Юрьева дня, а после освящения злаковых всходов переходит на травы и цветы, где остается до Маковея; когда же освятят букеты

цветов, он переходит на яблоню и сидит там до Спаса, а уже со Спаса (после освящения яблок) злой дух снова идет в воду и остается там до Крещенья [Романов 1891: 6].

Другой мотив, характеризующий черта, — вселение в тело человека (живого или умершего). Это действие может восприниматься как злонамеренное, причиняющее вред человеку, или же как потребность бестелесного злого духа обрести защитную телесную оболочку (например, в ситуации, когда он прячется от преследований грома). Рассказы о людях, проглотивших с едой или питьем незримого беса и ставших бесноватыми, или об изгнании из пострадавших злого духа, имеют широкую сферу бытования как в фольклорной, так и в книжной традиции. Одним из наиболее популярных в Полесье является сюжет о том, как сын изгоняет черта из тела умершего отца-колдуна, вылив на усопшего горячую воду.

Еще один мотив, имеющий отношение чаще всего именно к черту, связан с архаическими мифологическими представлениями о громае, преследующем злого духа смертоносными ударами, от которых тот старается скрыться. Ср.: «У нас гром попал в церковь — чорта забиў Бог» (Радчицк); «Як витер, — нечыста сила буде гнатыся, свыстать. А гром бье — и он [черт] удирае ў хату» (Ласицк); «Он под человека працепца [во время грозы]. Бог чоловика убивае, ён говори: Я человеку усе грехи прощу, а тебе ўсё одно убью!» (Замошье); «Его [черта] гром тольки бье. Михайль заведзе цыми градами и тучами, — злого палить» (Червона Волока).

Популярны в Полесье и былички о том, что черт подталкивает к самоубийству: «Як кажуть, что людына тóпицца, то *чорт у воду сажает*» (Ветлы); «Утопленники, они же не сами тóпяцца, — их гукáет... Из воды нечистый дух гукáет» (Хоробичи); «Вун заведé на петлю, ў воду» (Берестье); «Нэдóбры́й поможет, як хто захоче повíсицца» (Олуш).

Только о черте рассказывают, что он якобы совершает сезонные переходы из воды на вербу, затем — в злаки, плоды, а осенью — опять в воду: «Бывае празник Крыщчэ́нне, тады чорт у вади́ сидит, — то воду свяцяць. [Затем] Вербница, — то свяцяць ви́рбу, гэта чорта з вярбы́ зганяюць. На Яна зелье свяцяць, — гэта значыць чорта з зелья сагна́ли» (Кривляны).

Чаще всего именно с этим персонажем соотносятся рассказы о том, как черта распознают среди пришедших на гулянку парней по копытам или хвосту; как черти приглашают музыканта на свою свадьбу, где невестой оказывается только что

умершая в селе девушка; о том, как человек вступает в контакт с чертом с целью своего обогащения; как можно поранить черта, если бросить в вихрь нож — и ряд других мотивов.

Тот факт, что образ черта как бы притягивает к себе и концентрирует большинство признаков, характерных для нечистой силы в целом, обычно трактуется в специальной литературе как свидетельство поздних процессов распада некогда стройной архаической системы персонажей языческой демонологии; включения в нее нового образа христианских верований и его адаптации в условиях двоеверия; смешения старых и новых религиозных напластований. При всей кажущейся очевидности такого пути развития, который трудно отрицать, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Степень значительной индивидуализации конкретных персонажей и подробно разработанная персонажная система характерна прежде всего для традиционной культуры тех регионов, которые испытали активное воздействие новых явлений (христианской религии, городской жизни, книжной традиции), в то время как наиболее архаические замкнутые зоны (Полесье, Карпаты, Русский Север) отличаются тем, что в народной демонологии границы персонажных типов оказываются менее определенными, более подвижными, специализация образов слабо разработанной, а нечистая сила предстает как некое множество безымянных духов со сходными общими признаками и функциями.

Показательно, например, что один и тот же набор, казалось бы, неспецифических для черта характеристик (как бы воспринятых им от других духов — водяного, лешего, банника, «ходячего» покойника и т. п.) в том же виде повторяется в самых разных демонологических системах (как у славян, так и у балтов или у финнов). Специальная работа Н. А. Велюса, посвященная анализу литовского черта (*вяльняса*) позволяет установить значительное число сходжений в составе мотивов, характеризующих литовского и полесского персонажей. Это ярко выраженная связь с водой, с душами людей, умерших «не своей» смертью, с ветром и вихрем, с растениями, а из перечня стереотипов поведения — вселение в тело человека, роль духа-любownika, стремление заполучить душу человека (в обмен на его прижизненное обогащение), подтолкнуть к самоубийству, завести путника на бездорожье, укрыться от преследований грома и молнии [Велюс 1988]. Аналогичные мотивы, связанные с образом черта, находим и в «Указателе типов и мотивов финских мифологических рассказов» [Симонсуури 1991: 110–125].

Особенно близки к полесским демонологические поверья, записанные на Русском Севере, где точно так же размыты границы между отдельными персонажными типами, а вся нечистая сила осмысливается как множество однотипных по своим характеристикам духов, объединенных общим названием *черти*, *бесы* (или местными терминами — *шишкí*, *анчутики*, *ичетики*, *кузутики*, *хохлики*, *кулеши* и т. п.). Ср., например, свидетельства, записанные на Вологодчине: «Многие не знают различия между лешими и чертями вообще. Поверья о духах — черте, лешем, водяном — неразрывно связаны между собою; отличить их по внешнему виду, характеру, поступкам невозможно, понятие о них среди крестьян неясное, неопределенное» [Власова 1995: 340]; или аналогичные данные из Новгородской обл.: «И леший такой же черт. Они везде, их много видов. Они и с хвостиком, и с крылышком, и без спины — в любом обличьи выйдут» [Черепанова 1996: 68]; «Везде *хозяева* есть: и в гумнах, и в ригах. Эти все черти да шишки, говорят, а больше кто...» [там же: 69].

Как и в Полесье, на Русском Севере черт отождествляется чаще всего с водяным, так как типичным местом его (черта) пребывания считается водная среда [Черепанова 1996: 70–71]; часто выступает в роли банника [там же: 68, 70, 71]; черти во множестве появляются среди людей по большим праздникам (на святки, Пасху, в Иванов или Петров день), когда они выходят на землю из воды [Власова 1995: 346]. Из наиболее популярных функций севернорусского черта фиксировались следующие: он похищает детей, проклятых своими родителями; вселяется в человека, вызывая тем самым болезненные состояния; прячется в человека во время грозы; проникает в тело умершего колдуна, который начинает «ходить нечистым духом»; носится в вихре; подталкивает к самоубийству и завладевает душами самоубийц; любит появляться в облике умерших или долго отсутствующих людей; выступает в роли любовника, замечая в поверьях образы летающего змея и покойника; проникает в непокрытые сосуды с водой; справляет свои свадьбы; любит музыку и танцы; выполняет тяжелую работу для людей, «продавшихся» ему и ряд др. [там же: 348–357].

За этим набором характеристик, устойчиво повторяющихся в разных местных традициях, просматриваются черты архаического образа (с которым, по-видимому, и столкнулось христианство) — вредоносного духа, происхождение которого связано с категорией умерших «не своей» смертью. По мнению

лингвистов, названия *леший, водяной, домовой* могли появиться в русском языке в сравнительно позднее время как конкретизация более раннего и обобщенного слова *бес* (ср. *бес-хорожитель, бес во дворе, водяная сила*) [Черепанова 1983: 81]. Таким образом, недостаточная степень индивидуализации образов нечистой силы, смешение их в обобщенном образе черта (*беса*), как нам кажется, отражает одну из ранних стадий формирования народных демонологических представлений, связанных с категорией «нечистых» покойников. Во всяком случае, трудно не согласиться с мнением специалистов о том, что самыми древними и стабильными в славянской мифологии являются верования об «оживших» мертвецах (упырях) [Власова 1995: 13].

Для исследователей славянской мифологии ситуация с демонологическими верованиями в Полесье представляет особый интерес. Она демонстрирует слабую степень разработки персонажной системы, которая включает всего несколько по-настоящему четко оформленных, определенных, устойчивых образов. Особенностью этой системы является то, что на ее периферии остается множество неясно очерченных, слабо индивидуализированных, не обозначенных собственным постоянным именем демонических существ, а границы между персонажными типами часто выглядят стертыми, размытыми, подвижными и неопределенными. Существенно также то, что принадлежащие демонологической сфере мотивы могут прикрепляться к образам животных (уж, ласка, лягушка, волк, кукушка), атмосферных явлений (ветер, вихрь, гром, туча, комета), христианских святых, персонифицированных праздников и периодов календаря, к условным персонажам, олицетворяющим бессонницу, детский плач, болезнь, смерть, долю, беду, удачу; при отсутствии постоянно закрепленного имени — активно действуют в полесских верованиях духи, вредящие новорожденным и роженицам, духи-обитатели хозяйственных построек и заброшенных домов, мифические охранители кладов или цветов папоротника, духи-прорицатели, «знающие» люди-специалисты (мельник, пастух, кузнец, музыкант), люди, похищенные нечистой силой, бесноватые, двоедушники и т. п.

Соответственно, весь богатый и многообразно представленный в Полесье комплекс демонологических мотивов распределяется в «персонажном пространстве» таким образом, что они свободно мигрируют, закрепляясь то за одним, то за другим демоническим образом. В результате создается впечат-

ление, что мотивы (понимаемые и как характеристики демона, и как его функции, и как устойчивые единицы повествования) существуют в демонологической системе как бы независимо от персонажа (ср. отмеченную выше группу мифических образов, связанных со сферой ткачества: самым разным действующим лицам приписывается примерно один и тот же набор мотивов).

Как можно было видеть из проанализированного материала, значительная часть всех мотивов концентрируется вокруг образов черта и «ходячего» покойника, они же часто выступают в качестве вариантной замены по отношению ко всем другим персонажным типам. Показательно, что в полесских верованиях не разработана группа так называемых «природных» духов. Естественные условия природного ландшафта (обилие лесов и болот), как оказалось, не способствовали формированию устойчивого и яркого комплекса поверий о лесных и болотных персонажах, так как, по представлениям полешуков, все окружающее пространство (вода, лес, поле) населяли идентичные по своей природе духи — «нечистые» покойники и черти. И такую ситуацию мы склонны рассматривать как более архаичную по сравнению с демонологическими системами, для которых характерна детальная разработка демонологических образов и представительный состав достаточно индивидуализированных персонажных типов. Именно нерасчленимое множество духов — безличностных, безмянных и вездесущих, одновременно и вредоносных, и благодетельных по отношению к человеку, генетически связанных с душами умерших — и составляло, по-видимому, древнейшую основу для формирования народной демонологии.

Если учитывать весь корпус мотивов, характеризующих полесскую демонологию, то становится очевидным, что мы имеем дело с богатой по составу традицией, содержащей множество архаических общеславянских черт, которая обнаруживает, с одной стороны, явные признаки принадлежности к восточнославянской культуре, а с другой — включает целый ряд переходных форм, характерных для карпатской и западнославянской мифологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из последних работ см.: *Азимов Э. Г.* Полесские поверия о вихре // *Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции.* М., 1983. С. 89–90; *Козлов В. В.* Народные поверия о Доле в полес-

ской сказке // Там же. С. 143–144; Павлова М. Р. Полесские обряды и поверья, связанные с ткачеством // Там же. С. 111–113; Она же. Среда и Пятница в связи с прядением // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 66–69; Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88–135; Она же. Общее и специфическое в славянских поверьях о ведьме: 1. Полесская ведьма // Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 232–236; Она же. Региональные особенности полесских поверий о домовом // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 142–152; Она же. Полесская демонология: Общая характеристика и специфические особенности // Полісся: Мова, культура, історія. Київ, 1996. С. 252–255; Она же. Облик черта в полесских поверьях // Живая старина, 1997. № 2. С. 60–61; Она же. «Той, шчо лозами трясє»: Полесские поверья о черте // Слово и культура: Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 82–94; Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Полесский водяной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 153–172; Плотникова А. А. Полесский материал в словаре «Славянские древности»: Воздушные ипостаси души // Полісся: Мова, культура, історія. Київ, 1996. С. 259–263; Леванцэвіч А. Віхор і русалка ва уяўленнях жыхароў Бярозавскага р-на Брэсцкай вобласці // Там же. С. 256–258; Кабакова Г. И. Дети, умершие до крещения // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994. С. 312–317.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Азимов 1983 — Азимов Э. Г. Полесские поверья о вихре // Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 89–90.
- Велюс 1988 — Велюс Н. А. Хтонический мир литовской мифологии: Анализ фольклорного *вяльняса*. Автореф. ... докт. дисс. Тбилиси, 1988.
- Виноградова 1983 — Виноградова Л. Н. Архаические формы полесских магических приемов и оберегов, связанных с уходом за ребенком // Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 100–103.
- Виноградова 1986 — Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88–135.
- Виноградова 1992 — Виноградова Л. Н. Общее и специфическое в славянских поверьях о ведьме // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения-1. М., 1992. С. 58–73.
- Виноградова 1993 — Виноградова Л. Н. Заговорные формулы против детской бессонницы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993. С. 153–164.
- Виноградова 1995 — Виноградова Л. Н. Региональные особенности полесских поверий о домовом // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 142–152.
- Виноградова 2000 — Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

- Владимирская 1983 — *Владимирская Н. Г.* Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 225–245.
- Власова 1995 — *Власова М.* Новая Абевега русских суеверий: Иллюстрированный словарь. СПб., 1995.
- Власова 1998 — *Власова М. Н.* Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб., 1998.
- Гура 1984 — *Гура А. В.* Ласка (*Mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. 2 // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 130–159.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Кабакова 1994 — *Кабакова Г. И.* Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994. С. 312–317.
- Климчук 1995 — *Климчук Ф. Д.* Духовная культура полесского села Симоновичи // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 355–380.
- Левкиевская 2000 — *Левкиевская Е. Е.* Мифологические персонажи в славянской традиции. 1. Восточнославянский *домовой* // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М., 2000. С. 96–161.
- Левкиевская, Усачева 1995 — *Левкиевская Е. Е., Усачева В. В.* Полесский водяной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 153–172.
- Павлова 1982 — *Павлова М. Р.* Полесская ткацкая терминология на общеславянском фоне. Канд. дисс. М., 1982.
- Павлова 1983 — *Павлова М. Р.* Полесские обряды и поверия, связанные с ткачеством // Полесье и этногенез славян: Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 111–113.
- Павлова 1985 — *Павлова М. Р.* Среда и Пятница в связи с прядением // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 66–69.
- Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Померанцева 1978 — *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 143–158.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
- Романов 1891 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4.
- СД 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. (А–Г). М., 1995.
- СД 1999 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2. (Д–К). М., 1999.
- Симонсуури 1991 — *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М., 2000. С. 52–95.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Каков облик дьявольский? // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Черепанова 1996 — *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.
- Jeleńska 1891 — *Jeleńska J.* Wieś Komarowicze w pow. Mozyrskim // Wisła. Warszawa, 1891. Т. 5.
- Moszyński 1928 — *Moszyński K.* Polesie Wschodnie: Materiały etnograficzne ze wschodniej części b. Pow. Mozyrskiego oraz z pow. Rzeczyckiego. Warszawa, 1928.
- Moszyński 1967 — *Moszyński K.* Kultura Ludowa Słowian. Т. 2. Kultura duchowa. Warszawa, 1967.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл.
- Березичи Любешовского р-на Волынской обл.
- Берестье Дубровицкого р-на Ровенской обл.
- Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл.
- Великий Бор Хойницкого р-на Гомельской обл.
- Верхний Теребежов Столинского р-на Брестской обл.
- Ветлы Любешовского р-на Волынской обл.
- Выступовичи Овручского р-на Житомирской обл.
- Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл.
- Голубица Петриковского р-на Гомельской обл.
- Гортоль Ивацевичского р-на Брестской обл.
- Днепровское Черниговского р-на и обл.
- Доброводье Севского р-на Брянской обл.
- Дягова Менского р-на Черниговской обл.
- Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл.
- Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл.
- Жихово Срединобудского р-на Сумской обл.
- Журба Овручского р-на Житомирской обл.
- Заболотье Брестского р-на и обл.
- Забужье Любомльского р-на Волынской обл.
- Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл.
- Засимы Кобринского р-на Брестской обл.
- Ковнятин Пинского р-на Брестской обл.
- Комаровичи Петриковского р-на Гомельской обл.
- Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл.
- Красностав Владимиро-Волынского р-на Волынской обл.
- Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл.
- Курчица Новоград-Волынского р-на Житомирской обл.
- Ласицк Пинского р-на Брестской обл.
- Лисятичи Пинского р-на Брестской обл.
- Лопатин Пинского р-на Брестской обл.
- Макишин Городнянского р-на Черниговской обл.
- Мокраны Малоритского р-на Брестской обл.
- Муховец Брестского р-на и обл.
- Нобель Заречненского р-на Ровенской обл.
- Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.

Одрижин Ивановского р-на Врестской обл.
Оздявичи Столянского р-на Врестской обл.
Озерск Дубровицкого р-на Ровенской обл.
Олтуш Малоритского р-на Врестской обл.
Онисковичи Кобринского р-на Врестской обл.
Ополь Ивановского р-на Врестской обл.
Пирки Брагинского р-на Гомельской обл.
Радутино Трубчевского р-на Брянской обл.
Радчицк Столянского р-на Врестской обл.
Речица Ратновского р-на Волянской обл.
Ручавака Лоевского р-на Гомельской обл.
Рясное Емильчицкого р-на Житомирской обл.
Семцы Почепского р-на Брянской обл.
Симоновичи Дрогичинского р-на Врестской обл.
Спорово Веревского р-на Врестской обл.
Старые Воровичи Щорского р-на Черниговской обл.
Старые Яриловичи Репкинского р-на Черниговской обл.
Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.
Тонеж Лельчицкого р-на Гомельской обл.
Тхорин Овручского р-на Житомирской обл.
Уховецк Ковельского р-на Волянской обл.
Хоробица Городианского р-на Черниговской обл.
Хоромск Столянского р-на Врестской обл.
Челхов Климовского р-на Брянской обл.
Червона Волома Лугинского р-на Житомирской обл.
Чудель Сарненского р-на Ровенской обл.

Г. И. КАБАКОВА

ПОЛЕССКАЯ НАРОДНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ЖЕНСКИЙ ТЕКСТ

Статья представляет собой краткое изложение результатов обширного этнолингвистического исследования, посвященного реконструкции фрагмента славянской картины мира, связанного с народным взглядом на женщину как существо биологическое и социальное [Кабакова, в печати]. Исследование выполнено на материале одной, полесской традиции, но при этом лингвистические и этнологические данные интерпретируются в общеславянском и, шире, европейском контексте.

Основным источником послужили материалы, собранные этнолингвистическими экспедициями (1974–1991) под руководством Н. И. Толстого, частично опубликованные в двух выпусках «Славянского и балканского фольклора» (1986 и 1995) и в «Полесском этнолингвистическом сборнике» (1983), а также собственные материалы автора. Использована и опубликованная литература по традиционной народной культуре и диалектам Полесья.

Реконструкция традиционных взглядов на женщину невозможна без анализа мифологических текстов, посвященных происхождению первых людей.

Полесская антропология, которая восстанавливается на основе этиологических легенд, имеет разное происхождение: кроме канонического библейского текста и апокрифов, в этом корпусе текстов просматривается и влияние рабинической традиции («Агады»). Народная антропология строится как рассказ о неуклонном вырождении человеческого рода, ответственность за которое лежит прежде всего на женщине. Среди основных мотивов отметим следующие. Адам и Ева составляли единое целое, но под влиянием дьявола Ева разорвала существовавшую прежде связь. Утратой первозданного единства объясняют происхождение половых органов и полового влечения, при этом соитие и тем более деторождение выступают как поиск первоначального единства, а значит, и невинности. Мотив потерянного совершенства как следствия грехопадения присутствует и в легенде о происхождении ногтей, которые толкуются как реликты изначальной роговой оболочки первых людей. На женщину возлагается также вина за анатомические и физиологические дефекты: кадык у мужчины и месячные у

женщины. Первый — остаток не проглоченного Адамом яблока (о чем недвусмысленно свидетельствует и лексика, например, *яблучко*), тогда как вторые возникли в результате нарушения женщиной запрета разворачивать рубашку, испачканную менструальной кровью Божьей матери. Также по вине женщины дети в отличие от всех прочих детенышей не ходят с рождения: Ева побоялась разрешить Богу перекинуть своего младенца через ворота. См. также: [Кабакова 1999].

Как и в космогониях других народов, в Полесье мифологическая история состоит из трех этапов: на смену эпохе великанов пришла эпоха людей, которая сменится в свою очередь эпохой карликов. Великаны могут иногда прочитываться как первые люди, лишившиеся своей богатырской силы после грехопадения. Эти прото-люди, наказанные за неразумное использование своей силы, несли на себе знак соучастия дьявола в сотворении человека: источник силы заключался в так называемом чертовом ребре, которого современный человек лишен.

История человечества, обреченного на дальнейшее измельчание и вырождение, предстает как история очевидных утрат и сомнительных приобретений. Так, вместе с силой человек утратил и знание, в частности знание часа своей смерти. Среди положительных завоеваний человечества в легендах и сказках упоминается отказ от обычая убивать престарелых родителей (сюжет № 981 по Аарне-Томпсону).

Таким образом, идея греха, грехопадения становится ключевым понятием в народной концепции происхождения и эволюции человека. Предлагаемая нами типология грехов, осуществленная на основе анализа повседневного дискурса, построена по аналогии с типологией, разработанной для духовной поэзии Г. П. Федотовым, и исходит из характера субъекта. К первой категории относятся грехи, совершаемые в равной степени и мужчинами, и женщинами. Это несоблюдение церковного закона, непочитание светил, убийство.

Вторая группа содержит «мужские» грехи, среди которых преступления против собственности занимают основное место. В эту группу попадают конокрадство, кража пчел, поджог, а также совращение чужой жены.

Третья группа, представляющая особый интерес для нашего исследования, включает «женские» грехи — преступления против плодородия во всех его формах: отнимание «спора» у земли и скота, изгнание плода. Таким образом, грехи регулируют взаимоотношения между людьми, между человеком и мирозда-

нием, между человеком и сакральной сферой (см.: [Толстая 2000]). За нарушение запрета индивид карается, как правило, болезнью, с помощью которой общество, озабоченное собственным воспроизводством, контролирует поведение своих членов.

При классификации болезней мы опираемся на социальное понимание болезни, выработанное французскими антропологами М. Оже и А. Земплени. В зависимости от причин, спровоцировавших болезнь, в полесской традиции различаются следующие виды заболеваний. 1. Болезнь как результат нарушения запрета. 2. Болезнь, имеющая рациональное объяснение. 3. Болезнь, «насланная» людьми, наделенными сверхъестественными способностями. 4. Болезнь, возникшая в результате контакта с нечистой силой. Диагностика болезни опирается часто на народную этимологию (рак — это болезнь, подхваченная от рака).

Предлагаемая нами типология лечения включает четыре семантические модели. 1. Возвращение к изначальной ситуации, т. е. к здоровью, характерное особенно для исцеления детских болезней. В данной модели возможны два варианта: «освобождение» тела от болезни и «новое рождение». 2. Отсыл болезни. 3. Просьба о здоровье, адресованная потусторонним силам. Она может быть частью обмена: здоровье взамен болезни. 4. Уничтожение болезни (путем измельчения, поджога, захоронения и пр.). Лечение, таким образом, выбирается в зависимости от этиологии болезни: болезнь как следствие нарушения запрета лечится путем «исправления» греха. В то же время болезнь, вину за которую не несет ни больной, ни его близкие, представляют как живое существо, которое можно изгнать из тела больного.

Антропоморфизация болезней, представляемых в виде женских демонологических персонажей, имена которым даются по симптомам (*криксы, крикливицы, трясучка*), свидетельствует об онтологической концепции болезни: она мыслится не как процесс, но как состояние, принципиально отличное от здоровья. Здоровье же в заговорных текстах описывается как рост, хороший аппетит, другими словами, как состояние динамическое (в отличие от болезни). Здоровое тело — это организм, находящийся в ситуации становления, оно обладает потенциалом развития, изменения, содержит в себе будущее.

Не только больное, но и здоровое тело дает полешукам повод для разного рода интерпретаций, однако не все части тела в одинаковой степени семантически «насыщены». Наиболее

значимыми оказываются «бессмертные» части (волосы, ногти), те, что хранят память о первоначальном облике человека, до грехопадения. Большое значение имеет семиотическая оппозиция «покрытый/непокрытый», мотивировка которой в Полесье восходит к библейской традиции. Волосы метонимически наилучшим образом репрезентируют человека: по прическе прочитывается не только социальное, но и семейное положение индивида. Поэтому во многих переходных интеграционных обрядах (свадьба, похороны и др.) действия с волосами и перемена прически становятся метафорами глубоких перемен в жизни индивида. Такое специфическое заболевание, как колтун (полес. *коут, ковтун, ковтуныця*), представляет собой характерный «культурно обусловленный синдром» и позволяет проследить парадигму взаимоотношений между телом и окружающей средой.

Волосы и волосяной покров напрямую соотносятся с сексуальной идентичностью, но также и эмоциональной и интеллектуальной деятельностью (ср. выражение *каўтун завіў* «ему взбрело в голову»). Волосы, а также зубы и ногти служат характерологическими признаками, по ним делают предсказания относительно характера и будущего индивида.

Крестьянский этикет в отличие от городского не предписывает телу полное молчание, напротив того, речь тела считается более искренней, чем человеческая речь, так как тело не умеет врать. Эта речь включает не только разного рода звуки, не подконтрольные разуму, но и всякие произвольные движения, зуд, покраснение и прочие знаки, которые интерпретируются в соответствии с семантической оппозицией левый/правый: левая сторона соотносится с неудачей, несчастьем, правая — с положительным началом. В истолкованиях часто речь идет о взаимоотношениях с другими людьми, при этом личность другого как бы проникает в тело, проступает на его поверхности, ср. «кали икаецца, то хтось спаминае», причем со зла.

Два важнейших начала человека — кровь и душа. Кровь, выступающая социальным маркером, лежит в основе семейной терминологии, причем термины с корнем **кров-* обозначают членов семьи, связанных как кровным родством (*крэўшчына, крэйныя* «родня», *крэйнік* «двоюродный брат», *крэйный, крэйняк* «четвероюродный брат», *крэйнячка* «четвероюродная сестра»), так и свойством (*крэвіч* «свояк», *крэвічка* «свояченица»). Кровь, с одной стороны, наилучшим образом воплощает идею родства, а с другой, в ней сосредоточена сама суть индивида. На этих двух концептах основан обряд побратимства, в ходе

которого участники смешивают свою кровь. По взглядам полешуков, от «качества» крови зависит природа человека, все люди в их отношении к окружающим делятся на две категории: носители «недоброй» крови способны причинить вред другим, носители «хорошей» на это неспособны, они, напротив, оказываются целителями. При этом качество крови зависит от состояния материнского организма, от того, идет ли речь о первом или последнем ребенке. Кровь отождествляется с плодовитостью, витальностью человека, поэтому колдуны могут навести порчу на кровь и даже отнять жизнь у человека.

Кровь, кроме того, считается и вместилищем души. Душу также локализируют в голове, носу, груди, шее, о чем свидетельствует и анатомическая лексика: *душа* — это ямочка у основания шеи, а также опухоль на шее. Часто душа отождествляется с дыханием. Этимологическое родство объединяет душу и с *духом* — «жизненной силой» (другие полесские названия: *клее, клыи, клёк*). См. также: [Толстая 2000а].

Роды в Полесье, как и в целом у восточных славян, тщательно скрывались от окружающих, в результате чего часто женщина рожала, не получая помощи от окружающих. Умолчание, по народным представлениям, необходимо было для того, чтобы сократить продолжительность родов. Своеобразие полесской традиции заключается в относительно широком распространении обряда кувады. В полесских вариантах кувады можно выделить ситуации двух типов: а) муж испытывает страдания помимо своей воли, б) муж изображает родовые муки. Страдания могут переноситься на супруга роженицы и путем причинения физической боли, и одной силой слова: повитуха читает молитву-заговор, в результате которой боль переходит от роженицы к мужу или к самой повивальной бабке.

Если присутствие мужа не везде обязательно, то присутствие повитухи необходимо, особенно при первых родах, в случае осложнений и в послеродовой период. В идеале каждая женщина хоть однажды в жизни должна выступить в роли повитухи, что соответствует архаическому этапу развития европейской цивилизации. К повитухе предъявляются жесткие формальные требования, которые касаются не столько ее «профессиональных» навыков, сколько ее социального статуса. Повитуха ни в коем случае не должна быть потенциальной конкуренткой роженицы, то есть она должна принадлежать к возрастной группе женщин, вышедших из детородного периода и не живущих половой жизнью. В случае же если она нарушит предъявляемые

к ней требования и родит ребенка, последний, как и супруг, получают презрительную кличку *бабич*, а она сама называется *бабичка*. Вся община должна искупить этот проступок, изготовив обыденный рушник.

При анализе многообразных приемов стимуляции родов подчеркивается роль «языковой» магии: эффективность некоторых приемов основана на синонимии или полисемии (например, роженица должна *ходить* по дому взад и вперед, чтобы дитя быстрее *находилось* «рождалось»). Вообще слову при родовспоможении придается большее значение, чем жесту, действию. От повитухи ждут знания молитв, заговоров и магических приемов. Однако задача и у магических приемов, и у заговорных текстов одна и та же: помочь телу роженицы раскрыться, высвободить из женского тела новое тело и новую душу. Другими словами, народное видение родов сходно с концепцией смерти: беременная женщина, по сути, умирает, дав жизнь двум новым самостоятельным существам, матери и ребенку. Подобная смерть повторяется при каждом роде, так что мать проживает за свою жизнь несколько жизней и несколько смертей.

По выходе плода задача повитухи — вернуть проставшемуся телу утраченную целостность, поставить на место потревоженные органы. Повивальная бабка, осознающая себя медиумом, медиатором между роженицей и потусторонними силами, может достичь своих целей, призывая на помощь Богородицу и святых, имеющих узкую родильную «специальность» (Нестора, Максима), или же нечистую силу (ср. такое верование: если бабка молилась черту, то рожденный ребенок после смерти становится ходячим покойником). См. также: [Кабакова 1993].

Медиация повитухи существенна и при истолковании предсказаний судьбы, важном этапе родов. Они исходят из фаз луны, которая, по народным представлениям, непосредственно влияет на плодovitость и жизненную энергию человека. Молодой месяц благоприятствует росту и плодородию, луна на ущербе снижает жизненный потенциал, безлуние предвещает бесплодие или смерть. Традиция толкований дат рождений восходит к средневековой отреченной переводной и отечественной литературе. Однако «народно-этимологический» принцип толкований (вроде «родившийся „на старике“ скоро стареет») сформировался, вероятно, уже в локальной традиции.

Особый интерес для этнолингвистического исследования представляют «двойники» младенца: амниотическая плева, пуповина и плацента [Кабакова 1998]. Названия амниона («со-

рочки») варьируют тему одежды, головного убора (*рубашка, сорочка, чепец, шапка, ачипок, капшон, винок*), встречаются и другие «текстильные» названия (*ситце, папона, мешок, капшук*). Тема ранней «одетости» ребенка чрезвычайно важна для его оценки: он, как правило, считается счастливицом, которому поручают все ответственные ритуальные роли (начинать сев, нести освящать венки или кресты, сплетенные из последних колосьев, обходить горящий дом), в то время как «сорочка» становится действенным оберегом не только для него, но и для его родителей. Вместе с тем в Полесье встречается и противоположная, негативная оценка такого ребенка, характерная для других славянских традиций: польской и балкашской.

Как показывает терминология, основной функцией повитухи в Полесье считается перерезание и завязывание пуповины (*пуповезна, пупорезна, пупна, пупова баба, пупыха, баба-пупорезница*, ср. также описательные конструкции *баба та, шо пупа възязала, бабка шо ходит по пупах* и др.). Иногда этому высоко символическому жесту приписывается такое большое значение, что он поручается не той повитухе, которая принимала роды, а другой женщине, которой в будущем достается весь почет.

Процедура перевязывания пуповины, завершающая отделение ребенка от матери и начинающая символическую «работу» над тельцем новорожденного, становится благоприятным моментом для надления ребенка важнейшими умениями и качествами. Это происходит через контакт с орудиями труда, которые подкладывают под пуповину, при этом предпочтение отдается тем орудиям, которые призваны символически приобщить ребенка к будущим занятиям, отсюда и четкое разделение на «мужские» и «женские» орудия. К первым относятся обух, хомут, топор, пила, нож. Последние связаны преимущественно с ткачеством и рукоделием: это гребень, веретено, челнок, иголка и пр. Таким образом уже с первых жестов формируется образ жизни будущих мужчины и женщины, что заставляет пересмотреть тезис о «бесполости» детства.

Обряду захоронения плаценты (ее диалектные названия: *место, детское место, послед, детская постель, колыбель, матка, капшук*) приписываются разные смыслы. Поскольку плацента выступает как двойник и матери, и ребенка, с ее помощью стараются повлиять на дальнейшее деторождение или на характер и судьбу новорожденного. Выбор места захоронения плаценты в доме отражает разную символическую логику. Чаще всего, однако, выбор места производится в зависимости

от пола младенца и отражает матримониальную стратегию: плацента мальчика закапывается в символическом центре дома (под столом, печью, покутью), а девочки — под порогом или вне дома. Это делается с мыслью о том, что мальчику предстоит остаться в доме и стать хозяином, а девочке — покинуть дом, выйдя замуж. В ритуале захоронения присутствует идея неразсторжимости родственных связей: закопанные под домом послед и пуповина должны «привязать» детей к отчужденному дому (недаром пуповина именуется и *родовой нитью*). Внутренняя логика притяжения ребенка к родительскому дому основана на омонимии: место человека там, где осталось его *место*. Вместе с тем захоронение плаценты служит и защите, укреплению дома как живого организма, черпающего жизненную силу, витальность из плоти и крови чад и домочадцев.

«Доделывание» ребенка, «расподобление человеческого и нечеловеческого» (А. К. Байбурин) продолжается при обряде купания и пеленания новорожденного. Выбор родительской одежды оказывается ключевым символическим жестом, наделяющим ребенка половой идентичностью. Символическое наследование семейных ценностей посредством первой одежды младенца допускает три типа решений: недифференцированное использование одежды, прямое, когда мальчика пеленают в отцовскую рубашу («коб такой быў крэпкий, як твой бацька крэпкий»), а девочку — в материнскую, и инвертированное. Последнее должно стимулировать половую активность ребенка (например, девочка будет «горячей», т. е. слишком сексуальной).

Термины, относящиеся к роженице, преимущественно образованы от корня *род- с помощью разных деривационных средств: *родилля, родилка, родиха, родуха, породилля, порожылля, рожала, паражатка, парадёха, нарощанка*, а также от другого обозначения родов: *полог-: *палазьница, положыцца*. В лексике родов может подчеркиваться идея высвобождения роженицы: *ослобоницца, злэкшыцца, опорожницца*, но при этом продолжительное состояние «пустоты» оценивается как нежелательное. Пришедшие проводить роженицу женщины желают ей поскорее снова «наполниться», что отражено и в таких названиях беременной, как *неслободна, непорожна, негуляшча*.

В течение сорока дней роженица остается «горячей», нечистой, поэтому она пребывает в состоянии временной изоляции. Некоторые из ее функций берет на себя повитуха: она ведет хозяйство, принимает гостей на родинах и крестинах, по сути отодвигая на второй план крестную мать, о чем свидетельст-

вуют такие обозначения повитухи, как *хрестная бабушка* и *посаженая бабушка*. Она же исполняет и ритуал предварительного, «домашнего» крещения, которое в случае ранней смерти ребенка считается достаточным для того, чтобы рассматривать умершего как христианина. Магическая сила приписывается имени, которое нарекают младенцу: самые распространенные имена (Иван и Мария) или, наоборот, самые редкие, вышедшие из употребления (Ефим, Гордей, Захар), имена первых людей (Адам и Ева), как и имена родителей, призваны спасти ребенка в семьях, где дети умирают один за другим (см.: [Толстые 1998]).

Окончательное включение ребенка в социум, в общину происходит в результате церковного крещения. До этого момента статус ребенка остается неопределенным: с одной стороны, новорожденный — дар Божий, и его называют *багданка*, но, с другой, он человек другой веры — *нехристь, ирад*, он даже обозначается как демонологический персонаж — привидение (*маняк*). См. также: [Кабакова 1994а].

Крестины выступают как неотъемлемый этап на пути интеграции ребенка. С помощью главного блюда, подаваемого на обеде, — каши или *бабиной каши*, поскольку она готовится повитухой, происходит наделение долей нового члена общества и, кроме того, плодovitостью всех участниц праздника. На кашу кладут и деньги, которые идут на оплату услуг повитухи, хотя терминология сбора пожертвований, казалось бы, подразумевает другого адресата (роженицу) и указывает на совсем другую цель: покупку одежды или обуви для младенца (*на пелюшки, на шапку, на віночок, на штаны, на чэрэвичку*). Таким образом, вся община оплачивает услуги повивальной бабки, но семья со своей стороны должна тоже одарить ее, что и происходит на крестинах, на следующем за ним обряде *зливачны, зливки* и на первые именины ребенка. Расплата в форме одаривания описывается как освобождение повитухи; в действительности же мать ребенка освобождается от связывающих ее обязательств и «выкупает» у повитухи ребенка, который до этого принадлежит ей по праву.

Младенец, до тех пор пока его формирование не закончено, пока он не приобрел необходимой твердости, считается уязвимым для порчи. Особенно опасной считается встреча двух матерей с младенцами, обозначаемая в Полесье как *знос, зносины* [Кабакова 1999]. Применяемые в этом случае апотропейные формулы построены как «обмен»: зло, насылаемое соперницей, возвращается ей, а себе оставляются пожелания добра.

О том, насколько соответствует реальности эта тактика «ответного удара», свидетельствует нарратив, показывающий, что подобный прием практиковался достаточно широко и что смерть ребенка вследствие «возвращенной» порчи не считалась ни преступлением, ни грехом. Такая реакция вытекает из общей концепции доли и судьбы отдельного человека. Доля человека, безусловно, уникальна, единственна в своем роде, но она может быть отнята недоброжелателем. Подобные страхи связываются не только с рождением ребенка, но и с другими благами: урожаем, приплодом скота, успехом в ткачестве и под., отсюда и общие обереги и магические приемы, применяемые в случае родов, отела, ткачества и пр.

Уход за ребенком в течение первых двенадцати месяцев отвечает двум задачам: выпрямить скрюченное в материнском чреве тельце и зафиксировать его в распрямленном положении. Напротив того, обряды, приуроченные к первой годовщине, призваны высвободить, «развязать» тело, а также моторные и интеллектуальные способности ребенка. Важнейшим обрядом, отмечающим начало выхода ребенка из-под материнской опеки и перехода во власть отца, выступают *пострижины*.

Окончательное расставание с материнским телом происходит во время отлучения от груди. Символически этот важный этап оформляется как переход от жидкой пищи к полужидкой (каша) и твердой (хлеб), от материнской к отцовской: так, в детском языке хлеб называют *папкой*.

Для детей младшего возраста (до 7 лет) используются как дифференцированные обозначения (*хлопчик, дивчинка*), так и недифференцированные (*младенец, блазнюк, блазнота*). Переход в следующую возрастную категорию, который приурочен примерно к семи годам, формально обозначается сменой одежды: если до этого возраста независимо от пола дети носили одинаковую одежду, то теперь ребенку надевается одежда, более подходящая его полу: юбка или штаны. Впрочем в некоторых локальных традициях надевание девичьей одежды (юбки) могло происходить и значительно позднее, уже на свадьбе. Что касается лексики, то важно отметить колебания в роде в именовании девочки-подростка: от корня *дев- образуются как существительные женского рода *дівчинка, дзевачка, дзейча, дзейчання*, так и мужского *дівчук*, что, возможно, свидетельствует о половой «неопределенности» этого возраста.

Содержательно этот переход связан с началом трудовой деятельности, обучением ремеслам. Для девочки первой обязанностью

оказывается уход за младшими детьми; ритуально отмеченными выступают работы ткацкого цикла: трудовая инициация происходит при изготовлении девочкой первой нити (пряжи). Вторая инициация отмечает переход в возрастную группу подростков и физиологически соответствует наступлению половой зрелости.

«Возрастная» терминология отражает специфику восточнославянской концепции человеческой жизни. Про девочку до наступления физиологической зрелости говорят, что она еще не цветет (*нема еще цвіту*), что она не достигла еще возраста (*до зросту*). Идея «недостижения» возраста присутствует и в лексике, относящейся к подросткам обоего пола: *підліткі, підросткі, недоростки* (хотя встречается и термин *выросток*). Когда же девочка переступила этот важный возрастной порог, про нее говорят, что она *ужэ ўходіт у дзёку* или что она *вошла в годы*. Следует подчеркнуть, что возраст понимается как период наиболее полного расцвета жизненных сил и реализации юридических прав и трудовых функций. *Возраст, годы* применительно к женщине — это тот период, когда она осуществляет свое предназначение: выходит замуж, рождает и воспитывает и устраивает судьбу детей. Когда, выполнив свой долг, она покинет категорию способных к деторождению женщин, про нее скажут, что она *з годоў выходылась ужэ*.

Идея расцвета, цветения в связи с человеком и его разнообразными жизненными проявлениями видна в украинской фразеологии: *на цвіту прибитый* «бесплодный, неразвившийся», «от природы бессильный, глупый (о человеке)», *нема з його цвіту* «нет у него здоровья, ума», и в белорусской (туrowsкой) «некі пусты чоловек, нема краскі, сілы у ём, нема у ём клёку». При этом цветение могло осмысляться и как временное состояние, за которым должно было последовать плодоношение. В случае же, когда это состояние длилось сверх обычного срока, оно оценивалось негативно. Так, с помощью растительного кода выражалось осуждение старой девы, про нее говорили, что она *сидит маком* или, хуже того, *у пук пошла*.

Подростковый возраст — время постепенного включения индивида в молодежные группы, более (в случае парней) или менее (в случае девушек) структурированные. Участие в этих группах было подчинено матримониальным задачам; девушка, вошедшая в молодежную группу, считалась потенциальной невестой и обозначалась соответствующими свадебными терминами: *каралева* или *княгиня*. Сближение полов в рамках молодежных

групп ставит перед молодежью, а в особенности перед девушками достаточно сложную задачу. Двойная мораль приводит к тому, что девушка, которая уступит ухаживаниям своего кавалера, забеременеет и не выйдет за него замуж, подвергается наказанию со стороны пожилых женщин или парней. Оно заключается в насильственной перемене внешнего облика, ей меняют девичий головной убор на женский — в нормальной ситуации это происходит в рамках свадебного обряда.

Но главное наказание заключается в языковом осуждении. Разнообразная лексика, относящаяся к девушке-матери и ее ребенку, красноречиво выражает традиционный взгляд, прежде всего женский, на девушку, не справившуюся с двуединой задачей: заключением брака и рождением законного потомства. Укажем несколько семантических моделей. Первая упоминает новый головной убор; речь идет о производных от корня *крыт-*: *покрытка, накрытка, скрытка, самакрытка*. Вторая локализует место грехопадения или рождения ребенка, при этом оно всегда находится вне жилой среды или на ее границе: *подплотница, подвугольница, падугольная, крапийница, падкрапийница* «мать» и *подтынник, подплотник, подплетник, крапивник, подкрапивник*, а также *баркан, банкар* (от *баркан* «забор») «внебрачный ребенок». Третья модель подчеркивает отсутствие отца у ребенка: *безбатчына, безбачынка*. Его происхождение обозначается только по матери — *дяўчур*, что в патриархальном обществе выглядит крайне оскорбительно (ср. также *бабич* от *баба* «повитуха»). Это ребенок, который родился без главного обряда, легализующего половую жизнь, — свадьбы, которая метонимически упоминается через ее главный ритуальный элемент: *безкоровайчук, безкоровайный сын*. К этой модели близка и третья, которая настаивает на «стихийном», случайном происхождении ребенка: он *самосей, саморожджэны*, его *вітром надуло*. Он — *найдёнак, найдёничик, найдёныш, (з)найдзён*. Наряду с этим широкое распространение имеют и немотивированные термины, относящиеся к бастарду: *байструк, байстря, байстручане* (и производные обозначения его матери *байстручница, -ка, -ыха, бастроводныца*), *бенек, бенкач*. Если в социально-экономическом отношении такой ребенок становится изгоем, то в мифологическом ему приписывается большая продуцирующая сила (ведь он плод любви), а также склонность к колдовству. См.: [Кабакова 1992].

Правила заключения брачных связей в Полесье отражают преимущественно эндогамный характер браков. Свадьба как

обряд соответствует схеме обряда инициации, при этом главным субъектом переходного обряда выступает невеста, поскольку именно она подвергается испытаниям и переживает основные перемены. Первая половина свадебного обряда, проникнутая тревогой и печалью, посвящена символической смерти девушки, а вторая, которая следует за брачной ночью, как правило, веселая, строится вокруг возрождения невесты, прошедшей инициацию, в качестве замужней женщины. Обилие и сложность символического языка свадьбы, включающего словесные, поведенческие и предметные метафоры, призваны доказать правильное функционирование общества.

Коса невесты символизирует девичью честь — центральный концепт полесской свадьбы. В развитой номенклатуре свадебных чинов предусмотрены особые персонажи, которые занимаются переменой прически невесты; их названия образованы от объекта их деятельности (*закаса, закосяне, косник, (за)косянка*), а также от самого действия (*завивальница*). Невесте расплетают косы (как и во время родов), и венчание становится единственной ситуацией, когда женщина появляется на людях с распущенными волосами. По окончании обряда косу отрезают, а затем ее хранят всю жизнь и кладут в гроб, чтобы после смерти вернуть телу утраченную целостность.

Другой важный символический акт — раздача каравая, посредством которого каждый участник свадебного пира наделяется толикой общего счастья, общей судьбы, как при раздаче каши на крестинах. В свою очередь гости отдаривают новобрачных реальными или воображаемыми, пародийными подарками, сопровождая их рифмованными формулами-пожеланиями: «Я вам дарю бджоли на зеленім дубі, щоб молоді цілувалися в губи», в которых развиваются эротические темы. Кроме успешной сексуальной жизни молодым желают обильного и удачного потомства: «Шоб за цєю ночку и сына и дочку», «Дару вам щчасця, долі і белага сыра і до году сына». Пожелания потомства сопровождают и другие эпизоды свадьбы, формулируются они не только вербально, но и с помощью предметов с признаком множественности (зерна, конфеты, сухой сыр, крупички каши, монеты), которыми осыпают молодых. Если несчетное множество ассоциируется с высокой плодовитостью, то счет, напротив, мыслится как магическое действие, которое может на некоторое время приостановить зачатие, отсрочить наступление первой беременности. Так, невеста во время свадебной трапезы подкладывает под себя столько пальцев, сколько лет

она не хочет иметь детей. При этом такая символическая временная «контрацепция» считается вполне допустимой и не противоречащей традиционной морали.

Таким образом, во время свадьбы происходит перераспределение счастья и доли, как при разделе хлеба, так и при перемене девичьей прически, о чем пишет и А. К. Байбурин, замечая, что на каждом отмеченном ритуалом этапе жизни человек наделяется новой долей. В контексте свадьбы и, шире, брака доля получает и конкретное значение «суженый»/«суженая», «супруг»/«супруга». Свадьба как переходный обряд переживается как период опасный, жертвами порчи потенциально могут стать все ее участники (известны многочисленные рассказы об обращении свадебного поезда в стаю волков), но наибольшей опасности подвергается невеста. Одна из серьезных угроз — уничтожение доли, плодовитости невесты. Способы отнимания многочисленны, один из самых эффективных — нарушение правил обмена дарами. Как показывает анализ нескольких нарративов, отниманием плодовитости занимаются в основном женщины старшего поколения, как правило, свекровь или ее родственницы того же поколения. Парадокс заключается в том, что именно на свекрови лежит ответственность за плодовитость молодой: вместе с браздами правления, символизируемыми домашней утварью, она передает своей будущей преемнице не только хозяйственные, но и детородные функции, надевая на нее предметы своей одежды (головной убор или пояс).

Концепт чести занимает центральное место в свадебной обрядности. Следы осуществленной дефлорации, которые свидетельствуют как о благополучно сохраненной до свадьбы девственности невесты, так и о мужской силе жениха, публично демонстрируются всем участникам свадьбы. Если молодые отвечают предъявляемым к ним обществом требованиям, то свадьба перерастает во всеобщее веселье (как показали Н. И. и С. М. Толстые, обрядовый термин *vesille* актуализирует семантику веселья).

Обрядовые метафоры чести, с помощью которых сообщается добрая весть о том, что невеста была девственна (*честная, хорошая, совестная, непрогуляна*), так или иначе варьируют мотив красного цвета (красные флаг, фартук, рушник, платок, лента, нить или любой кусок ткани). Особое место занимает среди этих метафор калина, которая присутствует не только физически (свадебный хлеб украшают калиной и перевязывают красной ниткой), но и упоминается в песнях, посвященных «честной»

невесте («Ой у лузи калина всёй луг закрасила»), и в фразеологии: *ламати калину* «лишить девственности», *стратить калину* «про девушку, утратившую девственность до брака». В целом растительный код характерен для обозначения девственности: *загубити вінка* «потерять невинность до свадьбы». «Цветовая» семантика содержится и в абстрактном термине *крас* «целомудрие» и в фразеологизме *красити рід* «прославить род».

Последнее выражение, которое многократно повторяется в свадебной лирике, до некоторой степени проливает свет на тот смысл, который вкладывается в Полесье в понятие чести. Столь большое значение чести придается в силу того, что семья нуждается в гарантии законности будущего потомства. Речь идет не столько об индивидуальной чести, сколько о семейной. Вся семья невесты, в первую очередь родители и брат, отвечает за то, чтобы невеста соответствовала брачным требованиям. На практике же в случае, если невеста потеряла девственность до свадьбы с женихом, молодой спасал ее от бесчестья, подделывая следы дефлорации. Таким образом, честь превращается из общественной проблемы в личную. Вообще же честь имеет не абсолютную, а относительную ценность (старых дев порицают не меньше, чем распутниц). Важна не честь сама по себе, а ее правильная циркуляция, передача от одной семьи к другой, от одного «рода» к другому.

Метафоры чести (и бесчестья) используют и кулинарный код. Если невеста была девственницей, гостям подают вино или сладкую водку, настоянную на красных ягодах, или сироп из свеклы в целых рюмках. Таким образом, признак «красное» сочетается с двумя другими важными семантическими признаками «сладкое» и «целое». Сладкое осознается как устойчивый признак женщины и женской сексуальности. Сладкое, соотносимое на свадьбе с девственностью, противопоставляется несладкому или соленому как знаку моральной испорченности (в зависимости от исхода брачной ночи гостям подается каша с медом или соленая).

Другим выразительным средством для описания состояния невесты служит посуда. «Честную» невесту чествуют целой посудой, а «прогулянную» — битой. Впрочем битая посуда может прочитываться и как отрицание, уничтожение девственности и в таком качестве противопоставляться дырявому предмету — олицетворению испорченного, негодного, худого.

«Нечестную» невесту в порядке осуждения изгоняют за пределы дома, жилого пространства в лес или на болото, что

актуализирует представление о невесте как о посторонней, неизвестной (ср. этимологию самого термина *невеста*, *невехна*), которая в свадебном фольклоре приходит из леса, издалека или вообще ниоткуда; она не только не знает самых обычных вещей, но и вообще не принадлежит к человеческой породе (ср. ее обозначения в свадебном фольклоре: *мядзведзіца*, *людаядзіца*). Поскольку честь — ценность семейная, родовая, то и отвечает за нечестность молодой вся ее семья: родителей уподобляют тягловой скотине, надев на них хомут, и заставляют в таком виде обходить все село. Кроме того, нападению и частичному разрушению подвергается и дом молодой: здесь бьют посуду, ломают лавки, печь, мажут дегтем стены дома. См. также: [Толстая 1996]. Такие ритуальные бесчинства могли иметь и иной смысл: вместо наказания они становились испытанием невесты, так как ей надлежало починить разрушенные предметы. В обоих случаях с помощью узаконенного обычая «антиповедения» общество отмечает значимый переходный этап в жизни своих членов.

В структуре свадьбы прослеживается определенная симметрия тем и мотивов. Так, например, высказанным накануне пожеланиям плодovitости соответствует мгновенная реализация: пришедшим наутро после брачной ночи родителям молодой предъявляют куклу, изображающую первенца молодой пары. Драматическим плачам невесты в начале свадьбы соответствуют комические жалобы поддельной невесты после первой ночи. Раздача каравая у невесты дублируется раздачей каравая у молодого.

В пользу известной этимологии слова *каравай* (от **корова*), а следовательно и трактовки этого обрядового хлеба как реликта древнего жертвоприношения животного свидетельствует бытовавшее наряду с разделом настоящего каравая и пародийное жертвоприношение так называемой *яловицы*, в действительности курицы. При этом из формул, сопровождающих распределение кусков между семьей молодой и гостями, следует, что это жертвоприношение имеет двойной смысл: с одной стороны, эта курица-яловица не что иное, как сама невеста, принесенная в жертву, но вместе с тем — это и выкуп за невесту.

Окончание свадьбы посвящено ритуальным действиям, оформляющим переход в новый статус не только молодых, но и их родителей, в особенности тех, кто женил и выдал замуж последнего ребенка и, следовательно, выполнил свои родительские обязанности. Это означает, что они должны покинуть возрастную группу взрослых, способных к деторождению, так как молодо-

жены, допущенные в нее, вытесняют из нее предыдущее поколение. Этот переход может быть изображен в виде комической сценки под названием «хвост», пародирующей свадебный пир или церковное венчание. Мать, получив в рамках этой сценки венки, тем самым символически причисляется к возрасту невинности, девственности и постепенно теряет свою половую идентичность. Чтобы показать, что переход бесповоротен, посреди хаты вбивают затычку (это называется *забивати чоп, п'яту*), тем самым символически затыкают лоно матери семейства, кладут конец ее беременностям. Известен и другой символический способ продемонстрировать этот переход: на животе у свекрови разбивают горшок каши, а его содержимое опрокидывают на молодую, тем самым забирая плодовитость у старой хозяйки и передавая ее молодой.

Терминология и «мифология» *месячных* как одно из самых характерных проявлений женской физиологии были подробно проанализированы Т. А. Агапкиной [Агапкина 1996]. Превращение девушки в женщину заставляет ее изменить отношение к собственному телу: если девушки старательно прятали свои регулы от окружающих, то замужние не придавали им особого значения, и следы крови были видны на одежде. С этим обстоятельством связаны наиболее распространенные в Полесье обозначения менструации, которые строятся как локативные конструкции, указывающие на те предметы одежды, на которых проступает менструальная кровь: *на рубашке, на сорочке, на одеже, на беллі*. От этих конструкций могут быть образованы существительные женского или мужского рода (*нарубашеныца, нарубашник*) и субстантивированные прилагательные (*рубашечно, рубашное, нарубашное, палацейнае, сорочечно*). Названия одежды могут входить в состав словосочетаний существительное + прилагательное, обозначающее либо регулярность явления (*мисячна сорочка*), либо нечистоту объекта (*грязна рубашка*). Семантика грязи содержится и в других названиях менструации (*гразне, в гразности*) и самой женщины (*грязна, засорена женщина*).

Менструация может восприниматься как конкретная реализация абстрактного понятия времени: «у этой девки ўрэмя», «у мене сегодня свій час». Как и литературные языки, диалекты подчеркивают месячную регулярность этого физиологического явления: *мисячные, мисячка, мисячко*. Этот особый период времени осознается как плохое время, так как он означает перерыв в обычном трудовом ритме женщины, отсюда и ис-

пользование «праздничной» лексики: *весилле началось, демастрация, прышоу шабас, субота*.

Менструация описывается как свойство женского организма: *женська, бабська*, иногда как признак молодости: *малодое*. Возможна и другая мотивировка термина, основанная на синхронности ритма жизни женского организма и луны: считается, что менструация бывает только «на молодик», т. е. в первой четверти. В этот период чрево женщины раскрывается, про него говорят, что оно *разъихалось*. Женщина очищается, «моется» изнутри: *стыраеця, переца* (ср. также *пранина* «послеродовое кровотечение»).

В терминологии менструации встречаются и эвфемистические описания явления через его цветовую характеристику эксплицитно (*чэрвоны дни, краски идуть, красные партизаны*) и имплицитно (*нос разбила*). В обозначениях женской крови семантика красного связывается с представлением о цветении. В Полесье термин *цветки женски* «регулы» встречается очень редко (он более характерен для других украинских и польских ареалов) и воспринимается скорее как позитивный, «реабилитирующий» женщину.

Однако в целом менструация оценивается прежде всего как грех и нечистота. Такое восприятие менструации мотивирует значительное сужение экономической и социальной сферы деятельности женщины в период ее ежемесячного «недомогания». Прежде всего ограничения касаются контакта с предметами культа. За нарушение данного запрета женщина «расплачивалась» физиологией: у нее шли месячные в течение всех праздников, тем самым она практически исключалась из жизни сообщества. В связи с этим запретом рассматривается и структура церковного пространства. Оно «осваивалось» исходя из представлений о физиологии и половозрастных категорий сельского общества: наиболее престижный правый притвор занимался мужчинами и парнями, левый — стариками, в середине стояли мальчишки, а женщины и девушки находились в *бабинце* (в зависимости от локальной традиции термин может относиться к звоннице, сеням, крыльцу, изредка к западному притвору).

Запрет на вход в основное пространство храма равнозначен исключению женщины из участия в основных ритуалах семейного цикла, во всяком случае на первых ролях. Она не может выступать в роли повитухи, крестной матери, дружки. Жар, исходящий от нее, как и жар роженицы, вредоносен для окружающих и прежде всего для самых уязвимых существ,

новорожденных. Потенциальной опасностью контакта «нечистой» женщины с младенцем считают искажение его половой идентичности.

Женская «нечистота» опасна для всех проявлений жизни, так как она подавляет, уничтожает жизненную силу. Она угрожает всякому плодоносящему началу в природе, но особенно она вредна для культурных растений. Такое представление о негативном влиянии на окружающий мир месячных вытекает из двойственности их восприятия в традиционной культуре: менструальная кровь — это и знак готовности организма к деторождению, и знак временного бесплодия. Женская «грязь» особо опасна для продуктов, предназначенных к долгой ферментации: процесс окисления нарушается, продукты начинают гнить, «цвести» (ср. однокоренное обозначение регул), издавать запах, отсюда запрет ставить квасить овощи, солить сало, заквашивать тесто. Вместе с тем открытое, как после родов, тело не только вредоносно для окружения, но и само уязвимо для нежелательных влияний извне. Впрочем, менструальной крови могут приписываться и положительные значения, поскольку она способна подавить и даже уничтожить, например, болезни или насекомых-вредителей.

Бесплодие в традиционном обществе в целом оценивается крайне негативно, а вина за него возлагается в основном на женщину. Бесплодием женщина расплачивается за свои грехи (при этом чаще всего упоминается аборт, а сама бездетная женщина называется *страчанка* или *посрачуха*, т. е. скинувшая плод) или за грехи родителей. Среди обозначений бездетной наиболее распространены лексемы, образованные от основ **без-дет-*: *бездетуха*, *бездитныца*, *быздитнуха*, *бэздетоха*, *бездитка*, **бес-плод*: *бисплодна*, *бесплодница*, **неплод*: *неплодна*. В основном подобные обозначения оценочны: такую женщину считают пустой (*пуста*, *пустушка*, *нясчымная*).

Термины, образованные от **плод-*, характерны для растительного кода в описании женской физиологии (многодетную называют *плодна*, (*на*)*плодница*, *плодоўица*). Кроме того встречаются и термины, образованные от корня **сем-*: *биссяменка*, *биссяменная* «бездетная», *семянная*, *семяннистая* «многодетная». Применительно к такой женщине могут использоваться и термины, общие для животного и растительного мира. Так, основа **ялов-* используется в лексике, относящейся к бездетной женщине, молодому животному, неплодоносящему фруктовому дереву.

Для презрительного обозначения бездетной женщины используются названия мужских особей домашних животных, а также курицы-гермафродита. *Курак, курач, курьяк, дурнокур* — эти термины по аналогии означают гермафродита, человека с неопределенной половой принадлежностью и соответствующим типом поведения. Отсутствие детей также входит в понятие гермафродита, так как именно наличие потомства считается отличительным признаком женщины. На языке животного кода осуждают и многодетную мать, которую чаще всего обзывают крольчихой (*крольця, королюця, труска, трусыха, трусица*), свиньей (*свиння поросная, свинаматка, поросячка*) и т. п. Экспрессивные глаголы, описывающие частое деторождение, тоже отсылают к животному миру (*натрусить, навести, наплодить, накотить, напоросить* и т. п.). Осуждение многодетной матери исходит прежде всего от самих женщин, которые считают обильное потомство результатом колдовства. Отметим, что подобная негативная оценка противоречит социальному идеалу, который видит в детях залог процветания семьи.

Вне заботы о воспроизводстве рода половая жизнь расценивалась как занятие греховное. Забота о здоровье и благополучии потомства объясняет строгую временную регламентацию сексуальной сферы, побуждая воздержание в канун праздников и в посты. Логика этимологической магии, которая опирается, как правило, на грамматический род, подсказывает выбор благоприятных дней для зачатия детей мужского или женского пола. «Мужские» дни (понедельник, вторник, четверг) способствуют зачатию мальчиков, женские (среда, пятница, суббота) — девочек.

Многочисленные названия беременной образованы от корней со значениями «живот» (*чаравата, брюхата, пузата*), «тяжесть» (*тяжелая, тяжарная, важка, вагитна, грузна*), «толстая» (*толста, грубая, гладка*), «занятая», «непустая», «наполненная» (*занята, непорожна, неслободна, негуляшча, поўна*). Кроме того используются и описательные (*у важках, у тяжках, под ношей*), и эвфемистические конструкции (*в тяжелом положении, в хороших достатках, гароху обгелась*).

Отношение к беременной женщине противоречиво. С одной стороны, она считается святой, которую защищает незримая сила. С другой, она уязвима для вредных влияний извне и с трудом может защитить плод от агрессии внешнего мира. Беременность не освобождает женщину от ее обычных обязанностей, зато она дает повод для огромного числа запретов и предписаний. Можно выделить основные темы и мотивы правил поведе-

ния во время беременности: избегание границ, нитей, своей формой напоминающих пуповину, и колющих инструментов, контроль над эмоциями, отказ от нанесения ущерба, разборчивость в еде, почитание светил.

В силу нестабильности своего положения беременная способна повредить окружающим, хотя о «нечистоте» беременной и не говорят так открыто, как о «нечистоте» женщины во время регул. И та, и другая подавляют продуцирующую силу не только людей, но также животных и растений. Нечистота беременной может материализоваться в облике мыши, которая мстит обидчикам беременной, уничтожая одежду и запасы зерна. Она символизирует подавленные страхи, которые внушает беременная, а также притязания беременной на чужую долю, которая необходима ей для успешного вынашивания плода.

Наряду с растительным и животным кодами для описания женщины используются и «хлебные» метафоры. Ее чрево мыслится как дежа, полная теста, необходимого для воспроизводства, которая периодически наполняется и опорожняется. Когда почти весь запас теста исчерпан, по стенкам остаются лишь остатки, из которых и «делается» последний ребенок. По аналогии с булочкой, выпекаемой из остатков теста, последний ребенок обозначается терминами, образованными от корня *скреб-: *падскрёбыш, сашробак, саскрёбух, посрёбак, вышкребок, вышкребец, выскребтуха, заскрёбыш*. Другие термины, относящиеся к такому ребенку, имеют значение «последний» (*опишнее, последаш, позадок*), «поздний» (*пазднюр, пазнячок*), «малоудачный потомок» (*высерок, знисок, выродок*), «мизинец», «самый маленький в ряду» (*мазынец, мазинни, мизынчик*), «наследник» (*наследничек*), «опекун» (*опекуш, апикун*). См.: [Кабакова 1994]. Последние два значения отражают логику обычного права: младший сын остается с престарелыми родителями и наследует дом после их смерти. Этот ребенок — самый «отмеченный» член семьи (наряду с самым первым), ему доверяются многие ответственные функции, особенно в «трудовых» ритуалах. Но главный талант «последыша» — терапевтический, источник которого видят в его «хорошей» крови, которую он наследует от матери. Получается, что кровь постепенно очищается на протяжении женского века и к концу детородного периода она уже не представляет угрозы для окружающих. Но до тех пор пока ее жизненная программа не выполнена, женщина вынуждена вести борьбу с себе подобными за выживание, за свою долю и за долю своих детей. Эта изнурительная борьба отрав-

ляет ее кровь, необходимую для формирования плода (показательно в этом смысле еще одно прозвище бесплодной женщины — *бескровица*), и, соответственно, отравляет кровь ее детей.

Этиологические тексты объясняют не только историю происхождения человека и несовершенства его природы, но и причины неравноправия женщины и мужчины в социальной и экономической сферах. Из этих легенд следует, что вина за избыток работы лежит на самой женщине: она была слишком груба с Христом и отказалась показать ему дорогу, за что и была проклята. По другой легенде, мужчинам удалось добиться от Бога, чтобы он убавил работы, а женщинам — нет, так как они неудачно выбрали посредника. Третья история стоит несколько особняком, она представляет собой вариант известной сказки о вражде кошки и собаки, которая возникла в результате исчезновения бумаги с «женскими правами». В этих «правах» были указаны прежде всего сферы деятельности женщины.

Как и во многих других европейских традициях, в Полесье разделение работ между полами не имеет одинакового значения для мужчины и женщины: если женщина в принципе способна брать на себя мужскую работу, не теряя своей половой и социальной идентичности, мужчина, который берется за женскую работу, становится всеобщим посмешищем. Считается, что он не в состоянии заменить женщину, более того, простое прикосновение мужчины к женским орудиям труда оказывается обоюдно опасным: он теряет мужественность как в облике, так и в поведении (например, в сексуальной сфере). А с другой стороны, он сам негативно влияет на результаты женской работы, например, из-за него может не удался хлеб, выпечка которого находится в исключительном ведении женщины.

Разделение работ на мужские и женские и взаимодополняемость полов выступают как два основных принципа организации труда. В земледельческом цикле за мужчиной прочно закреплены сев и пахота. В этих высоко символических занятиях прослеживаются отчетливо эротические мотивы, связанные с восприятием сева как оплодотворения. Требование ритуальной чистоты при засеве ржи и льна исключает всякое, даже опосредствованное участие женщины. Напротив того, огородничество находится полностью в ведении женщин. Эротизм многочисленных жестов, сопровождающих посадку овощных культур, должен не только разбудить продуцирующую силу земли, но и улучшить качество культур. Телесный контакт с землей, беременной будущим урожаем, необходим и земле, и человеку,

который на ней трудится: земля возвращает ему сторицей силу, потраченную при ее обработке, дарит ему здоровье, любовь избранника (избранницы).

Жатва выступает как зеркальное отражение сева, но на этот раз женщина занимает место мужчины. Некоторые детали (например, главная исполнительница ритуала зажина — молодлица, жесты, ритуальное угощение — каша) указывают на аналогию между жатвой и родами.

Забота о сохранении «спора» (концепт, который в полеской картине мира соответствует «доле» человека), плодородия, удачи в работе проходит через все обряды аграрного цикла. Если в начале цикла, при засеве, забота о нем лежит на мужчине, то в дальнейшем в борьбу за него включается женщина. Одним из наиболее действенных способов сохранения «спора» является магическое слово, заговор и благопожелание (например, «Дай, Боже, спор», «Спешно да спорненько вам»).

В традиционных представлениях предназначение женщины заниматься прядением и ткачеством выступает как наказание за первородный грех. Эти занятия, как и земледелие (которое осмысливается в тех же категориях), лежат в основе всей христианской цивилизации. Занимаясь ткачеством, женщина выступает в роли демиурга, «ткущего» мир. При этом в загадках взаимодействие женщины и ткацкого станка описывается как совокупление (например, «Ногою тупну, прыпну; мохнатыця роззявыця, голыша упхну»), а женщине приписывается роль мужчины, так как в данной культуре роль творца, созидателя, обладающего особыми знаниями, принадлежит прежде всего мужчине. Ткачество как главное занятие структурирует весь ритм жизни женщины: с одной стороны, взросление сопровождается освоением разных ткацких операций, с другой, годовой, месячный и недельный циклы также подчинены ритму ткацкого процесса. Работы М. Р. Павловой [Павлова 1990] и Е. А. Боряк [Боряк 1989] показали, насколько ткацкий цикл изоморфен жизненному циклу человека. Многочисленные запреты, регламентирующие ткачество, касаются физиологии женщины. Женщина-ткачиха несет ответственность не только за себя, за свое потомство, но и за всякую новую жизнь. От правильности ее поведения, соблюдения всех предписаний зависит благополучие не только живых, но и предков. Кроме того, только женщины, демиурги по призванию, способны в случае потрясений и катаклизмов, угрожающих порядку в обществе и мире, восстановить нарушенное равновесие, изготовив за один день

«обыденный» рушник, другими словами, создав, «соткав» мир заново в нарушение всех законов времени и пространства.

По смерти судят о прожитой жизни, но человек ежедневно познает смерть: сон осмысливается как временная кончина, так как во время сна душа покидает тело. Знание о загробной жизни передается человеку во время так называемого обмирания, которое и этимологически связано со смертью, поскольку оба слова образованы от основы **мер-/мир-*. На том свете каждый получает по заслугам, наказание соответствует совершенным грехам и преступлениям. Наказывается также и невыполнение земного предназначения: стародевичество, бездетность.

Знаки предстоящей кончины угадываются в непривычных звуках, странном поведении животных, но их прочитывают прежде всего на теле человека. В терминологии особо подчеркивается запах, который исходит от человека, приблизившегося к концу жизни, он *трупом пахнэ, землю смэрдэть*. Земля проникает в человека, она издает соблазнительный запах, как бы приманивая своего избранника: она *пахнет (пахтыть) ему обаранком, яблыками*. Обширная фразеология, относящаяся к умиранию, строится вокруг нескольких центральных «сюжетообразующих» тем (см.: [Толстая 1999]).

Смерть понимается как долгий путь. В Западном Полесье говорят: умирающий *стоит на дороге, очи в дорогу вбив, дорога йому открыта*. Дорога может характеризоваться как *своя, йедина, божа, смертна*, это *останний путь*. Могут уточняться и конечные пункты этого пути: земля и кладбище. Последнее эфемистически описывается по его местонахождению или находящейся на нем растительности (*хвоина, гай, березки*). Смерть осмысливается и как уход (умирающий *одходит, на отходи, на сходзе*), и в то же время как возвращение домой: умирающий *собираецца додому, пуйде до свейі доми, вибираецца до свейі хати*. Смерть — это особый дом, он описывается одновременно в категориях времени и пространства — *вечный и бесконечный*. Тема дома развивается также и в лексике, относящейся к гробу (*домовина, дамоўка, хата*) и могиле, и на «реальном» уровне — в их оформлении как жилого пространства.

Уход может также описываться как воссоединение с родственниками, предками, родом (*збираецца до своей родины, идэть да батьки, да матки; до дедов, до жонки, до своих, до своего рода, з продкамы за руку здоравется*). Применительно к женщине смерть описывается как выход замуж: она *собираецца замуж, до мужыка, на свой хлеб пошла, на свое местожительство*.

Сложность перехода от жизни к смерти налагает на присутствующих при кончине определенные обязанности. Неправильное поведение живых, например, неумеренное проявление горя «сбивает» умирающего с дороги (*пути, кроку*), отчего он обрекается на блуждание (ср. термины *бродить, брэдить* «находиться в состоянии агонии»). Средства облегчения смерти напоминают меры, принимаемые при тяжелых родах, это необходимо для того, чтобы высвободить путь душе, как при родах — ребенку. Агония мыслится как ожесточенная борьба между ангелом и чертом, которые сопровождают человека всю жизнь: они *урывают душу*, и посмертная судьба зависит от того, кто одержит победу в этом единоборстве. Кончина описывается как выход души (духа); в зависимости от прожитой жизни умерший «отдает» ее Богу или черту. Обстоятельства кончины: тихая смерть или насильственная, хорошая погода или буря, дают основания для оценки прожитой жизни.

По выходе души тело закрывается, выпрямляется, что отражается и в перифрастических обозначениях смерти: *ногы выправыты, занысты голову, зложыты ручки на груди, боруду задыраты, вочки закрыць*. Ему возвращают изначальную полноту, целостность: покойника хоронят со всеми частями тела, от которых он избавлялся при жизни (волосы, ногти, «сорочка»).

Загробная жизнь представляется одновременно и как продолжение земной жизни, и как ее восполнение. Поэтому покойника кладут в гроб с запасом одежды, часто с любимыми предметами, с атрибутами его профессии. Особый вариант представляют похороны молодых людей, в которых — присутствуют свадебные элементы: свадебная одежда, рушники, часть приданого, раздаваемого в подарок присутствующим, каравай, наряженное деревце-вильцэ, использование терминов свадебных чинов для обозначения участников похорон. Различие между полами сохраняется не только в одежде, но и в ориентации мертвого тела в пространстве дома, которое подчиняется основной семантической оппозиции правый/левый. Мужчину кладут на правую лавку, параллельную двери, женщину — на левую.

Особую проблему представляет «доля» покойного. Ее стараются «удержать» в доме, в семье, не дать ей уйти в потусторонний мир, для этого от покойного стараются откупиться деньгами или символической частью хозяйства, чтобы спасти остальное (см.: [Седакова 1990]). В свете этого яснее становится термин *нябожчык, небіжчик, небыжчыца* «покойник»: речь идет не только о «лишенном (лишившемся) жизненной силы в

абсолютной мере» (О. Седакова), но и о том, у кого отобрали или «выкупили» его долю. Другие же термины образованы от корней *мер-/мир (*мэртвец, мэръць, мырэць, мэрлэц, мертвяк, смерцяк, помэрший, умэрший*) и *покой- (*покойник, покойница*), причем две группы терминов могут распределяться во времени: захороненный *мэртвец* становится *покойником*. Восприятие покойника со временем меняется: по истечении года наряду с указанными обозначениями используется и терминология родства (*деды, прадеды, родители*), а затем и *предки*.

По мнению полешуков, дети являются вернувшимися на землю предками: эти представления связываются в первую очередь с умершими младенцами. Но судя по терминологии, такой «круговорот душ в природе» касался всех умерших. В некоторых диалектах (как и в ряде индоевропейских языков) обозначение потомков восходит к названию предков: туров. *прашчуры* «потомки», *прашчур* «праправнук», *прашчурэня* «ребенок праправнуков», житомир., киев. *пращур* «прапрадед», «праправнук».

Такая эволюция умерших представляется нормой, но в народной культуре предусмотрены и узаконенные традицией отклонения от нормы. Общее правило заключается в жестком разделении мира живых и мира мертвых и в строгой регламентации ежегодных возвращений предков на землю, но имеются и некоторые исключения. Среди них судьба умершего ребенка, особенно девочки, и девушки, не успевшей выйти замуж. Крещение, свадьба, рождение детей — единственно правильный жизненный путь, который позволяет душе обрести покой на том свете. Если земная жизнь прерывается на полпути, покойник, а точнее покойница вынуждена возвращаться на землю в надежде осуществить себя полностью.

В Полесье такие покойницы становятся русалками. Они приходят на Троицкой неделе — последний срок весеннего цикла свадеб — в надежде успеть за неделю осуществить все то, на что живым отводится полжизни: найти себе мужа и ребенка. Наибольшая активность их приходится на полнолуние, период, благоприятный для оплодотворения. Время пребывания русалок на земле описывается прежде всего как период цветения ржи (см.: [Виноградова 1995]). В терминах, описывающих цветение жита (*жито красуе(ца), рясуе, росуе, робыць, играе, цвіте, квіцець* и др.), встречаются соответствия терминам, относящимся к женской физиологии (*краски, цветы* «месячные»). В народных верованиях это состояние связывается с деятельностью русалок, которые танцуют в жите. Описывающие эту

деятельность глаголы *грають*, *гуляють* имеют отчетливую эротическую семантику (см.: [Толстая 2000б]). Таким образом, русалки оказываются наиболее полным выражением женского начала. Эти «девушки в цвету» находятся на пике своей формы, но поскольку они не нашли себе мужа, чтобы передать ему свою долю, свою честь, потенциальную силу воспроизводства, эта сила «разливается» в природе, на злаки, которые забирают себе девичью «красу» и благодаря ей плодоносят.

Рассматривая участие женщин в похоронном цикле, следует подчеркнуть, что они провожают покойного в последнее путешествие точно так же, как они принимают младенца, когда он появляется на свет. Они помогают телу раскрыться, душе высвободиться, а затем готовят обоих в дорогу. Помощь их заключается не только в жестах, действиях, но и в словах, которые они произносят или поют. На женщинах лежит забота о последнем расставании — живых и мертвых, именно они помогают вдове забыть покойника; они же делают все возможное, чтобы доля-удача не ушла из дома с покойником. Кроме того, смерть в представлениях, нарративах — всегда женщина. Она приходит за своей жертвой, которой чаще всего оказывается мужчина, но вместе с тем смерть — невеста, поэтому смертный исход может описываться не только как уход, но и как возвращение домой и как брак.

Подводя итоги, следует подчеркнуть дуалистичность общей картины мира и в особенности концепции женщины. Это создание, «производное» от мужчины, наносит вред не только себе, но также и всему роду человеческому. Этиологический дискурс объясняет подчиненное положение женщины в семье и обществе и несправедливое разделение труда.

Понятие «доли», определяющей предназначение человека, объясняет равновесие сил в мироздании. Она представляет собой третью составную человека, наряду с телом и душой. Доля проживается и исчерпывается несколько раз на протяжении человеческой жизни. В этом отношении женская судьба наиболее показательна: чтобы жизнь считалась удавшейся, женщина должна пройти через все биологические этапы, на которые запрограммировано ее тело, при этом этапы эти выглядят более контрастно, чем у мужчины.

Доля осмысливается как часть общей судьбы, но она не считается собственностью человека, так как дается ему лишь во временное пользование: ее может отнять и Всевышний, и ближний. На протяжении всего жизненного цикла именно женщина

выступает ее защитницей. Она охраняет не только свою долю, но и долю детей и всего хозяйства. Логика борьбы за долю, по сути, за выживание, навязывает «агрессивную» стратегию поведения. Эта борьба за долю, которая стихает лишь к концу земного существования, делает тело женщины нечистым, портит ее кровь и кровь ее детей.

С момента наступления физиологического бесплодия женщина, воспринимаемая как существо нечистое и горячее, «остывает» и очищается. Расставшись с ролью матери, она символически становится всеобщей матерью, как повитуха она заботится о потомстве всех женщин сообщества.

К концу жизни образ женщины постепенно сливается с образом земли, которая в традиционной картине мира обеспечивает постоянный круговорот живых существ в природе: она порождает детей и принимает мертвых в свое лоно. По сути, в символическом языке народной культуры земля описывается как женщина, а ее функционирование — как жизнь женского тела, она проходит через те же этапы: зачатие, беременность, роды. При этом ее плодам приписывается высокая символическая ценность. Подобный обмен языками описания, когда означаемое выступает в роли означающего и наоборот, и придает искомое единство миру.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Агапкина 1996 — Агапкина Т. А. Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 103–150.
- Боряк 1989 — Боряк Е. А. Традиционные знания, связанные с ткачеством. Канд. дисс. Киев, 1989 (машинопись).
- Виноградова 1995 — Виноградова Л. Н. Цветочное имя русалки: Славянские поверья о цветении растений // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995. С. 231–259.
- Кабакова 1992 — Кабакова Г. И. Дитя природы в системе природных и культурных кодов // Образ мира в слове и ритуале. М., 1992. С. 94–105.
- Кабакова 1993 — Кабакова Г. И. Золотые руки // *Philologia slavica*. М., 1993. С. 60–70.
- Кабакова 1994 — Кабакова Г. И. О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сыночках // Живая старина. 1994. № 4. С. 34–36.
- Кабакова 1994а — Кабакова Г. И. Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994. С. 312–317.
- Кабакова 1998 — Кабакова Г. И. На пороге жизни: новорожденный и его «двойники» // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 103–113.
- Кабакова 1999 — Кабакова Г. И. Адам и Ева в восточнославянском фольклоре // Живая старина. 1999. № 2. С. 2–4.

- Кабакова 1999а — Кабакова Г. И. Зносины, или словесные поединки, в Полесье // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 207–213.
- Кабакова, в печати — Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. В печати.
- Павлова 1990 — Павлова М. Р. Полесская терминология ткачества на общеславянском фоне. Канд. дисс. М., 1990 (машинопись).
- Седакова 1990 — Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 54–83.
- Толстая 1996 — Толстая С. М. Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 192–206.
- Толстая 1999 — Толстая С. М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 229–234.
- Толстая 2000 — Толстая С. М. Грех в свете славянской мифологии // Идея греха в славянской и еврейской народной традиции. М., 2000. С. 9–43.
- Толстая 2000а — Толстая С. М. Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. М., 2000.
- Толстая 2000б — Толстая С. М. Играть и гулять: семантический параллелизм // Этимология. 1997–1999. М., 2000. С. 164–171.
- Толстые 1998 — Толстые Н. И. и С. М. Имя в контексте народной культуры // Три доклада к XII Международному съезду славистов. Проблемы славянского языкознания. М., 1998. С. 88–125.

Н. В. БОГАТЫРЬ

КРЕСТИЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

Статья посвящена описанию одного из важнейших обрядов первого года жизни ребенка — крещению, а также связанных с ним обычаев, поверий, чинов крестильной обрядности восточнославянского населения Кубани. Хронологические рамки работы — конец XIX — первая половина XX вв. — обусловлены имеющимися в распоряжении автора данными.

При написании статьи были использованы полевые материалы отдела фольклора и этнографии Центра народной культуры Кубани 1985–1999 гг. (фольклорно-этнографические экспедиции в Лабинский, Мостовской, Майкопский, Отрадненский, Горячеключевской, Северский, Крымский, Курганинский, Кавказский, Тихорецкий, Ленинградский, Славянский, Калининский, Куцевский, Выселковский, Староминской, Приморско-Ахтарский, Анапский районы Краснодарского края, Зеленчукский и Урупский районы Карачаево-Черкесской Республики)*, материалы Государственного архива Краснодарского края, дореволюционной периодической печати.

Крещеный–некрещеный. Отношение к ребенку определялось как его биологическими характеристиками (возраст, пол, очередность рождения и т. п.), так и социальными, среди которых важнейшей являлась его включенность/невключенность в конфессиональную общину.

По распространенным представлениям, дитя от рождения до семи лет являлось безгрешным ангелом (ст. Баракаевская, Мостовской р-н и др.), младенцем; наказания за проступки, совершенные в этом возрасте, были не строгими, все прегрешения ложились на родных родителей¹ или только на мать²; он причащался, но не исповедовался; если дитя умирало до семи лет, по нем не надо было читать псалтырь. (С восьми лет ответчиком за свои поступки становился сам ребенок, считающийся с этого возраста отроком.) Младенчество состояло из двух периодов: до и после крещения/получения имени. В пер-

* Ссылки на полевые материалы см. по тексту в круглых скобках; указаны названия населенных пунктов и районы.

вый период ребенок был наиболее уязвимым, поэтому в доме не гасили лампаду, закрывали окна, чтобы ходящий за ними нечистый не мог обменять младенца (ст. Гостагаевская, Анапский р-н). С другой стороны, до крещения ребенок — «нехрист» (ст. Имеритинская, Горячеключевской р-н), «некрест» (ст. Григорьевская, Северский р-н), хотя и ангел, но родился только плотью (с. Киевское, Крымский р-н). До крещения ребенка не целовали, не одевали на него креста и рубашки; ср.: на том свете некрещенные дети «стоят в шеренгу..., ни одеты они, ни обуты...» (ст. Преградная, Урупский р-н КЧР), не клали в колыбель (ст. Крыловская, Ленинградский р-н; хут. Новонекрасовский, Приморско-Ахтарский р-н; ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н и др.). Только после крещения он мог носить «человеческий» оберег — небольшой узелок, в который клали щепотку соли, свяченого мака, кусочек печины — от сглаза (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). В случае смерти, некрещенный младенец не увидит царствия небесного, будет пребывать в вечной тьме³, т. к. не прошел крещения водой (ср.: в обмираниях таких детей представляли бродящими по темной комнате и натыкающимися на стены). Вина за отсутствие на ребенке креста ложилась на мать, именно ей он являлся во сне после смерти и просил креста, жаловался на изолированность от других детей [см., напр.: «...ана пахаранила некрищёнава, а он приснился: „Мама, усем, усем и ложечьки, и чашечьки, и усё кушать дають, а я некрищёный, мене ничиво не дають“» (ст. Преградная, Урупский р-н)]. Мать такого ребенка должна была купить несколько (3, 5, 9, 12, 40) нательных крестиков, свечек и раздать их живым или положить в гробики умершим детям (ст. Родниковская, Курганинский р-н и др.), сшить рубашечку и подарить в церкви крещаемому младенцу от своего дитяти (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н) и т. п. (однако, некрещенных детей, по воспоминаниям наших информантов, было не так уж много; «ненадежных» крестили сразу после рождения, поэтому, если дитя все же умирало некрещеным, то «по несчастью»). Умершего некрещеного ребенка нельзя было нести на кладбище («кладбище — священное место, а он не священный» (ст. Григорьевская, Северский р-н); похоронить некрещеного на кладбище — дождя не будет (с. Киевское, Крымский р-н)⁴; его хоронили дома, в саду, под деревом, в огороде, под глухой стеной или порогом⁵, за кладбищем или в воротах кладбища, чтобы заходящие могли его «выкрещивать»; креста такому младенцу не ставили. Некрещеного ребенка не поминали,

единственным помином ему считали — соблюдаемый матерью запрет есть до Спаса яблоки (ст. Малотенгинская, Отрадненский р-н и др.).

Одним из основных мотивов крещения ребенка было желание обеспечить ему здоровье, спокойствие и рост, возможность получать помощь у лекарок (см., напр.: во время крещения Бог дотронулся до ребенка рукой, сделал его чистым, непорочным, и болезнь будет уходить мимо (ст. Новорожденская, Тихорецкий р-н); крещеный ребенок не болеет *младенским* — детским параличом (с. Киевское, Крымский р-н); дитя надо перекрестить «шоб росло» (ст. Малотенгинская, Отрадненский р-н); он становится спокойным (ст. Новосвободная, Майкопский р-н) и др.)⁶.

Чины крестильной обрядности. Основными взрослыми участниками крестильного обряда являлись не родители крещаемого ребенка, а представители конфессиональной общины (которая иногда составляла всю поселенческую общину): священник, восприемники младенца, повивальная бабка.

Бабка. Женщина, занимавшаяся родовспоможением («бабка», «бабушка», «павивуха»), выполняла не только функции акушерки, на что неоднократно обращалось внимание в этнографической литературе, напр.: [Листова 1989]. С помощью магических манипуляций она могла повлиять на здоровье ребенка и роженицы, ее детородные функции, предсказать женщине количество будущих детей, «увидеть» судьбу новорожденного и т. п. Бабка также осуществляла уход («присматривала») за роженицей и новорожденным (даже если это могли делать здоровые члены семьи пациентки): «парила» мать, поправляла ей живот; купала, «смеряла» (массировала) и пеленала младенца; готовила еду и кормила старших детей, управлялась с хозяйством (убирала дом, доила коров и т. п.). Авторитет бабки для домашних в первый послеродовой период был непререкаемым: по своему усмотрению она могла даже отменить работу, назначенную роженице свекровью (ст. Малотенгинская, Отрадненский р-н). Через три дня после родов бабку угощали («шоб дитя росло, шоб умное было» (ст. Надежная, Отрадненский р-н)), повитуха и роженица («родилка», «породила») «размывали руки», после чего роженица могла сама начать все делать по дому и кормить ребенка грудью. Однако и после размывания рук бабка продолжала «наведывать» женщину и младенца («внука»/«внучку»). Связь между ними сохранялась на всю жизнь, что могло

проявляться во взаимных визитах в календарно закрепленные моменты, угощениях, подарках (напр., женщины с детьми посещали бабуку на третий день Рождества, принося подарки, бабука угощала «внуков» и «внучек»⁷; дети, встав на ноги, лет с 4–5, накануне Рождества носили «бабушке» кутю (вечерю). Принято было и оказание разнообразной помощи в быту бабуке или бабушкой (напр., одна из наших информантов, чьи мать и бабушка «бабовали» у рожениц, рассказывала, что они, имея большое хозяйство, часть надоенного молока безвозмездно разносили женщинам-пациенткам, которые в нем нуждались (ст. Удобная, Отрадненский р-н)). Вознаграждение бабуки за труд носило нередко символический характер («ано мени и не надо, но ани [семья роженицы. — Н. Б.] мне подарочек дают», т. к. необходимо «хоть 10 капеек дать, шоп ано вам у пользу» (ст. Малотенгинская, Отрадненский р-н)). Когда повитуха умирала, все женщины, у которых она «бабовала», привязывали ей на рукав по ленточке (ст. Преградная, Урупский р-н); несли на кладбище полотенца или платки и складывали их у могилы; родственники бабуки раздавали эти «вороха» присутствовавшим (ст. Баговская, Мостовской р-н).

Активное участие принимала бабука в главных обрядах, связанных с первым годом жизни ребенка: она первый раз укладывала дитя в колыбель, через нее могло осуществляться имянаречение младенца, она передавала его кумовьям в день крещения и принимала его по возвращении из церкви, бабушка была одним из главных лиц на крестильном обеде (см. ниже), иногда ее приглашали и на первую годовщину ребенка, пострижение. Болезненного, слабого ребенка повивальная бабука могла даже крестить (такое крещение называлось «малым») или «погрузить», взяв на себя функции священнослужителя, что допускалось церковным правом. Она должна была прочесть «Отче наш», «Верую», окропить младенца свяченой водой и наречь ему имя: «Погружается младенец [имя рек] во имя Отца и Сына и Святаго духа, аминь». В случае смерти, такого младенца хоронили как крещеного, могли поминать (ст. Баговская, Мостовской р-н), т. е. повитуха могла предотвратить одно из возможных несчастий семьи — смерть *некрещеного* ребенка, сняв грех с матери младенца.

*Кумовья*⁸. *Выбор кумовьев*. В отличие от повивальной бабуки, которую чаще всего не выбирали, восприемников ребенку «назначали» родители. Ив. Манжура в отзыве на статью Н. Ф. Сумцова «Культурные переживания» [Сумцов 1889] пред-

ложил различать три степени родства по кумовству. Основанием для их выделения послужили *способы выбора кумовьев*. «...*клыкани*, т. е. приглашенные, кум и кума по отношению к приглашавшему будут, по народному понятию, считаться *ридными* и сожительство между ними почитается не только тяжким преступлением, но и смертным грехом. Восприемники же между собою будут считаться *товарышами* и сожительство между ними, хотя и считается предосудительным, но приравнивается к обыкновенному прелюбодеянию... *клыканный* кум может пригласившему его давать советы и выговоры, даже обругать и ударить его безнаказанно, так как последний не имеет права ответить ему тем же — грех... Кроме *клыканныго* кума бывает еще и *стричаный*, т. е. встречный. Берется он в таких же случаях, как и у великороссов. *Стричаный* кум почетнее *клыканныго*. Но еще почетнее и *риднишим* считается *одкупный* кум... Берется он — если дитя долго хворает, что часто приписывается несчастью *клыканных* кумовьев. Обряд *одкупа* — не сложен. Приглашенным *одкупным* кумам хворый ребенок подается или через «синешний» порог или в окно; они его берут и дают несколько денег, одевают в новое, принесенное с собою белье, и затем *одкупный* кум во всех последующих случаях жизни откупленного — заменяет ему крестного, права которого с этого часа как бы игнорируются» [Манжура 1890: 124–126].

Заметим, что все выделенные Ив. Манжурой для степной Украины (в частности, для Александровского уезда Екатеринославской губернии) типы кумовьев (приглашенные, встречные, откупные) существовали в конце XIX — первой половине XX в. и на Кубани. Однако обнаружить различия в степени родства по кумовству нам не удалось. Восприемники и родители считались между собой «кумовьями»⁹ («ани в четырех — кумы»), что в равной мере требовало от них соблюдения ряда поведенческих норм, о которых пойдет речь ниже. *Приглашенных* кумовьев выбирали по желанию («намечали», «назначали» и т. п.) родители младенца из родственников («из родачей», «из родства», «сродствие» и т. п.), друзей, товарищей, соседей. Чаще предпочтение отдавалось друзьям и соседям («штов больше родни было»; «родные — ани и так родные будут»); приоритет родственников имел не территориальный¹⁰, а локально-семейный характер; обычно в кумовья из родственников выбирали людей своего поколения: родных братьев и сестер (брат со стороны матери и сестра со стороны отца или наоборот) или двою-

родных («шоп поближе, родней були», «вроде вот для ще большего сближеня. Шоб не только тебе уважалы, шоб и тваю дытыну уважалы»). Распространенным мотивом выбора в крестные родственников был расчет на помощь в воспитании ребенка, а также при выдаче дочери замуж/женитьбе сына. У старообрядцев-некрасовцев в крестные родители выбирали только родственников, чаще оба избирались со стороны отца ребенка: «У нас чужых ни брали. Только радню, патаму што это связывает род. Связывает — радня получаеца. Атец сваях братьев, сестров брал» (хут. Новонекрасовский). Наметив кумовьев, родители общались им о том, что выбор пал на них: «Будеш кумой/кумом?» Отказываться «увести дытыну в хрэст» считалось грехом.

Если дети в семье умирали, то для новорожденного повсеместно брали *встречных* («стрешних», «стречных» и т. п.) кумовьев, о чем свидетельствуют и полевые материалы, и дореволюционные печатные, напр.: [Живило 1883: 99], и архивные данные: «...если умирают часто дети, то берут стречных кумовьев, кто первый встретится на улицы с отцом ребенка или кого пошлют...»; «по их поверию, если стретится на дороги священник или какой-либо чиновник, отговоров никаких не принимают...»; «в крайнем случае просят стречнаго позволения хотя уписать имя его по книге»¹¹. Встречные кумовья могли быть любого возраста (в отличие от приглашенных). «Бувало, как вот это аднаво радила — памрётъ, другова радила — памрётъ..., то гаворять: „Ты ще вазьми стрешнего... батько й маты“. Ну е такэ шо выйде с дитём и стаить на дароге. Там старый, маладой, какой бы он ни был, хоть и бабка. Идётъ бабка... [отвечает на приглашение быть кумой. — Н. В.]: „Та я ш уже стара“. — „Ну, ничё“. Ну, атказываца — ана ш [болезнь, смерть. — Н. В.] нападэца. Ну и йдутъ» (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Поэтому и звать в кумовья могли не вопросительно, а императивно: «Вы будете моим кумом, понесите, перекрестите моего ребенка» (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Встречных кумовьев могло быть двое или один (последнее соответствовало церковному канону восприемничества).

На наш взгляд, можно выделить еще одну категорию кумовьев — это те, кто сами «вызываются» в крестные (*вызвавшиеся* кумовья). В некоторых районах Кубани считалось, что самим вызываться в кумовья нельзя, но в большинстве такой способ породниться был распространен: «Вот Васька мени, Поспелов, прохода не давал: „Я буду кумом“. Ну, так и решыли, раз ты будеш кумом, так вин кумом и астався» (ст. Исправная, Зеленчукский р-н). Кроме того, бытовало представление о том, что пред-

почтение при выборе кумовьев необходимо отдавать тем, кто сам вызывается: «...когда у человека есть желание, обязательно его берите, так положено...», в таком случае в кумовья можно брать даже тех, кого обычно избегали, например, беременную, т. к. если она вызывается крестить, «то так душа подсказывает» (ст. Новорождественская, Тихорецкий р-н).

В восприемники могли брать также «нареченных» кумовьев, т. е. выбранных заочно, причем крестить ребенка в их отсутствие могла другая пара, а права сохранялись за «нареченными» кумовьями.

(О выборе «купленных» кумовьев и отношении к ним см. ниже.)

Как правило, каждому ребенку семьи было принято выбирать новую пару кумовьев, хотя можно было брать одну и ту же, или одного из крестных приглашать ко всем детям.

Главным требованием, предъявляемым к крестным родителям, была принадлежность к конфессиональной общности, глубокая вера в Бога. У такого человека могло быть много крестников (напр., Галкина К. Е., 1922 г. р., вспоминала, что у ее мужа — человека набожного — около тридцати крестников, много их было и у его деда; Худина А. Я., 1910 г. р., сама крестила 16 детей и т. п.). Распространенным было представление о невозможности крестить для беременной, в противном случае у нее мог умереть ребенок (ст. Новорождественская, Тихорецкий р-н) или у воспринятого ею ребенка могли появиться сыпь, гнойнички на коже (напр.: ст. Зеленчукская; ст. Кардоникская и др.). Иногда считали, что нельзя крестить девке или женщине, у которой нет еще своего дитя: не будет везти в жизни, не будет детей (ст. Новорождественская, Тихорецкий р-н; ст. Черноерковская, Славянский р-н и др.). Не брали кумой женщину в период нечистоты. Избегали брать в кумовья старых людей (кроме описанной выше ситуации выбора встречных кумовьев). Не могли быть восприемниками у одного ребенка муж и жена (см. об этом ниже).

К некоторым детям в крестные шли охотнее: например, девушке лучше было первым крестить мальчика; женщина, хотевшая родить сына, старалась как можно большее число раз побывать крестной у мальчиков из семей, где преобладали дети мужского пола, при условии, что и у кума-восприемника тоже есть сыновья (желающая родить девочку поступала наоборот) [Семенов 1893: 1]; удачей считали крестить незаконнорожденного ребенка, т. к. это приносило достаток в хозяйство воспри-

емников — см., напр.: «Мама уже была замужем, и ей просыла адна [быть кумой у „девчачьего ребенка“. — Н. В.], а мама гаворит: „Наче пазор... шо я байстрюка буду хрестить“. А свекровка кажет: „Иды, иды, иды похрести. Шоб канопля родыла“» (с. Киевское, Крымский р-н), идя крестить такого ребенка, кумовья брали с собой в карман по клочку шерсти от каждой породы животных и по перу от птиц [Дульцева 1913], чтоб водились.

Имянаречение ребенка. Имянаречение ребенка — одна из первых забот родителей новорожденного. Имя придавало ребенку статус человека; только обладающего именем можно было лечить или поминать (именно за отсутствие имени, по распространенным представлениям, мать некрещеного или «истребленного» ребенка на том свете будет подвергаться мучениям: «...када Гасподь прийдётъ судить, тада эти дитишки, вот каким аборты делают, им же именов нет, тада эти дитишки на матерю так грыбуть, и кусають, и нахтями, гаворять, грыбуть: „Пачиму ты нам имена ни дала, нам помину никакого нет“. А тада им тьма, вечная тьма» (ст. Баговская, Мостовской р-н), матери такого ребенка надо было нарекать ему парное имя (типа Александр(а)) и просить Иоанна Крестителя перекрестить его в будущем веке (ст. Баговская, Мостовской р-н)). С имянаречением были связаны повсеместно распространенные представления об ангеле-хранителе, которого ребенок приобретал в момент крещения (поэтому важно было дать ребенку «людячье», а не «свинячье», «скотинячье» имя, т. е. имя, которого нет в святцах). Имя должно было быть счастливым (поэтому избегали давать ребенку имя умершего родственника, умершего старшего ребенка — «мертвое имя» — будет несчастным, больным или недолговечным), благозвучным, чтобы человеку не приходилось его стыдиться. Некоторые наши информанты отмечали, что, получая документы, меняли имена на более «благородные», что их после замужества звали не по имени, а по отчеству из-за неблагозвучности имени, а именем пользовались только самые близкие и т. п.) (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Несчастливым мог быть и тот, кто носит не свое имя, например, тот, чьи родители выпросили или «купили» ребенку другое «званье», «поинтересней», т. к. они обидели его ангела-хранителя (ст. Гостагаевская, Анапский р-н). Имя не положено было менять на протяжении жизни человека (грех, не будет счастья, человек будет плохо жить). В линейных станицах Кубани в конце XIX — начале XX в. бытовал обряд «окликания» ребенка, когда на помощь безымян-

ному младенцу призывали ангела-хранителя отца/матери или Ивана/Марию: «Если случится, что ребенок родиться мертвый, то бабка качает его на руках и кличет имя отца, когда дитя мужского пола, или матери, если ребенок женского пола; при этом бабка бьет ребенка по седалищной части. Случается, бабка кричит: „Жив, жив, Иван и Марья! Христос на небесах, а душа в телесах!“ Если ребенок оживет, то говорят: „бабка откликала“... По замечанию бабок, если тело ребенка темное, синее, то можно „откликать“, а если бледное, белое — нельзя» [Живило 1893: 37].

На исследуемой территории в обозначенный период нами была отмечена традиция имянаречения трех типов: 1) имянаречение через бабку-повитуху до крещения; 2) имянаречение через кумовьев во время крещения и 3) имянаречение внутри семьи до крещения. Последняя, вероятно, может быть охарактеризована как наиболее поздняя. Таким образом, имянаречение является либо частью обряда крещения, либо необходимым докрестильным обрядом. Имянаречение через бабку-повитуху связано с обычаем «хождения за молитвой» / «за именем» в день рождения ребенка (сразу по принятии его бабкой, иногда даже до первого купанья) или на следующий день после рождения. Отправляясь за именем, бабка брала с собой пирог хлеба, курицу, а иногда и другие продукты, предназначенные в подарок священнику («батюшке»).

Повсеместно было распространено представление о том, что батюшка мог дать «нехорошее звание» (Пуд, Вереней, Долготыстодан, Укол и т. п.) из-за недостаточности приношения или какой-либо давней обиды на семью ребенка: «як вот назвуть батюшка, дак такэ им'я дасть, шо ты токо подывышся на ёго. И мне паганэ давал...» (ст. Имеретинская, Горячеключевской р-н); «...раньше батюшка ездил: вот едит и в дом заходит, малитву читает... К адним зашол, у них просил пуд пшеницы, а ани и не дали, не было. А кагда нашла снаха, а он дал, батюшка, ребенку „Пуд“ звать [звание]. И звали его Пуд Чубанов... так и помер, звали его фсе, и дитей ево звали па-очеству — „Пудович“» (ст. Темиргоевская, Курганинский р-н); «А давали тоже нехорошые званья... Как дадут, дак и ангали... Да какие там ангали!.. ...тоже махинаця была. Помню, у маей сстры у старшай... У мамы было много и птицы и... толсто жыли за счет этава хазяйства, а он [сестрин муж. — Н. Б.] и казак был, а водку пил — атец и кармил. Ну пашла бапка малитву (эташ када радицца, бапка идеть малитву брать, и батюшка даеть

имя). „Харлам“ дал батюшка. Ана приходит: „Харлам“. А мама: „Ой, Госпади! Што он тут... И ангалья такова нет, што ш он ни мох...“ „Курыцю, — гаворыть, — ныси!“ А я гаварю: „Да в ей нету курыци“. „У матери многа курэй“. Ну, тада улавила мама курыцю, атнисла — и дал „Миша“. От видиш! ...Как курей уловиш, дак и ангаль ево переменица!» (ст. Баговская, Мостовской р-н). По этой же причине священник мог давать детям одной семьи одно и то же имя, не предлагая альтернатив: «У наших роцтвеников было тры Марыи: перет Паской священник ездил прямо па улице... на телеги... Едит, в каждый двор заходит: памолица, апавестит, шо де празник балшой. И прасил гусака якого-та у деда, хазяина. Он узял гусака, да ни такого, как хател, прасил. Раждаеца девачка Марыя. Частые дети. Девачка апать раждаеца — апать Марыя. Ани кажут: „Батюшка, так у нас уже адна Марыя есть“. „Ничё, то буде Мария, те Маня будеть“. Через врем'я буквально раждаеца девачка — и апать Марыя. „Батюшка, да у нас уже две Марыи“. „Ну, то Марыя, то Маня, а то Маняша“. Так ани и жыли» (ст. Староминская, Староминской р-н). Получив имя и договорившись о дне крещения, бабка возвращалась в дом родителей ребенка. При такой форме имянаречения кумовья, отправляясь крестить дитя, знали его имя. В других случаях имя узнавали только в момент крещения или же давали его сами, с чем священник мог и не согласиться, переименовав ребенка или покрестив его под другим именем («батюшка атпириминуе»), так ребенок мог стать обладателем двух имен, но «настоящим» считалось имя, полученное при крещении.

Имя выбиралось по святцам («по праздникам», «по ангелу»): то, которое приходилось на день рождения ребенка, то, которое было ближайшим впереди (а иногда и «чуть вперед — чуть назад»), или то, которое приходилось на день крещения. У старообрядцев-некрасовцев сохранилась более древняя традиция наречения мальчика именем, приходящимся на восьмой день после рождения, а девочки — именем, приходящимся на промежуток в три дня до и три дня после рождения. Имя нарекал батюшка без посредничества повитухи, когда на второй день после родов приходил на дом к роженице дать ей молитву. После того, как он назвал имя, поменять его уже было нельзя («а то будеть ангел абижаца»), поэтому в семье могли быть дети с одним именем (хут. Новонекрасовский, Приморско-Ахтарский р-н; см. об этом также: [Успенский 1971]).

Крещение ребенка и крестильный обед. *Крещение ребенка.* Обряд крещения обычно совершался в церкви или в церковной сторожке, для совершения обряда священника могли пригласить и на дом. По сообщению К. Живило [Живило 1893: 34–35], стоило это в конце XIX в. дорого — 3 рубля, тогда как крещение в церкви обходилось казаку в 40–60 копеек, а неказаку — в 1 руб. — 1 руб. 20 коп. Обряд совершался по субботам, после того, как священник отслужит службы; будний день считался поминальным, но крестить могли и в будни, если ребенок рождался слабым. Крестили младенца через 3 дня, неделю, максимум — две после рождения. У православных крещение совершалось в теплой воде, в одной купели могли крестить нескольких младенцев; у раскольников крестили только в холодной воде, которую меняли для каждого младенца. Ребенка «носили до Христа» восприемники; родители младенца и повивальная бабка¹² в обряде участия не принимали. Однако мать могла сопровождать крестных до церкви, не заходя в нее, чтобы покормить ребенка в случае долгого ожидания. Иногда отец новорожденного тоже отправлялся с кумовьями, чтобы заплатить за совершение обряда. Но в большинстве случаев оплата крещения и покупка нательного креста ребенку была обязанностью кума. Кума брала с собой в церковь первую рубашку для крестника и 1,5–3-метровый отрез материи. Если с восприемницей заранее договаривались о кумовстве, то она могла украсить свой отрез, например, выбить или вышить угол. Такой же отрез брал с собой кум. В линейных и многих закубанских районах это полотно называли «ризки»/«рыски», «подрязнички», в черноморских — «крыжмо»/«крыжма». Называли его и просто «матерья», «простинка». На «ризку»/«крыжмо» кумовья принимали младенца из купели: кум — мальчика, кума — девочку («шоп на руки ны класти на пустыя»). Из «ризок» впоследствии шили ребенку одежду: рубашечки, штанишки, платица. Кумовья несли с собой в церковь также по пирогу хлеба, полотенце для батюшки, платочки для певчих, а если крестили дитя зимой, то кум брал еще и цыбарку теплой воды для купели. После троекратного погружения в купель и передачи ребенка крестным священник одевал на младенца первую рубашечку. Ее хранили так же, как венчальную одежду родителей, на случай *младенского*: больного малыша накрывали крестильной рубашечкой (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Крестильную рубашку первенца надевали на всех детей семьи «на счастье» (ст. Дмитриевская, Кавказский р-н).

Также считалось, что крестильную рубашку нужно класть в гроб ее владельца (ст. Баговская, Мостовской р-н). Священник трижды обводил кумовьев, держащих ребенка и горящие свечи, вокруг поставца или купели, а затем кумовья, отвернувшись друг от друга (а кума — развернув ребенка) должны были трижды отречься от сатаны и дунуть и плюнуть на него за крещаемого младенца. Священник совершал миропомазание и пристригал младенцу волосы¹³ крест на крест. Состриженные волосы кумовья закатывали в воск крестильных свечей и бросали в купель. По поведению младенца и по волосам гадали о будущем ребенка. Если во время крещения ребенок молчал, то считали, что он не жилец [Стефанов 1883: 268]. Потонувший в купели воск с волосами младенца предвещал ему скорую смерть, поплывший — долгую жизнь. Если же воск в купели по какой-либо причине покрутился, ребенок будет недобросовестным в своей жизни¹⁴. Воск из купели забирали, чтобы использовать его при лечении детских болезней¹⁵ (хут. Ильич, Отраденский р-н). После крещения кумовья несли ребенка в дом его родителей, где их ждал крестильный обед — «крестбины», «крестины», «хрестины», а окончательно окрещенным ребенок, по народным представлениям, становился по воцерковлению через 6 недель¹⁶ со дня рождения (по традиции, мать в этот день вместе с ребенком ходила брать очистительную молитву).

Крестильный обед. Наибольшие изменения в период с конца XIX до середины XX века произошли в обычаях, связанных с крестильным обедом. Упрощение обряда, исчезновение главного ритуального блюда — каши или специального пирога, отмечаемые нами, видимо, связаны с процессом разрушения общины, в результате которого была утрачена традиция одаривания повивальной бабки приглашенными на крестильный обед общинниками (прежде всего — кумовьями), а вместе с тем и повитуха перестала быть главным действующим лицом обряда. И, хотя институт повивальных бабок существовал еще вплоть до середины XX века, вознаграждение станичных «акушеров» за помощь стало обязанностью только семьи роженицы. Как правило, повитуху одаривали дважды: после того, как бабушка управится с родами, и после «размывания рук», причем первый раз ей чаще всего давали просто пирог хлеба, а во второй собственно «одаряли» отрезом материи, полотенцам, мылом, деньгами и т. п. Традиция одаривания бабушки отрезом на платье на крестильном обеде кое-где сохранялась, однако делал это не кум, а муж роженицы (ст. Мартавская, Горячеключевской р-н),

т. е. вознаграждение повитухи устойчиво считалось делом семьи (только в Курганинском районе наши информанты вспомнили об обычае одаривания бабки приглашенными на крестильном обеде: «теперь-то её нету, а вперед была бабка; её и напоют пьяную, подарков ей надорят...» (ст. Петропавловская, Курганинский р-н)).

Вот как описывали крестины корреспонденты Ф. А. Щербины в 1904 г.:

«После крещения отец ребенка угощает кума и куму. Восприемники закрепляют свою близость подарками, причем кум дарит деньги, а кума обыкновенно платок. Кроме того восприемники закрепляют свое родство поцелуем и с этого времени считаются близкими родными. Во время этого угощения оказывается особенное внимание бабке-повитухе. Бабка в это время старается извлечь и свою материальную выгоду, а в особенности если на этом торжестве много гостей. Она варит кашу и угощает ею и рюмкой водки присутствующих. Гости обязаны отдарить бабку за угощение, кладут на тарелку деньги и вещи (платки, куски материи и т. д.)»¹⁷.

«Прибыв на дом, кума и куму сажают за стол, если зажиточный то собирают всю свою родню к сему дню и тоже сажают, но только не на первом месте, а рядом от кумов. Подают всякие ества а, напоследок всегда перог с начинкою, этим перогом и остальною рюмкою водки распоряжается бабка повитуха; обнося каждому рюмку водки и просит узять кусочик начиненнаго перога приговаривает кушать за здравие младенца дай Бог ему как под крестом так и под венцом, после всего обида подают повитуха на блюдечку две рюмки водки куму и куме которые осушив до дна опять трижды целуются, кума доре кума платком, если кум женатый то большой платок 1-2-3 до 5 рублей. А если холостой — то носовым платочком»¹⁸.

«Затем „справляются крестины“, т. е. собираются родственники и знакомые и устраивается пирушка, причем кум и кума, как связанные некоторыми родственными узами, сажаются за столом на „покуи“, т. е. в красном углу, под образами, рядом»¹⁹.

Похоже на эти сообщения об обряде описание крестия в ст. Слепцовской, среди основателей которой были и выходцы с Кубани, данное П. Семеновым: «Из церкви новорожденного кум с кумой несут в дом отца-хозяина, где пьют водку и вино, едят горячие пироги, захлебывая все это шами, лапшей; в промежутках все расхваливают родившагося, щупают его руками.

пьют за его здоровье и сулят ему золотыя горы. Здесь же кум с кумой чем-либо дарят своего крестника и бабу-повитуху и тем оканчивается торжество обряда» [Семенов 1886: 194].

По нашим материалам, главная роль на крестильном обеде отдавалась кумовьям, которых сажали в святом углу, на покути. Они должны были выпить по рюмке водки и закрепить свое родство поцелуем и взаимными подарками (отрез на платье для кумы, рубашка для кума и т. п.). Они же одаривали своего крестника «богаче», чем остальные приглашенные (в их подарок, как правило, включались деньги; соседи и знакомые родителей ребенка чаще дарили только пеленки).

В состав блюд на крестильном обеде в первой половине XX в. входили круглые пироги, пироги с начинкой (яблоки, груши, капуста, творог), пирожки, бублики, колачи²⁰, картошка с мясом, борщ, жареная рыба, котлеты, кисель, молочное.

На крестинах танцевали («выбивали гапачка», краковяк) и пели (нами отмечен единичный факт существования специальной «крёзбинной» песни [см. Приложение], в основном же состав исполнявшихся на крестинах песен зависел от репертуара созданных на «беседу» гостей).

Крестины отмечались торжественно даже теми, кто жил небогато; нередко на них созывали гостей, «как на свадьбу», накрывая по шесть и более столов. Нами была отмечена и традиция отдачи двух обедов по случаю крещения ребенка: первый устраивался для кумовьев, соседей, знакомых и назывался ангельским, второй — для родственников (ст. Удобная, Отраденский р-н).

До- и послекрестильные обычаи и обряды. Передача ребенка кумовьям повсеместно на Кубани сопровождалась словесной формулой-пожеланием перемены статуса ребенка: «Мы вам даём не крещёное, не молитвенное, а вы нам принесите крещёное и молитвенное». По возвращении кумовья, передавая ребенка бабушке или родителям, объявляли о принятии ребенка в конфессиональную общину и об изменении своего положения в ней: «Мы брали у вас не крещёное, не молитвенное, а принесли вам крещёное и молитвенное», «Я отсюда шла [имя], а сюда пришла кума» и т. п. Возвращение в дом родителей после крещения словесно оформлялось как первое появление кумовьев и младенца: «Ну, здравствуйте! Поблагословить нас...». Крещёного ребенка передавали по очереди всем присутствовавшим в доме — каждый должен был его первый раз поцело-

вать: девочку — «штоп хлопцы любили», мальчика — «штоп дивчата любили» (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н).

Обряд с кожухом/шубой. Среди до- и послекрестильных обрядов наиболее развернутым являлся обряд с кожухом. Оценить степень его распространенности на изучаемой территории не представляется возможным вследствие недостаточности материалов. В дореволюционных источниках сведения об обряде содержатся в ответе на анкету Ф. А. Щербины из хут. Азовского Екатеринодарского отдела: «Новорожденного ребенка перед отправлением в церковь для крещения бабка-повитуха кладёт на кожух (тулуп) на полу. Под кожух кладутся: коса, перо и чернила, топор, книга и проч., как символы известного занятия. Кум должен вынуть из-под кожуха по желанию один из предметов с пожеланием новорожденному того занятия, какое символизирует вынутый предмет. Затем бабка обращается к куму со словами: „Нате вам ны хрыщенэ, ны молитвынэ, а нам принеси хреценэ и молитвенэ“. Кум берет ребенка с кожуха, а на кожух кладет деньги, которые берет бабка»²¹. Нами обряд был записан в менее развернутой (и, несомненно, более поздней) форме как послекрестильный: кумовья, вернувшись с крещенным младенцем, заносят его в дом в зависимости от пола (мальчика — кума, девочку — кум) со словами, обращенными к матери: «Брали мы некрищёнаво, немалитвеннаго, а принесли тебе хрещёнэ, малитвинэ. Мы тебе дитя в храм Божый внесли и в небесный дом принесли». Мать принимала ребенка на полотенце, а затем его клали на шубу, простеленную на лавке или табурете под иконами (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н).

Обряд пострижения ребенка неоднократно привлекал внимание исследователей. По мнению А. К. Байбурина, *постриги*, совершаемые в первую годовщину после рождения ребенка, могли быть посвящены наделению ребенка «культурными» признаками пола [Байбурин 1993: 59]. Б. А. Успенский считал, что пострижение являлось признанием гражданской личности ребенка [Успенский 1971] и ранее сопровождалось переменой имени. Наши полевые материалы, относящиеся к позднему периоду, а также архивные данные свидетельствуют о том, что пострижение на обозначенной территории может расцениваться как подтверждение социальных связей ребенка, установленных посредством крещения, т. к. осуществлялось чаще всего восприемниками, поэтому мы не можем не согласиться с замечанием

Б. А. Успенского о том, что «постриги рассматривались как нечто аналогичное крещению» [Успенский 1982: 168]²². Специального названия для первой стрижки ребенка нами отмечено не было (чаще говорят, что «стрыгут у гот» и т. п.), однако корреспондент Ф. А. Щербины А. И. Гордышев, отвечая на вопросы анкеты, заметил: «Когда проходит годичный срок ребенку... собирают кума и куму, если живы и дома, а то и других, но непременно родственников, называется пострижение [разрядка наша. — Н. В.]»²³, что позволяет нам пользоваться этим термином для обозначения описываемого обряда. Пострижение повсеместно на Кубани осуществлялось в первую годовщину ребенка (в период между крещением, когда с головы младенца крестообразно состригалось немного волос, и его первой годовщиной никто не мог стричь дитя)²⁴. Как уже упоминалось выше, приоритет в стрижке ребенка отдавался кумовьям²⁵. Начинать стричь крестный отец, заканчивала — крестная мать. Исполнять обряд мог и кто-то один из кумовьев — отец²⁶ или мать²⁷, а также родные родители ребенка²⁸. Последнее иногда информаторами связывается с недостаточной зажиточностью семьи младенца, невозможностью пригласить кумовьев, для которых обязательно накрывался стол. Иногда крестные начинали пострижение (наперекрест), а родители заканчивали (налысо) (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Наконец, стричь ребенка могли по признаку пола: девочку — крестная мать, мальчика — крестный отец (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н; ст. Преградная, Урупский р-н и др.). Нами был отмечен, хотя и единичный, факт стрижки ребенка дедушкой (т. е. старшим мужчиной семьи) (ст. Ленинградская, Ленинградский р-н).

Волосы стригли крест-накрест²⁹, а затем налысо. Распространенным было представление, что первые волосы («родимые волоса» (Ленинградский р-н), «радинные косы» (Зеленчукский р-н), «децкий волос» (Горячеключевской р-н)) стригут, чтобы волосы росли хорошо, чтобы были густыми³⁰; считалось также, что первые волосы «вредны и для мазгив, и для роста дитя» (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н). Состриженные волосы хранили, завязывали в узелок и прятали под стриху, заворачивали в бумажку и закапывали во дворе, под деревом, в глухом углу, в навоз, бросали в печь, пускали на воду; завязав в узелок, подкладывали в люльку малыша до следующей годовщины. Наконец, по состриженным волосам ребенка, закатанным в воск и кинутым в чашку с водой, судили о жизни/смерти ребенка. Этот обряд, аналогичный проводимому во время креще-

ния, осуществляли крестные, которые перед стрижкой омывали в чаше руки; каждый из них старался опередить другого и кинуть свой кусочек воска быстрее, чтобы раньше узнать судьбу крестника (Славянский р-н).

Состриженные волосы нельзя было бросить на землю, чтобы не схватила птица, или пустить на ветер, т. к. голова ребенка будет болеть и/или кружиться («нельзя шоп птичка гнездо выла с волосу — будет чясто кружыця голова и болить голова», «еси так бросица птица, схватит да в гнездо, эта, гаворять, будет балеть галава у ребенка», «затим, шоп птичка ни хватала. Птичка ж ана волос хватае, так же ш голова болить» и т. п.); на голове могут появиться струпы (ст. Ленинградская, Ленинградский р-н). При пострижении младенца усаживали на табурет на шубу (Отраденский, Зеленчукский р-ны) / кожух³¹. Крестные, закончив работу, отдавали крестнику подарки: «Вот, шоб великий рос» (ст. Имеритинская, Горячеключевской р-н). Крестная мать обязательно готовила ребенку материал на рубашку/платье. После стрижки ребенка устраивалось застолье, на которое приглашались кумовья, родственники, соседи, повивальная бабка. Участие последней было необязательным, но упоминание о ее присутствии весьма показательно, т. к. в таком случае сходство с крестильным обрядом усиливается³²; интересно и замечание А. И. Гордышева о том, что при пострижении «знакомят ребенка с крестными отцем и матерью, которые в свою очередь ласкают ребенка; с тех пор делаются якобы родичи всему семейству. А повитуху тогда же забывают»³³ [курсив наш. — Н. Б.]. Пострижение практически заканчивает период физического формирования человека, его телесного «отвердения» (заращение родничка, появление зубов, приобретение умения держать голову, сидеть, стоять, ходить), и знаменует начало нового этапа в жизни человека, связанного с формированием его ума и духа (часто именно на крестных — особенно на крестную мать — у русских возлагалась ответственность за умственное, духовное и нравственное развитие ребенка [Листова 1991: 47–48]).

Обрядовая «продажа» ребенка. До недавнего времени повсеместно на Кубани был распространен окказиональный обряд детского цикла — «продажа» болящего ребенка. В наиболее развернутой форме он был записан нами в закубанских (Майкопском, Отраденском, Урупском, Зеленчукском) районах³⁴. Обряд совершался в младенческом возрасте (чаще — в период грудного вскармливания), если в ребенке не было «росту» (ст. Передовая,

Отраденский р-н; хут. Ильич, Отраденский р-н; ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н и др.)³⁵. «Виновной» в этом считалась крестная, которая «не подошла» воспринятому младенцу (ст. Сторожевая, Зеленчукский р-н). Обряд исполнялся преимущественно женщинами: «продавала» дитя его мать, «покупала» женщина, состоящая или не состоящая в родстве с ребенком. Так же, как при выборе крестной, ее могли заранее *пригласить* (выбор в таком случае чаще падал на соседку, подругу или родственницу одного поколения с родителями ребенка, реже — на повивальную бабушку³⁶) или попросить купить младенца *встречную* женщину; купить дитя могла и *без приглашения* родителей любая женщина, знающая о болезненности ребенка. Покупательницей не могла быть беременная (архив писем Н. Б., ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Мужчины в «купле-продаже» участвовали реже (в основном, если обращались к встречному или брали *пару* покупателей). Между «покупающей» и «продающей» через окно совершался обрядовый диалог-договор о сделке: «„Пажалуста, мы слышали, шо у вас рыбёночек есть, продайте нам“. — „Купи“. — „Да за сколько?“ — „Вот за только“» (хут. Ильич, Отраденский р-н). Покупали младенца за мелкую монету, небольшую вещь (платочек, кусок материи) (ст. Сторожевая, Зеленчукский р-н) или «за что-нибудь живое», молодое, *растущее* (например, цыпленок) (ст. Преградная, Урупский р-н)³⁷. Для передачи ребенка из окна вынимали *шибочку* (стекло из одного переплета рамы). Затем мать читала «Отче наш», выстригала крестообразно волосы на голове ребенка, кропила его свяченой водой и отдавала покупательнице. Та принимала его на отрез материи, пеленку (ст. Передовая, Отраденский р-н) со словами: «Ну, биру бальнова, а вам вазрацу здоровава», трижды объезжала по часовой стрелке с ребенком на кочерге вокруг хаты и заносила младенца назад в двери. Передавая матери купленное дитя, женщина говорила: «Ну што, мамаша? Брала у вас бальнова, даю вам здоровава» (ст. Сторожевая, Зеленчукский р-н). В завершение обряда обязательно устраивалось застолье, участниками которого могли быть как приглашенные соседи и родственники, так и только мать и купившая младенца женщина. Последняя с этого момента становилась крестной для ребенка и кумой для его родителей. Родство, возникшее в результате «продажи» ребенка, почиталось наиболее близким: «Это больше, чем окрестила ты, спасла этого дитя» (ст. Передовая, Отраденский р-н). Сам обряд осмыслялся как «перекрещивание», однако сложившиеся посредством настоящего крещения узы не порывались («...фсё

равно ту считаешь крёсной, ведь от креста отказываца нельзя, это же очень грешно...»), а купившая признавалась третьей матерью младенца: «Первая мать радила, вторая — крестила, третья — купила» (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н). Обряд расширял социальные связи ребенка, «закреплял» его в «этом» мире, социуме, повторно наделял признаками культуры³⁸.

Взаимоотношения кумовьев. Совместное «стояние под крестом» создавало между восприемниками, а также между ними и родителями крещаемого ребенка отношения кумовства, которое православная церковь называла «духовным родством» (см. об этом: [Листова 1991: 37–52]). В быту, на наш взгляд, отношения «духовного родства» рассматривались как отношения *родства* вообще [ср.: частое употребление термина «кум» в экспрессивной окраске «родный кум»: «Родный он мой кум... Он приехал: „Ты ж моя кумочка родная!“» (ст. Баракаевская, Мостовской р-н); «Кумовья — как родня уже» (ст. Баговская, Мостовской р-н) и др.]. Кумовство накладывало на связанных им людей комплекс поведенческих правил и обязательств. Наиболее строго народная традиция вслед за церковной предписывала соблюдение запрета на брак или прелюбодеяние между кумовьями. Браки между восприемниками расценивались как нарушение отречения от сатаны, произносимого ими за крещаемого младенца [«Строго и настрого цэ запрещаеца... ну христют дитя, батюшка там причитует: „Атрекаюся ат кумы, як ат сатаны“. А кума атрекаеца ат кума, як ат сатаны. Вот пачиму-та грешно-пригрешно, шоб были муж и жена кумом и кумой» (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н)³⁹. «После кумовства та пара как кум и кума срадневаюцца и ходят друг к другу в гости как родичи, да-же вся ихняе сямейство родниться начинает; а сватать в замужество куму не в-коем случаю родныя не пойдутъ, якобы угрожает совесть»⁴⁰ и др.]. Возмездие за нарушение запрета, по народным представлениям, должно было постигнуть не крещаемого, а восприемников и/или их детей (бездетность, болезнь, несчастье, безбрачие и т. п.). См. напр. быличку с распространенным сюжетом: «Убыли на хронти мужа [у кумы], а у ёго [у кума], пока он атслужыл, жынка умерла. У ёго двое дытей, а у ей ни аднаго. Ну, ваны сащлысь. Нажылы опцего [ребенка] кум ис кумой. И шо вы думаете? Вин [сын этой пары] до цих пор ны жынатый. Вин ны плахий парэнь, вин харошый, вумственный, а семейнай жызни у него не слажылось. Только черес то шо нажытый он кумом ис кумой» (Зеленчукский р-н)⁴¹. Распространенным бы-

ло представление о том, что кум с кумой должен жить «как брат с сестрой» (ст. Преградная, Урупский р-н). Кумовья не должны были ругаться, «наводить друг на друга склоки» (этим иногда объясняется невозможность брака между кумовьями, т. к. в семейной жизни конфликты были бы неизбежны). Кумовья не должны были взаимно крестить детей, т. к. в противном случае будут всю жизнь ссориться (ст. Крыловская, Ленинградский р-н). Кумовьям предписывалось жить как хорошим соседям, что предполагало оказание друг другу помощи в различных бытовых ситуациях.

Роль крестных в жизни ребенка. Восприемничество считалось почетной миссией (неслучайно многие *вызывались* в кумовья). Крестные родители выступали, с точки зрения верующего человека, как настоящие (= духовные) родители ребенка. Поэтому бытовало представление, что крестный отец (мать) дороже родного (ст. Баговская, Мостовской р-н). После смерти в будущем веке крестный станет родителем воспринятого, будет находиться не возле своих родных детей, а возле крестников, которые будут его опекать (ст. Черноерковская, Славянский р-н). Главной задачей восприемников было введение человека в христианскую общину, знакомство крестника с основами веры, а также обращение к Богу с молитвами за воспринятого младенца. Все это не требовало от них ощутимых материальных затрат, и, следовательно, крестить можно было столько младенцев, сколько раз приглашали родители. Однако в быту кумовство связывалось и с материальной заботой о крестнике, необходимостью одаривания ребенка [см. напр.: «та я ш хрѣсный, угощать теперь же ш надо» (ст. Новоплатнировская, Ленинградский р-н)] в дни календарных праздников, важных событий личной жизни крестника (крестины, первая годовщина, дни ангела, свадьба, проводы на воинскую службу и т. п.). В случае безвременной смерти родителей крестника, крестные должны были «доводить его до ума». В свою очередь, крестники должны были молиться за крестовых родителей, поминать их после смерти⁴², каждый год под Рождество носить крестным кутю/вечерю (до женитьбы/замужества обязательно, после — по желанию). Последнему придавалось важное нравственно-воспитательное значение, и носить вечерю крестным ребенок начинал с 3–5 лет⁴³, за что получал конфеты, мелкие деньги, одежду и т. п. (у некрасовцев крестник в день своего ангела также обязательно разносил крестным пироги, если они по какой-то причине не

могли прийти сами). В семье воспитывалось уважительное отношение детей к крестным, считалось грехом их обидеть, а у некрасовцев при встрече с крестным родителем крестник падал ему в ноги, кланялся и просил у него прощения. В обязанности крестников вменялась также поддержка и одаривание крестных в старости (чаще всего в качестве подарков выступали отрезки материи на юбку, кофточку, платье для крестной, на рубашки для крестного) (ст. Фанагорийская, Горячеключевской р-н).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК), ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 44об.
- ² ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 4.
- ³ Ср.: у старообрядцев-некрасовцев мертворожденный или умерший некрещеным ребенок назывался «темным» (хут. Новонекрасовский, Приморско-Ахтарский р-н).
- ⁴ Ср.: некрещеного ребенка хоронили на могиле родственника-утопленника (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н); русалки — это души умерших некрещеных детей: «Русалки — это некрещеные дети; они особенно опасны на Троицу. Поймав в этот день человека, они могут зашекотать его; поэтому на Троицу против русалки носят в руках полынь, которую русалки боятся» [Шахов 1883: 661]; «...русалки есть ничто иное как младенцы женского пола, родившиеся мертвыми, или умершие без крещения... Накануне праздника Св. Троицы, в субботу, русалки, по понятиям малороссов, бегают по ржи и хлопают в ладоши, приговаривая: „Ух, ух! Соломенный дух, дух! Мене маты породыла, некрещёну положила“» [Стефанов 1883: 276].
- ⁵ Если в семье постоянно умирали дети, очередного умершего до крещения младенца закапывали под порогом — после этого дети должны были выживать (ст. Мартанская, Горячеключевской р-н).
- ⁶ Ср.: одна из информантов рассказывала, что в советское время ее муж крестил соседского мальчика, т. к. тому не давалась учеба (ст. Старолеушковская, Павловский р-н).
- ⁷ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 3.
- ⁸ В отечественной этнографической науке проблеме кумовства посвящены две важные работы: [Косвен 1963] и [Листова 1991].
- ⁹ Иногда отношения кумовства распространялись и на супругов восприемников (см. напр.: супругов не берут восприемниками, потому что «ана [жена кума] и так кума уже будет» (ст. Ленинградская, Ленинградский р-н)). Также и дети могли звать супругов своих крестных родителей «мамашка» и «папашка» (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н).
- ¹⁰ Однако для некоторых поселенческих традиций на Кубани характерен приоритет родственников; например, в ст. Дмитриевской в кумовья брали родных, т. к. было не принято, чтобы «под святыми» (в святом углу во время даров на свадьбе крестников) сидели чужие (ст. Дмитриевская, Кавказский р-н).
- ¹¹ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 44об.

- ¹² Последняя, по некоторым данным, могла присутствовать с кумовьями на обряде крещения. Напр., см. ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 44.
- ¹³ Миропомазание и пострижение волос относятся к обрядам восьмого дня, но совершаются в день крещения.
- ¹⁴ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 44.
- ¹⁵ Ср.: на всей территории Кубани при лечении ребенка от испуга у больного крестообразно выстригали волосы, состригали ногти и закатывали их в воск. Затем на уровне роста ребенка в *одвирах* (в глухой притолоке двери) делали углубление, в которое закладывали воск и забивали *троецким* (украшавшим дом или ворота на Троицу) осиновым колышком: ребенок должен был выздороветь, как только перерастет отметку.
- ¹⁶ Так же, как для текста покойника, для текста новорожденного значимым является шестинедельный срок. Для первого это период исключения из мира живых, для второго — постепенного включения в сферу культуры. Ср.: до шести недель на ребенка не разрешают смотреть посторонним (ст. Платнировская, Кореновский р-н), младенца туго свивают свивальником (ст. Малотенгинская, Отрадненский р-н), детские пеленки не сушат на улице, дитя не кладут в люльку (ст. Надежная, Отрадненский р-н), иногда даже не крестят (ст. Крыловская, Ленинградский р-н), наконец, до истечения этого срока ребенок больше всего подвержен различным заболеваниям, например, до шести недель он «цветет» (болеет *плиснвякой* — молочницей), а затем цвет бесследно проходит (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н) и т. п.
- ¹⁷ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 3 (корр. Рясинский Е. П., ст. Чамлыкская, Лабинский отдел).
- ¹⁸ Там же, л. 44об. (Корр. Гордышев А. И., ст. Новопокровская, Кавказский отдел).
- ¹⁹ Там же, л. 25 (Корр. Папаков А. М., хут. Азовский, Екатеринодарский отдел).
- ²⁰ Крымский р-н. В Крымском районе (с. Киевское) колачи вместе с букетиками цветов (летом — живых, зимой — сухих) раздавали приглашенным на крестильный обед.
- ²¹ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 25.
- ²² Б. А. Успенский там же отмечает, что в Древней Руси считалось грехом, если дитя умирало, а первые волосы при этом были не стрижены. Ср.: если дитя умерло некрещеным — грех ложится на мать младенца.
- ²³ ГАКК, ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 44об.
- ²⁴ До году никто не мог также стричь ребенку ногти («если до года обрежешь — долго ходить не будет») (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н).
- ²⁵ Славянский, Кореновский, Крымский, Курганинский, Горячеключевской, Майкопский, Отрадненский, Зеленчукский р-ны.
- ²⁶ Ленинградский, Майкопский, Мостовской, Отрадненский р-ны.
- ²⁷ Ленинградский, Крымский, Курганинский, Майкопский р-ны.
- ²⁸ Отец — Отрадненский, Мостовской р-ны; мать — Ленинградский р-н.
- ²⁹ «Обряд пострижения практикуется с целью укрепления в ребенке *ума и здоровья* [курсив наш. — Н. Б.]; так как ребенка постригают через год, т. е. когда у него увеличивается осмысленность и даже он может делать... детям свойственные грехи, выводимый знак креста (стригут волосы в виде креста) отгоняет соблазнителя и тем сохраняет ребенка от грехов, которые ложатся на матери» [ГАКК, Ф. 670, оп. 1, д. 4, л. 4]. Ср.: «Когда штопают платье на ребенке, ему дают в зубы *грудной крест*; в противном

случае штопанье платья на человеке может отнять у него *память* [курсив наш. — Н. Б.] [Семенов 1886: 207].

30 См. соотношение волоса и богатства. Ср.: беременной нельзя гладить белье в праздники и свой день ангела, т. к. она может выгладить волосы у своего ребенка (ст. Крыловская, Ленинградский р-н). (Ср.: любая работа в праздники — к убытку.)

31 ГАКК, ф. 670... л. 25 (хут. Азовский, Екатеринодарский отдел).

32 Б. А. Успенский полагал, что бабка в крестильных обрядах (напр., в обряде с козухом, где она передает младенца кумовьям) представляет языческое начало, а крестные — христианское [Успенский 1982: 104]; А. К. Байбурин отметил и другое распределение функций между бабкой и кумовьями: одна создает форму, другие дают имя, приобщают к сфере духовного, создают человека как семиотический феномен [Байбурин 1993: 47].

33 ГАКК, ф. 670... л. 44об.

34 На бытование обряда в начале XX в. в областном центре указывает житель Екатеринодара П. Диомид: «...когда заболел ребенок, то его фиктивно продают кому-либо без различия пола за условленную плату, которая в большинстве случаев расходуется на неизбежный даже и в этом случае могарыч. Продажа происходит обычно днем, при чем мать ребенка подает его покупателю в окно, а этот последний, принимая малютку, надевает на него крест и несет в дверь обратно в комнату и с этого времени считается крестным родителем [курсив наш. — Н. Б.]. Полученный же с покупки капитал обязательно пропивается, ибо, в противном случае, дело не будет иметь успеха» [Диомид 1904].

35 По этой же причине ребенка могли «перепекать» в печи, объезжать с ним трижды кругом хаты на кочерге, «перераживать», протягивать через раздвоенное или расщепленное деревце, оставляя одежду больного между стволов / в расщепе и т. п.

36 «...больного крикливого ребенка перепродают за самую мелкую непригодную монету бабке-повитухе, в надежде, что вместе с этим продаётся и его болезнь» [Семенов 1886: 205]; по нашим материалам, бабка могла выступать как *продающая* сторона: «Ну, выходит мать на улицу, становица пад акном, а бабка-повитуха становица с рибенком тут, возли акна, и тоже што-то читает, што-то гаворить, а потом матери даёть в акно рибенка...» (ст. Надежная, Отрадненский р-н). Такое распределение ролей показательно в контексте идеи обмена между «тем» и «этим» миром: бабка, находящаяся в контакте с иным миром, повторно передает младенца, проявляющего признаки «чужого» (отсутствие роста), матери за деньги.

37 Ср.: при лечении *младенского* — детского паралича — ребенка умывали наговоренной свяченой водой, которую затем выливали под *годовалое деревце* вишни. При успешности лечения через три дня вишня должна была засохнуть (ст. Кардоникская, Зеленчукский р-н).

38 См., напр., церемону рубашки на новую или надевание креста в описаниях Ив. Манжуры или П. Диоида.

39 См. об этом, напр., в песенной лирике, уделяющей много внимания взаимоотношениям кумовьев: «Добре ж тіп ляхи чинять, що не кумуютьця, / Побравшися за рученьки, та йдуть — вінчаютьця. / ...Кажуть попи, кажуть дяки, кажуть добрі люде: / А хто буде куму любити — великий гріх буде». Цит. по: [Кириллов 1884: 121–122 и др.].

40 ГАКК, ф. 670... л. 44об.

- ⁴¹ Как правило, в устных рассказах о последствиях брака кумовьев герои — это приемники младенца, а не пара из родителя и приемника.
- ⁴² В погребальной обрядности некрасовцев гроб с телом покойного несли на кладбище близкие родственники, дети и крестники одного с родителем пола.
- ⁴³ Нами была записана быличка, обособывающая традицию ношения вечера таким образом: «У нас був старинный дедушка, и хадил в Ерусалим. Пишком ваны туда хадилы. И када шлы туды, гаворе, и две статуи каменные — закаминенные люди. Када-то раньше там де-то горад проваливался... И йим [жителям. — Н. В.] сообщено было: ...уйдите с горада, ...горад провалыща, ...идите — назад не аглядывайтесь, а ваны нэ паслукамы. И када зарувило, аглянулысь назад и акаминели... Ну, а када ишлы ани [паломники. — Н. В.] у Ерусалим, и замарылыся. И дедушка грил: „Сил пад тый камень и сижу, а адин другому спрашивае“ [одна статуя у другой. — Н. В.]: „У тэбе гость, ты в его спраси“. Спрашуе у гостя: „Носюте ли кутю крсыным дети или не носят? Нам, говорят, стоять до тих пор, пока нэ станут дети носить кутю. Як нэ станут носить, тада мы вже визнаем, шо скоро прыйдэ конец [света. — Н. В.]. Хай носют, пока есть возможность, хай носют дети крсыным кутю...“. И то рассказыwały наши старики, шо надо абизательна гатовать кутю и хай носют дети...» (ст. Зеленчукская, Зеленчукский р-н).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре (Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов). СПб., 1993.
- Диомид 1904 — *Диомид П.* Как лечит больных детей народ // Кубанские областные ведомости. 1904. № 87, 21 апреля.
- Дульцева 1913 — *Дульцева В.* В ночь под Ивана Купала // Кубанский казачий листок. 1913. № 465, 6 июля.
- Живило 1883 — *Живило К.* Несколько казачьих песен и поверий в ст. Рашеватской Кавказского уезда Кубанской области. Записаны со слов казака Григория Турищева // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). Тифлис, 1883. Вып. 3.
- Живило 1893 — *К. Живило.* Народные приемы ухода за роженицами и новорожденными в некоторых станицах Кубанской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16.
- Кириллов 1884 — *Кириллов П.* Малороссийские песни в ст. Новоминской Ейского уезда Кубанской области // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. 4.
- Косвен 1963 — *Косвен М. О.* Кто такой крестный отец? // Советская этнография. 1963. № 3.
- Листова 1989 — *Листова Т. А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина 19 — 20-е годы 20 в.) // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–171.
- Листова 1991 — *Листова Т. А.* Кумовья и кумовство в русской деревне // Советская этнография. 1991. № 2.
- Манжура 1890 — *М-ра Ив.* К статьям проф. Н. Ф. Сумцова «Культурные переживания» // Киевская старина. 1890. № 1. С. 124–126.
- Семенов 1886 — *Семенов П.* Ст. Слепцовская Терской области Владикавказского округа // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5.
- Семенов 1893 — *Семенов П.* О народной медицине в ст. Слепцовской Сунженского отдела Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16.

- Стефанов 1883 — *Стефанов Т.* Город Ейск (Статистико-этнографическое описание) / Кубанский сборник. 1883. Т. 1.
- Сумцов 1889 — *Сумцов Н. Ф.* Культурные переживания. 72. К истории развития понятий народа о нравственном значении кумовства / Киевская старина. 1889. № 10. С. 18–21.
- Успенский 1971 — *Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе / Труды по знаковым системам, 5. Тарту, 1971.
- Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.
- Шахов 1883 — *Шахов Д.* Воронежская станица (Статистико-этнографическое описание) / Кубанский сборник. 1883. Т. 1.

Приложение
Ой, чарачка, чепурушка
(пели на крестинах)

Нотация С.А.Жигановой

J=82

1. Ой, чарачка, чепурушка, (2)
Чипурушка, кума, чипурушка. (2)	6. Кума куме гаварыла, (2)
Гаварыла, кума, гаварыла. (2)
2. Уж я тебе, чепурушку, (2)
Чипурушку, кума, чипурушку. (2)	7. И сшей, кума, рубашонку, (2)
Рубашонку, кума, рубашонку. (2)
3. Уж я выпью, да ни вылью, (2)
Да ни вылью, кума, да ни вылью. (2)	8. Хоть худую, но ляную, (2)
А ляную, кума, а ляную. (2)
4. У донушка пацылую, (2)
Пацылую, кума, пацылую. (2)	9. И с длиннами рукавами, (2)
Рукавами, кума, рукавами. (2)
5. Кума к куме прыхадилла, (2)
Прыхадилла, кума, прыхадилла. (2)	10. И с красными поликами, (2)
Поликами, кума, поликами. (2)

Записана участниками фольклорно-этнографической экспедиции Центра народной культуры Кубани (науч. рук. Н.И. Бондарь) в ст. Петропавловской Курганинского р-на Краснодарского края Архив ЦНKK, к/к 1313.

А. В. ГУРА

**МАТЕРИАЛЫ К ОПИСАНИЮ НАРОДНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТКАЧЕСТВОМ,
В ЗОНЕ ПОЛЕССКО-ПОДЛЯССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Поверья и магические действия, связанные с прядением и ткачеством, принадлежат к архаическому пласту народной традиции. Народные представления, относящиеся к ткаческому циклу, мало исследованы. В течение целого ряда лет этот материал собирался в Полесье по программе Полесского этнолингвистического атласа. Исключительно богатый полевой материал по ткачеству был собран Н. Г. Владимирской, непрерывной участницей почти всех полесских экспедиций [Владимирская 1983]. Часть этого материала, касающаяся одного вида работ — снования, подробно описана и систематизирована ею в статье, опубликованной в «Полесском этнолингвистическом сборнике». Для данной публикации был отобран материал из зоны полесско-подлясского пограничья, который отражает обрядность, запреты, обереги, гадания, поверья и приметы, характеризующие основные этапы всего ткаческого цикла. Весь материал собран автором по программе Полесского атласа в двенадцати селах сопредельных областей Белоруссии, Украины и Польши. Это три села двух западных районов Брестской обл. (село Слтуш Малоритского р-на и соседние села Засимы и Борци Кобринского р-на), два села Волынской обл. (Ветлы и Березичи Любешовского р-на), пять сел со смешанным католическо-православным населением из разных частей Белостокского воеводства (Вежхлесе, Тополяны, Черевки, Недки и Коалики) и два села, в основном с католическим населением, Хелмского воев. (Окшув и Осоза). Приводимые тексты даются в упрощенной транскрипции: кириллицей — для полесских и подлясских говоров смешанного белорусско-украинского типа (Брестской, Волынской обл. и Белостокского воев.), латиницей — для польских говоров Белостокского и Хелмского воеводств¹.

¹ В транскрипции латиницей отличие от польского литературного произношения касается лишь следующих случаев: буквы *ć, ź, dź* используются для передачи мягких свистящих (а не шипящих) [ç'], [ʒ'], [dʒ'], букве *ł* соответствует мягкий звук [ɫ'], букве *t* — твердый звук [t], а знаком *ŷ* передается звук [ʃ] (у неслоговое). Ударение в словах, не совпадающее с польским, обозначено знаком [˘].

Начало ткаческого цикла предваряется действиями, призванными обеспечить хороший урожай льна или конопля. Часть из них приурочивалась к дню посева. В Белостокском воев. сев льна был календарно детерминирован. «Як сяць тшэба лён, тшэба было выбераць: на Зофью» (15.V у католиков) или «на Миколая» православного (9/22.V). «Як ладны дзень на Зофию», сеют в этот день, «а як на Зофию дэшч, то сей на Миколая» (Бс. Тополяны). Сев льна мог быть приурочен и к кануну дня св. Николая по ст. ст.: «Wośmocho maja [8/21.V, день св. Иоанна Богослова] len trzeba siać, to może większy wyrośnię» (Бс. Козлики).

Сеял лен обычно мужчина, хозяин. Хозяйка же для него в этот день жарила ячницу: «А господини ячницэ пекла». «Як еду лён сеять — баба, печы ячницу! Ў вечэри чы в обед ячница». «Для мужыка ячню пеклю, коб лен урадил» (Бс. Тополяны). Иногда сеять лен хозяин и хозяйка отправлялись вместе. При этом хозяин ехал на телеге, а хозяйка шла с семенами пешком: «Жонка несе лен, то лепшэ уроди» (Бс. Тополяны). Вести лен было запрещено: «Jak zasiawali len, nie wolno bylo wieźć wozem: muž jechał wozem, a żona niosła jego». Сеяли лен «хазяин с хазяйкаю» (Бс. Вежхлесе). В Брестской и Волынской обл. хозяин брал с собой хлеб. «Хазяйка нэ сие, хазяин. С хлибом йидэ сияты. А бэз хлиба на йидэ нікуды хазяин» (Б. Олтуш). «Колэсь хазяин» сеял лен. «Бралы хлеб, пэклы с хрэстом (на Хрысци [в среду Крестопоклонной недели] пэчуть), и ужэ як йидуть сеяты, быруть той пыриг с хрестом, хрэсьценник, шоб родыло то добрэ» (В. Березичи).

В Подлясье магическое значение придавалось одежде сеятеля. Его рубаха должна была быть чистой, белой и длинной. «I koszula długa musiała być i wypuszczona, biała, czysta, żeby to len urósł duży i włókno było białe, czysciusieńkie» (Бс. Нецки). «Як едеш засеваць, нада класть чистую кашулю, чтоб было чистае збожа, штоб не было асату, зелля. И лён сеють, то тожэ то само» (Бс. Вежхлесе). Сеять лен хозяину положено было из женского фартука. Как и несение семян женщиной, это способствует, как полагают, хорошему урожаю льна. «Хазяин [сеял] с фартуха, каб баба дала» (Бс. Вежхлесе). «Кобецы фартух, и з фартуха сеял, жэбы дужы урусл лён». Одна женщина вспоминала, как в детстве она сама давала фартук отцу, чтобы он сеял лен из ее фартука: «Як лен сеять, то фартуха мала давала, коб хороший лён рос» (Бс. Тополяны).

В Хелмском воев. хозяин перед началом сева кропил землю святой водой: «Pokropił role i przyżegnał sie i siał» (Х. Окшув).

В Брестской обл. он произносил заклинание: «становиця сеять и приказка така: „Чяс добрый и зароди Божэ на всих урожей добрый“» (Б. Засимы).

Для засеивания нередко используются семена, освященные на Спас (6/19.VIII) или на Успение Богородицы (15/28.VIII). В Белостокском воев. в семена для посева добавляют семена льна из «кветки» — букетика из десяти колосков жита, пшеницы и льна, который освящали «на Спаса» (Бс. Тополяны). В Брестской обл. «на Успеные святятъ увсякэ зэло, то той лён бралы свьячоный и найпершэ туды кыдають ёго» (Б. Олтуш).

Часть ритуально-магических действий, направленных на обеспечение хорошего урожая льна или конопли, не была связана с севом и совершалась в другое время. Так, в Брестском Полесье «на долгий лен» женщины втыкали в иголку нитку подлиннее: «Як бэрэ нитку тыкаты в голку, то тягае доўшую нитку, шоб доўшый лён рос» (Б. Олтуш). В Хелмском воев. с аналогичной целью при битье конопли выбирали женщину самого высокого роста и просили ее ударить первой. «Jak bili konopie, wybierali: jak była długa kobieta, pierwszy raz musiała uderzyć ta kobieta, żeby długi urós len czy konopie» (Х. Окшув).

Многие подобные действия, гадания и запреты имели календарную приуроченность. В Белостокском воев., чтобы лен вырос высоким, на Громницы (Сретение, 2/15.II) привязывали лен на верхушку хоругви: «На Грумници ў цэркви на хорэ^нгев, шо носят, ужэ чыстый лен завязували, жэб выжэй — штоб вэликий рос, высокий» (Бс. Черевки). Некоторые ритуальные действия магического характера, связанные с будущим урожаем, совершались в Подлясье 23 апреля — в день св. Войцеха у католиков, или Юрьев день у православных. «Na świętego Wojciecha [23.IV] jajka lupiny [скорлупу яйца, освященного на Пасху] wkładali do lnu, żeby len rós i włókno ładne było» (Бс. Нецки). Чтобы был хороший урожай, «на Юрия [23.IV/6.V] пекли булки, галэчки. Кидали пираги, каб котилося» (Бс. Тополяны).

Чистоту льна обеспечивало соблюдение запретов и предписаний, касающихся чистоты в доме и вынесения мусора в определенные праздничные дни. «У празьныкы (любыйи) нэ замэтай хату и нэ выкыдай смитте с хаты, то нэ будуть куры у тэбэ ничого грысты и лён будэ чыстэнькый у тэбэ. То на всё, шо ты садыш в огороди» (Б. Олтуш). «Як на Благовишчене, то не надо выносить мусору и замэтать дому не надо — для льна, для богацтва, шоб шло ў руки хазяйство» (Б. Засимы). «Прад Вельканац Чысты чэцьвер — трэба вычистиць все ў хати, каб чыс-

тый лён быў. Будзе чысты лён» (Бс. Вежхлесе). «На святыя вечари от Коляд до Нового року, до Крашчэния чысто коб було в хати, то буде лён чысты» (Бс. Тополяны). «Пэ^аршы свички од Рожэства до Нового году кажын дэнь до заходу сонца позамитають хатэ, шоб ужэ чысто було, поки сонцэ нэ зайдэ, пуд вэчор. Тоди выкидають тэ сमितте на двир, шоб чысто в хати, то будэ и лён чысты» (В. Березичи). «На Божэ Народзэне хаты не заметали ў дзень, не выжуцали смецци з дому, каб зельско не расло ў лёни» (Бс. Вежхлесе).

Святочны период особенно богат обрядностью, связанной с предстоящим урожаем льна. В Подлясье на Рождество запрещалось ложиться спать днем, чтобы лен не полег: «На Вожэ Народзэне, на Коляды, не лягали ў дзень спать, каб лён не вылягаў» (Бс. Вежхлесе). В Брестском Полесье в канун Крещения или Рождества между хозяином и хозяйкой происходил ритуальный диалог, касающийся выбора места для посева льна. «Водохришца, пэред тым ўвэчора Водяная коляда, и пэкуть булочку [величиной со сковороду], и господар ходыть [с ней] и крижи пише там по окнах, по двэрах и по пичи тые крыжи робыть мелом, и пытае чэрэз окно хазяйки: „Дэ лён сияты?“ А вона ему одвэчае: „Дэ посиеш, там нэхай Бих ўродыты!“» (Б. Засимы). «На пэршу Коляду хазяин пытае хазяйки: „Бабо, дэ будэмо лён сияты?“ А вона кажэ: „Ты господар, прыбырай мисцэ“» (Б. Олтуш).

Почти повсеместно было распространено гадание о льне с сеном, которым застилали стол в Рождественский сочельник. «На Коляду [24.XII/6.I] накладають сина под настольником и гадають, вытыгають сина: як доўгое — эта будэ харошый лён, а як такое малэнькое, то будэ малэнький лён» (Б. Засимы). «На пэршу Коляду тэгнуть сина с-пуд настыльныка. И мирають, який лён будэ вышыною — чы вэлыкый чы малой». «На Рожэство мы кладэмо сина под насытыльнык и начынаемо сядаты вэчэру йисыты и вытыгаемо сина: и доўго сено тое, то будэ лён доўгый». «Водяная Коляда [канун Крещения], и тоды нэсуть сина на стыл и застылають сина. И вытыганэш доўгэ стэбло — от у мэне будэ большой лён» (Б. Олтуш). «У Колядах, на Коляду бируть сина, кладуть на стыл, застилають портовыною, сйдають вичэраты и йидеть куттю. Тоди с-пуд пуртовыны вытыгывають сина — який выросьтэ лен, чи доўгий чи корнатый». «У Рожыство бэруть сина на стол и тягнуть. На Водохришчэ тягнуть сина: хто надоўшэ вытыгне, от, кажуть, ужэ лён будэ доўгый родыты» (В. Березичи). «На Коляду [24.XII]

сена тягали с-под абруска. Которая выцегне доўша сено, то [у той] лён буде больша» (Бс. Тополяны). «На Вилею цягали сено с-под обруска. И выцягали сено и глядзели: чы доўги будзе лён». «Na Wigilije kto dłuższy wyciongnie siano, to na len było» (Бс. Вежхлесе).

В Хелмском воев. рождественское сено использовали иначе: «Na Wigilije Bożego Narodzenia siano kręcili w puwrósło i ubwiunzowali stoł doukoła, doukoła stołu, żeby urodzaj był — na owoce, na żyto, na siano, na wszystko» (Х. Окшув). Кроме того, в Рождественский сочельник подбрасывали вверх кутью, чтобы лен рос высоким: «Na Wigilije kutje rzucali do sufitu i czyja sie kut'ja uczerpi, to będzie miał wysoki źrost wszystkiego. Wszystko u niego urosnie, jak do sufitu» (Х. Окшув). На Рождество мыли волосы, чтобы лен был длинным, как волосы: «Na Boże Narodzenie, jak myła głowe na Wigilije, i tak zawsze mówiła: „Mam takie ładne włosy, żeby mi taki długi len urós na drugi rok“» (Х. Окшув).

В Белостокском воев. был известен обычай на Святки или в Чистый четверг ходить друг к другу в гости дальней дорогой «на долгий лен». «Po Wigilli: zjedzą i idą przez wioske jak najdalej — żeby najwienkszy len buy». «Прад Новы рок ідуць адны да другых, далёко ідуць — на доўгий лён хадзілі, каб велькі́й лён нарос». «На Новы́й год бабы хаділі на вёсцы, штоб валакно́ длі́нное было». «В Велькі́й чвартэк (Валоссё) хаділі себе па суседах адны да адных — каб рус лён. Пасадзяць, пагавораць», пьют, едят. «А на Валосю (Чысты чвартэк) хадзілі па вёсцы [через все село], каб доўги лён быў» (Бс. Вежхлесе).

Вольшинство из описанных здесь действий, как мы видим, представляют собой имитативную магию. Таковы, в частности, действия, совершаемые «на долгий лен». Они основаны на использовании магии протяженности — длины или высоты: длинные волосы, длинное сено, длинная нитка, длинный путь, женщина высокого роста, верх длинной хоругви, высокий потолок.

Временные ограничения и запреты налагались на различные виды ткаческих работ в определенные дни недели и календарные праздники. Регламентации в связи с фазами луны в данных селах не отмечены. Из дней недели запрет на работу касался прежде всего воскресенья. В воскресенье не мотали нитки (Б. Олтуш, В. Березичи), не сновали (Б. Засимы, В. Березичи), не навивали (Б. Олтуш, В. Березичи) и не ткали (Б. Засимы, Олтуш). Практически во всех селах отмечен запрет прясть по воскресеньям. Нарушение этого запрета считалось грехом, вы-

зывало подозрение в колдовстве и грозило карой на том свете. Не пряли «в неделю — грех велький» (Бс. Вежхлесе). «То szarownica, mówili [о той, что пряла]. Pàn Bóg karze: beda po śmierci zle duchy szarpać, djably inaczej» (Х. Окшув). Запрет прясть в воскресенье обычно распространялся и на субботу. Нельзя прясть в воскресенье и вечером в субботу: «У субботу ў вечари як бы сьвято заходит, шара годзина, то ужэ не» (Бс. Тополяны). «Nie przędli w sobote wieczorem» и «в недзелю» (Бс. Вежхлесе). «W niedziale nie robili, w soboty wieczorami też nie robili» (Бс. Нецки). «В субботу в вэчэри нэ прадэмо, як слонко зайдэ, бо то ужэ недзеля заходзи». «В субботу ни пралосе, ни маталосе» (Бс. Черевки).

В Волынской обл. и в Белостоцком воев. не пряли также в четверг. «В сэроду вэчором и в чытвэрх нэ прадуть» (В. Березичи). «В чвартэк весь не можна кудели прасц, бо каб волы не слинили» (Бс. Вежхлесе).

В Олтуше Брестской обл. запрет на прядение соблюдался также в среду и пятницу. «Нэ можно в пьятницу и в сэрэду, то посныи дни». «В сэрэду и в пьятницу нэ прелы, што шчыталыся посныи дни». «Нельзя в пьятницу прэсты, потому шо нэотпушшоныи грех то прэсты» (Б. Олтуш). В других обследованных селах запрет прясть в пятницу не отмечен больше нигде.

Субботу иногда считали запретным днем для снования в связи с представлением о сотворении мира: «В субботу нет [не снуют] — свет сноваўся» (В. Ветлы). Аналогично истолковывался и запрет начинать ткать в понедельник: «В такыи дни, в понэдилок нэ затыкають, бо то сьвит сновався» (Б. Олтуш). Кроме того, понедельник рассматривался как тяжелый день, а потому неблагоприятный для работы. «Понэдилок важныи [‘тяжелый’] дэнь — нэ можно было сноваты. В сэрэду найлуччэ», так как среда — женский день (В. Ветлы). «И кросна в понэдилок нэ снуеш». «Нэ снуи в тые дни. Як снуеш, то коны будэш класты» — придется перематывать (Б. Олтуш). «В понэдилок нэ починаять навываты». «Як навываеш, нэчыстыи можэ мэшатыся, у мысли влезэ, то й нэ здумаеш, шо робыты» (Б. Засимы).

Существовал запрет заниматься ткаческими работами в праздники. «Бало, и такэ прысьвято малое, и вси-вси соблюдалы сьвята, ныхто нычого нэ робыў» (Б. Олтуш). О тех, кто нарушал этот запрет, говорили, «że to bezbożnik, niedobry człowiek» (Х. Окшув). Таким людям грозило наказание: одна женщина «Ганна, она прала по празьныхах, то ее так скрывыло и чисто калекою зробыло» (Б. Засимы). По праздникам не пряли

(В. Березичи, В. Тополяны, Вежхлесе), не мотали (Б. Засимы, В. Березичи), не сновали (Б. Засимы, В. Березичи, Х. Окшув), не навивали (В. Олтуш, В. Березичи) и не ткали (Б. Олтуш, Засимы). В Хелмском воев. известна поговорка, предостерегающая от снования в праздник: «*Jak będziesz snuła, to pujdziesz w smułe (do piekła)*» (Х. Окшув). Вообще работа в праздник опасна тем, что летом в лесу будешь видеть много змей: «*wszelka gadzina w lesie przyda, jeżeli będziesz robić w święto*» (Х. Окшув). В Брестской обл. нарушение запрета мотать нитки в праздник грозит тем, что «будуть у дэтэй пупы за шэю закручаны» (Б. Засимы).

Ряд запретов касался конкретных праздников. Особо выделяется запрет на разные виды ткаческих работ, прежде всего на прядение, мотание ниток и шитье, в рождественский период. Он мотивируется чаще всего тем, что это может причинить вред потомству — детенышам скота, которые могут родиться с различными уродствами.

В западном Полесье запреты действовали две недели Святков (так наз. *Свички*), которые начинались 7 января (днем Рождества по ст. ст.) и завершались 21 января — третьим днем празднования Крещения. «Свички — вэчора сьватые», от Рождества до Крещения. 19 января «Водохрышшо». День 21 января называется «Прытик»: «пачынають престы, ткаты, шыты, вьезаты». Поэтому говорят: «прытик починок прыволык», «Тык прытик и кудальку прыволык» (Б. Олтуш). Запрет на прядение, соблюдавшийся до 21 января включительно, особенно строгим был от Рождества до Нового года («до Нового року», или «до Васыля», 14. I ст. ст.) по вечерам, которые считались святыми. «Од Руздва до Васылля вэчори сьватэй — нэ роблять». «Шче днём кое-как, а вэчора [не работают]: святы вэчор». «Сватнишы тыльки вэчир, а днём ужэ нэ так». 19 января — «Удохришче». «Просля Одохришч другога дня Иван Хрэсьцитель. Трэтьёго дня — Тик прытик». С этим днем связывают окончание Святков и начало ткаческих работ: «Тик прытик все сьвата забраў и утик», «Тик прытик вси свята поволык» и «Тик прытик починка прыволык» (В. Ветлы).

В Подлясье запрет на прядение тоже строже всего соблюдали по вечерам в период от Рождества до Нового года (в первые три дня Рождества не пряли вообще), хотя он мог продолжаться и до Крещения (или дня Трех королей у католиков). «Божэ Народаэне» праздновали три дня: 25, 26 и 27 декабря. В эти дни «не прали». 28-го «ужэ прали», но «вечором не пра-

ли до Нового году» (1.1). «А по Новым року то и пше^длы и пралы». Говорили также, что нельзя прясть «по Колядах до Нового року» и далее «до Тшэх Крули». Согласно другой информации, между Рождеством и Крещением «матать не матали, а прасць прали» (Бс. Тополяны). Запрет прясть действовал прежде всего в «swiatyje wiazory (swiatyje wieszary)». «Да Новаго року съвятые вечары, а да Трох Крулеў шчадрые». «Po Bożym Narodzeniu do Nowego Roku swiatyje wieczary, a do Trzech Królej to szcudryje — i też nie przędły, bo to nie można było» (Бс. Вежхлесе).

Нередко такие запреты сопровождаются мотивировкой. «Od Bożego Narodzenia do Nowego Roku święte wieczory, wieczorami nie robili nic. Jak przędiesz, to coś w oborze stanie: czy owczy, to kreńci sie owca. Wieczorami nie tkali» (Бс. Нецки). Не прядут «od Bożego Narodzenia do Nowego Roku, bo krowa nie ocieli sie dobrze» (Х. Окшув). Нарушение запрета мотать нитки на Святки тоже вызывает рождение уродливых телят, ягнят или поросят. «На Съвички ни мотаютъ — можэ теля чи порося уродытысь скалечанэ так: то замотаюця лапы, покрутяны [будут]» (В. Березичи). От Рождества до Крещения «не матали». Если будешь мотать «куделю, крутиги колко прад Новый год, на Багатый вечар», и есть в доме «поронена овечка, то можэ отматацца головою, калекою бывае» (Бс. Тополяны).

В селах Белостокского воев. в святочный период запрещалось прясть, сновать, навивать и ткать (Тополяны, Черевки). В Врестской обл. не снуют вечерами на Святки: «як ў Съвичках снуеш, то вовкы будутъ выты» (Б. Засимы). В Волынской обл. «нэ прадуть, поки нэ кончацца тэ Свички». «На Съвички ни мотаютъ и нэ прадуть и нэ вяжуть» (В. Березичи). Правда, относительно шитья и вязания на Святки данные расходятся. В Волынской обл. и в Подлясье на эти действия налагался запрет. Одна женщина на Святки «въязала — и прывэла корова тэлюка и лапы позачыняны пэродны». «Одын дядько прышыў гузыка на Свичках до кухвайки — и ростэлылась корова и тэлюк быў з одним боком». «У Колядах на Шчодруху нэ латай, бо будэ вачка з латкою (рабая)». На Святки «лататы нэ мона — рабэе ягня уродыця» (В. Березичи). «На Съвичках ниды нэ дають ны шыты, ны... На Новый рик як шыеш, ну, зашываеця: тэля родыця и соски нэ се, нэ можэ ссати цыцки. Есь таки, шо отшывають: у голку нытку суне и просунэ от сэбэ тры разы круз рот, по языци посунэ» (В. Ветлы). «Nie można było szyć i robić na drutach i prząć w święte wieczory od Bożego Narodzenia do

Nowego Roku — to cielakowi gemby zaszyje» (Х. Осова). «Вэчорами тыми [между Рождеством и Крещением] не шыют ниц, а то овечке губа зашыецца ци шо» (Бс. Черевки). «От Коляд до Нового року не шыли: у телят буде морда зашыта». «Шыти не можна помендзы святамі [между Рождеством и Крещением]: то ужэ зашыеш — цяля не буде рады ссаць». «Божэ Народзэне» праздновали три дня: 25, 26 и 27 декабря. В эти дни не шили днем: «живинке мамы — то жэб не ушкодило для крув, для овец: ни зробе целе ани сику ани каку, бо то зашыва се» (Бс. Тополяны). Однако в Брестской обл. вязать и шить от Рождества до Крещения не запрещалось: «У Сьвичках вечорамы празьнык». В это время «вяжуть, шэютъ», но вечерами не прядут, не снуют, не мотают и не ткут (Б. Засимы).

Среди календарных дат, с которыми связан запрет на прядение, особо выделяются женские праздники — дни свв. Варвары, Анны, Евдокии, Параскевы Пятницы и др. В одном случае Варвара признавалась «варовитой» — опасной тем, что она может причинить ущерб в хозяйстве: «На Варвару [4/17.XII] нэ прели ныдэ — кауть, варовита»: например, волк утащит и задавит овцу (В. Ветлы). В других случаях рассказывали былички о том, как Варвара и другие женские святые собственоручно карали виновницу нарушения запрета или напоминали ей о недопустимости прядения. «На Варвару нэ прялы, бо то колысь казалы, шо ейи вэрэтэнамы кололы. Одна жынка прала на Варвару, то скололась на вэрэтэно. Днём роблять, а вэчором нэ роблять» (В. Березичи). «На Варвару, пэрэд Рожэством, прасьты нэ можна. И сьнылось тый самый хазяйцы, шо прала, шо прышла Варвара и гаворыть: „На што ты мне пыл насыпала на очы“. И сказала [та хозяйка]: бильш я вик нэ буду прасьт на Варвару». На Анну тоже не прядут. «Дьве Ганны» — осенью и в Пилиповку (25.VII/7.VIII и 9/22.XII). «Хтось казаў, шо Ганна прысьнылась и сказала, шоб нэ мучылы мэня» (Б. Засимы). «Сама моя тётка прала на Евдоку [1/14.III]. Дэнэ Евдокэи буў. Она сядзе пресьты. А мама кажэ: „Нэ прады“. А вона: „А, шо там Евдока!“ — она ей так. И в юй тое вэрэтэно ўпало и встало. Просто стоело. И она хотила злизты. И як она вступыла, вэрэтэно вломылося йий в пятку. И зубамы хазяйкы сын вырваў» (Б. Олтуш). Кроме того, в Брестском Полесье «нэ прадуть на Пьетёнкы [14/27.X]» (Б. Олтуш). А в Хелмском воев. соблюдали запрет на прядение в праздники, посвященные Божьей Матери: «Święto Matki Boskiej przestrzegali zawsze też» (Х. Окшув). Богородица как покровительница пря-

дения известна и в Полесье, где, по преданию, она изображалась на иконе с веретенами в руках: «Прадильница, такая йкона. Маты прадильница, и вэрэ́тэна в руках. То Божа Маты» (Б. Олтуш).

Некоторые ограничения и запреты были связаны с периодом Великого поста. Не пряли в канун поста, в заговены: «прад запусками не прали» (Бс. Вежхлесе). В Полесье запрещалось прясть в первый день Великого поста, в понедельник: «Пэрвы́ дэнь Посту нэ прадуть» (Б. Засимы); «Полоскозуб — нэ прэдимо» (В. Ветлы). В Волынской обл. верили, что несоблюдение этого запрета навлечет продолжительные ливни: «Пэрвы́ дэнь Посту нэ прадуть и нэ снують — гаворать: надто будут дошчи, заливы вэлики. Цилую нэдилю Вэлыкого посту нэ снують» (В. Березичи). Запрет на разные виды ткаческих работ был приурочен и к середине Великого поста — к среде Крестопоклонной недели. «На Хрисци нэ прадуть, и нэ снують, и нэ тчуть: будут христы на полотни». «В Хрисци нэ снують — багато крижуюцца ниткы и нэ можна навыты». Образуются так наз. «сорочыны лапы, як навывають» — «да хто ужэ в сэ́рэду снуе на Хрэсьци, скрыжуе так» (В. Березичи). Запрет этот истолковывался и иначе — в связи с распространенным в Полесье представлением о Среде как женщине, нуждающейся в пряже [Владимирская 1983, с. 229]: «В сэ́рэду в Пист нэ можно сноваты, бо то ужэ в Сэ́рэды багато дочок и дочки забэруть ниткы и нэ будэ чым доснуваты» (В. Березичи). Еще одной средой, запретной для прядения, была среда на Страстной неделе: «Серода мучана пэрэд Паскою — это тожэ: в сэ́роду пэрэд Паскою нэ прадуть» (Б. Засимы). В Белостоцком воев. «не прали в Велький чвартэк» (Бс. Вежхлесе).

Из прочих календарных праздников следует отметить запрет прясть на Пасху. Так, в Волынской обл. три дня Пасхи не прядут, а в среду уже можно (В. Березичи). В Брестской обл. известен запрет мотать нитки на Благовещение, который имеет характер оберега от змей: «На Благовишчэне кэб нэчого нэ мотаты и нэ робыты — то будут ужи до хорим мотацця» (Б. Засимы).

Наконец, последняя группа календарных запретов связана с культом предков и касается поминальных дней. Подобные запреты отмечены нами лишь в полесских селах. В поминальные пятницы неукоснительно соблюдали запрет на прядение. Их было несколько в году. Правда, сейчас информанты с трудом могут перечислить их все. «Дэ́довая пьятныца, живеть пэрэд Мыхайлом, — нэ прадуть; дэ́довая пьятныца — пэрэд Рожэ́стым, дэ́довая пьятныца — пэрэд Постом; Вэ́лыка пьятныца —

пэрэд Паскою, эта Вэлика пятныца — Исуса Хрыста на хрэст повесилы; посьтяная пятныца — помынальная пятныца пэрэд Пэтром, в Пэтривку; пэрэд Троицею — дэдовая пятныца». В остальные пятницы работают (Б. Зосимы). Обычно по пятницам прядут. «Только шо, по-нашому сказывають, дыды — в пьетныцю нэ прадуть. Онэ жывуть в висинь и на мясныцы другого мэсяца», т. е. в феврале. Первые из них, осенние, «будуть дэветого мэсяца пры конци». А вторые деды «на мясныцю, после Рожэства, нэ в чысли». Это пятница на последней неделе мясоеда, перед Масленицей. Другие информанты добавляють: «Диды або кажуть помынальныця»: одна «пэрэд Михайлом в петныцу», «диды пырид Михайлом жывуть, в пятныцу вэчора и рано в суботу», а другая поминальная пятница «пэрэд Трийцею» — в эти пятницы не прядут (В. Березичи). В поминальные дни не занимаються никакими ткаческими работами. Одна информантка рассказала такой случай: «Помэр наш дид. Алэ помынальныця — у вэчэри нэ можна робэты. А я робыла. А я буду ткаты. А вин мнэ прысниўся, дид мый, шо идэ с ключэчкою. А я кажу: „Шо ви, дэду, йисты хочытэ?“ А вин мни говорытэ: „Я есты нэ хочу. Зачэм вы коросту тратэ?“ Ну, я всем говору, шо на помынальныцю нэ можна робыты» (В. Березичи).

По окончании снования со сплетенной основой совершали магические действия. Чаще всего на нее садились, чтобы плотно было гладким и крепким. Оснуешь, «тоды бираш на руку, збираеш да идэш. Шоб твардэ пулотно було, тоды посыдэш по ёму». «Сядаймо на ту пряжу, коб була гладка. Трошку, мынютку и всё. Шоб така была гладка, як срака наша» (В. Березичи). «Снуюць, тую пляцёнку паложакъ и дупаю пастукаю, каб гладкае палатно было» (Бс. Вежхлесе). В Брестской обл. то же действие имело функцию оберега: «Казалы, сядь жопою на тую основу, коб уроки на полотно не нападады. Хлоп и все — встанеш» (Б. Засимы). В Белостокском воев. «як аснуюць, то ужэ падложакъ пад дупу, а пузьней три разы праходзили праз аснову [т. е. три раза ходят по ней], каб ткалося добрэ, каб мацава, каб ниhto не урок». Вдобавок ударяли сплетенной основой о стену: «Przechodzili przez nią trzy razy, stukali ob ściane tej asnowaju, żeby nie rwallsia nici tkuczyja» (Бс. Вежхлесе). В Брестской обл. и в Хелмском воев. было принято вытягивать готовую основу. «Як здыймуць, потягають — тая до сэбэ, а тая до сэбэ потэгне. Такой обычай» (Б. Олтуш). «Staneła jedno nogo i ciągnęła jak najdłużej, żeby to dłużej było [полотно]» (Х. Окшув).

Несмотря на определенные языковые и конфессиональные различия, существующие в данной зоне, представленный материал выявляет ряд ареальных соответствий (волынско-белосточских и др.) и демонстрирует однородность, единство и общность этнокультурной традиции полесско-подлясского пограничья. Сходство обнаруживается в терминологии (названия ткаческих орудий, остатка кудели на прялке, костры и т. д.); во временных ограничениях и запретах на различные виды ткаческих работ и в мотивировках нарушения этих запретов (на прядевание, мотание ниток, вязание, шитье); в некоторых запретах, связанных с недоделанной работой и орудиями труда; в гаданиях на «долгий лен» (с рождественским сеном); в магических действиях со сплетенной основой (обычай садиться на нее, растягивать ее), с дотыкальным прутком (обычай «выезжать» на нем на улицу и гадать) и при начале тканья (обычай садиться); в целой серии оберегов (втыкание иголки, плевков вслед постороннему посетителю, обвязывание предметов ткаческого инвентаря при их передаче), а также в обычае ткать быденное полотно в случае массовых бедствий.

ОБСЛЕДОВАННЫЕ ПУНКТЫ И СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

- Б. Борщи — Брестская обл., Кобринский р-н, в 1,5 км от с. Засимы, Иванюк Степанида Ульяновна (род. 1930); июль 1985 г.
- Б. Засимы — Брестская обл., Кобринский р-н, Швайчук Зинаида Михайловна (род. 1910), Сарачук Софья Богдановна (род. 1914), Назарук Мария Сергеевна (род. 1927); июль 1985 г.
- Б. Олтуш — Брестская обл., Малоритский р-н, Мощик Ольга Филипповна (род. 1916), Крестовская Евдокия Максимовна (род. 1928), Котел Прасковья Савельевна (род. 1925), Пашкевич Павел Михайлович (род. 1912), Авдикюк Ольга Давыдовна (род. 1903); январь-февраль 1985 г.
- Бс. Вежхлесе — Белостокское воев., Стасевич Лидия (род. 1915), Кульмачевская Нина (род. 1922, католич.), Кульмачевский Владислав (род. 1920, католич.); Савонь Александра (род. 1907, правосл.), Александр (род. 1912, правосл.) и Валентина (род. 1928, правосл.); Стасевич Зинаида (род. 1912, правосл.); июль 1990 г.
- Бс. Козлики — Белостокское воев., гм. Заблудов, Матвейчук Антонина (род. 1906, правосл.); сентябрь 1993 г.
- Бс. Нецки — Белостокское воев., гм. Туросья Косцельна, Ключик Геновефа (род. 1930) и Бронислав (род. 1920, католич.); сентябрь 1993 г.
- Бс. Тополяны — Белостокское воев., Богдан Анна (род. 1910), Рафалович Михал (род. 1927), Алексюк Вера (род. 1910, правосл.); Дакович Бронислава (род. 1908, католич.), Ярошук Серафима Антоновна (род. 1930); Осташевский Иван (род. 1900-е гг., правосл.); июль 1990 г.
- Бс. Черевки — Белостокское воев., гм. Юхновец, Куприянюк Вера (род. 1914) и Илья (род. 1910, правосл.); сентябрь 1993 г.

- В. Березичи — Волынская обл., Любешовский р-н, Петрик Пелагея Панасовна (род. 1929), Петрик Михаил Семенович (род. 1922), Петрик Мария Андреевна (род. 1927), Гриневич Варвара Трофимовна (род. 1928); июль 1985 г.
- В. Ветлы — Волынская обл., Любешовский р-н, Тинчак Довна Ивановна (род. 1913), Ермолюк Ганна Ахтимовна (род. 1911), Скупейко Степанида Адамовна (род. 1911), Ефимук Мария Корниловна (род. 1906), Ефимук Анна Васильевна (род. 1923), Дышко Прасковья Павловна (род. 1926), Дышко Савелий Кузьмич (род. 1925); июль 1985 г.
- Х. Окшув — Хелмское воев., Домброва Антонина (род. 1911, катол.), Скубий Ядвига (род. 1909, катол.); ноябрь 1990 г.
- Х. Осова — Хелмское воев., Круль Виктор (род. 1911, катол.), Лубковска Катажина (род. 1912, катол.), Савка Александра (род. 1901, катол.) и др.; ноябрь 1990 г.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Владимирская 1983 — *Владимирская Н. Г.* Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством. Снование // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983. С. 225–246.

О. В. БЕЛОВА

БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ ЛЕГЕНДАХ

В течение долгого времени исследования по народному христианству (фольклорным религиозным представлениям, народному культу святых, легендам и поверьям, связанным с сюжетами библейских книг или житийными произведениями, и т. п.) были редким явлением в отечественной науке. «Библейский фольклор» оставался за рамками филологических и этнокультурных исследований, редкими были публикации текстов народных легенд на религиозные сюжеты, материал, собранный в экспедициях, был доступен только узкому кругу специалистов. Крайне бедной выглядела картина бытования «фольклорной Библии» в народной среде в наше время, особенно на фоне фундаментальных фольклорно-этнографических сводов XIX — начала XX в., собранных А. Терещенко, А. Афанасьевым, В. Добровольским, Н. Никифоровским, А. Сержпутовским, П. Чубинским, Н. Сумцовым, Б. Гринченко, В. Гнатюком, И. Франко, Г. Булашевым, М. Левченко и др.

В последние годы ситуация изменилась. Переизданы труды крупнейшего исследователя бытового православия Г. П. Федотова [Федотов 1990; 1991], частично переизданы материалы П. Чубинского [Чубинский 1995], появилась в переводе на украинский язык книга Г. Булашева [Булашев 1992] о религиозных воззрениях и верованиях украинцев, стали доступны широкому читателю исследования О. Воропая и С. Килимника, опубликованные за рубежом в 1950–1960-х гг. Стали возможными публикации современных полевых записей, и в этом большую роль сыграл журнал «Живая старина», на страницах которого в 1994–2000 гг. неоднократно были представлены материалы из различных регионов Славии (Русский Север, Нижнее и Среднее Поволжье, Тверская обл., Пермская обл., Карпаты, украинское и белорусское Полесье). Появились исследования в области отдельных жанров фольклорной «библейской прозы» (о восточнославянских дуалистических легендах [Кузнецова 1998]; о нижегородских христианских легендах [Шеваренкова 1998]; о славянских поверьях, связанных с ветхозаветными мотивами [Толстая 1998]; о славянских и еврейских легендах о Потопе [Белова 1998]; об украинских этиологических легендах [Кабакова 1999; 1999а]; об этиологических, эсхатологических

и библейских легендах карпатских украинцев [Сокил 1995]; об эсхатологических рассуждениях современных крестьян [Маслинский 2000]; и др.). Исследователи вновь обратились к содержанию понятия «народное православие» (см., например: [Панченко, Петров 1993; Панченко 1998, 1999; Левкиевская 1998]). Накопленный материал позволяет говорить о том, что систематизация, классификация и издание народных легенд на ветхо- и новозаветные сюжеты стали насущной задачей фольклористов и этнолингвистов. Эти тексты как сами по себе, так и в сопровождении культурологического комментария (может быть, с привлечением материалов из других, неславянских традиций) вполне могли бы составить уникальный свод — «народную Библию».

Фольклорные легенды, построенные на материале Ветхого и Нового Завета, представляют один из интереснейших аспектов обширной темы — о роли и значении Библии в традиционной народной духовной культуре. Интерпретация библейских сюжетов в народных легендах наглядно показывает неординарность и многоплановость фольклорной трактовки текстов, излагающих «священную историю». Содержащиеся в народных легендах анахронизмы, кажущаяся алогичность соединения в пределах одного текста фрагментов различных сюжетов, «вольное» обращение с именами и персонажами далеко не всегда свидетельствуют лишь о поверхностном знакомстве носителей фольклорной традиции с библейскими текстами.

Подобно апокрифам, народные легенды стараются дать объяснение тем эпизодам Священного Писания, которые, с точки зрения читателя или слушателя, нуждаются в более подробном изложении. Наиболее драматичные, ключевые моменты библейской истории (сотворение мира и человека, грехопадение первых людей, история Каина и Авеля, Всемирный Потоп, строительство Вавилонской башни и «размещение языков») расцветаются в народных легендах многочисленными подробностями, призванными как бы восполнить лаконизм первоисточника.

В настоящей работе мы хотели бы в первую очередь остановиться на проблеме фиксации «библейского материала» в ходе экспедиционной работы и, отдавая дань уважения предшественникам (материалы Добровольского, Чубинского, Сумцова и др. составляют для нас необходимый «фон» и являются неоценимым «справочным пособием»), особое внимание уделить полевым собирателям и ввести в научный оборот (пока хотя бы частично)

новые аутентичные экспедиционные записи из украинского и белорусского Полесья.

В конце XIX — начале XX в. вопросы, ориентировавшие собирателей на фиксацию материалов, связанных с народной верой (рассказы о сотворении мира и конце света, о библейских лицах и событиях, о святых, о чудотворных иконах и т. п.), были включены в «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России» Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (1897) и в «Программу для собирания произведений народной словесности» Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАиЭ (1912). Работа по составлению специальных вопросников по проблемам народного православия была начата в отечественной науке в 1920-е годы, когда Н. М. Маторин и А. А. Невский разработали «Программу изучения бытового православия» [Маторин, Невский 1930].

Эта программа содержит 13 разделов, охватывающих представления о христианских святых, ангелах, демонах, православную космогонию и космографию, а также содержание культов, элементов магии в культе, народную медицину и т. д. Цель программы — сбор материалов для характеристики православной христианской религии «с точки зрения этнографической». Таким образом, подчеркивалось влияние краевых и этнических особенностей на формирование локальных черт православно-языческого синкретизма. Особо в программе выделялась тема, связанная с наследием дохристианских местных культов. Кроме того, вопросник включал географическую и социальную характеристику районов изучения. По материалам программы намечалось создание «религиозно-бытовых» карт районов, с помощью метода картографирования предполагалось проследить географию культов, их периодизацию, распространение культовых особенностей. Программа Маторина и Невского охватывала широкий круг явлений, была ориентирована как на изучение самой системы бытового православия, так и на корпус текстов (легенды, поверья) и обрядовых действий, функционирующих внутри системы. К сожалению, работа по собиранию материалов была прекращена в 1930-е годы, а ее участники подвергнуты репрессиям.

Через много лет проблема вопросника по народному христианству встала перед участниками Полесских этнолингвистических экспедиций — материал сам шел в руки. В 1980–1985 гг. обширный и своеобразный «сбор» удалось получить во время работы на территории Черниговской, Житомирской и Гомель-

ской областей. В 1981 г. нами в соавторстве с О. А. Терновской и А. В. Максимовым была составлена программа для фиксации материалов по народному православию на территории Полесья. Мы учитывали, что в системе бытового православия существуют различные жанры: легенды, молитвы, духовные стихи, приметы, поверья, а также такой трудно поддающийся определению и слабо структурированный жанр, как «представления о...», имеющиеся у каждого информанта и отражающие его индивидуальную мировоззренческую позицию. Не отказываясь ни от одного из жанров, связанных с народно-религиозной тематикой, основное внимание мы уделили нарративным текстам, в которых переосмысливается библейская история.

Рабочий вариант программы состоит из 24 разделов, охватывающих проблемы мироустройства, библейской истории, представления о Боге, Богородице, святых, юродивых, ветхозаветных и новозаветных персонажах, нечистой силе. В программу-вопросник включены также разделы, посвященные праздникам. Во время экспедиции в с. Речица Ратновского р-на Волынской обл. в августе 2000 г. нами был опробован переработанный вариант вопросника. Целью исследования было не только выявление основного корпуса «библейских» сюжетов, бытующих в Полесье, но и прояснение этнографического контекста фольклорных религиозных верований, опирающихся на эти сюжеты или косвенно связанных с ними. В перспективе хотелось бы выяснить, в какой календарно-обрядовый или ритуальный комплекс «встраиваются» представления, так или иначе связанные с «народной Библией»; все ли они имеют такую «приуроченность» и какова степень автономности фольклорных текстов, отражающих библейские сюжеты, по сравнению с легендами и поверьями, связанными с «небиблейской» фольклорно-мифологической традицией.

Помимо материала, собранного по нашей программе в полесских селах Тхорин, Листвин, Курчица (Житомирская обл.), Грабовка, Дубровка, Барбаров, Комаровичи (Гомельская обл.), Хоробичи, Великий Злеев (Черниговская обл.), Речица, Мельники Речицкие, Комарово (Волынская обл.), сведения по народной религии можно найти в богатейших материалах Полесского архива Института славяноведения РАН, собранных по программе Полесского этнолингвистического атласа.

Ценность зафиксированного участниками Полесских экспедиций материала обусловлена тем, что Полесье представляет собой одну из самых архаических в этнокультурном отноше-

нии славянских зон. Кроме того, своеобразна и этноконфессиональная ситуация в Полесье — здесь на сравнительно небольшой территории проживают в тесном соседстве православные, католики и евангельские христиане-баптисты. До Второй мировой войны в Полесье проживало также многочисленное еврейское население. Столь тесное соприкосновение с элементами других культур и религий, другой обрядностью не могло не наложить отпечаток на «народное прочтение» библейских текстов носителями православной традиции. Своеобразие этнокультурной ситуации в Полесье делает не только возможным, но и действительно необходимым сравнение зафиксированного «библейского фольклора» полешуков не только с типологически сходными материалами из других славянских архаических зон (Русский Север, отдельные районы Болгарии и Сербии, Карпаты) или соседних этнокультурных регионов (Подолія, Галиция, Могилевщина, Витебщина), но и с традицией истолкования священных текстов в еврейской устной традиции (мидраши, агада). Уже первые шаги, сделанные в этом направлении, дали интересные, порой неожиданные результаты, свидетельствующие о непосредственных фольклорных заимствованиях (на уровне отдельных сюжетов), имевших место в славянской традиции, особенно на территории Полесья, Подлясья и Закарпаття (подробнее см.: [Белова 1998: 169–170]).

Программа по народному христианству была опробована не только в Полесье. Ее также использовали в своей работе участники этнолингвистических экспедиций на Русский Север, проводимых сотрудниками Института славяноведения и РГГУ в разные годы (1980–1998). В настоящее время М. Каспиной (РГГУ) ведется работа над созданием вопросника по народному православию для работы в различных районах Русского Севера, учитывающая конфессиональную специфику этого региона и сюжетный состав местного варианта «народной Библии».

Собранный материал представляет пока довольно разрозненную и пеструю картину. Первоочередной задачей видится составление свода (индекса) зафиксированных сюжетов и подготовка текстов к публикации. Опыт издания подобного рода полевых материалов по южнославянской традиции уже существует. Это свод «Българска фолклорна Библия», подготовленный к печати болгарской исследовательницей Ф. Бадалановой. Материал был собран не только в Болгарии, но и в болгарских селах Украины и Молдавии. Издание примечательно тем, что построено по принципу канонической Библии — сюжеты Вет-

хого и Нового Заветов в фольклорной интерпретации повторяют сюжетную канву основных библейских книг. Материал показывает, что представления о бедности, ограниченности и некой «неполноценности» фольклорной версии Священного Писания в корне неверны. Носители фольклорной традиции демонстрируют не только знакомство с каноническими и апокрифическими сюжетами на темы библейской истории, но привносят в них черты национального менталитета и элементы архаических верований.

Своеобразие исследуемого жанра состоит в том, что, с одной стороны, «библейские» легенды являются частью обширного пласта фольклорных космогоническо-космологических текстов; с другой стороны, фольклорные «библейские» нарративы часто «узурпируют» сферу других легенд (чаще всего — этиологических), и всё, что рассказывается, например, по поводу создания (появления, исчезновения) тех или иных природных объектов или культурных реалий, начинает восприниматься носителями традиции именно как часть «фольклорной Библии» и связываться с различными событиями Священной истории (в их фольклорной интерпретации). Более того: «народная Библия» оказывается тематически гораздо шире своего канонического оригинала. В область «библейских» сюжетов включается практически вся этиология (появление животных, растений, этносов и социальных групп и присущих им особенностей): в приложении публикуются тексты легенд, сюжеты которых изначально не связаны с каким-либо библейским сюжетом, но которые давно уже стали неотъемлемой частью «фольклорной Библии» (о превращении человека в аиста, о хлебном колосе и «кошачьем и собачьем хлебе»). В круг «библейских» входит и целый ряд представлений, связанных с персонажами народной демонологии (происхождение локальных мифологических персонажей — домовых, леших, водяных — не только от свергнутых Богом с неба восставших ангелов (в.-слав.), но и от спрятанных от Бога детей Адама и Евы (с.-рус., олонец.), от проклятых Богом строителей Вавилонской башни (рус., воронеж.; бел.), от потомков Хама — несправедного сына Ноя (рус., калуж.) или от фараоновых людей, преследовавших Моисея и его народ во время Исхода из Египта (рус., владимир.); особенности поведения сезонных персонажей (русалок) или ходячих покойников — в давние времена, когда «земля была незаклятая», когда «еще Спаситель не родился», они чаще появлялись среди людей; подробнее см.: [Серебряная 1985; МРЛРС: 36]).

Многие обрядовые и ритуальные действия также обретают мотивировки, связывающие их с библейскими событиями. Такова своеобразная «этиология праздников и обрядов», представленная в целом ряде восточнославянских легенд, причем в данном случае народная традиция наглядно демонстрирует присущую ей вариативность в отношении мотивировок одного и того же «исторического факта».

В Подолии, например, так объясняли особенности пасхальной трапезы (поросенок с хреном в зубах как обязательное блюдо); примечательно, что рассказ ведется как бы от лица представителя другой конфессии: «Жид росказував, що перші свята великодні сам Бог справляв. І с пшеничної муки питльованої росчинив паску і поставив на столі. По тому росчинив з мараманської (?) муки для великих панів і поставив на постелі. А для шляхти — росчинив з пшеничної разової і поставив на лавці. А для мужиків — росчинив з грису; не було де, — то поставив під постіль. Прийшла свиня та й ззіла ту росчину. То Бог показав мужикам свиню і каже: „От дивіться! росчинив-им для вас паску — і свиня ззіла“. Мужики зловили і зо злости впхали в писок хрін. То пам'ятку і тепер роблять, щоби вони в ночі не ззіли паски» [Левченко 1928: 3].

В Закарпатье, по свидетельству П. Г. Богатырева, традиционное обливание водой в пасхальный понедельник (*полеваній понеділок*), сопровождаемое приговорами-благопожеланиями: «Будь веселой, как весна, сытой, как осень, и богатой, как святая земля!», могло получать следующее истолкование: «В Верховине Быстрой и Вышнем Быстром мне объяснили, что обливание в понедельник и вторник пасхальной недели совершают в память о том, что после Воскресения Христова евреи обливали верующих, чтобы те не разгласили этой вести. По словам дьяка из Смерекова, когда Христос воскрес, евреи обливали толпу верующих, чтобы разогнать ее» [Богатырев 1971: 239–240]. О мотивировках этих же действий, также отсылающих к новозаветной истории, в польском Подлясье см.: [Виноградова 1998: 115].

Согласно гуцульским верованиям, обливание в *волочільний понеділок* (после Пасхи) стало традицией с тех пор, как апостолы, перед тем, как снять Христа «з древа», вымыли руки, чтобы чистыми руками дотрагиваться до Божьего тела. С тех пор и пошел обычай мыться в этот день [Онищук 1912: 41].

Обычай жечь костры в пасхальную ночь, как явствует из материалов Карпатского архива Института славяноведения РАН, появился так: «У нас перед Вилкóдними свята́мэ берут гúмэ з

колэсиў тих, идут тоді на горú и то палётъ, и той огонь ў нич горит. У суботу перед Великоднем. На памнетку о тим же тее... Хрэстос — вартовалэ грóба и палётъ тай огонь. Гроба вонэ вартовалэ, вонэ нэ малэ спátэ, йих Бог то доў, жэ вонэ не мýсэлэ спátэ. Бо вонэ — ў ту пóру Сус Хрэстос моў воскреснутэ. Вонэ си гриэлэ, бо вонэ си змэрзлэ. И вонэ стереглэ грóба. Пíмнетка то е. Горít, деяние [т. е. это действие, обряд называется „деяние“]» (с. Гологоры Золочевского р-на Львовской обл., 1988, зап. М. Н. Толстая). По другой версии из этого же региона, этот обычай связан с бегством святого семейства в Египет: «Паліли вогні на таку пам'ятку, бо як Ирод хтиў убиты Исуса Хрыста — то як утікаты до Египту, — то воны палілі соломó, щобы Прэчыстой Деве було выдко, дэ вона буде утікаты» [Виноградова 1998: 116].

В Полесье запрет спать в ночь перед Пасхой может объясняться так: «На Всенощную [спать нельзя]. В это время на Пасху Исуса Христа жыды распэли. И сказали, што вин воскреснэ. Кóбли его поставили великую стражу, положили великий камень. [И стража не спала, и мы не должны спать.] В тую ночь тот камень розлетелся, и воскрес Исус Христос. До того врэмá Исус Христос ходил по зимли. Вин воскрес и вошол на небо» (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985, зап. О. Крюкова). Поведение благочестивого христианина здесь, как ни удивительно, должно соответствовать поведению «чужих» и в общем-то враждебных Христу стражников.

В волынском Полесье принято постилать в хате и в хлеву на пол пахучее растение «лепéхó», и обычай этот объясняется так: «Лэпéхою на пол стéлюмо. Потом собираемо ў хлиў — устилають за ўстрэчу Йсуса Христа. Як Сус Христос ўвэхаў ў Эрусалим, богаты устилалы дорогу полотном. Бэдны, шо полотнá не малы, ветки ломáлы, кидалы под ногí зэлэнь. Сус поехаў по зэлэнэм» (с. Щедрогор Ратновского р-на Волынской обл., 1985, зап. Т. В. Козак). Ср. в связи с этим же сюжетом рассказ из брянского Полесья об освящении вербы перед Пасхой: «Исус ехаў ў храм и пасытилал вербы ему на дароги и адежды, патому Вёрбная [неделя]. Светють абезательно, берегутъ, мо и у хати становютъ» (с. Семцы Почепского р-на Брянской обл., 1982, зап. М. И. Серебряная).

Традиционный обряд «полазник» в Закарпатье, как показал П. Г. Богатырев, также имеет христианизированное толкование: «Считается, что если еврей вошел в дом, как полазник, то весь год будет хорошим, потому что он не нашей веры.

Когда враги схватили Иисуса Христа, св. Петр отрезал Мальху ухо. Тогда Иисус взял ухо и, положив его позади себя, благословил иудейскую веру» [Богатырев 1971: 220]. На фоне традиционных мотивировок ясно видно, что эта «этиологическая мотивировка» вторична и не вяжется с семантикой обряда, где главное — не Божье благословение чужой веры, а именно присутствие «чужого» в качестве гостя. Однако следует признать, что эта вторичность (как и в случае с обливанием водой и пасхальными кострами) осознается (и, к сожалению, часто дискриминируется, как нечто «ненародное» и потому «неценное») извне — учеными-собирающими; внутри же традиции легендарные мотивировки обрядовых действий занимают равноправное положение среди прочих мотивационных версий.

Возвращаясь к полесским «библейским» легендам, отметим, что собранный материал демонстрирует еще одну общую особенность восточнославянских этиологических легенд: один и тот же сюжет может относиться как к ветхо-, так и к новозаветным временам, свободно перемещаясь по всему хронологическому пространству «народной Библии»; одни и те же существа, предметы, признаки могут «твориться» неоднократно в разные периоды библейской истории. Например, варианты уже упоминавшейся легенды о превращении человека в аиста показывают, насколько органично вплетается один и тот же этиологический сюжет в повествование о начале мира, о рае, о Потопе и времени распятия Христа. Заметим, что анализ собственно этиологических легенд, составляющих своеобразное «введение» к «народной Библии», и механизм перехода этих сюжетов из «ветхозаветного» в «новозаветный» цикл может стать предметом особого исследования.

Создается впечатление, что большинство «библейских» фольклорных легенд бытуют как бы вне «этнографического пространства», составляя некий чисто нарративный пласт народной традиции. Однако на этом общем фоне «невключенности» в ритуалистику часть библейских мотивов оказывается тесно связанной с системой актуальных верований, примет и поверий и сопряженных с ними ритуальных и магических практик. Так, сюжетное построение фольклорных рассказов о сыновьях Адама и Евы — Каине и Авеле — почти не отличается от канонического прототипа. Более того, в современной традиции практически не фиксируется развернутое повествование о соперничестве братьев (и о причинах этого соперничества), первом в мире убийстве и его последствиях (редким исключением

является рассказ из волынского Полесья (с. Пески Речицкие Ратновского р-на Волынской обл., 1979, зап. А. В. Гура [ПЭС: 129]); ср. зафиксированные ранее украинские варианты: [Чубинский 1995/1: 156–157; Гринченко 1901: 190–191; Булашев 1992: 113–114] — превалируют лаконичные пересказы Библии. Однако рассказы о Каине и Авеле входят в круг славянских легенд о пятнах на лунном диске [СД²: 436–437], и в этом контексте сюжет начинает обрастать новыми, неканоническими подробностями (братья на Рождество не поделили сена — полес.; Каин вымазал месяц смолой за то, что месяц рассказал о его преступлении солнцу — с.-рус.; ненависть Каина к Авелю возрастает и убывает вместе с луной — укр.; на месяце видно, как Каин убивает Авеля вилами, стреляет в него из ружья — полес.). Отметим также, что в связи с этиологией лунных пятен в народной традиции, помимо Каина и Авеля, фигурируют и другие пары персонажей: Озарий и Ананий (киев. полес.), Обрам и Ной (брест. полес.), Адам и Ибраим (закарпат.). Благодаря своей связи с месяцем, Каин и Авель упоминаются в русских заговорах от зубной боли [Майков 1994: 38; Юдин 1997: 220–221].

Отметим еще один вариант легенды о Каине и Авеле, записанный в середине XIX в. в северной части Черниговской губ. (Козелецкий уезд) и помещающий общеизвестный сюжет о первом братоубийстве в неожиданный и совершенно новый контекст, который имеет выход в сферу народно-демонологических представлений. В этой версии легенды говорится, что жена братоубийцы Каина «знала всяка зилле» и по ночам выдаивала коров у вдовы Авеля (типичное занятие ведьмы. — О. Б.). Молоко было с кровью — так «Бог карав йих за Явелеву смерть». Однажды жена Каина встретила бога Валосько, который спросил, что она делает. «А те раблю, що стань да стуй!» Валосько встал, как вкопанный, а потом сказал: «Ну, рабы ж свое... Кали робыш!» — «Ну, иды ж и ты соби, кали ыдеш да не пытайся бьутьше». Далее легенда заключает: «С таго часу стали у нас видьмы, видьмаки, перевертни и вавкулаки, що па дварам ходять да птыцю и скотыну давлють» [Гринченко 1901: 190–191]. Итак, от первой ведьмы — Каиновой жены, — «пересилившей» в споре некоего «бога Валосько», произошли все ведьмы и другие обладатели вредоносной силы. В 1984 г. в гомельском Полесье (на границе с черниговским Полесьем) был записан текст, в котором аналогичная ситуация отнесена ко времени, «когда Господь ходил по земле»: «Идэ ён с апостолами, Пётрб и Павел. Идуть яны — стаить жэнщина и завивае завитку. Гасподь кáжэ:

— Злая, незбáчная, не разогнись.

А яна́ ему атвеча́е:

— А ты, злы́й, незбáчный, не сыйди́ на небеса.

Значи́т, яна́ не разагну́ўся три годы, а ён не сыйшо́ў на небеса. Хадил три годы па земле, тварил чюдеса. Тады́ пришо́ў знов к ёй праси́ца — ана́ стаи́т крука́м.

— Злая, незбáчная, разагнись.

— А ты, злы́й, незбáчный, зыйди́ на небеса.

Гасподь пашо́ў на небеса, а ана́ разагнулась. Ана́ перемагла́ Бога. Бога перемага́ли черты́» (с. Ручаёвка Лоевского р-на Гомельской обл.). В этой легенде перед нами снова ведьма за своим традиционным занятием — она наводит порчу, делает залом (*завитку*) из колосьев. Господь (Христос) пытается ей помешать, наказывая искривлением спины, она же в отместку мешает его вознесению на небеса. В течение трех лет вынужденного пребывания на земле Христос творит чюдеса, но на небеса может отправиться лишь тогда, когда снимает наказание с ведьмы и получает ее напутствие: «А ты злы́й, незбáчный, зыйди на небеса» (обмен любезностями происходит между ними на равных, однако с точки зрения рассказчика последнее слово все-таки остается за ведьмой — она «перемогла Бога»).

Можно привести интересную карпатскую параллель к этим двум полесским вариантам (запись 1910-х годов), которая также связана с праздником Вознесения (точнее со следующим за ним днем — *Перенеси́не*). Рассказывают, что Иисус Христос ходил с апостолами и увидел, что «чародейница» ворожит. Он спросил, что она делает. Ведьма разозлилась и ответила: «Иди-иди! ни зацо́куй ми, бо си́ ни ознисеш!» И Христос не смог вознестись на небеса в назначенный день, ему удалось это только на следующий. Он вознесся бы вовремя, если бы «тоти паскуди шось ни перечили» (Надвирнянский пов.; [Онищук 1912: 46]).

Легенды на библейские темы могут нести на себе следы других жанров, например духовных стихов («псалмов»), отражающих тот же сюжет. Это подтверждает положение о более широкой сфере, которую охватывает «народная Библия» в целом — не только в тематическом, но и в жанровом аспекте. В качестве примера (количество их можно умножить) приведем фрагмент легенды о Потопе, записанной в с. Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл. (1985, зап. О. В. Санникова): «Гóлубь лета́ў, ўэсь сўэт облета́ў, землі не найшо́ў. [Бог послал голубку.] Голу́бка полетéла, ўэсь сўэт облетéла, нашла́ горби́ночку. Сéла на горби́ночку и ўйрўала цўэти́ночку. Да ўзя́ла

дубíночку, полетéла, понеслá до копчá. Ной дўзри отўорáе, голўбку ўпускаé. Стáла ўода [убывáть], стаў Бог ўпуска́ть». Наличие в тексте ритмизованной прозы (почти рифмы) наводит на мысль о том, что в данной локальной традиции бытовала и стихотворная версия сюжета о Потопе (духовный стих, который широко известен в Полесье), оказавшая влияние на легенду. О том, что поэтическая и прозаическая версии могут конкурировать друг с другом в рамках традиции одного села, нам пришлось убедиться во время экспедиции 2000 г. в с. Речица. На просьбу рассказать, что известно о Ное и Потопе, большинство информантов активно перемежали рассказ фрагментами духовного стиха или сразу же исполняли «Псалму про Ноя» (*Была слава среди века, / Избрал Господь человека / Одного на весь свет...*). Нам удалось записать только одну прозаическую версию легенды, «свободную» от стихотворных вставок. Видимо, можно говорить о том, что в речицкой традиции этот сюжет бытует именно в форме духовного стиха, а не фольклорного нарратива.

Хотелось бы надеяться, что фундаментальное исследование восточнославянских «библейских» легенд и критическое издание текстов состоится в недалеком будущем. Накоплен богатый полевой и архивный материал, и мы еще имеем возможность фиксировать живую традицию «библейских» фольклорных нарративов во множестве ее локальных вариантов. В приложении к статье мы сделали попытку представить небольшой фрагмент полесской «народной Библии», сопроводив тексты кратким комментарием и указанием наиболее ярких параллелей (в частности, из Архива карпатских материалов Института славяноведения РАН и записей, сделанных на Русском Севере).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Представляя материал для предварительной публикации, мы остановились лишь на некоторых сюжетах полесской «фольклорной Библии», избрав рассказы о сотворении мира и людей, Всемирном потопе и Исходе еврейского народа из египетского плена. Эти эпизоды, отражающие поворотные моменты библейской истории, оказываются сходными по своему смысловому наполнению: после Божественного первотворения в результате природных катаклизмов (Потоп) или социальных потрясений (Исход) мир или отдельные его элементы творятся заново, переживая свое второе или неоднократное создание. В публика-

цию включены также варианты широко известных в восточнославянском фольклоре легенд о превращении человека в аиста и о хлебном колосе. Эти сюжеты наиболее ярко иллюстрируют способность текстов, становящихся частью «народной Библии», соотноситься с различными библейскими событиями. В «новозаветном» цикле представлены легенды, как следующие за сюжетной канвой евангельского текста, так и составляющие своеобразный «околобиблейский» контекст — то самое фольклорное расширение, проходя через которое, канонические сюжеты приобретают форму фольклорного нарратива. В заключение представлены несколько нарративных образцов, отразивших эсхатологические представления полешуков.

Сотворение мира и человека

с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Т. В. Рождественская

Бог быў всегда, дух божий насыўся над бэзной, тады Бог сатваріў землю. Кагда небо и землю сатварил, тады и ўсе. Кагда сатваріў Адама, написаў перстом, вдунуў дўшу, с Адама ребро взяў, сотвориў яму Еву, были, што малые дети, а сатана зделался змеем.

с. Подрожье Ковельского р-на Волынской обл., 1979; зап. Е. А. Букреева

В понеделник Господь начинал свет сновати, вторник — тьма, среда — солнце, потом делал зори. Целую недилу делал свит.

с. Речица Ратновского р-на Волынской обл., 1980; зап. Г. И. Кабакова

Павук свит засновал. Вот свит начинався, та вон свит за-сновав.

На последних двух поверьях основаны запреты прясть в определенные дни недели — в понеделник, в субботу. Ср. также запреты убивать паука.

с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Т. В. Рождественская

Дэмоны, а на белару́скую мо́ву чэ́рти, в аду живут, сабрались нэскалька ангелов, стали вабража́ть, шта ані красивые, умные, а Бог их на землю из рая бросиў, вот ёто чэ́рти.

Краткий вариант в.-слав. сюжета «Откуда дьяволы разные» см.: [Толстой 1995] и версии этого сюжета: спрятанные дети Адама и Евы [Власова 1995: 35], то же см. ниже в легенде из Кемского р-на Карелии; строители Вавилонской башни: [РДС: 507, Никифоровский 1995, Чубинский 1995/1: 194]; проклятые Моисеем преследователи еврейского народа [РДС: 307, БВКЗ: 125].

д. Поньгома Кемского р-на Карельской республики, 1980; зап. О. В. Белова

Ходил Бог по земле. Ева да Адам скрывались от его. И оны скрылись, ушли в лес, ну и вот, сотворили чудеса свои там, и

вот у них рождались дети. Оны от его прятали, хоронили кого в лес (у йих было много наложено), и они стали хоронить, кого в лес кидать, кого в воду, кого в землю, кого там в ямы какие; ну куды ещё — они жили в дому, там прятали в подполье, а те, шо в подполье, значит, с этого домово́й хозяйин. Те, шо в подполье прятаный, так у кого так есть, раньше говорили, там в амбарах раньше сказывали, там в банях, везде там, где чо хоронены, ну потом образовались.

Господь сказал: «Хто в лесе, тот будет лесным зверем, хто в воды, тот будет водяным, хто в земли, тот земляным». Вот и из земли родилась там лягушка, там ета, мышь, крот, там ети разные там, ну вот, ети змеи разные, те, шо было там волки, ну всё-всё, скот етот весь.

А потом тогда Господь сказал, шо теперь выходите на землю оттуда прочь, и оны оставили всех, все там своё попечение, и вышли на землю, стали ходить на земли, а потом Ева, Адам стали говорить, шо на земле много жителей будет, свет создан, шоб там много жителей есть, на земле.

с. Луково Малоритского р-на Брестской обл., 1977; зап. С. П. Бушкевич

Были самыми главными ангелами у Бога. Возгордились, и Бог сбросил их на землю. В этом месте, куда они упали, запеклась земля. И если человек простой ступит в то место, то его будет мучить нечистый — сумасшедшие поэтому.

Рассказ дополнен мотивом о вреде, который наносит человеку нечистая сила (объясняется причина возникновения сумасшествия). Ср. легенду из Покутья о свергнутых с неба чертях: «тот старый» (первый черт) сотворил себе чертей-помощников и объявил Богу войну. С чертями вступили в борьбу архангел Михаил и ангелы, но им тяжело было одолеть чертей, т. к. те постоянно стряхивали с рук воду и из брызг появлялись новые черти. Видя это, Бог сделал так, что под каждым «ним щезли-бы» провалилось небо, и черти попадали на землю. Те, кто упал на ноги, разбежались в озера, пропасти, пещеры и ямы. Места, на которые они упали, безопасны для людей, т. к. черти сразу же убежали оттуда. Другие упали на бок, полежали, отдохнули и поползли за теми, что разбежались. Места, куда упали эти черти, не очень опасны для людей; побыть на таком месте — это полбеда. Некоторые черти упали вниз головой и разбились. Эти места — нечистые, здесь черт всегда докучает и вредит людям. Если поставить дом на таком месте, люди и скот будут болеть (см.: [Kolberg DW 31: 82–83]).

с. Семцы Почепского р-на Брянской обл., 1982; зап. М. И. Серебряная

Гасподь Бог асердиўся на ангелоў сваих, абрезаў им крылля и ани легушками падаюць.

с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981; зап. О. В. Белова

Рай — сад, да ў саду красота ўся. Деревья цветут, рóстут. Яблоко рослї, хвїники [финики. — О. Б.]. Хвїники — бóже

питанне: таки зернятка, да ў сэрэдзіне камёнчыкі, солодковатое, жоўтенькі. То Бог сотвориў. А у раю сад буў — яблоко. Одамоў кórэнь — е такé зеллэ. Бог злепіў з гліны чоловека да дыхнуў, да пустиў их на зэмлю, ў рай. Рай на земле быў. Пустиў Одама и Еву ў рай. До Одама и Евы ўже чорты булі. Ўже ангелоў пэрэтвориў Бог [в чертей]. [Обольщенная чертом Ева надкусила яблоко и дала Адаму.] Одам ўкусиў, да тут Бог идé. [Адам испугался.] Укусиў, да не протолкнуў. И стáло тэе, яблочки назывáецца [«адамово яблоко» на горле у мужчин].

с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл., 1984; зап. А. А. Астахова

Адам и Ева — первые люди. Бачишь, у мужчын такá косточка — это ён яблоко украл, да не протолкнул. А ёна — рубашку украла. Дак ёй дали веретёнце — шоб ёна прала.

Легенда соотносит с грехопадением занятие праматери Евы (ср. переработки книжно-апокрифического сюжета: Бог, изгнав людей из рая, разрешает им взять с собой горсть зерна и конопляного семени, лопату, заступ, кудель и веретено [Булашев 1992: 102–104]).

с. Любечцы Стрыйского р-на Львовской обл., 1989; зап. М. С. Косолапова

Адам и Ева билі ў садэ нэбэсным; як прогрэшили, Господь Бох узиў и выгнаў Адама и Еву на зэмлю, бо собé жывэ на зэмлі. Той Адам согрэшил. Кажэ [Бог, чтобы] яўко нэ кушали. Ева изыла и прокусила, а ў Адама ўстáло ў горли, и на зэмлю [Бог послал] сотвори́тэ семейство. Адам з Еву мир развэли.

с. Вербовичи Наровлянского р-на Гомельской обл., 1984

По на́шому — бусел. Кажуць, прыне бусел дзиця, а дзиця ето ён принёс от Одама и Евы. И так появиўся свет, старыя людзи так кажуць.

Рассказ связан с представлениями о появлении детей. Интересно, что аист выступает здесь в роли своеобразного «прародителя», принесшего дитя «от Адама и Евы» (Адаму и Еве?).

Потоп

В легендах о Потопе нашли отражение книжно-апокрифические мотивы о построении Ноем ковчега (ему помогает ангел), о попытках сатаны погубить ковчег и Ноя (обратившись в мышь, дьявол прогрызает днище ковчега, на помощь людям приходит уж), первая жена Ноя оказывается недостойной спасения в ковчеге.

с. Дубровка Добрушского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Е. С. Лебедева

Быў патоп. Тольки Ной, праведник, спáсса. Ной трыцать гадóў кавчэ́г строиў. А яму ня вэрили, все смеялися мужыкы, тапары крáli. И быў кавчэ́г, трыцать метраў даўжыны и шырыны. И Ной казаў: «Пакайцеся, лю́ди» — а ани́ смеялись.

И прийшоў той дзень, и пашоў дошч. И ўсе лезли хавáца. Ной взяў сваё семейство: сыноў двух, их дзятей, ската па пáре и птiцу, галубéй двох, взяў ў кавчэг ўсё, шо náда было на свете. Аблиў кавчэг смалой и ёни плавали. Сорак дней и начэй плавали. Ужé вершины деревьеў пахавáлись, люди и дети. И падплыў ён к гаре Арарат. А патом стали видны вершыны и деревья. И ён выпустиў пару галубкоў и ёни сели на деревья. Значыць, стáла сýхо.

с. Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл., 1985; зап. О. В. Санникова

[Люди были грешные.] А Буг наслáў кáру, шоб сўэстi с тогó сўэта. Ўзсь сўэт потопiла. А быў праўэдны челоўэк. Ён зробиў карабэль, каўчег. Ён се зробиў, ужé яму перекáзуе ангел: «Крой». Стáла хмáра наступáти... Ўзяў кáждой тўари по пáри. [Жена Ноя не хотела входить в ковчег.] Як юн еé гукáў, гукáў, не идé. Кáжэ: «Ўойдi, сатанá». [Она вошла, а вместе с ней в ковчег проник дьявол. Вода все затапливала мир,] птiци на ўэрхушках потонули. А та ж сатанá да проўэртéў дiрку. А ўуж ўзяў да заткнуў дiрку. Бог посилае гóлубя: идi, шукаi зэмлю. Гóлубь летáў, ўзсь сўэт облетáў, землi не найшоў. [Бог послал голубку.] Голубка полетéла, ўзсь сўэт облетéла, нашлá горбiночку. Сéла на горбiночку и ўiрўала цўэтиночку. Да ўзяла дубiночку, полетéла, понеслá до копчá. Ной дўэри отўорáе, голубку ўпускае. Стáла ўода [убывать], стаў Бог ўипускать. А ўуж кáжэ: «Заплатi кроўю, шо я спас ўсих людéй». [Бог послал комара узнать,] котóра кроў лўчча. [Комар прилетает, уж спрашивает:] котóра кроў лўчча? Комáр сказаў, шо чолоўэча. Буг недочуў, [переспросил]. А ўоўк крычыть: жáбеча! За тэ ўоўку назнáчэна скатiна [одна] из дэсьтi дэсятiн. [А комар пьет кровь людей.]

с. Озерск Дубровицкого р-на Ровенской обл., 1979; зап. А. В. Гура

Мыш пройила дырку в ковчэгэ, а вуж заткнуў дырку фостóm, и за то Бох даў яму пóчэсьць — жовтыйи и красныи заўшныци.

Лаконичный вариант, объясняющий наличие желтых отметин на голове ужа.

с. Буды Овручского р-на Житомирской обл., 1981; зап. И. А. Морозов

Когда був потоп, там скáзано булó... Усэ птáство от потопа стало гинуть. Ноев ковчег набрав птыци, и вонó остáлося [жить]. А бусел — скáзано булó: «Бери гóлуби у той ковчег, гóлуб вам покаже всэ». Тры разы литав. Третий раз прынис на ножках писок, и там вин [Ной] останóвился. Когда брав он птiцы в сéбэ, бусел не хотив йти. А пóтим кáже: «Нет, и я пойду на спасэния!» А когда був Адам и Ева (де вони останóвились, там була суша, там им указано и приказано, шоб вони

там жили). Потом полегли отдыхать и йим сниться: случай будэ. Було сказано: «Не трогай дэрэв!» Когда вони потрогали дэрэва, стыд и сóром [появился]. Есть гад — когда вони ездилы на ковчег, сказано булó гáда взять. Гад (вуж) помог ёму: давав свéденья, свы́ще вин.

с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981; зап. О. В. Белова

Дождэ ишоў цэлы́й мэсяц. Мабу́ть Илля сказаў томú Ною, шоб зробіў коўчег. Зробіў. Вужоў, жаб, шо было до потóпа на свéте, ўсех взаў. Он плавал цэлы́й год. Сыны́, дóчки [все с ним]. Вужá бэрэ и кáже: «Если побьéца коўчег, то он дírку закрые, пробину». Вуж его спас [когда появилась пробоина]. А жáба набира́ла вóду. Колись же плавать не умéли, и жаба помогáла. Конопляники — те зерно ему розвели́. Они полетéли и вы́гребли, як спáда водá, и прóсо, и жы́то, и пшени́цу. А вон взяў соба́ку и котá в ковчезе. Собáка с котóм переплы́ли, найшли мéсто сýхе, то приплывлí до его и сказа́ли, шо е тaкóе мéсто, де мóжно се́ять.

с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983; зап. Е. В. Тростникова

Даў чело́вэку такий Бог рóзум, што он мóже дéлать этат каўчэг. И он дéўаў, дéўаў пасля рабóты [много лет]. А эта жóнка его вы́йдя на ули́цу: «Як мой здурнеў человек! Што ты делаеш?» А он не слушал. И всё делал. Крытый свéрху. Ёт пришло́ся-таки дождэ был, сóрак сýтак, як из ведра́. Некоторые хавáлись на гóру, и все пагíбли. И ягó жóнка. И ётый каўчэг — вадá идé — сорáк километраў ввысь, всё сравняла, а он поднимается, и пльви, куда хочеш. Никто не спасся, и яго жонку Бог утопил, як недостойна, а другá женщина плыла и рукой за каўчэг взялась — достойна у Бога была.

И што тады́ булó. Пла́вали яны́, пла́вали, пака́ вадá ў землю вайшла́. Патом ани́ сели на землю и бáчуть — вадá впиталась, и вот аны́ ужэ жыли, и развёўся з них свет.

Любопытные детали о наказании «недостойной» жены Ноя и о чудесно спасшейся женщине, плившей за ковчегом. Ср. еврейские легенды о звере *реем*, который плавал, привязанный к ковчегу во время Потопа [Белова 1998: 169].

с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983; зап. Е. В. Какорина

Ещчé Бох ўзяў сабó чела́века и сказал: зроби коробля́ и посади туда свою семью́ и на корáбель посади птицу́ и зверя́ по паре. И буде наводнение на корáбель, и уезжай. И уже наводнение. Это не чела́век, а Ной. Ён ўзяў и поéхаў по мóру. Уже пустил ворóну, шоб она нашла землю. Ворона прилетела. Во-

рона прилетела, он после вороны пустиў гóлуба. А гóлуб не прилетел. И етый Ной попоў, ну поплыў, шукать землю. Ён бáчи земли, ето была гора Арарат. Там рос виноград, дикий виноград. Ён винограда наелся, и у его штаны спáли. Потом один сын засмеялся, а другой одеў штаны. [Знают многие дети села.]

Рассказ, записанный от 13-летнего мальчика, довольно точно передает канву библейского сюжета, вплоть до подробностей поведения сыновей Ноя при виде опьяневшего отца (ср.: [Бытие 6: 14 — 9: 23]).

с. Каменное Рокитновского р-на Ровенской обл., 1978; зап. А. В. Гура

Был потоп. Перед этим потопом в Русалиме были сами одни жиды, которые проводили время в распутстве и разгуле. И было двое — чоловік и жэншчына. Як маў быть потоп, Бог говорит им: «Уходите из Иерусалима. А я напущу огненный дождь. Только не оглядайтесь». Они пошли, Господь послал огненный дождь. А баба побачила, оглянулася — и стала каменным столпом.

А тому человеку Бог сказал: «А ты роби чоўна. Положи все в мешок и пльиви». Он позбираўся. Сядае в этого чоўна и пльиве. Тут вдруг рыбина маленька такая пльыла, у нее плавники, как ножи (ее даже в кино показывают) и задела того чоўна, пробилa дырку. Вода уже набирается. Тогда вуж взяў фостóm закрий ту дирку. А вон [Господь] говорил ему [тому человеку]: «Не открывай [тот мешок, в котором были все звери, комары и т. д.] до острова. А он розвязаў — все тэ полетило, поплыло. Вот поэтому и сейчас все, что есть на свете, плавать умеет (даже курица и та метров 5 проплывет). За это Бог наказал того человека: сделал из него бўсько и сказал: «Всю жизнь будеш собирать».

А столп тот стоит и сейчас. Сколько ни пытались его убрать, никому не удавалось. Стоўпа задень — наутро смотрят, он опять стоит. Столп этот стоит на Ерусалимской горе и у него будет Страшный суд происходить. От него идут две дороги. На левой [стороне] будэ [дорога] в рай, а в правую сторону пойдет нечистая сила.

Компилятивный вариант. Сюжету о Потопе предшествует переделка библейского рассказа о Лоте и его семье, о превращении жены Лота в соляной столп (ср. ниже полесские легенды о происхождении камней (из Житомирской и Гомельской обл.) и эсхатологический мотив: около этого столпа будет происходить Страшный суд). Ковчег поврежден не дьяволом, а некой рыбой с острым плавником.

с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981; зап. О. В. Белова

Люди в одном селе прогнівали Бога. Сказаў ему [Соломону] Бог: «Як будеш ити з того села, не оглядывайся. Там будет семья обедать, и ты шоб вывеў ту семью. Не огладайся назад. А у их дитя остáлася у селе. Жонка оглянулася и стала кáменем, каменею брiлою. С того кáменье пошло.

с. Симионичи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983; зап. Е. Тарасовой

[Легенда о разрушении деревни]

Ў одной деревни быў обычай: не пускать ночевать ў хату. Ў одну хату прышоў Бог и говорыць: «Пустите перэночевать». [А ему отвечает живущая там женщина, что она не может нарушить запрет. Но Бог ее попросил и она впустила его.] Трэба повечэраць, а у йой нема чо́го ё́сти. Он даў ей зернёту и говорыць: «Змесі её». А она: «Тут не буде одному попробовати». — «Бўде». Он даў, она змолóла, молóла, и молóла — мука шла ўсю ноч. Зра́на ўсе знали, шо она пустила на ночлег, хотели казнить. А Бог казаў: «Беры своих детей и иди к мо́ру, да не оглядывайся». Она пошла да оглянулася и ба́чыла, шо на мести дереўни — морэ, а люди стали цвётками, а она стала камнем. А Бог пропаў.

с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983; зап. О. В. Белова

Як начинаўся свет, так быў патап, и людей уже не было. Так токо астаўса Адам и Ева. И яны сатвары́ли и пашоў народ.

Трактовка Потопа как своего рода повторного сотворения мира. Аналогичные рассказы о Потопе с участием Адама и Евы известны в болгарском фольклоре (подробнее см.: [Белова 1998: 167–168]).

Исход

с. Уховецк Ковельского р-на Волинской обл., 1979; зап. А. В. Гура

Карапáтва нэ́се до дваццать штук яиц. Они туть зыму́ють. Коропатва — еврейска курыца. Её евреи купля́лы на базáри. Як Мойсей евреи выво́дыв з Египта, [им нечего было есть. Они были голодны и кричали:] «Нам мя́со трéба!» Тогда так Бох зроби́в, што налэ́тылы коропáтвы и пэрэпéлы. [И они стали есть этих птиц.] И отто́го вонá называйи́цца еврейска курыца.

Данная легенда относится к разряду этно-этиологических и имеет ряд интересных параллелей как в полесской, так и в карпатской традиции. Рассказ о посланных Богом перепелах и куропатках служит объяснением, почему у евреев в волосах перхоть. Ослушавшись наказа Моисея, евреи взяли куропаток про запас, мясо испортилось, и из-за этой некачественной пищи у людей появилась «парша» (с. Речица Ратновского р-на Волинской обл., 2000; зап. О. В. Белова). Ср. вариант из Галиции [ЕЗб 1902: 33].

Легенда об ансте

с. Курчица Новоград-Волинского р-на Житомирской обл., 1981; зап. О. В. Белова

Бог завъязáў мэшка́, а там булы́ гужы́, гадюки, жабы, чэ́рэпахи [и дал мешок человеку по имени Васы́ль]. Васы́ль розвъязáў мэшка́, та пóгань розлетелась. И Бог сказаў: «То будэ́ш збира́ти, пока збэ́рэ́ш». А ко́ли вон збэ́рэ́т? И збира́е.

«Стандартная» общеизвестная схема сюжета.

с. М. Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983; зап. М. И. Себрянная

Бог сабару́ ў мешок разных гадбў и ужэй, жабы, мышы, крысы, прóчче ползўче и загадаў ему — неси йих, вы́рэй яму, ўсех там уничтож и яви́ца мне далажы́ць. Ў дарóги мешок разорваўся, или жэ там его прегрызли ётые крысы, и ўся гадась ётая с мешка ушлó и папалзло па земле. Он ўсех не мох палави́ць. Он пришоў и далажыў а састая́нии палажэ́ния. Он [Бог] приказаў: «Твая работа будет, пакуда ты будеш и жыть, тваё питание, ты будеш лави́ць». Так приказаў Бог.

с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983; зап. О. А. Терновская

Это кались свет снаваўся. Бог собраў ўсю эту гадасьць у мешок, даў ему [человеку] на плечи. Ка́: «Неси!» И приказаў: «Да не развызывай, не гляди». А мужыку ж интересно, што там такое. Бог ка: «Што, развязаў?» — «Развязаў», — ка. — «Ну от, — ка, — будеш летать па свету и збирать то усё» [и превратил его в аиста].

с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983; зап. Е. Крапивская

Шоў дедок и дал мешок человеку нести и сказал: «Занеси этого мешка ў болотэ и выкинь, но не развызывай»; а человек развязал, ўсё и расползлось. «Теперь ты будешь усю жизнь буслом и будешь собирать весь гад», — сказал дедок.

В роли, обычно отводимой Богу, выступает некий «дедок» (ср. упоминание «слепого старца» на месте Бога в легенде о хлебном колосе).

с. Уховец Ковельского р-на Волинской обл., 1979; зап. А. В. Гура

Бох сотворыв два чловека — Адама и Еву. [Когда Адам и Ева нарушили его запрет,] Господь накара́в Гада́ма и дав ему мышок [и сказал отнести в лес, но не развызывать. Вот он] нэсэ в лис, [а сзади нечистая сила его] поджигáе: [посмотри, что в мешке, мешок тяжелый — ты, может,] золото нэсэш. Вин подывився, а вужы, шчуры, гадюкы, слывни [все расползлись из мешка]. Гада́м пэрэтворывся буслом и теперь собырае жабы, вужы, гадюкы и всяку свячыну. Бусоль — то Гада́м, ёго нэ кушають.

Действие легенды (превращение человека в аиста) приурочено к началу света. В аиста за нарушение запрета превращен первый человек — Адам. Ср. вариант из с. Щедрогор, где в аиста превращается «первый человек» по имени Василь.

с. Лесовое Дубровицкого р-на Ровенской обл., 1978; зап. А. В. Гура

Бусько был человеком. Его звали Иван. Он нес цэлый мэшок — жабэй по паре, гадюк, яшчэрки. [Бог приказал ему отнести мешок и выкинуть все из него, но не велел развызывать

мешок по пути. А он не утерпел и развязал. Вся нечисть разбежалась. Бог наказал Ивана: велел ему собирать всех жаб, змей и ящериц и превратил его в «буська».]

«Стандартный» вариант легенды о превращении в аиста. Обращает на себя внимание деталь о количестве «гадов» — «по паре», характерная для рассказов о Потопе. Ср. включение легенды о происхождении аиста в легенду о Потопе (с. Каменное Рокитновского р-на Ровенской обл., 1978; зап. А. В. Гура), а также публикуемые ниже тексты.

с. Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл., 1984; зап. А. А. Архипов

Отец Анбй — первый человек остаўса из потопа. Ему сон присниўса, шоб он робил таку цёркву, ковче. И усé смейлися с него, шо он такой дом робиць. И стаў дошч падаць и падаў сорок дней и сорок ночей. И ему сказано так, шо усегó по паре возьми. И его дом был деревьянный и поплыў. И як стал потоп, бы вошóў у той домик з своею семьею и всего по паре взяў, всякого птїцства, и вужей и ўсе-ўсе. И миши взяў, и мишь прогрызла дырочку, и вуж своим хвостом застромляў дырочку, шоб вода не налялас. И уже дошч утих, то выпустиў он ворону, и принёс той ворон галїзку из хвои. И уже як вышло, он усé забрал у мешок и сказал сыну своему Лексею: «Неси у море и не чапай, не развьязвай, шоб утопїў». А вон, поинтересовало его побачиць. И як ён трошки растуліў того мешка, то вонó так усé и пошло з того мешка. А уже бачко дома знаў, шо он так зробиў. Приходиць до дому, и уже каже: «Ну шо, не послухаў менé? — Да я хоцёл побачиць. — Ты менé не послухаў, иди усю жизнь збираць». И так он пошоў. Це из людини бусько.

Легенда о превращении человека в аиста включена в рассказ о Ное и Потопе. Ной выступает здесь в роли, которая обычно отводится Богу (собирает «гадов»). Ной передает мешок своему «сыну Алексею», который и превращается в аиста за нарушение запрета. В с. Боровом считают, что аист прилетает на «теплого Алексея», это его «праздник». В с. Боровом зафиксирован и «стандартный» сюжет о превращении Богом человека по имени Алексей в аиста.

с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981; зап. Г. И. Кабакова

Колїсь казали, буў [бусел человеком], я знаю, чы шо буў. Як буў Потоп, позбирали йих всех [гадов], да перевязывали. Та у том машку ўжы бїли, он [тот человек] развязаў, да вони распóлзовались. [Он] утикаў, упаў в грязь. Да ему кажут, шоб [он] свой век их позбираў.

Действие легенды (превращение человека в аиста) приурочено к Потопу.

с. Щедрого Ратновского р-на Волынской обл., 1985, зап. А. А. Архипов

Кажуть, шо бусень з чоловїка став з Васїля, его Васїлем и зовуть. Кажуть, вин вужей нис. Бог казав ему перенисти кéрез

море в дзьобу́ всёку гадость, и вроні́в йейі́ ў мори. И йогó Господь так наказав, штобы де идé, там кавкает, те жабы ловити. Той Василь був первый человек. З тегó Васи́ля всякоптаство стало. Бусень перва птица була́. Як прилетитъ на Благові́щение, его дети кличуть:

Васі́лю, Васи́лю,

Ході́ судá, хлі́ба дам.

И печуть бусниковы лапки.

Кажуть, шо Ева нисла у мешкі геть усé тую гадость — вужей, гадук, шо ей Господь дав нести, аля вона́ россépала, и пошло все скрозь по земли, и воны познáли стыд и стали шéти уборы. Воні́ обіи шли з Адамом; ей Господь дав мешéчка, а Адамови — яблоко, и вин взяв укусив, и теж ему зробилося.

От одного и того же информанта записано два варианта легенды: один — «стандартный» (про аиста Васи́ля), другой — с участием Евы и Адама — связывает этот сюжет с грехопадением первых людей, изгнанием из рая и причиной появления «адамова яблока» на горле у мужчин.

хут. Мыслячи (с. Осовая) Малоритского р-на Брестской обл., 1977; зап. А. В. Гура

Бусня нельзя убивать. Это человек, «Васыль». «Бох» забрал его в рай. В раю были заперты змеи. «Бох змéи запер — у погрэб» или в комнату. Бог сказал Васылю: «Можешь всюду ходить и все двери открывать, а эту дверь нэ очыняй». А он не удержался и однажды «очыниў» ее. Змеи все вышли и расползлись по свету. Тогда Бог наказал Васыля и сделал его буснем. Сказал ему: «Вудешь всю жизнь собирать змей». С тех пор бусэнь ходит по болотам и собирает их.

Уникальная для полесских вариантов легенды деталь — упоминание комнаты со змеями, в которую, нарушая запрет, заглядывает человек. Ср. аналогичный мотив в болгарской легенде [Бадаланова 1999: 5]: Адам и Ева нарушают запрет, заглянув в комнату со змеями, и лишаются волосяного покрова, которым изначально были покрыты их тела.

с. Бездеж Дрогичинского р-на Брестской обл., 1988

Як Хрыста роспына́лы, и далы́ ему то́и хвóзди, шоб занис и ўкíнуў у морэ, а вын ўзяў и розвизáў мышкá коля́ мóра, и ўсé, шо там було, прывраты́лось у рáзну нэчысьць — жабэй, пра́чыкув, змей, ужэй, тогды́ его прывраты́ли ў бусни и сказала, иды́ збырай, то вын и зарэ збырае.

Неординарная приуроченность сюжета к Новому Завету.

с. Брынь Галичского р-на Ивано-Франковской обл., 1988; зап. А. В. Шеймович

Святая Мария прáла... вэбачáйтэ, трусé. Ўсе носéла сама их прáтэ, а одного разу вона́ зибрáла ў торбу и дáла буськовэ,

бо вин тотó вэдніс и вэкэнул гэть. Значэтэ кáжуть, бо жинкэ булэ бэ тогдиé нэ мálэ мэнструа́цэй. А вин захотіў дужэ подэвэтэся, шо то е, той чоловік, шчо вин насé, и тоді за то йогó покара́лэ и пэрэтворэ́лэ йогó ў пта́ха. И того вин лэшэ шукáе прэту́лку коло людскéх гнізд.

Карпатский вариант соотносит превращение человека в аиста с Девой Марией и появлением *menses* у женщин.

Легенды о хлебном колосе

«Стандартный» сюжет об уменьшении колоса Богом в наказание провинившимся людям (за непочтительное отношение к житю и хлебу) расширяется за счет введения мотива первородного греха. В ряде текстов из житомирского и брестского Полесья легенда о хлебном колосе входит в круг представлений о ритуальном кормлении животных хлебом первого урожая.

с. Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл., 1984; зап. М. М. Гончаренко

Колос був од зэмлі. Бог як шморну́в за тэ, що Адам и Ева согрешили. Коты и собаки стали плакать за хлебом, и он оставив тэ, що в корху́ [в кулаке держал].

Сюжет соотносится с грехопадением первых людей. Ср. карпатские варианты.

с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985; зап. А. В. Гура

Такое жыто было: од сáмэй зэмлі были зэрня [на стебле]. И як Господь в́ыгнал Адама и Еву з зэмно́го рая, то оста́вив, шоб люды пыта́лыся тым, одын колосок.

Сюжет соотносится с грехопадением первых людей. Ср. карпатские варианты.

с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985; зап. А. В. Гура

Такое жыто было: од сáмэй зэмлі были зэрна [на стебле]. И як Господь выгнал Адама и Еву з зэмного рая, то оставив, шоб люды пыта́лыся ым, одын колосок.

Сюжет соотносится с грехопадением первых людей. Ср. карпатские варианты.

с. Любенцы Стрыйского р-на Львовской обл., 1989; зап. М. С. Косолапова

То ў Библии так, шо колé пэрши наши проробі́чи називáе-ця, по-библiськэму Адам и Ева, погрэ́шили, Господа Бога поéли я́бку, знáеш, ў садú, то йих Бог покарал. Ангэл Гаўри́йл огне́ним мэчэм йих вiгнал вз раю и покарал йих так, шчо з злости потэгну́л Господь Бог тэй [колос], зато тэпэрь люди мálэнько маю́т, ужэ калоска того нэт. [Осталось на колосе для] твáри.

с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985; зап. К. Полонская

Што колос бул от самой зэмлі — я в Евангелии нэ нахóды-ла. Бул такий-то хлиб от зэмлі до вэрху. Матерь Божыя про-гні́валась. А Господь задержав руку, одын колосок остаўся. Должэн б́ути колосок для пита́ння.

Обычно в качестве карающей силы выступает Господь, а Богородица останавливает его (сюжет известен также западным и южным славянам). В данном тексте Богородица и Господь меняются ролями. Аналогичная разработка сюжета представлена в следующем тексте.

с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985; зап. К. Полонская

Это така́ болтовня. Жэншчына пэкла блины, рэбёнок на полу здэлаў, она ёму задницу подобрала [блином, а Божья Матерь разгневалась и хотела отнять хлеб], а Господь задержав руку, одын колосок остаўся. [А раньшe на одном стебле было несколько колосков. И теперь попадаютcя стебли с 3, 4, 5 колосками]. Ў них ужэ и зэрна нет. Ў книжку положиш и храниш. [Зачем — неизвестно, просто их хранят.]

с. Курчица Новоград-Вольнского р-на Житомирской обл., 1981; зап. Е. С. Лебедева

Цэ булo колысь. Де солома, аж до земли, колосок буў. А людe согрешыли. Пришоў прошак до хаты, до жынкi, шо млынцi пекла. Вона дитяты сраку подтэрла и дала ему. А Бог вiде — и чурхал колосок з нiзу. Собака и кит плакалы, да он покiнуў для них. Дают хлiба собацэ и киту. Угощають — собака той хлiб вiпросила, так кажуть. Бо кит казаў: «Хай мий хлiб мышы едят». А собака: «Я отдаю людям». И собака хочэ, шоб побiльше детей ў хате, а кит — однé и слeпé. А тодi собацэ больше кусочков дают.

В этом и последующих текстах ведущим оказывается мотив ритуального кормления животных хлебом первого урожая в благодарность за то, что собаки и коты выпросили у провинившихся перед Богом людей хлеб.

с. Курчица Новоград-Вольнского р-на Житомирской обл., 1981; зап. Е. С. Лебедева

Пришоў Бог як старэц, одна жынка пичэ налiстники. И вона не хотела ему дать. У ней дитя булo малёнкo, вона налiстником йгo подтэрла. А Бог поклаў того налiстника, под тын положыў. И зорвал колосок, при кóрене шмургнуў. Один колосочек остаўся, собака вiпросила. И пэршым хлебом угощають: нарвуть хмёлю, обкрутят дэжку и дают коту и собацы.

с. Рясно Емльчинского р-на Житомирской обл., 1981; зап. Е. С. Зайцева

Корове свячэнoго хлеба дают окрайчик на Паску, собацэ дают свячэнoе и коту — яйчку и хлэбэц, самый пэршый хлеб отдают собацэ и коту. Кот и собака выпросил у Бога хлiба. Ишоў старэц слэпой и дошоў до бабы, жынка подтэрла дытiя и отдала ему млынцá, он дёрнул рукой, шоб нэ було хлэба (колос буў до самой зэмлi), кот кажэ и собака: «Оставь нам нэмного». И Бог и оставил.

В этой легенде в роли наказующего выступает «слепой старец» (нищий). Ср. в предыдущей записи: «пришоў Бог, як старец». Ср. «дедок» в легенде об аисте из Гомельской обл.

с. Мощенка Городнянского р-на Черниговской обл., 1980; зап. С. М. Толстая

Колас буў ат самого низу и да верху. Ну и так у народе гаварылася: прагнавілі Бога и, значыць, Бог изняў колас, ашпмóргувал ад долу и сюды тэг рукою сашмóргувать колас и думал усé сасмаргну́ть, аставить людей на голад. Дак каты́ закаўкали, сабаки загаўкали. И на йих долю аставил о се ма́леньки колас. И када-то, як ишчэ малá я була, дак нажну́ть жыта первого, звáлось первозо́ннэ, намолотять и намелють и дають кóтику напéрод, сами не пробують, а котику и сабаки, шо ми на йих доли живóм.

с. Любенцы Стрыйского р-на Львовской обл., 1989; зап. М. Б. Руконельникова, А. Е. Фролова

Жидиўка хлибом, тильки гэўно дитя наклáло, она хлибом забэра́ла, замэсила на пэчи, тай Мátэнька Божа ўхóпэла Исуса Христа, то бу колос рис вид зэмí до кинцэ, а Мátэнька Божа ўхóпэла и кáжэ: «Бо хось би нэ ўси [колос возьми], лишí хочь для пса и для кота», — а ми за пса и за кота ми жие. Тилько шо моглá рукой ўзлапáти. Тилько тэпéр колос такí пшэ́нйци, як могла, тилько ўзлапáти.

В карпатском варианте в этот сюжет добавляются мотивы осквернения хлеба еврейкой и спасения колоса Божьей матерью.

Рождество Христово

с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Т. В. Рождественская

Яким и Анна деўачку трéхлетнюю юницу ў церковь атдали, старый старичок Иосиф её васытывал, и жыла при церккви, и радила Исуса Христа от Свято́ва Духа.

с. Любязь Любешовского р-на Волынской обл., 1985; зап. В. И. Харитонова

Стелили. Не солóму, сiно [на стол]. [А зерно сыпали?] Нет. [Почему стелили сено?] То про Суса Христа. Жыды ж ни хотели, штоб за них хто разумнйший был. Да приснился сон, што Пресвята Дева зарóдить Исуса с головы, што свитом Божим будэ влады́ты. А жыды ў то время много дитэй побили. А где жэ то Бог допустит, штоб Суса Христа убили? И вонá зарóдила его. А вонý ховалиса в сiне. То и стéлымо сiно.

Ср. мотив необычного рождения Христа в легенде из Литинского уезда (Подолія): «Спаситель, по мнению народа, родился необыкновенным образом, не так, как рождается все мы. Дух Святой вошел в Святую Деву Марию

ртом и оплодотворил ее, а Спаситель родился <...> из нее через голову. Поэтому-то утверждают, что Святая Дева Мария и по рождении спасителя осталась Девой, и поэтому же указывают, что у новорожденных детей и теперь на голове бывает заметно не покрытое, в продолжение известного времени, костью место» [Чубинский 1995/1: 160–161].

с. Каменное Рокитновского р-на Ровенской обл., 1978; зап. А. В. Гура

Божья Матерь зашла в положэнье. Бог дал ей сторожа. Божья Матерь и сторож пошли вместе. Идуть вонь, куда Божья Матерь, туда и сторож. Зайидуть в другэ село. Аж там стоить одрына. [А ей пришлось уже рожать Иисуса Христа.] А сторож её бэрэжыть. [Божья Матерь и ее сторож пошли в сарай, в ту «одрыну».] Пастухи побачыли, что Хрыстос родывся и пошли глядеть. [Увидели Иисуса Христа.] Загнали скот до дому и рассказывают: «Мы бачили, что родывся Исус Хрыстос». [Пошли люди с подарками, понесли крашеные яйца Христу.] За тым красят яйца, што Сус Хрыстос родывся».

С рождением Христа легенда связывает обычай изготовления крашеных яиц (другие украинские версии происхождения крашенок см., например: [Воропай 1993: 261–263, Килимник 1994/2: 189–191]).

с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Т. В. Рождественская

Сабрали старцев, старых вдавоў, штоб на воспитание взяць ету деву Марию. Мария Иосифу памагала. Пашли Мария и Иосиф в Вихлеем, штобы праписацца, и не было места ў гасцинице и ў пещерку пашли, а там хлеў, ана там и радила.

с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983; зап. Е. Рычагова
Коляда на Рожэствó.

Рожэствó твоё, Христе Боже наш... И даже из Востока йшли посетить Исуса Христа рождённого уже. И зайшли они к ему на ночь. А вон спрашивае: «Куда вы идёте?» — «Мы идём к Христу, подать, есть то злато и кадило, что до Исуса Христа приходило». Святые были это люди. А один начальник большой боялся: если Исус Хрыстос родица, так он заме его место. Як цари колишние он буў... Ййрод! «Як будете йти назад, дак задите ко мне, скажете, где Исус Хрыстос родица». И начаў маленьких [бить] и вубиў 9 тысяч и 4 малёньких, от года до двух убиваў.

*Ирод детки побивае,
Матка плаче и рыдае (2 раза),
Фартиона проклинае:
«Ты, проклятый фартионе,
Тоби пекло растворёно».*

Хотели Иисуса Христа всё-таки убить. Дак явився им ангол ночью и казаў: «Иосиф! Бери Марию и Иисуса, на ослѣнка сажай и беги ў другу стóрону». А Йосиф дедушка её був. Еде он — человек сее пшеницу. А Йосеф казаў этому человеку: «Нас будут нагонять [и спросят у тебя:] «Кто тут ехав в какое время?» Ты скажи: «Туда ехав, як пшеницу я сеяв». Ехали эти, што хóчут убить: «Сюдою ехали такие-такие?» А пшеница уже поспела, уже он жне! [Ответил, как его Иосиф научил:] «Месяцоў три-четыре», — уже утѣк, так понимай! Так они вернулись назад.

В нарратив «встраивается» рождественская колядка. Мотив быстрого роста растений см. также в легенде о земной жизни Христа (Винницкий уезд; [Чубинский 1995/1:161–162]): Христос ускоряет рост ржи на поле бедняка; когда проходящие евреи спрашивают, не проходил ли здесь Христос, и получают ответ, что проходил вчера, они не верят (скрытый мотив преследования).

Спасение младенца-Христа

Полесские легенды содержат широко бытующие в в.-слав. фольклоре мотивы о благословении (или наказании) домашних животных за их отношение к младенцу-Христу, о пауке, закрывшем паутиной вход в пещеру, где пряталась Мария с младенцем. Выделяется рассказ о наказании кукушки (ср. славянские легенды о превращении в кукушку женщины (девушки) за проступок [Гура 1997: 686–687]).

с. Каменное Рокитновского р-на Ровенской обл., 1978; зап. А. В. Гура

Стали иуды ловать Суса Христа. Говорят: «Мы будем забивать всех детей по 6 месяцев». А Христу было тогда 6 месяцев. Занесла [Божья Мать] сразу до коня, в ясли положила. Конь её сено да трохи проеў рубашку Христа, так что иуды чуть не заметили Христа. Божья Мать наказала коня: «Щоб ты её [всегда], да не наеўся». Потом она заносит Суса Христа до коровы [и тоже спрятала его в сене]. Корова ела-ела сено. Побачила, шо дитя — перестала есть сено. Божья Мать ее не наказала [что она ей сказала, не помнит].

с. Сижоници Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1986; зап. О. В. Санникова

Шчэ вам раскажу, деўкі, як було колись с Иисусом Христом. Божая ж Мати нараділа ат Божого Духу. Забярэменела. И раділа Суса Христа, а вон не рос, ка, годáми, а рос минúтами. И рос он, рос, то ўсе казали, шо... Ужэ вун пудрóс да ховáвса. Ховáвса вон у гэти, товáрачыя ясли. У конёвые сховáўся ясли. Кунь дажэ за спíну, за рябрíну гризнúў ягó. Вун заховáўся ў корóвьячы. Там трóхи лежаў. Корова не зъела ўсёгó. Вон заховáўся ў свíньне. А свíньне ёгó шчэ зарыли да заховали.

То аж за то у нас свѣинне кóлись свѣты́ли. Малѣньке поросятко, это ужэ к Веліконню. Бувае хорóшэ поросятко, вѣлікее.

с. Забужье Любомльського р-на Волинської обл., 1987; зап. С. Белозерова

В нас е так лэгэнда про павука́, шо то колысь, як ото жыды Исуса Христа зловылы и хотили розпья́ть, то Матир Божья сховалася в печэри, а павуки йийи заснувўлы и ото говóрять шо павуки — спасытели Матэри Божойи, и тому йих нэ можна вбыва́ть.

Широко распространенный в волинском Полесье сюжет, имеющий параллели у южных славян (см.: [Гура 1997: 505]). Ср. легенды о пауке-демиурге, «сновавшем» свет, которые содержат аналогичную мотивировку запрета убивать пауков.

хут. Мыслячи (с. Осовая) Малоритського р-на Брестської обл., 1977; зап. А. В. Гура

Паву́ка тоже нэ можна бѣти. [Он спас Христа.] Жыды не любили Христа и хотели его распять. Шукáлы кого. Божа Матерь ховала его в пещерах. [Сидела с ним под елью. Ель закрыла их своими лапами. А паук пещеру «засновав паутóю». Поэтому жиды не нашли Христа].

с. Ласицк Пинського р-на Брестської обл., 1985; зап. Е. М. Назарова

Я чула, як Хры́стос родиўся, искали его, хотели убиты. Ирод, царь хотеў. Прышоў а́нгол к Марии и Иосифу, стары́му дѣдушке. Кажеть, иды́те, бо вас Йи́род хóчэ забы́ть. Иды́те ў Египет. Вѣрне-тэсе, як скóнчыца Йи́род, я ўжэ возвѣшчў тэбѣ, вѣрнешса назад. А Йи́род — хозяин богу и земли — пошоў дэтэ́й збыва́ти. Вони одышлы́. А а́нгол, як обья́снил, як пошли шукáты вóйска, они лѣта́лы, бог им так дал, што вони́ лѣты́лы, а пауки́ им вóчы засыпа́лы паути́ной, шчо вони́ нэ могли от своего государства никуда по́пасты. Ужэ як ўси дѣтки вы́былы ў своем государству, Исус ужэ вѣрнулса и чѣрѣз тры гóды Исус ужэ дарыл вѣнцы́ тым забы́тым.

В этом тексте обращает на себя внимание мотив некоего «летающего войска», преследовавшего святое семейство и остановленного паутиной, раскинутой пауками по небу. Ср. поверье о том, что «в начале света» паук свет «сновал» и эсхатологические представления о том, что перед концом света небо будет затянато железной паутиной.

с. Каменное Рокитновського р-на Ровенської обл., 1978; зап. А. В. Гура

[Божья Матерь, спасая младенца Иисуса от «июд», понесла его в лес.] Под одно дерево села — тут зозуля летить. Сядае на сосну и куе́. А июды за ней. [Божья матерь дальше в лес, и снова зозуля за ней, кукует, и «июды» идут на ее голос. За это Божья Матерь сказала зозуле:] «Шоб ты весь свой век ковала и не ма́ла своих детей». [Поэтому зозуля подкладывает свои яйца в чужие гнезда.]

Ср. рассказ о жене или сестре Иуды, выдавшей кукованием Христа, молившегося в Гефсиманском саду.

с. Уховецк Ковельского р-на Волинской обл., 1979; зап. А. В. Гура

Топбля з дивчат и зузуля з дивчат. Зозуля е з еврейки. Иисус Христос ходыв по Шиманьскому саду. Як Иисус Богу мо- лывся в Шиманьскому саду, жыдивка — Юды жына́ чи сыстра́, ны знаю — говорыть: куку́! [И Иисус проклял ее:] «Шоб ты ку́кала до конца своей жызни». [Она превратилась в кукуш- ку.] Закляв ейи Иисус Христос: «Шоб ты нэ ма́ла свогó дóма и дытэй нэ воспытувала». И теперь зузуля своих дитэй не годуе [подкидывает яйца другим птицам].

Свадьба в Кане Галилейской

с. Семцы Почепского р-на Брянской обл., 1982; зап. М. И. Серебряная

Ён [Иисус Христос] з ма́ткаю хади́, свадьбе де. [Зашли, а хозя- ева огорчаются:] «Ох, пришоў гаспадин, а у нас вина нету!» А ён гаварит: «Не беспокойтеся. Нанаси́тя вады́, только никаму ня сло- ва». И ён абмачил мизинец свой, и стало вино, лу́че, чем пили ўпе- рёт. «Тавариц распарядитель пира! Сначала плахое вино даваў, а тепер лу́чее».

Вход Господень в Иерусалим

с. Семцы Почепского р-на Брянской обл., 1982; зап. М. И. Серебряная

Иисус ехаў ў храм и пасьтилили вербы ему на дароги и адежды, патому Ве́рбная [неделя]. Светют абезательно, бере- гуть, мо и у хати становют.

с. Симионичи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983; зап. Е. Рычагова

Про землю Иудейскую. А в Иерусалим Иисус Христос со своими учениками ходив богу моли́цца. Он вже був большой [перед этим информант рассказывал о рождестве Христа]. Он в 30 лет крести́ўся в реке Иордани. Прийшоў Иисус Христос с учениками в Иерусалим богу молицца. Подойшли под Иерусалим уже близко, а там базар. Иисус Христос сказал на учеников: ложитесь на землю ницми, а сонцу и луне сказал: не двигайтесь. Господ с неба стал туды [где базар был] ка́м- нями бити, а люди — утекали, худобу повели. «Встаньте!» — [сказал Иисус]. Сонце встало и мй́сяц стал. Як стали вста- вать — земля заколыхалася. Иерусалим — то называлося ме- сто святое.

Возможно, в этом тексте нашли отражение и другие сюжеты Ветхого и Нового Завета: рассказ об Иисусе Навине, остановившем солнце, изгнание торговцев из храма, Преображение Господне.

Воскресение Христа

Легенды содержат широко распространенные мотивы «чудес», ознаменовавших Воскресение (ожившие петух и рыба, приготовленные для трапезы).

с. Озерск Дубровицкого р-на Ровенской обл., 1979; зап. А. В. Гура

[После того, как распяли Христа,] іроды на Всёночну спэкльы рыбину и півня закрутылы. [Сказали:] «Тоді вун вускрэснэ, як этой півень заспывае и рыбина затрэпэшчэ на тарэлце». Тут пивень заспывав и рыбина затрэпэтала. Воны повалялыся все. И Исус Христос воскрес.

с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Л. Г. Александрова

Галубок з чалавэка. Як вячэра Христова была, Марии гаворит: «Не плач, Мария, у вас багатырь Исус Христос будя ў свято, святы́й чалавэк будя». Тайная вячэра. На стол паклали галубка, пеўника и свежай рыбки. Зварили ёй. Вот галубочек затропае крыльями, пеўник запёў, рыбка затрапала. Ана гаварит: «Гасподь, я теперь паверю, шо мой сын буде ў свято. Кто буде меня саблюдать, ўспаминать, тот буде спасён».

с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Т. В. Рождественская

Калі Божья мать стаяла у хреста, ей хто-то сказаў: «Не плачь, твой сын васкреснет». А ана гаварит: «Кагда жареная рыбка васкреснет, тады и сын мой васкреснет». А рыбка вступенулася.

с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., 1982; зап. Е. С. Зайцева, А. Л. Топорков

Ў стаканок нельзя мацать хлеба. Хрыста били. Адін гаворэ: «Не я биў. Я соль з стака́на вазьму́». Ани не прызнавалися. Адін руки склал, шо не я. Невіннаго судяць, не бываэ так. «Склади руки наўхрэст [говорят ему], перэхрэстись и макый в стакан». Эта прысяга [т. е. тот, кто макнул хлеб в соль, этим подтвердил, что бил Христа]. «Пэрэхрестись, и хлеб ў салянку макнй». Палавили тех, кто били Хрыста, йим сказали: «Прызнавайтесь», — усé атказывались. [Тогда заставили макнуть хлеб в солонку, как самую страшную присягу.] А адін: «Не буду бить. И эти усé били, а я не биў». Он не стаў макать хлеб, он жэ невинный. [И потому с тех пор] грэх макать хлеб. А Хрыстос называўся не Хрыстос, а багатыр.

Своеобразный сюжет-перевертыш. Обычно запрет макать хлеб в солонку объясняется тем, что так поступил Иуда, чтобы подать знак воинам, пришедшим пленить Христа (см. подробнее: [Белова 2000: 349]). В этой легенде обмакивание хлеба в солонку интерпретируется как ритуальный жест в момент принесения присяги.

Эсхатология

Признаки конца света

с. Рясно Емильчинского р-на Житомирской обл., 1981; зап. А. Гамбарова

Ўсе заўра з бородáми хóдют. Вот и ваш [участник экспедиции А. Л. Топорков] хóдит. Колы́ свит сновáвся, ўси булы́ з бородáми. И казáли тодá: колы́ будé конец света, тоже ўси будут з бородáми.

Страшный Суд

с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., 1981; зап. О. В. Белова

2000 год — конец света буде. Бог открыве все книги грехоў и буде судить. И взлетить на небо ангел. Ангел зла и добра. По одну сторону стануть люди грешные и негрешные. И будут получать свое на том свете. Во всем мире буде, начне́ца Страшный суд. Як не буде воды, то чорт буде носить смолу. Пэрагоры́ть земля, буде огонь зноў.

с. Курчица Новоград-Волянского р-на Житомирской обл., 1981; зап. О. В. Белова

Одын дру́га не будутъ любить. Такé буде, нехай Господь мýле. И убиваютъ, и машыны розъежа́ютъ. То оно е так! Ўсёй свит оснóваны друта́ми, и будутъ такы́ птахы́ лётать, шо будетэ ляка́ца.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Бадаланова 1999 — *Бадаланова Ф.* Болгарская фольклорная Библия // Живая старина. 1999. № 2. С. 5–7.
- БВКЗ — Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1994.
- Белова 1998 — *Белова О.* Легенды о Потопе в славянской и еврейской народной традиции // От Бытия к Исходу. Сборник статей. М., 1998. С. 163–180.
- Белова 2000 — *Белова О. В.* Иуда Искарот: от евангельского образа к демонологическому персонажу // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 344–360.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Булашев 1992 — *Булашев Г.* Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Київ, 1992.
- Виноградова 1998 — *Виноградова Л. Н.* Мотивировки ритуальных действий как интерпретирующие тексты // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1998. Вып. 4. С. 111–117.
- Власова 1995 — *Власова М.* Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995.
- Воропай 1993 — *Воропай О.* Звичаї нашого народу. Київ, 1993.
- Гринченко 1901 — *Гринченко Б. Д.* Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов, 1901.

- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- ЕЗб — Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 12.
- Кабакова 1999 — *Кабакова Г. И.* Адам и Ева в легендах восточных славян // *Живая старина*. 1999. № 2. С. 2–4.
- Кабакова 1999а — Aux origines du monde. II. Contes et légendes d'Ukraine / Textes réunis, annotés et traduits par Galina Kabakova. Paris, 1999.
- Килимник 1994 — *Килимник С.* Український рік у народніх звичаях в історичному освітленні. Київ, 1994. Кн. 1–2.
- Кузнецова 1998 — *Кузнецова В. С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.
- Левкиевская 1998 — *Левкиевская Е. Е.* Православие глазами современного севернорусского крестьянина // *Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова*. М., 1998. Вып. 4. С. 90–110.
- Левченко 1928 — Казки та оповідання з Поділля. В записях 1850–1860-х рр. Вип. 1–2. Упоряд. Микола Левченко. Київ, 1928.
- Майков 1994 — Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова / После-словие, прим. и подгот. текста А. К. Байбурина. СПб., 1994.
- Маслинский 2000 — *Маслинский К. А.* Эсхатологические рассуждения современных крестьян // *Традиция в фольклоре и литературе*. СПб., 2000. С. 91–104.
- Маторин, Невский 1930 — *Маторин Н. М., Невский А. А.* Программа для изучения бытового православия (восточноевропейский религиозный синкретизм). Л., 1930.
- МРЛРС — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.
- Никифоровский 1995 — *Никифоровский Н. Я.* Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск, 1995.
- Онищук 1912 — *Онищук А.* Народний календар у Зелениці, Надвірнянського пов. (на Гуцульщині) // *Матеріяли до українсько-руської етнології*. Львів, 1912. Т. 15. С. 1–61.
- Панченко 1998 — *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
- Панченко 1999 — *Панченко А. А.* Религиозные практики: к изучению «народной религии» // *Мифология и повседневность*. СПб., 1999. Вып. 2. С. 198–218.
- Панченко, Петров 1993 — *Панченко А. А., Петров Н. И.* О содержании понятия «народное православие» // *Историческое познание: традиции и новации*. М., 1993. С. 189–192.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.
- РДС — Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2 (Д–К).
- Серебряная 1985 — *Серебряная М. И.* К интерпретации народных представлений о «заклятой земле» // *Этногенез, ранняя этническая история и культура славян*. М., 1985. С. 74–77.
- Сокіл 1995 — *Сокіл В.* Народні легенди та перекази українців Карпат. Київ, 1995.
- Толстая 1998 — *Толстая С.* О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции // *От Бытия к Исходу*. Сборник статей. М., 1998. С. 21–37.

- Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Откуда дьяволы разные? // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 245–250.
- Федотов 1990 — *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990.
- Федотов 1991 — *Федотов Г.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
- Чубинський 1995 — *Чубинський П.* Мудрість віків. Київ, 1995. Т. 1–2.
- Шеваренкова 1998 — Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. статья и ком. Ю. М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 1998.
- Юдин 1997 — *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Kolberg DW — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 31. Pokucie. Wrocław; Poznań, 1963.

ПОЛЕССКИЕ ПОВЕРЬЯ О ХОДЯЧИХ ПОКОЙНИКАХ

В настоящей публикации представлены материалы Полесского архива Института славяноведения РАН, относящиеся к одному вопросу Программы Полесского этнолингвистического атласа (см. [ПЭС: 21–46]) — III.16 «Что делали, чтобы покойник не „ходил“?» и к двум вопросам анкеты-вопросника «Народная культура Полесья» (№ 6 «Что клали в гроб колдуну?» и № 8 «Что делали в старину, чтобы покойник не ходил?» — [там же: 47]. Дополнительно привлечены полесские данные из картотеки «Белорусского этнолингвистического атласа» (далее — БЭЛА, Минск), содержащей ответы на аналогичный вопрос анкеты «Народная культура Полесья» (вопрос 8, см.: [ПЭС: 47]), а также материалы дипломной работы Т. Р. Федукевич и И. Г. Шешко «Белорусский этнолингвистический атлас: материалы, пробные карты» (Минск, 1992), любезно предоставленные мне Николаем Павловичем Антроповым, инициатором, организатором собирательской полевой работы, автором концепции атласа и научным руководителем дипломной работы, которому я выражаю искреннюю благодарность.

Широко распространенные и сохраняющие актуальность до наших дней поверья о «ходячих покойниках» никогда не были предметом специального исследования или хотя бы предварительной систематизации. Общая характеристика полесских верований о ходячих покойниках, определяющая их место в системе народных демонологических представлений, дается в статье Л. Н. Виноградовой, публикуемой в настоящем сборнике, что позволяет мне без предварительных рассуждений обратиться к конкретным формам этих верований и их основным мотивам. К сожалению, из всего круга относящихся к этой теме вопросов, в полесской программе выделен лишь один, однако ответы на него в той или иной мере охватывают практически всю интересующую нас тематическую область. Кроме прямых ответов на поставленный вопрос, который сам по себе предполагает по крайней мере два отдельных ответа: о **превентивных** мерах, предупреждающих «хождение», и о **защитных** мерах, ограждающих живых людей от посещений мертвецов и прекращающих их приход, — в собранных полевых материалах можно найти ответы на следующие вопросы: почему умершие приходят к живым, зачем они приходят, когда они приходят, как они себя ведут и др.

Главным источником, позволяющим реконструировать интересующие нас представления, являются мифологические рассказы, или **былички** о ходячих покойниках. Однако в полесских полевых материалах содержится немало и прямых высказываний, полученных в качестве ответа на вопрос программы и представляющих собой вербализацию (часто в устойчивой, клишированной форме) **поверий** о ходячих покойниках. Такие тексты могут интерпретироваться как особый жанр повествовательного фольклора. Нередко «формула поверья» содержится в качестве введения или, наоборот, резюме былички, например:

1. «Кулко е таких, што ходять. Вмэр муж и ходѣв дожныкы. Она мала ёго за чэловика да ўсэ. Да заслабла, её здуло, як бочку. Да помэрла. [Покойник] прйдэ, поскидае с потолка, с хаты постолі..., стукае. А вранцы встанэ, и всэ на мійсьты ляжыць. **Хорошы нэ пуйдэ лякать, то колдун**» (Чудель, СМТ); выделены зачин и концовка текста, обрамляющие собственно быличку и представляющие собой вербализацию поверий.

Рассказы о приходе покойников к живым распадаются на две категории: в одних говорится о явлении покойников **во сне**, в других приход умерших воспринимается **наяву** — их видят, слышат или осязают, они оставляют те или иные следы своего посещения. Каждый из этих видов «хождения» имеет свои отличительные черты и мотивы. Так, во сне обычно являются «праведные» умершие (ср., однако, № 16), их приход чаще всего носит «коммуникативный» или «провиденциальный» характер: покойник обращается к родственникам с просьбами или упреками или же «зовет» к себе, т. е. предсказывает смерть; он может предвещать те или иные события, самый его приход может служить добрым или злым знаком; общение с покойниками во сне, как правило, не имеет столь губительных последствий для живых, как их приход наяву. Ср.

2. Ежэли умэршый росьтвеник присница, то уж надо примечать: е которы приёе, а е которы и плохо зрбыт. От, мой татка мни заўсегда к доброму сница (Хоромск, НАВ).

3. Говорили так: як кого погукáли росьтвеники, што помэрли, — значыть, вон умрэ скоро. То воны пришли його провэдать (Хоромск, НАВ).

4. Мёртвыи всегда к дождю сняца (Рубель, НАВ).

5. Як сныцца покойнык, то кажэмо, шо дошч будэ (Лисовое, ОЯС).

См. также № 47, 59, 61, 99, 150, 216, 282, 305, 339, 340, 343, 351, 414.

Тем не менее нередко эти разные виды посмертного хождения смешиваются: у них могут быть общие причины (например, нарушения погребального обряда, несоблюдение поминальных ритуалов); приснившиеся и привидевшиеся покойники могут одинаково вести себя, в обоих случаях приход может вызывать страх живых и одинаковые защитные действия. В публикуемых здесь записях речь идет по большей части о «явном» хождении мертвых; для более обстоятельного сопоставления двух видов хождения имеющийся материал приходится признать недостаточным.

Ниже дается сначала обзор поверий с отсылкой в необходимых случаях к текстам быличек, а затем сам корпус основных типов быличек. В текстах поверий часто содержатся утверждения (мотивы), относящиеся к нескольким рубрикам; в таких случаях текст приводится целиком один раз, под одной из рубрик, а в других рубриках дается отсылка к нему. Например, приведенный под номером (1) текст может быть отнесен и к теме «персонажей» хождения, и к теме «действия ходячих покойников», и к теме демонической сущности «ходячих».

Причины хождения и категории «ходячих»

Этот вопрос обстоятельно освещен в упомянутой статье Л. Н. Виноградовой в настоящем сборнике, что избавляет меня от необходимости давать подробный комментарий к текстам и позволяет ограничиться рубрикацией, соответствующей основным группам персонажей, которым приписывается посмертное хождение. К ним относятся прежде всего колдуны, ведьмы и другие лица, принадлежащие одновременно к миру людей и к миру демонов или «продавшие душу дьяволу», но также и их жертвы («испорченные», «переведенные» и т. п.). Другую категорию «ходячих» составляют заложные покойники: самоубийцы (особенно висельники и утопленники), умершие насильственной смертью, а также вообще преждевременно умершие, не изжившие своего века. Третья категория включает умерших, навещающих своих родственников: мать приходит к детям (чаще к младенцам), муж к жене, жених к невесте. Наконец, к четвертой категории относятся умершие, не отправленные на тот свет надлежащим образом, т. е. те, при снаряжении и погребении которых были допущены нарушения обряда, а также те, кого не поминают живые. Принадлеж-

ность к первым двум категориям одновременно можно считать и причиной посмертного хождения; в третьей категории причиной хождения является сила родственных и эмоциональных связей, не разорванных смертью; в четвертом случае причина лежит вне самого умершего — в поведении его живых родственников по отношению к нему. Все эти категории объединяет представление о том, что независимо от «причины» хождение всегда понимается как действие самой демонической силы (черта, злого духа, нечистого и т. п.), вселяющегося в мертвое тело:

6. «Они ведь своим духом не ходят, то нечиста сила в йих залазит» (Дубровица, НАВ).

7. «У нас говóратъ, это чорт ходить крылатый, а не покойнык» (Любязь, ВИХ).

См. также № 1, 8, 10, 13, 26, 67, 101, 174, 323, 346, 358, 360, 361, 369, 380, 384, 388, 391, 394 397, 398, 402, 404, 405.

Колдуны, ведьмы и пр.

8. Добрые люди не пойдуть после смерти, тулько ведьмарй и другие чаклованные люди, их нечиста сила водить (Хоромск, НАВ).

9. Тольки которы занимались волошэбством и никому не прѣдали гэто — тэй ходюць (Рубель, НАВ).

10. Знахор, як умрэ, то шэ й умэрлым ходыть додому. Гэто лыхое шось ходыть, гэто ж покойник ны ходыть (Симоновичи, ФДК).

11. [Ходят] чараўники, если знания свои не передали; матери к детям; закопанные в землю живыми. Это означает, что дождь, снег будет (Великий Бор, НАТ).

12. Есьли ён быў нехарошый, признаваў [т. е. знал колдовство], то можна ему так зделать [при погребении]: пайдэть з малаточькам [на его могилу] и прикóлеть, количек асынавый уваткнётъ. А то будеть по двору хадить. Можэ, ён ваўшэбник какой буў, шчо яго так харанили. [— Почему колосиновый?] — На асине хто-то задавиўся (Радутино, АВГ).

13. Як хто чым занимаёца, то ёго што-то водыць, это јун не по своей охоте (Хоромск, ТАА, АЛТ).

14. Знахорй шэптати нешто знали. Яко таки знахор умрэ, так он хóдить. Возьмутъ маку и посёютъ. Покуль он ягб перелічить, так пёвень заспевае, нуч кончицца (Радчицк, ОВС).

См. также № 73, 75, 78, 85, 92, 96, 103, 109, 132, 133, 174, 176, 345–352, 360.

Жертвы сглаза

15. И бывало ў нас, што чарованные люди ходили по смэрти. Я хочу его любиты, и я зрблю што [т. е. приворожу его], то он будэ ходиты по смэрти. Он мучае, як приходить. Тоды ўжэ знахорив зовут, штоб спасалы (Кончицы, ЛМИ).

Заложные покойники

16. Як чоловик утопицца ци повисицца, ци од горилки умре, ци от наглой смерти, без поры умирае, то жінци сницца (Щедрогор, ААА).

17. [Ходят] нехорошие — нема им покою (Холмы, ОВС).

18. Дети, даже некрещенные, никогда не ходят (Хоромск, НАВ).

См. также № 73, 78, 85.

Умершие «не своей» смертью

19. Чоловик як вмрэ свэю смэртю, то ёго ны боецьця (Симоновичи, ФДК).

20. Як забьютъ чоловика, то вин потим у тому мисци прывиждаецься и лякае (Глинное, ИАМ).

См. также № 16.

Неизжившие свой век, преждевременно умершие

21. Если чоловик здоровый умре, то на третий день выхдит эта сила [нерастраченная] и становится у постати чоловика. Этот воздух другого чоловика убивае. Надо брать што лежит на земле и бросать у него (Бостынь, ГИТ).

22. Як молодой умре, без времья — шкодят с того свету (Лисятичи, ЕЗС).

23. Если умер бэз времья, можэ хто ёго отравил или ёго хто убил, он будет приходить; ёго похоронют, а ён будет приходить ў дом. Поразворачывае ўсё, приходит, колыску будэ колыхаты, ўсё будэ делать. Стукать будэ, лопаты будэ по хате. Пока отслужать, то маком отсыплють (Нобель, ГИБ).

24. [Если человек умер] не воўремя, надо жыть, а его пагубили — душа и ходит и пугае. А як уже прйде его ўрэмя, шо яму надо памереть, ано и не будет хадить (Ручаевка, ЕВТ).

См. также № 16.

Грешники

25. Перш казали, ходитъ той, што яго Господь не приимае на том сўэте. Через несколько ўрэме куда он заслу-

жить, ўон пуйде у своё место, да е ж пекло и рай на том свети. Этый свет як маков цвет, а то будущый е. Куда ужэ человек заслужыў, там он буде (Стодоличи, ОВС).

26. Як вун вжэ, напрымер, прогрэшоный, то в его туло вбираетса злый дух. От як то ка: умэр да ходит. Вун якысь проступнык бул, то вун умэр, душа ео пошла, а вун — ны пры духу — вбырэтса в его тулуб, в его корм и ходит, так як он вродэ (Озерск, СНЖ, АЛТ).

27. Вмрэ душа; як вона з Богом, то вона нэ прыйдэ (Красностав, НЮД).

Мать приходит кормить детей

28. Колысь говорыли: як умрэ жинка, дытынку покынэ малэйку и, каже, будэ та матка прихóдыть и дытыну кóрмыть грудю (Речица, СМТ).

29. Давно кажуть: мать умрэ, дитя́тко станéцца, от мать хóдит и кóрмить грудьмí и його колышпэть (Замошье, ГЮН).

30. Якцо помрэ жынка, у який залышылася дытынка, вона ходыть сорок днів и кормыть його (Забужье, НМ).

31. Она приде, стане над колыскою, нагнеца к нему и чуты, як тойе дицятко цокае. Ейи не допустили [обсыпали хату маком-ведуном], то тое дицятко вмерло. Кажуць, вона його забра́ла (Стодоличи, ТИР).

32. Казали, як умре мати, то прихóдыть до ребéнка и цицку дае (Лисятичи, ЕЗС).

33. Если мати помрэ от родоў, хочэ забрать своё дитя́тэ (Симоничи, АМГ).

34. Говорят, что матери приходят кормить своих грудных детей после смерти. Ходит она, как правило, сорок дней (Орехово, МСШ).

35. Ходят, гóвóрять, маты к дитю, тая дытына не годуецца, умрэ (Осовая, НАВ).

36. Еще гóвóрять: як умрэ мати и оставит грудного ребéнка, то обязательно вона прйдэ и грудью покормит дитя, штоб вон умёр и ушел з нею. У нас такая женщина была, так мы ее ребенка каждую ночь прятали, носили по хатам, чтобы она не знала, где он ночует. Так она все в свою дверь стучала, а потом и перестала (Хоромск, НАВ).

37. Бáло, кажуть, помрэ жаночына ды дитя застáнеца. То бáло, кажуть, вона прыйдэ и отбэрэ колыску з рук (Борки, БЭЛА).

См. также № 283, 284, 291, 372–393.

Девушка приходит к изменившему ей парню

38. Если пацан бросит дивчину, то если дивчина раньше умерла, то обязательно придет (Щедрогор, АМГ).

Муж приходит к жене

39. Говорили, что были случаи, что муж к жене ходил. Был случай, что одного колдуны приробили, и ўон умёр. Он приходил к своей жене и имал с ней сношэня. Казали, што тэи жэны сохнут, а е што пухнут, и умирают скоро. Воны [мужья] так специально робяць, штоб жэну взять с собой (Хоромск, НАВ).

40. [Ходят] жинка до чоловика и навпаки, диты до батькив и навпаки, зеть. Це домовыкы (Замысловичи, СГС).

См. также № 1, 66, 86, 98, 100, 285, 353–368.

Хозяин приходит к своему хозяйству

41. Говорють, если хозяин хорош был, то после смерти ещё в своё хозяйство приходил. А шоб не ходил, кол в головах на могилце забивают (Дорошевичи, ЕС). См. также № 414.

Покойник навещает родственников

42. Покойник после смерти из могилы выйти может и к родичам прийти. Дак до сорока дней може ходить, а потом перестает ўставать, ничо́го и робить не надо (Ст. Боровичи, ЕЯС). См. также № 394–415.

Нарушение погребального обряда

43. Считалось, что если похороны прошли хорошо, была хорошая погода и т. п., то родным отныне нечего остерегаться — покойник их не будет навещать по ночам (Андрово, КК).

Не закрыли глаза

44. Мертвец не довшен позирать. Щоб був хороший мертвец, йому очи закривають. Як не поправити, то вин потим сниться, обижається: «Чого ж ви мени не поправили?» (Глинное, ИАМ).

Не развязали ноги

45. [У покойника] на ногах постолы, постолы не подплетаются на мёртвых. Кажуть — не положено, а то вун ходит будэ (Золотуха, НАВ).

46. Руки вьэжуть и ноги вьэжуть [покойнику]. Як забудуть розьязаты, то будэ ходыты (Олтуш, АВГ).

Не положили необходимые вещи (одежду и др.)

47. Если не исполнить воли покойного, то он будет являться, приходить, сниться. Одной приснилось, [что] мать [говорит]: «Чого ты скатерть мени не положила?». Так вона пишла до другого [покойника] и положила ў домовыну. Чоловик вмре попереду, тай жинка после пересылае одежду. Кладуть у домовку вещи. Занесеш, кажуть (Глинное, ИАМ).

48. Ходит покойник, которому волосы после смерти чесали. Як умрѣ чоловік, то не можно его було чэсаць, бо раньшэ у людей вошы булі, а если вош хоць одна упадэ, то кажущь, покойник за ней прйдэ (Хоромск (НАВ).

См. также № 403.

Кот перепрыгнул через покойника

49. Ходить может всякий. Если кот через покойника перескочит, покойник станет ходить и пугать. Ходячий мертвец называется *домовик* (Дубровица, СМТ).

50. Як вмре чоловік и знадвору в хату чи з хаты кит выпрыгнуў або через него перескоче, то лякаты будэ [покойник] ходыть (Сварицевичи, ИАМ).

51. Як через груб перебежиць кут чи кура, *присна душа* ничога не знае, а будзе ходзиць после смерци (Жаховичи, ЕКИ, ЕИЯ).

52. Бывае шо пужае покойник. Якая жывносьць перэд труной перэйдэ [во время похорон] — ходзиць буде. Посвечоным маком селишче опсыплюць, шоп не ходиў (Дяковичи, АМГ).

53. Нужно, шоб никто яво [покойника] не перескочил. Шоб котик не перескочил. Шоб из окна не перескочил. Покойник тада пужае и ходить. Маком осыпають, яво священник на Спас светить, ведун мак-то (Дорошевичи, ЕС).

54. Если нясуть покойника, и собака дорогу перэбежить или кот, так он може ходыты (Лопатин, ААА).

55. В д. Бабичи Речицкого района говорят, что если кот или собака лизут умирающего в лицо, то «душа останется на коте» и покойник будет ходить (Махновичи, ВВК).

56. Кали яму перапрыгнуць [— покойник будет ходить]. Каго коцик пализаў ци сабака. Нельзя — штоб ни ката, ни сабаки не было, кали хто умирае. А то душа астанецца на кату [тогда покойник будет ходить] (Бабичи, ВВК).

См. также № 400, 419.

Неисполнение поминальных обрядов

57. Кто ни строит дяды, к тем родители и приходють [во сне] (Дубровица, НАВ).

58. Котора не поставит обед на окна, то мертвяки ходют и говорюют на дяды (Новинки, НАВ).

59. Если не исполнить воли покойного относительно вещей, одежды, полагаемой во гроб, то ничего не будет. Но если не устроить поминок, то покойник будет являться во сне и жаловаться, что голоден (Жаховичи, ЕКИ, ЕИЯ).

60. Не зрабили абеда на мясаедные дзяды, дак сница, што пришоў хазяин: «Давай есьци!». Прасиў есьци (Жаховичи, СМТ).

См. также № 399, 400, 404.

Несоблюдение траура

61. Як матка умрэ, так дочке гуд петь нельзя, ни петь, ни плясать, ни заплятацца — такую жалобу дзержали. И гуд мужык не должен жонку брать. А як не робяць всего этого, то пакойник сница (Новинки, НАВ).

Нарушение запретов, связанных с могилой и кладбищем

62. Нельзя ничего брать с могил; если возьмешь, то за этой вещью будет являться покойник (Речица, АЛТ).

Чрезмерная тоска и плач по покойнике

63. Если долго помнить о покойнике, тяжко горевать о нем, то он начинает ходить (Кочище, ЭГА).

64. По мужыку нельзя плакать, будэ ходить (Присно, ЕСЗ).

65. Як мощно плачэ, то прыходыць, гукае покойнык, то трэба в цэркву хлиб занэсты, хату посвятыць (Журба, СПБ).

66. Ето ужэ муж к жэне буде ходить, як ена вельми журицца. Злыи таки робицца, як яе муж (Замосье, ОВС).

67. Жынка ўдумаеца, ўдумаеца и плачэ [по покойном муже], дак к жынке цэй злыи летае. Вин, як чоловик, ходи. Тоди до цэрквы ходили, коло хаты маком обсыпали (Веприн, ЛМИ).

68. Котора молодэя да ўдумаеца себе [по покойнику сучает], так казали, комином к ей хто лэтае. До цэрквы её водили, до попа, и хату маком-ведуном посыпали (Веприн, ЛМИ).

69. Як она завишчыт: маты [заплачет по покойной матери], а ей старийшы кажуть: «Чого ты плачыш, она тэбе спокою нэ даст» (Радеж, АТА).

70. Кажуть, як умрѣ мужык, нэ вѣлмы трэба плакаты: [все равно] нэ вѣрницця и будэ ходыты (Радеж, АТА).

71. Покойник як умрет, или сын, или муж, все ж плачут. Як сын, то мать хужэ́й плачэ, як муж — жэна тожэ плачэ. И говорять: это она *приплáкивае*. Приплáче ёго, а он ходит (Нобель, ГИБ).

72. Як умирае молоды́, да вона долго ходить на кладбище да й плаче, то он вжэ примежа́еца. Маком посвешчоным — ведунóm — посыпают, а де — батюшку приглашают, шоб посветив хату (Копачи, МГБ).

См. также № 355, 356, 369, 394–404.

ОБРАЗ И ПОВЕДЕНИЕ ХОДЯЧЕГО ПОКОЙНИКА

До сих пор в исследованиях, посвященных интересующей нас области верований, главное внимание уделялось мифологическим представлениям о причинах хождения и категориям ходячих покойников и значительно меньше анализировались приписываемые им конкретные формы поведения и общения с живыми, обстоятельства «хождения» (сроки, время, локативные характеристики), особенности внешнего облика, одежды, способы защиты от ходячих покойников и т. п.

Сроки и время хождения

Материалы Полесского архива во многих случаях вполне определенно указывают на важность временных рамок хождения: весьма устойчивы представления о **сроках** посмертного хождения (как правило, сорок дней, шесть недель, реже девять дней, три дня, год) и о **суточном времени** (полночь, ночь до рассвета, до первых петухов, реже полдень).

73. Ходяць тулько колдуніки и самобійцы, да и воны́ ходяць **шесть недель**, пока воздух не поднимешь (Хоромск, НАВ).

74. Ходили умершие **на третью ночь**, до сорока дней, до **шести недель**. Казали: «на третью ночь пры́де». Шчо́б не ходили, маком самосейком обсыпали вокруг хаты (Хоромск).

75. Е коўдуніки и чародеи, от знахоры́, которые покончаць самоўбуйством, то воны, як помруць, то поки гэтые **сорок дней** не пруйдуць, воны тоўды, говорыли, шчо́ ходяць, тые домовики. От муй дядько, я вам казала, то вон быў домові́к (Хоромск, ТАА, АЛТ).

76. **Сорок дней** покойник может ходить, но чаще всего от него пытаются избавиться в начале срока, прибегая к тому или иному средству (Орехово, МСШ).

77. **Даже** нэ мона и мѣчка шоб на грѣбэни ночэвала, бо будуть мэрці прасьты. Будуть скубты, прасьты мэрци. Як забѣдэша, нэ допрадэш мѣчки, то хоть вэрэтэно одорвы, клочанка будэ ночовать (Чудель, АВГ).

78. Верю, верю, што покойники ходють, туюко не вси. Мы нераз казали: «Ну нехай жэ мы тату побáчили». А ни разу не видали. А от колдунки и самобийцы ходють до сорока дней, а которы сильный колдуник, то и послѣ ходить (Хоромск, НАВ).

79. Кажуть, **дэвять дней** покойник ходит (Кочици, АГК).

80. Ну, эѣый самый знахор умрэ и кажэ, шчо ѣин ходыть до **трэтяй** ночы, идэ по сэлѣ да ходыть, да лякае людэѣ (Ласицк, ОВС).

81. Мертвец можэ ходить до году. Коли як кому здасца — ночю чи днѣм (Золотуха, НАВ).

82. Гэтые покойники, што ходяць, то только до **пиўнёў**, а як теи попели, то всё (Хоромск, НАВ).

83. Мерцьвяк только ходзиць у полноч, да пеўней. [Выходит] акурат у глупицу [в 12 часов ночи]. Як пеўни пёуюць з вечэра — янгэльска ноч, идзи куды угóдна, не бойся, идзи бог зна куды — янгэлы летаюць, а мерцяки не ходзяць (Дубровица, СМТ).

84. Багацько ходыло покойныкиў. У глупу ноч вэльми лякало. Днѣм лякало на пóлы. В дванáцать часоў дня колысь покойныки лякалы (Чудель, АВГ).

85. Колдуны ходяць, котóры засѣляца [повесятся], утопцы ходяць. У нас кажуць: тягáюца. Гэто тэи, хто ходиць. Вони ходюць **ночью** только, до поўночи, пока пэўни не пэюць (Рубель, НАВ).

См. также № 30, 34, 42, 321, 353, 389, 406, 413.

Срок хождения может зависеть и от того, какой век был назначен преждевременно умершему человеку: по истечении назначенного срока он, по некоторым представлениям, перестанет ходить. Причиной хождения, таким образом, может считаться сам факт неизжитого времени. См. также № 23.

Локусы

(дом, двор, хлев, амбар, огород, поле, дорога, перекресток, место насильственной смерти, кладбище)

См. № 12, 20, 80, 92, 93, 103, 347, 353.

Способы проникновения в мир живых

(через трубу — № 68, мышиную нору, отверстие в могиле)

86. Ходячие покойники, например, муж к жене, приходят через мышиную нору (Сварицевичи, ИАМ).

87. Пашли паглядеть на моглицах. Точно нара есть ля хрэста. Так батюшка сказаў тым людям асинавага кола забить ў могилу. Вяликага кола тады забили (Великий Бор, ЛНВ).

88. Знахор крiшку [гроба] зрывае и вроде бы, говорить, выходить (Олтуш, АВГ).

Облик

(антропоморфный, зооморфный, невидимый)

89. Той шо лякае то чи зайцем, чи котом, чи волом — чим хочеш може нарядитися (Сварицевичи, ИАМ).

90. [Бывало, покойник покажется] як свынiя ў дванацать часоў, ў нбчы, ў час нчы. Якись мэртвiяк скинуўса. Скидаеца на свынiю, на горобзiйка (Чудель, АВГ).

91. Собака перебежить, як мерца везуть — буде мервець собакою, кут — котум (Кочищи, МРП).

См. также № 17, 21, 67, 101, 345, 355, 360, 366, 395, 402.

Одежда

(нагота, погребальная одежда)

92. Колдун-пакойник ходит. У зубах наметка [марля]. Приде у своим доме падивица. Пасыпают поплом — по следу определяют [его]. Его поджидают коло открытой магилы и убивают асиновым калком. Он тады зарогочет [рад, что освободился]. Он мучаетца и должен шкodu зделаць. Кагда делает, яму лехше (Хоробичи, АБК).

93. Другой будет ходить. Кто знает, почему. Пройдет по твоему полю, и у тебя ни чёрта не будет. Разденетца догола и ходит по твоей ржи (Щедрогор, АМГ).

См. также № 93, 358, 378, 413, 414, 415.

Действия

Главный «предикат» в рассказах о ходячих покойниках — «ходит», глагол, который в контексте быличек и поверий имеет особую семантику. Он обозначает, во-первых, само явление (событие, ситуацию) посмертного хождения во всей совокупности его конкретных проявлений (ср. *тягается, летает*); во-вторых, в соответствии с общеязыковым значением глагола, — физическое хождение как главное действие этого персонажа.

В первом значении употребляются также глаголы со значением «показывается, является» (*здається, надається, удається, преставляється, становиться в глазах*), характеризующие восприятие этого явления живым наблюдателем.

Когда речь идет о более конкретных проявлениях «хождения», то чаще всего говорится, что покойник «пугает» (*пугає, лякає*) — см. № 16, 20, 24, 50, 52, 53, 80, 84, 89, 96, 97, 133, 285, 323, 348; «не дает жить никому», «не дает покоя», производит шум и беспорядок: стучит (в дверь, дверью, в окно, по крыше) — № 1, 23, 101, 104, 201, 350, 360, 384, 409, 416–418; топают, расхаживают по хате; бросает со стуком дрова, разбрасывает и переворачивает мебель и утварь — № 1, 23, 95, 96, 409; рассыпает и смешивает крупу разного вида; ищет еду и ест, гремит заслонкой печи, посудой; кричит под окном, под дверью; стаскивает спящих с печи или кровати и таскает по хате, сбрасывает одеяло; кусается; выпускает скотину из хлева (один из устойчивых мотивов — см. № 96, 102, 352, 407); ходит по полю (на котором после этого не будет урожая); умерший муж ложится в постель к жене; умершая женщина «все в хате делает»: моет посуду, топит печь, чистит картошку, прибирает; качает колыбель, кормит грудью дитя. Особенно часто подчеркиваются «звуковые действия» приходящего покойника: он «зовет», т. е. окликает по имени своих родственников (*зугає*) — № 3, 65, 218, 219, 320, 340, 348, а также говорит, кричит, поет, смеется (*рогоче*) и т. п. При этом покойник часто остается невидимым (№ 17, 101, 395) или же его видит только тот, к кому он пришел (например, жена видит покойного мужа и разговаривает с ним, а остальные домочадцы ничего не видят и не слышат), зато его чувствуют собаки (начинают рваться с цепи, лаять) и младенцы (начинают беспокоиться, кричать). Иногда говорят, что он может убить человека, зарезать коня, но чаще вредоносность визитов обнаруживается не сразу: жертва постепенно сохнет, увядает и в конце концов, если не удастся прекратить хождение, погибает.

94. Просто идэ до хаты, як хазяин ходыт. Столы як зачнут ходыты от его. Батюшкы прйдут, посвятят хату кругом, гдэ вин ходыл (Олтуш, НАВ).

95. Такие ходют, гавбрыт. Сусед помер, прыхбдыл ночью и спаты не давал. С улицы бросал ў хату вилы, кочэргу, значыт, вин хотеў што-нибудь (Осовая, НАВ).

96. Якцо чоловик знахарюе, то пisle смэрти може ходыты, лякаты. Прыйдэ, хату отчыныть, худобу повыпускае,

гарбузы покыдае. Прийдэ, разом з нею [вдовой] лягае. Вона вже йому каже: «Я тэбэ поховала и помынки зробыла, чого ты ходыш?». Та хиба вжэ вин ходыть? (Сварицевичи, ИАМ).

97. Пужа́ки — ходящие после смерти малые дети и все ходящие после смерти (Жаховичи, ЕКИ, ЕИЯ).

98. Муж ходил, в ночи приходил, лягае коли ее спать. Люди молилися, отшептали (Тхорин, ЕВМ).

99. Сныцца — поговоришь ўместе з йим, а то чы бульбу копаешь — появицца — жывого видишь — и пойде на место (Присно, ЕСЗ).

100. [Умерший муж] приде, лягае коло мене спать. Обсыпала хату маком-видуном. А то чорт ходиў, са мной спаў (Стодоличи, ОВС).

101. Чоловик вмирае, похороняць його, чэрэз кильки дзен прыходзиць йон, нэвыдымы для всих. Брэнкўе, стучыць, картошку обираець. Шчо́б нэ ходыв, на мо́гилку свичоны мак сыпляць (Засимы, СВМ).

102. Буў чоловик, ходыў: выпустэ корову, змышае на купу просо, ячмень (Забужье, НМ).

103. А ежэли коўдунник, который зўучыў гэту чорну магию, то вон ходиць, як умрэ. То некоторые говораць, шчо вон днюе и ночуе ў хаце, его никто не бачыць. То погэтому называюць домовик, бо ўроде вон ўсе ўрэмя ў хаце (Хоромск, ТАА, АЛТ).

104. Кажэ, ў noci matka [покойная] приходила к пэчи. Дроў покидае, наробит стуку. Цэлы мисяц ходила (Пирки).

105. [Умершая свекровь] прийшла с дїдом, тожэ ўмёршый. И до тэй нэвистки та́ко зубамы — кусаты [ее хотела]. Тры раза виходыла до ей. [На третий раз тот дед за собой] палкою завёрнэ да й пошлы с хаты. Собаки рвуть просто за йими (Олтуш, ОАЗ).

106. Колы́сь прихóдылы. Як жонка помрэ, [приходит], ўсё ў хаты делае, посуду мое, пораетца. [Ходячие покойники вреда дому не причиняли] (Олтуш, ОАЗ).

107. *Гробёнь* [дух мертвеца] ходит, человека можэ вбить. Ходит, пока на што деревянное не натыкаецца (Велута, ИВТ).

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

Превентивные меры защиты, предупреждающие хождение покойника, принимались во время похорон (от момента смерти до погребения) прежде всего в тех случаях, когда умерший был кол-

дуном, знахарем, общался с нечистой силой, или же в случае «на своей» (насильственной, внезапной) смерти или самоубийства. Нередко, однако, какие-то обереги применялись и в «стандартной» ситуации похорон без видимых поводов, «на всякий случай».

Обереги, помещаемые в гроб

(мак, хлеб, соль, деньги, освященные травы, просфора; осина, путо, сталь, железо, нож, замок; женская рубашка мужчине, мужская — женщине)

108. Колдунам родына или соседи подсыпают в гроб жменьку мака, щоб не ходыў (Глинное ИАМ).

109. [Колдуну, чтобы он не «ходил» после смерти, клали мак] в труну: вузлика завяжут и кладут. Можэ, ведюк кладут. То вун пока пэрэлічыць, той нэма коли иты (Курчица, АВГ).

110. У труну клалы, сыпалы мак (Грабово, МВГ).

111. В гроб мак кладут, щоб вин не ходиў. Як яму трэба ити, надо мак перещитать, а вин мелкий. Поки вин щитае, дак и пивни заспивають, и вже вин немае час уйти. Як у гроб кладут яку-нибудь тряпочку [под голову положат, в тряпочку в узелок положат священный мак] хто хоче кладэ. [Живой кладет под голову покойнику-родственнику мак, если он в чем-нибудь виноват перед ним] (Поворск, АЛТ).

112. В гроб колдунов клали осикову палицу, щоб колдун не вылиз з гробу (Плоске, ТМД).

113. Маком казали могилу обсыпать и у труну усыпають мак, як часом знахор помрэ (Радчицк, ОВС).

114. Шчибрець свѣтят и кладут у подушку мѣртвому, щоб не вы́тягли с зэмлі, нэ ходило, нэ блудило (Берестье МГБ).

115. Зылля, яркуш из хлиба печёный, свѣченый кладут ему у гроб. Свенчоно на себе носю — и не ходит (Чудель, ЕВТ).

116. Ёму кладут свящчонэе, то он нэ пийдэ. В домовыну ёму кладуть, пуд головы, яркуш, ладан, зилле свящчонэе (Чудель, АВГ).

117. Чтобы покойники не ходили, под них в гроб стлали «свенчонные квитки» (клен, зверобой, розы, календра, ромашка, полынь (Николаево, ДАЖ).

118. [Если умирал колдун,] в гроб клали жовту свячэну вербу (Быстрик, НВМ).

119. Кладут [в гроб] женщинам — мужскую рубашку, мужчине — женскую. Под покойника. Щоб не встал. Стружки кладут от труны, щоб не поднялся (Щедрогор, АМГ).

120. В гроб клали хлеб, соль, деньги, чтобы во дворе не было упадка. При этом говорили: «На табе хлеб-соль-медзь, а к нам за дабром не лезь» (Столбун, БЭЛА).

121. Грбшы клáлы в руки вмэршому альбо в карман клалы, шчоб вин нэ стояв в ворóтэх, откуплялы ёго (Тевли, БЭЛА).

122. Раньшы, як гроб делаюць, то стараюца ўбиць осину ў гроб, ковалочэк осины ўбиваюць. Так ужэ этот покойник не вылазиць (Хоромск, НАВ).

123. Осовый колочэк ў труне, у ногах и головах, два колочки, чтоб, гóвряць, покойник не ходил. Тэи колочки ўбиваюць железными гвоздями ў специальные дырочки (Рубель, НАВ).

124. Путо вкладывалы в гроб (Жолкино, БЭЛА).

125. Колдунам клали в гроб сталь, тако зилízo, штоб не ходиў (Одрижин, ВГ).

126. Клали нож между ног в гроб. Если знахарь, колдуник умираў, то ему нож клали ў гроб, ў нози, штоб вон чэрез его не переходзил, не пужал. И еще нози долотом пробивали (Хоромск, НАВ).

127. У гроб колдуну ложили замка, шоб не ходиў (Хоромск).

128. Замка клалы ў домовыну коло руки (Ласицк, СНЖ).

129. Задавленный бушуе, [ему] ў домовину замка кладут да замыкнўт. Так и тóплинику [чтобы из гроба не вставал да не «ходил»] (Берестье, МАВ).

130. Маком обсыпалы могилу або замка клалы ў гроб (Почепово, БЭЛА).

131. Чтобы ведьма не ходила после смерти, к ее обуви привешивали замок и так хоронили. Мы бачыли, як булó в яé [у покойницы] замок прычэпляны, на туфлю. То мы бачыли (Хоромск, АЛТ).

Обезвреживание (связывание, калечение) трупа

132. Умэрла у нас тут одна́я баба, булá большá колдунья. Так ее як омыли, одели, а не обули, тулько подошвы ей попробивали, штобы вуна не ходила. Тую бабу Вулюта звали, несколько годкоў ўсего, як помэрлá (Хоромск, НАВ).

133. Як ведьмач умира́л, коляць шилами пяты, а то будзе надымацца, хадиць, пужаць (Дубровка).

134. Ведьмак умирает — потолоки зрывают. Очи повыкалывают, шоб не ходил (Хоробичи, АБК).

Защита мертвого тела от животных

135. Як робяць домовину, як носяць [покойника из дома], дак глядзяць, штоб ничто не переходило дорогу, півника [петуха] кїдають ў погреб; ката, курочки штоб на вулице не было — это штоб не ходил покойник (Костюковичи, ЛМИ).

См. также № 49–55.

Обереги дома и двора

136. Колы вмрэ знахар, то коцюбою по кутках хрыстять (Любязь, ДАЖ).

137. А як ужэ ўона [ведьма, отнимавшая молоко] умерала, то, добрые люди, думали, шчэ и крышу позрывае с хаты, и такая бура була, што ни свету не было видно. То як ужэ из хаты ўунóсили, то дочка сыпала свечаным видуном-маком (Стодоличи, ОВС).

138. Як людына помрэ, йийй повэзуть и обсыпають хату тую маком. Алэ кажуть, жэ то грех (Грабово, МВГ).

139. Як мэртвец умрэ, сеют жито, щоб мэртвец не прихóдил до дому (Злеев, АБК).

140. Як выносяць з хаты грóба, тры разы стукають в пориг, гэта шчоб покойник нэ прыхóдыв и шчоб ныц нэ забрав, шчоб вэлася скотына (Тевли, БЭЛА).

141. Чрез окно выноситэ вперед ногами [в случае, если боялись, что покойник будет ходить] (Ополь, НК).

142. Труну стукают у порог на прощание. Як постукае, то бильш нэ прийдэ, а як нэ постукае — можэ прийты (Кривляны, ГИБ).

Обереги людей

143. Как его выносят — за людьми, всех осыпят житом (Заболотье).

144. Як вывóдять из хаты [умершего], надо ў кóмын заглянуты. Жинка допадае до кóмына, вжэ вона нэ будэ боятыся, колы муж прыйдэ. Три разá глянуть надо, и нэ будэ ў глазах у тэбэ (Орехово, МСШ).

145. Знахар як помре, солóму клали, через огонь везли. Огонь клали прямо у ворот после того, как пройдет конь, под колесами телеги, из снопа соломы (Михалевка).

146. Як умрэ, то похрыстять тим ножом вїкна, да и покласти на пороги, шоб сатана не прийшла, да вранци назад покласти, на место ужэ. То шоб не лякал, шоб лихий дух у хату не шол (Курчица, МНТ).

147. Под лавку под головой ему [покойнику, который лежит в доме] секиру кладут. Иначе нехорошим станет (Щедрогор, АМГ).

148. Як хоронят, бэруць зэмлю из могилы и родственникоў пэрэтруць за шіворот, шоб [покойник] нэ ўдаваўся (Ковчин, ЕГМ).

Поведение участников погребального обряда

149. Когда люди идут в дом, где лежит покойник, они идут не по дороге, а как-нибудь кругом: штоп покойник не ходыў (Речица, АЛТ).

150. Когда придешь вхату, где есть покойник, нужно сразу посмотреть на его ноги, а не на голову — тогда он нэ будэ в очах стоят [не будет сниться] (Журба, АВГ).

151. Штоб покойник у глазах не стаял, надо, як уходишь у хату, сразу на него не глядеть, а паглядеть на печку, а потом ёму на ноги, а потом и на ёго (М. Автюки, АГК).

152. Як захорониш покойныка, прыдэшь, так дывылись у пэкальну дэжку, шоб нэ ўдаваўся мертвяк (Ковчин, ЕГМ).

153. Як умрэ — нельзя на могилку ходить плакать: нечистого утешаешь, говорят (Плехов).

Обереги могилы

154. У могилу покойника сыплють гроши, шоб он не снийся, не ходиў, и говорят пословицу: «На тоби плату за хлевá и хату», шоб не говорил: «Я вам оставил, ничего не взял, а вы пользуетесь...» (Боровое, ТАК).

155. Как схарóнють, колышык забивали, штобы дух ни хадил (Доброводье).

156. На мóглицу крупу ставлять, шчоб пташкí покойника поминалы (Жолкино, БЭЛА).

Средства и способы защиты

Для защиты от ходячего покойника и прекращения его посещения применялись те же апотропеические средства, что и при превентивной защите (обереги дома, двора, людей), а также специальные действия (отгон, возведение препятствий, запираение, калечение, уничтожение пришельца), направленные на обезвреживание самого покойника. Береги (предметы и действия) сакрального характера (освященные растения, во-

да, ладан и т. п., молитвы, освящение дома, могилы и т. п.) должны были оградить пространство живых от посягательств потусторонних сил, тогда как магические средства (металлические, острые и колющие орудия, предметы утвари — веник, хлебная лопата, осина, уголь и др.) воздействовали на самого вредителя (отпугивали, сковывали его движения, обманывали и т. п.) или символически уничтожали его.

В полесской традиции к наиболее популярным средствам противодействия нечистой силе вообще и ходячим покойникам в частности относятся освященные семена мака (самосейного, *видуна*, *видука*), льна (*луцика*), жито, пшено (и другие крупы), соль, освященные растения (травы), освященная вода, песок, острые железные предметы, осинового колья, деготь, уголь, ртуть. Среди них абсолютно преобладающими следует признать посыпание маком и забивание осинового кола. Магические свойства семян мака, льна (по-видимому, также и крупы) устойчиво связываются с мотивом обязательного для демонов собирания этих зерен и невозможности их собрать до окончания ночи и пения петухов, после чего нечистая сила теряет свои вредоносные способности (см. № 14, 109, 159, 161, 175, 178, 182, 183, 196, 409).

Мак

Осыпали хату, двор

157. Як мертвец ходить, дак свечоным маком хату свою обсыпае, шоб не шоў (Тонеж, ГЮН).

158. На своем дворе свечоным маком посыпаць — не будзе ходзиць (Жаховичи, ЕКИ, ЕИЯ).

159. Спастись от ходячих мертвецов можно, если посыпать вокруг избы маком-ведуном. Когда мертвец приходит к избе, он должен собрать весь мак. Пока он собирает, наступит утро, и он должен убежать (Кочице, ЭГА).

160. Свячоным маком обсеять вокруг хаты, злый не может дотронуться (Речица, АЛТ).

161. Обсыпають свечаным маком хату, и пока он той мак поличыть, то ужэ день (Тхорин, СМТ).

162. Мак сыплють, стекло толчёное — у хати и на моголках (Тхорин, ЕВМ).

163. Гаворюць, каторый умре и приходить в дом, пересыпають видуком, переливають вадой святой, дак ён не стане хадить (Комаровичи).

164. [От ходячего покойника самосейным] маком-видуном свячэным хату кругом обсыпают (Журба).

165. Ну, гавораць, маком абсеяць, и видуном у хати, и на дваре [А на могиле?] А на што на магилу тую сыпаць? (Жаховичи, ОВС).

166. Таки светяць мак, если ходить у хату — кругом посыпать на дворе, коло порога, и он никогда не по́йде (Замошье, ОВС).

167. Маком съвачэным обсивае кругом хаты и ёму вўзличок маку кладуть в труну (Курчица, АВГ).

168. Штоп покойник ни ходиў, то ето ўжэ тожэ светяць, есть такий называецца видун-мак, и той видун светяць ў церкви и обсыпають кругом хаты, штоп ни ходиў. Обсыпать надо кругом хаты и ўсэ, он ни при́дэ (Стодоличи, СИБ).

169. И ўот шчэ гавораць, штоб мертвыи кому престаўляюця, дак осыпаюць видуном хату. Або сам сибэ осыпле (Стодоличи, ТАА, АЛТ).

170. Надо обсыпать хату маком-текуном, осенить себя, хату, дверь крестом. Сядь на парозе да ешь вацци [сечки] от канапли, щоб нэ ходил (Хоробичи, АБК).

171. Мак-самосий святят и хто умрэ да ходит до хаты з могилок, то обсыпают хату кругом, тилько свячэным (Мокраны, ТЕП).

172. Святым маком осыпалы ў круговую хаты и осового клина ў могилу ўбивають (Ковнятин, АВГ).

173. Як покойник ходить, то посыпають самосейным маком против солнца кружки хаты (Кишин).

174. Который колдўнством занимаецца, то як умрэ, из ёго душа вўйдэ, а ў ёго тўлоў нечистый ўселяецца. От этих покойникоў йе глухий мак, што сам ростэ, и батюшка ёго посвятить и гэтим маком обсыпаца и хату обсыпаць, то ўон и не войдэ у хату. А йе и таки люди, што знаюць и заговариваюць их, отворочаюць на лес (Хоромск, НАВ).

175. Свэтыли мак у цэркве, вэчэром сыпали по двору и говорили: «От тэбэ работа на всю ноч» (Валище, БЭЛА).

Осыпали могилу

176. Як вэдьма помрэ да ходыть, то трэба могылку маком съвачэным обсыпать (или с косою обойти могилу кругом) (Озерск, ЛНВ).

177. Мак-видук, его насобирают, так не дай Бог помре там муж да привиденьем делается, то надо посыпать маком могилу свячэным (Бостынь, ГИТ).

178. Осыплют маком могилку, ўон устане — поки той мак пошчитае, да розвидеца. Так нема коли ити. Мак съятили на Спленне, на Спаса, на Маковея (Н. Двор, ГИТ).

179. Трэба иди на кладбишча, ўзяць свѣчаный видун, ўзяць из восины дубчикуў наломать. Пойди к могиле. Як придешь рано, зайдешь и казати: «Добрый вечор». Помблится Богу, воскресну молитву три раз и наўхрест заткни ету восіну: ў головах, у ногах и по бокух. И обысьь могилу видуком. Обысьь. Да ужэ, як идешь оттуля ис кладбишч, то ўжэ через голову сысь правой рукой, назад не глядись. Ужэ вона бульш ня пуйде (Стодоличы, СИВ).

180. Макам, яки свянчили на святой макавей, тры разы перасеяць магилу и дарогу (Заберье, БЭЛА).

181. Свенчоный мак сеяли на могылу, як приставляицца покойник (Ковнятин, АВГ).

182. На могылу можна посыпаты маку. Пока той мак пошчытае, и нэма колы ёму иты — пэтух заспивае, розвиднеэ (Борци, АВГ).

183. Якцо сыпнуць на могылу мак, да нэ пэрэлічыць [покойник маковых зерен], то на Страшны суд нэ встанэ. Але тому вэликий грех, шо сыпнэ (Чудель, АВГ).

184. Як снытця чы прэдкы становятца ў глазах, обыспалы маком свячоным хату и могылу (Бельск, ОВМ);

185. Обыспали *ледецом* (ледец — мак) могилу в 12 часов ночи (Вичин, БЭЛА).

186. Маком сеяли, свячоным *лушчыком* вокруг могилы сыпали (Заболотье).

187. От це умэрла у нас людина послы святой (це вона послы Паски на сёмой нэдили). Приходит до мэне [тетка этого человека] и каже: «Дай мени маку свящчоного». А я кажу: «А на шчо?». А вона каже: «А як маком обсивае могилу, шоб нэ ходила русалкою». А я ж того нэ чула. То як умрэ на цюм тыждни, то русалкой будэ. Ну, и тогда той свячоный мак трошки накйдала тако три раза обсіяла яму (Ковчин, МАБ).

188. Бывае человек умёр и страшыть. От, кажэ, ходить. Так маком, што в церкви освѣтять, обсевають — сам себе или кругом хаты или кругом койки. В Бостыни жэнщчына мне говорила. Мужа её убили немцы. Так она сама то делала, так помогло. А то ходил. Приде да лóжыцца коло неё на пэчи всё. А як посыпала, так кругом хаты лятал и по той раз большэ не был (Бостынь, ТАТ).

Посыпали следы, дорогу

189. Спасти́сь от них можно, посыпав их следы *пасвянцонным мака́м; падпаясаць; прыбіць асинавы́м ко́лам к гробу*. Следы мертвеца по дороге и могилу осыпали *пасвя́цонным мака́м* (Великий Бор, НАТ).

190. Шоб не ходи́ў, к бату́шку обра́цаюцца. Шэ ма́ком-веду́ном, кото́рый сам расте, сам ўсходи́ть с земли, обсы́паюць хату, моги́лку и стежку (от, як приметит, што по ней ходит). Мак тот у Ма́ковой свитя́ть, для його моли́тва читае́цца ў цэ́ркви. Шэ если, кажу́ть, што ходи́ть, срубае палку осовую и забиваю́ть в моги́лу, шоб не ходи́ў (Замо́шье, ГЮН);

191. Чула такое, казали: як ма́тка памёрла ад малага дитя́ти да пачала́ хадить да яго [по ночам], дак свечаны́м ма́ком-виду́ком абсева́ли ўсе стежки́ кругом (Вел. Бор, ЛНВ).

Сыпали в колодец

192. Як чоло́вик вврэ́ и прыда́сця, шчо́ вин прышо́в, тоды́ сця́лы свячо́ны ма́к в колоде́з (Тевли, БЭЛА).

193. Ма́ком виду́ном доро́гу обсыпа́ть и обли́ть травой — безве́ршник и ростоп́ша — и попрыска́ть колоде́зя [К же́нщине ходила мертвая ма́ть — а тож не ма́ти! — в колоде́це черти звали́ ее танцева́ть, ей ка́залось, что колоде́ц — это дом со сте́клянным поло́м] (Стодо́личы, ОВС).

См. также № 14, 23, 52, 53, 67, 68, 72, 74, 100, 101, 113, 130, 137, 138, 199–202, 204, 213, 217, 222–225, 227, 228, 242, 246, 249, 258, 259, 280, 281, 323, 340, 348, 350, 351, 354, 356, 358, 374, 375, 380, 381, 394, 408, 409, 410, 411, 413, 414.

Лен

194. Обсы́пали ля́ным се́мьем (Паро́хонск).

195. Сы́пали на моги́лу самосейны́м ле́ном, шоб не ходи́ў (Боровое, ТАК).

196. Трэ́ба льно́м сы́паты на моги́лку, бо йому́ трэ́ба пошчитаты́ (Забужье, НМ).

См. также № 211, 258, 259, 416.

Зерно (жито, пшено и др.):

197. Пшено́ там ти шо́ свята́ть, то́же помогае́ тому, кто отбивае́цца от недобро́го [э́тим пше́ном обсы́пали вокру́г хаты́] (Нобель, ГИБ).

198. Доро́гу з хаты́ до моги́лиц житом́ посы́пали (Дороше́вичи, ЕС).

Соль

199. Свечаным маком, солью обсыпали хату (Симоничи, ОВС).

200. Обсыпали дом солью, свичёным маком-видуком (Комаровичи).

Песок с могилы

201. Прийде мертвяк и стукае. В 12 часов ходили на могилки и с той же могилы желтый песок брали и высыпали возле хаты, каб не ходил, а святым маком хату [внутри] высыпали (Лисятичи, ЕСЗ).

202. Обсыпають хату маком, пшеном и желтым песком. Никакие страхи не прйдут (Заспа, АМГ).

203. Якцо людына задавытсья, то раду шукають. Беруть з могылы той писок, коло хаты посыпають (Сварицевичи, ИАМ).

204. Посыпают вокруг дома песком с могилы покойника, затем посыпают глухим маком (Хоромск).

205. Пэсок з могилы ёго браты до дому — ў трапочку и под голову положыты. А ў могылу колочка ўстрымыты [в то место, где взят песок] (Кривляны, ГИБ).

206. З могилки песок сыплють за каўнёр родственникам (Гортоль, ИДС).

207. Шоп нэ ходыў покойник, иди на клáдбишпо, собэры [землю] з могылкы йего и высыпь по дорошке до своего двора — нэ прйдёт (Радеж, АТА).

208. Носяць рушник на могилу, як сонцэ зайдзе. Тры дни хай полежыць. Узяць пэску з могилы и помýцца у йим, вытрацца гэтым рушником. Исци туды и назад — не гаварыць. Шоб нудзгá не брала — пэсок з могилы за воротник (Вичин, БЭЛА).

См. также № 375.

Вода (поливали освященной или иной водой)

209. От плота кору надо взяты, звариты и той водой з лозы поливають коло хаты (Кончицы, ЛМИ).

210. Як вмэр, то стакан воды на вокни стойить 9 дэнь, а тоди из двора на вугол на покути ллють — од ляку, шчоб нэ прыходыў. А бувае, ридня пье ту воду, шоб нэ прыходыў (Журба).

211. Посвяцонай водой коле хаты попорскаюць али сёмьем з льну, што остаеца от битья, — и не буде ходиць (Дяковичи, АМГ).

212. Если покойник является во сне или ходит, поливают могилу святой водой (Голубица, ОАТ).

213. Дом обсыпают маком, святят свяченой водой. Говорят, что покойник сорок дён ходить (Бельск, БЭЛА).

214. Пасвянщиць у хаце свянцонай вадой (Туховичи, БЭЛА). См. также № 65, 163, 219, 353, 407.

Растения, травы (держали при себе, прикрепляли к стенам дома, втыкали в могилу)

215. Деўкам у косы вплетають свяшчэную руту да тою. А цей кажэ: «Шоб не рута, не тоя, была бы деўка мбѡ». Зилле безвэршник трэба освятить и шоб людына коло себя держала. Рвуть и святять на Троицу, на Духа (Тхорин, ЕВМ).

216. От не ўклалы у гроб зилля свячоного, то вон прыходыў у сні и всэ кажэ: нэ вклалы, то возьмы позастрыкай у вуглы, дэ ворота видкрываюця, у тэй плот (Жсурба).

217. Если ходыть покойнык, трэба над окном бэркун (дробнэнькый цветочок жоўтэнькый и белэнькый, ля пчол его сеюць) поўтыкаты над двэрэмы, и вон большэ нэ пойдет. [Или] бэркун в труну ў ногах положыты або сьвятой мак (Ковнятин, АВГ).

218. Бувае, шо удаеца... Умэрла жэншчына. Кажну ноч прыдэ и гукэе. Ис клэчэнья калок ўзять и ў магілу забыть [клячанье — троицкая зелень] (Дягова, ЕВК).

219. [Мать-колдунья после смерти стала ходить. Ее дочь рассказала, как ночью] шось лохмато до мэнэ лягло. Я давай водой светыты и вэрбу давай тыкаты (Радеж, АТА).

220. Когда покойник начинал ходить, «садили свянцону вербу» на могилу (Николаево, ДАЖ).

221. Чортополох свяцяць на Маковой, на Спленне и затыкаюць у хаты (Оброво, БЭЛА).

См. также № 115, 116, 117, 193, 342, 355, 358, 369, 370.

222. Умэр чоловік у жэншчыны. И ёна говорыть: «Ходыть чоловік мой за мною ўслед, ходыть». Дак давай ужэ шукати рады. «Давай так — мак посвешчэны, видун, у нас мак-видун. Потом изноў е тоя, зелля, откэсник. И надо тым откэсником святить, давай ужэ палити, шоб дым ўкруг хаты трэ ужэ идти». Да давай посыпати маком свешчоным и кажэ — гóди ходить (Копачи, ЕМН).

223. Обсыпалы маком-видюком подвирья и хату, носылы пры соби свячени васильки, клали йих на нич пид подушку. Якцо цэ нэ допомагало, то святылы й хату (Трубеевка, ННА).

См. также № 387.

Железные острые орудия (обводили дом, могилу, вешали над дверью и т. п.)

224. Маком обсыпалы видюком. Кóсу кругом хаты тягалы тры раза. А тут на порозе хрестá зробят, шоб вын нэ шоў. И ў хатэ тыю косу потягают. А тоды, як нэ помогае, нэсут осыкового колка, ему забывають у гóловы, шоб нэ шоў (Рясно, АЛТ).

225. Косою тры разы хату обносили або маком тры разы кругом хаты [посыпали] (Сварынь, НЕБ).

226. Вын взяў (дорáдыли ёго) повэсиў кóсу у двэрох и вын, кажэ, шоў, тэй домовый, и на тую косу ... гдэсь затронуў тую косу и — запишчяло. Запишчэў, запишчяло и як пошоў и бильш нэ прыходыў (Можейки, ААП).

227. Обсыпали маком саморúдным або обводили косою навкола могилы (Верхний Теребежев, ЛВП).

228. Берут мак свяшчоный та на дорогу сыплют та окола хаты обсыплют та на коси сядут и объедут як на кони́. Три разá объедут круг хаты та маком посыплют (Берестье, МАБ).

229. Для того, чтобы покойник не ходил, над дверью вешали косу — ночью висела, а днем снимали; висела три дня (Хоромск).

230. Брали косу и острым носком обводили тры разы дом; косу вешали на двэрах, вона висела ноч (Хоромск).

231. Берут косу, обводят три раза вокруг дома (Хоромск).

232. Ходили, косою обвóдили, косу нэсли по долу [острием вниз]. Гэто казали, не ўлезе вун ў хату. Казали, пэрэрэзали ўжэ дорогу и ўжэ вун не пэрэлезе (Хоромск, ТАА, АЛТ).

233. Як умэр мово мужа брат, затопила [печь] да всадыла кóсу, шоб распэклас, така красна зробылася, да наколо будынку обвэла́ (Чудель, ЕВК).

234. З сэрпом коло хаты обóйдэ, то мэра́ц нэ ходыть (Ласицк, СНЖ).

235. Сокиру ў яму кидали, шоб покойник нэ ходиў (Берестье, МАБ).

236. Як муж пómэр, то, кажэ, ўсё двэры отчыняў, хату отчыняў. Но а тая ее научила одна жэншчина: «Устрои́ у порыг **ныж!**». И ўона ўстрымила и бильш нэ отчиняў (Кривляны, ААП).

237. Очэртвали могилу **ножом**, а то ходил да товар из хлева повыпускае (Верхний Теребежев, ОАТ).

238. Бабы кажуть — коцюбою гонить его [умершего мужа] с хаты (Берестье).

См. также № 125, 126, 146, 147, 176.

Веник

239. Як ходит покойник, драпачі трэба браты, мочыты ў помьі и од сэбэ, од сэбэ [разбрызгивать по хате] (Грабово, МВГ).

240. Як ходыть покойнык до хаты, то трэба взяты видро з помыямы и вынык та й поставыты пид лавку. А як тилькы прыйдэ, то побрызкаты ёго водою, то мае помогты (Грабово, ОВ).

241. Як нибощик ходиць, то веником помести ў хате после заката и поставиць его у порога. Так вун чэрез той веник не переступиць (Хоромск, НАВ).

Хлебная лопата

242. Абсыпáлы святым маком вокруг дома. Подпира́лыся той лопатой, на якую саджали хлеб. Считалы, шо лопата святое дэло (Дружиловичи, БЭЛА).

Вожжи (набрасывали на пришедшего)

243. Колыся як умэр мужик, ходыв до еи [к жене] на но́чи. То душа, тень. [Ей рассказали способ, которым можно избавиться от этого, и она этим способом воспользовалась:] з ло́шады гвозды [приготовила]. Як вин подошов под окно, вона на його тые гвозды накинула — и бульш нэ пришов (Мокраны, ТЕП).

См. также № 124.

Осиновый (дубовый, березовый, грабовый, липовый) кол

Забивали в могилу (в головах, в ногах, в грудь, между плечами, в отверстие могилы, под крест):

244. Осинова колка ў могилку ўбивають, чтобы покойник не снился (Бостынь, ГИТ).

245. Осикову пальку забить в могилу, то ўжэ нэ будэ ходить (Курчица, АВГ).

246. Взять с осины колючка и забить на могилку, и он тогда не пойдэ. [Если ходит уже после захоронения, то] откопали, сбросили туды с петуха голову и забили кол у ноги (Комаровичи).

247. Кто ў noci ходиць, як умрэ, то и забиваюць осино-вым колком ў гроб, шоб не ўлазил з того свиету (Замошье, АЛТ, СНЖ).

248. Як покойник иде, так ўот на магіле забиваюць осинового колка и жар чэрэз порог сыплюць: «На тебе, шоб не ходиў!». А возле креста шукаюць дирочку и забивае туды колышек (Замошье, АЛТ, СНЖ).

249. [Чтобы спастись от ходячего мертвеца], надо пересыпаць двор макам-видуком и магілу апсыплюць. И жар [из печи] на порог сыплюць. Як ходзиць, асиновым ко́лам дзірку на магілу забивае, там нара е, дзірка. [Если ничего не предпринимать, то он как покрывало свое съест, так и тебя задушит] (Дубровица, СМТ).

250. Прабивали колом магілу яе, где галава яе (Марковичи, ОВС).

251. Кол асиновый вбивали в магілу. Если стане хадзиць, дак аткапываюць: он лежи ниц, дак асиновый колік — прамеж плеч (Холмы, ОВС).

252. Осиновый кол забивають ў зэмлю [в могілу] ў ногах, коб он нэ встаў (Ковнятин, АВГ).

253. Коб покойныкы нэ прыходылы, осыннык забывалы: до сходу сонца трэба статы, колка забыты (Ковнятин, АВГ).

254. Если сильно здаеца, откóпывали и пробивали осиновым колком грудь (Заспа, АМГ).

255. Осóвого колка трэба забиты на могылу, штэры колкі (Борщи, АВГ).

256. Колдунам у могілу забивали осиновый кол чи грабóвый (Боровое, ТАК).

257. Як ведьмарка чи як мертвец багато ходиць до хаты, берé осóва колка да забиваюць под хреста (Кишин, ЕМЧ).

258. Осиновые колки ў голову били, обсыпали самосейным маком, посыпали сэмьем льяным, свэтым (Пирки).

259. Колы покойнык ходыть, возлэ порога и ў хати святылы святой водою, обсыпалы возлэ порога святым маком и лушчыком. А шчэ кол осиновы ўбывалы ў могылу (Спорово, МФР).

260. Забиваюць дубовы клин у магілу (Туховичи, БЭЛА).

261. Загоняли ў магілку липавыя калы (Могилыцы, БЭЛА).

262. Штоб покойники не ходили, трэба берозовый кол у могілку ўбивають (Симоничи).

263. Тому, у кого падучая болезнь, необходимо пойти на кладбище и забить в свежую могілу в полночь осиновый

кол. Через несколько дней, тоже в полночь, принести этот кол в хату (Смоляны, БЭЛА).

264. У спину прэбывають асиновым коликом и [при этом надо] молиться Богу и читать воскресну молитву (Хоробичи, АБК).

265. «Кол табе асиनावый на том свете; кол асиनावый табе в спину; не прими тебе зямля» — эта руганье такое, браня (Картушино, ЕСЗ).

266. Матки нашия говорят: быў дед, умёр, потом ходил. Яму ўзяли и отсékли голову. Пришел батюшка. Асиновым колком забили домовину. И ўсё, больше не ходил (Пирки).

267. Сякуць асинавы кол, каб гроб и грудзи прабиў. Як прабили и кол да грудзей дайшоў, дак нешта засвисцела, мо живую закапали. Так этый кол и стаиць, пака не згние (Бабичи).

268. Умирала адна баба неспакойна. Мужык яе [после ее смерти] ночью ляжыць и чует — прыйшла яна, пасуду мое, печ затапила. Як петухи запели — прапала. [Так несколько ночей подряд. Мужик к ней не подходил и ее не видел, а лежал и дрожал в своей постели. Наконец, пошел к священнику.] Бацюшка сабраў людзей — лето было, у всех работа была, но раз такое дело, все памагали. Пабрали тапары, иконы и пайшли. Нарубили ворах асинавых калоў. Бацюшка сказаў, што надо прабиць труну скрозь магілу, раскопваць магілу нельзя. Бацюшка места паказал, куда биць надо [в грудь] и стали биць. А цяжка — труна сасновая, калы асинавыя, паламали ўсе калы — там ужо новы ворах нясуць. Наканец, прабили — звук таки пайшоў (свист ци звон). Бацюшка сказаў калá гэтага не трогаць и ўсе дыры ў зямли коляма пазабиваць. З той пары не хадзила (Бабичи, ВВК).

Вбивали асиновыя колья возле дома

269. Нужно вбить асиनावый кол на хвортке [на калитке] ў землю — не будзе хадзиць (Грабовка, ОВС).

270. Взяла девять асиновых колочкоў, вбила кругом хаты — перестаў ходити (Берестье).

См. также № 12, 41, 87, 122, 123, 155, 172, 189, 190, 205, 224, 271, 272, 326, 345–347, 349, 350, 374, 375, 391, 393, 406, 408, 414, 416.

Деготь (лили в могилу):

271. Домовики — у тую могилу налить дэгтю и забить дубовый кол (Дягова).

272. Казали, хадылы мёртвые. Натрушывалы попиў ў хатэ и след буў знаты. Пайды на магылку, там будэ дырка, да самого гроба дырка. Дак насыпъ туды дэгтю и калком забий. Пэрэстаў хадыть (Дягова, ЕВК).

Уголь, жар (выбрасывали из дома, бросали в покойника, на могилу)

273. Наклади углёў с агнём (жару) на пороги, тады не придэ (Комаровичи).

274. Жарину кидают за порог: «Як будешь ходить, то тебе жару ў зубы дам» (Замошье, МГ).

275. Уголь, которым надо кинуть в него, надо взять из кадьльницы, *як херувим проспиваюць* (Хоробичи, АБК).

276. Батюшка взяў с тэи кадэльницы [жар] на глаза высыпаў, так кажэ, вин нэ будэ бильш лазыты. Это такой домовый входить до человека, злый дух вселяецца (Борщи, АВГ).

277. Вугли навоглев трэба выкидаць на двор (Туховичи, ОВШ).

278. Бяруць жар и засыпаюць на вулицу на ўрэд пакойнику [глаза как бы засыпали] (Туховичи, ЕВЛ).

279. Як сницца часто, надо вугаль сыпаць на двор (Махновичи, ВВК).

280. З глухым маком обходили коло хаты. З жаром тожэ обходили, як покойник мучиў семью (Рубель, НАВ).

281. Каб пакойник не хадзиў, сеяли мак на магилу, жар сыпали ля парога (Турки, БЭЛА).

282. Каб не снiўся — жар за парог [выбрасывали] (Заберье, БЭЛА).

См. также № 248.

Ртуть (стреляли ртутью)

283. Молода умэрла, остаўса мальчык. А вона прыходыла цыцку даваты. Хто-то им сказал, што надо стрэлять сэрэбрóm [ртутью]. Как стрэльнуть, то вона будэ ойкаты. Дид стрэлял по ий и як она пошла и стала ойкаты да и пошла на кладбишчэ. И больш нэ ходыла (Ласицк, СНЖ).

284. Радила ў нас кались яўрэйка дитя да памёрла... Хадила да яго, давала цыцкы. Мужык ўзяў жыўум срэбром зарадиў стрэльбу — ву знаете, бувае тако жыўэ срэбро? — бухнуў ён з туй стрэльбы — ўжэ больш не хадила (Вел. Бор, ЛНВ).

Свеча (громничная, сретенская, четверговая)

285. Кажуть, ходиў чоловик бисимнянин до жинки. Ходить да лякае. То вона вже знае, шчо вин иде в той пори, тай запалить свичку громничну, то вин и не йде (Сваричевичи, ИАМ).

286. [Если мертвец ходит], горшка нового возьми да запали свечку стреченую под него и як приде, открой ўже свечку, она ўже побачит и больше не придет (Замошье, ЖВК).

287. [От ходячего покойника] горшка нового [взять] да занэстї на могылу ему да свечку под той горшчок поставиты на могылу (Ковнятин, АВГ).

288. У нас так говóрять, як покойник ходыть, свечку накрывають горшком, макотрой, як у нас говорать, и як почують, што он ходыть, так откроють тую свечку; як ён светом освѣтитца, так исчѣзне и нэ будэ ходыты (Лопатин, ААА).

289. Тёмно, он ходит, а если свечку открьїй, он уже нэ станэ ходить. Одна жэншчына говорила, шо накрывала горшком свечку, хотела увидеть. Она открыла свечку, и ёго нэ стало, нэ стало и больше нэ ходиў (Нобель, ГИБ).

290. Шчоб покойнык нэ ходыл, трэба палыты в хати воском, пахнэ мѣдом и пэрэстае ходыты (Забужье, НМ).

291. Маты умóрла, а рѣбѣнок остаўся, она ходыла, грудь давала. [Отцу ребенка посоветовали:] возьмї свѣчку запалї, постав [в горшок] и накрый новым горшчком, и як почувеш, шо она прїдэ, то открий и побачыш. [Он так сделал]. И она нэ прышла ужэ бильш (Олтуш, АВГ).

292. Громнычну свичку свїтять о полночи, шоб нэ ходыў (Олтуш, ОАЗ).

293. Як которы занимаецца волшѣбством, то берут свичку и закрывають макитрою. Як вон выйдэ в хату, то воны открывають свичку (Вешня, БЭЛА).

294. Ввечери на пидвиконня ставили запалену свичку (Небиж, СВГ).

См. также № 353, 361, 364, 372, 384, 386, 388, 390, 392, 405.

Кресты (на дверях, окнах)

295. Шоб покойник не ходыў, надо хресты на дверы писать (Присно, ЕСЗ).

296. Громничною свечкою на вокнах кресты обвѣсты (Оброво, БЭЛА).

297. Някия ходылы до зыход сонцу. То крыйдой опышут тую хату. Ходылы с косныком круг хаты. Пысалы крыйдой някие буквы на хате (Борки, БЭЛА).

См. также № 395.

Поминальный обед, угощение

298. Обед надо справлять, собрать своих пообедать, а то вон вроде обижается, не хватает. Беспокое — обедать хочэ (Присно, ЕСЗ).

299. Можно еду положить и казать: «Я тебе ести положила, дак больше не приходи!». Всем так говорят, и больше не ходит (Ст. Боровичи, ЕЯС).

300. У хаце абедню спраўляли (Туховичи, БЭЛА).

Поминание

301. На парогэ з блином надо паминать, хоть у вечери, хоть у ранни. Як сница, надо блином памянуть на парогэ и ня буде сница. Памянуть надо, нишчэму дать, шоб он памянул (Картушино, ЕСЗ).

302. Родные пекут пироги, блины и т. п., а потом садят на порог и едят (Жихово).

303. Засцилали прыстол у цэрквы (Федюки, БЭЛА).

Жертва, милостыня нищим

304. Тканы платок нясуць у цэркву на аброк (Туховичи, ЕВЛ).

305. Як сница часто, то трэба дати на панахиду батюшке (Дружиловичи, ТПК).

306. У цэркву трэба дати: хочэ, шоб за душу дали (Дружиловичи, ТПК).

307. Як сница часто, так трэба чо-нибудь из тый хаты чужой людынэ дасти (Дягова, ВВП).

308. Як покойнык сныця, нищому дають хлеб. Тоди покойнык будэ пойидаты цэй хлеб и нэ прыходытымэ. Гроши [нищому] нэ можна даваты, покойнык бэрэ йих и пэрэсыпае з руки в руку та никуды нэ йдэ (Красностав, НЮД).

309. Давалы хлеб старцу-слэпцу ля цэрквы (Бездеж, БЭЛА).

310. Тую сарочку, у якой памёр чалавек, аддаюць старцу-жабраку (Бездеж, БЭЛА).

Исполнение просьбы умершего, являвшегося во сне

311. Колыся ходыв пан, попуская коровы чрэз заборы; приснилось пани, што вин хрэста просыв, и там поставыли хрэста — он пэрэстав ходыты (Мокраны, ТЕП).

312. Говорять, што ёго вроде бы остаецця одёжа или шчо такое, то занесут на ёго могылку и говорят: «На тоби твое и нэ приходь бильш» (Кривляны, ГИБ).

См. также № 47, 401, 403.

Обращение к священнику

313. Одна жинка до попа прийшла, каже: «Мий муж [покойный] приходив до хаты». Поп иде на могилу, читае молитву и бильш не буде касаться (Глинное ИАМ).

314. Як ходить, ходить, замучуеть, идуть до попа. Пип обсвячае хату, тоды пэрестане ходить (Вышевичи, ААП).

315. Звали батюшку ў хату (Туховичи, БЭЛА).

См. также № 68, 72, 190, 348, 350, 386, 395, 407, 416.

«Печатание могилы»

316. Носылы до попа в церкву землю з могилы, вин над нею молывся, пересыпаючы ножом цю землю. Це называлось, што пип запечатуе могилу (Радовель, ОИК).

317. Атправы, атправляють тади челавека, запечатывають (Картушино, ЕСЗ).

318. Чтобы покойник не ходил, землю «печатают», т. е. берут с могилы землю, заворачивают в платок и несут в церковь. Священник святит эту землю, ее несут на могилу и высыпают там (Макишин).

319. Пасок з могилы несли в церковь и батюшка молився над гэтым (Гортоль, ИДС).

320. Землю из магилы ўзяць, батюшка тыю зэмлю пасвэтыць и на холмик [могильный] атнэсти — шчитаеца запечатаны. Тóплэных и вэшаных нэ пэчатаяць. Як незапечатаны, ани приходять ў дом и ночью ходять па хате и стукае, гўкае... (Дягова, ВВП).

321. Як нэ печатаный, то вун ходить. И ванó ходить да шэсти нэдил, пóки нэ запечатае (Ковчин, МАБ).

322. Колдунам и тым, шчо нэ прызнавалы рэлигии, запечатувалы (односылы зэмэльку в цэркву, а тоди высыпалы на могылку) (Дунаец).

323. Ходять, як ўжэ по смэрты, лякають. То ўжэ нэ запечатыные. Батюшка печатае: на голову накладэ такую бумажку и на

ру́кы, и на ноги, то ўси свячоно. То нечистивый дух убэрэ́тсья ў тiло и ходыт чeловиком. Як прiдэ до хаты, хто маком обси́ае, покуда позбира́е, врэмья его пройдэ (Олтуш, ОАЗ).

324. Брали землю с могилы и в церкви отпращивали, ба-
тющка отмаливал (Сырск, БЭЛА).

Колода, камень на могиле

325. Як знахор абó знахорка [умрет], кладуть колоду та-
ку, якую вона ўдолжна [т. е. в рост покойника]. Это уже
вроде коб нэ ходыў (Нобель, ГИБ).

326. Колкы ўбывалы, коб нэ ходыл да камэня положуть
на голову (Ласицк, СНЖ).

327. Дерево, колодку клалы на могылкы. То, кажуть, «пры-
ложили покойныка». И колодки, и хаткы — то ўсе *прыклады-
на*. Хто хатку, хто колодку ложить (Сварицевичи, ИАМ).

См. также № 354, 411.

След ходячего покойника

328. Збиралы слид, що залышив за собою покойнык и
заносылы його на могылу (Бондари, ТОО).

Одежда покойного

329. Як бувае, забилы мужчину, то вин вже до родины
ходить у хату. Вони вже журилися. Одна жинка прыйшла
тай каже: «Ту одежину, шчо вин носиў, чи хустку, чи шчо,
спалити и тим димом накурится, то ўсе и минуетсья
(Сварицевичи, ИАМ).

330. [Чтобы покойник не ходил], одёжу занесуть ў могилу,
закопають, ў ту землю самую, дэ ёго место (Нобель, ГИБ).

Брань, проклятия

331. В старину, чтобы покойник не ходил, его ругали
(Столбун, БЭЛА).

332. Памерла мая ятроўка. Часоў десять-адинацать,
приходе и стукае. Недели две стучала ў шибку. «Шо де-
лать, — кажу, — чи яе паслать па матернаму?». Недели
две приходила (Ст. Яриловичи, ОАТ).

333. Покойник як ходить, то клялы́. Скажуть ёму так:
«Неходы́, бо я тэбэ прокляню» (Нобель, ГИБ).

334. Когда приходит покойник, ему трижды надо ска-
зать: «Поцэлуй у сраку, поцэлуй у сраку, поцэлуй у сраку»
(Чудель, ОАТ).

335. Прыходылы на могылу сварытыся з покойныком (Мотоль, БЭЛА).

См. также № 377, 411.

Плевки

336. Пубачывшы ёго, отхрышчуйицьця, пырыд собою воздух хрыстыты, плюють. Плэвалы вбык пырыд собою, то в тый бык, то в гэтой пырыд собою. Высвячуют хату, приводеть батюшку и на могылу выдуть батюшку, и батюшка там служыть над могылою (Симоновичи, ФДК).

Осквернение могилы

337. Трэба насраты на могылу (Борщи, АВГ).

338. Удаўсь жынцы ў сні, шо прыходыть [умерший муж] и ходыть по хати. То ўона носыла на могылу кал, кажуць, паскудно (Онисковичи, ОВС).

Кошунственное поминание

339. Як сняцца часто [покойники], то як идэш в туалет, то помяні их по імэни, шоб ты нэ придаваўся мни ў сні (Засимы, АВГ).

340. Як поганэ кличе под окном — маком-видюком пыспае хату, а шоб мертвяк тебе не сніўся — як у туалет пошла, то ўспоминай его три раза (Боровое, ТАК).

341. Як ужэ покойник снитца, или ў пустую дэжку погляди, или, як ў туалет пбйдэш, здумляй того покойника да йди потом не оглядайса (Верхние Жары, АА).

342. Як сняца — накуруюца чертополохом и [в туалете вспоминают] (Бельск, ОВМ).

343. Старцам прыпаминали яго имя, каб не сніўся (Туховичи, ЕВЛ).

Защита «детьми»

Матери, к которым приходил умерший муж, защищались от него, положив перед собой ребенка. См. былички № 367, 368.

Обман

344. Бэры́ й пышы́ записки — такэ́и й такэ́и в домэ нема́. Разносы́ по со́лам разным. По дорогам порозносы́, то пэрэстанэ ходыты (Жолкино, БЭЛА).

См. также № 356.

Былички

Былички в целом разрабатывают те же мотивы, что и поверья (кто и почему становится ходячим покойником, что он делает в своем доме и как от него защищаются), однако многие темы поверий, лежащих в основе погребального ритуала, не находят отражения в быличках (так, в них вообще не упоминаются превентивные меры защиты, применяемые в погребальном обряде). В быличках развивается «драматический» сюжет самого хождения с участием злодея, жертвы, смертельной опасности, поисков и обретения магического спасительного средства и, наконец, счастливого избавления или, наоборот, гибели. К дополнительным и весьма устойчивым мотивам быличек можно отнести лишь сообщение о «чуде», которому приписывается магическая способность обезоружить ходячего покойника и прекратить хождение. В качестве такого чуда выступает чаще всего инцест, т. е. брак брата с сестрой, сына с матерью, кума с кумой (см. № 355, 362, 363, 364, 386, 398), реже другие поступки и действия, противоречащие норме (см. № 357).

Хождение колдунов

345. Пахаранили яны чалавека. Ён чараўник буў, ў белам хадзіў па хаце. Ён з чарцямі знаўсь, яны яго насілі. У яго на магіле дзірка. Аткапали, асінавым колам грудзь забілі. Юда на асіне завесіўся. Шкоду ён рабіў, каня зарубіў. Мяшком у хляве ляжаў. Бацька мой біў яго колам. Ён зарагоча: «Дагадаўся, мяне назваў!» (В. Бор, НАТ).

346. Одну жэнціну ховалі, а она була некая ведьма і ходіла у хату [пасле смерці] да там ужо не давала спакою. Хозяин гэты ўжо давай іскаць якога-нібудзь спасення. Пошел к попу. Дак пуп пасоветоваў откопаць могілу да поглядзець ее. Ну, откопалі, а она з'ехала пакрывало ўжо. Пуп казаў, што надо пробіць ей пуп асіновым колом. Сталі пробіваць, а она — віццать, у ёй же нечыста сіла була. Это лезбутнік шалуе. Ёму не дае дьявол умерці по-хорошаму (Золотуха, НАВ).

347. У нас было, от, помёрла суседка — а багата ж знала... Дак казалі, ходіць пачала, не давала жыць нікому. Бувало, вхожу ў хлём — стоіць тая жонка. Хтось здогадаўся буў: асіноваго колка забіў у могілку [і перестала ходіць] (Замошье, ЛНВ).

348. Знахорка умэрла і ходзіць, стала пужаць, пад окном гукае, ў хату не ходзіць. Сёстра глухім маком, свечо-

ным на Маковея, обсыпала хату, батюшку ввела ў хату, знахорка и оццепилась (Оздамичи, ИАС).

349. Што таки быў уже ведьмак, што хоронять его, а он ходить. Раз уже батюшка, все на кладбище пришли, откопали, а он хохочеть. Так уже батюшка говорить: «Отсторонитесь, чтобы кровь не капала». Осинový кол затесали и ўбивали яго. Это кадась, мои деды и прадеды рассказывали, а сейчас нема этого ничего (Челхов, ВИХ).

350. Кались у нас буў чалавек. [И жена у него] умерла, закапали ее и ходила. А ана ужэ знахарка, знала у его. Так ана памёрла и ходит. «От, кажэ, прїдет, так нагаварўся з ёю, шо з живой». [Стало ему страшно. Поехал он к батюшке за Гомель. Батюшка посоветовал:] «Вазьми, аткапай, атсечї асиनावый аднóлетак той и тым аднóлетком прабея грўди». Аткапали её — аж ана лежыть ниц. И тое пакрывала жуе. Однае капли не даёла. Узяли, прабили яе тые груди тым аднóлетком. [И перестала ходить] (Ручаевка, ЕВТ).

351. Одна баба жыла — знахарка, так после смерти к невестке своей ходила. И стукае, и колотить по хате. Стали они жалица одной суседке, та посоветовала видуком вокруг хаты обсыпать. Так она приснилась невестке: «Перегородила ж ты мне дорожку». С тех пор и не ходила (Дубровица, НАВ).

352. У бабы одной мужик умёр, так ўун часто к им ходил. Пошла их дочка раз у хлив и начала сено лошадям класти, а схватилась за сёдало тятки. Вун колдун буў и з нечистым знаўся, так приходил вредить скотине. Говóрили, то не ўун сам, а только тень его (Хоромск, НАВ).

Приход мужа

353. Як вон [муж] задавиўся, лягу я — стоить у хате, стоить с топором. Я пришла к бабе богомоленной и пожалилася. «Возьми воды посвяцонай и свечки посвяцонай, благовешчэнской, чы на Страсте. И воды посвяцонай с трох двороў. Приди домоў, на дворе, ў хате, на улице лини туды, куды яго повезли». И уранне сделала, лягла — и ўсе [пропало] (Присно, ЕСЗ).

354. Знахор умёр, то ходив. Вин приходит, стучить и бере ложки, тарулки, чукунчики и миски и рядом кладе так на лавци вкругову, доки докладецца до жинки до своей. И ходить так и кожну ноч такé рóбить. Розложить посуду и лягаеть с жинкою спати. И тая жинка до того высохла, шо вже ей мати злякалася, и та жинка ей признала-

ся. Мати пришла к ней спати, а вин приходит, несе дрѡва рубати и як бѹхне коля порога — гу-у!, и пошов спати. А теи матери чоловик, шо вин робив у мельницы, молов, и вона ему каже: «Вже нема нашей Параски [она умрет]». А вин каже: «хай Параска лягае под стеною, а ты в серѣдине, а я с краю, и беру теи рогали, шо навоз кѣдати». И вин, той мрець, приходит и уходит у хату, и той дид его бачив, а потом вин став итї кругѡм хати, то вин [покойник] такой сон на его напустив, шчо вин [дед] не мог прокинутися, и те бабї звали, кричелы не своим голосом, а дид той без чувства. И той знахор взяв Параску и спав з нею, а як вийшов з хаты, той дид проснувся. И вони пишли до церкви, и той батюшка посветив хату, маком обсыпав, и вин вже перестав. И пошли на мѡгилки и накатїли дуба, накатили поперѣк могилы, коля крыжѡ (Щедрогор, ААА).

355. Кѡлись умѣр у жѣншчыны муж, у молодон. И вона стала вельми плакаць. Стала плакаць и стаў к юй прыхѡдыць точно такой жѣ, як ийи муж. Ёна гѡворыць: «Дак тѣбѣ ж нѣма живого!». А ўон кажѣ: «Не, кажѣ, я прышоў, ты только, кажѣ, никѡму ни кажы, што я дома». И ўот ўуна... прыде, ўуна кажѣ: «Мо, ты йисци хочѣш?». Вон гѡворыць: «Хѡчу!». Вона дасци му сала, мо буханку хлеба, шоб ниhto не бачыў, и ўун это сяде, ўси зьись. Ну, и ўжѣ вона зробилася вельми худая, стала хѹдци, така зробилася тошча, што зуўсим. И стала людей спрашываць: «Што мне робиць?». Што ўот так ы так, ходыць муй муж и... ну, обѣшчае там, што ... там, ну, живѣмо мы... Ну, ей стали советуваць, што ты должна найци тою и ладон да заплясци ў косу. А як прыде ужѣ етый жѣних, самый етый муж еѣ, чоловик, муж ей прыде да што вун тебе ни буде казаць, поставь зеркало на столи и зачѣсуй косы. И што вун тебе ни буде гѡворыць, то ты только скажы, што просыў кум с кумой, штоб мы прышлы на свадьбу. А протыў иго большѣ нычого нѣ разгѡварывай. И ўун к ей не пудышоў близько и только сказаў: «Коли б не ладан да не тоя, то була б диўка мѡя!». Да ўжѣ як биг... да тое зелле ростоптаў, то, што му кажѣм ростопша, а безвершнык вѣрха зорваў. Однои верха зорваў, а одне ногою топтаў (Стодоличи, ТАА, АЛТ).

356. У ейї чоловик помѣр. Ена на Кѡляды вышла на двор: «Степаночко, Степаночко, ходи вечерати» Не «мороз» кажѣ, а «Степаночко». А ена як похоронила ёго, то и плакала. Стаў ходит до ей, домучиў, ена ўжѣ вѣсохла. Ей ка-

жут: «Озьми воротило, наклади сукно, блюзку, завежи хусткою воротило, положи на постелю. А сама зализь на пич за комин и бэри маку свэчону». Ун пришоў, обнимае воротило. Як витер пошоў, поворочаў ўсё на свете. А ёна маком ёго. Ён: «Ой, догадалась, ой, догадалась!». И бильше не ходиў (Берестье, ЛГА).

357. У нас к баби адной ўсё муж пакойный хадил. Ей адна бабка присаветьвала: нажарь канапельки и сядь на парози, чяшысь и канапелькай хрúпай. Он придёт, спросить: «што делаишь?». А ты скажи: «Вшей ем». Баба ента так и сделала, он к ей большы ни прихадил (Доброводье).

358. До мэна ходыў, я тайилася, а дали стала жалитыся. Прыдэ и стучыть, и лягае, и говорыть. Та нэ чоловик, а *нэвіглас*, чорт. И нэ у тому, шчо похоронять, а в тэй одэжи, шчо умэр. А мэни сказалы и ужэ я ту одэжу попалаила, а вун ходэ. То казалы и я свячным маком-видуном пообсыпала скрузь по окнах, по стенах у хати — и зилля свичонэ запарыла, туды запарыла и бэзвэршнык отут пуд плотом нарвала — и усэ тэ пообливала знадвору та у хати. То вун прыйшоў, о той нэвіглас, тулько бухнуў у викно, а у хату ўжэ нэ змиг (Журба).

359. [Недавно в Замошье умерший муж ходил к жене]. И мати ў хати, и ён приходить, и мати не бачыть яго, а ена с ним спать ложыцца и ўсе. Зелье подкурвали, и пила она тою, руту, ў цэркоў ўодили, айянголи [евангелие] чытали над головой и говорили, шэптали. [Она совсем высохла]. Ён откосиўса (Замошье, ОВС).

360. Одна баба исповедовалась и казала, што з смертным духом жила. Гэто её дед скинется собакой и ходиў к ней у сени. Его ж нечистый таскаў. Батюшка ей не даў причастя. А бачила гэто всё её племянница Одарка. Ўона з той бабой должна была спать у хате три ночи, як его заховали. Тая Одарка дви ночи поспала, на третю збэгла и матери всё рассказала: як ночь, так Британ (пёс той бабы) лапой ў окно стучить, тая ему отчиняе и у сенях з йим до утра была. А потом вона пухнуть стала, да так и помэрла бэз причастя. А дед, кажут, з нечистым знаўся (Хоромск, НАВ).

361. Было два браты, [старший] помёр, а меньшей бачыть, шо вона [вдова старшего брата] ў положэнии. Батюшка [говорит]: «Возьми свечку, запали и под горшок. Як Марья горшок подняла — двери полетели, ушняки повыскочыли. Позна схватилися, ужэ йон с полгода ходил. Ее закручуе у

былиночку. Ее на городе нашли, она ссохла. Родила б с хвостом [т. е. ребенок от ходившего к ней покойного мужа был бы с хвостом]. А то Родя [имеется в виду Ирод] с хвостом, неприятель, йон ходиў як мужик. На зямле Ироды ходили ўсякие (Присно, ЕСЗ).

362. Колись умер человек, а жонка осталаса. И он ходить и ходить. Ей казали: як ночь настане, дак ты убирайса красиво, як молодá. Дак вот иде. «Куда ты вибраласа ити?». Кажэ: «То брат сестру барé [берет замуж], то я пойду на васелье». А он кажэ: «Хиба ж так можна, шоб брат сестру браў?». А она кажэ: «Хиба ж так можна, шоб мертвы́ человек до жывой жонкí шоў?!» (Тхорин, СМТ).

363. Умэр чоловик и ходив до дому. [Жена его взяла *ботню*,] где одёжа лежала. Ботню поставила кай порога и одёжу через порог перекладае в ночи. Вун иде и спрашивает: «Што ты робишь?». Она каже: «Убранье шукаю». — «А на что тоби убранье?». Она каже: «На весилье пойду». — «Куда же ты пойдешь на весилье?» — «Брат с сестрою женится». Вун каже: «Нигде на свите немає, коб брат с сестрой женился». Вона отказывает: «Нигде не бути, коб умер да ходив». Вон докаже: «Вот догадалыся», — ушов и больше не приходил (Лисятичи, ЕСЗ).

364. Умэрлó там, умэр человек... Аж он ув ночи давай ходить к жонки. Ужэ она людям стала казать. [И ей посоветовали:] воды влей ув дэжку да возьмы́ да колотí у тэй дэсцы (ложкою), то он будэ пытатъ. Да не пусты́ ёго у хату — шоб на порози он сеў, не пусты далей ув хату. А съвет коб горéў ув горшку, коб дírка ув другому горшку [т. е. зажечь свечу, поставить в горшок и сверху накрыть другим горшком, с дыркой]. Да иди скорэй колотí ув дежку. Пошла она, колотить ув дежку, а он кажэ так: «Што ты робиш? А шо ж ты колотиш?». А вона каэ: «То буду сына жэнить из дочкою». А вон так: «Ой, нэма ув свети праўды, шоб такэ було, коб сына з дочкою жэнила». А вона кажэ так: «То ж нэма тому праўды ув съвети, шо я тэбэ заховала, а ты до мэнэ ходыш». Да ужэ кажэ так: «Да бувай здорова». Да й больш и нэ пошоў (Чудель, АВГ).

365. Памёр хадзяин, пачаў хадиць да сваёй жонки. Вона ўся пачóрнила да пахудела, стала людям жалицца. Дак на-раили юй: набярý канóпли, семня ў квартуха, сядь на парози, косы распусти да чэшы грэбенем, а сёмня ў рот хрушчы. От сядить вона, чэшэ да хрушчыть якбу вошы

исць. Вун прышоў, пабачыў — як ляснуў ёе, аж чорна было на морди. И дали не ходиў (Великий Бор, ЛНВ).

366. Умёр мужик и ходзиць: нячистая сила. А ана [жена покойного] Богу не малилась за пакойника. [Ребенок говорит:] папа ходзиць, с мамкай на печке спиць. Иссушил яё. Брат [жены] лёг на печке; пришоў ён [покойник], атчынили, брат его схватил, а он цапнуў, хвостом як хлопнуў. Антихрист: лапы и хвост. Той придецца, за котораго ништо не молицця. Ён и тяперь ходзиць, тольки ня веряць (Грабовка, ОВС).

367. А то бэрэ вин встае, той покойны, и до ейі. Вин до ейі, а вона наставляе дэтышу и так одганялась дэтыною (Борщи, АВГ).

368. Приде ў хату, а я стала бояться. Я дочек по бокам положу. Дети — это ангелы, колдун не троне, Бог не допустит, чи воздух не допускае, чи шо. Я одну положу к стене, он обопрется двумя руками: «Дуня, а Дуня, отдай Надьку бабке, я с тобой ляжу». А я лежу ни жива ни мертва (Картушино, ЕЗС).

Приход жениха

369. Ходиў хлопэц до дывчыны да помэр, а вона за ним сильно журилась, так тужыла, шо зробилась нияка, помирать пора. Выдавалось ей, шо той хлопэц до неі ходи ночу. Нэ хлопэц ходи, тэй погани, зли. Так и высушыў, хотел, шоб она умэрла. Давай мама шукати баббв, бабка дала шчэнец, бэдрэнец, тоя. Напоили, положили тэ зиля коло нэе, он приходэ увэчэри тэй жэ, и приступити до нэи вжэ нэ можэ, и вон кажэ: «Коли б не шчэнец, ни бэдрэнец, ни тоя, була б дывчына мбя» (Журба).

370. Это однажды гуляў хлопец из диўкою. И ўон сильно йиё любий. И хлопец помьёр. Осталаса эта диўка. И ўот ўон ўсе адно к юй ходиць. Ўон мьертвый, ёго ж и похоронили, а ўон ўсё адно идэць к юй. Она яго видиць и говбрыць из йим. И дотуль ходиў, што ўона ўжэ так схудала, што ўона ўжэ никудышняя. А потом што маци говбрыць: «Дай я тябе заплиту». Она юй ленту пляла и ету руту и мьяту, ету руту и тою трошкы упляла ў косу. Колы, кажэ, зноў пудходыць увэчэры, пудходыць ўотдалёк. Она ка: «Ходы ближэ ко мни!». А ўон кажэ: «Не, я к тыби больш не пойду. Коб тэбэ не рута и не тоя, то ты була б диўка моя. А сэдни ты ўжэ не моя» (Стодоличи, ТАА, АЛТ).

371. Адин памёр ухажор, а приходил до невесты, а патом пагаваривал: «Пайдём на тот свет. Ночь тёмная, кони вороные, сами молодые, паедем. Не бойся меня» — «Не». А патом струсила. Он приехал на конях. Зямля на том свете ня принимала — ляжал и дирку зделал, зямля яму не давалась, воздух таки у яго сильный, шо йон з зямли вышел, йон шось ужэ знал. Йон палез туда, ана нападавала ўсё — дерёжки, адёжу, пастель. — «Ну, давай жэ и руки туда». А ана пустую шубу скинула да падала рукавицы. И в двянацать часоў пятахи закричали и ўсё престанавилася, и йон астался в яме (Картушино, ЕСЗ).

Мать приходит кормить ребенка

372. К ребёначку, маленько дицятко, кто-то ходи и цыцку дае, бо дзиця чутко, як цыцку ссэ. Яму ўже кажэ: «Вазьми свичку запали и накрый гаршком; як буде дзиця цыцку ссаць, так ты аткрывай таго гаршка», а свичка ж там гарела; ўот як аткрыл ту свичку, ну так ўот што-то застагнало и больше юн ничаго не бачиў и больше не прихадзило ништо цыцку даваць (Челющевичи, АЛТ, СНЖ).

373. Кóлись, кажуть, умёрла жонка, дитя осталос, то прійде, вурвэ бчэпку з ноги ци з руки [того, кто качал колыбель] и чуе, ка, цыцку ссе (Симоничи, ОВС).

374. [Мёртвая мать] придэ в ноцй, даст цицку дочке, [и та целый день спит потом. Приходит] шчэ нэма 12 часов, такая, якую захоронив, всю хату провэрит. [Её муж и его брат смотрели ночью:] она отчыняе двэри, дитятко сцы цыцку. Батька ее не бачил, [только слышал, как] колыбелька мотала. Свинцоным маком усю хату усвятили, вбили осиновый клинок в могилу — перестала ходить (Ковнятин).

375. Одна женщина умерла, остался маленечкий ребеночек ее. И не плаче, спит. Что такое? Може хто его кормит? Осталась соседка начевать у хати. Чуе, быдто хто иде. Скрыпнула дверь у хати. Подходит вона к колысци, а дитя ссе матку свою. На други день пошла соседка совета спросить. Кажут ей: «Возьмите колик и забийте ў могилу напротив груди». Это значит, пробить ей груди, шоб не ходила. И песок посыпать коло колыски (Заспа, АМГ).

376. [Из былички о том, как покойная мать ходит к своему ребенку:] Чуем, тамо ложки шкряб-шкряб. Потом бачым, колиска [качается]. А потом зноў ложки шкрябають (Вышевичи, АЛТ).

377. Одна дівчына зародыла хлопчыка и чэрэз три дня помёрла [была не замужем]. Жэна йийи брата нэ мала дитэй и, кажэ, забэру дытюка. Аж прыходэ тая [умершая мать ребенка] у винку и нобы хочэ дытыну годуваты. И ходыла, шчо вси йийи бачылы. И кажэ: «Ганна ходыть до дытыны». А я йий: «Иды на могылу попросы [чтобы не приходила], а тоди выгань». Пишла вона и пробыть, а посли стала обзываты як шчо. И тая вжэ нэ стала ходыты (Любязь, САБ).

378. Мать умерла, остался ребенок пелёночник, и она ходила и усё ўрэмя кормила его ў полночь. А потом ребенок помёр. Видели, как шла, кульбуль несла, а на другой день робёнок помёр. Была у чём схоронили (Голубица, МБП).

379. Рассказывали, шо одна жинка умерла. Дитина ее мала осталася. Вона ночью приходила, дитине титьку давала. Все боялись до этой хаты ходить. Одна не боялася. Пришла ночью в хату и спряталася. Лежит на лавце. Видит — иде. Мисяц светил. Ей все видно. А та подошла к дитине. Жинка руку протянула, а та понад рукой обошла. Жинка вскочила, засветила огонь — ничего нема (Щедрогор, АМГ).

380. Умерла жинка, осталася у чоловіка малёнька дитина, мо, два мйсяца, мо, три було. И вже вот приходит нич и приходит и дае цццку над неньку. И вже та дитина починае схнути. Той чоловік, батько той дитинки, не спит, дивицца, што то воно знов прйде вона. Вона приходит и дае над неньку цццку, а вин её просто хотел так лапнути за грудки, так зловити. Вона отскочила, вин топеря за ножа и за нею. И вона уже выливила з хаты и стало — велика стала бура и чуть верхи с хаты не скинула. И як обсыло и отошла та бура, и той самый лихий казав: «Што, догадався, сукин сын!». И на другой день вин свою хату обсеял маком (Щедрогор, НМЯ).

381. У мого брата умерла жинка, осталось родное дитя. Она ходила, грудями кормила. При мачехе пойде, накормиць. Ани маком пересыпали, и она не пойде. Колысь прагаваривали — мёртвые ходили (Балажевичи, ЭГА).

382. Женщина когда-то приходила к своему грудному ребенку. Люди видели, как он складывал губки и даже грудь женщины видели (Кочище, ЭГА).

383. Баба помёрла, а дитёночек остаўся. И ўсё прыходжая и хату отчыняе, подходить к люльце и кормить дитёнка, и пойде, куды ей надо. До шасты недель можэ ходыть, пока обед не справяьт (Присно, ЕСЗ).

384. То злой ходыл, показываўся мятэрю. Осталася дэтынка поўтора годика, кричыт, плачэ. Двэри очыняюця, ходыт и топае до нэньки. Чую — дэтына ссэ. Посэрад ночи вона и прыходыт. [Сказали батюшке, и тот посоветовал:] «Озьміте громничну свічку на стол, где посуда, то подымі свічку, штоб бляск быў [от посуды]. Як вона [увидела,] отышла от порога и казала: «Ну, не дадите мэни погодова-ты хоть полрока, тэперь самы годуйтэ». Вона больш и нэ приходыла (Олтуш, НАВ).

385. Дажы эта суседка росказвала, шчо еé тётка ўмэрла и покинула дицятко малэнькэе ў колысци. Ну и ўзяли тэе дитятко сховали, з тое хаты ўўнэсли ў другу. И месяц пильновали, не спали ўсю ноч, сэдели, колыхали тэе диця, шчоб ўона нэ прышла, нэ пукормыла. А потом ўжэ стали неку роботу робиць да ўтомылася тая жэншчына да й заснула над колыбелью, коло колыбели. А эта маці прышла да й покормыла тэе дицятко. То й чули, як дицятко ссало, о, ўона покормила и ушла. Чэрез тыжэнь это дицятко ўмэрло (Хоромск, ТАА, АЛТ).

386. Ну так мать умэрла, а детей багато осталóсо. Оны хочуть побачыть матэрь, а йим насоветовали: «А сучыте свечку и нового горшка и ў тум горшку запалите свечку. И позирайте, лезьте на печь и позирайте крузь конёвычи хомут». Ну, ето зробили. Ана пришла да дае дицяти цыцку да и колышэ ёго. Сидела она два дни, не говорила, только позирала на дети, а не говорила. Да што ўжэ — пошли до попа, што поп кажэ. Ужэ и бабоў приходили, штоб ишла, и страшыли яé што ўжэ што: «Ди на место, да ты побачыла детей, а дети — тябе, иди на место!». Она не отвечае ничóго. Што ни робили, кажэ: «Это ж иди, брат и со сестрой жэница». Она кажэ: «Своёйшые будуть». А оны зноў: «У кого-то шчэ-то батько з дочкóй жэница!» — «На своёйшые будуть». А оны ўжэ, поп кажэ: «Это ж кум з кумою жэница». Она: «Ох, великий грех, вийдено дело». И ўсё, и нема́. И не було ўжэ ии (Замошье, АЛТ, СНЖ).

387. Одна жинка при родах помэрла, так примэчивали, шо она до сына ходить. Тогда в хате пескá рассыпали, шоб увидеть следы. А она по ночам приходила к дитяти, цыцку давала. Так шоб она не ходила, хату маком обсыпали и в люльку тою бросили. С тех пор и не хаживала (Стодоличи, НАВ).

388. Умерла жинка, а у ей было дитя груднэе, малэе, и она приходила его колыхать. Придэ да колыше з йим, дае

ему груди, оно ссе. Ну научили: «Ты возьми нового горшка и свечку, она больше не пыйде». Так то ж не она, это по стáти ее лихие приходят (Бостынь, ТАТ).

389. Мати сказывала: умерла у ее мати нэвистка. И осталоь у той нэвистки дитинятко нэвиннэ. И говорят, шо як ночь, то дитинятко не плаче, а будто цыцку ссэ. И каждую ночь спыть. И вона [свекровь] думает: дай спрактикую, шо то такое. Взяла то дитинятко и пошла на печку. А колыски тогда были причэплены: сидишь, ногой колышэшь. Ну пошла на печку. Чует — двэри скрипнули. Вона, нэвистка, ту колыску пошупала, шо нэма дитя, кынула ту колыску. И на всю хату зашугáлося. И двэрýма скрипнула — то вона ушла. И вжэ нэ прихóдыла, а дитя вжэ плакало каждую ночь. Говорят, сорок дён ходить мати, цыцку дае. Ее не бачуть. Вон только к брату в хлив пришла, коровы там булы, так вона ўсэ сино раскыдала — лежала ў сине (Луково, МСШ).

390. Ў нас, знаете шо, ўмерла жынка и встáлась дытынка у ей, и ту дытынку стали вжэ глядыты самы. Ну и стало оно ходыты. Шо такэ — ходыть и колэшэ люлькэ, прыйдэ в ночи и колэшэ. Шо робэтэ, шо робэтэ? А друга баба кажэ: «Знаеш шо зробэ: возьми свечку зробэ и постав на столи и накрый такою макитрою — побачиш, шо вона прыйдэ. Як она прыйдэ, и ты, кажэ, хуччэ подойми и злóвиш, побачиш, шо такэ робыцца». И вона такэ зробэла, та баба. То вона шла до сáмых мóгылок причитала. Вин открыў тэу свичку, ту громницу, а вона стоить над люлькою, над колыскою, грудью кормить. И после кажэ: «Шчо вы мэнй зробыли?! Я хотила, ка, дытыну подгудовáты вам» (Поворск, АЛТ).

391. Говорыла одна бабушка, шо, кажэ, булó так, шо ў нас умэрла ў Самарóх одна молодыця. Остáлыся йий дýты, не знаю, кýлько там ўжэ тых дытэй булó, ну, и малэйкий рыбёнок буў. От она того рыбёнка жалыла и прыхóдыла кормэты того рыбёнка, каждýи ночи прыходыла и с чоловіком поговорыть, порадыцца, шо робэты. И чоловік радый быў, шо она ходыла. Потом якось людэ узналы, шо она ходыть, и стали жалыты людэ его. Думают, то то нэдобрэ, то нэ жинка, а то шось нэдобрэ ходыть. Ну, и шо ж вони роблять, тые людэ? Самые ўзялы на мogyлу пошлы на йии и забылы осóвого колкá, коб вона нэ ходыла. Вот она жэ пэрэстала ходэты и сказала: «Ах, плохо, плохо, кажэ, мне зробылы, шо мне ны пускають допиро, а я б ходыла,

поки дытыну выгодовала б, и нычó б ны трогала, кажэ, тэ-
бя б нэ трогала б и дытыны нычó нэ було б» (Пески, АЛТ).

392. Казали, шо ходять ... У нас колісь, говорили, умерла и четверо детей покинула. Трое маленьких, четвертое малесеньке соусім, так. И мужык остаўся ужэ з им. И ён спить, дитя, ноч, спить, спить и спить, и ён прислухаеца, дак оно цок-цок-цок-цок. Так казали, а чого, то нихто нэ знает. Ну, ён прожыў можэ десять дней. Да кажэ, дитя ужэ, значэ, сцэ и ён то чуе, што качае дитя. Дак ён, ка, тому пожалица, тому. Дак кажуть, а ты купи нового горшка да тое дитя, як сцэ, да возьми да горшка перевёрни на стол. И ён жэ, дурак, послухаў, так жэ и сделаў. Купил горшка. Дак он не знае, куда делося. Дак ему она здалась во сне: «Я год, кажэ, была на том свете. Да Бог меня отпускаў, помогати тебе дитя годовати». И ужэ ребёнок крычаў и крычаў ночью (Копачи, ЕМН).

393. Мать памерла при родах — год хадзила гадаваць дзиця. И ў дзень хадзила, и ў ноч. А як чэрез год стали людзи памираць, дык ее ночью адкапали и зацесали ў грудзь асиनावы кол. Яна пишчала (Бабичи, ВВК).

Приход к тоскующим родственникам (матери к детям, ребенка к матери)

394. Мати помёрла, я осталас ўодна. Одна-единая. Ну, я когда йшла ўезде, я плакала. Плакала и гукала мати. От однажды, мае сонцэ захóдзить, захóдить мати ў хату. Дьверы стукнули, я коло стола была, я повернулас, мати пераступила порог и ана стала. Я гляжу на ее — ни слоўа. Ана глядить на мене — ни слоўа. А под окном токо слышу матерны голос: «Не дожыдай да обсыпай маком». А што обсыпай маком и яким маком — не сказала. Я глянула ў окно — мать нема у хати. На заўтрашний день ужэ она пришла пораньшай. Короўа пришла, я подоила, только пришла ў хату, молоко процадила да набрала ў кружку молока налила — яко е. Я токо к столу, дьверы стукнули, я сразу повернулас — мати опять стоить. И ўроди я довольна, и знаю ж, што она похоронена — она не прышла. Опять слышу: тут мати стоить, за стéнаю под окном чую матерны голос: «не ождыдай, а обсыпай маком». И я стала бабом говорыть, оные сказали, што шукай маку видуну и обсыпай. От я на заўтрашни день найшла маку, обсыпала хату, а на трэти день токо почула голос — не матерни, го-

вóрыть: «Но, шчасливая ты». И бульшэ мать не бачыда, и бульшэ голоса нияко не чула, ничóго. То ж мати не ходила, то неки чорт ходиў (Стодоличи, ОВС).

395. Одна женщина тосковала по своей умершей матери, плакала по ней. *И матка тая прыйдись к ей. Ана видить, а мы не видим. Эта сатана быў. Стала та Маша сохнуть.* Тогда, наконец, позвали попа, молебн служили и на окнах, на дверях и над ее постелью крестики ей написали. И он отошел. Как отошел, *окны аж задражали: «Помнила б ты, гэрить, — сваю мамачьку!»* И с тых пор хрэст мы палажыли плакать (Радутино, АВГ).

396. В двенадцать часов ночи в окно кто-то постучал. Муж поднялся, но никого нет. Потом соседки говорили: *пакинь плакать*, а то покойница снова придет (Кочище, ЭГА).

397. Женщина тужила мощно по помершему человеку, он стал до йии ходить; як вона заболела, он до ей и в больнице ходил, пока не помэрла (Тхорин, ЕВМ).

398. Онъ на Золотум [название села] ото умэр сын, а други дэсь убыл чэловика да его тожэ дэсь там яки... унистойлы. То вона [мать] ужэ по этых сынах плакала, плакала, плакала, никóли нэ утихала, нэ улэгала. Той там ужэ далеко, а этой, той близко, то прыходыў, прыходьт ее сын. И прыходьт — онó сонцэ заходьт, то ужэ вун [злой дух] убираетса в его тўлуб да и прыходьт до еи. Ну, а вона вжэ... то ж мати, але то вжэ ж вона знае, шо то ж такэ дило, ну, то юй дораили ужэ, то люди жэ ж, вона стала людѣм разказовать, шо такэ, сонцэ зайдэ да вун, ка, прыходьт ужэ ў хату, идэ, вскруз идэ, по хаты ходьт, робит шо якэ такэ: чы корову вижэнэ и свинни повыпускае и такэ, и вродэ так «я хозяин». Ну, а юй вжэ дораили: як сонцэ зайдэ, то ты намишай тиста да и меси его до двянацати часов. И меси все это тэе тисто. Як вун придэ, то вун будэ питать тэбэ: «А шо ты, мамо, робиш?» А вона кажэ: «Коровая мясю» — «А на шо тоби... а кого ты жэниш?». А она ка: «Хиба ж ты нэ чул, шчо сын з матэрою жэница, да мэнэ заставили, шоб я коровая пэкла. Як вона ему так сказала, то вун, кажэ, як бразнуў двэрѣма и пошоў и на сён дэнь пушоў. Да шэ й кажэ: «А хиба ж можно сыну з матэрою жэница?». А вона да кажэ: «А хиба ж можно мэртвому да чэловику да по жывуй зэмли... да до жывых людэи ходить». А вун, ка, як бразнуў двэрѣма да и на сёу дэнь... (Озерск, СНЖ, АЛТ).

Предъявление претензий и просьб

399. [После поминального ужина, на ночь на столе не оставили еду для покойников, как положено. Ночью покойная мать явилась к дочери во сне], крепка цесанула ў бок, чуць ис пэчи, ка, меня не скинула: «Сама павечэбрала, а мне не аставила» (Дубровица, СМТ).

400. Сасэ́д пасмеяўся над баба́ми, кали дзеды́ гатовили. Кажэ: нема́ дзедо́ў, бабские вудумки. А ночью яны яго будзили, ў стреху сту́кали (Жаховичи, ВИС).

401. Один раз померла женчина и ўсе матери своей яўлялася, як голос, и ўсе гомонит: дай мене ниток цветных, дай мене ниток цветных. Ну, и матка пошла и зарыла ей на могилу. И перестала ходить (Ст. Боровичи, ЕЯС).

402. Так удумалася она, што ўжэ нечистые до её подходят. У ей хлопчык отравивўся. Поховали его да она дужэ ўдумалася. Цэ нечистый, як хлопчик тый, заходе ў хату: «Ты карточки мои не так поставила, не давала йсти», — кажэ ей. Тоды пэрэкрестилась она и чуе: двери — бух, а не открываеца ничего и никого нема (Вышевичи, ЛМИ).

403. Були таки слыхи, што у одного батька дочка померла, а другая больная лежала у другом городе. И забыли тухли дать у гроб, якие просила. И снилась яму она ўсе врэмя, штоб ўун с другой [с сестрой] ей передал. И як друга дочка померла, пришлось ей те тухли и положить (Новинки, НАВ).

404. Ляжым мы [на печке]. Йон [умерший муж] пришоў. Печ отслонил, поглядеў: «Во, бачишь, як меня ждуть, даже не приготовили». Пошоў. Обед надо было делать — просил обед. Цэ ж не мужик, а Ирод ходыть. Быдто и йон, а это ж не йон (Присно, ЕСЗ).

405. Была у бабы одна дочка, вельми воны были богатые. Ну, она попала на такой день, шо русалочный такой день, тыждень. Так она умерла [в этот день], а ее ж усе пооставалося. Ну, она приде к матери каждый раз, она ж мокрая, бо они ж там по мокрым ходят, а кто их знает. Приходит вона, ту одежду скидае, мати чуе. Мати чуе, шо вона бэрэ одежду вроде свою. Да ее [мать] научили тоже: ты горшка нового возьми, ты ее побачиш. А вона [русалка] кажэ: «Вот, матко, ты живи себе здорово, як ты жылиишь одёжу, одёжа ж мокрая была, я ж попала в такó время. Я ж не пойду́ больше». Да не пошла (Бостынь, ТАТ).

Покойник досаждає домашнім

406. Умёрла жинка. Приде ў 12 часов дня, поотчыняе хлевí, повыпускае худобу. Так само ночью. Ходит и ходит жинка. Кажуть до чоловика: «Серёжа, пойдí на мógилки, по дорози ни с кем не кажи, молчи и на мógилках так само. Возьми осиковый колок, откопай труну, очини, кинь на стáйе [умершую жену] осиковы колочек и закопай. Як зробил, пэрэстала ходить (Рясно, АМГ).

407. Говóрили, што ходили мертвецы. От говóрили, што один хозяин помёр и всё приходил до хлива. Як его сын загоняе худобу ў хлиў, вун повыгоняе, а як сын худобу во дворí оставиць, вун позагоняе. Мо вон домовик буў? Так приводили батюшку и святили хату и двур. Вун и перестаў — слабéньки буў колдúник (Хоромск, НАВ).

408. Я от покойной матэра чула: Манька Драганова ходыла. Прыйдэ и смокотыть. Кажэ, тулько накроемся, прийдэ и зорвэ [одеяло]. Осóвоо колка забылы [на могиле]. Кажуть, кола осового забий и нэ будэ ходыты. И маком-видяком посыпалы. Он вытрухываецце сам, самосий, то видяк (Радеж, АТА).

409. От у нас тут одын дядько умёр и кажэ — кажного дня идэ. Стукае, кажэ. Открывае умывальник, открывае сервант, посуду пэрэворачывае, ну, шчо робыты, шчо робыты? И ўин ужэ ходить, браскае по комнате, крычыть по хате, поёт. Шо ж йих дораили — шоб оны пошлы обсыпалы сватым маком могилу, обсыпаты кругом могилу, то пока ўин выйде з могилы в ноčí, то пока той мак нэ пэрэшчытае, то ўин не можэ йти (Нобель, ОВС).

410. В мэи сэстры да ўмёрла свэкруха. Сэстра шчэ як ночувала ў тий хати, то чула: дрóва ў хливí шчось калатае. И тэе вчэпылось, стало ходыты до них до сына [в дом сестры, где был младенец]. Як воно йдэ, то дытына крычыть и всэ калатае. Ёсим сны страшни снылыся. Думаю: пойду я туды з титкою та побачу. Ляглы и огонь запалылы. У два часа ноци пид хатою тух-тух-тух, як скотына. Дытына закрычала, а мы давай Богу молытыся. А тоди сныться мэни: качка прыйшла, а я кажу, тая качка — покойныця. А тоди одна баба дала святого мака, його засыпалы в дырку на мógилку — и пройшло (Любязь, САБ).

411. Колись баба говорила: ў её невестка была. Плохо жили. Дак та невестка умёрла. Дак ў ёй ноччу ў окно кура или петух запое. И по хате шаги. Вроде идёт-идёт, на печь

лезе. И ш-ш-шу по хате. И за юбку тягне. И ей старушки говорили посвятить ў цэркви самосейный мак и обсыпать мбгилку и дом. Камень ложила на мбгилку и дом обсыпала — ничего не помогае. И сказали ей: «Вы с ней ругались. Як приде, дак ты её словами, як она тебе ругала, так ты отругай, и по матери». Дак ёна, як приде, дак те: «Чого ты пришла, такая ты» (и по матери). Тады ўсё кончилось. Говорит, год мучила. Целый год (Верхние Жары, АА).

412. Ходять таки, як живы булы. От я плот красыла и не закрасыла и лягла спаты, а вон прышоў и кажэ: то у нас там рэмонт, я тут покы буду, то ж я утром скорыш докрасыла и бильшэ не прыходыў (Журба, СПБ).

413. Умёрла моя братыха [жена брата]. Похоронылы, ўсэ. Так вона каждую ноч до мэнэ прыходыла, до 40 дён, послэ 12 ночи. Открою вочы, а вона стоит пэрэдо мною, ў чым була похоронэна. А на сорок дён посыпала я коло хаты маком святым, лущчыком. То и пэрэстала вона до мэнэ ходыты (Спорово, МФР).

414. [Умерший муж приходил домой, в том виде и в той одежде, в которой был похоронен:] ў белой рубашке, и латышка чэрвона — як его нарадылы, так идэ. [Он шел в небольшой хлев за огородами и там занимался починкой кадушек]. И вот вин так все стўкае, стўкае. Вона стала семьй росказоваты, шо так и так, прыходыть. Ёий нэ вірять, нэпраўда, кажуть. Ну, сілы воні, стали ждаты з батькой — чи прыйдэ, чи нэ прыйдэ. И на другой дэнь то жэ само робыть, стўкае там. И людям росказовалы, шо ходыть, и бачылы, шо ходыть. Зраз до батюшки пошлы, стали казаты батюшке: шо то робыты. [И батюшка сказал:] «Зараз дойді до могылы. Если ёе дёрка на могылы, забыты ее осыновым кулком и обсьйтэ кругом маком, и вин большэ нэ прыйдэ». И так забылы осыновым кулком, обсьялы маком, и вин большэ нэ прышоў. Только прыснійўся ей, кажэ: «Чого ты мэни так зробыла, шоб я нэ ходыв. Я тоби зла нэ робыв, только б ешчо одну кадушку подчыныв» (Орехово, МСШ).

415. Моя мати и вона сама видеда. Мужева сестра умёрла. Моя мати лежыть и дывица: у шчо убрали, у том и пришла. На други дэнь друга сестра помёрла (Радчицк, ААП).

416. Мне покойник дед так росказав, шо в Кокорыцы был такой видьмар и вун як помнёр, той видьмар, так давай ходыты з могылы до жункы свёи и здивався возле своей жэны. От залізе на чэрдак на хату, поскыдае всё с хаты,

а после знов пуйдэ в хлив, скотыну всю вы́жэнэ с хливá. Одним словом, здивався и вун так и ходыв до ей. А послѣ вона полола лён и вун вжэ як прышов до ей да вжэ в лён ны пошов да кажэ: «Вы́йды з этого льну!». «А чо́го?», — вона пытае. «Бо мни, кажэ, ны можна в гэтой лён иты́, это, кажэ, лён такый, называица лущчык, дру́гтэ насѣнне, лущчык лён». Ага, так вона ж догадалась: ага, тоби́ ны можна, так пожды́. А в ей было гэ́тэ сѣмне и вона обсыпала вси хоро́мы свои вкруговую, но и кажэ [покойник]: «Шчас́те твое, а мое нышчас́те; вжэ ты больш бы на свѣты ны була б — я тэ́бэ б внысто́жыв бы. И вона пошла до Бэздижа, в другу дерэвню, батюшка був, и гэ́тэ батюсци рассказала. А батюшка сказав так, шо я прыйду́ и мы роскопаем його, я с такэю книжкою сватэ́ю, сваты́м писаннем, прыду́ и буду заклѣтие йому робыты. Як роскопаем його и трэ́ба тако́го кола́ загостры́ты осóвого и його пэрэ́кынуты догоры́ и йому, значыть, вбыты в рот кола́ до зэмнѣ́, з могылы вы́кынуты його, ис труны, з гроба, и йому вбыты кола́. И так зделали — вбылы кола и заклѣтие такэе зробыв и вжэ булыш ны пошов. От это му́й покойный дедушка рассказав, шо то точно правда була́.

Шшо тогда булы́ курны хаты́, и там, дэ пич, там такэе зátкало було́, кэб дым выхо́дыв, дырка была навѣ́лёт. И вон тую дырку возьмэ́ да пробьё́, той видьмар, пробьё́, вы́кынэ латку тую и дра́жныцца проз тую дырку з дитьмы́. А стары́кы бачылы знов, як вун чэрэ́з озеро идэ́. Вода, а вун в такую колю́биль сады́цца и як идэ́, то но вода в гору стовпом лэтыть. А вжэ як этэ́ заклѣтие зробыв йому батюшка и вжэ всё прэ́кратылось этэ́ дело. То то покойник му́й дедушка рассказав и говорыв, шо то истинна правда (Спорово, СМТ).

417. [Про] нико́го вам не скажу, тилько про свогó ба́тька. Вы не думайте, шо домовы́к, таке во дух злы. Как наш ба́тько вмэр покойный, ну и ходы́ў. Ходы́ў ба́тько, прыйдэ́, поочиняе двери, корову выпустить, влѣ́зэ на гору́, шо е поскида́е на сѣно. Ну, шо робэ́тэ? Шо зробэ́тэ, шо вин ходыть? Страшно мне с ма́тырю — вот я и маты да хлопци, а хлопци былы малы́ (Поворск, АЛТ).

418. Той покойник, шо ўмэр, прыйдэ́ до брата, тые замкэ́ пооткрыва́е и жылизные пúты пораспу́тае, коны повыпуска́е на двор (Поворск, АЛТ).

419. Умерла́ она и вот ужэ так под вечур, вжэ тэмновато трохи, и прыходыть и сады́цца под хатою, сыдыть на дерэ́ве. Як ляга́е спаты, так она прыходыть до его и обратылося

тыйим котом. Тыйко дочка була там у хаты спала и вин спаў больнэй — она ходыла, ходыла и вин заболюў. И ето ночью просынаецца, кажэ: «Хрестю, на шо ты ката ўпустыла ў хату?». Она встане, не бачит, няма. Ныма, кажэ, няма ничего. И зноў кажэ: «Хрестю, кит по хате ходыть, мене подрапоў геть». Та встане — няма ныкого. И вот не долго он побыў да и помэр (Поворск, АЛТ).

420. Ну, помэр однэй жинке чоловик. И вот вона, значыцца, и шла понад мógилкамы курей глядыты. И назад идэ вжэ пízно. От, значыцца, йий появыўся напротив мógылок йий чоловик — у яком виде таком, як она яго нарядыла. И она побычила яго, а вин йий ответиў: «О, хорошо, ты идэш до минé, ходы, ходы!». Она як обэрнулася од ёго, знала, шо ны можна обвертатыса, когда вжэ такэ шось гаворыло. То она тилько закрéтыла, шчо котом зробылося и скóчыло кроз той плит и побигло на мógилкы. И она пришла домой, крепко задумалася и крепко заболила (Поворск, АЛТ).

СПИСОК ОБСЛЕДОВАННЫХ СЕЛ

- Андроново Кобринского р-на Брестской обл.
 Бабичи Речицкого р-на Гомельской обл.
 Балажевичи Мозырского р-на Гомельской обл.
 Бездеж Дрогичинского р-на Брестской обл.
 Бельск Кобринского р-на Брестской обл.
 Берестье Дубровицкого р-на Ровенской обл.
 Бондари Овручского р-на Житомирской обл.
 Борки Пинского р-на Брестской обл.
 Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл.
 Борщи Кобринского р-на Брестской обл.
 Бостынь Лунинецкого р-на Брестской обл.
 Быстрик Ружинского р-на Житомирской обл.
 Валище Пинского р-на Брестской обл.
 Великий Бор Хойницкого р-на Гомельской обл.
 Велута Лунинецкого р-на Брестской обл.
 Веприн Радомышльского р-на Житомирской обл.
 Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл.
 Верхний Теребежов Столинского р-на Брестской обл.
 Вешня Пинского р-на Брестской обл.
 Вичня Лунинецкого р-на Брестской обл.
 Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл.
 Глинное Рокитновского р-на Ровенской обл.
 Голубица Петриковского р-на Гомельской обл.
 Гортоль Ивацевичского р-на Брестской обл.
 Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл.

Барбаров М. З. р. м.

- Грабово Любомльского р-на Волынской обл.
 Доброводье Севского р-на Брянской обл.
 Дорошевичи Петриковского р-на Гомельской обл.
 Дружиловичи Ивановского р-на Брестской обл.
 Дубровица Хойницкого р-на Гомельской обл.
 Дубровка Добрушского р-на Гомельской обл.
 Дунаец Глуховского р-на Сумской обл.
 Дягова Менского р-на Черниговской обл.
 Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл. *Жайвучи Пинск Брест*
 Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл.
 Жихово Срединобудского р-на Сумской обл.
 Жолкино Пинского р-на Брестской обл.
 Журба Овручского р-на Житомирской обл.
 Заберье Ляховичского р-на Брестской обл.
 Заболотье Брестского р-на Брестской обл.
 Забужье Любомльского р-на Волынской обл.
 Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл.
 Замысловичи Олевского р-на Житомирской обл.
 Засимы Кобринского р-на Брестской обл.
 Заспа Речицкого р-на Гомельской обл.
 Злеев Репкинского р-на Черниговской обл.
 Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.
 Картушино Стародубского р-на Брянской обл.
 Кишин Олевского р-на Житомирской обл.
 Ковнятин Пинского р-на Брестской обл.
 Ковчин Куликовского р-на Черниговской обл.
 Комаровичи Петриковского р-на Гомельской обл.
 Кончицы Пинского р-на Брестской обл.
 Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл.
 Костюковичи Мозырского р-на Гомельской обл.
 Кочище Ельского р-на Гомельской обл.
 Красностав Владимир-Волынского р-на Волынской обл.
 Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл.
 Курчица Новоград-Волынского р-на Житомирской обл.
 Ласицк Пинского р-на Брестской обл.
 Лисовое Дубровицкого р-на Ровенской обл.
 Лисятичи Пинского р-на Брестской обл.
 Лопатин Пинского р-на Брестской обл.
 Луково Малоритского р-на Брестской обл.
 Любязь Любешовского р-на Волынской обл.
 Макишин Городнянского р-на Черниговской обл.
 Малые Автуки Калинковичского р-на Гомельской обл.
 Марковичи Гомельского р-на Гомельской обл.
 Махновичи Мозырского р-на Гомельской обл.
 Михалевка Ветковского р-на Гомельской обл.
 Могилы Ивацивского р-на Брестской обл.
 Можейки Жабинковского р-на Брестской обл.
 Мокраны Малоритского р-на Брестской обл.
 Мотоль Ивановского р-на Брестской обл.
 Небиж Володарско-Волынского р-на Житомирской обл.

- Николаево Каменецкого р-на Брестской обл.
 Нобель Заречнянского р-на Ровенской обл.
 Новинки Калинковичского р-на Гомельской обл.
 Новый Двор Пинского р-на Брестской обл.
 Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.
 Одрижин Ивановского р-на Брестской обл.
 Оздамичи Столинского р-на Брестской обл.
 Озерск Дубровицкого р-на Ровенской обл.
 Олтуш Малоритского р-на Брестской обл.
 Онисковичи Кобринского р-на Брестской обл.
 Ополь Ивановского р-на Брестской обл.
 Орехово Малоритского р-на Брестской обл.
 Осовая Малоритского р-на Брестской обл.
 Парохонск Пинского р-на Брестской обл.
 Пески Ратновского р-на Волынской обл.
 Пирки Брагинского р-на Гомельской обл.
 Плехов Черниговского р-на Черниговской обл.
 Плоске Ружинского р-на Житомирской обл.
 Поворж Ковельского р-на Волынской обл.
 Почепово Пинского р-на Брестской обл.
 Присво Ветковского р-на Гомельской обл.
 Радзев Малоритского р-на Брестской обл.
 Радовель Олевского р-на Житомирской обл.
 Радутино Трубческого р-на Брянской обл.
 Радчицк Столинского р-на Брестской обл.
 Речица Ратновского р-на Волынской обл.
 Рубель Столинского р-на Брестской обл.
 Ручаевка Лоевского р-на Гомельской обл.
 Рясное Емельчинского р-на Житомирской обл.
 Сварицевичи Дубровицкого р-на Ровенской обл.
 Сварынь Дрогичинского р-на Брестской обл.
 Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл.
 Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл.
 Смоляны Пружанского р-на Брестской обл.
 Спорово Березовского р-на Брестской обл.
 Старые Боровичи Щорского р-на Черниговской обл.
 Старые Яриловичи Репкинского р-на Черниговской обл.
 Стодоличы Лельчицкого р-на Гомельской обл.
 Столбун Ветковского р-на Гомельской обл.
 Сырск Кормянского р-на Гомельской обл.
 Тевли Кобринского р-на Брестской обл.
 Тонеж Лельчицкого р-на Гомельской обл.
 Трубеевка Ружинского р-на Житомирской обл.
 Турки Ляховичского р-на Брестской обл.
 Туховичи Ляховичского р-на Брестской обл.
 Тхорин Овручского р-на Житомирской обл.
 Федюки Ляховичского р-на Брестской обл.
 Холмы Гомельского р-на Гомельской обл.
 Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл.
 Хоромск Столинского р-на Брестской обл.

Ольга Ковалева, Ружичи

*Семья Погорских, Брест.
Полесский*

Челхов Климовского р-на Брянской обл.
 Челющевичи Петриковского р-на Гомельской обл.
 Чудель Сарненского р-на Ровенской обл.
 Щедрогог Ратновского р-на Волынской обл.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ И ИХ ИНИЦИАЛЫ

(некоторые записи анонимны или помечены неразборчиво;
 несколько инициалов не удалось расшифровать)

Агапкина Т. А. — ТАА	Кравецкий А. Г. — АГК
Азимов Э. Г. — ЭГА	Куганова Ж. В. — ЖВК
Александрова Л. Г. — ЛГА	Лазовская Е. В. — ЕВЛ
Антощук Н. Н. — ННА	Лобыцына М. — МЛ
Архипов А. А. — ААА	Максимова Е. В. — ЕВМ
Астахова А. А. — АА	Маливанова Е. Г. — ЕГМ
Берестнев Г. И. — ГИБ	Манакова О. В. — ОВМ
Бобрик М. А. — МАВ	Махонь С. В. — СВМ
Бойко Н. Е. — НЕБ	Мисник Н. — НМ
Боровская М. Г. — МГБ	Морозов И. А. — ИАМ
Бродский С. И. — СИБ	Музычук Н. В. — НВМ
Бурлуцкая С. А. — САБ	Назарова Е. М. — ЕМН
Бушкевич С. П. — СПБ	Никипорок Г. Ю. — ГЮН
Величенко О. — ОВ	Олейник Т. О. — ТОО
Виноградова Л. Н. — ЛНВ	Павлова М. Р. — МРП
Волочаева Н. А. — НАВ	Перова Т. Е. — ТЕП
Гамбарова А. М. — АМГ	Пиво Л. В. — ЛВП
Герус М. — МГ	Плешакова В. В. — ВВП
Гордейчук С. В. — СВГ	Плотникова А. А. — ААП
Готман М. В. — МВГ	Плюханова М. Б. — МБП
Гринь В. — ВГ	Рудницкая Т. И. — ТИР
Гура А. В. — АВГ	Рутковская М. Ф. — МФР
Демчук Т. М. — ТМД	Санникова О. В. — ОВС
Дениченко Н. Ю. — НЮД	Сегаль Е. — ЕС
Железнова С. Н. — СНЖ	Седакова И. А. — ИАС
Жук Д. А. — ДАЖ	Скиба О. Я. — ОЯС
Жук Л. И. — ЛИЖ	Скидальская Е. Я. — ЕЯС
Зайцева Е. С. — ЕСЗ	Смеркис И. Д. — ИДС
Золотарева О. А. — ОАЗ	Соломко С. Г. — СГС
Ивлева Л. М. — ЛМИ	Старостенко Н. А. — НАС
Испатова Е. К. — ЕКИ	Супрун В. И. — ВИС
Казначеев В. В. — ВВК	Тарасова Е. — ЕТ
Какорина Е. В. — ЕВК	Тер-Аванесова А. В. — АТА
Канина Н. — НК	Толстая М. Н. — МНТ
Климчук Ф. Д. — ФДК	Толстая С. М. — СМТ
Ключевский А. Б. — АБК	Топорков А. Л. — АЛТ
Ковтуненко О. И. — ОИК	Тростникова Е. В. — ЕВТ
Кожановская Т. П. — ТПК	Трубицына Г. И. — ГИТ
Коновалова Т. А. — ТАК	Тугай И. В. — ИВТ
Корнелюк К. — КК	Тюрина Т. А. — ТАТ

Харитонова В. И. — ВИХ
Черепанова Е. М. — ЕМЧ
Шатайкина М. С. — МСШ

Шубаро О. В. — ОВШ
Якубова Н. М. — НМЯ
Янус Е. И. — ЕИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БЭЛА — Белорусский этнолингвистический атлас. Рукописные материалы. Минск.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.

Ж. В. КОРМИНА, С. А. ШТЫРКОВ

МИР ЖИВЫХ И МИР МЕРТВЫХ: СПОСОБЫ КОНТАКТОВ (ДВА ВАРИАНТА СЕВЕРОРУССКОЙ ТРАДИЦИИ)

Рассмотрение «идеологии смерти» имеет давнюю традицию в антропологических дисциплинах. Во многих, особенно компаративистских, работах указывается на то, что каждая культура характеризуется специфической конфигурацией представлений о смерти и мире мертвых [ср.: Вернан 1998]. Подобные представления предопределяют когнитивные и акциональные стратегии носителей культуры и могут выражаться в системе запретов и предписаний, организации социального пространства и времени и актуализироваться как в обрядовых практиках, так и в нарративах самого разного типа и сложности.

Стратегии построения отношений с миром мертвых могут значительно варьировать в пределах одного культурно-исторического ареала. Вероятно, в географическом плане эти варианты образуют некоторый континуум; однако в нашей статье мы описываем две различные поведенческие стратегии, определяющие конфигурацию взаимоотношений между живыми и мертвыми. Каждая из этих стратегий имеет в своей основе представление о статусе умершего. В одном случае умерший воспринимается как «виртуальный» член социума, т. е. как «ассоциированный член» семьи, общины и т. д., общение с ним урегулировано в рамках поминальной обрядности. В другом случае покойник мыслится как принципиально асоциальное существо, контакты с которым нежелательны.

Материалом для этой работы послужили результаты экспедиций, проведенных в двух сельских регионах Северо-Запада России — на юго-западе Ленинградской области (Сланцевский район) и на северо-востоке Новгородской области (Хвойнинский район)¹. Полевые исследования показали, что если в первом варианте традиции (I) (Сланцевский район) отношения с покойниками развиваются по схеме, предполагающей посмертную «социализацию» умершего, то во втором варианте (II) (Хвойнинский район) усилия носителей культуры направлены на выдворение покойника за пределы «социального» мира.

Конкретная концептуальная схема, определяющая выбор той или иной поведенческой стратегии, реализуется как в ритуаль-

ных, так и в нарративных практиках². В нашем случае показательными являются, во-первых, структура похоронно-поминальной обрядности и, во-вторых, специфика распространенных в данном варианте культуры рассказов о контактах с покойниками (снится/приходит).

Одним из важных аспектов ритуального поведения, организующего отношения между живыми и мертвыми, является ритмизация поминальной обрядности. Для носителей традиции в варианте I характерны четкие представления о годовых поминальных днях. Важнейшие из календарных поминок приурочены к Троице. Накануне этого праздника особым образом накрывается стол для *родителей*.

Едем на Троицу, на пасьбу, значит. Бабушка говорит: «Привези нъэски, привези бярэзок завтра на стол, на родительскую субботу стол собирать в Троицу. Привези бярэзок». И бярэзки назывались такие — нъэски. Нъэски, бярэзки — щербатые таки³. Возьмёшь — а она щербата, щербата. А проста бярэзка — она гладка. Вот надо было нъэских этих привезти веток. Вот это на стол. Вот она, значит, это, собирает стол. Это в Троицкую субботу. Собирает стол; ну, белой скатерёнкой покроет. Там рыбу раньше клали, эту, рыбу. Яичницу, эту, в печи, в русской, всё это... Киселя всё на.. это... наделают; всё это на тарелки ставят, родителям. И вот эти бярэзки, это, обложим весь стол по краям, и скамейки, и стулья — всё вокруг стола; покойники приходят — чтобы сядились на эти берэски. А потом приходят в субботу с церкви и поминают. [ЕУ-сланц-98: ГПИ].

В Троицкую субботу родителей приглашают за стол. Приглашение часто произносится («Родители праведные, приходите к нам в гости!» [ЕУ-сланц-98: ТЗЕ]), но в некоторых случаях может лишь подразумеваться: «Собирала стол — и мама собирала — помолится и больше... ничаво она никого. Говорила ли — я не слыхала. Я не слыхала, и я никого не приглашаю: собрала стол; они сами, наверное, приходят» [ЕУ-сланц-98: КДЗ].

На следующий день после приглашения и угощения родителей, в Троицу, идут на кладбище — в гости к родителям. В одном из вариантов обряда стол, накрытый в Троицкую субботу, стоит до следующего дня (Троицы), когда после посещения кладбища родителей провожают, и вся семья приступает к ритуальной трапезе — *разбирает* стол. При этом соблюдаются некоторые предписания и запреты. Так, еду, оставленную для родителей, нельзя было трогать⁴, а прежде чем приступить к еде,

считалось необходимым пошевелить каждое блюдо и перекреститься.

Приглашали, да... Родителей приглашали... за стол. А тогда приглашали за стол.. ну эть [э]то... к каждому дому... почти... всё равно, а один человек — в церкви. Придёт, значит, с церкви этот человек, отгудова просвирку принесёт поминную, вот... И тогда... собирается... вся семья, сколько значит... Вот эту просвиручку разделят своим[и] семейными, вот. И они вот тут и поминают. (...) Вот это... они помянут, а потом уже убирают это всё. (...) А потом уже собирают стол нормальный. [ЕУ-сланц-98: БАК].

В приведенном описании обряда посещение церкви выступает в качестве функционального эквивалента «ответного визита» живых к родителям — посещения кладбища⁵. В обоих случаях следующим ходом в ритуальном сценарии являются проводы и поминовение родителей: родительский стол разбирают.

Как мы видим, общение с родителями осмысливается в терминах гостеприимства и осуществляется в виде обмена визитами. При этом оказывается реализованной семантика всех локусов, в которых возможен контакт с умершими: церковь, дом, кладбище.

Существенно, что в рассматриваемом варианте традиции ее носители выказывают высокую степень информированности об устройстве кладбища, о его внутренней пространственной структуре. Для людей, описывающих расположение могил, оказывается важным подчеркнуть, что там существует свой порядок, на определенном уровне соотносённый с реалиями мира живых. На кладбище есть не только семейные участки, но и деревенские ряды. На таком ряду могут быть похоронены только жители какой-то определенной деревни⁶. Кладбище, таким образом, оказывается «своим» социальным пространством⁷. Показательно, что представления о кладбище как опасном месте (где, например, может чудиться) в варианте традиции I не распространены.

Однако все эти наблюдения верны только для описания восприятия «своего» кладбища. В Сланцевском районе широко представлены рассказы о других, «чужих» кладбищах (*глухое кладбище, шведское кладбище, шведские могилы*)⁸. Эти локусы являются принципиально «не-нашими», они принадлежат миру чужого, и об этом свидетельствуют как нарративы, так и приуроченные к этим местам ритуальные практики (например, лечебные). На уровне устных рассказов чужест подобны

кусов выражается как в этиологических преданиях, так и в описаниях *чудов* — явления привидений, загадочных свечений, голосов⁹. Такие места посещают только в исключительных случаях (например, в рамках ритуала лечения), они считаются опасными.

Для посещения же «своего» кладбища носители традиции I, кажется, пользуются малейшей возможностью. Перечисляя дни, когда ходят на кладбище, они называют, кроме Троицы, Пасху, Радуницу, Дмитриевскую субботу, а также день рождения умершего. Здесь рассказывают об обычае прощаться с *родителями* накануне Великого поста. Таким образом «свои» покойники оказываются вовлеченными в ритм жизни живых¹⁰.

Инф.: ...в Масляну, в последнюю Масляну попрощально воскресенье — попрощаете, а уже в Пасху придёшь — похристосуете.

Соб.: А в Масляну прощаться-то ходят на кладбище?

Инф.: Да, тоже, на кладбище обязательно: «Прощёное воскресенье» называется. [ЕУ-сланц-98: КЗВ].

Важным источником для анализа представлений о природе умершего и о самом событии смерти является описание похорон. Рассказывая об этом обряде, носители традиции I отмечают четкую последовательность прощания с покойным. Первый раз с ним прощаются — самые пожилые и немощные — у часовни (туда выносили человека сразу после его смерти). Все остальные сопровождают его до *прощального камня*, который находится на границе деревни¹¹. Гроб ставят на этот камень и односельчане прощаются с покойным, целуя икону, лежащую у него на груди. Здесь же покойного поминают: делят каравай между всеми провожающими или дают каждому по ложке кутьи, что можно интерпретировать как перераспределение общей доли после ухода из социума одного из его членов (ср. ритуал крестинного обеда, где на символическом уровне происходит переструктуризация доли в связи с включением в сообщество нового человека [Байбурин 1993: 52–53]). И уже только родные сопровождают умершего на кладбище, где перед погребением гроб открывают в третий раз и с покойным прощается его семья.

Вот выносишь с дома, и на этот камень кладут и вот тут уже прощаются, и народ весь, население, собирается тут, когда уже увозят упокойника, которые тут остаются, всё, значит, выносят помянуть. (...) Теперь моду бросили, что, это, делить там... по кусочку булки. (...) От спекут вот такой каравай. И упо-

койника когда, значит, уже... вынесут с часовни, уже там, значит, понесут или повезут... а тут народ остаётся — и вот по кусочку. А теперь конфетами. Теперь — всё культурно. А тогда было всё по-старому. [ЕУ-сланц-98: БАК].

В приведенном описании похорон, как и во многих других подобных описаниях, акцентируется тот факт, что каждый житель деревни на том или ином этапе разворачивания обрядового действия становится его участником. При этом оказывается, что этот ритуал «последнего отделения» (final parting ritual) [Honko 1974: 9] направлен главным образом на отделение от деревни, общины, а не от семьи¹². Как будет показано ниже, умерший остается «виртуальным» членом семьи, личностью, обладающей особым социальным статусом, а именно статусом *родителя*.

Представления о социальном статусе умершего актуализируются не только в ритуале, но и в устных рассказы о контактах с покойником. Анализ полевых материалов показал, что в каждом из рассматриваемых вариантов традиции преобладает определенный тип нарративов об общении с мертвыми: в варианте I распространены рассказы о снящихся покойниках, в варианте II — рассказы о «приходящих» мертвецах. В первом случае носители традиции плохо себе представляют саму возможность непосредственного контакта покойника с живыми. Свидетельством тому служит полное непонимание информантом соответствующих вопросов исследователя¹³:

Соб.: А вот бывает такое, что покойники приходят?

Инф.: Как — приходят?

Соб.: Ну вот после смерти, когда тоскуют...

Инф. [перебивает]: Во сне или что? Не знаю, мне так не приходилось.

Соб.: Ну вот кто-нибудь умер, а потом вот — раз, и приходит потом в дом.

Инф.: Ну это во сне только. А так... а так не придёт покойник. [ЕУ-сланц-98: ГПИ]

Напротив, в традиции II каждый знает, что покойники могут *ходить*. При том, что разные люди могут по-разному относиться к этой идее (в силу скептического склада ума, ориентированности на церковную традицию или личного опыта), они, будучи носителями данного варианта культуры, во всяком случае допускают ее в качестве конкурирующего мнения.

Соб.: Ничего не рассказывали про то, что вот мёртвый, например, муж приходил к жене?

Инф.: Рассказывали. Но я этому не верю ничего. Я не верю.

Соб.: А что рассказывали?

Инф.: Рассказывали, что вот, мол, придёт, по дому ходит он, и если мушшина помёрши, то с женщины спать идёт ложицы. Рассказывали это, я слышала. Но я не верю этому ничему. Не верю. Потому что у меня самой на опыте был. (...) В лес пойду первый год, как он [муж] у меня умер. Я сяду на Быковке — река тут такая — я пойду землянику брать, ревью, ревью я на этой реке, на этой Быковке — там мос[т] ести. От и гово... причитываю: «Ваня, я оттуль пойду, дак приди ты, я тебя земляничкой накормлю». Нигде никакого привиденья не подошло, ничего. И ета я ничему не верю, что мёртвый человек ходит, робята. [ЕУ-хвойн-97: БЕТ]¹⁴.

Здесь для выражения своего скепсиса рассказчица прибегает к следующему риторическому ходу: при соблюдении всех условий для возникновения прецедента (героиня и плачет, и зовет умершего) ожидаемое событие не происходит (покойный муж не появляется)¹⁵.

Контакт с умершим, по представлениям носителей традиции II, происходит в реальности и оценивается как опасный для человека, поскольку покойник может увести его с собой. В некотором смысле пришедший в мир живых мертвец находится на чужой территории, и уже в силу этого поведение его «незаконно» и должно быть пресечено. В то же время *во снах* мертвые пребывают на равных с живыми, и их явление не рассматривается как нарушение привычного хода жизни. Проще говоря, их не боятся. Сон, таким образом, представляет собой не только канал коммуникации, но и некую особую реальность, в которой возможно — и «естественно» — общение живых с мертвыми.

В варианте традиции I обсуждение снов является актуальной коммуникативной практикой. Предполагается, что увиденный сон должен быть рассказан и истолкован как сообщение, например, как просьба. В этом случае просьба обязательно выполняется.

Соб.: Не рассказывали вот таких случаев, когда вот что-нибудь неправильно делают — ну, в гроб, там, что-нибудь не положат, допустим...

Инф.: А говорят, что это... Вот у нас случай такой один был тоже... Сергей Иванович такой. Они все старики, уже умерли. У не-

го... у брата... положили рядом с могилкой брата его же... ну как бы... как бы... золовка, кто она ей будет... или кто — ну, двух братьев жёны... И эта жена, которую последнюю похоронил Сергей Иванович, она каждый день во сне приходила и сказала, что «Убери меня с этой могилки, мне здесь... нет жизни. Убери меня с этой могилки!» И он был вынужден — она приходила каждый день — убери, и — мне здесь нет жизни, она мне здесь жить не даёт. И он был вынужден выкопать её отсюда и в другое место перехоронить. Вот это был случай, даже при мне. У ней был памятник. Она и говорит: «Мне её памятник давит, душит, мне здесь дышать нечем». И он был вынужден ее выкопать и в другое место перехоронить. [ЕУ-хвойн-98: ЛНВ].

Поведение снящегося покойника может рассматриваться не как прямая просьба, но как провокация к экзегезе, в ходе которой часто выясняются конкретные детали проведения похорон.

И вот приснилась мне мама, как она топит печь. (...) Вот только она мне сказала, ну я как-то вот, у меня вылетело из памяти или я... ей что-то мешает ногам. (...) А вот я мужу сказала: «Слушай, она мне сказала: что-то ей там мешает ... только я, — говорю — я не... заспала или что». Он говорит: «А знаешь что: мы выкопали, вот с моим двоюродным братом, чьи-то кости, и мы ей их положили к ногам». Ну, я этого не знала, вот я ему сказала, он мне сказал. Вот это уж мне приснилось. [ЕУ-хвойн-98: СЕА].

В этом случае сон оказывается загадкой, которую надо разгадать, причем для этого необходимым оказывается участие не только сновидицы, но и других членов ее семьи. После того как загадка была разгадана, невольное нарушение «приватности» пространства было исправлено — кости, которые «давили» покойнице на ноги, перенесли в другое место. Тем самым сон может определять поступки людей, заставляя их действовать тем или иным способом.

Обсуждение снов представляется частью нормальной жизни семьи [Kaivola-Bregenhøj 1993: 213]. Сон понимается как способ контакта с покойными родственниками. Для традиции I справедливы наблюдения, сделанные Ю. Пентикайненом относительно северноевропейских культурных реалий: «связь между семьей и ее покойными членами не прекращается со смертью и похоронами, их взаимодействие продолжается» [Pentikäinen 1968: 47]. Явление умершего во сне обычно вле-

чет за собой ответный «визит» живых: посещение могилы или смерть кого-то из членов семьи.

Дочка была в Северодвинске в командировке, и ей пришла вот эта, свекровь моя, пришла к ней. Она собиралась там остаться день, побыть. Она звонила мне, говорит, что, мама, я останусь один денёк, побуду, по магазинам похожу, потом приеду, дак домой приеду к тебе. Она приснилась к ней — и она и уехала. Она говорит, я как... снится, как она вот... я проснулась, как будто она сидит. Сидит и говорит, что, мол, это... она и говорит: «Бабушка, что ты всё время к папу нашему ходишь?» (...) Она и говорит: «Я не к нему хожу, я пришла ему сказать, что должна Зоя умереть (тётка евонная) в Николаевски» И правда: через неделю тетка умерла. Евонная тетка. Он с работы приехал — и нам телеграмма. Вот такое она предсказанье вот како-то нам даёт... [ЕУ-сланц-98: АВП].

В приведенном рассказе свекровь информантки сообщает о смерти родственницы таким образом, что в общение с ней так или иначе оказываются вовлеченными несколько членов семьи, т. е. она собирает семью вокруг этого своего известия.

Перечисляя функции рассказывания снов в различных культурах, О'Нелл обращает внимание на то, что сон может служить для поддержания социального порядка [O'Neill 1976: 56]. Можно выделить четыре типа снов о контакте с покойником: сон-недовольство, сон-просьба, сон-сообщение о близкой смерти родственника и сон-диалог. Первые два типа снов связываются носителями культуры с нарушением погребальных, реже — поминальных обрядов. В таких случаях спешат выполнить просьбу приснившегося покойника или исправить ошибку. Тем самым сон выполняет функцию социального контроля, направленного на соблюдение обычаев. В снах третьего типа покойник выступает в качестве «курьера», доставляющего живым информацию, которая в их мире недоступна.

В снах-диалогах умерший встречается со своим родственником или близким (муж с женой, мать с дочерью, подруга с подругой). Описывая такие встречи, информанты нередко приурочивают их к определенным моментам календарного цикла. Иногда специально отмечается, что мертвые снятся накануне поминального дня или, например, своего дня рождения. Таким образом даже во сне покойники приходят в определенное время, отведенное в этом варианте традиции для контактов с миром мертвых.

Приснилось. Вот отца похоронили в тридцать втором году. И не в далёком ещё до пожара. Мне и сон приснился. Как отец... вот... в канун ли Троицы он пришел... в какой-то вот... поминальный день. На(в)ерно. Кану... или в саму Троицу. Пришел вот так, ко порога... там у нас тоже, кровать стояла... Облокотился вот так, говорит: «Ольга! Как я устал, — говорит». Мама говорит: «Ну, отдохни, отдохни, — говорит. — Счас ляпёшки выну с печки». — Вроде у ней ляпёшки в печке были. И говорит эт... И мать сразу: «А с кем ты, — говорит, — шёл-то?» «Да я, — говорит, — шел — вот с соседом, с Михаилом. А ты, — говорит, — погляди... вот... Туда, на прогон, — говорит, — сколько наших идёт!». Мама говорит: «Ох, сон-то с меня сразу»: она не помнила, что он умерш(и). А думала, как живой пришел и говорит. «Я устал», — говорит, ето. Ну, у него тоже водянка была в ногах, так он... вот хоронили... больного. И говорит: «Я вот с Михаилом Финогеновичем шел, — говорит, — вместе. А ты погляди, — говорит, — туда: сколько идёт... народу». [ЕУ-сланц-98: МЕВ].

Итак, в рассказах о контактах с покойниками из Сланцевского района специализированы и пространство (сон), и время (поминальные дни) общения между представителями мира живых и мира мертвых, они определены традицией как специально предназначенные для такого общения. В таких условиях коммуникативная активность умерших не выглядит нарушением нормального хода жизни. Напротив, в Хвойнинском районе контакты с покойниками переживаются в терминах агрессии со стороны последних.

Сюжет рассказов о приходящем покойнике стандартен. В них, как правило, рассказывается о том, как умерший муж приходит к жене и помогает ей в хозяйстве — греет риги, косит, рубит дрова или же дает советы относительно того, как лучше выполнить ту или иную работу¹⁶:

Вот мы в лесу работали, женщина рассказывала. Говорит, умер — и всё, говорит. Придёт, говорит, мне и говорит, что ты, Таня, бери завтра лошадь. Мы с тобой дрова будем возить. А дрова раньше, вот в войну, после войны-то в лесу заготовляли. Там и пилили, кололи, в поленьях-то так и лежали в клеточках. Вот, мы с тобой эти дрова обвозим. Она лошадь взяла, поехала. Раз наложил он ей, помог всё. «Таня, ты ещё приезжай, я тебя буду ждать». Она вот так глядь, а глянула-то через левое плечо. А он сел, у него ноги-то лошадиные. Она: «Ой!». И всё. Приехала — сразу заболела. Больше она уже не поехала. [ЕУ-хвойн-98: ИЕИ].

Общение с приходящим покойником здесь описывается чаще всего как контакт мужа и жены, который явно носит сексуальный характер. Очевидно, именно такой смысл имеет термин *допустить (подпустить)*, указывающий на степень близости отношений между вдовой и покойником.

В своих рассказах о приходящих покойниках информанты часто сообщают о том, сколько было детей у умершего. Педальирование этого момента во многих нарративах позволяет предположить следующее: причиной прихода покойника является то, что он не закончил нормальный жизненный путь, умер до срока, не выполнил обязанностей перед своими ближними, в первую очередь перед женой и маленькими детьми, не избыл своей доли [ср.: Виноградова 2000: 29]. В таких рассказах он выступает как муж (мотив интимной близости; мотив эмоциональной близости — «любви»), как отец (умерший муж хочет посмотреть на детей; жена-покойница качает люльку со своим младенцем), как хозяин (помощь в работе)¹⁷.

Причиной «визитов» покойника выступают тоска и слезы жены¹⁸.

У нас в деревне было так, что рано умер тоже. А она осталась, у ней четверо ребятишек было. А тогда ведь по одиночному были, риги грели для молотьбы, всё. Ну вот он х ей стал ходить. Она плакала-плакала — он стал х ей ходить. Вот он ей риги грел, всё делал. И она потом помешалась. Видимо, от этого: она всё же чувствовала, что неправильно делает-то. А деваться уже некуда было. [ЕУ-хвойн-98: ИЕИ].

Обычно умерший ходит вплоть до сороковин¹⁹. В этот день, если не были предприняты специальные действия по отваживанию мертвеца, он может *задавить* того, к кому он ходит («на верёвку — да всё!»). Если же такие меры были приняты, то приходящий покойник обернётся тем, кто он есть на самом деле — *врагом*, нечистой силой.

Ну... Если уж допустишь до такой степени, что он будет ходить — это вот очень дело опасное. Ну этого нельзя же допускать! Вот, я слышала, тут одна... ишло там, в Кривухе — я девчонкой была. Вот у одной тоже... умер... муж, она ишло молодая — она так плакала! Ну, и он стал к ей ходить. Ходит, ходит, вплоть до того — потом стал с ней... спать ложиться. Ну, тут она видит, что дело-то пошло... тако пошло неладно, она — в церковь. А потом он... ей... пришел ей, сказал: «Ага, — гово-

рит. — Ты, — говорит, — догадалась!» И клала спать в серёдку... вот... ребёнка. Что враг через младенца не переходит. А он и скажет: «Кольку-то... вынь отсюда, положи к стенке». А вот она боялась брать... это... к стенке класть, это... что он может задавить. Он потом ей сказал: «А, догадалась!» [ЕУ-хвойн-98:АВВ].

Необходимо отметить, что не все информанты демонстрируют убежденность в том, что приходящий покойник — *черт*, *враг*. Но при этом рассказчики всегда указывают на то, что происходит нечто неправильное, нарушающее нормальный ход вещей.

В традиции II детально разработаны способы *отваживания* приходящего покойника: его надо *матить*, класть к порогу топор, или косу, или *торкать* в косяки чертополох и т. д. Предпринимаемые меры являются репликой мира живых в драматичном диалоге с приходящим покойником: они направлены на то, чтобы защититься от его вторжения, иными словами, на то, чтобы укрепить границу между миром живых и миром мертвых. Впрочем, подобные действия могут повлечь за собой месть покойника.

Соб.: А ещё у кого-нибудь были такие случаи, что покойник приходил?

Инф.: Да полно было!

Соб.: И что? Как он себя вёл?

Инф.: Да а вот и вёл. Кому как чудилось! Покойник... Кто боялся, кто и не боялся... А то до сорокового дня вот будет ходить он, покой[ник]. Потом он может раму перебить. Одна рассказывала мне: г[ово]рит, она допустила мужика до сорокового дня, а потом придумала... отколдовывать его, колдовать... Да он, говорит, на последний день ей все рамы, вот в избы что были, зимой... Зимой! Г[ово]рит, все рамы до стекла [единого] выбили! Все вылетели! Зимние и летние рамы! А вот кто мог? [ЕУ-хвойн-98:ЛНМ].

Но так или иначе, какова бы ни была последняя реплика покойника, выдворенного из мира живых, — разбитые рамы, громкий стук закрывшейся за ним двери или, как в большинстве рассказов такого рода, исполненный бессильной злобы крик «А! Догадалась!», — она сигнализирует о том, что апотропеи сделали свое дело и опасный визитер выдворен наконец из мира живых.

Тема апотропеических действий, направленных на выдворение умершего за пределы социального пространства, кото-

рому он уже не принадлежит, в этом варианте традиции актуальна не только для рассказов об *отваживании* покойников, но и для описаний похоронного ритуала (как, видимо, и для самого ритуала).

Соб.: А когда покойника выносили, что-нибудь делали?

Инф.: Делали. Он лежал... или... на скамейке или табуретке. Опрокидывали вверх. Или же ухваты — вот эти ухваты — во хресты клали. Вот.

Соб.: Зачем?

Инф.: А... что он не вернулся. Мало ль бывает... [ЕУ-хвойн-98: АВВ].

Мотив окончательного отделения покойника от мира живых возникает в самых разных контекстах. Даже такой распространённый сюжет, как правильное снаряжение покойника, осмысливается не столько как проявление заботы о том, чтобы он чувствовал себя комфортно в том мире, куда он отправляется, сколько как «отдавание последнего долга», причем «отдавание» здесь понимается буквально. Конечно, покойник должен быть снабжен всем необходимым, но особенно важно, чтобы в гробу были предметы, положить которые просил сам умерший. В противном случае он наверняка придет за недостающей вещью²⁰.

У нас [в]от прошлой год положён человек. (...) Ему положили расчёску в карман, пачку папирос положили, коробок спичек положили, платок носовой положили, поллитру водки положила жёнка в карман... в гроб. А пришла соседка, эту поллитру выняла. Спички выняла. Папиросы выняла. А ён ещё не похоронен был ещё. А ему... сыну евонному и сниццы: «Олег, пойдём, — гыт, — хоть ма... по пол... хоть по стопке», — говорит. Тот проснулсы — лёгши был в прихожей — «Я, — говорит, — проснулсы — нет никого, никакo батька, гыт, нет. Гроб ещё лежит, — говорит, — в зале, — говорит. — А ён меня просит по стопке выпить». И ён пришёл в спальню туды. Лёг к другому брату. Ну эту поллитру соседка пришла выняла из гроба. Спички выняла, папиросы выняла. «Не надо, — гыт, — класть туды, — гыт, — ему ничего с собой». Я горю: «Валя, да пусь. Уж положено. У нас, — я гю, — Ивану [сыну] положено и спички, и папиросы, и всё и, — горю, — положено. Пусь, — я горю, — и Кольке — и поллитра, и всё. Я го[ворю], уж поллитра — не нажива, — я г[оворю], — пусь Кольке и поллитра, и

спички, и папиросы». Ну ла[д]но. Положили. Она выняла, не дала ему в гроб а ён ещё до девяти дней опять и сниццы второму сыну: «Серёга, я покурить хочю. Принеси мне папирос». И он пришёл, рассказывает: «Мама, батько ко мне пришёл — просит покурить». А она боится одна-то ночевать: меня вызвали с Ленинграда — я в Ленинграде жила — меня вызвали: «Приезжай к Нинке жить — она боицца Кольки». Ну я при... Она проснуласи, я проснуласи — ён и говорит: «Батько просит у меня покурить». Я говорю: «Вот не дали ему пачку папирос-то в гроб. Надо было, я гу, пачку положить и спички положить. И вино, пусть бы ему, — я грю, — там. Я говорю, это... уж десять тысяч, я горю, не нажива. А ему не дали. Как же не просят? Ну а я сказала, горю: «Серёженька, возьми пачку папирос и спички. И возьми на могилку закопай в землю». Дак ён носил. [ЕУ-хвойн-98: ЛЕН].

Тема отделения через отдавание является определяющей и в другом эпизоде ритуального сценария, а именно в тот момент, когда покойника наделяют долей. Эти действия производятся на кладбище близкими покойного. Существенно, что доля здесь осмысливается иначе, чем в варианте I, а именно как часть, которая должна быть отчуждена и отдана покойному во избежание его притязаний на то, что он оставил в этом мире.

Когда хоронишь, так кидаешь туды, вот копеек сколько кидаешь, денег туды, мелочи кидаешь; и медь, серебро-то не надо кидать. Туда кидаешь, дак вот и приговариваешь: «Вот тебе-ка доля, не ходи ко мне-ка боле». [ЕУ-хвойн-98: ФАЯ]²¹.

Не получивший своей доли покойник все равно возьмет свое, и тогда в хозяйстве будет умирать скот, сторит дом и т. п. Характерно, что распространенная мотивировка обычая бросать монеты в могилу в качестве платы родителям за место вновь умершего на кладбище (тоже проявление заботы) в этом варианте традиции встречается очень редко. Более актуальным оказывается произведение «окончательного расчета» с покойным — «Не проси боле».

Все эти акции направлены на проведение жесткой границы между живыми и мертвыми. По мере разворачивания обряда его участники стремятся исключить любые поводы для проявления активности со стороны умершего. С одной стороны, его последовательно отчуждают от сообщества живых, с другой стороны, сами живые стараются предохранить себя от тоски по покойному, поскольку эта тоска может служить провока-

цией для нежелательных визитов (так, *слёзный платок* бросают в могилу, чтобы больше не плакать о покойном).

Если, рассматривая вариант I, мы отмечаем коллективный характер похоронного ритуала, то здесь мы сталкиваемся с другой ситуацией. Описывая похороны, жители Хвойнинского района практически не упоминают какие-либо коллективные действия. Для них важным является то, что необходимо сделать в доме, а не в центре деревни (у часовни) или на ее границе. Все события разворачиваются в доме и на кладбище. При этом создается впечатление, что в похоронах принимают участие только близкие родственники покойного (что, видимо, не вполне соответствует реальной ритуальной практике), а также ритуальный специалист — пожилая женщина, которая знает, что и в какой последовательности нужно делать.

Соб.: Может быть, какие-то говорили там заговоры, чтобы его [покойника] не бояться, когда его кто-то обмывал?

Инф. 1: Да я не знаю. Вот какая тоже примета, Оля [Инф. 2]. Когда покойника выносят, все эти... табуретки прокидают кверху ногами, значит, и торкают ножик в пол.

Соб.: (...) А в какое место?

Инф. 1: А где стоял гроб. В это место и торкают нож.

Инф. 2: Не, я не слышала про ножик. (...)

Инф. 1: А это вот... Когда вот тётю Пашу выносили... эту... Дуськину матку, а... я чё-то задняя оставалась — это... сзади шла покойника-то. А Валя — это Николкина — только вынесли тётю-то Пашу, она вот ножик в пол. [ЕУ-хвойн-97: БТВ].

Разумеется, роль знатока традиции может выполнять и одна из родственниц умершего, но чаще это все же не член семьи. Действия «консультанта» в проведении похорон в известной мере схожи с функциями такого персонажа рассказов о приходящих покойниках, как знающая старушка, которая дает спасительный совет жертве посягательств со стороны умершего²². Подобная ритуальная специализация, пусть даже элементарная, указывает на то, что правильность проведения обряда «последнего отделения» мыслится скорее как следствие действий отдельных индивидов, а не всей общины в целом. Интересно, что и в рассказах контакт между представителем мира живых и приходящим покойником всегда интимен, скрыт от глаз посторонних²³. Его, в отличие от сна, не обсуждают вообще или обсуждают (в случае крайней угрозы) со знающим, авторитетным человеком.

Индивидуальность versus коллективность контактов с представителями мира мертвых являются одной из осей координат, которая, наряду с такими оппозиционными парами, как желательность/нежелательность, опасность/безопасность, образует то поле значений, в котором может быть осмыслен факт смерти и выстроена перспектива общения с покойным. В каждом конкретном варианте традиции преобладают те или иные тенденции, что находит свое выражение в доминировании определенных когнитивных схем. Подчеркнем, что здесь речь может идти именно о тенденциях в концептуализации, которые в своем конкретном сочетании определяют специфику не только варианта культуры, но и каждого момента актуализации традиционных представлений. Подобное сочетание тенденций образует некий кластер аналитически выделяемых признаков, идеализированную конфигурацию традиционных представлений. В нашем случае мы можем констатировать: разные аспекты рассмотренного материала позволяют говорить о том, что в варианте традиции I смерть одного из членов общины (семьи) воспринимается как его переход в новый социальный статус (и в силу этого возможно общение с ним) — статус *родителя*; напротив, в варианте традиции II смерть влечет за собой «выдворение» умершего, являющегося источником опасности для живых и, следовательно, «чужим» — принципиально асоциальным существом, контакты с которым должны быть прерваны. В этом варианте традиции «правила» перехода покойника в статус «родителя»²⁴ не урегулированы. Граница между миром живых и миром мертвых оказывается зыбкой, что осознается носителями культуры и определяет характер как ритуальных практик, так и повседневного поведения²⁵.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

Соб.: А вот бывает так, что покойник умер, а потом ходит, приходит покойник?

Инф.: Тожо ходил, токо мы не видали. А ходил. Бывало и так.

Соб.: А что рассказывают про это?

Инф.: ...Вот ён было... да это дело не так давно. Ну, наверно, годов десять прошёдцы. А ён-от [мужчина, у которого недавно умерла жена] было придёт. Я здесь сижу, а ён сядет вот там на диван. «Тётка Дунька!» (Дождь пошёл). «Что мне де-

лать — хо мне Главдия ходит». Она вот с этого дома взята вот была, вон... через дорогу. Я гу: «Да что ты, Васька!» (Дождь пошёл). Да что. Я гу: «Ты врёшь!». — [плачущим голосом] «Да что ты, не вру, правда, Главдия ходит». Я гу: «Дак она что тебе говорит аль не?» — «Ничего не говорит, а ходить — ходит. Я, — гыт, — лягу, поросёнка напою, корову, — гыт, — справлю, токо лягу и не усну, она, — гыт, — хо мне и придёт». Я гу: «Да ты что!» — «Да». Вот так. Дело шло и брело. И он на второй раз приезжает у нас... ён на тракторе работал, да он ещё сейчас жив. Придёт работать, придёт хо мне опять: «Тётка Дунька, опять Главдия ходит!». Я гу: «А ты что! Васька, тебе, — я гу, — не два года, ты эть понимаешь, хто ходит-то! Ты, — я гу, — ходишь на могилу-ту?» — «Хожу». Я гу: «Яма-то разрыта?» — «Не». — «Дак а как твоя Главдия, — я гу, — выйдет-то?» — «Я не знаю, а Главдия ходит кажную ночь хо мне». Я гу: «Васька, ты, — я гу, — ю матюгай. Как можешь, — я гу, — так и матюгай». А ён: «Да я... как я буду ею матюгать? Я с ей хорошо жил, как я ею буду матюгать?». Я гу: «Да так. Матюгай, — я горю». Вот ён тожо потом приезжает и говорит: «Меня Главдия, — говорит, — забра... я, — горит, — не лёг на кровать, а лёг (...) на диван (...). На кровать, — гыт, — не лёг. Она, — гыт, — приходит и забирает меня, — гыт, — за ноги и принимаетцы тащить. А я, — гыт, — ноги-то вот так дёрнул, — говорит, — да... и принялси, — говорит, ею матюгать. А она, — гыт, — пошла, дверь-то открыла, да и говорит: «А, — гыт, — ты догадалси! — говорит. Тебя, — гыт, — научили!». «И больше, — гыт, — я, — гыт, — ию начал, и в загон отматюгал, и всяко. И она, — гыт, — больше хо мне и не пришла». Всего было. [ЕУ-хвойн-99: ЛЕН].

2.

А вон в Лезгине у нас ходил х одной тётке. Вот вы где шли-то, через Лезгино? (...) Там на краю-то двой хоромы сгоревши. (...) Ну вот. Вот, а на второй-то стороны вот жила соседка. Дом-то увезён ейный в Хвойну. У ей тожо умер мужик. У ей осталоси троё робят. Это давно, ещё по-единоличному. А онному, самому старшому, было шестнадцать лет. Она нико... У ей батько жил... батько и брат жили в Задельи. Она х батьку, х брату было придёт, да поговорит да... а не скажет, что х ей мужик ходит. Х ей мужик ходил. Которого покорила. А через дорогу жил (...) евоннов брат, Митя. А етот брат всё над ей наблюдал: как она, гыт, с этим парнем будет рабо-

тать. А у етого Мити был сын и дочка, уж большии. И она не ходила к ему, что помогите мне то... что сделать. А эть тогда по-единоличному: и лошадь была, и скотина была. А ей косить было нады. Сеять. Весной ён умер, до Троицы ён помёрши. Она всё с этым парнем обрабатывала. А етот мужик всё над ей наблюдал, как она с етым парнем работает. Велик, гыт, и парень-то [т. е. еще мал]. А двое ще меньше его. И вот... а она потом... что... Нады сеять(...). Она сеет, а етот мужик боронит ей, котор-от помёрши-то. А етот... всё наблюдает: а как ты так? Алёна, говорит, сеет и боронит, а Шурик, гыт, бегаёт по улице, говорит. Парнишка, Шуриком звали. Ну вот, дело шло-брело, сенокос пришёл. Она с этым парнишком покосит, сена нагребёт кучкам. А как, гыт, она будет метать? Етот мужик всё наблюдает над ей. Она что: етот мужик, которой-от у ей умёрший, ён ей на хвосте (?) обвозит ето сено. Оны с етот пареньком сметають. А ето... у етого... парень и девка, [а] оны не просят у его, что помогите мне. А токо с этым пареньком обрабатывает. Ну, дело шло, гыт, брело, всё, гыт, я молчал, всё молчал. Дело пришло, гыт, она накосила, нажала, гыт, хлеба. Ржи. Мальчишка етот на телегу подаёт. А ёна на телеге стоит, окладывает, возит на лошади. Насажала, гыт, на ригу. Молотить пошла. Утро молотит. Второе молотит. Мне, гыт, не просит, что: дай мне хоть парня ль девку молотить. Я, гыт, что. А эть тогда — вы-то вот не знаете топерь ничего — гумна были. А на гумне-то вот тако окошечко, и... дерявину выпиливали, чтоб... веяли-то вручную, веялок-то не было. А я, гыт, подошёл, да в швёлочку и гляжу, как, гыт, она молотит. Она, гыт, так молотит: среди, гыт, хто-то пихает, а она с этым пареньком выстилает покладау и молотит. А солома лётит, гыт, до самой крыши. А я, гыт, и думаю: как же это? Вон, гыт, она с кем молотит-то, гыт. И она, гыт, всё лето так и работает, говорит. Ён взял, да... у ей батька в Заделье был и брат. Ён х батьку х етому скодил, да к брату. Вот тако и тако дело: «Х Алёны, наверно, Гриша ходит». Оны не верят. «Подём со мной в Лезгино». Вот ён етого батька привёл из Заделья в Лезгино. Вот, говорит, погляди, как Алёна молотит, говорит. А у меня, говорит, пара спит²⁶, и мне, гыт, не просит. А мы бы, гыт, и помогли ей молотить-то. Она, гыт, не просит. Ну, от етот батька принялся за ию. «С кем молотишь?» — «С Шуриком». — «А как с Шуриком? А ещё хто? А Надька?» — «Надька поворачиват, а мы с Шуриком молотим». — «Врёшь!». Ию стали припирать. И она не говорит. Оны взяли... была уздечка свадебна и вож-

жи свадебны были. Ремянные с кистям. Оны взяли вожжи и взяли эту уздечку. Взяли собаку, и батько с этим мужиком сели караулить у ей, а ей сказали, что: ежели хто стукнет где, чтобы ты голоса не давай. Юю пристражили. Да, гыт, так стукнуло! Мы, гыт, молчим. А собака взятá была. Собака, гыт, рвётся вовсё. В колідоре. Так, говорит, на стéду [стену?] и бросается, говорит. Ну, мы, гыт, ночь посидели, втору посидели. Как, гыт, собака лает... так, гыт, бросаеццы. Ну, на третью ночь, гыт, сели. Взяли, гыт, — раньше дёготь был, топерь-то нет, наверно, дёгтя — мы, гыт, его везде, на каждой двери, гыт, хрестов наделали, дёгтем намазали: в избы, в колідоре, на крыльце... Дёгтем, горит, хрестов намазали, вóвсюды, гыт, косы наторкали. Упять, гыт, сидим, упять эту собаку взяли. Да так, гыт... подошло, гыт... у ей у ворот было тако колечко, и сечас оно естя, дом-то ейном увезён в Хвойну, и сейчас это колечко. И она к этому колечку привязывала всё лошадь. Когда из поля приведёт. Это колечко, гыт, брякнуло. Потом, гыт, у ворот постукалось. А кобель, гыт, так и лает. Потом, говорит, подошло х рамы вот так, стукаёт... Мы, гыт, пальцем грозим, что голоса не давай. А потом, гыт, так как рвануло, что... у ей было семь рам в дому, семь окошек, и изо всех стёкол выывалилиси [так!]. Изо всех рам. И мы, горит, кобеля выпустили. Ворота открыли. И этот кобель гнал до Выдимири²⁷ этого чúда. Ну потом, гыт, мы за её и принялись. Она, говорит, потом всё рассказала: как я, гыт, сеяла, как ён мне-ка боронил, как ён мне-ка сено возил, как ён мне-ка снопы на телегу подавал, как, говорит, молотили мы с им, и ён, говорит, мне с риги пихáл, мы, гыт, поклáду выстлáли... Вот и... всяки чуда были. [ЕУ-хвойн-99: ЛЕН].

3.

Вот я тебе сейчас скажу. Вот Лиза... у их в деревне умер мужик. Она всё по ему и плакала. Всё. Любила его — хороший, и всё ревела. Так она так ревела, [что] он стал ходить... х ей. Она видит и разговариват. А свекровь-то говорит: «Да с кем ты, — говорит, — Панька, говоришь?». «Да не, я ни с кем, я ни с кем». Возьмёт олашек напеч[ёт]... в карман... печёт. Она говорит: «Куда ты?». Подёт корову доить... доить корову, она говорит: «На, ешь олашки». Кому она даёт. А ить он умёрши. Ходил. Потом на и говорит: «Да ко мне, — говорит, — Федя ходит». «Да ты что?». «Ходит каждый день. Я, — говорит, — вижу и разговариваю. И он говорит: „Я ись хочу“. Олашки

просит». Олашек снесёт. А потом, когда ей сделали, дак он и говорит: «Догадалась!». То бы он ию задавил! Он бы задавил. Вот. [ЕУ-хвойн-99: ТАА].

4.

Соб.: Бывало так, что ходил покойник к кому-нибудь?

Инф.: У меня мать приходила.

Соб.: А как она приходила?

Инф.: А я как раз в положении была. А мать умерла. Мать умерла у меня двадцать четвёртого (...) декабря, а я родила второго февраля. Ну вот. Я была в положении. Хозяин ушёл на работу за десять километров. Я горю: «Коля, не пуск... не ходи ты не ходи». Он говорит: «Да ладно!». Я горю: «Эть мама умрёт». «Да нет, ничего». Ну вот, похоронили... её. Потом я заревела. Как раз старый Новый год. Идёт вот сосед с гармошкой. Я разревелась. Упячь... всю жись одна была, и замуж вышла, и теперь упячь одна осталась. Ну вот. Вдруг — подходит ко мне к кровати. В чём она похоронена, токо... ноги вот так ставит... вот так. Идёт ко мне. Я горю: «Да мама, подойди поближе». Она горит: «Нет. Я к тебе не пойду». А я в положении была. Я грю: «А чего ты?». «Да так, ничего». «Дак а чего же ты пришла?». Она говорит: «Знаешь что, ты бабку Никешку в няньки не бери». (...) Я горю: Господи, как она узнала? Ветер фукнул — и всё. И в чём она одета, только чёрна... котора паралична нога, тая чёрна, а эта белая. (...) Мать ходила. Потом у меня старушка приходила, говорит: «Ну как ты?». Я горю: «Да вот, — я горю — сёночи...». Да... «Ты, — говорит, — зачем... Ты допустила ию! Ить это не... не... Дочка, если бы ты, — говорит, — хо стенке животом, то бы она тебя задушила». Я говорю: «Да ну... Не задушила бы она». «А ты лежала, — говорит, — животом. Через... младенец... Через младенец; она, — говорит, — х тебе зато и не подошла». Вот. «Дак возьми, — говорит, — и держи собаку». И вот — у нас собака была, и вот я всегда у кровати держала собаку. Она перегумкивала. Вот... Это было. [ЕУ-хвойн-99: МДО].

5.

Потом, слушайте, ещё расскажу. Это рассказы — Нинка Миронова, там Федя-то такой, всё молоко-то возил. И я молоко возила всё. В ночь, от на сырзавод. Вот этот Федя помер, а жёнка осталась одна, уже старая. Вот она пойдёт так к кому посидеть соседям. А ей говорят: «Оксинья, да посиди ты». Как

десять часов: «Не, я пойду домой, пойду домой». А к ей, значит, не мужик ходил — он похоронён, мёртвой не ходит, вы сами знаете — а это, значит, враг ходил, чёрт ходил. Вот она приходит в десять часов, он к ей приходит. Приходит там, что там, я уж... она ничё этого не говорила. «А потом я, — говорит, — что-то ножик упал у меня на пол-то. А я наклонилась ножик-то брать под стол...» — [о]ны там за столом сидели. Он сделавши как он [т. е. как муж], и слова таки, всё, говорит, одёжа, всё у него там. А это, оказыватца, чёрт. Враг. Она ножик-то с полу стала брать, смотрит, а у ё ноги-то лошадини, шерстнатые. А сделавши как мужик ейный, всё да... И гыт: «Оксинья, а картошка-то у тебя хорошая выросла?» — «Фёдор, у меня нонче картошка хорошая выкопала». А потом она стала уже, ей немилосливо, она стала народу говорить, жалитцы. Ей в церкву послали, вот так всё это... Больше... службы всякие. И потом как-то: «А-а...» Пришёл последний раз, как дверью хлоп, да и гыт: «Догадалась», — говорит. И бросил к ей этот враг ходить. Это, родимой, не мужик — он помер, захоронен — это враг ходит. [ЕУ- хвойн-99: ИНА].

6.

Соб.: А вот ещё говорят, нам рассказывали, что вот когда человек умирает, он потом вот уже начинает ходить к жене своей... вдове... или к родным. Не слышали такого?

Инф.: Слышал. Это я слышал... в общем, моей матери мать... У ей вот... муж умер., и она сильно жалела его, наверно. Видать. В общем, ну, бабушка моя, так... вот... И она... вот и сама и... бабка и говорила, что: [меняет голос] «Вот, Коленька, у меня Клима-то умер. Я так плакала. Дак... (матку Ксения звали) Ксюшеньке уж ничего не говорила, а... было ляжем спать, слышу: дверь открывается. Климушка хо мне идёт. Ну, мы с им поговорим, — это, видишь ты, это, у ей... тоже, наверно, как от... с головы. — С им поговорим, а Ксения: „Мама, ты с кем го...?“ „Да ну, ни с кем я не говорю“. А он, вроде, говорит, что: ты ей не говори, что я х тебе хожу. Вот вот... такую ерунду. Вот». Так я горю: «И чё же ты, я горю, делала?» «А потом, желанной, научили меня, что... повесила хомут». Ну и а на хомут, наерно, какой-то наговор, наерно. И — вроде, ходить бросил. И... так это, когда она хомут-то повесила, это уж она, вот ейны слова, бабкино, я и говорю... Дверь открылась, горит, как ветер потом, гыт, дверь-то, как, гыт, у! как дёрнет [нрзб] с петельков. И говорит: «А! догада-

лась!», говорит [пауза] Вот такое. А, догадалась, мол, а то бы я не знаю, что бы [нрзб] как говорят, задавил бы или что-то... горят, что-то... горят, это... бывает: что, горят, о, горят, до чего доплакала, что вот он, мол, и стал ходить. А вот она потом начала... вот... там у их тоже... помещик жил... а я, гыт, навоз била. Села, горит, на обед и плачу: Ой, желанный ты Климушка, нет его... Чтобы хоть он бы мне хоть зайчиком-то показался... Сижу, горит, ем, Коленька, смотрю, зайчик, гыт, бежит, горит, возле меня. Ну вот... ёб... тут как всё равно [смеётся]. Вот Климушка хо мне подбежал. Дак вот. Вот это бабушкины слова [нрзб] Вот... бывает. [ЕУ-хвойн-99: ЕНС].

7.

Ж. К.: А вот иногда бывает, говорят, покойник ходит — может задавить... Рассказывали такое?

В. А.: Ну, это, мне кажется, нет. Может быть, раньше. Я не знаю. Не знаю, не знаю. Вот мама моя рассказывала (...) что вот у них... в ихней деревне — это Ванёво деревня, в Новгородской, там тожо... этого района, Хвойнинского (...). Она родом оттуда, моя мама, вот с этой деревни. И вот она рассказывала, что у них мужчина — у мужчины умерла, вот, жена. И все замечали, что, вот, он... утром встанут — и бельё выстирано. Детское... И ребёнок маленький остался, в люльке еще качался, ну, раньше не было ещё таких, а люльки — знаете, что таки, дерев... на эта, сплетённая такая, и повешена на очип. Очип назывался, не знаю, теперь как называется. Ну и вот. И всё время: слышится, он разговаривает. И особенно ночью, после двенадцати. И с... у него была мать старая. Тожо на печке, говорит, это, лежу, а и слышу, что он с ей разговаривает. Всё делала она ему. Станут все — замечать стали. А он никому ничего не говорил. Ну а потом, значит, свекровка-то рассказала... мать-то его рассказала, что, говорит, с кем-то разговаривает, кто-то к ему ходит. «Говорит, — говорит, — что, — говорит, — она ходит». А она говорит: «Видеть я не вижу, но слышу, что разговаривает». Ну и вот. Там, значит, одна и говорит: «Не ходи, — говорит. — Сходи ты в церковь, — говорит. — Не ходи, — говорит, эта, к ней. А, — говорит, — возьми, — говорит, — повесь, — говорит, эта... хомут». Вот... хомуты — на лошадь одевают. Говорит: «Возьми, — говорит, — с собой. И когда дверь открываешь, и входи». И вот, говорит, он, говорит, в 12 часов пришел, открыл дверь, она говорит: «Ну что, догадался?! А то бы я тебя сегодня задавила»... Вот правда ли было

иль нет? Ну, мама моя, она вообще-то такая была женщина, не... врать не любила. Рассказывала. И, говорит, и всё, говорит, перестала ходить после этого... [ЕУ-сланц-98: АВП].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полевые исследования проводились фольклорно-этнографической экспедицией факультета этнологии Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Материалы хранятся в архиве факультета этнологии.
- ² Следует, вероятно, различать собственно ритуальные практики (зафиксированная исследователем определенная последовательность действий) и рассказы о ритуальных практиках (описание ритуала носителем традиции). Тексты последнего рода в определенном смысле могут рассматриваться как фольклорные. Важно, что в своих рассказах об исполнении обряда информанты не только описывают последовательность разворачивания ритуального сценария, но и фиксируют внимание на том, что в этом действе представляется им наиболее важным. В результате одни обрядовые ходы в рассказах редуцируются, а другие описываются очень подробно.
- ³ Т. е. у этих берез шершавые листья.
- ⁴ Один из жителей деревни Поречье получил прозвище «Ванька-родитель» за то, что в детстве съел продукты с родительского стола в Троицкую субботу: «Один раз парень — так и прозвали — Родителем. Это прозвишко. Мать ушла в церковь — собрала стол. А она была, ну это, с им с одним. А он что понимает: побегает по улице, да прибежит, да и съест. Мать пришла с церкви да говорит: „Вань, а кто, эт, — говорит, — это всё тут съел-то? Родители, что ли? Неужто родители?“ А он говорит: „Да мам, да это я тут, бегал — и съел всё“. Она людям рассказала, ну это, родители будто как, будто как родитель приходил и ел. Ну его так прозвали. Женился, всё. Звали по памяти всё: Ванька-родитель». [ЕУ-сланц-98: ГПИ].
- ⁵ В традиции I церковь представляется тем местом, в котором может происходить контакт с умершим. Туда приносит блины жительница д. Кологриво, выполняя просьбу приснившейся ей покойной «беспризорной бабушки» — не имевшей родственников в деревне и похороненной не на общем, а на другом, заброшенном кладбище. [ПД Ж. В. Корминой, д. Кологриво].
- ⁶ «Право» деревни на обладание участком на кладбище осмысливается таким же образом, как и «право» на обладание престольным (годовым) праздником. Любопытно, что этиологические рассказы о наделении деревень участками на кладбище (мотив кидания жребия, распределения единого целого) во многом схожи с преданиями о получении деревнями своих праздников. И участок, и праздник мыслятся как собственность деревенской общины. В этом своем качестве они обладают характеристикой ценности (неудобный праздник, самый дорогой праздник; плохой участок, хороший участок) и в принципе могут быть отчуждены (ср. рассказ о пропитом празднике).
- ⁷ Интересно, что рассуждения информантов об общем ухудшении мира нередко иллюстрируются указанием на то, что сейчас порядок, определяющий место захоронения вновь умершего, стал нарушаться. Таким образом идея о том, что мир приходит в состояние хаоса, прямо выражается в суждениях о нарушении традиционного устройства кладбища.

- ⁸ Как «чужие» кладбища носители традиции осмысляют не только древние «шведские» могильники, но и захоронения сравнительно недавнего времени — Гражданской и Великой Отечественной войн.
- ⁹ Приведем рассказ жительницы Сланцевского района о случае, произошедшем с ее дедом. Он шел с праздника «пьянинькой» через поле, где «много камней, потому что (...) много похоронено войнов». «Вот на этом поле вот чудилось. (...) И что ему, значит, причудилось. Вдруг перед ним стоит, значит, лошадь и говорит: „Дед Сенька!“ — значит, будто как лошадь и говорит ему — „Садись! Я тебя доведу“. Ну и ладно. А он, значит, и говорит... вот он и говорит (...) : „О! Да ну тебя! Я пешком дойду“. А она ему опять и говорит: „Садись, садись!“ — а он не видит человека, а голос человек[еский] — „Садись, садись! Доведу! Садись, дед Сенька! Садись, доведи!“ Ну ён: „Ну ладно“. Занёс... ну, замахивает, гит, это... ногу-то на лош[адь]: „Ну, Господи благослови!“ А очнулся: „Гляжу — на камнях“. Вот были чудеса такие». [ЕУ-сланц-98: БАК].
- ¹⁰ О включенности *родителей* в жизнь живых свидетельствуют, в частности, мотивировки ряда календарных запретов. Назовем хотя бы запреты ломать ветки до Троицы (родителям головы ломаешь) или есть яблоки до Спаса (родителям не дадут разговеться яблоком), практически неизвестные носителям традиции II.
- ¹¹ Такие камни, по нашим данным, были в каждой деревне этого региона, сейчас функционирует только один — в д. Поречье. О том, что они воспринимались как граница деревни, свидетельствует, в частности, рассказ о переносе прощального камня в связи с уменьшением территории деревни. [ПД С. А. Штыркова: д. Карино].
- ¹² Л. Хонко под «ритуалами отделения» понимает все ритуалы жизненного цикла, которые могут сопровождаться причитаниями — свадьбу (для невесты), проводы рекрутов, похороны.
- ¹³ Такая характеристика диалога между исследователем и информантом, как непонимание последним каких-либо задаваемых ему вопросов, может служить благодарным материалом для антропологического анализа, в частности, для изучения традиционных представлений. Так, в нашем случае это позволяет выяснить наличие тех или иных представлений в репертуаре данной традиции.
- ¹⁴ Скептический пафос данного рассказа во многом определен тем, что информантка, по ее словам, часто спорила со своей сестрой, к которой будто бы умерший муж являлся.
- ¹⁵ Ср. другое мнение относительно веры в возможность контакта с покойником.

Соб.: Не рассказывали, что вот бывает так — что человек умер, а потом как-то является, возвращается вот... кому-то является. Не было такого?

Инф.: Да сколь хошь! То причудится, то привидится.

Соб.: А вот это считается плохо, если покойник...

Инф.: Конечно! Он ходит-ходит, до сорокового походит, а потом тебя на верёвку — да всё!

Соб.: Повесит?

Инф.: Да. (...) Задушит... Задушит! Это уж не раз опыт такой был. Не первый раз.

Соб.: На сороковой день...

Инф.: Да. До сорокового дня он может ходить. Бывало в деревне все говорят: «Если ты подпустишь до сорокового дня покойника, ничего не будешь делать, то он тебя после сорокового дня задушит. Задушит!» [ЕУ-хвойн-98: ЛНМ].

16 Встречаются, хотя и реже, рассказы о приходящей покойной матери или жене.

17 Интересен рассказ о хозяйственности покойника, который помогает отыскать вожжи.

«Отец у нас утонул — только мы похоронили. И мама ищет вожжи (...) она как начинает собираться пахать на лошади — и вспоминает про них. И вдруг один раз, утром рано, тётя Дуня... ой, это, Дуся, прибежала с вожжами и говорит: „Тётя Варвара! Забирайте ваши вожжи! Дядя Степан [умерший отец] пришёл, и сказал, что... (...) „Дуня! Отнеси вожжи-то Варвары, Варвара ищет!““. И она с вожжами притащилась рано-рано утром, печку не топила, прибежала, отдала вожжи. „А то, — grit, — ещё повесит меня, — grit, — ещё на этих вожжах“. (...) Она grit: „Да дядя Степан! Где, — grit, — вожжи? Я и не видела!“. А он говорит: „Да в той избе“. Тоже двойная изба была. „И, — говорит, — в той избе на гвозде, у порога“. Она пришла — правда, говорит, висят». [ЕУ-хвойн-97: КМС].

18 Заметим, что в этом варианте традиции неизвестен такой ритуальный способ коммуникации с умершим, как причитания, в то время как в традиции I до сих пор есть практика голошения, причем как похоронного, так и календарного — причитания с *кикушкой* [кукушкой].

19 Существенно то, что о времени календарных поминований здешние жители имеют самые смутные представления: в ответ на вопрос о поминальных днях припоминают о существовании «родительских суббот», апеллируя при этом не к собственному опыту, а к авторитету священника, соседки или церковного календаря. Здесь более значимым является поминование покойного на сороковины. Это, в свою очередь, соотносится с драматизмом переживания сорокового дня, отраженным в рассказах о приходящих покойниках.

20 В числе предметов, которые здесь считают необходимым положить покойному, называют: мыло, полотенце, очки, газету, бутылку водки, вставные челюсти, расческу, сигареты, спички, носовой платок и т. д.

21 Более распространенный вариант: «вот тебе доля, не проси боле». В приведенном фрагменте информированность носителя культуры о возможности «прихода» покойника выражается в редактировании стандартной формулы.

22 Как вариант: старушка сама совершает какие-то действия.

23 Ср. мотив случайно подслушанного разговора с приходящим покойником.

24 Важной деталью, на наш взгляд, является отсутствие самого термина *родители* на этой территории. В приведенном ниже фрагменте диалога видно, что информант не понимает термина, который предлагает ему исследователь.

Соб.: Там [на жальнике] родители были похоронены, да?

Инф.: У меня-то?

Соб.: Да. Ну и вообще, в деревне (...)

Инф.: Да, родители там были. Были. Токо не много что-то в тоё время было. Вот шичас дак [в]он много на этом жальнике нахоронено. А тогда немного, редко было, кое-где так... Не разрешали, тогда ж... там же всё пахали землю. Вот. [ЕУ-хвойн-97: СМВ].

25 Отметим, что противопоставление «своих» и «чужих» мертвых в данном варианте традиции выражено в гораздо меньшей степени, чем в Сланцев-

ском районе. Это проявляется в том, что для классификации мест захоронений Хвойнинского района релевантна не оппозиция свое/чужое кладбище, а старое/новое. В роли «старых» кладбищ на этой территории выступают *жальники* — локусы, археологически атрибутируемые как позднесредневековые могильники. В представлении носителей культуры жальники в качестве погребальных памятников сочетают в себе как признаки своего, так и чужого. Часто их прямо называют старым деревенским кладбищем. Еще чаще в них видят могилы местных деревенских жителей, уничтоженных *литвой* (вражеским нашествием). Подобная амбивалентность в построении этиологии, когда жальники выступают и как крестьянские (свой) кладбища, и как могилы «заложных» [ср.: Панченко 1998: 231–232], создает основание для практик, которые вряд ли могли возникнуть в варианте традиционной культуры II: на месте старого кладбища возникает новое. Несмотря на то, что первые погребения на этом «новом» кладбище в представлении крестьян являются чужими (могилы погибших летчиков, эвакуированных), некрополь функционирует в качестве деревенского.

²⁶ Т. е. двое детей, которые могли бы помочь героине рассказа в полевых работах.
²⁷ Видимирь — деревня, в которой расположено местное кладбище.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
 Вернан 1998 — *Вернан Ж.-П.* Индия, Месопотамия, Греция: три идеологии смерти // Новое литературное обозрение. № 33. С. 5–29.
 Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 25–51.
 Панченко 1998 — *Панченко А. А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
 Honko 1974 — *Honko L.* Balto-Finnic lament poetry // *Finnish Folkloristics* 1. *Studia Fennica* 17. Helsinki, 1974. P. 9–61.
 Kaivola-Bregenhøj 1993 — *Kaivola-Bregenhøj A.* Dreams as a folklore // *Fabula*. Band 34. Heft 3/4. P. 211–224.
 O'Neil 1976 — *O'Neil C. W.* Dreams, culture, and the individual. San Francisco, 1976.
 Pentikainen 1968 — *Pentikainen J.* The Nordic dead child tradition. Helsinki, 1968.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ*

- АВП — 1926 г. р., ур. д. Гусево Хвойнинск. р-на Новгородской обл; зап. в д. Поречье Сланцевского р-на Ленинградской обл.
 БАК — 1901 г. р.; пос. Овище Сланцевского р-на Ленинградской обл.
 БЕТ — 1915 г. р.; пос. Ракидино Хвойнинского р-на Новгородской обл.
 БТВ — 1911 г. р.; д. Брод Хвойнинского р-на Новгородской обл.
 ГПИ — 1914 г. р.; д. Поречье Сланцевского р-на Ленинградской обл.
 ЕНС — 1931 г. р.; д. Михеево Мошенского р-на Новгородской обл.

- ИЕИ — 1933 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
ИНА — 1927 г. р.; д. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.
КЗВ — 1928 г. р., д. Карино Сланцевского р-на Ленинградской обл.
КМС — 1927 г. р.; д. Глѣздово Хвойнинского р-на Новгородской обл.
ЛЕН — 1914 г. р., д. Маклаково Хвойнинского р-на Новгородской обл.
ЛНВ — 1926 г. р., д. Подлесье Сланцевского р-на Ленинградской обл.
ЛНМ — 1939 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
МДО — 1923 г. р.; д. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.
МЕВ — 1907 г. р.; пос. Овсище Сланцевского р-на Ленинградской обл.
СЕА — 1924 г. р.; д. Дретно Сланцевского р-на Ленинградской обл.
СМВ — 1918 г. р.; пос. Горный Хвойнинского р-на Новгородской обл.
ТАА — 1926 г. р., д. Устрека Мошенского р-на Новгородской обл.
ТЗЕ — 1932 г. р.; д. Карино Сланцевского р-на Ленинградской обл.
ФАЯ — 1930 г. р.; д. Заделье Хвойнинского р-на Новгородской обл.
ПД — Полевой дневник.

* Расшифровки имен информантов можно найти в архиве Полевого центра факультета этнологии ЕУСПб. Только один из них мужчина (ЕНС), остальные — женщины.

А. Б. МОРОЗ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ПАСТУШЕСКИЕ ОТПУСКА И МАГИЯ ПЕРВОГО ВЫГОНА СКОТА У СЛАВЯН

Среди множества обрядов, производимых на русском Севере (Архангельская, Ленинградская, Новгородская, Вологодская, Костромская, Ярославская, Тверская обл., Карелия) во время первого весеннего выгона скота на пастбище, заметное место занимает пастушеский ритуал под названием *отпуск*, *спуск*, *статья*, *обход*, *сгон*, *слука* (этими же словами обозначались и заговоры, произносимые при исполнении магических действий). Пастух, принимая в первый раз после зимы стадо, совершает ряд магических действий, цель которых, в первую очередь, — оградить скот от нападения хищников, сделать так, чтобы животные не терялись во время пастбы. Это тем более важно, что в качестве *поскотины* — пастбища — использовались леса: на лугах пасли неохотно и только в исключительных случаях.

Умение пасти с отпуском особенно ценилось в деревнях и было основным признаком, согласно которому приглашали того или иного пастуха. При этом часто считали, что пришлые пастухи обладают этим умением в большей степени, чем местные. Так, в Новгородском крае ценились пастухи — выходцы из Псковской или Витебской губерний [Ефименко 1878: 16], в Каргополье большим авторитетом пользовались *ваганы*, жители окрестностей реки Ваги, протекающей в Вожегодском р-не Вологодской обл., Вельском и Шенкурском р-нах Архангельской обл., а также пошехонцы. Считалось, что они *знают* больше. Глаголом *знать* в севернорусском регионе обозначается колдовское знание (ср. *знаток*, *знатуха*, *знахарь*; *знатить* — колдовать): «Ваганы были, вот ваганы-то всё и знали. Ваганы-то, они в лес не ходили за коровами. У нас был Вася такой, ваган, какой-то праздник, был Петров день што ли. А раньше хулигонья-то [было много, ходили драться] деревня на деревню. „А я, — говорит, — не боюсь: вон сколько идёт у меня помощников“, — камни идут и переворачиваются. „Вот у меня защита идёт“. Оттуда они всё с сыном ходили к нам пасти»¹. Таким образом, фигура пастуха сближается с колдуном, на обоих распространяются общие представления о том, что они *знаются* с нечистой силой, и о необходимости *сдавать* колдовство — в противном случае умирать они будут долго и му-

чительно: «У нас старичок пас лесным [отпуском], так он заболел, уже дома лежал, и он сказал, что меня только в коллдор или на сарай унесите. Тяжело умирает, ежели в дому, а на улице уже лекше умирает за это всё. Кто имеет это, это уже считается, как имеешь дело с нечистой силой»².

Знатье пастуха заключалось в умении собрать стадо и *принять, взять отпуск*, то есть совершить определенные обрядовые действия. В обряде отпуска может быть выделено несколько основных компонентов.

1. Подготовка к обходу. Вечером накануне выгона, который совершался в Егорьев или Николин день или как только станет тепло (но не в понедельник, среду, пятницу и субботу, а также не в тот день недели, на который падало в этом году Благовещение), пастух обходил дома и собирал у коров по клоку шерсти, которую потом запекал в специальный хлеб, скармливаемый наутро скоту (это же делали сами хозяйки, каждая со своими животными). Утром он трубил в рог или берестяную трубу, оповещая хозяек о времени сбора. Пастух либо сам ходил по дворам, собирая коров, либо ждал их у выхода из села или на специально подготовленном и огороженном месте вне деревни, недалеко от леса.

2. Обход скота. Коровы прогонялись через ворота, сделанные из трех жердей, поставленных в форме буквы П, или из двух соединенных макушками березок, на специально огороженное место, где совершался обход. На землю в воротах могли класть замок с ключом, *крюк* (кочерга), пояс и др., а сверху, над ними, вешалась икона. По обе стороны прохода, у столбов, клался замок и ключ, половинки расколотого надвое полена, два куска воска, нож и камень; скот также мог прогоняться между двумя кострами или дымящимися головешками. Собрав все стадо вместе и скормив коровам специально приготовленный хлеб, пастух трижды обходил их *по солнцу* (реже — *против солнца*), произнося или читая текст заговора. При обходе пастух держал в руках решето с иконой (как правило св. Георгия, Николая, Спасителя или Богородицы). Там же мог лежать воск, ладан, шерсть, взятая с коров накануне выгона и выстригаемая на крестце или лбу, сера из ушей коров, соль, свеча, специально испеченный для выгона хлеб, земля с муравейника и др. Иногда пастух нес или тащил за собой по земле топор, косу (обломок косы) или щуку.

Затем вещи, между которыми проходило стадо или которые переступал скот, убирались: пояс пастух надевал на себя и носил весь сезон, хлеб скармливался животным, парные предметы соединялись: замок запирался ключом, куски воска слеплялись, щепки связывались вместе, — и все это пряталось в укромное, одному пастуху известное место, часто в воду, чтобы обеспечить хороший удой, а также в лес, на *поскотину*, в дом. В дальнейшем эти предметы могли использоваться для управления стадом: пастух затягивал ремень туже, чтобы скот собирался и шел домой, и ослаблял, чтобы животные свободнее разбредались по пастбищу³; та же цель достигалась запираанием и отпираанием замка [Зеленин 1991: 87]. Заговор, если он был записан, тоже клался в строго определенное место: в закрытой бутылке в воду, за икону, под куст, в пастушью трубу. Там его никто не должен был трогать — в этом случае стаду было обеспечено благополучие. Примечательно, что стадо в описываемом обряде воспринималось как одно целое, единый организм. Это подчеркивается тем обстоятельством, что во время обхода стадо должно быть полностью в сборе, соответственно, животные, по каким-либо причинам в этот момент отсутствующие (например, вновь купленные уже после первого выгона), не принимаются в него вплоть до конца сезона пастбы [Минюхина, Морозов 1997: 239]. То же касается обратной ситуации: пастух не разрешал хозяевам забирать из стада скот для продажи или на убой до окончания действия договора о его найме, то есть до осени [Каменев 1913: 183]. Собственно, в этом и заключается один из основных «принципов действия» отпуска, имеющего ярко выраженную семантику огораживания или объединения: прогон скота через ворота, а также между двумя огнями на обнесенную забором из жердей территорию, обход его пастухом, символическое опоясывание (опоясывание пастуха поясом, через который переступили все животные стада), замыкание замком призвано создать вокруг скота непреодолимую ни для хищников и порчи, ни для самих животных границу, так что коровы не могут выйти за нее, а враг проникнуть внутрь⁴. Соответственно, изменение численности стада как бы нарушает эту границу, создает прецедент и провоцирует ее нарушение и со стороны хищников.

Слепливание воедино двух частей воска, между которыми проходит стадо, связывание щепок, запеченные в хлеб или залепливание в воск шерсти, серы из ушей от всех животных стада должно сделать его единым и сохранить его целостность

на все время действия отпуска. Стадо перестает быть совокупностью животных и становится единым организмом — таким образом, из него не должно пропасть ни одного животного. Ту же семантику имеет в текстах отпусков перечисление всех разновидностей, полов, мастей и проч. скота: «милых коровушек, рогатых и комлатых, коров, подтелков и быков, холощенных и нехолощенных, всяких шерстью» (см. приложение). Во внутренней форме названий обряда выражена та же идея: значительная часть их эксплицирует отпускание скота, то есть его переход в чужое пространство (*отпуск, спуск*), или его объединение (*сгон, слука*).

3. Текст отпуска. Текст отпуска представляет собой предмет особой важности. Если некоторые детали обряда могут быть известны профанам, то сам заговор не открывался никогда. Считалось, что это может повредить не только действительности текста, но и самому пастуху или стаду (на стадо нападут хищники, животные будут болеть, теряться; пастуха побьет леший).

Тексты отпусков передавались от поколения к поколению, пастух, как и колдун, готовил себе преемника, чаще всего сына, которому перед смертью передавал *знание*, сам таким образом оставаясь без отпуска. По другим источникам, отпуска брались или покупались пастухами у колдунов — один раз или перед каждым новым сезоном.

Существует устная и письменная традиции отпусков. Письменная традиция пастушеских заговоров достаточно древняя — имеются рукописи XVIII в. [Бобров, Финченко 1986]. В современных письменных отпусках также сохраняются некоторые, прежде всего графические особенности старых образцов, как, например, титла, написание У как ОУ и т. п. Такие списки, как правило, существовали отдельными рукописями и оформлялись как книжечки: имели титульный лист с заглавием, иллюстрировались изображениями Голгофского креста, переплетались, передавались от поколения к поколению. Списки отпусков часто даже назывались *книга, книжка* а также *письмо*.

Письменные и устные тексты достаточно похожи друг на друга, имеют одно и то же содержание и сходную структуру, предполагающую несколько основных компонентов: молитвенный зачин, мотив выхода из дома, обращение к святым с просьбой оградить стадо *железным тыном*, сделать его невидимым для хищников и людей, способных навести на него порчу, обращение к стаду с призывом держаться вместе и закрепку³.

Кроме того, отпуска, восходящие к письменной традиции, как правило, содержат *указ* — описание ритуальных действий, которые необходимо совершать непосредственно при выгоне и в течение всего сезона пастбы.

Письменные заговоры большие, они могут составлять до нескольких десятков страниц текста. Устные существенно короче, хотя имеют примерно ту же структуру. В них при обращении к святым называются два-три имени, в то время как в письменных список святых, к которым обращается пастух, может включать до двух десятков имен; в устных отпусках нет и развернутого перечисления видов и мастей скота, персонажей, могущих навести порчу или нанести другой вред скоту (*чернаго медведя сильнаго, прокидия, прохожаго, сераго волка долгохвостаго рыскуна, серья волчицы и роду их, росомахи рысчучия и широколапья, и всякаго змя летающаго, и завистливаго, кудесника и колдуна и колдуницы, и своей думы, и своего глаза* — см. приложение). Естественно, что по этой причине заговоры, восходящие к письменной традиции, ценились выше, чем устные, — как более полные и, следовательно, как более действенные⁶. При этом устные также нередко записывались и хранились в тетрадках с заговорами или на отдельных листах. Однако это делалось с единственной практической целью — не забыть. Не существовало традиции переписывания и передачи их от поколения к поколению. Такими списками пользовались, в основном, сами записавшие. Будучи записанными со слуха, они содержат существенно больше орфографических ошибок, продиктованных особенностями диалекта, чем письменные, в них не встречается церковнославянизмов, как в письменных.

Текст отпуска, записанный на бумаге, приобретал самостоятельное магическое значение. Нередко пастух, не знавший его наизусть и не умевший читать, брал список и совершал обход, не читая, а просто держа его в руках. Это считалось столь же действенным, сколь и произнесение. Поврежденная рукопись в таких случаях не считалась ущербной и утратившей силу. Сакральное значение, таким образом, переносится с текста как такового (его содержания) на бумагу, тетрадку как его носитель. Дальнейшая сакрализация *книги* с отпуском видна в следующих обрядовых действиях: после обхода пастух прячет его в воду, преимущественно проточную (в реку, ручей, родник), чтобы у коров было много молока: «Хранился он всё время в воде. В бутылку положат, крепко закроют пробкой и

хранят в воде этот отпуск»⁷. В других случаях текст отпуска оставляли непосредственно на *поскотине*⁸, прятали в муравейник [Гуляева 1986: 178], в лесу под корень какого-либо дерева⁹, на перекресток [там же: 178], в ворота, через которые пастух прогонял стадо¹⁰, в доме за божницу¹¹, в пастушью трубу [Бобров, Финченко 1986: 157], в одежду [Ребров 1886: 49], за печку («Вот были эти вот, которые, они приежие были, пастухи, оне этот отпуск спускали в колодцы, шобы было у коров больше молока. А ўот другие кладут куда-нибудь за печку или шо, вот, говорят, у тово пастуха столько молока у коров не будит. А тот спускал в колодец, там уж я не знаю, или в бутылку ли, во што ли эту бумагу свою...») ¹² — в места, отмеченные как сакральные или связанные с потусторонним миром. Подобно любому сакральному предмету, записанный текст отпуска после первого выгона и вплоть до *заставания* скота в хлев на зиму не должен быть доступен профану. Прикосновение к нему посторонних рук грозило пастуху гибелью скота или разного рода другими неприятностями: «И никто не должен ево шевелить. А если ево пошевелят, то плохо»¹³. Как и стадо, отпуск отдавался на хранение потусторонним силам, и несанкционированное прикосновение к нему означало, что стадо *нарушит* хищник.

Список, таким образом, приравнивался к «наговоренным» предметам, над которыми прочитан текст заговора, ставшим по этой причине магическими. Если у пастуха не было рукописи *обхода*, он мог произнести его над каким-либо предметом, который после того приобретал ритуально-магические свойства и выполнял ту же функцию, что и сам заговор: охранял скот, обеспечивал хороший удой и т. п. На эти предметы распространялись такие же запреты и предписания, что и на записанный на бумаге отпуск: «У йих ключ какой-то был, они этот ключ в родник кидали, пастухи, и вот, я слышала. [Женщины говорили:] „Ну! Сей год не жди молока, ключ в сухое место положен, дак молока не будёт. А как в родник положат ключ, обойдут да ключ в родник — вот этот отпуск как слова, они вот ево заложат, закроют, — как положат в родничок — сей год молоко будёт: отпуск в сыром месте“»¹⁴; «Штобы не терялось молоко, отпуск кладут в сырое место. [Отпуск — это] слова. Может быть, на што-нибудь наговорённые. Ну там, может, он в тряпочку чево-то завязал и её, конешно, закопал. [Наговорят на] кусок хлеба, или, может, какая батожок какой маленький. Он лето будет пасти и отпуск там и должен ле-

жать. А когда он кончит пасти, я думаю, он тоже должен там лежать. И никто не должен его шевелить. А если его пошевелият, то плохо»¹⁵. Отпуск мог быть наговорен и на пастуший посох (*батог*), ветку, которой он гнал стадо (*погонялку, вицу*), трубу или рожок. Эти предметы также никто посторонний не мог трогать, пастух всегда носил их при себе. При этом часто отмечается, что в случае поломки палки он не имел права заменить ее новой.

2.А.—3.А. Лесной отпуск. Все сказанное в разделе 3 относится только к одной из двух разновидностей отпусков — к *божественным*, или *благословенным*. Второй тип составляют отпуска *лесные, страшные, неблагословенные*. Ритуал принятия отпуска и сам текст его в этом случае отличаются. Если в первом случае пастух призывал себе в помощники Христа, Богородицу и святых, то во втором он заключал своеобразный договор с лешим, по которому пасти стадо должен был сам *хозяин лесной*, за что получал жертву. Пастух же обязался выполнять ряд требований, нарушение которых считалось нарушением условий этого договора и влекло за собой серьезные последствия. Нападение на стадо хищников считалось наказанием со стороны лешего, который насылает их на скот.

В день выгона пастух также собирал стадо, пропускал через ворота в изгороди, в которых лежал пояс, замок с ключом и т. д., а затем обходил его. Однако накануне или в день выгона пастух «договаривался» с лешим. Для этого он шел в лес и клал под куст яйца, хлеб: «Вот Витя Пилов рассказывал, он сам брал отпуск: кто-то за него пас. Надо сходить в двенадцать часов [ночи] на кладбище, взять горсть земли, и три яйца от черной курицы, и замок и снести. Где скот ходит, на заполье. И он тако место находит, чтобы никто не взял, спрячет в вересовый [можжевеловый] куст, и так у него всё лето пасёт. Там всё так и остаётся. Всё выполняет правила если, так у него скот и ходит. Кто-то пасёт, есть сила такая»¹⁶. При этом леший получал плату, которая специально оговаривалась: «Первый год ты отдаёшь ему четыре яйца от чёрных куриц. Вот он тебе, за эти чёрные яйца пасёт. Нанялся на второй год — дашь ему портянки суконны новёхоньки. Он за портянки пропасёт. А третий год пасти стал — отдавай корову самую лутшую из стада. У тебя иль у другово он заберёт, куда он уведёт — неизвестно. А яйца отдаёшь левой рукой через себя. Из руки и возьмёт»¹⁷. Часто в таких случаях лешему обещали корову:

первую, которая пройдет через ворота перед обходом, самую лучшую в стаде, какой-либо определенной масти или просто ту, которую леший сам выберет¹⁸. При этом или в процессе обхода произносилась не молитва-заговор, а существенно более короткое обращение к лешему: «В статье, говорят, есь слова: „Праведной лесной, помоги мне сохранить своё стадо от ветра буйного, от зверя лютого“»¹⁹. Корову, принесенную в жертву лешему, задирали волк, росомаха или медведь — таким образом *хозяин* забирал ее, — причем пастух не нес за это никакой ответственности²⁰: «Он пасёт лесным, обходит, допустим, забор делает, кладёт жердину, пояс, свой пояс, верёвочку какую-нить, котору он потом всё лето носить будет, о жердину, штобы не сбили ногами, потом жердину наверх кладёт. Ну и потом, когда он обойдёт, у ково как: у ково третья животна, у ково девятая [прошедшая через ворота предназначена лешему]. Через пояс пойдёт в эти ворота — если девятую он сказал, значит девятую, лето пропасёт, а осенью она не придёт. Ишчут — ишчут, а чёво искать: он знает, што уж оддана лесному»²¹.

Слова лесного отпуска также могли наговариваться на какой-либо предмет — палку, пояс, рожок и т. п., — который также не разрешалось трогать профанам. Однако лесной отпуск не записывался, существовал только в устной форме: «Божественные — это вот книжечка-то и есть, вот написана эта. А лесной-то — уже там ничего»²². Такая дифференциация понятна, если иметь в виду сложившееся в традиционной культуре отношение к письменному слову как к священному. Поскольку письменность долгое время была неразрывно связана в сознании людей с христианством, то практически любой писанный текст воспринимался как сакральный. По этой причине из фольклорных жанров записывались и хранились в виде *книжек* лишь те, которые воспринимались как таковые: духовные стихи, молитвы, заговоры. Что касается последних, то они практически не отделялись в традиционной культуре от молитв и часто носили то же название. Обращение же за помощью к лешему трактуется противоположным образом — как контакт с нечистой силой, возможно поэтому обращения к *лесному хозяину* не записывались.

Наиболее же существенное различие между божественным и лесным отпуском состоит в том, что в первом случае стадо пас сам пастух («Как божественный отпуск, дак оне уж там и от зверя спасут, от всего»²³), а во втором за него это делал леший. Обязанности пастуха при этом сводились к тому, что-

бы при первом выгоне договориться с ним и в течение сезона пастьбы утром собирать стадо, доводить до леса, а вечером созывать скот и отгонять в деревню. По множеству свидетельств, все остальное делал *хозяин*, так что пастухи часто даже не появлялись в лесу, а возвращались домой: «Вот коров отгонит — пошёл домой, день спит. Время приходит, надо итти за коровами, ну штобы загонять. Садица на огород — опять это: „Уля-Уля, Улюшка“. Коровы пошли. Он знает, сколько коров и какой коровы нету»²⁴. «Стадо угнал туда вот, за деревню, погнал к лесу, поворачивается и идет домой. Он за скотом не ходил. Хозяйка готовит ему, блины пекёт, кушать ему готовит, напоит утром, на обед даёт ему ищё, и он шёл домой. Отдохнёт там часов до четырёх вечера. В четыре часа собираецца, опять пошёл. Пошёл туда, за поля все прошёл, в рог заиграл только — всё, коровы как знают: все придут, колокоблы брякают, всё выходят уже на дорогу. Значит, что-то у него был кто-то... выгонял скот. Лесной помогает ему»²⁵.

4. Образ жизни пастуха во время сезона пастьбы. После принятия отпуска пастух должен был в течение всего сезона пастьбы соблюдать ряд запретов. В нашем материале не содержится указаний на принципиальное различие в поведении пастуха, пасущего *лесом* или *божественным отпуском* — разница имеется только в нескольких деталях, например, при божественном отпуске пастуху запрещалось есть красные ягоды, а при лесном — черные. Итак, пастуху на срок действия отпуска не разрешалось:

а) собирать грибы, есть ягоды или уносить их из леса, ломать ветки, разорять птичьи гнезда, муравейники, ловить, убивать зайцев и других лесных животных, хлыстать по траве, по земле, ловить и есть рыбу, в первую очередь щуку, копать землю (даже в огороде) и т. д.

б) стричься и бриться, пасти в своей одежде, здороваться за руку, брать предметы непосредственно из чужих рук, перелезть через изгородь, порезаться до крови, видеть кровь и т. д.

в) спать с женщиной, пить водку, материться, браниться, есть из чужой посуды, гнать скот по селу, когда в нем покойник, ходить на похороны, лгать другим пастухам, драться и т. д.

Как видно из перечисленных фактов, запреты распространяются на образ жизни пастуха, с одной стороны, и на его взаимоотношения с лесом и, шире, — с миром природы, которому он препоручает стадо, с другой. Пастух, пока длится се-

зон пастьбы и, соответственно, пока действителен отпуск, не должен нарушать целостности леса, наносить какой-либо вред, урон природе вообще. Здесь можно усмотреть характерные для обрядности в целом отношения взаимности, согласно которым блага, получаемые человеком от высших сил, должны быть оплачены им или посредникам — в связи с этим плата, пусть даже символическая, исполнителям обряда есть необходимый его элемент. В нашем случае лес, или леший (слово *лес* может использоваться как одно из обозначений лешего: *лес праведной, лес богатой*), пасет и оберегает скотину, пастух же оберегает лес. Соответственно, нарушение целостности леса со стороны пастуха повлечет нарушение целостности стада со стороны леса/лешего. Поэтому даже *погонялку* — ветку, которой пастух гоняет стадо, — следует заготовить заранее, до принятия отпуска. При этом обычно делалось сразу несколько их, чтобы не остаться в середине пастбищного сезона без *вицы*, если одна сломается.

Стадо на время пастьбы отделяется от мира культуры, пространства, освоенного человеком, и вводится в чуждый ему мир природы. Пастух как посредник между первым и вторым должен обеспечить целостность последнего, тем самым сохранив и стадо. Примечателен среди перечисленных предписаний запрет есть щуку. Во многих данных подчеркивается, что именно этот сорт рыбы нельзя употреблять в пищу пастуху, пасущему с отпуском. Это объясняется особыми представлениями восточных славян о щуке как о хтоническом существе, что может быть обусловлено ее внешним видом: по форме она похожа на змею, пестрота — также характерный признак хтонического персонажа, большие и острые зубы напоминают хищников [Грысык 1992]. Щука упоминается и в текстах отпусков, где она, проглотив, прячет ключи от тына, который огораживает стадо, защищает его. В обходе, сопровождающем произнесение отпуска, пастух также может иметь при себе среди различных перечисленных выше предметов и щуку, которая таким образом, в известном смысле, помогает пасти стадо.

Следующие две группы запретов касаются самой фигуры пастуха и его положения. В литературе не раз отмечалось, что пастух имеет особый социальный статус [Максимов 1994; Щепанская 1986; Криничная 1994]. Эта особенность определяется несколькими факторами. С одной стороны, данная профессия традиционно относится к разряду неквалифицированных и тяжелых, поэтому в пастухи обычно шли люди неимущие или

неспособные к другой работе: сироты, бобыли, подростки, калеки и проч. С другой стороны, почти все перечисленные категории людей традиционно воспринимаются как маргинальные и, соответственно, считается, что они существенно ближе к потустороннему миру, легче вступают с ним в контакт, способны колдовать или наводить порчу²⁶. Кроме того, как уже отмечено, на русском Севере пастухи приравняются к колдунам, считаются *знающими* и умеющими договариваться с лешим. Поэтому они и сами воспринимаются, в некотором роде, как представители иного мира, или, точнее, как лица, находящиеся на границе «этого» и «того» света.

Таким восприятием определяется следующий ряд запретов (б). Пастух должен был отличаться от прочих людей не только поведением, но и внешностью. Известно, что открытые, длинные или распущенные волосы суть признак принадлежности хтоническому миру (ср. распространенное представление об облике русалок как о девушках, расчесывающих длинные волосы, а также строжайший запрет хозяйкам гнать скот к пастуху или домой, ходить в хлев гологоловыми; то же можно встретить в текстах пастушьих отпусков, когда высказывается просьба оградить стадо *от девки простоволоски*, или *пустоволоски*). Принимая отпуск, пастух временно переходит в специфическое состояние, становится представителем иного мира, как бы выступает от имени потусторонних сил, пасущих стадо, что подчас отчетливо осознается и самими носителями традиции: «Идёт из лесу пастух-от, дак думаш — леший. У ково живёт, как нету в селе пастуха, дак такой, што немесный, дак в лаптях, в чево наредиш. Иногда дак даёш и женску оболочку, дак всё равно идёт»²⁷. Инаковость пастуха *во время отпуска* эксплицируется тем, что он подчеркнуто не имеет своего имущества и жилья: на протяжении всего сезона пастьбы хозяйки кормят его по очереди — по стольку дней, сколько коров ходит пастьсь со стадом. При этом пастуха угощают завтраком и ужином и дают пищу с собой на *поскотину*. Кроме того, хозяйка дома, где он столуется в данный день, дает ему одежду, которую пастух возвращает вечером. Иногда он даже ночует по домам у хозяек. Такому образу жизни очень подходили пришлые пастухи, воспринимавшиеся как более опытные и умелые, чем местные («Ваганы хорошо пасли, ребяятишки тож. Ещё иногда придут в Велико Говинье да наймуцци, вот до выгона все живут, дак по домам, да кое-цем прокормяца»²⁸. «Придёт позавтракает, хлебушка возьмёт, с поскотины

идёт — опеть ужинаёт. И раньше тоже одевали ево — пошто? От я, например, у нево живу — штобы меня одел. Он как приходит с пазбища, роздевается моё, своё одевает, руки вымоёт, поужинат, потом домой»²⁹). Затем эта последовательность повторяется — и так до осени. Таким восприятием пастуха объясняется запрет прикасаться к нему при приветствии или при передаче каких-либо предметов. В этом случае требуемый предмет кладется на землю, откуда пастух и берет его. Во время первого выгона хозяйки приносили угощения (яйца, пироги) к месту сгона и клали в заранее определенное пастухом место, где были приготовлены сумки или корзины.

Запреты, образующие третью группу (в), мотивированы требованием соблюдения пастухом ритуальной чистоты, что, казалось бы, противоречит запретам из группы (б). Однако и те, и другие регламентируют поведение пастуха, долженствующее соответствовать его обособленности, выделенности из общины. Можно предположить, что требования воздержания были связаны с *божественным отпусками*, тогда как запреты из группы (б) — с *лесным*. Однако такое предположение не подтверждается полевыми сведениями, согласно которым носителями традиции эти требования не дифференцируются и перечисляются все вместе.

В случае нарушения отпуска, то есть запретов пастух подвергался наказанию со стороны лешего. Степень серьезности этого наказания варьируется: могло пострадать от хищника одно или несколько животных в стаде, сам пастух мог быть побит или даже убит лешим. Обычно леший бьет пастуха верхушками деревьев или ветками: «У нас Кононов-то пас. За загорским полем-то его ухлестало-то. А он как кричал — и так вот и помёр. Привезли домой — ягод поел. Чёрных. Говорит: „Иду, а ведь нельзя ести, — отпуск, видимо, что каких ягод там нельзя. — Черёмуха такая завидная стоит, не знаю“, — это сын-то уже рассказывал. Ну вот и выгонили, встретились, и слышали, как кричал: „Ты за что меня, ты за что меня?“ Это лесной ево захлестал вичами [ветками]. Нельзя было чёрных ягод есть»³⁰.

Нарушение пастухом запретов, которые он должен соблюдать, означало нарушение баланса между потусторонними силами и людьми (пастухом), а значит — расторжение заключенного между ними договора. Помимо собственно наказания, пастух лишался возможности пасти в лесу до конца действия отпуска, то есть до конца сезона, и вынужден был гонять ста-

до в луга, где отпуск не требовался. Однако иногда отмечается, что в случае нарушения отпуска, то есть несоблюдения запретов, особенно касающихся сохранения ритуальной чистоты, пастух мог исправить положение, вымывшись в бане. Помимо того, искупить вину можно было, задоблив лешего и попросив у него прощения: леший в наказание «угонит группу коров да и три дня не отдаст. Вина ему бутылку неси. [...] чтобы прощение дал. Вот опять в двенадцать ночи идёшь, просишь. Ево не называешь, а „хозяин, хозяин-барин, где мои коровы?“ — Прощтрафился, — говорит, — так поищи сам. [Водку, когда идешь у лешего прощения просить,] поставишь там опять в [лесную пастушью] избушку, он унесёт»³¹.

Наряду с запретами, регламентирующими образ жизни пастуха, встречается еще и ряд запретов, адресованных жителям села, в первую очередь хозяйкам скота, женщинам, которые *обихаживают* животных и, соответственно, больше других общаются с пастухом. Они не должны появляться перед пастухом и у скота *гологоловыми*, босыми, в подоткнутой юбке или в одной рубашке, девушкам запрещалось водить с пастухом хороводы [Богатырев 1916; СА (повсеместно)] и т. п., то есть вести себя подчеркнуто правильно, в соответствии с нормами, существующими в мире людей. В противном случае они могли подвергнуться наказанию со стороны последнего: нарушительниц запретов он хлестал *вицей*, *погонялкой* — розгой, которой гонял скот. Таким образом, статус пастуха должен был поддерживаться не только им самим, но и окружающими.

Обязательная принадлежность пастуха — палка или розга, а также труба, рожок или *барабанка* (доска, по которой он бил палочками) — имели особое значение. Будучи специфическими атрибутами этой профессии, они приобрели магические функции. *Погонялка* не столько служит орудием физического воздействия на животных (часто пастуху, если он берет отпуск, запрещается хлестать скот), сколько символом власти и магического знания. С ее помощью он управляет стадом (распускает его, воткнув в землю, и собирает, вынув из земли). В этой связи интересна широко распространенная на русском Севере поговорка, согласно которой скот пасет *до Ильи батожок*, а с *Ильи пастушок*³² (имеется в виду, что после Ильина дня пасти труднее и требуются усилия самого пастуха). В определенных ситуациях палка или ветка служит средством, регламентирующим отношения пастуха с хозяевами животных: если хозяйка нарушает определенные пастухом нормы поведения, он может

отхлестать ее *вицей* (ср. типичное наказание самого пастуха со стороны лешего: он бьет его ветками или верхушками деревьев). Кроме того, «она [...] имеет то значение, что если перебро- сить ее через скотину — она не будет уходить от дому далеко, куда уводит ее леший» [Ефименко 1877: 164]. Труба же, рог или барабанка выполняют, по наблюдениям Н. А. Криничной, тройную роль: сигнальную (оповещает о начале пастьбы), объ- единяющую (на «трубинный глас» выходит все стадо) и отпу- гивающую (считается, что хищники не могут подойти к стаду ближе, чем расстояние, на которое раздается звук трубы [Кри- ничная 1986: 184]).

Итак, пастух, принимая отпуск и призывая таким образом на помощь высшие силы, сам становился посредником между ними и стадом, проводником магического воздействия и по- этому объединял черты человеческие и «потусторонние». Вме- сте с тем, хозяйки скота полностью исключались из этой ком- муникации, на что указывают многочисленные полевые записи, в которых информанты подчеркивают не только то, что им не- известно, что делал пастух, но и то, что он тщательно скрывал от них свои действия. С момента сгона скот отчуждался от хо- зяев и переходил в ведение пастуха. По некоторым данным он даже запрещал им звать коров по имени: «Раньше нельзя было называть [корову по имени]. Пастух не разрешал. На поскотине нельзя»³³. В случае же нарушения пастухом каких-либо запре- тов, налагаемых на него отпуском, он исключался из данной коммуникативной модели (*лес* (леший и др. высшие силы) — пастух — стадо), вследствие чего стадо оказывалось в ситуации повышенной опасности, не имея посредника в общении с поту- сторонним миром.

Одновременно в день первого выгона сходный с описанным обряд производился в каждом доме самими хозяйками: они также обходили своих животных во дворе, кормили специально испеченным хлебом, произносили заговор, обращенный к хо- зяину — как правило, дворовому («Хозяин, хозяйюшка, выпус- тите вы, там, бурёнушку или телушеньку, помогите вы ей, выпустите и встретите»³⁴), реже — к лешему. Затем скот про- ходил в ворота, в которых клался пояс, впоследствии надевае- мый хозяйкой, замок с ключом или кочерга и т. п. Часто этот обряд также получал название *отпуск*. Однако между этими ритуалами можно усмотреть некоторую разницу. Основная цель обряда, исполняемого хозяйкой, — сделать так, чтобы коровы

ходили со стадом, хорошо питались и возвращались домой. Главная же задача пастуха — сохранить стадо от нападений хищников, от порчи и болезней. При этом оно делалось невидимым для тех, кто мог быть источником несчастья (зверей, колдунов, персонифицированных болезней и т. д.). Посредством отпуска, по народным представлениям, стадо как бы переносится в иную реальность, перестает быть самим собой, сливается с миром природы и, будучи его частью, пребывает в безопасности. В пастушеских заговорах эта идея выражена пожеланием, чтобы коровы казались *при траве травой, при воде водой, при корени коренцем, при камени каменем, при лесе лесом*. Сходным образом это описывается в устных рассказах о пастухах и их отпусках: «Дядюшка пас коров и ему дали отпуск, только нужно было правила соблюдать: што можно делать, што нельзя. Дядюшка што ходит в мелком кустарнике, и среди коров ходит медведь, муравейник роет и всё коровы его не боятся, и тот коров не трогает»³⁵. «Некоторые пастухи и с лесным зналися. Отпуска брали, что он вот такой отпуск возьмёт ... у нас вот тут Васька пас — медведь будет ходить в стаде, а коровы ему будут казаться — как пеньки. Он не видит коров, что пеньки. Вот такие брали отпуска пастухи»³⁶. Примечательно, что и пень в народном сознании связывается с лешим: «Идешь — блазнится [черт], а выйдешь — пень» [Богатырев 1916: 45].

Подобное состояние стада есть прямое следствие воздействия не столько пастуха, сколько лешего (впоследствии то же действие стало приписываться и божественной силе), на что красноречиво указывает севернорусское верование в возможность *закрыть* скот. Под этим термином подразумевается такое воздействие на животное, вследствие которого оно оказывается как бы внутри замкнутой границы, переступить которую не может. Одновременно оно перестает быть видимым для хозяев и других людей — никто его не видит, даже проходя по месту, где оно находится, или пребывая в нем длительное время. Животное само по себе не исчезает и не превращается в пень, бревно, камень и т. п., как его видят со стороны, а продолжает жить своей нормальной жизнью, но не может выйти из отведенного ему места и стать видимым, пока его не *откроют*, поэтому может умереть от голода: «У нас в Слободе был старик, так он закрывал коров. Не придет корова домой. Ищут, ищут, никак найти не могут, говорят, знахарь закрыл. И вот дают ей место, штоб ей легти только и всё. И вот она

там выгрызет все до самой земли и там поддыхает. Надо найти целовека, чтобы ее открыл. Я слыхала. Она говорит: „Закрела корову, да искали всей деревней ходили, не могли найти. Ходили, там колдун был“. Этот колдун ее открыл, оне пришли, говорят: „Мы на корове сидели, сидел мужик, курил, коробок спичек оставил, пришли, и коробок этот на корове“³⁷. Однако, как только колдун или знахарь, который в состоянии видеть *закрытое* животное, скажет, где оно находится, оно становится видимым (как и при нарушении отпуска, здесь устраняется некая граница, отделяющая скотину от людей). Со скотом в этом случае происходит то же, что и при отпуске, но объект, от которого он должен быть спрятан, иной. *Закреть* животное может леший, если оно или его хозяева как-то ему не угодили или если выбрать скотину (например, послать ее *к лешему*), или колдун, прибегши к помощи лесного хозяина. Общая природа *закрывания* скота и отпуска осознается и самими носителями традиции: «...как отпуск хороший, так медведь не видит коров... как *закреты*, ну, невидимые»³⁸.

Характерная особенность обрядности первого выгона на русском Севере заключается в том, что фактически один и тот же ритуал исполняется дважды — хозяйкой и пастухом, — правда с некоторым различием в семантике. В других славянских регионах их роли не дублируются. Обход стада и его прогон через или между определенными предметами совершается или хозяевами, или пастухами. При этом основной набор предметов и действий широко распространен по славянской территории. Эти действия и предметы имеют, главным образом, охранную семантику. Скот совершает опасный переход из «своего» пространства в «чужое» и оказывается подверженным целому ряду опасностей, поэтому символика пути и преодоления границы преобладает в обрядах первого выгона [Плотникова 1995: 109]. Первый этап этого пути — выход из хлева (загона) или двора. Животные, выходя из него, переступают через положенный в воротах или закопанный в землю замок, безмен, яйцо, пояс, острые режущие предметы: топор, нож, косу; предметы печной утвари: кочергу, клещи; ткацкие орудия: бердо, навой, нит³⁹. Аналогичные действия могли производиться по пути на пастбище или при входе на него [Podolák 1967: 100–102]. У южных и западных славян наряду с поясом, режущими предметами и предметами ткачества скот переводится через цепь [Mödersdorfer 1946: 160, §1087; Podolák 1967: 100] (то же делали и в

Харьковском уезде [Зеленин 1991: 89]), пастуший кнут [Podolák 1967: 100–101]. Ритуальный обход скота совершали сами хозяева, после чего животных прогоняли через ворота, в которых лежали перечисленные предметы, или пастух, который обходил уже все стадо. У восточных славян обход обычно совершали хозяева. В Белоруссии, в Могилевской губ., хозяин после молитвы обходил своих животных, держа в руках хлеб и освященную вербу, кропя скот святой водой и окружая нитками, после чего гнал их в ворота, где лежал запертый замок, накрытый сковородой. В Ковенской губ. хозяин обходил стадо с тарелкой, на которой стояла икона, три зажженные свечи, лежали яйца. За ним шла хозяйка с горшком углей и освященной травой, которой окуривала скот [Соколова 1979: 159]. В окрестностях Минска хозяин обходил свой скот с сумкой, в которой лежали кусок хлеба, соль, средокрестное печенье в форме креста, нож, три камешка, топор, безмен, яйцо и громничная (сретенская) свеча [Зеленин 1991: 88]. В Центральной и Западной Болгарии (окрестности Кюстендила, Софии, Перника) на Юрьев день (день первого выгона) после выпаса свое стадо обходил нагой ребенок или женщина, держа в руке землю с трех мест, куда была насыпана соль для скота. Затем эту землю клали в кормушку для обеспечения хорошего удоя [Колева 1981: 53]. Широко в Болгарии распространены обходы хозяевами овечьих загонов на Юрьев день с хлебом, который потом разламывали и давали пастухам или клали в кормушки для обеспечения здоровья и хорошего удоя овец [Маринов 1981: 615]. Подобные действия распространены и у других славян.

В других регионах сходные обряды могли производить и пастухи. В Карпатах в день замера молока у овец (*mira*) пастух «заставляет их [овец. — А. М.] пробежать три круга, сам берет топор, огонь, *ужоу* (деталь плуга, большое деревянное кольцо, которым соединяются между собой сам плуг и его передок) и бежит вокруг стада: тогда дикие звери не тронут овец» [Богатырев 1971: 242–243]. В Болгарии, в Родопах, стадо в ночь на Юрьев день, после полуночи, в *глуха доба*, обходит 9 раз нагой или раздетый до пояса пастух, держа обереги: пастуший посох с изображением змеи, красный пояс [Дражева 1994: 216]. В Оршанском у. Могилевской губ. пастухи обходили стадо два раза: утром с иконой и вербой, вечером с яичницей, зажаренной из собранных у хозяев скота яиц [Шейн 1887: 169].

Пастушеские атрибуты и орудия повсеместно в славянском мире считались магическими предметами. Звуки, издаваемые

пастухами при помощи бичей или труб, служили отгонным средством, защищающим животных от хищников и ведьм, поэтому в день первого выгона обязательно следовало трубить и щелкать кнутами. То же значение приписывалось и стрельбе и просто шуму и стуку [Podolák 1967: 101; Дражева 1994: 216; Николић 1996: 103; Möderndorfer 1948: 217, § 1816; 220, § 1839]. Ветка, с которой пастух в первый раз гнал стадо, имела особое значение, близкое семантике *погонялки* на русском Севере. В Словении пастух в день первого выгона не выпускал ее из рук, чтобы в течение лета овцы не терялись. Затем она клалась в ясли [Möderndorfer 1948: 195, § 1662; 240, § 2052–2053]. В окрестностях г. Толмина, в Словении, пастуху предписывалось пасти весь сезон с одной веткой [там же: 240, § 2050].

Широко в славянском мире было распространено презрительное отношение к пастухам, в котором часто просматривается их восприятие как нечистых в ритуально-магическом отношении. В этом смысле показателен пример из Словакии, где «пастухи по социальному статусу соотносились со звонарями, могильщиками [...] и др. профессиями, считавшимися нечистыми [...] Парни из семей пастухов не могли общаться с дочерьми обеспеченных родителей: разговаривать с ними прилюдно, танцевать на вечеринках, жениться. При встрече с односельчанами первым должен был здороваться пастух. Пастух не мог войти в дом хозяина стада, чтобы получить плату, и ждал во дворе, пока ему ее вынесут. При посменной пастьбе пастух, вернувшись с пастбища, не входил в дом хозяина, а ждал у дверей, пока ему не вынесут пищу или не предложат войти. Члены хозяйской семьи всегда говорили пастуху „ты“, только в исключительных случаях, когда молодой родственник хозяина говорил со старым пастухом, он мог сказать ему „вы“, но называл его по крестному имени». Пастухи оставались пастухами всю жизнь и передавали свое ремесло по наследству [Podolák 1982: 111].

При этом, однако, способность пастуха колдовать не подчеркивается так ярко, как в северных областях России, хотя в некоторых регионах они также произносили при обходе стада или в других случаях заговоры (Могилевская губ., Родопы; см.: [Шейн 1887: 169; Дражева 1994: 214; Пашев 1907: 134–135]). Такие заговоры направлены на замыкание хищникам пасти и не предполагают более сложных взаимоотношений с потусторонним миром⁴⁰. Только на русском Севере пастух воспринимается даже не как колдун, а как представитель иного мира, то есть «демонологизируется». Эта особенность может быть объяс-

нена специфическим образом лешего, *лесного хозяина*, контакты с которым и определяют в значительной степени характер пастушеской обрядности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пастушеский отпуск ⁴¹

[л. 1]

Господи благослов [надпись с двух сторон креста]

Коровий обход

[л. 1об. — изображение креста]

[л. 2]

Коровий. обход.

[надпись сделана под изображением креста]

[л. 2об.] Воимя Отца Исына// Исвятаго, Духа Аминь.// поклонъ, Боже, Милостливъ,// буди. мне, грешному. поклонъ [последнее слово вписано] со-//Здалъ. меня. Господи, и// помилуй. пок[лон — начало слова вписано] безчисла я// согришилъ господи, про-//сти, и помилуй. пок[лон — начало слова вписано] три поклона. Земныхъ. Госпо-//ди, Исуссъ, Христъ,// сынъ. Боже, помилуй.// № 1 * .// [л. 3] Меня. грѣшного. и. госпо-//ди, благослови раба, Божья// Александра поклонъ, Земной// стану я рабъ. Божий.// Александръ /имѣркъ// Благословесь. пойду я// Перекрестесь. изъ избы// двѣрми. изъ двора воро-//тами. выйду я Р. Б.// рабъ Божий /имѣркъ// въ далекое. въ чистое, полѣ.// Умоюсь. Утреннею.//№ 4.// [л. 3об.] росю и Утрюсъ свѣ-//тлюю, Луною, оденусь,// Утреннею, Ясною, Красною/ [в тексте слѣш с одной стороны] Зарёю и Опояшусь, вечернею// росю, подъ. тыкусь ча-//стыми, Звѣздами, что// вострыми, стрѣлами,// небомъ покроюсь, и Землю,// подъ ноги, положу...// помолюсь, я спасу,// и пречистой Бого-// родицы, Николаю// № 5.// [л. 4] [часть страницы испорчена] [...К] **узмы// [...Демия]ну. С[а]фу. и мельса//[фу ...]аствайте. мѣня// пастыря. раба. Божья /имѣркъ/ надобное дело,// скотъ пасти, и поставъ// Господи, царю. небесный,// около, меня. раба. Божья// /имѣркъ/ и около моего ста-//да, скота, крестьянскаго,// живота, три, тына,// № 6// [л. 4об.] [часть страницы

* Цифра обозначает номер страницы.

** Отточие стоит на месте испорченного текста; текст в квадратных скобках восстановлен.

испорчена] [...]семь [...]// Булатны[й] [...]// и доземли, и ут[...]// въ Ихъ, Господи, въ Землю.// Сорокъ сажень. Отъ всяка-//го Лѣснаго Звѣря. и отъ// Злаго человеѣка, врага, и,// супостата, и постави,// Господи къ тѣмъ. ты-//намъ, три. Огненныхъ,// столба, и ворота, соз[д]аль// № 7// [л. 5] [часть страницы испорчена] [...]тны[...] безъ [...] золотыми.// [...]тинный Христос, Богъ// сими Золотыми ключами.// Замкни. булатныя, Замки// Наворотахъ; Отъ всякаго// врага, и супостата и// Злаго человека, и отъ// еритика, и еритицы,// Отъ Колдуна, и колдуницы,// И Отъ заугольника, и отъ// Лѣснаго, полодника [описка — колодника], и отъ// № 8// [л. 5об.] [...]ритульиш[...]// [...]щаго, И Отъ непр[...] — иятеля(?)// Босурмана [«на» надписано сверху], Отъ черн[еца и отъ]// черницы. Отъ ко[лд]уна// и колдуницы. Отъ вѣдуна// и вѣдуньи, и отъ черного,// Зверя, медвѣдья. широко-//лапаго, Отъ прокудника, и,// проходника, и Отъ Медвѣ-//дицы широколапая, и// и Отъ росомахи рыску-//чия: и широколапая,// № 9// [л. 6] [часть страницы испорчена] [и отъ] сѣр[аго и] бураго// [...]атаго волка, дол[...]паго [возможно: «долголапаго»]. рыскуна, и отъ// роду ихъ. Отъ. Змія // ползающаго, и Отъ всякаго// Гада, морскаго, Лѣтающаго, и Отъ всѣхъ ихъ Отро//ковъ, Свѣтъ истинный// Христось, царь, небесный,// Отъ тѣхъ, Замковъ.// Булатныхъ тѣ ключи,// № 10// [л. 6об.] [часть страницы испорчена] [...]олотые в[...]ечи, [...]// море, синѣй, и океан[...]// ли, господи. истин[ый] Хри// стось, царь, небес[ый...]// пресвятая, Богородица и// всѣ. силы небесныя. и свя-//тые, вѣликомучинники, и// стратотерпцы. Христовы,// тѣ ключи, Золотые, прогло-//титъ, вѣликой, рыбы, щуки// съ тѣми, ключами, Золо-//тыми. Опуститцы. въ// пучину. морскую, подъ// № 11// [л. 7] [часть страницы испорчена] тырь,// [...] неворочатся, и так [...] уменя, раба Божья.// [Алекс]андра /имѣркъ/ и моего,// милаго стада, любимаго.// скота, крестьянскаго живо//та, не моглибы — не попор-//титъ. и не поворожить и// не умомъ, подумать, ни// Еретику, Ни еритицы, ни// колдуну, ни колдуницы; ни// Вѣдуну ни вѣдуньи, ни чер-//ницу ни черницы, и ни// № 12// [л. 7об.] [часть страницы испорчена] [...]живцу[...]// Отроку. Ни отро[ковице]// Ни какому что[...]// крещенному и не крещено-// Му. и всякому. Лесному.// Зверю: черному. и Одно-//бродному. Медведю. и Ме-//дведицы, и Опрокідію. Мо-//шейнику. и прохожему.// недобыть, — бы меня: раба// Божья. Александра /имѣркъ,// пастьря, и моего, Любима-// № 13.// [л. 8] гостада, скота, крестьян-//скаго живота, Милыхъ// Коровушекъ; рогатыхъ и// Ком-

латыхъ, коровъ подтел-//ковъ. и Быковъ холощенныхъ// и не холощенныхъ, всякихъ,// шерстью. Сколько господь,// сотворилъ на Земли, гдѣ-// Я рабъ Божій, Александръ// Ходучи, вмоей поскотины// въ лугахъ въ горахъ, въ лѣсахъ,// и Бологахъ. и на всякомъ.// № 14.// [л. 8об.] Мѣсти поднебесами, и// наводѣ. и на земли. и// на древѣ. и гдѣ прилу-//чится. Моему. Любимому// стаду. скоту. крестьян-//скому. животу коровуш-//камъ. Быкамъ, телушеч-//камъ. И Малинькимъ.// теляткамъ. всѣхъ// разныхъ. шерстей,// рогатому. и комлатому// и всякому скоту кото-// 15.//[л. 9] рый. сомною. ходитъ въ// стадѣ. свѣтъ истинный// Христось царь. небесный// и пречистая, мати,// Богородица и Угодники// Божіи Николай чудо-// творецъ, скорый помошт-//никъ, Михаилъ Архангелъ.// и Гавриїлъ и Дмитрій солунскій, и священному//чиники. Власій и медосте// патриархи. и страсто-//16.//[л. 9об.]терпцы, Георгій, Асафъ// и мельсафъ хранители,// и Збѣрегатели, Лука// Евангелистъ Заступ-//никъ. Залучайте, Мое// Любимое, стадо, изпо-//скотины, ковсякой// ночи домой во дворы;// изъ Залуговъ и изъ// Заболотъ, и изъ Лѣсовъ// и изъ Зовсякаго места// поднебесами, и святые// Флоръ и Лаверь и //17.// [л. 10] Козьма, и Демьянъ, асафъ// имельсафъ хранители// и Збѣрегатели меня.// раба Божья Александра,// и моего любимаго стада,// спасите, сохраните// и Збѣрегите мою Ми-//лую скотину, крестъ//янскую животину, Отъ// всякаго врага и супо-//стата моего; Стада,// Милыхъ коровушекъ// телушекъ и Бычковъ-//18.// [л. 10об.] холощенныхъ и нехоло//щенныхъ Малинькихъ// Малинькихъ телятокъ// всехъ рогатыхъ и ко-//млатыхъ и всякаго// рода разной шерсти// какую господь сотворилъ,// Закройте: и защитите:// отъ чернаго медведя// сильнаго и отъ прокидія// прохожаго, и Отъ сѣра-//го волка долгохвостаго//19.// [л. 11] рыскуна Сѣрые волчицы// и отъ роду ихъ Отъ// розсомахи рыскупчѣе и// широколапыя и отъ// всякаго змія Летаю-//щаго, и отъ завистли-//ваго, кудесника и Отъ// колдуна и колдуницы,// и Отъ своей думы и Отъ// своего лепту [?] и глаза// и кто станетъ меня// раба божья Александра,//20.// [л. 11об.] портить и путатся// около моего стада// любимаго скота,// крестьянскаго живота// и такъ пустьже тотъ// злой человекъ нанебѣ звѣ//зды, сосчитать, и кру-//гомъ синя моря песокъ// перечитать и пере-//зобатъ// и латырь каминь изъ// моря Выкатить и всю// воду морскую выпеть// и морѣ высушить и Эту//21.// [л. 12] рыбу щуку возьметъ// и вынетъ изъ нія тѣ-//ключи золотые отъ тѣхъ// Замковъ Булатныхъ и// отъ томкнетъ Булатные// зам-

ки, тогда то онъ злой // человекъ Можетъ и Меня // раба Божья
 Александра // и мое, Любимое, стадо. // скота крестьянскаго //
 Живота можетъ спортить // и какъ не Можно. злomu, // человекъ-
 ку и Лихому, //22. // [л. 12об.] на небо смотреть звез- // ды сосчи-
 тать и изъ сѣня моря песку не // пересчитать. и не пе- // такъ
 воды морской не // выпить и море не засу- // шить и Латырь
 камень // не найти перезобать, // такъ и щуку не добыть // содна
 или изъ гупа [описка, должно быть: pupa] // морскаго. изъ
 подбела // камня Латыря и когда //23. // [л. 13] Уродущаго телѣн-
 ка // Родится теленокъ и // когда бѣлой камень // Латырь содна
 морскаго // выстанетъ и повѣтру // Лѣтать будетъ и то- // гда тотъ
 злой человекъ // и Лихой Эту щуку до- // будетъ и ключи вы-
 нетъ. // и не когда родущій теле- // нокъ неродитъ теленка // и не
 когда Латырь. //24. // [л. 13об.] камень содна морскаго // не вы-
 станетъ во вѣки, // вѣковъ, также и не когда // бы тому злomu
 человекъ // и лихому щуки содна // Морскаго изъ подбѣла //
 камня Латыря недо- // быть, и ключевъ не вынетъ // вовѣки
 вѣковъ. такъ же // меня раба Божья // Александра /имѣрь/ и
 Мое, // Любимое стадо, не по- // портить вовѣки вѣковъ, //25. //
 [л. 14] и не какому злomu человекъ- // ку. и Лихому супостату. //
 Не еретику Не еретицы, // Не чернецу. Не черницы, Не //
 бѣльцу, Не бѣльчицы, Не // старцу, Не старицы, Не // Отроку.
 Не отроковицы // [вписано между строк другими чернилами:
 «и не какому, человекъ»] // и не черному зверю Ме- // двѣдю
 широколапому и // Медвѣдицы Широколапой, // и Не проколо-
 бому На пу- // щеному и не опрокидію. // прохожему, и не сѣро-
 му //26. // [л. 14об.] волку долгохвостому ры- // скуну и не волчи-
 цы тѣхъ // тыновъ кои У моего // стада /Созамками бу // латными
 ключами // золотыми не передти и не перескочить и не // под-
 копатся и не про- // бить, и непрогрысть // въ вновѣ месяцѣ пе-
 рекрое // месяцѣ и на ветхѣ // месяцѣ. и во всѣ дни // и вовсѣ
 дни // и вовек (24. часа) // двадцать, четыреъ часа //27. // [л. 15]
 вовѣки вѣковъ. и // Кто будетъ и станеть // меня раба Божья //
 Александра /имѣрь/ // портить: словами // травами и кореньями //
 и мое Любимое стадо // скота Крестьянскаго // живота. И тому
 человекъ- // ку свѣтъ истинный Хри- // стосъ, Богъ. языкъ и Уши, //
 вынь Унего, и очи и золба, // выкопай чтобы тотъ // человекъ
 меня раба Божьяго, //28. // [л. 15об.] Александра очами не уви-
 дять // и Ушами. Меня раба Бож- // яго Александра не-услы- // шаль
 и словами не пор- // тилъ и мыслѣю не мы- // слилъ на Мое стадо
 милыхъ // коровушекъ рогатыхъ и // комлатыхъ и разныхъ //
 шерстью, коровъ, быковъ, // телушекъ и малинькихъ // Теля-

токъ, которые, сомною // въстадѣ, покажитесь, // бѣлыми кам-
 нями вся- // кому врагу и супустату // 29. // [л. 16] черному Зверю
 медвѣдю // и медвѣдицы, и сѣрому, // волку и волчицы и росо-
 махи, // рыскучіе, покажитесь // приводы, водой, при огне огнемъ, //
 при Земли Землею при- // лѣси Лѣсомъ, прикустѣ // кустомъ,
 при травы тра- // вой, при горы горой, // присуторки суторкомъ, //
 при камене каменемъ, // при ключи ключемъ, при // пенъе
 пенемъ, при коло- // дѣ колодемъ всякому // 30. // [л. 16об.] лу-
 кавому Звѣрю черному // медвѣдю, и медвѣдицы. // сѣрому,
 волку и волчицы // и росомахи рыскучіе // и широколапые во
 всякое, // время отъ вѣсны доосени, // въ темномъ лисѣ въ //
 осеку и Заосикомъ въ // молодѣ, месяцѣ перекрое, // месяцѣ и
 На ветхѣ // месяцѣ вовсѣ дни и // почиво, всѣ (24 часа) // двад-
 цать четырѣ, часа. // Какъ Малые мурашки въ // 31. // [л. 17] Му-
 равейникъ приходятъ // ковсякой ночи отъ Вѣ- // сны, доосени
 одной тро- // пинкой и одной дорошкой // другъ задрушкой куч-
 но // и плотно: такъ-жебы и // У меня раба Божья // Александра
 /имѣрь/ // пастыря приходило, // и сокоплялось мое Люби // мое
 сто до скота крес- // стьянскаго живота // милые коровушки рога-
 тые // и комлатые холощены и // 32. // [л. 17об.] не холощенные
 телушечки, // Бычки и Маленьки, телят- // ка всякая скотина
 раз- // ныхъ. шерстей которыя, // въ моемъ стадѣ всѣ они //
 шли-бы домой съ поскоти- // ны, другъ за друшкой // кучно и
 плотно своими, // тропами своими следками // ковсякой ночи в
 освой // дворы безъ отпятно // безъ отворотно вовсякое // время
 отъ весны доосени, // изъ луговъ изъ лѣсовъ. // 33. // [л. 18] изъ
 зомховъ и зовсякого // места поднебесами во // всѣ дни отъ вес-
 ны доо- // сени въ молоде месяцѣ въ // перекрое месяцѣ и на
 вет- // хѣ месяцѣ во вовсѣ // дни во всѣ двадцать че- // тырѣ часа
 (24.) часа // покуда я робѣ Божій // Александрѣ пастырь // сво-
 имъ стадомъ владею- // скоть-бы мой приходиль // на всякую,
 ночь домой // восвой дворы ночевать; // 34. // [л. 18об.] икакъ
 тошно рыбы // жить Безъ воды; такъ // жебы тошно и скучно //
 было и моему скоту // крестьянскому животу // милымъ коро-
 вушкамъ // бычкамъ телушечкамъ и // маленькимъ теляткамъ //
 другъ безъ друшки и безъ // меня раба Божья // Александра па-
 стыря // Быть поздно въ Лисѣ и // ночевать въ Лисѣ, а // всегда,
 шлибы домой // 35. // [л. 19] Къ ночи водворы во- // всякое время
 отъ весны // доосени въ Молодѣ меся- // цѣ полне месяцѣ, пере-
 крое // месяцѣ и на ветхѣ // месяцѣ во всѣ дни вовсѣ // (24) часа,
 Отъ нынѣ и // довѣка и во-вѣки вѣкомъ // Аминь. 3=жды. // 36. //

[л. 19об.] На добно Эту статью// три раза прочитать// читая обь ходить около// стада посолнцу предти// и на тоже место съ// котораго пошелъ, а чтобы// на томъ мести Быль белей// каминь, на которомъ// пастырь долженъ. ста-//вать ногами читать// статью трижды на-//добно рыбы щука нечи-//щенная ключъ и замокъ// Булатный ножикъ или//37.// [л. 20] косы таракъ и все Это// связать въ место и воло-//чить около стада, а// потомъ все зашить въ мешокъ// и шерсть тутже которую// берешъ, привыпуске съ// каждой скотины// закатать въ воскъ и зако-//пать въ землю подкамень.// дальше, въ поскотине, а// ворота изъ березъ связан-//ныхъ вершинами въ место,// наворота поставить// четыре иконы, Спасу,//38.// [л. 20об.] Богородицы, Николаю// чудотворцу. Егорію// Великомучинуку:

Пастух берет лесной отпуск ⁴²

[Знакомый пастух который уже не пас, рассказывал:] А вот, говорит, какой отпуск я брал. Вот, говорит, назавтра надо скотину гонить — я иду в лес, три раза свисну, кладу пальцы в рот. Вот, выходит лесной праведной [...] Такой дядька выходит. Как человек, старик выходит. Поздороваемся, покурим. Я, — говорит, — ему: «Вот, я пастух, как это сделать, вы даёте отпуск, говорят, ну, што ты за это возьмёшь? Што ты мне даёшь отпуск, мне зверь штобы скотину не трогал и люди бы, штобы и скотина не теряласи?» Он [лесной] и говорит: «А вот я с тебя чево возьму: самую лучшую корову». — А как, — говорит [пастух], — я самую-то лучшую корову? — А вот, когда выгонишь, станеш обходить йих кругом, а хлысни ей кнутом. Она, — говорит, — убежит и боле не прибежит.

Вот, — говорит [пастух], — за пастушьё он у меня брал корову.

— А дальше, да, — говорит [лесной], — тебе обед принесут, там ч^нёво хорошее принесут, — в такой-то стог сложи. Так я тебе тогда, если ты будеш выполнять мои наряды, выгони только [стадо] на участок сюды, а остатки [то есть дальше] я буду пасти. А загонеть [скот домой] не приходи, бери вот тут, тут будут все.

Все дивились, што, ну, вот он такой строгий [пастух] был. Говорит, — как договоримсе: вот, если скажот, што вот хозяйка, штобы выходила вот в одеже всегда, в платке, а не какая-нибудь. Вот так. Так оне исполняли. И он всё лето пасёт, и у ево, подумай, говорят, волки в стаде ходят да не тронут ведь коров. Сам рассказывал: «Волки-то придут, ходят, — говорит, — в стаде и не тронут коров». А если корова кака отстала, так он только выдет

на уч^нясток, всё говорили, выдет на уч^нясток, три пальца складёт в рот, свиснет и сидит, и корова приходит.

[Слова в отпуске были?] — Так уж как не были, конечно были, но слов-то [не сказал].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив северной этнолингвистической экспедиции РГГУ; Каргопольский р-н Архангельской обл. — далее СА; с. Нюкола, записано от Оводова М. А., 1923 г. р.
- ² СА; с. Тихманьга, записано от пастуха Нестерова П. М., 1925 г. р.
- ³ СА; повсеместно.
- ⁴ Д. К. Зеленин склонен усматривать в этих предметах и действиях стремление «установить связь между животным и домом», «чтобы он не забыл дороги домой» [Зеленин 1991: 90].
- ⁵ Подробно о структуре письменных отпусков см.: [Дурасов 1989: 270–274; Бобров, Финченко 1986].
- ¹⁶ Характерный пример такого отношения приводит Г. П. Дурасов: У вдовы пастуха были спрятаны отпуска мужа. «Три из них лежали в сундуке вместе с иконами и богослужебными книгами, а самый полный — в ките за иконой, и место его хранения от посторонних было скрыто» [Дурасов 1989: 270].
- ⁷ СА; с. Тихманьга, записано от Сенчаковой А. Л., 1927 г. р.
- ⁸ СА; с. Тихманьга, записано от Замятиной О. И., 1933 г. р.
- ⁹ СА; д. Чагово, записано от Шаньгиной Г. Я., 1936 г. р.
- ¹⁰ СА; с. Тихманьга, из письменного отпуска, переписанного у Третьяковой К. Ф., 1933 г. р.
- ¹¹ СА; с. Бор, записано от Семишиной Г. Е., 1928 г. р.
- ¹² СА; с. Ухта, записано от Романовской Е. Н., 1916 г. р.
- ¹³ СА; с. Шильда, записано от Валевиной А. Г., 1926 г. р.
- ¹⁴ СА; с. Бор, записано от Сергеевой О. А., 1926 г. р.
- ¹⁵ СА; с. Шильда, записано от Валевиной А. Г., 1926 г. р.
- ¹⁶ СА; с. Калитинка, записано от Ворсина Д. Е., 1926 г. р.
- ¹⁷ СА; с. Калитинка, записано от Шестакова И. А., 1922 г. р.
- ¹⁸ СА; повсеместно.
- ¹⁹ СА; с. Тихманьга, записано от Патровой К. В., 1910 г. р.
- ²⁰ См., например: [Ефименко 1878: 71; БВКЗ: № 160. С. 109].
- ²¹ СА; с. Тихманьга, записано от пастуха Качкова И. М., 1918 г. р.
- ²² СА; с. Архангело, записано от пастуха Ласикова М. М.
- ²³ СА; с. Тихманьга, записано от Слотиной А. И., 1922 г. р.
- ²⁴ СА; с. Шильда, записано от Бриткина И. С., 1917 г. р.
- ²⁵ СА; с. Лядины, записано от Сухорукова А. И., 1921 г. р.
- ²⁶ Д. К. Зеленин пишет о таких представлениях о пастухе, как о взаимосключающих: в ряде губерний, практически повсеместно, профессия пастуха считается «унизительной и достойной презрения», однако «есть такие регионы, где пастухов уважают и даже боятся. Это в особенности относится к крайнему северу (Архангельская и Олонецкая губ.)» [Зеленин 1991: 87]. В действительности же, как явствует из множества источников, эти представления хорошо сочетаются на одной территории.
- ²⁷ СА; с. Хотеново, записано от Конториной З. И., 1918 г. р.

- 28 СА; с. Лядины, записано от Терешинной Т. И., 1911 г. р.
- 29 СА; с. Нокола, записано от Османовой М. С., 1926 г. р. и Османова А. А., 1929 г. р.
- 30 СА; д. Шуйгино, записано от Съедушиной А. И., 1932 г. р.
- 31 СА; с. Хотеново, записано от Панова П. А., 1923 г. р.
- 32 СА; повсеместно; [Гуляева 1986: 174].
- 33 СА; с. Нокола, записано от Османовой М. С., 1926 г. р. и Османова А. А., 1929 г. р.
- 34 СА; с. Ухта, записано от Мироновой Л. И., 1932 г. р.
- 35 СА; д. Лохово, записано от Громова А. А., 1918 г. р.
- 36 СА; с. Евсино, записано от Романчук М. В., 1923 г. р.
- 37 СА; с. Калитинка, записано от Ворсиной Т. П., 1923 г. р.
- 38 СА; с. Лядины, записано от Филатовой А. И., 1922 г. р.
- 39 См. подробный обзор обрядов первого выгона в следующих работах: [Зеленин 1991: 88–90; Соколова 1979: 155–169; Колева 1981].
- 40 Примечательно, что в материалах из Полесья результат магического действия, производимого хозяевами скота, описывается таким же образом, что и действие севернорусского пастушеского отпуска (хищник ходит в стаде, но не может причинить ему вреда): «Колысь старьи люды, як выгоняе скотыну пэршый день, и бэрэ замыкае и хлыва, и хату, и скрыни, и сундуки, — все на замок бэрэ, шо в хаты е. И проганее тую скотыну и тые ключи дае пастуховы, и пастух носыть цилый дэнь до вэчора. На тое, шоб воўк, як прыде, не ухопыў овэчку, тэлэнка. И ужэ як прыдэ, то вин нэ возьмэ. И от прыдэ вовк в той табун и будэ скакаты и нэ возьмэ в тэм табунэ нычого». Архив полесской этнолингвистической экспедиции ИС РАН; с. Олуш Малоритского р-на Брестской обл., записано от Авдеюк О. Д.
- 41 Отпуск получен от Воронковой Е. В., 1927 г. р., которая сама пасла с его помощью; СА; с. Печниково.
- 42 СА; с. Хотеново, записано от Поровой А. В., 1916 г. р.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БВКЗ — Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1993.
- Бобров, Финченко 1986 — *Бобров А. Г., Финченко А. Е.* Рукописный отпуск в пастушеской обрядности русского Севера (конец XVIII — начало XX в.) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Богатырев 1916 — *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда (Архангельской губернии) // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Грысык 1992 — *Грысык Н. Е.* Щука в верованиях, фольклоре русских // Сборник Музея Антропологии и этнографии. Т. 45. Из культурного наследия народов восточной Европы. СПб., 1992.
- Гуляева 1986 — *Гуляева Л. П.* Пастушеская обрядность на реке Паше (традиция и современность) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Дражева 1994 — *Дражева Р.* Трудови и професионални празници и обичаи // Родопи. Традиционна народна духовна и социална култура. София, 1994.

- Дурасов 1989 — *Дурасов Г. П.* Обряды, связанные с обиходом скота в сельской общине Каргополя в XIX — начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
- Ефименко 1877 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. 1877. Т. 1.
- Ефименко 1878 — *Ефименко П. С.* Договор найма пастухов. СПб., 1878.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Каменев 1913 — *Каменев А. А.* Два условия в договоре найма пастуха в Кемском уезде Архангельской губернии // Живая старина. 1913. № 1–2.
- Колева 1981 — *Колева Т.* Гергьовден у южните славяни. София, 1981.
- Криничная 1986 — *Криничная Н. А.* О сакральной функции пастушьей трубы (по материалам северных пастушеских обрядов) // Русский Север. Л., 1986.
- Криничная 1994 — *Криничная Н. А.* Леший и пастух (по материалам севернорусских мифологических рассказов, поверий и обрядов) // Обряды и верования народов Карелии. Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск, 1994.
- Максимов 1994 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1994. Ч. 1. Гл. 18: «Пастухи».
- Маринов 1981 — *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи // *Маринов Д.* Избрани произведения. Т. 1. София, 1981.
- Минюхина, Морозов 1997 — *Минюхина Е. А., Морозов И. А.* Пастух // *Морозов И. А., Слепцова И. С., Островский Е. Б., Смольников С. Н., Минюхина Е. А.* Духовная культура северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М., 1997.
- Николић 1996 — *Николић Д.* Горње Драгачево. Етнолошко проучавање културних промена. Београд, 1996.
- Пашев 1907 — *Пашев Г. Л.* Народни баяния и лекувания от с. Лавелско, Станимашка околия // Родопски напредък. 1907. Кн. 3.
- Плотникова 1995 — *Плотникова А. А.* Первый выгон скота в Полесье // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
- Ребров 1886 — *Ребров В.* Молитва скоту // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. Отд. 1.
- Соколова 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Шейн 1887 — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1.
- Щепанская 1986 — *Щепанская Е. Б.* «Знание» пастуха в связи с его статусом // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Podolák 1967 — *Podolák J.* Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967.
- Podolák 1982 — *Podolák J.* Tradičné ovčarstvo na Slovensku. Bratislava, 1982.
- Möderndorfer 1946 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Knj. 5. Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. Celje, 1946.
- Möderndorfer 1948 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Knj. 2. Prazniki. Celje, 1948.

На вклейке в конце книги представлены фрагменты форзаца блокнота и помещенного в нем пастушеского отпуска из с. Печниково Каргопольского района Архангельской области.

Е. Е. Левкиевская, А. А. Плотникова

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЕВЕРНОРУССКОГО СЕЛА ТИХМАНЬГИ

Представленное ниже описание архивных материалов из с. Тихманьги содержит выборку наиболее интересных и значимых сведений, зафиксированных во время работы этнолингвистической экспедиции под руководством А. Б. Мороза (Москва, РГТУ) и Е. Е. Левкиевской (Москва, Институт славяноведения РАН) летом 1994 года. В экспедиции участвовали студенты РГТУ историко-филологического и лингвистического факультетов: Л. Р. Хафизова, М. М. Каспина, М. Е. Шимадина, В. Ю. Лобовская, О. Е. Буцен, Т. Полякова, Ю. В. Варламова, Д. Е. Афиногенов, А. А. Смирнов, Ю. Колоскова, Ф. Р. Минлос, А. Касьян, М. Е. Шульгина. Работы велись не только в самом с. Тихманьга, но и в близлежащих мелких деревнях, образующих «куст» (Маньлово, Мурхово, Горка). Как и при сборе этнолингвистических материалов в других севернорусских селах, использовалась программа Полесского этнолингвистического атласа, с добавлением по каждой теме вопросов, необходимых для обследования севернорусской традиции (эти вопросы были составлены А. Б. Морозом), а также вопросника по народному православию, составленного на основе вопросника О. В. Беловой, сделанного ею ранее для Полесских экспедиций. Материалы из Тихманьги составляют 2500 единиц хранения в электронной версии архивных материалов «Полесский архив» (Институт славяноведения и балканистики РАН).

Краткая характеристика села. Село Тихманьга расположено в 30 км от районного центра г. Каргополя вблизи левого берега о. Лаче (озеро, из которого вытекает р. Онега) на юго-западе Архангельской области недалеко от границы с Вологодской областью. До революции территория Каргопольского района входила в состав Олонецкой губернии (бывший Кирилловский уезд). Эта часть Архангельской области представляет собой южный рубеж новгородской колонизации — Каргополье издревле подчинялось Великому Новгороду и в период борьбы между Москвой и Новгородом последовательно занимало антимосковские позиции.

Село организовано по традиционному для Русского Севера принципу «куста» — сама Тихманьга представляет собой быв-

ший волостной центр численностью примерно 90 дворов (ныне это центральная усадьба совхоза, где расположена и местная администрация), вокруг которого на расстоянии 1–5 км по течению р. Тихманьги находится 8–10 небольших деревень, ныне малонаселенных (численностью 5–20 жителей), которые и образуют «куст». Еще до войны в «куст» входило 16 деревень численностью 15–50 дворов в каждой, но сейчас часть деревень заброшена, а в оставшихся живут в основном старики. Часть пустующих домов летом используется как дачи жителями Архангельска, Мурманска, Северодвинска — отчасти детьми и внуками тех крестьян, которые покинули Тихманьгу и окрестности в 50–70-е годы. Некоторые бывшие жители Тихманьги, уехавшие в молодости в город, выйдя на пенсию, в настоящее время возвращаются в родное село на все время или на весенне-летний период, возделывают огороды, заводят скотину. В центральной усадьбе, где есть работа в совхозе, довольно много молодежи.

Все жилые дома и подсобные постройки в Тихманьге и окрестных деревнях деревянные. Деревянные также здания местной администрации и совхоза, построенные в 20–30 гг., а также столовой и двух магазинов, построенных после войны. Каменные здания детского сада, школы, клуба, частично — коровники для совхозного стада построены в последние десятилетия советской власти. В селе два моста через р. Тихманьгу — старый деревянный и новый каменный на новой асфальтированной дороге, соединяющей районный центр с селами. Улицы в самом селе грунтовые, частично с традиционными для городов и сел Русского Севера деревянными «тротуарами».

Старая застройка села тянется вдоль р. Тихманьги. Жилые личные дома усадебного типа (с огородом, большим двором, сеновалом, помещениями для скота) традиционной севернорусской архитектуры (изба с подъизбицей, внутренней лестницей, двором, находящимся под одной крышей с жилой частью избы) построены в 10–40 гг. нашего века из кругляка, впоследствии подновлялись. В них живут коренные семьи, по большей части старшее поколение, находящееся на пенсии и работающее только в личном хозяйстве. У многих дети и внуки живут в Каргополе или других севернорусских городах, куда они уехали в последние десятилетия советской власти, и потеряли связь с Тихманьгой. Жители этой части села сохраняют традиционный быт (за исключением радио и телевизора) и уклад жизни начала века. Эта часть села — сердцевина Тихманьги.

Новые улицы, проложенные перпендикулярно р. Тихманьге, построены после войны совхозом и представляют собой дощатые дома на две семьи упрощенной постройки, без двора с небольшими сараями для дров и поросенка, с маленьким огородом. Такие жилища, называемые здесь «квартирами» предназначались для молодых семей, работающих в совхозе, а также для приезжих «специалистов» (агрономов, милиционера и др.), в чьи планы не входило надолго осесть в Тихманьге. Жители этих «квартир» (примерно треть села) сравнительно молоды (30–40 лет), работают в совхозе, довольно сильно оторваны от традиционного уклада, малообеспечены, их быт упрощен. Есть два-три двухэтажных деревянных барака — местная «Воронья слободка», где живет люмпенизированная часть жителей — спившихся и потерявших работу в совхозе.

В самые последние годы вдоль старой дороги, соединяющей Тихманьгу с Каргополом, построена целая улица новых усадеб — деревянных домов из бруса на одну семью с подворьем, в модернизированном виде воспроизводящих основные принципы традиционной крестьянской архитектуры и частично повторяющих элементы старого декора (солярные знаки, «полотенца» под крышей). Сюда переселяются крепкие молодые крестьянские семьи из коренного населения, отделившиеся от родителей и постепенно приобретающие достаток и состоятельность (по крестьянским меркам) за счет разведения скота в личном хозяйстве. Эта наиболее здоровая, трудолюбивая и активная часть сельского населения до последних лет вымывалась из деревни, мигрируя в город, но в настоящее время в связи с безработицей и сокращением производства в городах остается на селе. Они (в основном мужчины) также работают в совхозе — единственном на селе источнике социальных гарантий (детский сад, помощь в экстремальных ситуациях, например, при похоронах), но в гораздо меньшей степени, чем обитатели «квартир», зависят от него материально. Молодые женщины в таких семьях довольно неплохо знают ту часть обрядовой и магической практики, которая связана с повседневным бытом (магические приемы ухода за скотом, детская медицина, небольшой объем заговоров). Иногда из старых домов к ним переселяется старшее поколение. В этих семьях, как правило, несколько детей.

Для жителей Тихманьги, как и всего населения Русского Севера, разведение скота (коров, овец, в меньшей степени — свиней) составляет традиционную форму подсобного хозяй-

ства. Даже одинокие старухи (70–80 лет), пока остаются силы, стараются держать корову. Кур, как и по всему Северу, сравнительно немного — они плохо выдерживают суровые зимы. Лошади, содержание которых на личных подворьях было запрещено в годы советской власти, вновь появились в крестьянских хозяйствах в последние годы. Личный скот, как и повсеместно в севернорусских областях, пасут в близлежащих лесах общественными стадами, для чего нанимают пастуха. Заготовкой сена для зимнего содержания скота в сезон сенокоса занимается вся семья, в том числе помогают городские родственники, приезжающие на это время в деревню. Одинокие старые женщины, не содержащие своего скота, заготавливают сено на продажу.

В настоящее время зерновые культуры выращиваются только в совхозе. В доколхозную эпоху среди злаковых был распространен ячмень, который в местной традиции называется «житом», рожь, овес, в меньшей степени — пшеница. Из технических культур раньше сеяли лен.

Обработкой овечьей шерсти активно занимаются женщины старшего возраста, они же ткут на домашних ткацких станках коврики и дорожки из фабричных ниток и тонко нарезанных полосок ткани.

Огородничество из-за климата развито в меньшей степени, наибольшую долю в нем составляет картофель, а также лук, чеснок, капуста, морковь, укроп. В парниках многие выращивают огурцы, получая неплохие для этой климатической зоны урожаи. Огород обеспечивает потребности семьи, его продукция на продажу не предназначается. Садоводство из-за погодных условий почти не развито — выращивают малину и черную смородину. Близость к богатому рыбой о. Лаче, позволяет жителям заниматься рыболовством. У большинства семей на берегу озера есть рыболовецкие избышки для хранения снастей и свои моторные лодки. Рыбу заготавливают впрок — вялят, а мелкую сушат, зимой из сушеной рыбы варят суп. Традиционные «рыбники» — открытые пироги с рыбой — широко распространенное блюдо у местных хозяек. Охотой занимаются несколько человек, но промыслового значения этот вид деятельности не имеет. Большое значение для семейной продовольственной «корзины» имеет собирание лесных ягод (морозники, брусники, клюквы) и грибов — все это заготавливают на зиму для собственного потребления, а частично, по возможности, продают.

Постоянное население в основном автохтонное, пополнявшееся лишь за счет браков с жителями окрестных волостей (в основном с Ухты, расположенного в 8 км от Тихманьги). Однако по воспоминаниям старожилов в первой половине XX века (особенно в период революции и гражданской войны) с близлежащей территории Вологодской обл. на юг Каргополя (в том числе и в Тихманьгу) происходила довольно сильная миграция крестьян, т. к. Каргополье считалось более богатым и хлебным краем по сравнению с бедной Вологодчиной. В настоящее время переселенцы из Вологодской обл. ассимилировались в местной традиции, однако эта миграция и близость Вологодской обл. накладывают определенный отпечаток на традиционную культуру с. Тихманьги. Население полностью русское — финноугров в селе и окрестных селах нет.

К счастью, близ Тихманьги, как и на всем левом (по течению р. Онеги) берегу о. Лаче в 30–50 гг. нашего века не было ни концлагерей, ни поселений заключенных и переселенцев (в отличие от правого берега, где около с. Калитинка был концлагерь), что благоприятно сказалось как на сохранении традиции, так и на общественных нравах жителей Тихманьги (в частности, в деревнях волости при уходе из дома на недолгое время — в магазин, к соседям, на сенокос входную дверь не запирают, к ней просто прислоняют палку в знак того, что в доме никого нет).

Население Тихманьги в основном православное, крупных старообрядческих общин в этом селе и округе не было, старообрядчество более характерно для севера Каргополя, где в селах, расположенных по берегам Онеги, существовали большие общины «скрытников». Церковь закрыта в 60 гг., в настоящее время находится в запустении. Колокольня была разрушена в 30-е годы. До 30-х гг. нашего века в каждой деревне «куста» были свои часовни, в настоящее время нет ни одной действующей. Часть часовен разрушилась, часть находится в запустении. Ближайший действующий храм находится в Каргополе. Люди осознают себя православными, отделяют себя от староверов, знают и переписывают основные молитвы (часто вперемешку с заговорами, апокрифами и обновленческими стихами, которых неожиданно много), сохраняют дома иконы, старшее поколение соблюдает посты. Всегда сохранялось, а теперь еще более усиливается стремление крестить детей. Библия (все экземпляры дореволюционного издания) есть лишь у некоторых. Притока новых православных изданий в селе пока не наблюдается.

Основные особенности традиционной культуры. Народная традиция Тихманьги сохранилась в довольно полном виде, за исключением тех ее фрагментов, которые были связаны с ныне изменившимися или редуцированными видами и формами деятельности. В основном это касается обрядов и поверий, связанных с севом, жатвой, а также ткачеством. В частично усеченном виде сохраняются народный календарь и обряды семейного цикла. Наиболее развитая часть традиции — поверья и обряды, связанные со скотоводством, народная медицина и демонология не только прекрасно сохранились, но и в настоящее время активно порождают новые тексты. В самые последние годы наблюдается бурное возрождение так называемого «народного православия» — текстов, связанных с наиболее общими формами народного мировоззрения и самоосмысления — устройством вселенной, отношениями между Богом и человеком, миссией Христа, эпохой советского богочорчества, приближением конца света и под.

В сознании местного населения важность сохранения духовной традиции имеет достаточно высокое значение, хотя под традицией здесь понимается в основном песенный репертуар. В селе в течение многих лет существовал женский фольклорный ансамбль, исполнявший местные народные песни (сейчас его участницы — глубокие старухи). Женщины, знающие много песен, осознают свою значимость, с гордостью говорят, что они «передали» свои песни приезжавшим фольклористам. Работу экспедиции в селе воспринимают благожелательно, спокойно и радушно принимают участников экспедиции у себя в домах, на расспросы отвечают охотно, не боясь диктофона.

В обрядах семейного цикла наблюдаются общие типологические черты, присущие севернорусской традиции. **Свадебный обряд** в том виде, в каком он записан со слов информантов, содержит два композиционных варианта. Первый отражает традиционную композицию севернорусской свадьбы и содержит все присущие ей компоненты: сватовство; предсвадебный период, во время которого проводятся посиделки в доме невесты и жениха; первый день свадьбы, включающий в себя баню для невесты, приезд жениха в дом невесты и выкуп им невесты, венчание, свадебный стол, брачную ночь. Во второй день свадьбы происходит ритуальное бужение молодых, обрядовые действия, связанные с проверкой девственности невесты, шуточные испытания невесты, совместная баня молодых, стол для родственников невесты. Отделенным по времени от основной свадьбы

событием является приезд молодых к родителям невесты через неделю после венчания.

Второй вариант представляет собой значительно усеченный свадебный обряд, сложившийся в годы советской власти, исключая, по существу, сердцевину свадьбы — весь ее первый день и связанный с ним набор обрядов, прежде всего венчание. В усеченном виде свадьба состоит из сватовства, нескольких предсвадебных посиделок в доме жениха и в доме невесты, с последней из которых (проходящей в доме невесты) жених увозит невесту к себе домой, где и происходит брачная ночь. Следующий день свадьбы «по-советски» по набору ритуалов совпадает со вторым днем традиционной свадьбы.

При *сватовстве*, по свидетельству одних информантов, с обеих сторон присутствуют родственники и крестные. По свидетельствам других, невесту приходили сватать женщины из родни жениха, обычно его мать и крестная. Жених при сватовстве присутствует редко. Сватовство обычно бывает за неделю до свадьбы, но иногда, если есть опасение, что невеста передумает, свадьбу устраивали через два-три дня после сватовства. Придя в дом невесты, сваты переходят на ту часть избы, которая расположена за матицей и усаживаются напротив нее, чтобы сватовство было удачным и быстрым. Когда сваты договорятся, в комнату входит жених, потом — невеста. Сват хватает девушку за косу в знак того, что она просватана. Сватам в знак согласия невесты давали «залог» — большой атласный платок. Если невеста передумывала — платок забирали назад. После сватовства бывает вечеринка у невесты. Накануне венчания происходит «мировка»: отец жениха с родней приносит вина, и сваты «миряются», пропивая невесту.

В *период между сватовством и венчанием* устраивали вечеринки (обычно их было три) сначала в доме невесты, затем у жениха, где собиралась молодежь и плясала. Непосредственно накануне свадьбы в доме невесты устраивали заключительную вечеринку. В советское время, как было сказано раньше, с этой вечеринки жених увозил невесту к себе домой.

Весь *первый день свадьбы*, включающий венчание, как уже говорилось, отсутствует в «советском» варианте свадебного обряда. Одним из обязательных элементов традиционного варианта свадебной церемонии в этот день является *баня*, которую утром перед венчанием топят девушки и песнями зазывают туда невесту: «Баёнка истоплена, ключевой воды наношено, / С тридцати да трёх колбдчиков. / Ты пожалуй, лебедь

бѣлая, Да во пѣрну пѣрну бѣинку, / Да во чистую умывѣленку, / Нѣша бѣинка натѣплена / И водѣчка приготѣвлена». В баню невеста идет, по одним сведениям, со своими подругами (если умеет — причитает, если не умеет — только поплачет), по другим — девушки лишь провожают ее туда, а моет старушка с приговорами, чтобы житье в замужестве было хорошее. Многие информанты сообщают, что невеста моется в бане с замужней женщиной, обычно с теткой или крестной матерью — «божаткой» (но не матерью), которая и учит ее причитать. Невеста выходит из бани с распущенными волосами. По выходе из бани невесту встречают девушки — они садятся на скамейку, а невеста, садясь по очереди каждой на колени, «отдает красоту», т. е. причитает, передавая свою головную повязку: «А потом она [невеста] придет из байны да стат красоту отдавать:

*Ты подружка моя мѣлая,
Возьми-ко красну красоту
Да золотую первязочку,
Да носи, да не занѣшивай,
Да дѣржи, да не задерживай
По частым праздникам...»*

По другим сведениям, в этот момент невеста раздает девушкам повязки с бусами, что также называется «отдавать красоту». После этого невесту наряжают в свадебную одежду — в атласный цветной сарафан и казачок. Волосы, распущенные после бани, связывают, а на голову надевают кокошник. Невесту наряжают к венцу, поставив ее на сковороду или поднос посреди комнаты, чтобы предохранить от порчи. Невеста причитает, прощается с девушками. В одежду ей втыкают булавки, по одним объяснениям, чтобы предохранить от порчи, по другим — чтобы дефлорация в брачную ночь прошла легче.

Путь жениха, едущего по деревне за невестой, преграждают «заставы» — преграды из натянутых веревок и навешанных на них платков. Товарищ жениха должен дать выкуп преграждающим ему путь жителям деревни водкой, конфетами или деньгами. Последний выкуп жених платит у закрытых перед ним дверей дома невесты, после чего его пускают внутрь. К венцу раньше ехали в «тарантасах» и на телегах. Первым ехал жених со своим крестным отцом, за ним — невеста с крестной матерью. За ними — все остальные участники свадьбы. Во время венчания замечают: кто из молодых держит свечу выше, тот и будет главным в доме.

От венца молодые едут к жениху, в это же время из дома невесты привозят приданое (постель, белье и полотенца). Встречает молодых свекровь с блюдом жита (т. е. ячменя) и хлебом. Жито бросают на молодых, чтобы им было «жить хорошо». В последнее время распространился обычай (по свидетельству информантов, раньше этого не было): молодые откусывают по куску от каравая, а все следят — кто откусит больший кусок, тот и будет главенствовать в семье. Для этой же цели в этот момент невеста старается наступить жениху на ногу. Когда молодые приезжают от венца (неясно, в какой именно момент), «тысяцкий» — крестный жениха — приносит горшок с кашей и разбивает его, желая, чтобы у молодых было много детей. Кашу подбирают маленькие дети.

После этого молодых вводят в дом и сажают за стол, в красный угол. Рядом с молодым сидит его крестный отец, а со стороны молодой — крестная мать. Женщины и мужчины сидят за свадебным столом отдельно — напротив друг друга. Две девушки, встав по бокам жениха и невесты, отгораживают их полотном. Девушки расплетают невесте косу, а сваха «крутит» молодых, т. е. причесывает волосы жениха и невесты одним гребнем, после чего заплетает невесте две косы «по-бабьи». По другим сведениям, молодую «крутила» ее крестная и не за столом, а за занавеской. После этого начинается свадебный пир, на котором молодых заставляют «порохó снимать», т. е. целоваться. Сохранились сведения о том, что на свадьбе невесту «воровали» (иногда молодежь, иногда сами родители невесты) — прятали от жениха, чтобы получить выкуп.

В первый день свадьбы за свадебным столом присутствуют преимущественно родня и друзья жениха, со стороны невесты за столом угощаются только ее подруги, ездившие с ней к венчанию и наиболее близкие родственники. Родители невесты сидят на самых последних местах свадебного стола и не едят, чтобы их дочь в семье мужа не обижали: «Говорят, что если мать невесты будет кушать очень, дак будут дочь очень плохо держать, свекровка будет ей худо держать». На свадебный стол запрещалось ставить соль во избежание порчи.

Второй день свадьбы — после брачной ночи — называется «буженьё». «Будили» молодых, разбивая о дверь их спальни горшок с кашей: «А поутру приходит мужик какой-нибудь, горшок о дьвири брякает, штоб этот горшок расколблся, как у дёвки расколблось... И расколется с кашей всей, и каша полетит из горшкá». Информанты подчеркивают, что в Тихманье

этот обычай распространен меньше, чем в окружающих волостях. В Тихманье сохранились воспоминания о проверке «честности» невесты после брачной ночи. Жениха, вышедшего из спальни, спрашивали: «Вот лёд ломал или прямо в прѣлубь пал?» Жених должен был отвечать. Если «лед ломал», значит молодая была «честной». После этого присутствующие били горшки, разбрасывали по полу мусор, а молодую заставляли подметать, всеми способами мешая ей. Если невеста оказывалась «нечестной», посуду не били. Невеста должна была также принести из колодца воды, а окружающие старались помешать ей, разливая воду. Утром в этот день молодые вместе шли в баню.

На «буженьё» приходили родители и родственники молодой, которые несли свекрови угощение: «Раньше венцелись, так в первой день больше с жениховой стороны родня, а с невестой только крёсна да самые близкие, сестра, а уж на второй день невестина родня вся. Так у нас называлось раньше буженьё. Так вот поднос, на поднос состряпают рыбник, кудрей напекут, белово напекут. Всё это закрюют салфеточкой, это всё свекровки, эти гостинцы».

В Тихманье зафиксированы известные в других славянских регионах способы нанесения порчи во время свадьбы, например, с помощью стручка гороха с девятью зёрнами, что имеет аналоги в белорусской и польской традициях. Однако, по сообщению информанта, стручок подкладывали не под свадебный поезд, как в других регионах, а сватам во время сватовства: «Когда жнут и у кого найдётся в стручке девять горошин, ну дак когда свататься поедут, там возьмут эти горошины, положут на дороге. Так говорили, что „три-девять горошин, жених и невеста, кони ни с места“. На дороге клали, чтобы кони дальше не ехали. Кони станут кверху скакать, и дальше этого места не идут».

Другой любопытный мотив, также имеющий параллели в других славянских зонах, — катание сватов на бороне. В Тихманье в шутку советовали покатать на бороне неудачливых сватов, если от жениха, которого они сватают, отказываются невесты.

Положение приемного зятя — «приёмыш», как и повсеместно у восточных славян, в Тихманье было социально принижённым. В «приёмыш» шли только самые бедные. О «приёмше» говорят: «Приёмшу надо на бороне спать», «Бедный мужик, на боронё сколько годов спать пошел к ним» (т. е. жить

в приемышах так же тяжело, как и спать на бороне), «Чем в приемыши идти, лучше по миру пойти».

Многие черты свадебного обряда Тихманьги отражают специфически севернорусскую свадебную систему: зазывание невесты в баню во время девичника, прощание с «красотой» и передача ее подругам, обычай ставить на пути следования свадебного поезда «загороды» и «заставы», т. е. вывешивать платки (характерна роль платка как обрядового предмета в традиции с. Тихманьга и севернорусской обрядности в целом, например, платок является символом согласия невесты, это «залог», передаваемый от семьи невесты сватам или жениху; платками украшается повозка жениха; атласным платком закрывают молодых перед свадебным пиром для ритуала «кручения» и т. п.).

Для **родивной** обрядности Тихманьги характерен традиционный набор запретов и предписаний во время месячных и при беременности. Во время месячных (которые в Тихманьге назывались «рубáха», «рубáхи», «на себе») запрещалось ходить в церковь, выпускать скотину на пастбище при первом выгоне скота.

Беременной (которую также называли: «понóсна», «пузáтая») запрещалось посещать похороны, иначе родившийся ребенок будет недолговечен, а по мнению других, у него будет плохая жизнь. Если беременная все же идет на похороны, она должна положить за пазуху деревянную ложку в качестве оберега. Также во время беременности избегали смотреть на падаль, на кровь, поскольку это вредно действует на ребенка. Запрещалось также перелезть через косую изгородь (т. е. такую, где жерди прибиты косо, по диагонали), по одним представлениям, — из-за опасности тяжелых родов, по другим — иначе все в жизни пойдет «на косяк». Беременной нельзя находиться на улице во время грозы, но мотивировка этого запрета отсутствует. Чтобы избежать порчи, беременная должна была носить кольцо, воткнутое в подол иголку, а утром перед выходом из дома класть на язык немного соли.

Чувствуя приближение родов, роженица просила прощения у родных: «Простите меня, грешную, да попросите Бога». Относительно места, где обычно рожали, встречаются разные мнения. Одни утверждали, что рожать уходили в хлев: «Меня уже рожали во хлевах... Нать пройти из избы двéри, этот порóг, на сарáй порóг, и заходишь в хлев — трéтий порóг. Как хорошó, бы́стро открывáются двéри, так и рожени́це открывáй-

тесе-то рóды б́ыстро и хорошó, и скорéе. [Почему в хлеву?] — Иисус Христос род́ился у овец в загóне». По мнению других, в хлеву рожать не разрешали, а рожали только в доме. Для облегчения родов роженице расплетали косу, а ее саму заставляли дуть в пустую бутылку, чтобы быстрее родила. Для помощи роженице приглашали повитуху (которая называлась «родовая ба́бушка», «ба́бушка»), которая умела «ба́бить» и знала «слова», т. е. заговоры. «Ба́бушка» поила роженицу наговоренной водой, принимала младенца, перевязывала пуповину. На третий день повитуха приходила мыть ребенка, за что ее одаривали. Послед вместе с отрезанной пуповиной закапывали в подпол или в навоз. По другим сведениям, пуповину клали под матицу, чтобы лучше засыхал пупок у ребенка.

Ребенок, родившийся «в рубашке», считался счастливым. «Рубашку» высушивали и хранили в мешочке под матицей или за иконой, т. к. считалось, что «это — счастье человека». «Рубашку» использовали для лечения детей и женщин — ее замачивали в воде и этой водой умывались. «Рубашку» брали с собой в суд, чтобы выиграть дело, и вообще старались иметь с собой при решении трудных дел с властями. Счастливым считался и внебрачный ребенок, которого называли «беззакóнником». Считалось, что ребенок, родившийся с длинными волосами, будет спокойным, если без волос — «водл́ивый», т. е. беспокойный, плохо спящий по ночам.

Новорожденного заворачивали в мужскую рубаху, если это мальчик, и в женскую, если это девочка; «говорилось в народе: прежде ребенка не дери пеленки». Ребенка и роженицу запрещалось оставлять одних в течение шести недель: «Мало-ли, пóлая женщина, так шо цё пригрéзица, напугáеца. Робéнок-то рб́ица — женщина пóлая». В качестве оберега ребенку в люльку у головы клали иконку, ножницы, на шею вешали узелочек с солью и чесноком. Роженице в постель также клали ножницы. Во избежание сглаза до истечения шести недель запрещалось показывать ребенка кому-либо, кроме родных, по этой же причине роженица также старалась в этот период не выходить из дому. Зафиксированы слабые воспоминания о существовавшем очищении роженицы: «Это б́ыло, так это — у дрéвних людей. Приход́или, вод́ичкой м́бли. Нáдо чé-то говор́ить, но я не знáю».

Через неделю после рождения ребенка близких родственников созывали на «ка́шу», на которую приглашалась и повитуха, — ей в этот день в качестве награды за труды давали материи «на рукава». Незамужних на «кашу» не приглашали.

В качестве угощения подавали кашу из ячменя, а также другую еду: пироги, щи и т. п. Была ли приурочена «каша» к крестинам, остается не ясным. По мнению одних, «каша» — самостоятельный обряд, имевший место до крестин, который в настоящее время называется «но́жки омы́вают»: «А у нас раньше назывáлось — каша. На кáшу придúт, а сейчас но́жки омы́вают». Другие информанты утверждают, что «кашу» устраивали после того, как окрестят ребенка. В последнем случае на «каше» присутствовал и крестный. Крестили ребенка через неделю или через месяц после рождения. Имя ребенку давали по имени святого, в день которого он родился. До крещения ребенка не называли по имени.

Когда ребенку исполнялся год, ему впервые стригли волосы. По мнению большинства, это делал отец или вообще мужчина. После года разрешалось стричь ребенка и ногти, которые до этого времени мать обкусывала зубами. Первые остриженные волосы прятали в тряпочку и брали с собой, когда шли в суд или при других неприятностях с властями. Существует запрет выбрасывать на улицу первые остриженные волосы, из опасения, что птица соьет из них гнездо, отчего у ребенка будет болеть голова.

Первый ребенок в семье — «пéрвенец». Последнего ребенка называли «оскíркешок» и в шутку — «последыш». Говорили, что «первый — на потеху, последний — на помеху». Рождение близнецов (не только у человека, но и у скота) — не к добру. Если корова родит двойню, в семье будет несчастье.

На вопрос детей, откуда дети берутся, говорят, что их нашли в борозде или в грядке, а также, что купили в магазине.

В похоронной обрядности прослеживаются такие известные в других славянских традициях компоненты, как выкуп могилы, представления о специфических средствах облегчения агонии (например, снятие досок крыши дома, чтобы душа легче выходила наружу), о душе-дыхании, птице, о ее питании паром, местонахождении около людей в течение определенного времени, о знаках смерти, о зрении покойника и др.

В Тихманье, как и в других славянских ареалах, полагают, что тяжело умирают грешники и «знающие», не «передавшие» перед смертью своего магического знания. Чтобы облегчить страдания умирающему, читают молитву «Да воскреснет Бог», ставят около головы сосуд с водой, открывают окно, форточку, задвижки у печной трубы — чтобы открыть душе дорогу на тот свет), кладут под подушку умирающему собран-

ную в подполье паутину, обмывают икону, а воду куда-либо выливают. При тяжелой агонии выламывали в потолке одну или несколько досок, умирающего клали на пол на соломенную подстилку или выносили из дома на улицу. О наступившей смерти говорят: «отдать душу», «руки к сердцу сложить».

Покойника обмывали и одевали в смертную одежду: «Пока тёплое да не застыло, нать вымыть да одеть чистенько. Тряпочкой в одну сторону всё мойте, тряпочку мочите в тёплой воде да обтирайте да говорите: „Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный“. Вот так твердить надо всё. И потом опять, когда одевать будете». Воду, которой обмывали покойника, выливают на дорогу, на помойку, в «отхожее» место или на большой угол дома, а иные берут для колдовства, например, поят ею мужа и его любовницу, чтобы те разошлись. Ноги покойника остаются связанными до положения в гроб — тогда их развязывают, а нитку кладут в гроб. Глаза покойнику закрывают и кладут на них монеты, которые при погребении кидают в могилу.

Гроб устилают березовыми листьями, ими же набивают и подушку, по другим сообщениям, — в гроб раньше клали березовые веники, у ног куделю, подушку набивали сеном, а сейчас — ватой. Перьями набивать подушку для покойника нельзя: однажды положили покойной подушку с перьями — родственникам приснилось, что у них под головой петух поет. Накрывали гроб домотканым холстом. На гроб с покойником клали большой атласный платок. После отпевания платок «нагробник» отдавали в церковь или нищим. По другим сообщениям, платки, пока несли покойника, клали на гроб, а потом забирали с собой и отдавали в церковь.

Женщине на голову надевают платок, мужчинам в гроб кладут шапку и пояс, в противном случае покойник будет сниться и жаловаться, что у него штаны не держатся: «Одна похоронила мужа, да ремня не склала в гроб, дак ей приснилось: „Все хорошо, да только штаны у меня сваливаются“. Дак она взяла, покойник тут умер, дак она принесла и положила в гроб. Иные подпоясывают, а иные рядом кладут. Женщине платок завязывают». Покойнику под левую (по другим свидетельствам — под правую) руку кладут его «долю» — половину буханки хлеба — со словами: «Вот тебе доля, вот тебе половина, вот тебе хлеб, ты и ешь, сколько хошь, только нас не тревожь». Если не положить покойнику его «долю», в хозяйстве могут быть убытки: «Если вот так не положат, так говорят: „Мёртвый у угла не стоит, а своё возьмёт“. Тут то ли сила, не

сила, а то корова не придёт с пастбища, то чего-нибудь, как-нибудь несчастье будет. Дак покойник не придёт, а корову уведёт какой-нибудь, какая-то тут сила». На лоб покойнику кладут венчик, а в руки — разрешительную молитву (и то, и другое называется «подорожная»), без которых «не пустят тебя на тот свет». После выноса гроба из дома двери закрывают. Обычай переворачивать предметы после выноса покойника многие осознают как новый, занесенный извне, и относятся к нему отрицательно: «Теперь мода вишь кака — опрокидывать, а раньше не опрокидывали. От у нас умерла в Русанове старушка, сестра взяла и опрокинула тубаретки, скамейки и всё. А потом полгода не прошло — зять умер у бабки-то и внучки муж умер — три покойника на году. Это очень плохо, нельзя переворачивать». На лавку, на которой лежал покойник, после выноса тела нужно сесть. После выноса гроба лавки мыли, а весь дом обрызгивали водой. Некоторые лавку, на которой лежал покойник, после мытья выносят в сарай.

Над покойником причитают женщины, которые умеют это делать. Вот образец причитания женщины по умершей подруге:

*«Ты, подружка моя милая,
Ты крестовая моя кумушка,
Там ты первопричастие примёшь,
Второё да третьё,*

*Ты пойдёшь на первое причастие,
Дак ты увидишь Христа Господа*

Да Пресвятую Богородицу,

А пойдёшь на второё-то причастие

Дак ты увидишь всю свою родню да прирбдушку

(Там родственники врёде похоронены. — Примеч. информанта)

А на третье-то причастие

Ты увидишь свою венчальную судьбу

(мужа милого. — Примеч. информанта).

Ты скажи, подружка милая,

Как увидишь свою родню да прирбдушку,

Да поклон да челобитье-то

(поцелуй врёде. — Примеч. информанта)

От меня, от старого человека.

Скажи, что я теперь старёшенька,

Што здоровье-то утёряно...»

Сохраняется убеждение, что могилу надо окупать, для чего туда бросали деньги. Туда же бросали носовые платки, кото-

рыми вытирали слезы. На могиле устанавливали деревянный крест в ногах покойного. По рассказам, одной женщине, которая поставила на могиле сына железный крест, сын стал являться во сне и жаловаться, что ему этим крестом «все ноги отломил». После этого мать установили на могиле деревянный крест.

Раньше существовал запрет хоронить на кладбище самоубийц, который теперь не выполняется: «Раньше на кладбища давленника не пушчали. Бывало, позади кладбища хоронили. Позади ограды. А нонечо всех валят. [Можно давленников поминать?] — Раньше не поминали, а теперь поминают». Выкидыши хоронили под полом дома, а по другим сведениям — на кладбище в гробу. Некрещеных детей хоронили на общем кладбище, им давали имя и поминали, поскольку считали, что это безгрешная душа, а в том, что он не окрещен, — грех родителей. Умерших до крещения детей поминали словами: «Помяни, Господи, рожёного, некрещёного».

В день похорон устраивают поминальный обед — для него готовят кутью — ячневую (теперь рисовую) кашу с изюмом, с вкушения которой начинается застолье, а также кисель и блины, которые осознаются как основные поминальные кушанья. На поминках ставили стопку водки, которая должна стоять до сорокового дня.

На могилу ходят на второй, девятый и сороковой день. На второй день на могиле поминали покойника, остатки поминальных блюд оставляли на могиле. Идя на поминки, нужно первому встречному, даже если это собака, подать хлеба за помин души покойного. Некоторые считают, что собака даже лучше помянет, чем иной человек. В родительскую субботу также поминали родителей на кладбище. На могилу клали освященные пасхальные яйца и кусок кулича, которые до поминального дня сохранялись на божнице: «На могилке еду раскршат — птички клюют и поминуют». Поминальную еду клали к кресту. По некоторым сообщениям, раньше на родительские субботы на кладбище, помимо еды, приносили чашку, ложку, рюмку, которые после поминовения оставляли на могиле. Полагали, что за ту поминальную еду, которую оставляют на могиле, покойника на том свете кормят: «Как панихидку-то снесёшь на сороковой день, я так снесла конфёток да печенюшек, шобы там ей, кумушку-то, кормили тоже хорошо, не забывали».

Самоубийц раньше не отпевали и поминали только в день Сорока мучеников: «Слыхала, шо в это день так можно всех

помина́ть. Уто́пликов да кто от своих рук получи́л сме́рть — повеси́тся да утопи́тся, да счита́ется, что не во́ время они это сде́лали, грешно. Дак в э́тот день мо́жно поминáть э́тих всех, а так их не поминáют».

Чтобы не боя́ться покойника, нужно зайти в сарай, поклониться и три раза сказа́ть: «Не было, нет и не будет». По мнению других, чтобы покойник «не снился и не приходил», нужно перед началом поминок постави́ть на стол рюмку водки и кусок хлеба и сказа́ть: «Приди, пей-ешь, такой-то (по имени), приходи пей-ешь, а меня не беспоко́й».

Сме́рть человека осмысляетс́я как исход души из тела: «У человека есть душа. Когда человек помирает, она выходит со вздо́хом, ртом выхо́дит. Открываешь или форточку, или дверь. Она идет прямо на небеса́, Госпо́дь Бог Исус Христос подбира́ет её». Общим являе́тся мнение, что душа, вылетев из тела, купае́тся в воде, поставленной рядом с умирающим: «Вода́ — сло́вно во́ля ка́ждому, в ми́ску — во́ля. Госпо́дь очи́стил чтобы ка́ждому ду́шу и приня́л её на не́бо». Некоторые утвержда́ют, что можно уви́деть, как в момент сме́рти человека стоя́щая рядом вода слегка колыхне́тся — в ней купае́тся душа. Но ви́деть это дано не ка́ждому. Душу обы́чно представл́ают в ви́де птички.

Большинство считае́т, что до сорока дней душа лете́т поблизости от того места, где умер человек. Однако, по мнению других, от девятого до сорокового дня душа лете́т «по стра́тям»: «В девять дней душу-ту во́дют, страсти показыва́ют, в Писании напи́сано, что и в смо́лу горя́чую са́дят. Потом до 40-го дня тоже надо всё поминáть — душа жива́-то всё ещё. Поведу́т на пе́рвое прича́стие, уви́дишь Го́спода Иису́са Христа и Пресвяту́ю Богоро́дицу, стане́т лучше. Потом на второ́е прича́стие уви́дишь великую церковь, родню́ уви́дишь да приро́ду [родственников], встре́тисъ, говоря́т, со своими. На тре́тьем прича́стии уви́дишь судьбу свою венча́льную. С сороково́го дня уж на одно определе́нное ме́сто твою душу положе́т, больше уж никуда не во́дят и ничего не показыва́ют — только рассвета́ло да потемна́ло, моли́сь, да всё». Широко распро́странено мнение, что в период от девятого до сорокового дня над ка́ждой душой происходи́т суд, на котором и решается, куда поместить душу — в рай или в ад: «Вот зна́ете, но что сороково́й день? Вот тогды́ суд конча́ется [над душой], а на девятый день только начина́ется. Вот ду́шу-то и начина́ют опра́шивать, как жил, как чиво́ де́лал, как грешил или не

грешил»; «[Куда попадает душа после смерти?] — На небо. Там будут судить. Бог. Куды вас класть. А бываёт в ад, кто много нагрешил. В огне гореть будешь. [А если не согрешил?] — Тово и в царство небесное».

Душа самоубийцы попадает к дьяволу: «Если он удавился, Господь его не принимает. Он уж как у сатаны в колёнах, раз он свою душу — Господня душа-то, не твоё, — дьяволу, лукавому отдал. Его в церкви не отпевают, он сам свою душу нарушил».

Представления о «ходячих» покойниках в Тихманье, как и в целом в севернорусском ареале, развиты слабо по сравнению с другими славянскими традициями. Нормальным считается появление покойника в доме в течение шести недель после смерти — как правило, оно безвредно для окружающих. Обычно это бывает в тех случаях, когда родные продолжают плакать по умершему: «Ну, раньше говорили, душа шесть недель ходит. Где умерла, тут и ходит. У нас одна в Заполье, а она тоже всё плакала, так плакала, так ей приходило. Ну, что, она говорит, придёт, так меня не тронет. У меня хозяин [муж] тоже приходил колько раз. А двирь открьёт, походит, походит, а потом пропадёт. Сброк-то дён помянут, онй больше не придут. До сорока дён онй ходят».

В большинстве случаев рассказывают не о том, что покойники «ходят», а о том, что они начинают часто сниться, если не была выполнена их предсмертная воля, если погребальный обряд был совершен с нарушениями или если их забывают поминать. В этих случаях покойник выражает свою волю, являясь родственникам во сне: «Говорят, что живой с мертвым не в дружби. Как покойники снятца, дак поминки просят. Поминать надо. Напримёр, перед Троицкой субботой мне мать снятца: «Нюрка, я очень хочу пара». А пар — это из брюквы, тушат в печке. Пары выпарят — вкусная. Ну, вот и она: „Я, — говорит, — очень хочу со своим хлебом этой пары“. Я выпарила и носила на могилу. Там, конечно туда не попадёт, воробы, галки расташчат, а обычай такой». Лишь в единичных рассказах говорится о приходе к жене покойного нечистой силы в облике ее бывшего мужа: «До сорокового дня, говорят, ходит домой [покойник], а если после сорокового дня это уже дьявол ходит, ну а образ его [покойника]. Я вот и в вблости слыжала, вот одна женщина сказывала — к ней ходил, да потом она его оставила. Он тя порешит, ну задушит и всё. Это страшное дело, это нечистая сила. Не сам же покойник ходит, покойник никогда не ходит, это не надо пускать».

В Тихманье зафиксированы представления об обмирании, во время которого душа спящего летаргическим сном человека путешествует по «тому» свету, но таких рассказов немного: «Одна старушка была, семь суток спала. Поснулася когда, так у моей дейнушки, ныне тетками зовут, у неё помер сын двадцатилетний. [Дейнушка спрашивает]: „Моего Санюшку-то не видала?“ Она [старуха] говорит: „Видала я твоего Санюшку, он со священником в церкви ходит, подсвечник носит“. Это во сне. „Еще, — говорит, — я вам скажу так: помела не купайте в поганой воде“. Грех, говорит. „Больше я вам ничего не скажу“. И померла».

Предвещениями скорой смерти считаются птица, стукнувшая в окно (она бывает видна только тому, кто должен умереть), а также вещи с соответствующей символикой. Например, женщине приснился сон о том, что ей дают ключи от новой квартиры, и она взяла эти ключи. Через несколько дней она умерла от несчастного случая.

В системе **народного календаря** отмечается обилие типов и способов ряжения на святки, а также развитый комплекс разнообразных гаданий (преимущественно о замужестве) на святки и Ивана Купалу.

Святки. Период от Рождества до Крещения называется «святки». Канун Рождества, Крещения и Нового года называется «сочельник», впрочем, некоторые называют сочельником только вечер перед Крещением, объясняя название тем, что в это время пекут сочни из овсяной муки. В сочельник старались напечь как можно больше «колобушек» — пресных булочек из ржаной, ячневой и овсяной муки: «Сколько сороков — двадцать сороков, тридцать сороков, чтобы выросло ржи. Сколькo напекут этих колобушек из ячменя, из овса, из ржи. Говорят: „Сорок сороков овса вырастет“». Кашу в сочельник варили немногие. Название «кутья» для рождественской каши не употребляется. В основном в период святок пекли блины — «шанги», варили кисель из клюквы и готовили другую праздничную еду.

Хорошо сохранились поверья о *первом посетителе* на Рождество, Новый год и Крещение — им должен быть мужчина, чтобы жизнь в доме, куда он пришел, была хорошей, а девушки вышли замуж. На Рождество «христославцы» ходили «славить Христа». Утром в основном ходили мальчики и вообще мужчины — женщин и девочек в это время не пускали в дома: «Говорят, надо, чтобы пришёл первый парень, а не

дѣвка в Рождество утром. Если дѣвка — не правило. Приходят, поют: „Христос рождаетца, славитца...“ Все одно поют. А в конце: „Тѣтенка, с праздником. Не давай ломком, подавай целком“. Все равно уж целком никто не давал, отламывали там. Жили бедно, и хлеба не хватало, но подавали всем нищим». Днем все желающие могли ходить «петь коляду». В Тихманьге известна только одна колядка, которую и пели все «христоравцы»:

*Христос рождается, славится.
Христос в небе здрачится [sic!]
Христос на земле возносится.
Пойте, радуйтесь, вся земля.
И веселие воспойте, люди, ко прославимся,
Рождество твоё, Христё Бже наш.
Вам для потешки — нам на орешки.*

«Христоравцам» давали хлеб, пироги, реже — деньги.

На следующий после Рождества день и до конца святок молодежь снимала дом у какой-нибудь небогатой вдовы и устраивала «беседы» или «беседы». На беседы девушки приходили со своими прялками и приносили по небольшому караваю из кислого теста (он назывался «перепеть») и по полену дров. На «беседы» приходили парни с гармонью и балалажкой. Каждый парень садился за прялку около той девушки, с которой дружил. На беседах плясали кадрили и пели песни. После окончания вечеринки каждый парень провожал свою девушку. У замужних женщин были свои «беседы».

В Тихманьге было распространено святочное *ряжение*, которое длилось все святки. Группы ряженных с закрытыми лицами, преимущественно девушки, приходили на «беседы» и танцевали под плясовые песни, которые им пели участники «беседы». Сами ряженные не пели и не подавали голоса, чтобы их не узнали: «На святки все пряли и наряжёнными ходили. На беседы только одна компания заходит с гармошкой. Только одни наряжённые уходят, другие опять заходят. А пели, когда беседа сидит, если гармошки нет, под песни [танцевали]. Без гармониста придёт эти... наряжённые, то им уже поют. [Рядились] кто во что. Раньше сарафаны были так старинные. Так, сарафаны одевали. Если посмешней, так скоморохи так. И смешно наряжались. Мужчины мало ходили. Лицо завешивали, чтоб не узнали, кто. Здесь [над лицом] так тряпочка висит. Если узнают их, они раскрываются, если не узна-

ают, так они и уйдут нераскрытые. [Наряженные] только по беседам ходили. Все святки ходят. И стары даже ходили, но большинство, конечно, молодёжь».

Девушки и женщины рядились в красивую, праздничную одежду и посещали с музыкой и танцами дома, где устраивались «беседы». Они назывались *нарядихи* или *снарядихи*: «Снарядихами ходили. Всё одевали: и в хоробшом ходили, там сарафаны раньше деревенские ведь были, наверху уборка, ленточка да сетка, кады казацки надевали, хорошо рядились... Девки все ходили баскими: в атласники да в кошемирники, да в канифасники, бурдóвники, англистики. Нарядятся баско и пойдут». Раньше «снарядихи» закрывали себе лица платками: «Нарядихи [надевали] наряды праздничны, снацяла лица закрывали платками, а потом стали платочки [назад] завивать, кудрей [на лоб из-под платка] назавивают, серьги повесят, бусов навесишь. В одних рубашках, сарафанах, ремешках, фартуках, на ноги штиблеты позвонцае — вот и пошли». В Тихманье сохранились сведения о травестийном поведении «снарядих», рядившихся в мужскую одежду: «Мы... любили наряжаться мужиками: одни девки мужиками рядятся, другие — девками и идём...»

Мужчины на святки наряжались различными животными, преимущественно конем, козой или медведем, петухом, жирафом, и ходили по домам: «Наряжались медведем да лошадей. Водили по беседам. Коня нарядят: мужика парусиной накрывают, конску голову сделают да и уши — какие-то вилки поставят; другой так даже верхом садился. Говорят: „Обосерится конь-то...“ Мужчина носит в ведре угóлья — это для девок — напакостят, намусорят да притопчут, чтобы нам больше мыть было»; «Мужчина один встанет, другой сзади упрётся, а тут уж голова сделана лошадиная. „Лошадя“ придут — говна несут коньёвого, оно тут летит у него. „Коня ведут, коня ведут!“ Коня приводят, его хлещут — он бесится там, когó пинает, лягает».

В Тихманье был распространен обычай рядиться «покойником», которого одевали во все белое, клали на доску и носили по избам: «„Покóйника“ сделают. Кругом поп кадит кадилом-то, золу полóжат туда, летит всё. Запоёт, что он мёртвый, его хоронить надо, а сворачивали всё на матюги, шутки [неприличные]».

Парни наряжались также «веретельниками»: одевались во все белое, брали в руки веретена или палки, одну палку встав-

ляли себе между ног, другую брали в руки и нападали на девушек. Их нападения имели характер сексуальных домогательств. «Веретельники» нападали преимущественно на тех девушек, которых хотели за что-либо наказать (например, если девушка отказалась гулять с тем или иным парнем): «А есь веретельниками редились, во всё белое наредятся: кальсоны оденут, белую рубаху, закрююце [лица] платом и веретешками придут и девок тычут веретешками. Веретельники пойдут, если попадет им женщина или девушка, так они наточут им бока. Много веретельников не ходют, два мушны, много што три»; «...веретельники еще каки-то были, нарядяца такими чучелами, если веретельники эти попадут — ой, берегись! — не то так намнут — домой не прийти. Пристают, лапали девок. [Жаловаться девушки не могли], кто их знает, кто веретельниками ходил, закрыты были. Были у них и палки, как веретена точат, инструмент такой...»

Иногда веретельников называли «шылыкунами»: «Шылыкуны, снаряжёнными ходили, вот наряжались белы подштаники, рубаха бела, пояс подпояшут, шапку наложат. Может, какою девушкою недовольны, так палки... не ушибут, так построшчат. Как веретельник. Тебя и наточат и шылыкун нашылыкует. Побить-то не слыхала, што-то иные могут, што и маме не скажешь. Но плохово не позволяли, насиловать или што ли».

Ряженные парни нередко бесчинствовали при посещении дома. Для севернорусской традиции святочные бесчинства — вообще характерный элемент традиции (в Тихманье «ходили *калэшить*», т. е. устраивать беспорядок, разрушать поленницы дров, обливать водой на морозе или подпирать ворота, стаскивать сани в прорубь и др., парни, которых называли *калешеники*).

Разнообразны и типы гаданий в системе народного календаря. Наиболее «страшным» является святочное гадание на телячьей шкуре в кругу на перекрестке (на гумне, около крещенской проруби): гадающие сидят спинами друг к другу и, очертив круг с характерным приговором, защищающим от нечистой силы («Черти-почерти, за кругом три черта, в кругу не черта»), прислушиваются к звукам, определяя по ним будущее. При этом считается, что черт может утащить человека из круга, если оттуда торчит хвост шкуры. Не менее специфичны и святочные гадания, называемые «рбсы полбть», «пахать мусор», «золу сеять» с разбрасыванием мусора, пепла и соответствующими приговорами (типа «Залай, собачка, залай, на бо-

госуженой сторонке»), «колодец рубить» — складывать из спичек колодец, призывая суженого придти ночью поить коня, как и другие «призывы» жениха («за кольцом» или «огороду городить» и др.).

Многие гадания широко распространены и в других славянских традициях: раскладывание предметов и впускание домашней птицы или животных для их «отбора» (в Тихманье девушки насыпают зерно в колечки, наблюдая, чье колечко клюнет петух), гадания по звукам с первым блином (сочнем), литье олова, гадание по тени от сожженной бумаги, по четном/нечетному количеству дров в охапке и др.

Считалось, что все святки до Крещения «чудится», т. е. людям может что-то привидеться. Это прекращалось после освящения воды в иордани, поскольку «святая вода выше хором». Этой водой окропляли помещение внутри дома и хозяйственные постройки, «чтобы больше ничего, всё ушло». Больные по завету купались в иордани для излечения.

Календарные праздники весеннего, летнего и осеннего цикла. О *Сретенье* говорили, что в этот день зима с летом встречается или что Иисус Христос встречается с Богом Отцом.

Масленица называлась «Масленка», «первозаговенье», «заговеное». В эту неделю пекли блины, гуляли, катались с ледяных гор, а также ездили на лошадях по соседним деревням и пели песни.

Крестопоклонная неделя. Воскресенье на этой неделе называется «Средокрестно воскресенье» — это середина говенья, «говенье переломилось».

Благовещенье по значимости приравнивалось к Пасхе. По мнению некоторых, Благовещенье так называлось потому, что в этот день «благовествует Пресвятая Богородица, когда вот Иисус Христос воскреснет. Она благовествует, што ей уж хорошо стало». Считалось, что Благовещенье — «опасный» праздник. В этот день тщательно соблюдали запрет на работу, тем более не начинали никакой новой работы и особенно следили за тем, чтобы день выгона скота не пал на тот день, в какой в этом году было Благовещенье: «В Благовещенье птица гнезда не вьет, а красна девица и косы не плетёт. Его не как праздник отмечают, его и опасаются: в этот день овец не стригут, первой день на работу не выходят, коров не выпускают, [первый раз нельзя доить корову]».

На Благовещенье пекли особый хлеб для скота, который скармливали при первом выгоне: «Пекли на Благовещенье

мáленькие хлебушки, по три кáждая хозяйка. Клáли к икóне на пóлочку. И котóрого дня выгоняли на пáстбище скотину, хлеба налóжат и скормят коровам. Хлеб-то под икóнами бóдто освятится».

Встреча весны. В Тихманье ритуальная встреча теплого периода называлась в большинстве случаев «лето встречать». Дети ходили «лето встречать» как только сойдет снег или в один из майских дней — когда подсохнет. Дети шли в поле, жгли костер, собирали вкладчину еду, пекли картошку, приговаривали: «Летушко красное, иди с нами обедать». В одном случае сообщали, что дети ходили «встречать весну» в лес, где свистели в каргопольские глиняные свистульки. Еще один информант считает, что ходили встречать не лето, а солнышко, и произносили закличку, в которой приглашали весну-красавицу, «солнышко красное, летушко ясное без дождя».

Вербное воскресенье. Как считают некоторые, этот праздник отмечают потому, что «ехал какой-то в Ерусалим на коне верхом, богослов, и ему эти вербы бросали под ноги». В этот день освящали вербные ветки, которые хранили у иконы (по другим сообщениям — клáли в хлеву под матицу) и которыми выгоняли скот весной на пастбище. Если куры долго не неслись, их хлестали этими ветками с приговором: «Вербушка, вербись, вербись, курушка, несись, несись». В Вербное воскресенье делали из веток сосны веник, которым подметали в печи.

Страстная неделя — «Страшная неделя»: «Еще бывают страшные нóчи. Страшная суббóта. Когда-то пóсле Крещения. Говорят, нóчью кошмáры снятся, всякие причóды. Есть страшная суббóта, страшная пýтница... ну, страшная недéля. Эту недéлю всё кошмáры снятся». Чтобы предохранить себя от кошмаров, нужно повесить над кроватью камень с естественной дыркой.

Страстной четверг — «Великий четверг». В этот день пекли столько небольших булочек «перепечек», сколько в хозяйстве было скотины. В каждую из булочек запекали по клочку шерсти от коровы. Эти «перепечки» хранились на божнице до дня выгона скота — тогда их размачивали и давали корове на заслонке. «Великий четвёрг. Прóтив Великогo четвёргá ходили в цёрковь, бýло стоение. Дак замóчили Исýса Христá. Пекли каравáй четвёрáжный. Просвиры пекли. Причáстие клáли. Мáленьких детéй носили к обéдне, чтóбы они быстрéе росли, здоровы бýли. Четвёрг не то, что чистый, а пáметный. Пекли для скотины тóже и клáли под икóну. Выгоняют скотину, и скóрмят часть четвёрáжного хлеба». У коров остригали

кончики хвостов и прятали под матицей в хлеву. В этот день ломали можжевельник («вереск») и кипятили веточку в подойнике, чтобы подойник прокалился, но другие говорили, что это грех, потому что под вереском Иисус Христос сидит. С Великого четверга до субботы топили баню, мылись, чистили дом. По одному сообщению, в Великий четверг можно было «вымести из дома» того, на кого ты держишь зло: «В Великий четверг после двенадцати на кого зло держишь, — можно выметать, только задом идут, из большого угла помелом выметают всё на себя, что вот я такую-то выметаю».

Страстная суббота — «Велика суббота», «Великодённа суббота». Называется так потому, что «Пресвятая Богородица переживала, день-то ей длинный [кажется], и суббота названа Великой». В Страстную субботу красили яйца. Обычай красить яйца на Пасху связывается с легендой о Богородице: «Пресвятая-то Богородица затопила, вроде, печку вечером против Пасхи, пекла блины и красила яйца, што Иисус Христос воскреснет. Радовалась. Вроде о Пасхе всё говорили: «Сыр да масло да яйчко красно».

Пасха. На Пасху христосовались, дарили друг другу яйца, бились яйцами на горе или на колокольне. Считалось, что на Пасху солнце «играет», «радуется» «трепещеца»: «Всё говорили, что солнце радуется Пасхе». В пасхальную неделю по всем деревням волости, где не было своих церквей, ходил крестный ход с иконой Богоматери. Для каждой деревни был установлен свой день для приема крестного хода, который назывался «Богородицей»: «Священник придёт с Богоматерью. Тут соль накладена, всё накладено. Стол вот накроем, скатертью постелем, соль здесь кладём, всего накладём. Тут идут с крестами. Много их, людей идёт. Идут и хлеба здесь набирают. Священник прежде идёт. Поставят кресты, и давай петь. Вот сёдня у нас Богоматерь, у нас Богородицы сёдня праздник, завтра — в другой деревне».

Юрьев день. День св. Георгия Победоносца называется «Егорий». Считается, что это «„скотинный“ праздник», что Егорий скотину бережет — в этот день старались накормить скот получше. Считалось также, что это праздник пастухов. Скот выгоняли на пастбище на Егория, если весна была ранняя. Известна поговорка: «Евдокия плющиха воды наплющит, курочка напьётся, дак Егорушко овец накормит».

Перенесение мощей св. Николая — «Никóла лётний» почитался также как скотий праздник, при поздней весне в этот

день выгоняли скотину. Известна поговорка: «На Никольску ночь паси́ [т. е. береги] сена клоць. Бываат, што на Микольску ночь снег выпадает, так что скотину не выпасешь». С этим днем связывалось начало ледохода на о. Лаче: «Лед на озере ещё до Николая Угодника все не шевелится, не уходит из озера. Бабушка еще говорила: «Николай Угодник утолкает плиту [т. е. лед] из озера, так пора лук садить». День св. Николая считался важным праздником, который необходимо отмечать, о чем говорит пословица: «Не ивань, не варварь, а пониколь». Считалось, что было два Николы — один угождал, а второй чудеса творил — зимний и летний.

Иван Купала — «Иван-день». В этот день жгли костры и прыгали через них (единичное сообщение), до обеда наряжали деревья, вешая на них платки и пригибая ветки вниз. Однако сведения о наряжении дерева сохранились очень туманные: «это наши тётки да матери делали, а мы отвыкли уж». В этот день рвали ветки осины и делали из них веничек, который клали в борозду в огороде для охраны огорода от гусениц, воров и другой напасти. Веник должен был пролежать в огороде трое суток, после чего его хранили у иконы и с его помощью омывали корову после отела. В этот день ходили в поле смотреть рожь, говоря: «На Ива́нь-день цвет, а на Ильин день хлеб». Придавали благотворное значение дождю в этот день, считая, что «Ива́нская туча дороже золотой горы».

Среди девических гаданий на Иванов день (которых в целом значительно меньше, чем на святки) известными в других славянских традициях являются гадания с пусканием венков по воде — к какому берегу венков пристанет, туда девушка выйдет замуж. Однако в Тихманье чаще бросали не венки, а букеты цветов, кидая их через голову в реку, а затем смотрели — если букет поплывет цветами вперед, желаемое сбудется, если вперед стеблями, то нет. Специфичным является гадание с двенадцатью цветками: в этот день следовало собрать двенадцать разных цветков и положить под подушку. Приснившийся в эту ночь сон соответственно толковали (например, если приснится лето — хорошо, зима — плохо). Верили, что в ночь на Иван-день в двенадцать часов расцветает папоротник, который цветет в виде огонька. Его можно сорвать и принести домой — «принесешь, так хорошо».

Вознесенье — «Вознесёньё. 40 дней пройдёт после Пáсхи, Он уже в святы́х. Он вознёсся ужó, Он начинаёт руководить как б́удто всем м́ром. Он вознёсся на небеса́. Старикí говори́-

ли, вот ужо Исус-то Христос как вознесётся на небеса, Он там погоду наладит. Ходит по земле, ходит Исус. Вот как не вознесётся еще так ходит». Имеется единичное сообщение, что на Вознесенье красили яйца.

Троица. В этот день в дом приносили березовые ветки, которые клали к иконе, где они находились до Нового года, а после этого (не ясно, когда именно) ветки спускались в реку по течению. На следующую Троицу приносились новые. По другим сообщениям, на Троицу рубили три березки и ставили их около дома, где они стояли все лето. Считалось, что троицкая березка и ветки охраняют дом от грозы. Если из дома уезжали на длительное время, троицкие ветки клали на подоконники, чтобы в дом никто не забрался. В этот же день делали веник из можжевельных веток, которым парили подойник, когда после отела начинали доить корову «в чистое», т. е. когда после очищения коровы начинали употреблять молоко в пищу. Есть одно сообщение о том, что на Троицу красили яйца.

Духов день — в этот день «зёмлю нельзя трогать, потому что дүхи тревожатся тогда [после Троицы]». «В Дүхов день русалка может на деревьях сидеть в поле. Если человек один идёт мимо, они его зачекотать могут».

Петров день — в этот день разговлялись после Петрова поста, который, как говорили, был «к Великому посту прибавок» и устанавливался, как считают, для того, чтобы «подкопить масла да сметаны». В этот день пекли блины, ели сыр, творог, масло: «К Петру да Павлу едят сыр да масло, да яичко красно». На Петров день праздновали только до обеда, а после косили.

Ильин день почитался в Тихманье как один из главных праздников. Полагают, что Илья-пророк в этот день ездит на колеснице (или на корабле) по небу («Илья катается на колёсах по небу»), поэтому в этот день обязательно должен идти дождь и греметь гром — это считалось хорошей приметой для урожая: «Илья — пророк, пророчил. А вот туча бываёт ильинская. Илья-пророк, говорят, прогремит, проедет — хоробший урожай будет, а не проедет, дак не будет хоробшего урожая». Считалось, что «гроза ильинская лучше золотой горы». На Ильин день замечали уровень воды в реке и, если вода была большой, говорили: «Петровский бык не выпьет, так и Ильинскому не выпить». Этот день связывался с созреванием нового урожая — в Ильин день еще мягкое ржаное зерно сушат и пекут хлеб — «пробу делают». В одном сообщении рассказывает

ся о завете праздновать Ильин день и приглашать в дом священника; завет был установлен после того, как выздоровел заболевший жеребенок. После Ильина дня запрещалось купаться — иначе водяной утащит.

Воздвиженье — «мужской праздник».

Покров — этот день считался скотым и пастушьим праздником. На Покров скармливали скотине «бороду» — последний сноп, принесенный с поля по окончании жатвы и стоявший до Покрова под иконой. Скармливая корове сноп, говорили: «Вот тебе Покров, Пресвятая Богородица». Пастушьим праздником этот день считался потому, что в этот день заканчивался договор с пастухами, которых нанимали до Покрова. Пастухи в этот день пьянствовали. На Покров купались в озере близ часовни, построенной в честь этого праздника. Существует рассказ о том, что в этот день рыбаки съезжались к часовне Зосимы и Савватия и праздновали Покров.

В обрядах сельскохозяйственного цикла сев и жатва представлены довольно слабо. Существуют воспоминания, что при начале пахоты обстановка в доме была праздничной. Хозяин мылся в бане, одевался в чистую одежду, чтобы дело удалось. Первый засеивает хозяин. Хозяйка готовит ему яйца — два или больше, он везет их с собой, чтобы урожай был лучше. По другим сообщениям, яйцо должно быть сырое, его клали в ведро с зерном, сеяли с закрытыми глазами и приговаривали: «Хватит курам и нам». Засевали первым обмолоченным зерном прошлого урожая. Овес следовало сеять в холодную землю: «Сей овес в грязь, да будешь князь». Ячмень сеют, когда ольха «вьется». Остатки еды, которую брали с собой, оставляли в поле.

Чтобы при *жатве* не болели спина и руки, во время первого грома кувыркались по полю. Перед началом жатвы жница кланялась на все четыре стороны и приговаривала: «Как ты, рожь, гнулась и сгибалась, так и я, раба Божья, буду гнуться и сгибаться». С этой же целью опоясываются жгутом из первых девяти сжатых колосьев со словами «Как эти волотки [колоски] не болят, так чтобы и спина не болела».

Последний сноп сжатого овса (по другим сообщениям — из любых колосьев) назывался «бородá», «вѣжинки». Его жнут и завязывают молча. Другие информанты сообщают, что пучок последних колосьев для бороды не сжинали, а рывком вытаскивали из земли, стряхивали землю и обвязывали ржаной соломой. «Бороду» ставили в красный угол под иконы, где пу-

чок стоял сорок дней, после чего его выносили в сарай, а на Новый год скармливали курам. По другим сообщениям, этот сноп скармливали корове на Покров по окончании выпаса. Обычай приносить в дом последний сноп назывался «отжінки». После окончания жатвы катались по полю, бегали друг за другом.

Праздник по окончании жатвы назывался «соломáт», «соломáта», «пожинáха» — на него варили житную (т. е. ячменную) кашу, в которую втыкали ложки. По одному сообщению, на «соломату» варили кутью, которую каждый съедал по одной ложке, передавая ложку друг другу.

Особо выделяется комплекс ритуально-магических действий, связанный с содержанием *скота* в течение года и выпасом коров в летнее время, в котором особое значение приписывается первому выгону скота, взаимоотношениям хозяев с пастухом, пастуха с лешим, действию «отпуска» (иные его названия: «слова», «список», «статья», «книжка»). Под традиционным для севернорусской традиции «отпуском» в Тихманьге понимается и определенный заговор, записанный на бумаге и хранящийся в укромном месте в течение года, и свод правил и запретов, необходимых для выполнения пастухом и хозяевами во избежание потерь в скоте (например, не есть черных или красных ягод, не здороваться за руку, не стричься весь сезон, не спать с женой и т. п.). Вот пример такого отпуска, списанного из тетради тихманьского пастуха (орфография источника сохраняется):

*Беру я раб божый григорий
насебя и насвё лето красное
и до поздней осени, трех-
шорстное стадо скота
коров — быков — и нетелей,
пускай мой скот гуляет
при солнце и придожде,
огорожен и прилуне,
огорожен мой скот
каменным тыном высотой
донеба, через этот тын
ниможет пройти ни медведь
широколапый, ни волк голодный,
ни волчица, и ниросомаха,
николдун и николдовка,*

*и нидевка черноголовка.
 Встаю я раб божый Григорий
 на утренней зоре и иду — я
 сосвоим стадом в тёмный лес
 замыкаю булатные ворота
 тремя замками, новечерней
 заре одеваюсь, и открываю
 замки, и пойдет мой скот
 след за следом совсех сторон,
 Прохожу я черезсвои ключи
 вкаждый день, наутренней
 заре и навечерней.*

Как и в других севернорусских селах, «отпуска» бывают «божественные», т. е. пастух пасет скот с молитвами, не прибегая к помощи магии и не обращаясь к нечистой силе — «лесному» (лешему). Распространены представления о специальных взаимоотношениях лешего с пастухом, который *пасет* скот *лесом*, *лесным*. Пастух обязан отдавать лесному хозяину определенную корову (например, первую или последнюю при выходе из огороженного круга в стадо). Хозяин леса наказывает пастуха, нарушившего уговор (убивает, «хлестает», войдя ветром и бурей в дом). Любопытно бытующее в народе убеждение в том, что леший «закрывает» корову от людских глаз в случае, когда она теряется. «Открыть» животное могут пастухи, договорившись с лешим, или «знающие» старушки, занимающиеся ясновидением. В прошлом и сам пастух имел особый статус человека «знающего», ясновидящего: его нельзя было обмануть, следовало подчиняться его требованиям в обращении со скотом.

Специальными магическими действиями обставлялся первый выгон скота весной. Помимо характерных для севернорусской традиции ритуалов обхода стада пастухом, существует известный всем славянам комплекс магических действий с использованием типичных продуцирующих предметов и предметов-оберегов. Это прогон скота через пояс, фартук, веревку, нить, металлические режущие предметы, битье скота освященными вербовыми ветками с последующим их хранением под матицей в доме (чтобы корова исправно возвращалась домой) или выбрасыванием в реку (чтобы молока было столько, сколько воды в реке) или складыванием всех веток под кустом на пастбище по указанию пастуха (очевидно, чтобы сохраня-

лось все стадо вместе); запреты спать в день первого выгона (иначе корова будет целый день не пастись, а лежать), отдавать что-либо (особенно молоко) из дома, выгонять скот босиком или без платка, ругать скот и др. Перед выгоном на пастбище скот кормили размоченными в воде хлебцами («перепечками»), испеченными в Страстной четверг с запеченной туда шерстью, взятой от каждой коровы: «Ну, так выпускаю, по утру встану да замоцү [хлебцы], размокнет, заслонку на леву сторону поверну, чтоб лева сторона была кверху. Ухват поставишь, а ей [корову] на заслонке кормишь, иконку берешь. А ухват так ставишь: сверху деревянно, а книзу железно. Иконку берешь, ей обойдешь три раза с иконкой, а она ест, на заслон размнешь. Этот заслон левой стороной клали: „Заслончик, мою животную спасай, прикрывай“. Вот она, заслона-то и прикрывает. А на иконке такой седой старичок. Босиком нельзя [выгонять] и без плата нельзя. [Информантка говорит снохе]: „Маринушка, обуйся и платок повяжи. Без плата не выпускай никогда корову и не встречай“. Скотину босиком не выгонишь, а век свой гонят в обулке и платке».

При выгоне обращались к св. Николаю, с иконой которого (или с иконой св. Георгия) преимущественно выгоняли скот: «Николай Угодничок, спаси мою Мартушку. Спаси от волка зубастого, от медведя лапистого, да напой, да накорми, да домой пригони». Возвращаясь с первого выгона скота, хозяйка должна была что-нибудь внести в дом, хотя бы два-три полена дров.

Особое значение в севернорусской традиции придается ритуалам, которые совершаются после первого отела: ритуальному очищению молока, «установлению» телки для спокойного доения впоследствии, действиям с последом. Специально следят за тем, чтобы корова не съела послед, от чего зависит время употребления молока в пищу (седьмой, девятый или одиннадцатый удой). Подойник для молока тщательно выпаривают с можжевельником, бросая внутрь камешки, серебряное кольцо, старинные монеты и другие предметы, способствующие, по мнению жителей, чистоте молока. После отела магическими действиями (например, проводят последом по хребту) «устанавливают» корову, чтобы она стояла смирно во время доения. Теленка подносят к матице, обтирают рубашкой, поднимают к матице со словами: «Как крепко, плотно стоит матица, так и ты стой с вытянутыми ножками» и т. д.

Для *купли-продажи* скота наиболее благоприятными днями считаются вторник и суббота. Если при купле уже определена

цена, повышать ее нельзя, иначе корова умрет. Покупая корову, нужно забирать с собой и ее поводок. Чтобы корова забыла дорогу к старым хозяевам, после ее купли следует брать землю из-под ее копыт и бросать впереди нее, когда ведешь домой. При подходе ко двору хозяйка берет землю из-под заднего копыта и бросает ее через весь двор со словами: «В гостях гостила, домой пришла». Вводя в хлев жупленную корову, молятся во все четыре угла, обращаясь к дворовому с просьбой полюбить животное, кормить его и беречь.

Среди **строительных** обрядов и поверий, связанных с постройкой нового дома, выделяется группа запретов и предписаний относительно хорошего/плохого места для постройки дома. Среди плохих мест называется, в частности, то, где раньше сгорел дом, находилось гумно, или место, где зарыт чей-то труп. Обязательными элементами строительной обрядности, совпадающими с общерусскими, являются символические формы строительной жертвы (деньги, хлеб), моменты установки первого венца нового дома, матицы, князька на крыше дома. Угощение строителей при установке князька носит название *князевое*. Отличительные особенности местной традиции проявляются в обрядах перехода в новый дом. В Тихманьге предписывается переходить в новый дом ночью, лучше в полночь, чтобы никто не мог сглазить. При этом существует запрет мыть и подметать новый дом, пока в нем не переночует одну или три ночи нечетное количество человек, которые это время не должны мыться и менять одежду. Делается это для того, чтобы не «вымести» и не «смыть» богатство и благополучие в новом доме. Для Тихманьги, как и для всей русской традиции в целом, характерно «перезывание» домового в новый дом, а также переход туда с петухом, кошкой, иконами и квашней.

Мифологическая система, существующая в данном микроареале, в своем общем виде представляет собой вариант типичной севернорусской мифологии с ее набором мифологических персонажей — хозяев различных локусов — домового, банника, лешего, водяного, в наименьшей степени — полевого. Наиболее разработаны образы домового и, в связи с лесным выпасом скота, — лешего, вера в которых среди населения старшего поколения повсеместна. Образ домового (чаще его называют дворовым) связывают с наличием скота в доме. Ипостасью домового считается ласка — по этому диалектному признаку традиция Тихманьги примыкает к восточной части Русского Севера, для которой характерно соотношение мифологического хозяина с лаской,

тогда как в западных районах севернорусских областей (запад бывш. Олонецкой губ., Новгородская, Псковская области, русское население Прибалтики) ипостасью домового считается змея.

Представления о лешем в основном не отличаются от общерусской традиции и связаны, прежде всего, с его способностью заманивать в лесу человека, сбивать его с дороги, заводя в глухие заросли. Магические средства, применяемые в этом случае, вполне обыкновенны для всей восточнославянской традиции — одежду выворачивали наизнанку, крестились, читали молитвы. Однако в связи с условиями выпаса скота в этом микроареале усиливается связь лешего со скотом, менее очевидная для безлесых южных районов России.

Образ водяного менее ярок (что характерно для всего Русского Севера) и часто в быличках смешивается с образом русалки, которую иногда называют росомахой, в результате чего этот зверь приобретает в данном ареале мифологические черты. Былички о русалке однотипны и малосюжетны: она сидит на камне около воды, куда скрывается при приближении людей, расчесывает волосы, стремится утопить человека. Вера в русалку достаточно хорошо сохраняется особенно среди детей, которых взрослые пугают этим персонажем, чтобы те долго не присаживали в речке.

Исследуемая часть Каргополья и с. Тихманьга, в частности, является южной границей ареала верований о шуликунах — сезонных мелких демонах, вылезаящих из воды на святки и затаскивающих людей в прорубь. Представления о шуликунах, достаточно подробные еще на севере Каргополья (в с. Архангело, в частности), в Тихманьге прослеживаются в очень редуцированном виде, а сам термин *шуликуны* здесь чаще всего обозначает ряженных на святках или просто переходит в разряд пейоративной лексики.

В сильно редуцированном виде существуют и поверья о полуднице, называемой *сковородницей* (вероятно, под влиянием вологодской традиции), которую представляют себе в виде старой бабы со сковородником в руках, появляющейся летом в гороховом поле и стерегущей там детей. Ее образ явно переходит в разряд персонажей-устрашителей. Совершенно неожиданной чертой местной мифологической традиции являются отрывочные сведения о *чернокнижниках* — разновидности нечистой силы, некогда жившей в лесу (но не отождествляемой с лешим!). Сам термин более характерен для украинокарпатского региона, чем для русской традиции. Один из чернокнижни-

ков, якобы обитавший близ Тихманьги, стремился поймать и съесть человека, но после крика петуха упал на землю и умер. На месте смерти чернокожики долго стоял деревянный крест.

Вполне в соответствии с общерусской традицией представлены поверья о сглазе и порче, которые наводят люди с недобрим глазом и колдуны. В отличие от южнорусских традиций и восточнославянского региона в целом для исследуемой традиции не характерны сюжеты, связанные с отбиранием молока у коров ведьмами. Сам термин *ведьма* также отсутствует, а известный в Тихманьге термин *колдовка* обозначает скорее знахарку, умеющую по наговоренной воде определять вора или местонахождение украденной вещи. Для тихманьгской традиции, как и для всей севернорусской мифологии в целом, не характерны представления о ходячих покойниках.

Комплекс магических действий и поверий, связанных с дождем, громом, градом, в Тихманьге имеет много параллелей с другими восточнославянскими регионами. Во время засухи ходили в поле и около крестов, вкопанных там, служили молебн, а также обходили с иконами вокруг часовни. В советское время старухи ходили в лес и там просили дождя. Необходимость совершать это в лесу вызвано, по объяснению информантов, отсутствием икон.

Считалось, что если первый гром прогремит в то время, когда лес еще не оделся листвой, будет плохой урожай, заморозки повредят посевы. Если первый гром прогремит раньше выгона скота, то этот год будет тяжелым для скота. Во время первого грома кувыркались, чтобы не болела спина. Первым градом лечили бородавки: градины собирали и мыли ими руки. Когда идет первый град, нужно раскусить градину, чтобы не болели зубы. Чтобы остановить град, на улицу выбрасывали сковороду кверху дном, печное помело, ухват или хлебную лопату: «Я помню от бабушки, что бабушка сковороду выбросит на улицу и говорила: „Пронеси, Господи, град пустым местом, густым лесом, чтобы никто не задел, ни меня, ни соседей, ни дальних людей“». В качестве оберегов от грозы использовались ветки троицкой березы, скорлупа от пасхальных яиц, которую следовало хранить в доме. Во время сильной грозы дом обходили с решетом и помелом, выносили иконы св. Николая и Богоматери и ставили около дома, а также выбрасывали сковороду. Считается необходимым во время грозы закрывать все отверстия в доме, в том числе печные трубы, а также все блестящее — зеркало, самовар, телевизор,

потому что «молния притягивается к светлому». Вне дома во время грозы нельзя вставать под осину, ель, сосну, а также под стог, поскольку в нем может быть осиновый стожар, который притягивает молнию.

Чтобы дождь лил сильнее, дети пели:

*«Секі, секі, дбждь,
На бабью рожь,
На попѣв безмѣн.
Провалѣй весь день.
Сѣтами, решѣтами,
Пѣльными ушѣтами».*

Чтобы дождь прекратился, дети пели:

*«Дѣждик, дѣждик, перестань,
Мы поѣдем на ристань,
Бѣгу молѣться, Христу поклонѣться.
Ключиком, платѣчком,
Шѣлковым платѣчком,
Атласничком, канифасничком».*

Полагали, что прекратить затяжные дожди можно, насчитав сорок лысых.

Радуга обычно появляется к дождю. Считается, что она набирает воду из водоемов. Один конец у радуги опущен в воду. Дети, увидев радугу, пели:

*«Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышко,
Дай ведрышко».*

При пожаре, чтобы огонь не перекинулся на соседние постройки, горящий дом обходили: нагая женщина с помелом или иконой, женщина с иконой св. Николая или Богородицы, хозяин с иконой. Чтобы погасить пламя, в пожар кидали яйцо без зародыша — «запѣрдышек» или обычное яйцо. Пожар от молнии тушили молоком.

Что касается **растений**, то в Тихманье продолжают сохраняться представления о деревьях, которые следует или не следует сажать возле дома. Обычно возле дома сажали лиственные деревья — березу, черемуху, рябину. Сосну и ель около дома не сажали, потому что, во-первых, они «притягивают» к себе грозу, а во-вторых, и это главное, — они «выживают»

из дома мужчин (по другому мнению — детей). Можжевельник (в Тихманье он называется «вѣресом» или «вересинкой») считается счастливым, «Христовым» деревом, потому что под ним спасалась от преследователей Богоматерь с Иисусом Христом — верес опутал их своими ветками, и погоня их миновала. Считается, Христос родился под можжевельником и что у Него венец был из можжевельниковых веток. Под можжевельником можно прятаться во время грозы. Можжевельником парили бочки и подойники, т. к. считалось, что он выгоняет все нечистое. Осина — проклятое, «чѣртово» дерево, потому что осина шелестела листьями, когда под ней хотела спрятаться Богородица с младенцем, и могла выдать их преследователям. Под осиной нельзя прятаться от грозы и из нее нельзя делать столжары, так как они притягивают молнию.

Существуют приметы, связанные с двойным колосом, который называется «новѣнка» или «спорынѣя» — его кладут в карман или за пазуху на счастье, а также хранят за иконой. Найти двойной или тройной колос — к добру, к плодородию. Двойные колосья втыкали под матицу, чтобы в доме не было насекомых. Кочан капусты называют «клубок», «вилок», «коцан». Незавившийся кочан называли «килун», а также «росомаха»: «Капуста не завилась — одни росомахи выросли».

Поверья о зверях, равно как и обереги от них, в Тихманье развиты довольно слабо, хотя в магической практике широко используется звериный, особенно рысий коготь — его носят моряки, чтобы не утонуть в море, охотников он спасает от хищных зверей и разных опасностей; рысий коготь приносит удачу в важном деле, его наряду с щучьими зубами берут на суд, чтобы уменьшить наказание.

Широко распространено представление о том, что охотники и рыбаки, так же как и пастухи, имеют свои «отпуска», которые помогают им в промысле: «Есть у охотников статья, заговор какой-то. На рыбу я заговор знал, дак, может быть ещё найдю. У охотника статья то, чтоб ему изловить. Ну я вам на рыбалку ли, на охоту одну скажу. Допустим, я сам на себя. Я вышел, значит, пошёл рыбачить или пошёл на охоту, выхожу назад не оглядываясь. Вышел вот в свой приусадебный участок, вон к той огороде, там ружьё на плечо, пошёл, значит, говорю три раз: „Стану благославесь, выйду перекрестесь, из ворот в ворота, на святое поле, во светом поле стоит три дуба, под тремя дубами стоит три светых мученика: первый Федосей, второй Елисей, третья Елена пресвятая. Елена пресвятая, возьми

ключи потайные, открой тюкачи месные (тюкачи месные — это куски мяса ли вроде этого). По реке плывёт три лебеди, три гуся, три утки, рабу Ивану открой жертву“. Вот так три раз надо, это я верю, што помогаёт».

Из поверий о птицах в Тихманье наиболее развиты представления о кукушке. Полагают, что кукушкой управляет леший. Считается, что кукушка кукует из-за того, что ее детеныши утонули в льняном семени, поэтому она кукует до того момента, когда у льна образуется семя. По другим сообщениям, она кукует, пока жито не заколосится — после этого она подавится колосом. Когда весной первый раз услышишь кукушку, нужно спросить, сколько лет человеку жить. Сколько раз она прокукует, столько и проживешь. Если кукушка промолчит, значит, человек скоро умрет. Если услышишь первый раз кукушку слева и будучи голодным — значит тебя ждет тяжелый год, если справа — хорошая примета. Если кукушка закукует, когда лес еще не оделся листвою, будет голодный год. Если кукушка закукует около дома — к пожару или к несчастью в семье.

Среди поверий о курах общими являются представления о курице, которая поет петухом — это значит, что из семьи кто-нибудь уедет, что будет пожар или смерть. Такой курице отрубают голову. Кур весной выпускали во двор через пояс, чтобы они не ходили в чужой огород. Под наседку подкладывали нечетное количество яиц. Яйцо без желтка называется «запёрдыш» (по одному сообщению — это петушиное яйцо), его высушивали и лечили им болезни гениталий у мальчиков: «Когда мальчика двига берёт, он ножками сскёт. Это яйчко [запёрдыш] ему прикладывали на испод. Чтобы у него это всё прошло. Он заплачет, ножками начнёт сскать, так считается двиг. Это яйчко хранили для мальчиков». «Запёрдыш» бросали в огонь, чтобы остановить пожар. Яйцо без скорлупы называется «голыш», «болтун». Первое снесенное курицей яйцо нельзя брать голыми руками, «чтобы кúры голышей не кидали», — берут тряпочкой и рукавицей, ставят на нем углем крестик и кладут его в солонку. По другим сообщениям, первое яйцо используется в качестве «подкладыша» — оно постоянно лежит в гнезде для стимуляции яйценоскости.

В Тихманье принято вывешивать в огороде на шесте дохлую ворону для отгона птиц.

Поверий о насекомых сравнительно немного. Все насекомые называются общим словом «гнус» и «отпадшая сила».

Всех насекомых создал Бог: «Бог народил их, ка́ждое насекомое — для всёго. Паук сётки вьёт. Муху имáт — кров выпивáт». Чтобы в доме не было насекомых, засушивали лягушку, зашивали в мешочек и хранили в доме где-нибудь в укромном месте, а также ловили ящерицу, зажимали ее между двумя половинками переломанной ветки и клали под матицу. Для этой же цели нужно поймать девять кузнечиков (по-местному — «конькóв»), бросать их по одному в подпечье и каждый раз говорить: «Конёк в дом, клопы — вон». Клопы уйдут из дома. Клопов выводили также с помощью найденной на дороге тележной оси и сломанного кола из изгороди. Над этими предметами знахарка читала заговор (информантка не знает, какой) и клала их под печь. Сохранились воспоминания о выведении насекомых из дома с помощью ритуального диалога: одна женщина раздевалась донага, садилась на помело и объезжала на нем вокруг дома. Другая женщина, сидя у окна, спрашивала ее о чем-то (содержания диалога информант не помнит). Первая женщина отвечала, продолжая обегать дом. Муравьев вносили в дом при новоселье и рассыпали по углам, чтобы хорошо плодился скот, чтобы в доме жилось богато. Паука убивать грех. Он ассоциируется с хозяином дома. Если паук свесился перед лицом — будет известие. Про человека со странностями говорили, что он «недовёрнутый какой-то, с чипушки в голове, ну, пт́чки».

В Тихманьге прекрасно сохраняется комплекс магических действий и заговоров, связанных с **народной медициной**. Чтобы избавиться от любой болезни, нужно на трех вечерних зорях сходить к реке, умыться, произнести заговор: «Зоря-зорени́ца, краса́на деви́ца, / Дай мне чистой води́цы, / Умб́й меня, вьлечи мою́ болéзнь». После чего нужно, не вытираясь, вернуться домой. Для профилактики болезней считалось полезным пролезть под иконой Казанской Богоматери во время крестного хода, устраивавшегося в день этой иконы. Когда крестный ход шел с иконой, желавшие предохранить себя от болезней шли навстречу крестному ходу и пролезали под иконой.

Болезни детей, возникшие от сглаза и порчи, лечили водой, слитой через дверную скобу, а также водой, в которой омывали церковные иконы: «Прóсто кипячёной водо́й умывáешь ли́цо, ру́ки ей и говорíшь: „Рабá Бóжая [имя], мбóу-смыва́ю нехорóщие слова́ с рабы Бóжьей Анны“. Потóм в во́ду со́ли броса́ешь, ру́чки дверей ею вытира́ешь до выхода, воду с порб́га выплэски́ваешь, говорíшь: „Откúда всё пришлó, тудá пусть и уйдёт“».

Эпилепсию (у взрослых эта болезнь называется «припадошная», у детей — «родимчик», «родимец») лечили несколькими способами. Если ребенок родился с падучей, нужно следить за тем, чтобы первый припадок ребенка не видел никто из посторонних, иначе болезнь нельзя будет вылечить. Когда мать увидит первый раз припадок своего ребенка, она должна трижды перешагнуть через него. У ребенка, с которым случился эпилептический припадок, следует разорвать рубаху, закопать ее в подполье и забить в это место березовый клин с приговором: «Как этот клин чувствует хорошо, так и ребенок чувствует хорошо». Человека во время припадка следует накрыть пасхальной или свадебной скатертью, а также венчальным платьем. Чтобы вылечить падучую, следует сорок дней умываться из источника водой, которую в этот день еще никто не зачерпывал, а остатки воды выливать под дерево — в этом случае человек «перерастет» свою болезнь. Если же выливать воду на дорогу, болезнь лишь глубже «затопчут», и она не пройдет.

Детский испуг лечили «непíтой» водой, т. е. водой из колодца, в котором в этот день еще не брали воду: «На колодец сходить, воды зачерпнуть, идти туда, не оглядываясь, принести, умыть, напоить, ножки, ручки намочить, а остальную воду не на землю лить, а под дерево. Сорок вод, сорок раз надо ходить, и проходит. Сразу надо [лечить], а если задавленный [запущенный], тут уж только молитва поможет». При другом способе лечения детского испуга необходимо взять угольков из трех бань так, чтобы этого никто не видел. Угольки следовало закопать в землю.

Ребенка, страдающего бессонницей, «носят на зорю»: «Держи ёво хоть как, кланяйся зорé, зоря, хоть она úтренняя, хоть вечерняя, когда больше плацёт:

*Зоря зоряница, красная девица,
Дай моему младенцу сну и росту и здоровьца,
Не шевели младенца милово,
Ни рúценек, ни нóженек,
Ни буйной голбвушки, ни котóрого мéстицка.*

А нóчью так:

*Мáтушка ночница-полунóчица — полунóчное слово —
Дай младенцу милому сну (опётъ тóжо) и росту, и здоровьца,
Не шевели младенца милово (там назывáй имя — тóжо
самое — [как в заговоре, обращенном к заре]).*

Если ребенок плохо спит, подозревают, что у него «щетины» на затылке, которые его колют и не дают спать. Для излечения необходимо сделать сочень из ржаной муки и приложить к затылку ребенка: «Если есть у него эти иглопочки, этот сочень вытянет. Я сделала три раза. И хоть верьте, хоть не верьте, вот наложу я этот сочень, дак как сочень сниму, их в толстую, черные все. Парень стал как другой — и спит, и всё».

Бородавки изводят завязывая шерстяные нитки на пальцах — это должен делать первый ребенок в семье. Согласно другому способу лечения, необходимо на нитке завязать узелки по числу бородавок и закопать нитку с узелками в подполье, приговаривая: «Как эта ниточка сохнет, гниёт, так чтобы мой бородавки высохли и выгнили».

Кожные заболевания (например, экзему) лечили следующим образом: следовало на левой руке прижать друг к другу указательный и средний пальцы, а большим пальцем дотронуться до безымянного. Удерживая такую комбинацию пальцев, произносили заговор:

*Безымянному пальцу име нет,
А тебе, окайнная болѣзнь, мѣста нет,
Забавяю, заговариваю, кружѣ,
Забавяю, заговариваю, кружѣ. (Три раза сказать «Аминь»).*

После этого нужно сплюнуть через левое плечо и продолжать:

*Пусть улетѣт всё за лесѣ за дремѣчие,
За болѣта за топѣчие,
За морѣ за глубѣкие,
На море-окиѣн,
На остров Бурѣян.*

Заговаривать следует, «когда заря потухнет»: «Как заря потухнет, так пусть моя болѣзнь потухнет».

Чирьи лечили с помощью уголька, взятого из печи. Угольком следовало трижды против солнца очертить вокруг больного места и сказать:

*Очерчиваю, заговариваю у раба Божия [имя],
Не болѣло, не скожнуло, не болѣло и не рвало.
Во веки веков аминь.*

После этого плевали наотмашь.

В заключение можно констатировать, что многие поверья и обряды, зафиксированные в Тихманье, представляют собой

реализацию общерусской и — шире — общеславянской традиции. Здесь можно назвать, в частности, запрет подметать, когда кто-либо уезжает из дому, выносить под вечер из избы мусор, обычай принимать новорожденного в мужскую рубаху, перед первым весенним выгоном переводить корову через положенный в воротах пояс, металлические режущие предметы, замок, запрет прясть в пятницу, по воскресеньям и в праздники, предписание использовать в лечебных целях хлеб, забытый в печи, при грозе и граде выкидывать во двор предметы печной утвари, оберегаться от сглаза и порчи с помощью колющих, режущих предметов, соли, икон и многое другое. При этом традиция Тихманьги демонстрирует многие отличительные черты типично севернорусской культуры, например, само устройство низшей мифологии с ее разветвленной системой хозяев локусов, с типично севернорусскими (хотя и редуцированными) представлениями о Маре, полуднице, шуликунах, как и ряд мелких обычаев и запретов, в частности, предписание выгонять скотину обязательно в платке и обуви, печь хлеб из нового урожая в Ильин день, при пожаре обегать обнаженной женщине горящий дом и др. Часть поверий, регламентирующих повседневную жизнь, является отличительной чертой именно этого микроареала, например, запрет женщине завязывать платок узлом назад, как при жизни, так и при похоронах в гроб.

**МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ
ПОЛЕССКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ**
(ОПЫТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБРАБОТКИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ)

ВВЕДЕНИЕ

Публикуемые словари этнокультурной лексики четырех полесских сел (с. Боровое Рокитновского р-на Ровенской области, с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл., с. Олбин Козелецкого р-на Черниговской обл., с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл.) составлены на базе электронной версии Полесского архива (далее — ПА), создаваемой при поддержке РФФИ (проект №95-06-17564а) и РГНФ (проект №97-04-12003в), и представляют собой диалектные тематические словари этнолингвистического типа. Авторы (Т. А. Агапкина, М. М. Валенцова, Е. Е. Левкиевская, А. А. Плотникова) пытались учесть как опыт составления славянских диалектных тематических словарей, так и лексикографическую практику сопоставления диалектной лексики нескольких говоров. Публикуемые словари включают пять тем Программы Полесского этнолингвистического атласа: «Родины», «Похороны», «Хлеб», «Астрономия. Метеорология. Время», «Демонология» и ориентированы на вопросы соответствующих ее разделов (см.: [ПЭС: 21–49]).

Основная задача словарей — презентация фиксируемых в электронной версии Архива терминов традиционной народной культуры вместе с контекстами их употребления, которые приводятся в качестве иллюстраций к заглавным словам и представляют собой краткие диалектные тексты. Опора на диалектный текст как основу толкования и описания термина — важный принцип подхода к этнодиалектной лексике в словарях. Вместе с тем, каждому из этих словарей присущи некоторые специфические черты, кратко охарактеризованные авторами в предваряющих словари вступлениях.

Представленная в словарях лексика достаточно разнородна в плане принадлежности к «терминологии» в строгом смысле слова: в словари включаются не только названия календарных

и семейных праздников, ритуалов, обычаев, обрядовых лиц, действий и предметов, но и общеупотребительная диалектная лексика в том случае, когда она либо тематически относится к данной лексико-семантической группе (например, в разделе «Похороны»: *домовина*, *дом*, *труна* 'гроб', *душа*), либо то или иное слово получает особое ритуально-мифологическое значение в системе описываемой лексики (например, в том же словаре: *родители* 'покойные', *мёд* 'поминальное блюдо'). В некоторых случаях необходимость внесения общеупотребительного слова в словари этнокультурной терминологии обусловлена тем, что обозначаемая им реалья настолько значима в обряде, что само ее название получает дополнительные ритуально-мифологические коннотации, что может выражаться как в контексте функционирования слова, так и в «специальном» названии с прозрачной внутренней формой, например, в том же словаре: *дорога* (в значении «дорога на тот свет», откуда соответствующие выражения: *на дорозе*, *у дарогу* 'быть при смерти'); *мак-ведюк*, *мак-ведун*, *самородни мак* 'самосейный мак' (оберег от ходячего покойника). Публикуемые словарные материалы включают большое число фразеологических оборотов и устойчивых словосочетаний (последовательно отмеченных знаком #).

Построение диалектных словарей по тематическому принципу связано с особым вниманием авторов к семантике этнокультурной лексики, а также к особенностям самих обозначаемых реалий традиционной духовной культуры полешуков. В тематическом (как и в идеографическом) словаре легко ориентироваться этнографу, историку культуры, фольклористу, этнолингвисту, поскольку исходным в словаре становится содержание языкового материала, «реальный» план лексемы. Уже само «предварительное» членение на «темы», а внутри тем — на общие и частные «понятия» (*Begriffe*) предполагает комплексный этнолингвистический подход к описываемым культурно-языковым явлениям (подробнее о диалектных славянских тематических словарях см.: [Плотникова 2000: 117–125]).

Идея создания тематического словаря на материале диалектной полесской лексики была впервые опробована в сборнике «Лексика Полесья» (1968 г.), изданного под редакцией Н. И. Толстого, который во вступительной статье пишет, что в основе словарей лежит «принцип изучения лексики по отдельным тематическим группам, тесно связанным с этнографическими особенностями и реалиями...» [ЛП: 10]. В книге была представлена лексика, относящаяся к сфере материальной культуры Полесья (земле-

делие, строительство, транспорт, ткачество, одежда и обувь, пчеловодство, пища, флора, фауна); в словарях приводились ссылки на этнографические статьи и монографии, посвященные рассматриваемым темам.

Последующие этнодиалектные тематические словари, созданные в рамках школы Н. И. Толстого в 70–80-е годы, в основном включали лексику славянской духовной культуры [Гура 1977, Гура 1984–1995; Терновская 1977; Толстая 1984–1995]. Они строились «на сочетании лингвистического и энциклопедического толкования» и имели черты мифологического словаря, словаря верований и обрядности [Терновская 1977].

Наличие этнографических и энциклопедических сведений отличает многие традиционные диалектные словари в силу ориентации любого диалектного словаря на описание лексики народной культуры того или иного региона. Некоторые современные диалектные словари становятся не только сводами диалектной лексики, но и подлинными энциклопедиями народной жизни. Таков «Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры» Б. Сыхты (1967–1976), белорусский «Туровский словарь» (1982–1987) и др. В этих словарях даются подробные комментарии и развернутые примеры употребления лексем определенных лексико-семантических групп (названия обрядов, обычаев, демонических персонажей, народного права, пищи, одежды, инструментов, строительства и т. д.). Словарь Б. Сыхты включает также и разнообразный фольклорный материал (пословицы, загадки, анекдоты, этимологические легенды, былички, сказки), этнографические сведения об обычаях, верованиях и суевериях, «культмах», гаданиях, народных знаниях и т. д. В Туровском словаре вводится особым образом оформленный этнографический комментарий, полнота сведений о народной духовной культуре края достигается также за счет точно подобранных развернутых примеров-иллюстраций функционирования диалектного слова в речи.

Достаточно распространенным приемом при подаче в диалектном словаре сведений, касающихся этнографических реалий, стало введение таких иллюстраций народной речи, которые наиболее полно отражают те или иные стороны местной традиционной культуры. В этом случае краткое толкование и иллюстрации к нему представлены как взаимодополняющие информативные части словарной статьи. Такие решения встречаются в русской региональной лексикографии 60–70 годов (например, А. Ф. Иванова «Словарь говоров Подмосковья», 1961) и все более успешно применяются в современной практике со-

ставления диалектных словарей. Именно по принципу «краткая дефиниция + развернутая иллюстрация» строится большинство статей полесского словаря С. М. Толстой, посвященного народному календарю [Толстая 1984–1995], словарь полесских свадебных чинов А. В. Гуры [Гура 1984–1995], словарь жатвенной терминологии О. А. Терновской [Терновская 1977]. Отличительной чертой этих словарей является широкое привлечение фрагментов полевых записей (диалектных текстов) в качестве информационно насыщенных иллюстраций. Такие тексты дополняют толкование, а иногда даже заменяют его. Многие заглавные слова в подобных словарях требуют более подробных объяснений в плане содержания термина, которые не могут быть охвачены только в примерах-иллюстрациях, поэтому необходимые комментарии аналитического характера также включаются в словарь.

Представленные в настоящем сборнике тематические словари этнокультурной лексики четырех полесских сел продолжают традицию составления этнолингвистических словарей, опирающихся на этнодиалектный контекст функционирования слова, позволяющий как можно более детально раскрыть содержание (семантику) термина и особенности соответствующих реалий. Сопоставление диалектной лексики четырех полесских сел, расположенных в западном (с. Радчицк, с. Боровое) и восточном (с. Верхние Жары, Олбин) Полесье, обусловлено стремлением показать как общую систему терминологии традиционной народной духовной культуры, так и лексические и семантические различия микросистем в рамках одной системы полесской народной терминологии. Сделанные авторами словарей наблюдения лингвогеографического и этно-географического характера лишний раз свидетельствуют о возможности картографирования различных культурно-языковых явлений на исследуемой территории в силу четкой внутренней диалектной дифференциации (языковой и культурной) во многом единого архаического ареала — Полесья.

В целях сохранения компактности публикуемых словарей введены условные сокращения для сел (Б — Боровое, ВЖ — Верхние Жары, О — Олбин, Р — Радчицк), имена и фамилии собирателей в текстах словарей не указываются. В селе Боровом Рокитновского р-на Ровенской области материалы собирали: А. А. Архипов, А. В. Лесин (руководители группы), Т. А. Коновалова, В. С. Карапаева, М. Д. Люблинская, М. М. Гончаренко (М. М. Валенцова), Н. М. Якубова, О. А. Золотарева, Е. Г. Демья-

нова. Компьютерную обработку рукописных карточек осуществила М. М. Валенцова. В селе Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской области вместе с В. И. Харитоновой (руководитель) работали: А. А. Астахова, Н. А. Рассказова, Т. А. Сагайдачная, К. В. Сарычев, И. М. Тарчинец, Н. Д. Холмогорцева, Н. М. Ших. Компьютерную обработку рукописных карточек осуществила Т. А. Агапкина. В селе Олбин Козелецкого р-на Черниговской области летом 1985 года под руководством А. А. Архипова и М. Р. Павловой работали: М. Н. Толстая, Е. Е. Левкиевская, Е. Л. Чеканова, А. М. Гамбарова, Е. Л. Рязанская, Е. В. Лесина, Т. В. Козак, В. Г. Домогацкий, Е. Г. Домогацкая, И. Б. Успенский, Ф. Б. Успенский, А. О. Гостев, М. А. Ойгенблик, Р. А. Говорухо, М. С. Харьковца. Компьютерную обработку рукописных карточек осуществила Е. Е. Левкиевская. Материалы в селе Радчицк Столинского р-на Брестской области летом 1985 года собирали: Н. П. Антропов, А. А. Плотникова, О. В. Санникова (руководители группы), О. М. Норина, Е. Плетнева, Е. Наркевич, Л. Сичкарь, Ж. Мощанская, Н. Сенягина. Компьютерную обработку рукописных карточек осуществила А. А. Плотникова.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Гура 1977 — Гура А. В. Из севернорусской свадебной терминологии (хлеб и пряники — словарь) // СБЯ. М., 1977. С. 131–180.
- Гура 1984–1995 — Гура А. В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь) // СБЯ. М., 1984. С. 137–177; СБФ. М., 1986. С. 144–177; СБФ. М., 1995. С. 318–334.
- ЛП — Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Плотникова 2000 — Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
- СБФ — Славянский и балканский фольклор.
- СБЯ — Славянское и балканское языкознание.
- Терновская 1977 — Терновская О. А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (материалы к словарю) // СБЯ. М., 1977. С. 77–130.
- Толстая 1984–1995 — Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю // СБЯ. М., 1984. С. 178–200 (Предисловие, А–Г); СБЯ. М., 1986. С. 98–131 (Д–И); СБФ. М., 1986. С. 178–242 (К–П); СБФ. М., 1995. С. 251–317.

А. А. Плотникова

Родины

В словарь включены названия беременной, рожавшей, бесплодной, многодетной и родившей вне брака женщины, повитухи, названия месячных очищений, плаценты, «сорочки», последнего ребенка, незаконнорожденного ребенка. Словообразовательные, фонетические, а также графические варианты одного и того же слова даются в одной словарной статье через запятую, во многих случаях после инварианта, заключенного в квадратные скобки. В квадратных скобках подаются также заглавные слова в литературной или приближенной к русскому языку форме, которая не зафиксирована в диалектных текстах. В терминологических сочетаниях, один из компонентов которых варьируется, равноправные варианты даются через косую черту (напр., **БУСЬКО́ ПРИНЕС/КІ́НУЛ** означает, что встречаются и фразеологизмы **БУСЬКО́ ПРИНЕС** и **БУСЬКО́ КІ́НУЛ**). Факультативные компоненты фразеологизмов и слова, поясняющие термины, заключены в круглые скобки. Заглавные слова в случае необходимости снабжены грамматическими пометами. В ряде случаев толкование содержит этнографический комментарий, необходимый для понимания значения слова. Каждая словарная статья включает иллюстрации — соответствующие диалектные записи, в которых в ряде случаев встречаются пояснения собирателей, заключенные в квадратные скобки. В конце статьи дается ряд синонимов или отсылка к другому слову, при котором этот ряд перечислен.

Материал представляет большое разнообразие лексики, относящейся к беременности, и фразеологии, которую использовали для объяснения детям, откуда берутся (появляются на свет) дети. Для обозначения беременной женщины используются слова со значением 'тяжелая', 'толстая', 'гладкая', 'полная', 'имеющая во чреве' (*вагитна, важкая, тяжола; груба, толста, гладка; беремна, повна, черевата*). Появление детей объясняется глагольными фразеологизмами с компонентом *принести, скинуть, найти* и имеет значение непреднамеренности, случайности, данности свыше, что связано с представлением славян о судьбе. Интересна терминология последнего ребенка в семье (*поскрубок, пошкробок, мизинец, мизинчик, познахирчук*), в которой встречаются не только наименования, образованные по признаку 'последний', 'маленький', но и термины, связанные с обрядовыми и магическими функциями такого ребенка (*познахирчук*). Относительно богата также

терминология, обозначающая месячные (*рубашка, сорочка, на рубашке (иметь), на сорочке, рубашное, кветки*), а также названия плаценты (*мешок, постеля, торбица* и др.).

БА́БА (Б, ВЖ, О, Р), **БА́БКА** (ВЖ, О), **БА́БУШКА** (О, Р), **БА́БКА-ПОВИТУ́ШКА** (Р) — повитуха. Обычно пожилая рожавшая женщина, помогавшая при родах, знавшая заговоры и молитвы для облегчения родов, лечения новорожденного и роженицы. См. также **Пупорéзная ба́ба/ба́бушка**.

Кото́ра хóдит штóбы роды́ принимáть да прóшчу счýтывать, так та — ба́ба. Як ба́ба по́йде да жидóв прóшчу читáть, так потóм дру́гим людýнам не помогáт. В.

Че́рез ме́жу переводíла ба́ба [три раза] — лехче рожать бۇ́дэ. Б.

Ба́ба кáшу варíла и принóсе кáшу на хрестíны а кум кáшу бье, а бывáе хто бóльше грóшей полóже да и без кúма бье. А ў сэрэдíну, ў горшок два яйчка клали. А грóши — ребéнку. В.

Кáшу вáрит ба́ба и тады́ уж сидя́т кум да кумá за сталóм, кум бэрэ́ и бье гаршóк и бросáе чэрэ́пья да парóга, шоб дитя́ до гóду пашлó. О.

Ба́ба вáрить кáшу и тады́ гаршóк той убирáют цвиэ́тамі, кали́ною, бэруть и кум бье, и тыи чэрэ́пки до парóга кíдает. О.

Ба́ба принесла (Б) — так объясняли детям, откуда они появились на свет. См. также **Бусько́ принёс/кíнул**, # **[Бог с неба скинул]**, # **[В жите нашла]**, # **[В капусте нашли]**, # **[Цыганка принесла/оставила]**.

БА́БИТЬ (О) — принимать роды.

...вона́ тоды́ ба́била. О.

Шэсть недиль прóйдет, прóтив шэстí недиль несúть пироги́. Напека́ють семь пирого́в. Як деўку вона ба́била, завья́зывают лéнтою, а ёслы ма́льчика — носовы́кí кладу́ть. О.

БАЙСТРУ́К (Б, ВЖ, О, Р) (мн. ч.: байструки, байстрята) — незаконнорожденный, внебрачный ребенок. С ним связан ряд магических и ритуальных действий.

Байструг — та, шо ба́тка у него нема́. Б.

Як рóдицца байструг, бра́ли сорóчэчку, трэ́бо было́ поцэды́ть молоко́ [через неё], як пэрви раз корóви дби́ш. Р.

БАЙСТРУ́ХА (О), **БАЙСТРУ́ЧНИЦА** (ВЖ) — женщина, родившая вне брака.

Байстру́чница; дéти — байструки́, ка́жут, дражнiли; гомóни-ли: блядь, кúрва. ВЖ.

[БЕЗДЕТНАЯ]: БЕЗДЭТНА (Б), БЕЗДЭТКА (Б) БЕЗДЭТУХА (ВЖ, О, Р) — бездетная женщина.

[БЕРЕМЕННАЯ]: БЕРЭМНА, БЭРЭМЕНА, БЭРЭМЕН(Н)А (Б, ВЖ, О, Р) — беременная женщина. Считалась особенно подверженной порче, сглазу, воздействию нечистой силы и, наоборот, сама могла нечаянно нанести вред, сглазить, принести несчастье. Для нее необходимо соблюдение ряда запретов. См. также Вагітна, Важкая, Гладка, Груба, Негуляшча, Поўна, Пузатая, Толста, Тяжэла, Чэрэвата.

Як берэменна, а бацько дэліт хлеб, так он ей двэ скібки дае: «Ўсе, невэска, скібка тобэ, а се том, што ў тобэ». Б.

Если мышь перебежит через руку у берэменной, то на дитэ шерсти будэ. Б.

Берэменна плохэ на перэход — на той людыне скажеца. Б.

Як у когэ у хэти лэстовочки е, то не мону той синічки ўбыты, чи распугэти и кублэ их зняць; не мону их колупэць, то кэюць, буде лэстовіння. И як берэмна убьэць лэстовочку, то будэ у дитыны лэстовіння. Б.

Як берэменна и просить пришлэ, так не кажэ «дай», а «позычь». А скажеш «дай», то як пересэбываш порэг, то зла людына тибэ нэжичком порэг перерубэет [то место, где прошла беременная] и у дытыны будэ губэ разрублена. Б.

Як берэменна ўзаймы прэсэть, нэжно дать, а то мышь ўсэ поидеть. Б.

Бэрэмена жэнщина тобэ устрэтить з гэлим бердэм — нехорэший рэдица, худэй, криксывый. То рэди тэга ховэли бердо. Як бердо нэсэм, у хустку закрутэти, шчоб тэе тросты нэ бачила бэрэмена жэнщина. С кэлины бердэца, тая трость редкая, сухэя, шчоб дитэ нэ сухэ такэ родилося. Р.

Шчоб испугэ не былэ берэменной — бо эсли кудэ ухвэтишься рукамы — там будет родимое пятно у ребэнка. ВЖ.

Бэрэменна, бэрэменной ходить, поўна, важкэю ходить, грубэю ходить. Чэрэвата — то поганэ слово. О.

Як бэрэмена дрэине з лэку с пожэру, с огнэ, будэ у дитэтки пятно чэрвэно. О.

[БЛИЗНЕЦЫ]: БЛИЗНЭЦЫ (Б), БЛИЗНЮКЫ (Б, Р), БЛИЗНЯТА (ВЖ, О, Р), БЛИЗНЯКЫ (ВЖ)

1. Близнецы у человека и животных.

Близнэцы. Говорила бабэшка мне, шо як шче жэнщина молодая, то не трэба эсти близнэцоў, бо близнэцоў рэдиць. Б.

Близнюкі. Колись казали, шо не мо́но жинка́м ёсци близнюкі, бо бу́де близнюкі рожáць. Б.

На по́кутте куттю́ становля́ть на Рожтвó. Сенцо́ злóжать на по́куть, да и куттю́ поста́влють на по́куть. Вэ́чэру повэ́чэраем, да усё. [Остатки куты] кúром да вечкам оддаём, шчо́б вéчки велі́ся, шчо́б близючкі булі́, шчо́б рожáли по двóе. Р.

[О двойных плодах:] Кажуть — зьіем — близня́та бу́дуть. О.

2. Сдвоенные плоды растений.

Як зна́йдуца близнюкі — колоскі — де́ўка [которая их нашла] за́муж ві́де. Р.

[Двойные плоды назывались] близнюкі́ бо близня́та, бо два зрóстаны о́рэхи. [Беременным женщинам говорили:] Нэ еш да ро́дця близня́та. Р.

[Двойные плоды называются] близня́та. Их дава́ли ді́цям зьі́сти. Р.

Близнята. Як два каласкі́, то шука́ют ди́ўча́та — на́йдэш — цэ́ мая па́ра. О.

3. Яйцо с двумя желтками.

[БОГ]:

[Бог с неба кинул/скинул] (ВЖ) — так говорили детям, объясняя, откуда они появились на свет. См. также # Баба принесла.

Купі́ли. Той дядька́ принёс; цы тётка́ прыне́сла; Бог з не́ба скі́нул. ВЖ.

Гово́рили: купі́ла; бы́ла цыга́ночка — оставила, покі́нула. З не́ба кі́нуў Бог. ВЖ.

[БУСЬКО]:

[Бусько принес/кинул] (Б) — объясняя детям, откуда они берутся, говорили, что их принес (или скинул с неба) аист. См. также # Баба принесла.

Бусько́ принёс. Б. Дитэ́й по-ў́сяку дуры́ли. «Бу́сько принёс, або цыга́не», каза́ли. Б.

У нас каза́ли ко́лись — «бусько́ кі́нул». И што́б не хóдили ма́лые до ма́ленькова, што наро́дїлса, так каза́ли: «Не хóді́ туда, зды́мут с тибé шапо́чку, да отда́дут хлóпчику» — ё́то хлóпцу, а де-во́чку — «Не и́ді́ тудá, там бусько́ ды́тятку принёс. Зды́мут с тибé ху́сточку да отда́дут ды́вчинке». Б.

ВАГІ́ТНА (Б) — букв. «тяжелая». См. [Беременная].

Як вагі́тна да сто́йшь на порóзе, то во́йдé ды́ты́на ў́ в́ыход и ста́не и не разро́дишься. Не сто́й на порóзе — переса́бувай. Б.

ВАЖКА́Я (О, ВЖ) — букв. «тяжелая». См. [Беременная].

Бэрэменна, бэрэманной ходиць, поўна, важкою ходить, грубою ходить. О.

[ВЕСТИ]: ВЕСТІ́, ВЕСТІ́СЬ (О) — о рождении потомства: рождаться. См. также **Привести́, наводи́ть**.

Дары́ли на весілле семь пар постолоў, шоп было симь сыноў, на хрэстінах клáli чэрэпкі з горшкá ў подól, шоп велы́сь дэ́ти. О.

Кро́лица, кажуть, так по злу, шо як свиня́ ведé. О.

ГЛАДКА́ (Б). См. [Беременная].

ГРУ́БА́ (Б) — букв. «толстая». См. [Беременная].

Толста́, груба́ каза́ли. Б.

[Грубой ходить] (Б, О) — быть беременной.

Ходиш гру́ба, так ху́зкой ро́та не зату́ливай, як смерди́ть — у дытыны смерде́ть бу́де из ро́та. Стоя́ть не мо́жно ря́дом бу́де. Б.

[ДВОЙНЯТА]: ДВАЙНЯ́ТА (О), **ДВОЙНЯ́ТЫ** (Р), только мн. ч. — сросшиеся, сдвоенные плоды. См. также [Близнецы 2].

Двойня́ты — о́рйхи [клали в кошельки] коб грбшы ви́лися [водились]. Р.

Малады́ прыснiца, як каласкi двайня́та пад падушку. Два каласки на́йдэш — к шча́стью. О.

[ЗАВАЖНИТЬСЯ] (ВЖ) — забеременеть. Ср. **Ва́жкая́**.

Прэчы́ста ма́ть заважнiла́сь Су́сам Хры́стом. ВЖ.

[ЗАГРУБЕТЬ] — забеременеть. Ср. **Гру́ба́**.

Як за́грубéла, на порбзе не по́лбжéно [стоя́ть, сиде́ть, а надо сразу переступа́ть, иначе] пу́повы́на за шею замота́ецца. Б.

[ЗАХОДИТЬСЯ РОДИТЬ]: ЗАХО́ДЫЦА РОДЫ́ЦА, ЗАХО́ДИТСЯ РОДЫ́ЦА (Б) — о начале родов, схватках перед родами.

Рожкi. На лека́рство до́брые. Як захо́дыца же́нщина роды́цца, то труть из водо́ю, щоб ле́гче роды́ла дете́йну. Б.

А як она шла уже бе́ремна [невеста замуж], як уже выво́дють [невесту во время свадьбы] из ма́тэрни ха́ты, то обво́дють вокру́г стола [т. к. еще не знают, что она беременна]; та́пéрь, як она зно́в заходи́тся роды́ца, му́сешь ee о́бра́тно обвести́ [вокруг стола, но в другую сторону]; то́пéрь уже ей бу́де ле́гче [3 раза]. Б.

[КАПУСТА]:

[В капусте нашли] (Б, ВЖ, О) — о появлении на свет новорожденных. См. также # Баба принесла.

Ў капусте нашлі, ў магазіне купіла, а таяперя — ў бôльнице купілі, кажуть. Б.

Мати казала: «Я ў капусті найшла». Хто каже — цыганка прывэсла, на лаўку полôжыла. Тэперь шчо кажуть на базари купілы, у бôльницы ўзялі. О.

КАПШУК (О), букв. «шапочка» — часть плаценты, с которой рождаются некоторые дети. См. также [Мешок], # [В рубашке/сорочке (родиться)].

У нас кажуть — капшук. О.

КВѢТКИ НА РУБАШКЕ/СОРОЧКЕ/СОРОТЦЕ, только мн. ч. (Б), букв. «цветы» — менструация.

Лёна не мôно ити полôть як кветкі на сорôтце, а то он бôдэ сôхнуть [погибнет]. До молôго дитяти тоже не йдуть, як он рôдится. Б.

КРОЛІЦА (О, Р), **КОРОЛІЦА** (Б), букв. «королевича» — многодетная мать. Ср. [Вести], Привести, Наводить.

Семейна, королица казали. Б.

[МИЗИНЕЦ]: МЕЗИНЧИК (Б), **МИЗИНЕЦ** (О) — последний ребенок в семье. См. также [Поскребыш].

Кажуть на йогô мизинец, познахирчук, познахирчук. О.

[МЕСТО]: МѢСТО (ВЖ, О), **МѢСЦЕ** (Б), **МѢСТАЧКО** (О) — детское место, иначе послед, или плацента. Как правило, его обмывали и закапывали в землю. См. также Постеля, Тóрбица.

МѢсцэ, закôпывають, несуть в стôпку [сарай, где хранится картошка, лук, огурцы и под.], шоб собакы не тягали [в тряпочку не клали]. Б.

МѢсцэ. Обчистить баба его, замотае, туда кладэ хлѢб, соль сипле, то несэ за трѢтьи двѢри [через три порога], шоб трѢтьего рôку дитина родилась [на третий год]. У стôпке закôпывали. Б.

МѢсто. Ў зѢмлю на дворѢ [закапывали], шоб собака не откопала. ВЖ.

МѢсто; закôпвали — в латочку якую и в мочку; прикинуть [землей], шоб не смердило. ВЖ.

МѢсто: закôпвали под печь, так, шоб никто не ходил; такую судинку якую, бѢлай тряпочкой позастилае, да закрѢе, да несэ. ВЖ.

МиѢсто закôпывали ў горôди. О.

МѢстачко высушивают, закопають ў сарай, ў колидôри. О.

МЕСЯЧНЫ, только мн. ч. (Б) — менструация. См. также Рубашка, Сорочка, [Рубашное].

[МЕШОК]: МЭШОК (О, Р), **МЕШЕЧКО** (Б) — часть плаценты, которая остается на головке некоторых новорожденных. См. также Капшук.

Мэшок (сорочка) закапывали вместе с постыллю в коцюбах. Р.

[В мешке родился] (Б, О, Р) — о счастливом человеке. Часто первым выполнял различные обрядовые действия.

[Если родится] у мешечко — то щаслівэ, дбрэ дитя будэ. Б.

Засэвати брали тех, кто ў мэшку [сорочке] родіўся, чи хто бістро бгае. [Когда заседали] дед з ўнуком чи з унучкой, котора ў мэшку роділаса [(внучку брали, только если в сорочке родилась), то внук или внучка деда] требушіли за броду. Дару брали [освященную в церкви просфорку], хрестики, [яблочко, когда ехали сеять]. Р.

Родывся в мэшку. Шчаслівы, шчо выбрався з яго и не задбхнуўся. Р.

Ў мэшку, кáжуть. То щасліва людына. О.

[НАВОДИТЬ] (ВЖ) — нарожать.

Наводіла як кроліца — смеюцца ужэ, што богáто наводіла. ВЖ.

НАКРЫТКА (Б, ВЖ) — родившая в девках, вне брака.

Накритка — та, шо без чоловіка дитыну неслá.

Котóра без чоловіка, да дитё, так накрятка кáжуть. Б.

Байстрўчица; если дэвкой родить — накрятка. Если идут заму́ж, венóк не дають надева́ть. ВЖ.

Колісь, як деўка нечэсна, хомутá вэпáли. Хлóпцы такá рóбили: если дэвушка дитя родила, так зову́ть накряткою. ВЖ.

[НАХОДИТЬ]:

[В жите нашла] (О) — так объясняли детям появление на свет новорожденных. См. также # Баба принесла.

Снопочек вязала — у жите и нашла. О.

[В капусте нашли]. См. [Капуста].

НЕГУЛЯШЧА (ВЖ). См. [Беременная].

НЕЧИСТА (ЖОНКА) (Б) — женщина или девушка в период менструации. Соблюдали запрет на выполнение ряда работ и обрядовых действий.

Не чысты жóнки до рóженицы не шли, и ў цэркву такы не шли. Б.

На рубашке ленку не полбѣли, бригадѣр пытае: чѣста чи не. А не чѣста — иди додому. Б.

[ОБРОДИТЬСЯ] (ВЖ) — родить. Ср. **Привестѣи**.

Обродѣласэ; обрѣдицца, привелá. ВЖ.

ПОЎНА (О). См. **[Беременна]**.

ПОЗНАХИРЧУК, ПОЗНАХИРЧУЧОК (О) — последний ребенок в семье. Так его называли в связи со способностью лечить, как знахарь.

Кáжуть на йогó мизѣнец, познахирчук, познахирчучок. О.

ПОРОДЭЛЯ (Б), **ПОРОДЭЛЬНЯ** (Б), **ПОРОДЭЛЬНИЦА** (Б), **ПОРОЖИЛЯ**, **ПОРОЖИЛЛЯ** (Р, О) — роженица, рожающая женщина, а также родившая женщина в течение 40 дней после родов. См. также **Рожаница**.

[ПОСКРЕВЫШ]: ПОСКРЎБОК (ВЖ), **ПУШКРЎБОК** (Р), **ВЫСКРЕБОК** (ВЖ), **ВЫШКРЎБОК** (Б, Р) — последний ребенок в семье. Считалось, что он обладал способностями к целительству. См. также **Познахирчук**, **[Мезинец]**.

[Последний ребенок в семье (вышкрѣбок) грыз кому-либо или жевал больное место, чтобы боль перестала. Это мог делать и первый ребенок в семье]. Р.

Выскребок; як лаюцэ, то кáжуть. ВЖ.

[ПОСТЕЛЬ]: ПОСТЭЛЯ (Б), **ПОСТЫЛЬ** (Р) — послед, детское место. См. также **[Место]**.

Колѣсь, як детѣна рѣдицца, то де урѣдицца, то там прокѣпваюць яму и постэлю [детское место] закѣпваюць. А вѣду [которой первый раз моют младенца], як дѣвочка, то на вишень льюць, а як хлѣпчик, то на без [бузину]. Б.

[Детское место называлось] постыль. Як рѣдытса дитѣ, то постыль закѣпвали в коцюбах.

[ПРИВЕСТИ] (Р, ВЖ) — родить.

[О женщине, родившей вне брака, говорят:] пустáя, байструкá прывэлá. Р.

[ПУПОВИНА]: ПУПОВЫНА, ПУПОВЫНКА (Б, О) — пуповина.

Пуповынку прядевом завязывали и ножом отрезывали и ў хáти под полѣм закѣпывали, ўмѣсти з мѣстом. Б.

Пуповину визáли лёном абó прядевом и ножом отрэзывали и ўместе з мѣстом закопают. Б.

Ту пуповину ховáлы, и як идэ дитяў школу, кладу́ть ў карма́н, шоп ўчы́лось, шоп гра́мотно було. О.

ПУПОРЕ́ЗНАЯ БА́БА/БА́БУШКА (О) — повитуха. См. Ба́ба.

ПУСТА́Я (Р) — о женщине, родившей вне брака.

[РОДИТЬСЯ], несов. в., рожать. См. **[Заходиться родить]**.

РО́ЖАНИЦА (Р), **РО́ЖЕНИЦА** (Б) — рожаящая и родившая женщина в течение 40 дней после родов. См. также **Породэ́ля**.

РУБА́ШКА (Б, Р) — месячные. В этот период женщина считалась нечистой, ей запрещалось выполнять некоторые работы: полоть лен, ходить в церковь, на кладбище, на крестины, посещать роженицу и под. В то же время она могла исполнять некоторые обережные функции.

Як рубáшка, не имѣл права идѣть на крѣстыны, [а то] дитя́ сла́бо бу́де. Б.

Як рубáшка и ў цѣркву не идѣт, на кладби́ще не мо́гли ходитѣ. Б.

[Месячный период назывался] рубáшка, сорóчка. Вжѣ ты на рубáшке но́сыш? Р.

[На рубашке (иметь/носить)] (Б, ВЖ, О, Р) — иметь месячные очищения. См. также **Ме́сячны**.

На рубáшке, казáли, абó на сорóчке. Б.

На рубáшке тры дня ко́лись [дома сиди] да штóбы з мѣста не трóнулась, не имѣла права ўстать з мѣста; а типѣря идѣ ў колхóз да робѣ. Б.

Если пожáр и жѣнщина имѣе на рубáшке, обы́де ў круг ё́тот пожáр, и он бо́льше никудá нэ распространя́ца. Р.

Капу́сту и огурцы́ недóбре соли́ть на рубáшке [во время менструа́ции. В таких случаях хозяйка обращалась за помощью к соседке]. Р.

Нэ начина́ють ў тэй дэнь сади́ть карто́шку, як мае на рубáшци. К мэртвóму хадитѣ незя́, шоб нэ замѣрла. Як ў ста́рости, хадѣли, шоб замѣрла. О. Як на рубáшке, полоть мо́жно, се́ять гуркѣ не мо́но, шоб нэ було гидкѣ, шоб хоро́ший. О.

[В рубашке (родиться)] — о детях, которые рождаются с частью околоплодного пузыря на головке или теле. Эти дети считаются счастливыми. См. также # **[В сорочке (родиться)]**.

В рубáшке — до́брэ, ка́жуть. ВЖ.

[РУБАШНОЕ]: РУБАШНЕ (О), РУБАШНОЕ (ВЖ), ср. р., РУБАШНЫ (ВЖ) — менструация. См. также **Месячны**.

З рубашним нельзя гуркі соліць, неўкусныя будуть, ў цэркву нельзя, к бэрэменой нельзя, бо на дитяці буде сыпь така. О.

Як рубашне, капусты, гурков нельзя класці, на хрэстыны ходіць, кумой быць (дружкаю моно), к покойнику. Як пойдэ до мэртваца, кажуць, пэрэд смэртюю у небы уробица. Не моно садіць у горэды нічога, позгнывае ўсе. О.

Як рубашне, не кладуць капусты, гурков, нічога не моно у джыккі складать, ўсыб погано буде. До цэрквы ходіць незя, на хрэстыны, на похороны (як идэш, трэба брать жыто ў карман). О.

СЕМЕЙНА (Б) — многодетная мать. См. **Кроліца**.

СОРОЧКА (Б, ВЖ). См. **Месячны**. Ср. **Рубашка**.

Сорочка, на рубасцы. В.

[На сорочке] (Б) — период менструации.

На рубашце, казаі, або на сорочце. В.

[В сорочке (родиться)] (Б, ВЖ) — то же, что # **[В рубашке (родиться)]**.

Як рэдыцца у сорочце, то шаслівы буде. Б.

Ў сорочце; шасліва буде. ВЖ.

ТОЛСТА́ (Б). См. **[Беременная]**.

ТОРБИ́ЦА (О) — плацента. См. также **[Место]**.

То мэшэчэк, або торбица, кажуць. Трэба заховать, йему́ добра́ буде. О.

ТЯЖО́ЛА, ЧЫЖО́ЛА (ВЖ). См. **[Беременная]**.

Як ходіць чыжола, то до Новаго гда нельзя робіць [от Рождества]. Мойя соседка, забілі порося, да от она нбги поодкручвала, дак родылосэ дитя — нбги перэкручэны. И корова ходіць, и свиння, дак хто рэбіць [из домашних] — случаетца. ВЖ.

[ЦЫГАНКА]:

[Цыганка принесла/оставила] (ВЖ, О) — так объясняли детям, откуда они появились на свет. См. # **Баба принесла**.

ЧЕРЕВА́ТА (Б, ВЖ, Р). См. **[Беременная]**.

ПОХОРОНЫ

Словарь похоронно-поминальной обрядовой лексики четырех полесских сел является «полным» относительно выбранной лексико-семантической группы, включающей: обозначения используемых в похоронном обряде реалий (колива, гроба, кладбища и пр.), релевантных для похоронно-поминального обрядового комплекса понятий (таких, как 'душа', 'предки', 'смерть'), обрядовых действий и ритуалов (например, 'будить покойника', 'поднимать воздух'), поминальных дней, праздников в память о мертвых. Среди указанных обозначений встречается большое число фразеологических оборотов, которые также отражены в словаре. Наиболее полно в словаре представлена та лексика, которая была собрана методом прямого опроса по соответствующим пунктам программы «Полесского этнолингвистического атласа», т. е. по вопросам типа: «Как говорят об умирающем человеке?»; «Как называется предсмертная агония?»; «Как называется смертный исход?»; «Как называется покойник?»; «Как называется гроб; кладбище?» и др., см. [ПЭС: 24–25]. Сама программа была составлена «на основании суммированной схемы восточнославянского погребального обряда», что, по мнению ее автора-составителя, «позволяет яснее представить своеобразие локального варианта» [Седакова О. А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // ПЭС: 246].

Каждая статья содержит заглавное слово — лексему (в той форме, которая отмечена в диалектном тексте при полевом сборе материала; в случае отсутствия фиксации в тексте исходной формы лексемы дается ее реконструированный вид в квадратных скобках) и ее варианты (фонетические, словообразовательные и иные; даются в скобках при заглавном слове, если отсутствует указание на место фиксации варианта); краткое толкование (при этом не указывается общеупотребительное значение, не относящееся к данной теме, например, при заглавном слове **ДОМ** указывается лишь значение 'гроб'), а в случае необходимости — дополнительный этнолингвистический комментарий (например, о магическом использовании обозначаемых реалий, некоторых обрядовых действиях); географические пометы — указания на место фиксации лексемы в данном значении при отчетливо выраженном ограниченном характере употребления самой лексемы или ее формы (с использованием сокращений названий четырех сел; сокращения соответственно следуют либо после толкования значения, либо после вари-

анта лексемы); отсылки к синонимам или обозначениям близких понятий; фразеологические обороты (даются по опорному слову, которое приводится в качестве заглавного слова словарной статьи в квадратных скобках, если отсутствуют иные контексты употребления данной лексемы в словаре похоронно-поминальной терминологии); большое число иллюстраций из народной речи — вербальные контексты функционирования лексем.

Иллюстрации — диалектные тексты — отражают целый ряд моментов самого обрядового комплекса: особенности ритуалов облегчения агонии, подготовки тела к положению в гроб, погребения, поминания, магических действий защиты от «ходячего покойника», рассказы об обмирании, о сновидениях, связанных с явлениями и просьбами покойных, о способах увидеть мертвых предков, о тяжелой смерти колдунов и др. Многие иллюстрации содержат информацию о запретах, связанных с покойным, кладбищем, могилой; тексты народных песен; ритуальную речь, например, обращения к «предкам» с приглашением отведать приготовленное угощение и пр.

Лексика четырех сел дает представление только об общей картине терминологии полесского похоронно-поминального обряда. Вместе с тем, даже на примере столь небольшого количества локальных репрезентантов прослеживаются общие тенденции в географическом распределении и функционировании единиц данной лексико-семантической группы. Так, термины *бабы* и *деды*, как и сами соответствующие этим названиям годовые поминальные праздники, не фиксируются в селе Олбин, представляющем крайнее юго-восточное украинское Полесье, в отличие от трех других сел, представляющих Брестщину, Ровенщину, Гомельщину, где *бабы* и *деды* известны как обозначения «женского» и «мужского» поминальных праздников. Название поминального блюда *коливо* отмечено в словаре в трех селах восточного Полесья, тогда как в Радчицке, представляющем в словаре западное Полесье, фиксируются *куття* и *мёд* (см. статью МЁД), а в тяготеющем по ряду признаков к западному Полесью селе Боровое отмечается и *коливо*, и *куття*. Некоторые вербальные и обрядовые элементы похоронно-поминального комплекса имеют явно локальный характер (в нашем случае точнее и правильнее сказать «необщеполесский»): например, ритуал «будить покойника» отмечен только в терминологии и текстах-иллюстрациях из Радчицка (ср. аналогичные наблюдения над структурно-функциональными различиями в похоронно-поминальной обрядности меж-

ду «западом» и «востоком» Полесья на примере двух сел в работе О. А. Седаковой [*Седакова О. А.*, цит. соч.]), название и магические функции безымянной могилы (см. **НЕПЛАКАНА МОГИЛА**) из Олбина, форма *моглица* (*молица*) в значении 'кладбище' из Радчицка в соответствии с *могилки* (*могылки*) в других селах и пр.

БА́БЫ (БАВЬ́) — годовые поминальные «женские» дни, соответствующие «мужским» поминальным дням (Б, ВЖ, Р). Ср. **Деды́**.

Ў п'ятынецу деды́, а ў суббóту б́удуць бабе́. Бываюць они перед Миха́йлом, перед Вели́ким Пóстом, перед Трóицею. Пёрше, як наступае год, мо быть и е ѓлавные — перед Михайлом. Б.

Ў п'ятницу бываюць деды́, а ў суббóту ба́бы; ў коля́дный мясе́д деды́ пэ́рад ма́сленой. Дедáм — рíбку, всё́ по́стное, во́дицу; а баба́м и холо́дненько варíли и ўсе́; на ночь дедáм оставля́ли стол; не прибира́ли; а ба́бам, як пёрвое печóм, дак на тарэ́лочку и на стол, то ужé баб́ы посне́дають; в год двóе дедóў: тро́ецкие и помина́льные [перед масленицей]. ВЖ.

Баби́ [так называется день] ў пятни́цу перад да́дами. На дяды́ хату́ не прыбира́ють, пол не мы́ють, не стира́ють, [оставшуюся пищу] со стола́ не убира́ють. [Эту пищу] скида́ють на тале́рачку дедáм. [Называют её] куття́. Куття́ стои́ть цэ́лы день [на столе]. На други́ день яе даеда́ли. Ходи́ли в той день [на второй день] на кладби́шчэ́ и ў цэ́рков. Несли на моги́лы проско́рку [просви́рку]. Р.

БУ́ДИТИ, БУДЫ́ТИ (ЗБУДЫ́ТИ) [покойника, ба́тька] — ритуал посещения покойника на следующий после похорон день (Р).

Трэ́ба ж на мо́лица ходи́ти. Спать. Трэ́ба ж его́ збуды́ти. Того́ покойника. Говора́ть: хóдим уже ба́тька бу́дिति; дэ́душка хóдимо збуды́ти. Р.

Буды́ты, кажу́ть. То заўтра́кать ему́ [покойнику] несу́ть. Иду́ть до ягó изу́шчэ́ать. Родны́е хóчать дове́дацца до ягó. Сўэ́жа жа́лоба. Поло́жать на моги́лку хле́ба, мя́са. Р.

На дру́ги день [после похорон] йду́ть ра́но [на кладбище], посне́дають и водку́ пью́ть. Это буды́ти покойника иду́ть, гова́раць. Р.

У нас ка́жуць: «Пóйдэм буды́ты». Р.

ВЕДЮ́К — самосейный мак, оберег от ходячего покойника. См. **Мак-ведюк**.

Грóши сы́пюць [в могилу], хату́, хлева́ посыпа́юць ведю́ком. Б.

[ВÓЗДУХ]

Воздúшный вóздух. См. **Воздúшное.**

Называют вóздушный вóздух. [Это делают на 40-й день?] И рáншай рóблять. Р.

Здымáти вóздух. См. **Воздúшное.**

Колысь сóрок день не рóбили, колысь двенáдцать день рóбили, пóтим год. Зáре стáли уже так: на двенáдцать день — як трáпка остáлась от покóйника, мáшпуць ей вóздух и выкíдываюць на двор. Хай уже пошёл той дúх его, кáжуць. На это кáжуць — здымáти вóздух. Б.

Знимáти вóздух. См. **Воздúшное.**

Сороковá. Знимáють вóздух, поднимáють вóздух на сороковóй. Нехáй ийдэ его душá на небесá. Р.

Ў нас рáньше вóздух нэ зьнимáли, то топéрь. Р.

ВОЗДúШНОЕ — ритуал, совершаемый у могилы покойного с целью способствовать вознесению души покойного. См. также: **[Вóздух], Дух, Заздорóвно здымáть.**

Воздúшное [обычно делалось на] сороковóю. Р.

То кáжут вóздушное. Рáньше у нас не былó. А зáраз рóблять. Вáрять рíсовую кáшу, берúть на эту кáшу кладúть конфэты, берúть хлеб, несúть у цёрков. Берúть матэрию (мóжно и скáтерть) и берúть удвóх и подкидáють за концý. [Обычай появился здесь лет десять назад.] Р.

ГОДОВÁЯ — годовщина смерти.

Годовщина смерти называлась «годовая». Общие для всех умерших поминальные дни назывались «деды». Р.

ДЕДОВÁ ПЬЯТНИЦА — поминальный день, когда для умерших родственников оставляют еду после вечерней трапезы. См. **Деды 2.**

Пьятница — вэчэрю готóвать для покóйников и вэчэряють и так ўсё остáвляют, то кáжут, дедовá пьятница, то ўже покóйники приходáть вэчэрь [перед постом на поминальной неделе] Б.

ДЕДÓВАЯ СУБÓТА — поминальный день. См. **Деды 2.**

Это у нас е пéред Трóйцою дедóвая субóта. Р.

ДЕДЫ (ДЭДЫ)

1. **Предки, умершие родственники.**

Однá жóнка оставила веретéна те у хáти перед Колядэмí, на Кóбляды. И штось по хáте шарахтéло тýми веретéнами, и не давáло спáць. Казáли, це Варвáра, або дэды, шче казáли, це мáти Богорóдица. Б.

Одін мушчýна заболéу, бéгал тут [сошел с ума]; егó прив'язáли к столбú, лýди собралiсь. От он бáчиу, як дедý йидúть и ўсé гомóнил, назывáл ўсих: «Захáроу бáтько идéт, пан éхау ў колясци перэд йим полотнó чóрно стелiли...». ВЖ.

Дедý идúть [на поминки]; радiтели идúть; дедý у кутóчку сидя́ть на кутú. ВЖ.

Пэ́рад Трбицей у субóту — Дúхова субота, ў пост пэ́рад Паской у суботу. Прiдут у нич дедý ёсци. Оставляють миску, ложку на мiсци, прiдут срóтственики вэчэ́рать. О.

Нежывiе, пакбiйники, дэдý, покбiйнички. Р.

Побáчить дедóу — с помощью магических действий увидеть в поминальный день приходящих в дом умерших.

Те трэ́ски, што рб́ять гроб, да нáдо день на дедý не есть, не гомóнить ни с кем, а як посéдутъ ёсти, нáдо сестъ ў перэшэйку [место на печи у трубы, откуда видна дверь, через которую должны войти предки,] и пáлить тýе трэ́ски, и побáчиш дедóу. Однá так зробiла, да побáчила. А онi идúть — за йими, ёсли укрáл што, несúть. А одiн дэрэво несéть — укрáл на ётом свéте, да ў двёрь не лэзеть — онá за-смеялась. И ўсé — деды забiли. Молчáть трэ́ба. ВЖ.

2. Годовые поминальные дни (Б, ВЖ, Р).

Дедý буваюць перед Пáсхой, перед Михáйлом и перед сáмым Роздвóм — ў пýя́тницу. У суббóту — бабы. Б.

У годú двé дедóв. У якiй день попадае — дедý. На дрúгий день — бабы. Не помню — шо кода. Б.

Е двá дедý — перед Михáйлом и перед Велiким Пóстом — ў мясо́ду. Як на дедý повечэ́руюць — лóжки да мiски на столé оставляюць, шоб дедý повечэ́рали, а ўтром уже убра́ли да помýли. Б.

Дедý буваюць перед Трбицею, перед Михáйлом, перед Колядьми, перед Пóстом — у пýя́тнецу. На слéдующую суббóту — бабы. На бабы, на дедý не едýць скорбного, оставляюць на ночь ложки, чáрки, шо едýць, шоб дедý посне́дали. Оставляюць не чiстые, а те шо сáми ёли. Б.

Е дедý перед Пóстом ў пýя́тницу, перед Трбицей ў пýя́тницу, перед Михáйлом ў пýя́тницу — до Роздва за шéсть недéль, ў Филипповку. Главные, пёршие дедý — перед Пóстом, дрúгие перед Трбицею, трéтьи — перед Михáйлом. На дедý печúць три хлебiнки, пирожки такi, за верх свéчку ставяць, ў суббóту несúць ў цёркву. У пýя́тницу вечэ́руюць — рб́ляць солб́дку сыту, ставляць лóжки, чáрки — и стойць на ночь, як повечэ́рали, шоб повечэ́раць дедý пришлi. Б.

Пэ́рид Велiким пóстом на поминальном тýжне ў Нэ́трéби то збирáлыся на клáдбишше, [потом] збирáлыся ў однú хáту, ў двé, да й робiли тые дедý. Б.

До Рожества ў пятницю деды, ў суботу бабы да и ўже Роже-ствó. Б.

На Дэдý не прáli. Б.

Хóди така жóнка, перэкидаецца на сóбаку, на вóвцах, якáсь русáлка, волосá дlýнныя, аж по землé, да людýну гýльгае, аж задушить — так лякáюць, шоб не прáli у пятницю и на дэдý. Б.

На дэдý не мотáli, бо казáli, што замотáешь, да переплúтаешь, да дед не прýде на вечéру. Б.

У пятницю и у сéреду сновáli. У дэдý не мóно сновáць, на глазá стемнéешь. У субóту не мóно сновáти. Мо мáти колысь сновáла у субóту, а мóй брат пástил кошáру, рáзногo товáру, и ця кошáра стála як бéшена, да бéгала по лéсу, и он за нею бéгал. Да з лесу от выхóдиць жóнка, высó-ока, у бéлом, волосá дlýнныя, по землé волочýлиса. Да брат злякáўса, да зоболéў и умéр. Б.

[«Деды» были в пятницу, а «бабы» в субботу. Дядям на вечерю ставили все постное: рыбу, воду. Бабам же наоборот — и] млинцы, сáло, яéшню, горйўку. На стол на дедáх канхвéты и ўсé. [Приглашали всех умерших. При этом говорили]: «Ў кагó нет раднй, дак прыхóдтэ да мéни». Гаварýли дзецýм, [чтобы лезли на печь], дивйца ў шýйку (лазéйку) [будто в 12 ночи деды за стол сядут]. ВЖ.

Деды буўáюць ў пятницю чэрэз год. Пэрви — на рáдыницу, другй — на Трóйцу, трэци — на мáсленой ў пост. [Михайловские дни — престольные праздники в Верхних Жарах.] Ў аднý дерéўню мнóга собираюца, раднйх шукáет. ВЖ.

[На деды] зварйть шчо булó, а [она] не зварýла, дак булó шчо на потолцэ — деды ўсé змесýли. ВЖ.

Пэршые деды буваюць ў февралы ў поминáльной недéли. Другие — пэрэд пáскою ў Чýстый чэтвэр. Трэци — пэрэд Трóицой. ВЖ.

[На деды] харчй трэ зварйть не до пáры; кáжэ, шоб тры чогó-нибúдь [сварить горячее, чтобы] парóчка пошлá. [Все поставить на стол и звать:] «Дэдý мой прытэли, идйть до мэнэ вечэраць!» [После еды льют воду с каждого края стола по кругу крестообразно:] «Деды мои, прытэли, пýли-éли — идйте на своé мéсто». ВЖ.

Дэдý у субóту рáненько. Дэдý пéред Рожаствóм, пэрэд Трúйцою. Печýть млинцы, стáвлять мýсачку ўоды, хлéба накрóшать, мéду. Этой канýн по три лóжачки берýть. И пэрвые три лóжки с кáжной стрáви скидáють у тарéлочку. [После того как поедят,] ўýлázать [из-за стола], а тэе усé так и лежýть полчасá. [Ложки кладут выемкой вниз, «не до горй».] [Во время еды на «дэдý» каждый раз, когда сьедают ложку, кладут её на стол выемкой вниз; потом опять берут, едят и кладут:] от однý на дэдý зймо лóжку и полóжымо. Р.

Дэдý у на́шой дярэўни ўтром. Вáрать мо и семь блюд и усю́ на́до попрóбовать, берóуть [каждо́го блюда] три лóжки у кушы́н и скида́ють для мёртвых, для покóйничков. Р.

Ужé то ўот дэдý пэ́ряд Трóйцою, пэ́ред Вя́ліконнем и ў бсень, ў пост. Трэ́ дядбóу на год. [Приходили ли покойники в эти дни?] Каза́ли, што хóдять. Р.

«Дедý» справля́ли три́ раза в год: перед Троицей, перед Рождеством («Роздвóм») и перед Пасхой. Главными считались «дедý» перед Пасхой. Р.

[На «дэдý»] и ка́ша, и борщ, и суп, и холодец, и одна́ миса́чка та́кая: што ку́шаеш — тудý ўу́ллеш. Ста́рые лю́ды робили. Гово́рать, э́то для покóйников. [Потом отдавали «кура́м».] Р.

У ра́нцы дэдý, а у не́кото́рого и у ра́нцы, и у ў́эчэри. [В отдельную мисочку] ка́ждой стра́ви по три лóжки кладóм [и оставляли стол накрытым до вечера,] ко́б и оны́ поку́шали. Р.

Як дедý бу́ли, то я́эчньа трéба бу́ла. Р.

На дедý. У тарéлочку льем и то оны́ озьму́ть. То ка́жэмо: «Чи мо́жэ ко опозда́у з тих мóртвых, то придéть да егó бу́дет жда́ть». Ца́лый день. Р.

У пýтницу вэ́чером ба́бы, а у субóту днём идóуть у ца́рькоу, то ужé дэдý. [Три поминальные субботы]: пэ́ред Трóицею за тýждень; сем недэ́ль пэ́ред Па́скою; пэ́ред Рожэ́ствóм за шэ́ст недэ́ль. Р.

Коля́дны(е) деды́ — годовой поминальный день накануне Рождества.

Дедý мо́ буць перед Трóицею, перед Миха́йлом, перед Коля́дми, ў Фили́пповку. На них ка́жуць михáловские, коля́дны, фили́пповские дедý — ў пýтницу. У́ мясо́ед не́ма дедóв. Ба́бы — ў субóту. На ба́бы не ве́чэруюць, то́ко ў це́ркву идóуць. Б.

Ма́слены́е дедý — годовой поминальный день накануне Масленицы.

Трэ́ дедбóу ў год. Дедý Тро́ечны́е, на ма́слену, Ра́дони́чны. Трóица ў нядэ́лю, а дедý ў пýтницу, пэ́ред Трóицей, а ў субóту — ба́бы, помина́льный день. У́ пýтницу — постные дедý. А ўжé ў суббóту ўсе́. У́с семь снёдае. И покóйника гукну́т. У́се дедý одина́ково. Нача́наюцца ўвэ́чэре, а конча́ются ўтром. У́вэ́чар — дедý: а наза́ўтра — ба́бы. На ра́доницу хóдять на кла́дби́шче. А то ўже Трэ́ецкие и ма́слены́е — ты́е ўже до́ма. ВЖ.

Пили́поўские дедý — годовой поминальный день накануне рождественского поста (Р).

Ба́бы у ве́чэра, дедý у ра́нцы. У год три́ раз: пэ́ред Трóицей, пэ́ред постóм, то Месо́ед, пэ́ред Пили́поўкою. Миха́йлоўские, Пили́поўские дедý. Р.

Е пилипоўские, троецкие деды. И у великий пост, пэрэд постом зовўцца. Р.

Радо́ничные деды́ — годовой поминальный день накануне праздника Радуница (ВЖ). См. Радоўница.

Троецкие (ВЖ, Р), Троэ́чные (ВЖ) деды́ — годовой поминальный день, пятница перед Троицей.

Ў п'ятницу бывають деды, а ў суббóту бабы; ў коля́дны мясе́д деды́ пэрэд ма́сленой. Деда́м — рибку, всё по́стное, во́дицу; а баба́м и холо́дненько вары́ли и ўсе́; на ночь деда́м оставля́ли стол; не прибира́ли; а ба́бам, як пэрвое печо́м, дак на тарэ́лочку и на стол, то ужэ бабы́ посне́дають; в год дво́е дедо́ў: троецкие и помина́льные [перед масленицей]. ВЖ.

Е пилипоўские, троецкие деды. И у великий пост, пэрэд постом зовўцца. Р.

ДОМ — гроб.

Гроб, дом. Уже ему и дом привезли. Р.

До до́му [идти, собраться] — находиться при смерти.

До до́му; на цэм све́те, ка́жэм, живём ў гостя́х, а цэ, ка́жэм, до дому идём. ВЖ.

Идэ до до́му; на дорóзе [стоит]. ВЖ.

Собира́ца до до́му. Ко́ли ж я бу́ду собира́ца до дому. О.

Кона́е, до до́му собира́ецца. Р.

ДОМОВИ́НА — гроб.

Домови́на, або труна́. Б.

Кйдаюць ў домови́ну трóшки стру́жку и насто́льника постала́ли. Домови́ну обива́ли наметка́ми, якими по́койника накрыва́ли, — переты́каными кра́сными да чэ́рными нитками. Б.

[ДОРÓГА]

На дорóзе (у даро́гу) — быть при смерти.

Идэ до до́му; на дорóзе [стоит]. ВЖ.

У нас ка́жуць: «Сабра́ўса на вэ́чнае спа́жыва́нне, у даро́гу». Р.

ДО́ХНУТЬ (ЗДО́ХНУТЬ) — о смерти домашних животных.

[О смерти животных говорят:] здо́х. Гово́рять здо́х о ўси́х [домашних животных]. Р.

ДУХ — душа, дух.

Ду́х вы́шаў — о смерти.

Ка́жуть: «Усе́, и ду́х вы́шаў. Пасле́дне дыха́нне вы́шла». Р.

Подымаць дух — см. **Воздúшное**.

Калісь каза́ли, шо заздорóвно здойму́т на сорокавіны. Плато́к беру́ць и туды́ хлеб кладу́т. И зэ́млю ў ву́злик завя́зуюць. И тоды́ ўтро́х еду́т да попа́. Ба́руць ўтро́х за ро́жки платка́ и подыма́юць дух [вздымают воздух], шоб душа́ пишла́ на не́бо. ВЖ.

ДУХА́ЧИКИ — образки, которые носили на шее, а по смерти человека клали в гроб.

Ў гроб кладу́ць свэ́чку, о́браз, желе́зный хрэ́стик, духа́чики — цвётненький тако́й о́браз, на це́почке носі́ли. Б.

ДУША́ — душа человека. Считается, что после смерти витает некоторое время в доме.

Ко́лі мэ́ртвый ўма́р, дак двэна́цаць дниў душа́ ў ха́ти. Налыва́юць стака́н вады́ и ста́вляць на кно́ во́ду. Як мэ́ртвый лежы́т и там на кнi ста́йць вада́. То двэна́цаць дню душа́ вадú пье. А тоды́ тую́ вадú вылива́юць. Ко́жны дэ́нь вадú миню́ць. Вылива́юць пад сту́л ў кутóчок. ВЖ.

При по́койнике [мести нельзя] — ду́шу вы́метеш. Душа́ двена́дцать дней сто́йць ў ха́те, на ме́сте, иде́ помрэ́ — там, и не ухóдить; 12 дней подбэ́ливать печ нельзя́. ВЖ.

Полетела́ ужэ́ ў во́здух душа́; кто так ло́ўко умрэ́, да тixенько, да га́рненько, то, ка́жэ, хоро́ший быў. ВЖ.

Душа́ телепа́е, телепа́е [колышется]. Подыма́еца, подыма́еца, а мы сэ́дим да смóтрим. Р.

Душа́ вы́шла (пошла́), выхóдыць — о смерти человека (Б, ВЖ, Р).

Ду́шечку забра́ло, душа́ пошла́. Б.

З худобы́ выхóдиць па́ра, а з люды́ны то́ко душа́ выхóдиць. Б.

Душа́ выхóдыць, иде́ в рай чы пэ́кло. Ко́ли вин маў грыхі́ — пидэ́ ў пэ́кло, ко́ли вин нэ́ маў йих — пидэ́ ў рай. ВЖ.

Ко́лі чела́вэ́к ўмыра́ў, дак па́ра пошла́, пошла́ з егó. [Поэ́тому по́койник перед сме́ртью рот раскрыва́ет.] Як вы́йдэ па́ра, дак рот скры́еца. Душа́ полетела́ увэ́рх. ВЖ.

Душа́ вышла́, па́ра вышла́. Пошо́ў уже́ до бабе́й своих, до дедо́ў, почему́ синóк не хотэ́ў жы́ти с на́ми? Примай́те мо́го́ синка́ уже́. [Ка́ждый по-своему́ голосо́ит.] Р.

Ка́жущь: «Душа́ пашла́ на не́бо». Р.

Ада́е (ода́е) бо́гу ду́шу — о смерти.

Ка́жущь: «Ада́е бо́гу ду́шу, уже́ канáе». Р.

Ўот ўже́ бо́гу ду́шу ода́е. Р.

[ДУБ]

Дуба даў — умер.

Ой, дуба даў той дед. Р.

ДЭВЯТЫНЫ — поминальный день, девятый день после похорон.

Ў дэв'ят дэнь — дэв'ятыны,

ў с'брок дэнь — сороков'ны. О.

ЗАЗДОРÓВНО ЗДЫМА́ТЬ (ЗНІМА́ТЬ, ДÓЙМАТЬ). См. Возду́шное.

Сороков'ны. Здоймут заздорб'ўно: полотно́ рэзали колысь; кладу́ть хлэбец, беру́ть за кра́ечки и так три раз поднима́ють, а он [поп] мо́лица; батюшка полотно́ забираэ. ВЖ.

ЗБІРНА СУБО́ТА. См. Субо́та помина́льна(я).

Одна — Збірна субо́та, клэчана субо́та — як св'ята недэ́ля ўже пройшла — тоже субо́та. О.

[ЗЕМЛЯ]

Смэрд'ыць зéмлюю — готовится умереть.

[О старике:] ўже смэрд'ыць зéмлюю, [а еще] идет у бо́льницу. Б.

КАНУ́НА. См. Ко́ливо.

КЛА́ДБИШЧЭ (КЛА́ДБИШЧЕ, КЛА́ДБИШШЕ) — кладбище.

Нехри́щченых кладу́ць на кла́дбишче у пригоро́дке, понад бо́ком. Хрэстик им не збива́ли гво́зди́ком, а зв'язывали тры́почкой. Б.

Той, што повеси́ўса, ё́гб хоро́няць не на кла́дбишче; як кака́ беда́ у селé зроби́цца, то ка́жуць, то черэз то, што ви́пельника на кла́дбишчи похорони́ли. Б.

[Способ выведения тараканов.] От так гово́рять: як ви́копаю́ть я́му на кла́дбишче [для покойника], дак ты во́зьми жука́ [таракана] да ў ла́поть, дай вези́ на кла́дбишче з волочку́, да ў ту́ю я́му ўкинь. ВЖ.

Верне́шься с кла́дбишча, трэ́ба ў ди́жку ско́рей подыви́цца, шоп забу́лося. О.

То правады́. Выхо́дять лю́ди, весь мир на кла́дбишчэ, выно́сять, шо у ко́го йé, раздаю́ть. Кача́ють яйца на мо́гилках. О.

[Пасхальные яйца ели сами.] святóе яéчко нэсу́ть на кла́дбишчэ, кладу́ть на магі́лки. Р.

КО́ЛИВО — поминальное блюдо в виде хлеба в сладкой воде (Б, ВЖ, О). См. также Кутт'я́, Мёд.

Ко́ливо. Ко́лысь бул мед — пекли́ коржі да ще и ма́ком трусі́ли, да ме́дом ма́зали — у кого не бул, то са́харом. По пёршей берём

кбливо — це вода з сахаром, чи з мѣдом, — три рѣза трѣба попрѣбоваць. По вторѣй коржі ели. В.

[Поминальное блюдо называлось по-разному: «кбливо», «кануна», «сита». Это — мед, разбавленный в воде. Каждый человек на поминках обязан был три раза ложкой зачерпнуть этого кушанья и съесть. Хлеб также мазали медом. Пекли в доме покойника свой хлеб, чтобы «пѣра» от него пошла по всей хате. Говорили, что этим выгоняют дух покойника. Известно также, что на похоронах вырезают «прѣскорку», которую батюшка дает домой. Эту прѣскорку на сороковины крошат в «кбливо». Говорили, что при этом душа на том свете все принимает.] ВЖ.

Кбливо. Сахара наколѣтять, яблѣчек покрѣшать або бѣлки и вода. Трѣба трѣчи ўзяць [на поминках после возвращения с кладбища]. О.

То колїво. Мьод брѣлы, распустять ў воде, хлеб мѣчаюць. Раздаюць людзям на мѣгилках. О.

Хлѣбину спечѣть, лѣмьять (рѣзать не мѣно), ў мѣду мѣчать, на поминках раздаюць, то кбливо. О.

За ўтѣплеником трѣба чѣтыре рѣза бѣрїть кбливо. О.

КОНАТЬ (СКОНАТЬ) — тяжело умирать.

Хто мѣчица, тому вообщѣ не кладѣць подѣсце. Кѣжуць — не мѣно сконѣць на подѣсце. Перекладываюць и нѣ пол. В.

Ўже сконѣл, вышов дух. О.

Знахѣрка. Та сѣмая, што ми кѣжом, шо робїла, молоко ў нас одбирѣла, то та й по-корѣвличи ревлѣ, покѣ вона дойшла, кѣнчилась. Так ей ж рѣвали дѣшу, а нїхтѣ нѣ схѣтѣў еѣ бѣги забрѣти. Вот й рвуть. «Кѣнѣла». Р.

КУТТЯ — поминальное блюдо (Б, Р). Готовится также под Рождество; в кушанье втыкают ложки и на следующий день по ним гадают о жизни — смерти.

И тогдѣ вечѣряють — стѣлють сѣно сюдѣ под настѣлнык. И повѣчѣряють, и тодѣ ў ту куттѣ всѣ стѣвляют лѣжки от так до горѣ — котѣра лѣжка упадѣ, то та гѣсѣбина помрѣ ў хѣтѣ тогѣ гѣда ўжѣ. И то прѣвѣда. В.

Сѣрок дѣн спраўлюють. Навѣрѣть кѣшу да у солѣдкую ўѣду хлѣба [накрошат] — ѣто куттѣ. [Все съѣдают по 3 ложки куттѣ] однѣю лѣжкой. [В отдельную мисочку] кѣждой стѣрави по три лѣжки кладѣм — покѣйничком. [И на «дѣдѣ» так делают.] Р.

На Роздѣв. Лѣшки утыкѣемо у куттѣ. Стол нѣ прибирѣем до зѣўтра. Зѣўтра ўстаѣм да прибирѣем со столѣ. Мѣже, котѣра лѣшка

пэревэрнена, ко помрэ з семьй, а кбли нэпэревэрнуна, хорошо для семьй. Р.

[МАК]

МАК-ВЕДЮК (МАК-ВЕДУ́Н) — самосейный мак, употребляемый в качестве оберега от ходячего покойника и нечистой силы (Б).

Самосейнай мак, василькй, безвэршник свэтяць на Маковея, да тем маком-ведюном и тем зэльем обсыпають хату и по окнам лóжуць, шоб покойник не снйўся, не стучаў, не ходйў. Б.

Як погáно, клйче пòд окном — маком-ведюком посыпае хату. А шоб мертвйк тебе не снйўся — як ў туалёт пошла, то ўспоминай его три рáза. Б.

Зэлье святайли — безвэршник — тем зэльем и маком свячэным накурвали хату и посыпали. Мак-ведун, кажуць. Б.

Погáно як вельмй плачешь, тўжишь — ходйць покойник бúde. Ишо — самосейным свячэным маком-ведюком хату посыпали. Колдунам ў могйлу забивáли осиновый кол чи грабòвый. Грòши кйдаюць и за мéсто, и шоб не ходйў. Ишо — сыпали на могйлу самосейным лёном шоб не ходйў. Б.

Мак йгò святаць на Срэтэнье. [Тем] маком, тьлькò видюком — он такйй от тот, шо сам собòю [вырос — посыпают хату от нечисти]. Трэба итй як ото сонцэ йдэ. Б.

Ведюк-мак, да тòю обсыпають кругом хаты и ў хате. Б.

Ў любэ время самосейным, свячэным маком-ведюком обсыпають хлевá, хату, шоб погáный не крутил. Б.

Саморòдни мак — мак-самосев, употребляемый в качестве оберега от нечистой силы (Р).

Сыпали такòй мак, саморòдни, кажуць. До двэнáдцати часòў нòчи нэ пошчитáе. А як пошчитáе, да пòйдэ до тэбэ; да вон же нэ пошчитáе: мак рэдэньки такé. Я самá сыпала у трунó. Р.

По народным поверьям «ходили», в основном, колдуны. Им и в могилу, и на могилу сыпали «саморòдни мак». Р.

Бэруть святым маком, саморòдным, дрòбнэньким, сыплють дэ корòва идэ, шчòб чэрви у молокé нэ завялыся. Святй мак бэруть, як умрэ чòловйк, лóжать у грòб, шчòб вон нэ ходйў, яго нэчыстыя вòдють. Р.

Святй(й) мак — освященный мак-самосев, употребляемый в качестве оберега от нечистой силы (Р).

[Обычно ничего кроме одежды в гроб не клали. Ребёнку могли положить в гроб игрушки или соску. Колдуну клали в гроб] святй мак. Р.

Святй мак сыпали у колòци. Прáзник Макавйя — ёто свэтяць мак, зелье рáзное. Если умрэ чòловéк, знáхòр, тым сватым маком

обсыпають [могилу], шчоб он не вылазіў. Если што ў семье пло́хо, претставлеца. Опсыпаю ўкружккі хату. Покудова нэчысты́й ўсэй тай мак пошчитае, уже́ будэ́ день. Р.

МЕД — поминальное блюдо (Р). См. также **Куття́, Кóливо**.

[Хлеб, крошенный в медовую воду, назывался на «дэды» «мёд», а на поминках в день похорон «куття»:] От на дэды́ пэруе́ мёд разўбодяць и хлеба́ кро́шать и прбсхура як ест. Усе по три лóжачки ўозьму́ть. От когд́а пообэдаем, лóжым на лаўку поду́шку, покóйники отдыха́ють, и идóм за рабо́тою ци отдыха́ть. [Днём на столе] остаёцца то́льки мьод и одна́ лóжачка. Куття́ назыўаецца той са́мый мёд, як похорóняць, помóють ру́ки на ўлицы, утира́льником потэ́рць, ўхóдзяць ў хату, садя́цца и у пэру́у бчарадь прóбують куття́: сна́чала родные, потóм ужэ́ ўсе. Р.

МЕРЕ́Ц (МРЕ́Ц) — усопший, мертвец (Б, Р).

Як мерэ́ц снiцца, ка́жуць, бу́де дошч па́даць ўтром. Б.

Як мерэ́ц в до́ме — не са́ляць са́ло, не скла́дываюць óвоци, пока́ не похováюць. Б.

МЭ́РТВА́К (МЭ́РТОВЕ́Ц, МЭ́РЧА́К) — усопший, покойник (О).

Покóйник, мэ́ртва́к, мэ́ртове́ц, мэ́рчак. О.

[МЭ́РТВА́Й]

Мэ́ртва́й Вя́лікдэ́нь (Мэ́ртвых Вя́лікдэ́нь) — годовой поминальный день.

Мэ́ртва́й вя́лікдэ́нь — пóсле Пáски ў чэ́твэр. Зако́пували я́чки, бу́лочку, канфвэ́ты а́бо покры́шаць на магі́лу. И во́ду ў куўшы́нцы насы́ли на магі́лку. ВЖ.

Мэ́ртвых Вя́лікдэ́нь на чэ́твэ́рты́й дэ́нь [после Пасхи]. На кла́дбишчэ́ несу́ть я́чки, накрóшать на моги́льцэ́, дак пта́шки посби́раюць. ВЖ.

Мэ́ртвых гукáть — магическое действие-оберег при встрече с волком.

Трэ́ба зва́ць мэ́ртво́го свагó рóдственника, мэ́ртвых гукáть. О.

МОГÍЛА (МАГÍЛА) — могила.

У моги́лу покóйника сíплюць грóши, шоб он не снiўся, не ходiў, и говора́ць послóвицу: «На́ тоби пла́ту за хлева́ и хату», шоб не гово́рил: «Я вам оста́вил, ничёгó не взял, а вы́ пользуетесь...». Б.

Шóбы мэ́ртвий нэ́ ходiв, забывáюць ў магі́лу колка́ осiнаво́го. ВЖ.

Кла́дуть на магі́ле — тарэ́лачка, чáрачка и ложка. О.

У сухой чэтворг русалки ховаюцца у могiлу. [Сухой четверг — следующий четверг после Троицы]. О.

Неплákана могiла — безымянная могила; могила, над которой никто не плачет. Землю с такой могилы используют в магических целях.

Як ніхто не плаче, то кажуць — неплákана могiла. Брали с ее пэсок. Трэба рассыпать ў горóди, кажуць: не бóдуть воробьи прóсо ёсти. О.

Як засуха, магiлу неплákану абліва́ют вадо́й, шоб дошч пашо́ў. Неплákана магiла — не ма́ рóдственников. О.

МОГИЛКИ (Б, ВЖ, О, Р), МОГЫЛКИ (ВЖ) — кладбище.

Колiсь жидóв пóд мóгилками заховáли. Вёшальников на кладбище забóпаюць. Б.

Правадý после Пáски чэрэз тýждень ў понидiлок. Обiдаюць на мóгилках люды ўси ўмисци [всем селом], станóвцяць ўси рядом, што хто принес, ўси ў ряд. О.

На правадý дедоў поминáюць. Обiдаюць на мóгилках, принóсяць яички, мýса, станóвять ўсе ў ряд. Правадý пасле Пáски, понедiлок. О.

Колiсь, хто повисиўся, ховáлы колó мóгилок ў кутóчку. Утопленика ховáлы ў мóгилках и хрест робы́лы. О.

Колiсь не хоронили ў мóгилках, ви́шальника хоронили на перекресной дорóзи. О.

Ўмэ́рла жiнка у чоловiка. Осталось трéе детей. Вон ночуе у хати. Чуе, хтой-тось у хати. Вон не спиц, бáчиц жинку: печь топиц, вáриц, детей купáець. А чоловик бáчиц, бойца фстава́ць. Як петух заспеваў — куды вона дэ́лась? У кáждую ноч хóдзыць, хóдзыць и фсе. Шо ж рóбиць? Пойшоў вон до бабы. Она и кáе: «Возьми засеки осеку, колок трéба затэсáть, понесц на мóгилки, забиць той колок, дэ́ голова у йей. То нэдóбрэ, шо мэ́ртва приходиць». О.

Прыхóдным да дóму и сэдáем снédать — так цэ абязáтельно, шоб то яйце пэ́рвое есть. Насiли на мóгилки — пакачáют по могiле и нýшым дадóуть али дитти. Калiсь сэяли прóсо — так абязáтельно трéба закопáть у чэтырэх углах [поля] те лушпáйки. О.

Як багáто наёсца карбóа, то трэ́ абагна́ть кругóм сэ́ла и на мóгилки, шоб стóхла. О.

На мóгилки рушники́ ви́шали. О.

(Женщинам надо было пройти мимо кладбища днем). Им трéба иттi, а те, русалки, на мóгилках лепатáют, вóны (русалки) на мóгилках начi тарахтёлками тарахтiть чи звонкáми, и те збежáли. О.

[На Купалу?] Пишла́ жонóчина на мóгилки, бáчыть, на дубкé сдiць чоловик увесь сiвеньки, чоботкi сiвенькия, малéньки та-

кй. Сидіть на дубкѣ, нѳги спустіѳ, а пѳтым ѳн прапаѳ и больш яго нхтѳ нѳ бѳчыѳ. Р.

МОГЛИЦА (МОЛИЦА) — кладбище (Р).

[Кладбище называется] мѳглица, але ѳсѳ кѳжуть мѳлица. Р.

[Кладбище] — мѳлица [могилки]. Хѳдим на мѳлица. Р.

Трѳба ж на мѳлица ходіти. Спить. Трѳба ж его збудіти. Того покійника. Говѳрять: хѳдим уже бѳтька бѳдити; дѳдушка хѳдим збудіти. Р.

НАВСКА ТРОИЦА — четверг после Троицы (Р). Полагают, что на Троицкой неделе в виде русалок появляются умершие дети. См. также **Нѳски Велѳкдень**.

От у когѳ деѳочки помираѳють маліе, заѳсегдѳ гуляѳють на ѳту. Нѳўска Трѳйца назывѳаецца, пѳсле Трѳйцы чѳтвѳр. То ѳынѳсѳть одѳжу, ѳѳшаѳють где на дѳорѳ, ѳто русѳлочки бѳдутъ по жѳту гуляѳть (на ноч ѳто ѳѳшаѳють), онѳ у ноч гуляѳють по жѳту и ѳту то одѳжу наклѳдаѳють. Моя мѳти ѳинѳсила, она бѳло [бывало] на грѳшу поѳѳшае. ѳто, ка, мой деѳочки придѳуть, да бѳдутъ убирѳцца да по жѳту гуляѳть. Русѳлки. Р.

НАСКИ ВЕЛѳКДЕНЬ (НАСКИЙ ВЕЛѳКДЕНЬ, НАгСКИ ВЕЛѳКДѳНЬ) — поминальный день, четверг после Пасхи (Б, ВЖ, Р). См. также **Нѳска Трѳйца**.

Пѳсле Пѳски, ѳ чѳтвѳрг — Нѳсски Велѳкдень. Идѳць на клѳдбище, едѳѳць, Бѳгу мѳляца. Колѳсь ходил бѳтѳшка по клѳдбищу, спевѳли, правѳли церкѳвные пѳсни. Кругѳм клѳдбища носѳли хрѳст з рушникѳм. Чѳтыре девчѳты вынѳсили Бѳжиѳ Мѳти. Живѳым и мѳршим — ѳсім Велѳкдень. И вѳдки на клѳдбище бѳло немѳ, не мѳно бѳло. Б.

Нѳски Велѳкдень — знѳчиць — всемѳрный, по ѳсем свѳту. На Нѳски на клѳдбище не идѳць, не рѳбляць ничѳго з мѳлочи — не сеѳяць, картѳшки не сѳдяць. Б.

Нѳский Велѳкдень — ѳ чѳтвѳрг пѳсле Пѳски. Идѳць на клѳдбище могѳлки лѳдиць да крѳсиць. Б.

Нѳски Велѳкдень — ѳ чѳтвѳрг пѳсле Пѳски. На могѳлки идѳць, прибирѳць, обѳдаѳць, яйце свѳчѳно оставлюць, тарѳлочки, чи конфѳты, чи шо. Мѳляца, свѳчѳна свѳчки принѳсяць. Колѳсь бѳтѳшка приходѳл. Б.

Однѳй жѳнке приснѳлось, шо покійники на Нѳски Велѳкдень ѳстаѳць з могѳл и кѳжуть: «Чѳго вы нам спѳкѳю не даѳте на наш Велѳкдень? Мѳтѳте, грѳбаѳте, очищѳѳаете, пѳдновлѳѳаете...» Б.

Навський Великдень — то ў чэтвѣрг, за нашим Великднем. На мógилки ходіли поміналі. ВЖ.

У чэтвѣрг пóсле Пáски Наўски Великдэнь. Р.

НАЎСКЕ ВЯЛІКОННЕ (Р). См. Нáски Велы́кдень.

Это ужé у чэтўѣр пóсле Пáски Наўске Вяліконне. Идуть сначáла до цэркўи, а потóм ужé идуть на кладбишчэ. Хлеб, крашаные яйчка несуть. Р.

Кроме «дедóв» существовало еще «Навско Великонне». Оно справлялось на четвѣртый день после Пасхи. Кроме того, бытует понятие «Навской Троицы». «Навская троица» была на третий день после Троицы, но здесь этот праздник «для мертвых» справляется. Р.

На прóсле Пáски у чэтвѣр то Наўске Вяліконне. Назбираюцца, наготўеш, як на свáдьбу, красяные полóжыли ячка. На Пáску идуть [на кладбище] пѣршого дня и у чэтвѣр. Р.

НАЎСКА(Я) ПÁСХА (Р). См. Нáски Велы́кдень.

Пóсле Пáски Наўская пáсха у чэтвѣр. Пáсха числó не пилнуѣ. До родітелей идуть на кладбишчэ. Р.

НЕБОШЧИК, НЕБУЙШЧИК — покойник, мертвец (Р).

Пукóйник, мрец, небошчик. Р.

[Покойников обычно называют] небуйшчик, мѣртвѣц, покóйник. Р.

[ÓЧИ]

Óчи позамáзывать [покойнику] — выражение связано с запретом белить дом до девяти дней после похорон: таким образом покойного якобы лишают зрения.

До дэвѣты дэнь [после похорон] бэлить незя, а тады уж мóжно, як дэвѣты дэнь прóйдет — кáжэ, óчи позамáзываеш. О.

ПÁРА

1. Пар, облик души человека или животного.

З худóбы выхóдиць пáра, а з людыны токо душá выхóдиць. Б.

Пáра вы́йде з рóта. Б.

Колы челавѣк ўмыраў, дак пáра пошла, пошла з егб. [Поэтому покойник перед смертью рот открывает.] Як вы́йдэ пáра, дак рот скры́еця. Душá полетѣла увѣрх. ВЖ.

Душá вышла, пáра вышла. Пошóў уже до бабѣй своих, до дедóў, почему синóк не хотѣў жíti с нáми? Примáйте мógó синка ужé. [Каждый по-своему голосит.] Р.

Де ж душа дѣлается? Баюють, шчо пара идѣ стобѣпом на другі дѣнь из могылы. Кажуть, як на тѣе нарвѣца чоловѣк, мѣже и погнѣнуть. Р.

2. Пар, пища мертвых.

[Хлеб, как правило, только резали, но] на дедѣ испечѣть паляницу и гарачую разломлють, шоб пара ишла. [Души покойных должны питаться хлебным духом. Хлеб ломали, а не резали.] ВЖ.

[Как делили хлеб:] Як умрѣ человек, дак ломали, шоб пара пушла. О. Як покойник, як умрѣ, так пѣчѣть малѣньку полянычку и разламует. Разломлю, шоб пошла пара [пар] по хати. О.

[Как делить хлеб:] Поминки як, горячий хлѣб з пѣчи вынуть и поломать, шоб пара пошла, шоб мѣртвые парой поедят. [Обычно хлеб] рижут. О.

[Обычно хлеб резали, но], як тѣпли, так поломаеть его, его ж резать не мѣжно [трудно]. Як с пѣчи вытѣгаеш, так поломаеть, шоб пара шла по покойнику, покладѣшь на столѣ и мѣжно ѣстѣ. О.

ПАРКА. См. Пара 1.

Кажуць — парка идѣ з ртѣ, душа така. Б.

ПОКОЙНИК (ПУКОЙНИК) — покойник, умерший (Б, ВЖ, О, Р).

Удѣмаецца людѣна, и от сильных дѣмок привижаетца всякое — шчо покойник ходить и ў окна стѣкает. Так, трѣба хрѣстик на окнах и двѣрях написатѣ — и ўон нѣ ходить. О.

Дѣдѣ у нашой дярѣўни ўтром. Варать мо и семь блюд и усѣ надо попрѣбовать, берѣуть [каждого блюда] три лѣжки у кушын и скидають для мѣртвых, для покойничков. Р.

ПОКОЙНИЦКАЯ СУБОТА — поминальный день (суббота).

См. Субѣта поминальна(я).

Баало ручѣйки не звивають у субѣту, нѣ снують, покойницкая субѣта. Р.

ПОМЕРТИ (УМЕРТИ, ВМЕРТИ) — умереть, погибнуть. Так говорят не только о человеке, но и о пчелах.

Пчѣлы помѣрли. Не кажуть: сгинули. Р.

Пчѣла умѣрла, яе нѣ мѣжна бѣти. Р.

ПОМИНКИ, ПОМИНКИ — поминки.

Хлѣбинку спѣчѣть, ломать [резать не мѣно], ў мѣдѣ мѣчать, на поминках раздають, то кѣливо. О.

Лѣжки кладѣт як правадѣ, як поминки, наливают румку [для умершего] и ложку кладут, какѣй ядѣ. О.

ПОМЫНА́ЛНА НЕДЭ́ЛЯ — неделя перед масленицей.

Масляна недэля. Есть сэрэдна, потом помына́лна, а потом недэля ма́сляна, то ўжэ як нэма молока́, то ўжэ са́ла не ели. Б.

ПРІ́КЛАД — дубовая колода, которую кладут на могилу.

Дубо́ва коло́да, при́клад. Поўтора́ мэтра [длинной], мо́жэ да́жэ пеист [50] на пеист толшыны́. Некотóрые [кладут на могилу камень]. Р.

ПРÓВОД — похороны.

А на кла́дбице, кады́ про́вод, трэ́ба завязыва́ть кра́сну черво́ну ле́нту да кра́сны платок. Б.

ПРОВОДНА́ НЭ́ДЫ́ЛЯ — поминальная неделя после Пасхи.

[После Пасхи] про́водна́ нэды́ля. [Воскресе́нье на той неде́ле] — про́воды. На кла́дби́ше ходы́ли водку́ пить ў воскре́сенна́. Б.

ПРÓВОДЫ (Б), ПРАВА́ДЫ (О).

1. Поминальный день (воскресе́нье после Пасхи или понедельник через неделю после Пасхи).

Ў неде́лю после Па́ски — Прóводы. Иду́ць завжди обеда́ць на мо́гилки, кладу́ць яйчко, конфэ́ты, пря́ники, во́дку под крэ́ст лью́ць. Б.

Од Вэ́лыкодня до Прово́д нэ́льзя горо́дыць, бо бу́дэ засу́ха. И да́же такэ́ було, што плóты розкида́ли, шоб пошо́ў дошч. Б.

За ты́ждэнь од Вэ́лыкодня — про́воды. Также са́мо свято вэ́лыко. Б.

Права́ды поле Па́ски чэ́рез ты́ждэнь ў пони́дылок. Оби́дають на мо́гилках лю́ды ўси ўмисци [всем селом], ста́новьяць ўси́ рядом, што хто́ принес, ўси́ ў ряд. О.

Паска́ ми́нуе, права́ды чэ́рез ты́ждэнь ў неде́лю, чи ў пони́дылок, як хто́ хочэ. Иду́ть на кла́дбишчэ́, ба́ру́т горы́лку, налы́стныки пэ́чу́ть, як хто́ хочэ, яйчко́ оставлю́ть, хай пты́чка зйё́ст, вона́ бо́жа, бо Бог с кры́лами да и пты́чка с кры́льцамы. О.

На права́ды дедо́ў помина́ють. Оби́дають на мо́гилках, прино́сят яички, мя́со, ста́новья́ть ўсе́ ў ряд. Права́ды пасле́ Паски, ў пони́дылок. О.

Я́ечки кра́сяць на права́ды, ло́жаць яйчко́ на мо́гилу, ста́вьяць стака́нчык горы́лки чы во́дычки, ло́жачку и тарэ́лочку. О.

На год и на Па́ску, и на Права́ды иду́ть мэ́ртвые до до́му, так не замыка́ють две́ри и што́п нож не лежа́ў на сто́ли, чэ́рез нож йим нез пересту́пать. О.

2. Поминальная неделя (первая неделя после Пасхи).

А на про́воды — На́ськи Вэ́лыкдэ́нь. Ба́римо тэ́ я́ечк ўсем по́койникам по па́рэ кла́дэмо, якый ў ро́дэ е́сть. Тоды́ позбира́емо ўсе́ ра́зом, пообэ́даем, детка́м разда́емо, яки ни́шчи е́ разда́емо. Б.

Правады́ пòсле Паски ў пэ́рвый ты́ждень, ўсе выхòдяць, на кладби́шчэ. Яйца, пирòшкі, варэ́нички оставля́юць. О.

ПРОПА́СТЬ — погибнуть (о пчелах, ласточке, скотине).

Пропáла лáстовачка, пропáли пчòлы. О.

Падòхли, пропáли пчòлы. О.

Пчелы пропадали. Мертвых у землю закапывали. О.

[О смерти скотины] Умёрла, сдòхла, пропáла [чаще], ры́ба пропáла — ка́жуть. На людíну ты́лько — умёрла — ка́жуть. О.

РА́ДОНИЧНЫЕ ДЕДЫ́. См. Деды́.

Трòе дедòў ў год. Деды́ Трòе́чные, на мáслену, Ра́дони́чные. Трòица ў нядэ́лю, а деды́ ў пя́тницу, пéред Трòи́цей, а ў субòту — ба́бы, помина́льный день. ў пя́тницу — постные деды́. А ўжé ў субòтту ўсё. Ўс семь снéдае. И поко́йника гукну́т. Ўсе деды́ одина́ково. Начаíна́ются ўвэ́чоре, а конча́ются ўтром. Ўвэ́чар — деды́: а наза́ўтра — ба́бы. На ра́доницу хòдять на кладби́шчэ. А то ўже Трòе́цкие и мáсленые — тые ўже дóма. ВЖ.

РА́ДОЎНИЦА — годовой помина́льный день, вторник на Фоминой неделе.

Деды́ бу́юаюць ў пя́тницу чэ́рез год. Пэ́рви — на ра́дыницу, другí — на Трòйцу, трэ́ци — на мáсленой ў пост. ВЖ.

Ра́доўница — це́ для йих [для мертвых] пэ́разник, на кладби́шчэ хади́ли об'эда́ть. Хто голòсить, хто спива́э. Ра́доўница во втòрак пòсле Пáски на Фоминой неде́ли. ВЖ.

На Ра́доўницу на кладби́шчэ хады́ли. Ба́тюшка хады́в. По́пюць, Бòгу помòляца, да йдуць дадòму. Бу́ла на другíй ты́ждэнь во ўтòрок пòсли Пáски. ВЖ.

РОДИ́ТЕЛИ (Р), РАДИ́ТЕЛИ (ВЖ) — покойные.

Деды́ иду́ть [на поминки]; радíтели иду́ть; деды́ у кутòчку сидя́ть, на куту́. ВЖ.

Пòсле Пáски На́ўская пáсха у чэ́твэр. Пáсха числò не пилну́е. До родíтелей иду́ть на кладби́шчэ. Р.

У субòту нэ мòжно вíти. Помина́льна то субòта. [Обьяснение:] три рáза помина́ють ў году́ — пэ́ред Рожэ́ством, Трòи́цей, Пáской, [но мотать нитки нельзя каждую субботу] потому́ што родíтели умэ́рли. Р.

СВЯТА́ СМЕРТЬ — смерть от попадания молнии (О).

СИ́ТА. См. Кòливо.

СМЕРТЬ — смерть, кончина человека.

Бóжа смерть — смерть от удара молнии.

Як грóм у бьё — бóжа смерть, хату с того дэрэва нейзjá рóбыть, воно грóмом обошлó, нэжáлостно дэрэво, кáжут, там нэчыста сýла сидéла, лукавый там буў. О.

[СНÉДАТЬ]

Сне́датель несúць — поминки на второй день после похорон, когда совершается ритуальное угощение покойного на кладбище.

Якось похорóняць — на втрóрый день идúць поминáть — сне́датель несúць. Посне́даюць трóшки там, вýпьюць, так и кáжут: «До его идём и сне́даць несём. Он там ждэць». Б.

[СНÍДАНИЕ]

Иттí на снíданне — навещать покойника на другой день после похорон. См. Будить.

[На другой день нужно было обязательно навестить покойника. Это называлось «иттí на снíданне». Обычно выходили рано, часов в шесть.] Берúть кутю́ и идúть. [Приходили на могилу, крестились, кланялись, ели «кутю́».] Р.

СО́РОК ДЕНЬ, СО́РОК ДЭ́НЬ (Б, О), СО́РОК ДЭ́Н (Р). См. Сороковíны.

На сóрок день тóже вáряць сýту. Перш на клáдбище схóдяць, а пóтим дóма сне́даюць. Б.

Сóрок дэ́н спраўляюць. Р.

СОРОКОВА́(Я). См. Сороковíны.

[Поминки сорокового дня назывались «сороковáя». «Сорокову́ю» можно справлять на 3–5 дней раньше срока, но ни в коем случае нельзя позже даже на один день.] Р.

Сороковá. Знимáють вóздзх, поднимáють вóздзх на сороковóй. Нехáй ийдэ́ его душá на небеса́. Р.

Возду́шное [обычно делалось на] сорокову́ю. Р.

СОРОКОВÍНЫ (Б, ВЖ), САРАКАВИ́НЫ (ВЖ) — поминальный день на сороковой день после смерти.

Сороковíны. Здóймаут заздорбúно: полотно́ рэзали колíсь; кладúть хлэ́бец, берúть за крэ́чки и так три раз поднимáють, а он [поп] мóбица; батюшка полотно́ забираэ́. ВЖ.

Саракави́ны. Прыгатовя́т йижу. Хто хараны́ў — даюць подáрки: якíсь рушнычóк, платбóчек. ВЖ.

СУБОТА ПОМИНАЛЬНА(Я) — годовой поминальный день.

Три дня ў году. Основна субота ў пост, у пэрвы тыждень, то Збірна субота; другая субота на другом тыждне посту, Духова субота ў Зелену неділю. О.

Помінаюць ў Поминальные суботы. Пэрша на Зелену неділю, другая пэрэд Паскою субота, ў пост, постна субота, а та... непостна. Готваць стравы, погукваюць людзей, чи вэчэраць, чи абедать. О.

Поминальные суботы у нас. Главна — Збірна субота, як пэрвы тыждень на пост, Духова субота, то пэрэд Троицей. Дедоў помінаемо, кбливо робімо. О.

Поминальные суботы у нас. Главна — Збірна субота, як пэрвы тыждень на пост, Духова субота, то пэрэд Троицей. Дедоў помінаемо, кбливо робімо. О.

У суботу нэ мбжно вїти. Поминальна то субота. [Объяснение:] три рáза помінаюць ў годў — пэрэд Рожэством, Троицей, Паской, [но мотать нитки нельзя каждую субботу] потому што родїтели умэрли. Р.

СУХОЙ ЧЭТВЭРГ (СУХУЙ ЧЭТВЭР, СУХЫЙ ЧЭТВЭР) — четверг после Троицы (О). Полагают, что в этот день русалки прячутся в могилы. Ср. **На́вска Тро́ица, На́ски Велькдєнь**.

Сухой чэтвор [четверг после Троицы] — русалочки пэрэсушуюця и ховаюця у могілу. Провожаюць русалок. О.

ТРУНА́ (Б, ВЖ, О, Р) — гроб.

У труну́ мужыку́ кладуць хустку чи шо, коб передал чи тётцы, чи кому́. В.

Труна́. Труну́ несут ў хату [чтобы положить покойника]. ВЖ.

Ў труну́ кладуць шо стружат трэзочку, сена положить. О.

Стружки кладуць, доски стружат на труну́, тэи стружки. О.

Застыла́лы труну настб́льником чи полотѣнцем, под настб́льник — сена, стружак, шо гроб чыста́ць. О.

Рвуць тра́пки и завязывають. Як кладуць ў труну́ — развязывають. Кажуть, як болит ногá, чи рука́, трѣба тра́пкой тѣю з мѣртвого себе перевязáть. О.

Як ўже полб́жуть ў труну́, развязываюць но́ги, бо б́дет снїца: за шо ты спутаў менѣ на тот свет? О.

Вула́ у одной дочка́, заболела та вмѣрла. Сховалы́ ў веньчáнскому и т́хли — как кажутъ? — шпильки. Снїца она своей мáтери. «Мамо, паѣдь у то селб́, там парєнь б́де до нас иттї, пэрэдáй та́почки мне». Ўра́нци пошла она до дирѣктора и каже: «Так и так, шо ж робить?» А та ей: «Еды!» Вона и пойхала. Вста́ла на стáнции и пытае — нѣмае покб́йника. Тут одзин кае: «Есть молодой пáрєнь

з армии». Вона пойшла, егó батькам расказа́ла, оддала йим та́почки, воны (обещали), шо полóжуть ў труну́. На другий день знов сніца дочка́ и ка́же ей: «Спасибо, мама». О.

У нас ка́жуць труна́. Да́же и пі́сню ба́ба нам спива́ла:

*Каб я зна́ла, ко́ли бу́ду умира́ти,
Посла́ла б майстро́ў вора паруба́ти.
И зрубáли вора да и попилова́ли,
И зроби́ли труну́ да и помалява́ли.
Стала труна́ 24 гóды,
А на 25-ым да и загавари́ла:
«Чи менé рубáйтэ, чи ты́ло дава́йтэ». Р.*

УМЭ́РТИ. См. Помэ́рти.

ХОМИНА́ ПА́СКА — поминальный день, воскресенье на Фоминой неделе. См. Прóводы.

Хомина́ нэди́ля. Хомина́ па́ска, кажут — у нэди́лю. Дарнік пэ́кли — нэвэ́ліку па́сочку и одава́ли у цэркву. Хомяна́ — так то Дарна́ нэди́ля. Кóжин подході́л до ба́тюшки и кóжнаму по кусóчку [давал от дарника]. Проводы́ — у понэди́льник. Тут обща́лися цэ́лый ты́ждень [с покойниками] и у понэди́льник их прова́дили. На проводы́ кача́ли на мо́гилках кра́шенки, раздава́ли лю́дям. О.

ХОЎТУ́РЫ — похороны.

На хоўту́ры шли, дак «зра́сте» не говори́ли. ВЖ.

А. А. Плотникова

ХЛЕБ

Фрагмент полесского этнодиалектного словаря, описывающий терминологию и фразеологию, которые отражают обрядовое и магическое употребление хлеба, а также его символику, частично затрагивает такие сферы культуры и быта четырех полесских сел, как повседневный рацион (традиционное питание), хлебы, приготовляемые в календарные праздники (в зимние и весенние по преимуществу), и свадебная выпечка. Другие обрядовые комплексы традиционной культуры, включающие в свой состав обязательную трапезу (родинно-крестинный, похоронно-поминальный, жатвенный, скотоводческий), практически не дали самостоятельных материалов (лексических и фразеологических единиц, обозначающих хлебы).

С точки зрения соотношения повседневных и обрядовых хлебов и тестяных изделий, этнодиалектный материал можно разделить на две части. Он включает в себя: 1) названия повседневных хлебов, иногда используемых в ритуальных и магических целях; 2) названия специальных обрядовых хлебов и изделий из теста, приготовляемых к календарному празднику или свадьбе. При этом если вторая группа (терминология обрядовых хлебов) вполне самостоятельна, то границы первой оказываются достаточно зыбкими. Это связано с тем, что практически каждый из повседневных хлебов может дополнительно использоваться в некоторых обрядовых целях. Например, судя по материалам словаря, корж как вид повседневного пресного хлебного изделия известен по всему Полесью, однако на Ровенщине он, помимо всего прочего, используется в андреевском обряде «кусания калиты» (*тягать коржа зубами*).

Состав календарных хлебов и их названий в основном зависит от системы календарных праздников и приуроченных к ним обрядов и поверий (ср. *колядники* 'хлеба, выпекаемые в дар обходникам', *буслови лапи* 'фигурные хлебцы, выпекаемые к Благовещению в связи с прилетом аистов', *дарник* 'пасхальный хлеб, раздаваемый в церкви в Дарное воскресенье', и т. д.). Что же касается свадебной выпечки, то она в массе своей «сконцентрирована» вокруг свадебного пира. Главным обрядовым хлебом повсеместно в Полесье является каравай; в качестве украшений для него в разных местах выпекают фигурные хлебцы и печенья (ср. **БОЧКА**, **ВЭРЧ**, **ГОЛУБИ**, **КВИТКИ**, **КОСА**, **ПЛЕТЁНКА**), а в качестве дополнений — хлебцы типа «шишек».

Фонетические, словообразовательные, графические и иные варианты наиболее часто встречаемой лексемы входят в состав заглавного слова и даются в скобках, например: **БОРОНА́** (**БОРО́НКА**). Помимо названий повседневных и обрядовых хлебов в словарь вошли отдельные лексические и фразеологические единицы, отражающие важные аспекты традиционного отношения к хлебу и обращения с ним. Так, несколько лексических единиц обозначают хлебцы, выпекаемые из остатков теста (ср. **ПОШКРО́БУШКИ** и др.) и наделяемые особыми продуцирующими свойствами. Сходные значения приписываются и хлебной горбушке (ср. **ГОРБА́ШКА**, **ОКРА́ЙЧИК**, **СКЫ́БКА**). Особый магический смысл имеет хлеб, забытый хозяйкой в печи (см. **ЗАБУ́ТНЫЙ ХЛЕБ**, **ЗАБУ́ДЬКО**), и хлеб, найденный на дороге (см. **НАХО́ДНЫЙ ХЛИБ**).

Что касается ареального аспекта представляемой ниже этнодиалектной лексики, то при наличии определенного числа общеполесских лексических единиц (см. **БУ́ХОНЕ́Ц**, **ВАРЭ́НИКИ**, **ЗАБУ́ДЬКО**, **КАРАВА́Й**, **ШЫ́ШКА**, **ПА́СКА**, **КОРЖ**, **ПИРО́Г**, **ХРЭ́СТ** и др.), значительная часть «хлебной» лексики имеет более узкое диалектное распространение (причем это касается как повседневных, так и обрядовых хлебов). Материал четырех полесских сел не позволяет в каждом конкретном случае с уверенностью говорить о диалектном характере той или иной лексической единицы или в целом оценивать состав западно- или восточнополесской лексики, относящейся к хлебу. Единственное, о чем можно судить наверняка, так это о специфике некоторых западно-белорусскополесских названий календарных хлебов, заметно выделяющихся на общеполесском фоне (ср. **БОРОНА́**, **БУ́СЛОВИ ЛА́ПИ**, **БУ́СЬКА**, **ЛА́ПИ**, **ПЛУ́Г**, **РОСНЯ́НЧО́К** и др. с пометой «зап.-бел.-полес.») и обусловленных календарной обрядностью этого региона Полесья.

БА́БКА — круглый свадебный хлеб.

[Кроме каравая на свадьбе пекли] пироги́ [в виде буханок хлеба], бабку на бляси (противне) — [круглый, овальный пирог]. Р.

БЛИ́НЫ (**БЛИ́НЦЫ**) — жареные пресные или кислые изделия из ржаной, пшеничной или гречневой муки. Упоминаются в легенде о хлебном колосе. Ср. **Корж**, **Мли́нцы**.

Була́ та́я жэ́ншчы́на. Печэ́ бли́нцы. И так бу́ло, звало́сь, шо бы́ў та́кий хлїб, як і грэ́чка. И велі́к ко́лос. Печэ́ бли́ны і рэ́б'ёнка вді́ць.

Дак она́ тогó блина́ [взяла], да дитя́ вма́залось, и дитя́ обтёрла и ви́кинула за порог. И с тых пор ста́ло оди́н колосок, ста́ло по однёму колоску́. ВЖ.

БОРОНА́ (БОРО́НКА) — фигурное печенье в форме бороны, выпекаемое к Благовещению, зап.-бел.-полес.

На Благовішчэнне пячуть, рблять брону с хлеба, и плуга. Р. Благовісник. Пэкуть лапи, брону зрблять из теста. Р.

БОХОНЕ́Ц (БУХА́НКА, БУХО́НЧИК) — повседневный хлеб круглой формы или формы «кирпича». Обычно перед посадкой в печь обтирается водой. Иногда использовался в ритуальных целях: при сватовстве, выборе места для закладки дома, при встрече новобрачных после венца, в ритуальном кормлении скота, во время засева, новоселья и т. д. Ср. Кули́дка.

[Во время сватовства] беруть булку хлеба, матують рушников [заворачивают в полотенца]. Бухонёц, що сваты́ приходи́ли с вѣд-кою, режутъ всѣм. Вухончика по кусочку дають. Б.

Як привезэ молоды́ невесту до хаты, то выходить маты егó з хлебом из хаты, з боханкою и гóвóрить: «С чѣм ты до мѣнѣ приѣхала?» А я кажú [невеста отвечает]: «Приѣхала з хлебом и солью, с щастьем и с дблею». Я переходю чѣрез порог переступаю, у менѣ у кормане жѣто, я кинула так [вперед] и чѣрез гóлову так [назад] три рáзы. Б.

Як повѣчэрають [на Новый год], то беруть буханэц хлеба, свѣтять свечку и йдуть ў хлэв до корóви. И як прѣдуть ў хлэв, да корóва лежить на ўсход сонца гóловю, то ўранци отѣлица; як на серэдня — то ў дэнь, а як на пóлночь — то ў ночь. Б.

[Когда сеять идешь] хлеб — цѣлий боханец трэба брать у корóбку [где лежит зерно]. Б.

Як хату робыть, кладуть дошки и боханэц хлеба. Як он цѣлий будэ, то там дóма ставлять, як раскѣдае шось, або сѣйст, то нэ ставлять. Шось лякать бúde. Б.

Як идуть [в новый дом], то беруть бохончик хлебу и так каже: «На старóм дворѣ, а у новóй хатѣ, штóб щасліва жѣтка была». Б.

БО́ЧКА (БО́ЧЭЧКА) — фигурное украшение на свадебном каравае. Предназначается для одаривания гостей и участников свадьбы.

Звѣзываютъ лóжки и кладуть на бóчки (це караву́ай доўгий), а ўони [молодые] их сáми развѣзываютъ. О.

[Украшение каравая]: Шышки и бóчэчки на корóвай клáли. О.

Бóчка — однá вѣлыка, чѣтырэ малѣньки — на караву́ай клáдзца. Вѣлыку бóчку молодá раздаѣ на дру́ги дэнь свадьбы и свѣкру́хи. О.

БУ́ЛКА — круглый пшеничный хлеб, обычно выпекаемый к празднику.

Из пшэничной муки бұлки пяком к Пасце — ўсякие мжно; пеклі ў мйсце. ВЖ.

БУ́СЛОВИ ЛА́ПИ — фигурное хлебное изделие, напоминающее аистиную лапу и выпекаемое к Благовещению или Средокрестию, зап.-бел.-полес. Ср. **Ла́пи**.

Бўслови ла́пи у нас пэчю́ть на Крэ́сти [Средокрестье], такі прэ́зник е... да пэчю́ть такіе ла́пи, с хлё́ба. Прэ́сто такі за́кон [не для встречи аиста]. Р.

БУ́СЬКА — фигурное хлебное изделие, условно повторяющее форму аиста (с лапами и клювом) и выпекаемое на Благовещение, зап.-бел.-полес. См. также **Бўслови ла́пи**, **Ла́пи**.

На Благовйшчэ́нне... беру́ть лóжку ци вй́лку и наре́зають ла́пу, бўську пэчу́ть: дэ́жба рóблять, и ла́пы, усé. Р.

ВАРЭ́НИКИ — повседневные вареные тестяные изделия. Используются в гаданиях или приготавливаются в качестве обязательного ритуального блюда (в день Сорока мучеников, в Варварин день). Ср. **Галу́шки**.

На Варва́ру бра́ли варэ́ники да кй́дали их ў ле́се на пчёли. Дэ́ попаде́ на хвойну, то там [ставят улей] шоб пчёли сида́ли. Б.

На Варва́ры варэ́ники варй́ли. ВЖ.

Сóрок святы́х, 40 варэ́ников лэ́пят. О.

ВЭ́РЧ — маленький свадебный пшеничный хлебец (круглой или продолговатой формы) с «шишкой» наверху. Используется в разных эпизодах свадебного обряда.

Карава́йчик с шы́шечкой маленький — вэ́рч. Дру́жкам вэ́рч даю́т, купля́ют молодую́ с тэм вэ́рчэм. Вэ́рч — бую́чка довге́нька. О.

Вэ́рчи пэ́кли — обыкнове́нна бую́чка, [небольшая], навэ́рх шы́шечку [украшение из теста]. Прывэ́ззую́т скры́ню, скупля́ють ту скры́ню, выпью́ть, вэ́рчэм заку́сують. О.

ГАЛУ́ШКИ — повседневные вареные тестяные изделия. Готовятся в том числе и качестве обязательного ритуального блюда. Ср. **Варэ́ники**.

Сорокй́. На сорокй́ э́то мы пеклі́ не́што, такіе галу́шки варй́ли. Р.

Сорокй́. Галу́шки ва́рать. Сóрок галу́шок рэ́жуют. Р.

ГОЛУБИ́ (ГОЛУБЦЫ́) — фигурки в виде птиц, помещаемые в качестве украшения на свадебном караваяе.

[Украшение караваяя]: Квитки з тїста и голубцы́ лэпили, хрэт лóжиця и на спуд [под крестом в середине] грóшы лóжили. О.

Коровай такый довгáстый. Голуби́ по краям и шышки. О.

Як лóжать у печь — запаливали свечи по углам караваяя. Як вына́ють з печі, на стол ставяць, платки лóжать, грóшы на каравай. Шышками укрáшають, голубя́ми. Ставяць перед молоды́ми. О.

ГОРБА́ШКА (ГОРБА́ШЕЧКА, ГОРБУ́ШЕЧКА) — кусок хлеба, отрезанный от края. Используется в скотоводческой магии, при выборе места для закладки дома, в качестве оберега на свадьбе. Ср. **Окра́йчик, Скібка**.

Як я б́уду годова́ць кабанá и пёршы́й раз загона́ю его ў хлив — беру́ горба́шку хлеба, сыпе соль на це хлеб, бере з дэ́жки ве́чку и ўсе́ несé на порóг — да на порбзе положу́, шоб каба́н переступаé. Б.

Кладу́ць такú горба́шечку хлеба, и там уже подклада́ють, и там уже накрыва́ють чім-такім хлебéц той, чи он б́удэ мо́крий, чи мо́же он спотнеé, то значит сы́ро у хáте б́удэ. А які съе́сть хто, то значитьца погáно совсэм. Б.

Як е́дуть до в́анчання, до цэ́ркви, то рэ́жуть горбу́шечку, сы́плюць соль, в́еэжжае через мост и ќидают на росхóдных дорóгах, а як нэмá моста, то так ќидають [на перекресток]. Ба́ба, котóра йде рушныкá подстыла́ты, та и ќидае. Б.

ДА́РА (ДАРНІ́К) — пасхальный хлеб, раздаваемый священником по кусочку прихожанам в Фомино воскресенье (*Дарна неделя*). Его сохраняли дома и использовали впоследствии в качестве лекарства, оберега при грозе, при закладке и строительстве дома, давали рекруту, отправляющемуся на войну.

Проводна́ нэдáля — [воскресенье]. [Нельзя было] ўсё нэдáлю робіты. Даю́ць да́ру [хлеб, освященный в церкви]. [Этот хлеб нужно хранить. Его дают больным.] Р.

Дара́ — на Паску пэ́чуть хлеб такэй. [Святят в церкви и священник даéт кусочек с собой.] Тай кусóчек храня́ть. Як грэмíть, на окно́ лóжать, якóе гóрэ, так покúшають. Р.

Дару даю́ть, коли идúть у салда́ты, ушыва́ють у карма́н. Р.

Як хáту рб́лять, вот э́ту дару́ [испеченный на Паску хлеб] лóжать, шчоб богáта хáта була́ хлебом. Р.

Хомяна́ нэд́йля. Хомяна́ пáска, кажут — у нэд́йлю. Дарні́к пэ́кли — нэ́вэ́лыку пáсочку и отдава́ли у цэ́ркву. Хомяна́ — так то Дарна́ нэд́йля. Кóжин подході́л до ба́тюшки и кóжнау по кусóчку

[давал от дарника]. Проводы — у понэдільник. Тут общались целый тѣжденъ [с покойниками] и у понэдільник их проводили. На Проводы качали на могилках крашенки, раздавали людям. О.

ДАРНИК. См. Дара́.

ЗАБУ́ДЬКО (ЗАБЫ́ТЬКО, ЗАБУ́ТНЫЙ ХЛЕБ, ЗАБЫ́ТОЙ ХЛЕБ) — хлеб, забытый в печи. Широко использовался в магических целях: его давали родственникам умершего, чтобы они поскорее забыли его; больному для выздоровления; в качестве оберега. Забытому в печи хлебу придавались символические значения. См. Незабудько.

Забудько на всё дают, бо вон добрый. Як горе, то дають, щоб забувалася [забыла покойника]. И товару дають: котóra корóва утекае, то дають, щоб забувалася, у хлѣви [оставалась]. Б.

[Буханки, забытые в печи, съедали], а як пирожкѣ — одѣн — ў печѣ [забудут], то нэ едять. То забытько — одають свѣням, соба́ци. [От него] врад, [если съешь], будэш усэ забува́цца. Б.

Забутный хлеб. Малярійному дають, щоб пожэваў. ВЖ.

Забудько. Як забула хлѣба, и як прóсо сиялы, а той хлѣб по углах закоповали. [Приговаривая:] Як я забула хлѣба у пѣчѣ, хай забудуть воробѣи есть прóсо у стога́. О.

[Хлеб, забытый в печи:] Забутного хлѣба нэ трѣба ѣсты молодѣ, бо нэ бѣдут свѣтать. О.

Забудько, казали. Хлѣб не зять, як случѣться, так поедять. О.

ЗАБУ́ТНЫЙ ХЛЕБ. См. Забудько.

КАЛЯДНИКѢ (КАЛЯДНИ́К, КАЛЯ́ДНИЧКѢ) — булочки или пирожки, которые пекли в дар колядникам, зап.-бел.-полес. См. также Млинцы́.

Пирага́ харóшые пѣклѣ. Да з жѣтнего напечѣм (колядником да и нам). Калядникѣ (бу́лки) надо спѣктѣ калядником. Шчо́б не ма́ло. Кру́гленьки. Р.

Пирага́ дадуть, сала́ дадуть [колядующим]. [Пирог «калядник» давали только колядующим; выпекались на Рождество.] Р.

Калядничкѣ такѣе прадаўгавѣтенькѣе пѣклѣ [и давали колядующим]. Р.

На Ражэ́ство пѣклѣ, на Срѣ́тенье, на Хрѣ́сти. На Ражэ́ство каля́днички пѣклѣ. Як астаю́цца — карóви [давали]. Р.

КАРАВА́Й (КОРОВА́Й) — главный свадебный хлеб круглой формы. Обычно поверх каравая помещали разнообразные фи-

гурные тестяные украшения. Приготовление каравая, а также его разделение и раздача гостям на свадебном пиру были тщательно регламентированы и ритуализованы. См. Бочка, Голуби, Коса, Плетёнка, Шышка.

У девич вѣчер [девичник] маладыѣ байре ѣздили до маладой [и пели:]

*Пайдэм на дивич вѣчер,
Там нам каравай спѣчэн,
Хочь спѣчэн нэ спѣчен,
А мы ѣдем на дивич вѣчер.* О.

Ставят [каравай] перед маладыми. Начинают резать. Кажут пригаворку:

*Благаслави, Боже
И атец и мати
Сваѣму дитяти
Каравай начать.*

Даруют усех гостей. Гости грошы лѣжатъ. О.

Як раздѣют каравай, дак пѣли:

*Ой, хто ўпадѣ,
Шчо ў нашом каравѣе,
Из трох езѣр вадѣ,
Да с трох ярѣў мукѣ,
Да с трох карѣў масло,
Да яиц палтарѣста.* ВЖ.

Цей же вѣчер лѣпятъ каравай и шышки, а тады спѣвають:

*Ой лѣпылы шышки мы лѣпылы,
Да Дуная пѣ воду хадѣли,
А з нами Дунѣй гаварѣл:
Нэ берѣте вадѣ з Дунѣю,
Я вѣшого каравѣя нэ зная.
А бэрѣте вѣду с крыницы
Лѣпѣть каравѣй с пшеницы.* О.

Як караўай замѣсят, так дежку падкидѣют у виѣрх вѣтвѣрѣм и спивѣють... И тады ж цѣлююца нахрѣст, а тадысь и караўай станѣвят. О. [Свадебный каравай, украшения:] Шышки. Винаград. Бочка. Плетѣнка. Голубѣй. Горящие свѣчки. О.

Як каравай ўнѣсятъ ў хату, так ў двѣрѣх быють. Дружко несѣ каравай, а другѣй крѣст накрѣст бѣет вилачкѣй [т. е. ухватом] и прыказывае: «Разрѣшы каравай унести». О.

Маладых завѣдятъ за стол, а тады караўай нѣсуть и ўпѣрѣд адын идѣ и бѣе качѣргѣй хрѣст нахрѣст и кажѣ: «Благаслави, Бѣжѣ, караўай унести ў хату», и так дѣвятъ раз. О.

Маладая сабэ печэ, маладой сабэ. Як канчаёцца свадьба, тада нэ мяняюцца, рэжуть дэўчын — дэўки. [Женихов — мужчина. Он] сажэй мажэцца и цалуёцца [когда наделяет караваем] з жонкамі, а ваны пишчат, нэ хочуть, бо памажэ сажэй. У караваі шышки з лозі: тройная и двэ двойных [по два цветка на ветке, чтоб] ў пары були; [ветки обматывают фольгой. На каравай] лэнты и кósники абязвали густо. [Шелковая лента с украшениями из разноцветной бумаги.] Р.

Каравай свадьбяный. Р.

КАЧАТЬ ХЛЕБ — катать по телу больного хлебный мякиш, чтобы тем самым «снять» болезнь.

С хліба гарбышок наробиш, пакачаеш ў руках по тэйм барадаўкам, трэба пакачаць и кінуть на пэрэхрэст дарог, або памыць ў водэ [горошинки] и вьлиць. Хто пэршым наступить, на тогб и перейде. О.

Качали и яйцэ и хліэб ат сучо́го вьмьяни [название болезни. — Т.А.] вькатыш и пакачаеш и тры кусочки и на пэрэхрэсну дарогу. Пакачаеш да сучке кінэш криз вара́та. О.

Качають качалками з хліэба, як балэзэ яка. О.

КВИТКІ — украшения в форме веночка на пасхальных хлебах и свадебном каравае.

[Пасху украшали цветами, шишками, венками]. Квиткі такіе робьё с тэста, шышкі, да сажаю. [Для веночка раскатывали длинную узкую полоску теста] да нбжычком одну бóку порэзала-порэзала, да накра́ла. Б.

[Украшение каравая]: Квитки з тьста и голубцы лэпилы, хрэст лóжиця и на спюд [под крестом в середине] грóшы лóжили. О.

КОРЖ (КОРЖИК) — плоский пресный хлеб из ржаной, пшеничной или гречневой муки. В украинском Полесье используется в гаданиях и обряде «кусания калиты» в день св. Андрея (30.XI), когда посредине избы привешивали на веревке корж и все парни и девушки по очереди пытались откусить от него кусок, не прибегая к помощи рук.

На Ондрэя пампушкі, коржі пеклі, кла́ли на подлóзи. Як соба́ка скорійше котóру возме́, та дивчы́на пэрша за́миж пийде. Б.

На Ондрэя печу́ть дивча́та коржі, черни́цы тудá сы́пьють, ма́ка сы́пьють, тогб коржа́ чепля́ють на ба́лька, берутъ тэ кочергу́, сида́ють на кочергу́ да доста́ють зу́бамі. Б.

На Ондрэя пеклі коржі с пшени́цей, шоб хлóпец [подъехал] на ко́цубэ и зу́бамі ўзяў, а як усмехну́лся, то ўже обма́жуть геть йогó котóра гли́ною, а котóра са́жаю. [Когда хлопец едет на кочерге, происходит

следующий диалог]: «— Дэ ты буў? — Ё млинэ. — Шо робиў? — Мо-
лол мукú, шоб с тэй муки спекли пироги. — Засмейся! — Нэ хочú». Б.

На Ондрэя печуць коржы, на матузочку на стóлю вéшаюць.
Хлопци и диўчата збираюця. Хлопци едуць на коцюбé (кочергы) ў
круг дома, [затем] тягаюць коржа зубáмы. А деўки го смешаць: ко-
тóрий засмеéця, того деўки ма́жуць са́жою. Б.

КОСА́ (КОСКА) — плетеное украшение по краю свадебного каравая.

Рéжут на листóчки, скáчивают шы́шки, кругом корова́я ко́су
[из теста] плетúть. Б.

Шы́шечки порóблять да и прили́пають на тэй корова́й. Ко́льки
хто хотeў. Ко́су сплетáють [ободок]. Из тeста сплетáш. Р.

КОТЯ́ЧЫЙ ХЛЕБ (ср.: Соба́чий хлеб) — хлеб, оставленный
Богом для кошек и собак, которым кормятся также и люди
после того, как они были наказаны Богом (легенда).

Жывём на соба́чэм да котя́чэм хлeбе.

Буў хлеб: жы́то не е одním колоскóм, а вéтка — як грóчка. Такie ко-
лосы́, тóлько бы́о гу́сто. А ми жывём с соба́чим и котя́чим хлeбом. Ну
дак жéншчына печéт млинцы́, а ўхóдит дeд ў хату: «Здрáствуй... там...»
И попроси́ там ё́сти, млинца́. Она́ взяла́ того млинца́ да дитя́ там сто́я-
ло, дак она́ жо́пу ёму обтёрла, да дала́. А то буў Бог. Ну ён кáжэ: «Да не
бúдете и вы е́сть». И шоў на двор и казаў: «Не бúдете вы е́сти». И не ста́ло
кóлоса. Тут ста́ли коты́, соба́ки мявкaть, проси́ть хлeба у Бóга. И вьпро-
сили у Бóга колосóк. Дак мы жывём на соба́чэм да котя́чэм хлeбе. ВЖ.

КРА́ЙЧИК. См. Окра́йчик.

ЛА́ПИ (ЛА́ПИНЫ) — фигурное печенье, повторяющее форму
руки или аистиной лапы и выпекаемое на Благовещение,
зап.-бел.-полес. См. также Бúслови ла́пи, Бúська.

Благовéшчэнне. Пячу́ть ла́пи — такi бы две ладóни. Р.

[Благовещение.] Пичу́ть ла́пины, тры бeлые ла́пи. [Эти хлебцы
имели форму кисти руки, отсюда и их название.] Р.

ЛА́ПИНЫ. См. Ла́пи.

ЛИСИ́ЧКА ДАЛА́/СПЕКЛА́ — так говорят о хлебе, не съе-
денном во время работ в поле или в лесу и принесенном домой
детям в качестве подарка «от лисички (зайчика)».

Три недéлы прóйде пóсту, потóм бúде Хрeсна недéля. Ко́лись
пекли такi хресци́, и як гониць худóбу пeрвы́й раз весно́ю — берé

того хрестá; едуць у по́ле ора́ць, се́яць — то́же беруць, едуць пчол поглядаць весно́ю — то́же беру́ць. Того хрэсчыка домо́й прыно́сяць, дэ́тям ма́лым каю́ць — то́бе лиси́чка спекла́, чи за́йчик. Б.

Хрэсна́ середá — печэ́мо хрэ́стки, тоды́ бэрэ́мо хрэ́стика — ёго трэ́ба даць ў ле́си това́рцу трóшки да йше и до до́му прыне́сти да йше и дэ́тям даць, [сказа́ть], шо лиси́чка дала́. Б.

МЛИНЦЫ́ — вид пресных жареных тестяных изделий из ржаной, пшеничной, гречневой или ячменной муки. Приготавливаемые в канун Нового года, млинцы служили для одаривания обходников, ритуального кормления скота и т. д. Ср. **Блины́**.

[Выпекаемые на Щедрую кутью, в канун Нового года] млинцы́ — вэ́чкам [отдают], шчо́б бога́тые бу́ли вэ́чки. Р.

У Шчо́дрыка хо́дыли дэ́тюки спэ́ва́ти. И спэ́ва́ли и им хлеб дава́ли. И бы́ало, назбира́ють мешко́ў три, это на шчо́дрыка. То на шчо́дрыка ў́же ба́ба пэ́чэ млинцы́, и им выно́сят, дае́ть ужэ́. Р.

МЫ́ШКА ВЫ́СКОЧИЛА — о корке хлеба, лопнувшей при печении.

Если вы́скочила мы́шка [лопнула корка хлеба при печении], от- дава́ли дэ́тям, шоб бы́стро бе́гал: «На! Бۇ́деш та́ки мото́рни!» ВЖ.

НАХО́ДНЫЙ ХЛИБ — хлеб, найденный на дороге и принесенный домой.

Нахо́дный хлиб [если где-то на улице кусок хлеба найдешь] — маля́рыю лечы́ли: размóчвали и ку́шали. ВЖ.

НЕЗАБУ́ДЬКО — хлеб, забытый в печи. См. также **Забۇ́дько**.

Незабу́дько. Боя́лысь йисты то́го буханца́. Одава́ли сви́ням. [Е- ли съешь], забува́цца будеш. Б.

ОКРА́ЙЧИК (ОКРА́ЕЦ, КРА́ЙЧИК) — половина или часть хлебной буханки (с коркой). Использовался в магии, в основном — в продуцирующих целях (с ним обходили посевы, давали скоту при первом выгоне и т. д.). См. **Горба́шка, Ски́бка**.

На Ю́рья мой ба́тька берэ́ хлеб под пах [под мышку], оберта́ў полотэ́нцэм, иде́ круго́м жы́та хо́дить. Обхо́де, похо́де — побáчить, як хлеб расте́. Окра́йчык хлё́ба браў. ВЖ.

Бо́роду вяза́ли: трэ́б знайты́, де з одно́го зерне́тка три ко́лосы ра- стۇ́ть,okraйчик хлё́ба тудá [положить и щепотку соли на него] и красной ни́той зв'язáть. Так и остаўля́ли [в поле]. ВЖ.

Трэ́б аткра́йчик кули́дки да́ти [скоту при первом выгоне]. ВЖ.

Карове скармливали крайчык хлеба, шоб йона́ добра́ дойлась. ВЖ.

Як насу́ть хрэсьты́ть [ребенка], ба́руць акра́йчык бу́лачки и па́р-
ваму ўстри́чному аддаю́ть. О.

ПАМПУ́ШКА (ПОМПУ́ШКА, ПОМПУ́ШЕЧКА) — круглые небольшие пирожки с начинкой. Часто выпекаются из остатков теста. На Ровенщине использовались при гаданиях и в магии.

Пампу́шки — с хлеба, кру́глые пирожки [с начинкой] из жы́тней мукі; из пшэ́нчна́й бу́лки пако́м к Па́сцы — ўся́кие мо́жно. ВЖ.

На Но́вий год печу́ть 5 пампушо́к, по́ложуць о́дно ко́ло дру́гой. Як саба́ка возме́ да пойдэ́ до печи, то [замуж не выйдет, а] нагуляе дитя, а як пид стол, то вийде́ та дивчина за́миж. Б.

На Андре́я пампушкі́ пекли, клали на подло́зи [на полу в хате, где девушки собирались]. Як саба́ка скорі́йше ко́рому взме́, та дивчи́на па́рша заму́ж пийде́. Б.

Се́ на Но́вий год деу́чата печу́ть пампушкі́ о́дну на себе́, о́дну на хло́пца, да пуска́ють на во́ду. Як зойду́ться до кúпы — то сыйду́ци [девушка с парнем], як розбйду́ця — то ўсе́. Б.

Спечі́ пампушкі́ такіе, хлэ́бци из ве́рхней мукі́, возмі́ четы́ре шту́ки, да на всех четырёх углах по́ложы́ть, як бу́дуць ла́заты мура́-хы, то до́бре мэ́сце. Если съел хто, то зна́чит, пога́нэ. Б.

Печу́т помпу́шечки, пирожкі́ такіе, да тру́сяць ма́ком, са́харом, ме́дом и как наза́втра мо́лоде́ц еде́ до дэ́вки, то забира́е пирожкі́, шоб там уже́ ели [у тещи]. Поразла́мываю́ть, як не хвата́еть, по тро́шку раздаю́ть [родне]. Б.

Тро́хе оста́ётся, так по́ложишь што-нибу́дь, да и пекáешь пампу́шечки, греча́ник. О.

[Маленькая булочка:] Кру́гленька пампу́шка, чи у пра́знык, у на́длію ро́блять. Пра́ты на́дїли хлиб кладэ́ца на стул и нава́рх сил. О.

ПА́СКА — пасхальный пшеничный хлеб (аналог русского кулича). Остатки «паски» использовались в магических целях (для избавления полей от сорняков, для ритуального кормления скота).

Як сею́ць лён, то шкорлупкі́ из яэ́ц, што на Па́ску кра́сяць, и па́ски тро́шки и со́ли свячо́ной, розно́сили по па́шнях сих и по ле́ну и по коно́плях. Б.

Подку́рвали [дежу], як памыю́ть, як паска ўсходи́ть, жарку́ [цветок] тро́хи и свэ́чки з во́ску [любой]. О.

У нас калі́с, як го́нят на па́шу, ба́руць ва́рбїцу, шо свята́їли ў Ва́рбну, хли́б па́ску аддава́ли каро́уе, шоб уро́ки нэ́ напада́ли. О.

ПИРО́Г (ПИРОЖО́К) — небольшой хлебец с начинкой, обычно выпекаемый по праздникам и воскресным дням. Ср. *Пампушка*.

Шчадрова́ли де́ти. Як шчадрю́ють, дак шчадро́ўка, де́цкая шчадро́ўка. Дак ён прі́де пуд окно́ да и ка́же:

Коляды́н, коляды́н.

Я у ба́цька оды́н.

Коротэ́нький кожушо́к.

Да́йтэ ме́не пирожо́к.

Добры́й ве́чор, лю́ди до́брыя. ВЖ.

Колы ча́сна не́вэста — пироги печу́т [наутро после брачной ночи]. Б.

На Шчо́дрика садо́вину обўя́зывали, бо на той год заробіть бога́то. Сам хозя́ин возьма́ бу́лку, пирога́ под ру́ку [за пазуху] да и пошо́ў. Около́ту (жы́то) возьма́, жмачо́к со́лома скру́тить да и ўсе́. [Пирог] наза́д прине́сэ. [Пирог] обмо́тывали у рушні́к, як хто. Р.

Пиро́г заховале́ся — «пирог спрятался»; обыча́й Ю́рьева дня, когда в молодые всходы зерновых культур клали пирог (хлеб) и примечали, закрывают они хлеб или нет. Если пирог мог «скрыться» во всходах, то ожидали хорошего урожая.

То ж на Ю́рия в жы́то иду́ть, пирога́ кладу́ть. Вэру́ть пиро́г хлёба, таки спэ́чэны длі́нненьки. Узёў и пойшо́ў. Если ўзошло́, шо пиро́г захова́ўса — значіть урожа́й. Пирожо́к до́ўгеньки. Р.

На пэ́рожое [идти] — ходить к родителям молодой на пирог через неделю после свадьбы.

[Через неделю после свадьбы гости идут в дом к родителям молодой, где она угощает гостей специально испеченным пирогом]: Ты́ждэнь прохóдыть, на пэ́рожое иду́ть. Она [молодая] до своёй ма́ти нэ́сэ пирогі́. О.

ПЛЕТЕ́НКА, ПЛЕТЕ́НОЧКА — две-три перекрученные тестяные полоски или колбаски, используемые в качестве украшения на свадебном каравае.

Плетё́нка. О.

Шы́шечки поро́блять да и прилі́пають на тэй корова́й. Ко́льки хто хоте́ў. Ко́ску сплета́ють [ободок]. Из те́ста сплетэ́ш. Плетёночку таку́ сплетэ́м. Р.

ПЛУГ (ПЛУЖО́К) — фигурное хлебное изделие в форме бороны, приготовляемое ко дню Благовещения, зап.-бел.-полес.

На Благови́шчэ́нне пячу́ть, ро́блять бо́рону с хлёба, и плу́га. Р.

Сорокі́. Пэ́ку́ть 40 галу́шек, ро́блять борні́ки, плужкі́ [из теста. Хлебцы ели сами.] Р.

ПОДРУЧНИКИ — небольшие свадебные хлебцы, зап.-бел.-полес.

Пекли подручники, якие молодым трэба было сьісьці, коли ёны прйдуть з цэрквы. Р.

[Кроме каравая на свадьбе пекли] пироги [в виде буханок хлеба], подручничкі [маленькие лепёшки]. [Их] завязывают у платочок и чепляють на ливую руку нивісткі [чтоб правой рукой она могла креститься в церкви]. Р.

ПОЛЁНИЧКА (ПАЛЯНЫЦА) — небольшой повседневный хлеб. На Черниговщине их клали поверх рождественского снопа, стоящего на святках в красном углу.

Заходять Коляды, беруть сноп сена да скрютую кортэника с сена, [свяжут] да кладуть на лаўци, да накривають, [на то сено уже] кладуть полёнички [и кутью ставят. Тот сноп не развязывают. Лавка стоит] от так ў покути. Б.

Сухое сено на лавци [сноп ставили], дак тудá полёнички [клали, как испекут]: звязуть куртэныком ў снопочок на Коляды, ставлят на лавци, настольнымом застилають и хлеб туда кладут. На стол стэлют сено, настольнымом из лёна покрывають. Од Коляд до Новаго году лежйт. Щоб добрый лён рос, щоб був богаты́й стол, щоб нэ голый був. Б.

Шчадрёўки — дэти шчадроўаць хады́ли:

Ходит Илля на Васыля,

Носит пугу

Житаную.

И сюды махнэ,

И туды махнэ,

А пугою

Жито ростэ.

Жито, пшеница,

А нам дадына шче й паляныца.

Добры́й вечор,

Выносьте кускі.

Ўыносьаць куску. Ў ка́ждой ха́те — свою. ВЖ.

Як покыйник умрэ, так пэчуть малэньку полянычку и разламу-ет. Разломлю, щоб пошла пара (пар) по ха́ти. О.

ПОШКРО́БУШКИ (ПОШКРІ́БУШКИ) — хлебец или печенье, приготовляемые из остатков теста, собранных в деже.

Пошкробушки. Обшкроба́еца дйжка, скоты́ла — да на блóду, да на стол [поставила]. Воно засóхне — то закваска, тэплой водою [разводят и пекут хлеб в следующий раз]. Як богáто, то пэчуть, и

[едят только] дома, у хате. Хозяину нэ можно дава́ть [если он идет работать]. В.

[Крестопоклонная неделя. Хлебцы назывались] пошкрѣбушки. [Они имели вид креста. Пеклись в любом количестве. Хлебцы] съида́ли са́ми. Р.

ПРÓСХУРА (ПРÓСХОРКА) — хлебцы, раздаваемые в церкви. Хранятся в доме в божнице и используются почти исключительно в магических целях (для приготовления кутьи, при закладке дома и т. п.).

[Хлеб, крошенный в медовую воду, назывался на «дэд́ы» — «мьод», а на поминках в день похорон — «кутт́я»:] От на дэд́ы пэ́рўе мьод разўо́дять и хлѣба кро́шать и прѣсхура як ест. Р.

На углѣ прѣсхорку лѣжат, сўоль лѣжат, як почи́нають робѣты хату. Р.

РѠ́ЖКИ — небольшие свадебные хлебцы.

РѠ́жки — дѣтям; обматывали их тѣстом, отдельно запекали. В.

РОСНЯНЧѠ́К (РОСОВѠ́К, РОСЯНѠ́К) — небольшой хлебец, выпекаемый к Юрьеву дню. Хозяин берет его с собой, когда идет в этот день в поле (на росу), зап.-бел.-полес.

Юрий. Идўть ранѣнько о́коло пашни. Нэсуть с собѣю роснянчѠ́к [булочку]. Р.

На Юрья вэсняно́го росовика́ [специальный пирог] пэклѣ. Идѣ́ хозяин, обхѣдыть своѣ усѣ́ поле — бўдэ́ хорошо жы́то красова́ти. Р.

[В Юрьев день умершая девушка показывается в облике красной коровы, затем просит, чтобы ей дали «росяник».]. Это шэ́стого ма́я пра́зник, Юрэ́й назы́ваемо. Погна́ла ба́ба тоўа́р у кўпу на край. А у нас э́то пэ́ред Юрьем пячу́ть росяника́, бўлочку. От жы́то засе́е, э́то на Юрья́ с тым росяником обхѣ́дять тѣ́е жы́то на зы́ход со́нца, шчэ́ со́нцэ не зыйшло́. Э́то мо́я ба́ба, то ба́тькоўа́я ма́терь, погна́ла тоўа́р, як була́ деўчо́кою. И от у са́мих тых Ма́ркўих, у их деўка́ поме́рла... И мо́ ба́ба зна́е, шо́ то грих, деўчи́на умерла́, деўка́. Ну, она́ погна́ла тоўа́р на ра́нок, э́то шэ́сть часо́ў — шо́-то там коро́ўа на корчэ́ ляжы́ть, кра́сная коро́ўа. Она́ погани́ла э́тые коро́ўы, да́льшэй пошли́, а та ляжы́ть. Она́ за па́лку и на ту коро́ўу даўа́й браса́ти: «А ну, а ну, а чо́го ты ляжы́ш». Як она́ э́ту коро́ўу го́нить — не ўста́е, би́ себе́ ў бо́чку: бух! бух! Э́то ба́ба ўйшла́ мо́я, та деўчи́на, ўйшла́ на край и лягла́. Лягла́ и са́ма себе́ спеўа́е, мормы́че. И у еѣ́ росяник, та бўлочка́ за па́зухою. Ана́ легла́, а ана́ пудхѣ́дит до еѣ́, та́я коро́ўа, што́ лежала́ на корчэ́, як она́ [девочка] под-

няла голоуу, як глянула — это там деўка стоить, Маркоуа. Деўчина стоить да кажэ: «Деўчина! Отдай мне росяника». Она ўзяла с-пуд поли да кинула до её, то як лягла, то е заўезли до хаты, злякалася, ужэ не знала ничо́го. Она ж знае што та́я ме́ртва деўчина над ёю сто́яла. Да и не бачила — где она пошла, где она дэласа, та деўка с тым росяником, то приўезли ужэ ўбозом, то дўэ неде́ли лежала бы няжыўа́я. Р.

РОСОВІК. См. Роснянчо́к.

РОСЯНИ́К. См. Росвянчо́к.

СВЯЧЭНЫ́Й ХЛЕБ — хлеб, освященный в церкви. Используется в лечении, ритуальной и магической практике.

На Велы́кдень посыпа́ем со́ли на свячэны́й хлеб и даём худобе. Б.

СКІ́БКА — кусок хлеба. Ср. Горба́шка, Окра́йчик.

Як бeрeмeнна, а ба́тько дeлит хлеб, так он ей двe скі́бки даe: «Усе, невeска, скі́бка тoбe, а се тoму, што ў тoбe». Б.

СОБА́ЧЫЙ ХЛЕБ — хлеб, оставленный Богом для кошек и собак, которым кормятся и люди после того, как они были наказаны Богом (легенда). См. Котя́чий хлеб.

Цe хлеб соба́чий йим, то попросила собачка у Бoга. О.

СОРО́КИ — маленькие пресные хлебцы, условно напоминающие птиц и выпекаемые в день Сорока мучеников.

Е такe прісвато (небольшой прaзник) — Сорокі. Сорокі пеклі, кўклочки такіe пеклі у фoрме птушэчки. Галўшкі варілі, сoрок галўшок. Р.

СУХА́РЬ (СУХА́РИК, СУХА́РЧИК) — высушенный кусок хлеба.

[Колядовщики приходили и пели:] «Ходит Илля́ на Василя́...

Добры́ вeчoр!» А ми отвeчаeм: «Добры́ вeчoр, добры́ вeчoр!», и вно́сим ужэ по кусoчку сухaрика, хлeбец такій. ВЖ.

ТЯГА́ТЬ КОРЖА́ ЗУБА́МИ. См. Корж.

ХЛЕБ-СОЛЬ — хлеб или кусочки хлеба с солью.

Хлеб рэжуть кусoчками ма́ленькими и на том мeсти, где дўмаеш хату становіты, ужэ кладeшь хлеб-соль. Як переночуе хлеб, то дoбре, то будeшь становіты, а як кусoчкуў нeско́лько нeма́, то не бўдиш становіты. Р.

ХЛИБЫНА (ХЛЭБИНКА) — повседневный хлеб.

Хлэбину спечу́ть, ло́мять (рэ́зать не мо́но), ў мэ́ду мо́чать, на по́минках разда́ють, то ко́ливо. О.

Калі́с, як пасту́х пас, булі́ празднікі. На Сьвяту́ вынося́т пастуху́ хліэ́ба и са́ла — нэ ў́гбо́ншчына — ў́гбо́ншчына на Пэ́тра по́слэдна — даю́т пастуху́ хлі́бину и сала́ кусо́к. О.

ХРЭ́СТ (ХРЭ́СТЫ́) — хлебное изделие (печенье) в форме креста.

1. ХРЕ́СТЫ́ (ХРЭ́СТИКИ, ХРЭ́СТ) — пресные фигурные хлебцы в форме креста, выпекаемые на Средокрестие. Позже используются во время сева, пахоты или выгона скота.

Ў Велі́кий пост на чэ́твёртой неде́ле, ка́жуть, Хрэ́стный ты́ждень. Печу́ть ў се́реду чи ў пя́тницу [кто не успел испечь в среду] хрэ́стики та́кі [размером с ладонь, толщиной 3–4 см]. Шче и черні́цы кладу́ть ў се́рэдынку. То ка́жуть, Хрэ́сна се́редá. Хрэ́стики беру́ть як іду́ть на пчё́лы, як вигоня́ють това́рець, то тоже берэ́; як се́ять починаю́ть [берут третий крест. Те кресты, что берут к пчёлам и на поле] прино́сят наза́д и ў́жэ до́ма де́тки е́дять. Б.

Ў Хрэ́стный ты́ждень то беру́ть сэ́рэдопосы́tie. То пеклі́ хрэ́сты́. Тры [креста]. Еды́н [берут] як е́дэ хозя́ин се́з, то бэ́з того́ хрэ́ста [сеять нельзя]. Дру́гий — як худо́бу вигоня́э [первый раз, дают съесть скотине]. Трэ́тий як к пчё́лам іду́ть [берут с собой. Потом его] беру́ть до до́му, мо́чать, худо́бе даю́ть. Б.

Хрэ́сна аб́б Хрэ́стопокло́нна. Бува́ло так: з ты́ста хрэ́ста́ спэчу́ть, а тады́ ў́жэ ста́рые лю́ды як іду́ть на по́ле, та й во́зьму́ть. Як вы́йде ў́жэ хазя́йн, та й хлі́б бэ́рэ, та й хрэ́ста́ во́зьма́. ВЖ.

Хрэ́сты ра́біли. Оды́н чи два. Два абы́чно. Ската́ну у па́рвый раз вигоня́ють с тим хрэ́стом іду́ть. Ара́ть е́дуть у па́рвый раз — бэ́ру́ть тот хрэ́стик — у карма́н кі́не. Са́ми нэ е́дять. О.

Хрэ́стный ты́ждень, Хрэ́стья. Три хрэ́стика ра́біли. Ады́н — па́сты, ады́н — худо́бе, ады́н — як ара́ть пачина́ть е́дуть [брали]. Той, шо для бра́нки — па́дсу́шываю́ть, шо́б нэ зачві́л. О.

Хрэ́стики бэ́рэ с собо́ю, як вигон е́ скот, як засева́е, нэ́большо́й хрэ́стик. Р.

Як е́дэ хозя́йн лё́н се́ять, на́шыя бабы́ пэ́кли хрэ́стики из му́кі. Хозя́йн браў́ того́ хрэ́стика с собо́ю ў́ по́ле, да засева́ў. Малэ́ньки хрэ́стик. Храни́ца тэ́й хрэ́стик. И да́ру [испеченный на Пасху и освященный в церкви хлеб] кла́ли у се́мэння, шчо́б хоро́ший лё́н буў́. Р.

На Хрэ́стну неде́лю печу́ць хлі́б хрэ́стиком — по ве́рху мо́но хрэ́стики, по́лобсочки, ро́мбики, — ро́бьяц ра́зно, шо́ хочеш. А як пе́ршы́й раз вигон ли коровы́ — бра́ли з собо́ю и худо́бе дава́ли. Б.

2. **ХРЭСТ** — небольшой хлебец, в форме креста или с крестом, выдавленным сверху. Его первым помещали в печь, перед тем как посадить туда остальные большие хлебы.

Як замиэсят [хлеб], зрб́ять хрэст у дзэжэ и як са́дять хлиэб ў пизч, так той пёршым и чэрэз тб́ей кр́ст ўесь хлиэб са́дять, а пот́ом тб́ей малэньки [хлеб] разл́омьць и атдаю́ць карб́ўе. О.

3. **ХРЭСТ** — одно из тестяных украшений на свадебном каравае.

[Каравай круглый, на нем сверху «хрэст», между лучами которого расположены «шишки».] ВЖ.

ШЫ́ШКА, ШЫ́ШКИ — вид свадебного хлеба.

1. Одно из основных украшений на свадебном каравае. Часто имеет форму ветки или печется из ветки, обмазанной тестом перед посадкой в печь.

Шы́шка вэ́лыка пасырэ́дыне, [середи́ну] выризаю́т с грошы́ма, з усим и даю́ць молоды́м. Коровай та́кий довга́стый. Голуби́ по кра́ям и шы́шки. О.

[Сколько шишек?] Три, утыка́ють ў хлеб, той корова́й спэчу́ць: тако́го кру́глого, большо́го, ўтыка́ють двэ шы́шки: одна шы́шка трб́йна, с трэма́ палка́ми, а двэ с двума́. Де у лозе́ вырэ́жэ е́е, у е́е два ство́лы, а у некото́рые три, так ту́ю три бэ́рэ и ў по два бэ́рэ. Три шту́ки, одна́я три, а два — по два ство́ла. Е́е укрáсьць попéром, нара́дять хорошб́, кветки́ зvéрху большо́ые попришы́ваю́ць, поприл́аживаю́ць. [Кветки́] з бума́ги. С тэ́ста тб́же шы́шки пэчу́ць, вырэ́зваю́ць ўся́кие шту́ки. Ну, с тэ́ста вы́робяць такую́ плетэ́ночку, сплетэ́м ў ко́су, обл́ожать е́ ко́ло корова́я, пот́ом шы́шку вы́качае, з одно́го бб́ку зрб́ю́ць таку́ кру́гленьку, з друго́го... пот́ом тако́го рошчэ́ску зрб́ю́ць, прил́епю́ць с тэ́ста, са́мо то полб́ожать. Р.

Як спечу́т корова́ю, [з него́ втыкали́] на па́льце [палке́] шы́шечки — [3–4 штуки], рб́били з хлеба́ бэ́лого. В.

2. Небольшой хлебец, выпекаемый отдельно. Часто представляет собой соединение хлеба и свадебного деревца (ветки).

[Опевание корова́я и обряд печения́ в субботу:] Вэру́ть у двох разо́м корова́йны́цы, дви жинки́ заму́жных, чи рудны́, чи з соси́док учиняю́ць тисто́, и потим постб́е тисто́, а тоди лэ́пать шы́шки вэ́лыки для молодих дви получаю́ця. Вэру́ть тисто́ ра́зом, скільки визме́ци, обрат́но нэ мо́жно одбирать. И на бляху́ у двох кладу́ць, як вы́тяну́ць, спиваю́ць тб́жэ. Починае́ць:

Благосло́ви́ Бб́жэ — [Одна́ начинае́ць:]

Благослови́, Божэ́ — [Все:]

*И отэц и маты
Свойому дитяты
Шышечку початы,
Почавшы, злипывшы,
Цэй зрод вэсилыйшы.*

Тоді шышки для молодых у тарелочку кладуть и лентою червененькую обвязують, нэхай одымаеця. Як шышки для молодых зліпать, а тоді потім до короваю украшчэння. Як шышки [и остальное] рэблят, ніхто нэ сідэе. О.

Т. А. Агапкина

АСТРОНОМИЯ. МЕТЕОРОЛОГИЯ. ВРЕМЯ

В словарь вошла лексика, собранная по полесским программам «Астрономия. Метеорология. Время» и «Дождь. Гром. Град», представляющая следующие лексико-семантические группы: названия созвездий, фаз месяца, пятен на месяце; недельного и суточного времени и их персонификаций; грибного дождя, ветра, вихря, грома, молнии и других метеорологических явлений; дерева, пострадавшего от молнии; «игры солнца». Под заглавными словами [ДОЖДЬ] и ЗАСУХА помещены тексты, описывающие магические действия по вызыванию дождя и противостоянию засухе. Варьирующиеся компоненты фразеологизмов даются через косую черту, а факультативные компоненты в составе терминов в круглых скобках. Реконструированные или фонетически приближенные к русскому языку термины и терминологические сочетания, прямо не зафиксированные в диалектных текстах, заключены в квадратные скобки. Термины и терминологические сочетания при необходимости снабжены грамматическими пометами. Для лексических вариантов, а иногда и при расхождениях в семантике, даются географические пометы. В конце словарной статьи указываются синонимы или делается отсылка на содержащее их другое заглавное слово.

Наибольшей лексической вариативностью обладают названия вихря, грибного дождя, фаз месяца и трактовка пятен на луне. Достаточно длинные ряды синонимов образуют также названия молнии, грома, «игры солнца», растения омела. Характерно, что большая часть лексики имеет мифологическую основу (мифологические коннотации, мотивировки) и тесно связана с обрядностью. Молния постоянно трактуется как оружие Бога, которым он поражает противника (черта, дьявола), поэтому разбитые и спаленные молнией деревья считались нечистыми, поскольку под ними укрывалась нечистая сила. В связи с этим многочисленны фразеологизмы с главным словом *Бог*. С другой стороны, для человека смерть от молнии считалась либо нечистой, посланной Богом в наказание за грехи, либо, наоборот, чистой и святой. В последнем случае актуализируется другой семантический компонент того же самого мифологического объяснения, а именно — святость такой смерти, ее ниспосланность Богом. В лексическом плане характерно название молнии «громом», что, вероятно, имеет древнюю традицию, сохранившуюся в языке и фольклоре (ср. выражения: «порази тебя гром», «метать громы и молнии» и др.).

Не менее ярко мифологические представления отразились в лексике и поверьях, касающихся вихря, сильного ветра, бури. Главным семантическим компонентом здесь является значение 'крутить, вить(ся)', соотносимое с нечистой силой. Напрямую указывает на «виновника» вихря фразеология, в состав которой включена лексема *черт*, реже — *висельник* или *утопленник*.

Хорошо разработана в Полесье и, видимо, была очень важной система обозначения фаз месяца. Многочисленна не только лексика, описывающая разные состояния луны, но и зафиксированные поверья, лечебные процедуры, хозяйственные дела, связанные с растущим или убывающим месяцем, представления о времени (хорошем или плохом) вообще.

Причудливо отразилась в народных представлениях славян библейская история о том, как Каин убил Авеля. Подчеркивается моральный смысл случившегося, грех братоубийства и масштабность наказания (помещение на луну). В большинстве фиксаций даже не упоминается имен Каина и Авеля, они заменены более прозрачным для целей морализаторства выражением «брат брата» (убил). Освоение библейского рассказа на славянской почве выразилось в появлении в его народных версиях атрибутов крестьянской жизни («вилами заколол», «они вместе навоз кидали» и т. п.).

В разных, на первый взгляд, названиях грибного дождя («жидовский», «цыганский», «куриный», «свинячий», «слепой»; «русалки купаются») выделяется общая для них сема 'чужой, другой', релевантная и для представителей иноэтнической среды, и животного мира, и персонажей нечистой силы. Это позволяет говорить о том, что в народном сознании дождь, идущий «не по правилам», не так, как обычно, из туч, а при сиянии солнца, трактовался как явление, принадлежащее не-человеческому миру. В противоположность грибному, обычный дождь посылался людям Богом и назывался иногда «святой росой».

АНГЕЛСКА НОЧ (ВЖ) — ночь, когда петухи поют всю ночь напролет.

Ангелска ноч — півни поють усю ноч [добрий знак]. ВЖ.

[БЕЗЛУНИЕ]. См. также **На межé, Чернéc.**

Ни молодик, ни старик (Р).

Ни старóго ни молодóго (Б).

Ни сёго ни то́го. # Ни тогó ни тогó (мíсяца) (Р).

Нема́ ни сёго, ни то́го. Б.

...ни молодíк, ни старíк, ни тогó ни тогó мíсяца. Р.

БЛИСКА́Е, безл. гл. (Б) — вспышки молнии, предвещающие надвигающуюся грозу.

То на погóду блиска́е. Б.

БЛÍСКАУ́КА (Б) — молния. См. также **Грóm**, **Мигави́ца**, **Скала́ 1**, # **Грозá бье**.

Б такий ка́мень длíненский — кременец. На ёго ка́жуць, це блíскаўка бье́. Б.

[БОГ]:

[Бог плачет (по нем)] (ВЖ) — так говорили, если в день смерти человека шел тихий дождик.

Хто умрэ, да так тixэнько, гарнёнько [и идет дождь], то казáли: вoт хорóший быў, па ём и Бог пла́чэць. ВЖ.

[Бог стрелку дал] (Р) — об ударах молнии говорили, что это стрелы Бога.

[Дерево, в которое ударила молния, можно было брать на дрова, но на строительство нельзя, потому что:] то бог стрíўку даў. Р.

[Бог ударил в сатану] (Р) — так говорили о молнии, считая ее орудием Божьего наказания.

[Дерево, в которое ударила молния, называли] шчо гром побíў. Немóжно пáлиць и дом стрóиць. Бо про яго казáли: сатанá удáрыў бо бог удáрыў ў сатану́. Р.

[Бог черта убил] (Р) — так говорили об убитом молнией животном или разбитом молнией дереве.

У нас гром одногó гóду, то шчэ при Пóльшчы, у цэркоў [ударил]. То кóло престо́ла забíл чóрта тогó, би телюка́, лежаў, прóсто таки би холоде́ц, о, такée больш́е. Чóрта забíў Буг. Прoсто гэ лежáло кóло престо́ла ў цэркўи. Р.

[Бог калачи везет] (Р) — так говорили, когда слышали звуки грома.

Як гром грэмíць ка́жуць: бух калачí визé. Р.

БО́ЖА СМЕРТЬ (О) — смерть от молнии, считавшаяся ниспосланной Богом. Ср. **Святá смёрть**.

Як грё́м убéе — бóжа смёрть. О.

[БРАТ]:

[Брат брата (вилами) забил (Б) / убил (Р) / заколол (ВЖ, О) / колет (ВЖ, О) / застрелил (Р). / на вилах насадил (О)] — в лунных пятнах видели изображение сцены убийства Авеля Каином, согласно библейскому рассказу. Бог поместил их на Луну, чтобы люди все время помнили об этом грехе. Наиболее распространенным является сюжет об убийстве Авеля вилами. См. также **Каин Авеля убил**. Ср. **Сус Христос роспъят**.

Два чловѣка. Брат брата забил вилками, як пошли худобе даваць. Да так они и стоѣць. Б.

Пятна на [полном] мѣсяце [означают] шчо брат брата застрѣлиў за дѣўку. Р.

Брат брата убий — [пятна на полном месяце]. Р.

Брат брата вилками заколоў. ВЖ.

Браты сѣно клали, не поладились, та й брат брата коле вилками. Грѣх то, госьподь и зробіў, шчо на мѣсяце видно было [чтобы больше не было братоубийств]. ВЖ.

Калис чи брата брат на вилах насадил. О.

Цэ гаворять, шо той мѣсяц — брат брата заколоў. О.

То брат брата коле. Були такі два чэлавѣка: Кавель и Явель. Не на який [месяц, т. е. старый, молодой и т. д.] незя, Боже сохрани, пальцем не показывай. О.

[Брат с братом борется] (О) — то же.

[Как пятна на полном месяце], якось брат брата змагаѣца. О.

[Два брата борются] (Р) — о пятнах на Луне.

Два браты як полны мѣсяц. Вот, кажутъ, два браты борюца. Р.

БУГРЫ́ (ВЖ) — тучи.

Гарбузы и хвасоблю сей тогда, когда бугры на небе. А когда чистое небо, ничего не сей. И грѣчку надо до обеда посеять, и когда тучное небо. ВЖ.

БУРАЛО́М (О) — вихрь; считалось, что в нем крутится нечистая сила.

Буралом. Бурун. Ветер дуэ — нечиста сила летить. О.

БУРА́Н (Р) — буря, вихрь. Ср. Буралом.

[Дерево, поваленное бурей, нельзя было брать на дрова и строительство], бо буран зазлица и хату разнесѣ. Р.

БУРУ́Н. См. Буралом.

[ВЕТЕР]: ВÉТЕР ВИХРЕВÁТЫЙ (О) — сильный, вихревой ветер, поднимаемый нечистой силой, в отличие от полезного, несильного ветра. Ср. **[Вихрь]**.

Як вéтер вихревáтый, вéтер шумít, кáжут люди, то чорт леты́ть з рогáми. Коlí нуьж туды кíнуть, нуьж ў краві будэ. О.

Ср.: Дэркáч у пiэч кiдали — шоб виéтер буў лиéтом. О.

ВЕХА́ (Б) — оме́ла. См. также **Вэно́к, Мéла, Помéла**.

[ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ]: ВАРАБIНА НОЧ (О), ВИРИЭБIНА НИЭЧ (О), РАБIНОВА НОЧ (ВЖ), РОБIНА НОЧЬ (Б) — ночь с бурей и молниями.

Рабiнова ноч — велiка грозá и дошь идэ. ВЖ.

Робiна ночь — темнá, не мóно пройтi, дэже страшнá, мóлния блискáе, вiхор. Б.

[ВИХРЬ]: ВIХАР (О), ВIХОР (Б, О, Р), ВIХЕРЬ (Б) — вихрь, сильный ветер, одно из проявлений злого духа, черта. Иногда возникновение вихря связывалось с самоубийством человека. См. также **Буралóм, Кру́тень, Кру́ча, # Лiхий кру́тиць, Подвéй, Хвiля, # [Чорт дочку замуж выдает], # [Чорт женится]**.

Вiхерь. Як колдún умираéць — кáжуць, шо оттогó кру́тиць. Б.

Як вiхор полотнó закрутиць, у цёрквы егó вéшали и на хфигуры вéшали, што на росхóдних дорóгах, хфартуки из них шiли, чи так вéшали. Каза́ли шче, старцáм [странникам, ницим] да́ць, чи жиду прода́ць, чи цыгáну. Такé шче бывáло, што и закóпвали, áле не зжигáли — лúчше старцу́ томú одда́ць. Кáжуць, тóе полотнó черты́ крути́ли. Б.

Усе раўнó што ўiхор, што лихий — то то однá. Р.

Чорт пэрэробля́еца у вiхорь. Коlíсь на лúзи сэно грэбу́ть — вiхорь разнэсэ — то чорт. Налэ́таэ, разнэсэ сэно по лúгу. О.

Бура кру́тат вiхор — кáжут — нэчиста сила. О.

Вiхор — це чорт. Кали́сь кiнул дядька саки́ру чiстаю, у крави́ саки́ра [стала]. Як вiхор — прися́дь, пэрэхристiца трэ́ба. О.

Вiхар — чорт лэ́тит. Кали́с кiдали нож, будэ кроў на но́жы. О.

Вiхор кру́тиць (Б) — фразеологизм, описывающий вредоносное действие нечистой силы.

Як кру́тиць вiхор, то шéпчуць нá воду, то трэ́ помiцца не до́лною, а верхóм [тыльной стороной руки], а воду вéлиць на розы́ходнии шляхi, и идтi, не зырна́ць. Б.

ВІХАР ВІЭТРЭНІК (О) — вихрь, болезнетворный ветер.

Кажуть, черт лэтіть, альбо вихар віэтрэнік. Брасáli нажа, ў краві нюж и прысэдajúть на калэ́нцах на зэмлю. Пубд тэбэ пуод-лэтіть — віэтрэнік бұдэ. О.

[ВОДИТЬ КУСТА]: ВОДЯЦЬ ГЎСТА (Р) — обряд, совершавшийся для вызывания дождя.

На второй день Тройцы (в понедельник) вода́ць гўста [т. е. девушку, украшенную зеленью] с клёна веночко́у наты́каюць и пою́ць «Тройцу»: «Ой ми бы́ли там у вели́ким лёсе, Наради́ли гўста при зелёным клёну. Выйди, выйди, господáр, З нóвого покóю. Вынесь, вынесь гўста хоть по золотому. А ў нáшего гўста нóжки невели́чки, Трэба купі́ти козлóви череві́чки: Одне воді́цу носі́ти, А другі́е абéдать сворі́ти, А трэ́тие до цёркви ході́ти». Р.

[ВОЛОСОЖАРЫ]: ВОЛОСОЖАР, ВОЛОСОЖАРЫ (ВЖ)

1. Плеяды.

Волосожа́р, волосожа́ры. Пóуден — сóнце, а ў пóўноч — волосожа́р — бога́та кўчка зóрочек, с кула́к. [Днем мерой времени служило положение солнца, а ночью — Плеяд. В полночь Плеяды находятся в зените.] ВЖ.

2. Созвездие Большая Медведица (вероятно, ошибочно).

Волосожа́р у нóч как сóнце, коўшы́к такі́й, як перевэрні́ца, так пóўноч [т. е. Большая Медведица]. ВЖ.

3. **ВАЛАСАЖАР (О)** — созвездие Орион (так у собирателя. Вероятно, ошибочно — М. В.).

Валасажáр — як пóўноч. О.

Зірки — валасажáр. Валасажáр ўзашóл. О.

ВЫВОРОТ (Р) — дерево, поваленное бурей.

Выворóт бра́ли на дрова́ [на строительство нельзя было брать]. Р.

ВЭНО́К (Р) — омела, паразитирующая на березе. Используется в медицине. См. также Вехá.

На берóзе вэно́к ка́жуть ростé. Чиловéк болéеть да и шука́ють тогó вэнка́ да па́рять, да пью́ть. Р.

ГЛУ́ПА́ НО́ЧЬ (В) / НОШЧ/НЎОЧ/НІЭЧ (О) — период с полуночи до первых петухов, опасное время разгула нечистой силы. См. также Глуха́ ночь.

ГЛУХА НОЧЬ (Б) / ПОЎНОЧ (ВЖ) — то же, что **ГЛУПА НОЧЬ / НОПЧ/НУОЧ/НИЭЧ**.

Глуха ночь. Не спеваць, не плакаць не моно ў глухой ночи. Богато чэго погано робіцца ў глухую ночь, — потому і не моно. Б.

Глуха поўноч — півни нэ поюць [до часа ночі, до первых петухов]. ВЖ.

ГНИЛЕЦ (Р) — ущербный месяц.

[Месяц на ущербе называется] трэця неділя (а)бо гнілец. Р.

ГНИЛЫ ДЭНЬ, ГНИЛЫЕ ДНИ (Р)

1. День, с которого начинается убывание месяца (?). Ср. Гнілец.

У молодіку трэтьего дня, трэтей недэлі, трэтьего дня добре свиньню колобть. У гнілы дэнь [на ущербе], то ўже бояцца. Р.

Гнілы дэнь [на ущербе]. Нэ закладають годы хат. Р.

Заўтра будэ поўня, той уже настаіне поўни, на други дэнь. Гнілы дэнь — ці одін, ці два. Р.

2. Неблагоприятные, несчастливые дни, мн. ч.

[Про неблагоприятные дни] казали гнілія. Гнілы дэнь, гніла неділя. Р.

3. Первый (первые ?) день нарождающегося месяца и вторая четверть (до полнолуния).

Гнілые дни — нача́ло молодіка і дру́га чэ́тверть — то недобра порá. Р.

ГРАДОВАЯ СЭРЭДА (Р) — среда перед Вознесением, посвященная защите от града.

Градовая сэрэда пэрад Знэсэ́ннем. Да абэда робяць, а по́тым святку́ють. [Считалось, что если будешь в этот день работать, то град побьёт весь урожай.] Р.

ГРАДОВЭ СВЯТО (Р) — праздник, когда запрещалось работать во избежание града.

[Через 3–4 недели после Пасхи отмечают] Градовэ свято. Нэльзя робіты, шчо́б град нэ побіу́ усэ. Р.

ГРЕМОТЫ, ГРИМОТЫ, только мн. ч. (Р) — гром, звуки грома.

Громні́ца. Як гримоты вели́кие, то па́лять яé. Р.

Пэ́ред Па́ской Чы́сты четвэ́р. Навара́ть сү́пу яко́го, э́то называ́ецца та́йна́я вечэ́ра. Свэ́чку прино́сят [из церкви], як гремо́ты, то́то па́лять еé ў ха́ти. [Где хранят?] От я за образом положу́. Р.

[ГРОЗА]

Грозá бье (О) — удары молнии. Ср. **Гром**.

Бэрэзы незя́ [возле хаты сажать] — гразá бье ў бэрэзу, ёлку незя́ садить — нема́ шчасьця ў дварі. О.

Асакары́ нэ садзяць коло хаты, тапаліў, бэрэзу, шоб гразá нэ біла. О.

ГРОВОЎЙ ДЭНЬ (ВЖ) — четверг на девятой или десятой неделе после Пасхи, который праздновали ради защиты от грозы. См. также **Дэв'ятнык**.

Гроровой дэнь на дэв'ятнык [четверг на девятой неделе после Пасхи] й на дэсятуху [десятая неделя по Пасхе]. Як нахобдыть хма́ра, дак на́до мо́лытоўку пэрагаво́рыць: «Сам Бог хма́ру на́о́сьць, а прэчы́ста Бо́жа ма́тир свóго сы́на прóсьць: „Сы́ну мой возлюбэ́зны, одвэрны́ эту хма́ру тудá, где хлиб нэ ро́дыть й худóбка нэ хо́дыть. Пуска́й там туча й град сходыть“». ВЖ.

ГРОМ (Б, О, Р), **ГРЫМ** (О) — молния. См. также **Бліскаўка**.

Свято дэрэво, громо́вое дэрэво. Не употребля́ть ни в якіе стро́йки, бо грым спа́лить, добра́ не бу́дет, бо́льные бу́дут, бо́ялись, дэрэво то мо́жэ ко все́му привэ́сти. О.

Як/што гром побье́ (Б) — разбитые молнией (дерево или дом).

Як гром хату побье́, сыворо́тку лілі, неха́й угаса́ет. Б.

Што гром побье́ дэрэв'ыну, те шэ́пки берэ́ и штоб зу́бы не бо́лели. Люды́на йих пока́рпа́ет, пока́рпа́ет и кіне. Б.

То як припа́дошны́ чолов'ык, па́рилы, головэ́шки, што гром побье́, по́йлы е́го головэ́шка́ми тэ́ми. Б.

Што гром побье́, ў печь не беру́т, а шопочку ў хату заткну́т, штоб гром не па́дал ў хату. Б.

Дэрэво, што побье́ [гром], у хату не бра́ли и ў ле́чи не па́ли-ли. Б.

Дэрэв'ыну, што гром побье́, не берэ́ ни́хто́, так оно́ и гни́е, и на буды́нку не бра́ли, бо́ялись. Б.

Гром йшче (Б) — о деревьях, которые притягивали молнию, говорили, что их «гром ищет».

Ко́лись мо́я ма́ма каза́ла, шо не мо́но осі́ну сади́ць ко́ло хаты, бо як ле́том быва́е гром, то е́е йшче. Б.

Гро́мом обошло́, безл. (О) — о дереве, в которое ударила молния. Оно считалось опасным, потому что там пряталась нечистая сила.

Як грóм убье́ — бо́жа сме́рть, хату с того дэрэва нейзя́ ро́быть, вонó грóмом обошло́... О.

ГРОМНИЦА (Р) — сретенская свеча. Ее зажигали во время грозы ради оберега от грома, молнии и града. См. также **Громни́чна / Громі́чна свэча**.

Громница. Як гримóты велі́кие, то па́лять яé. Р.

ГРОМНИ́ЧНА/ГРОМІ́ЧНА СВЭЧА (Р) — то же, что **Громни́ца**.

Громі́чна свэ́ча. Нэсу́ть у ха́ту, запальваю́ть, на ба́льцы пішу́ць крэ́стик свэ́чой, каб гром нэ уда́рваў. Р.

Громі́чна свэ́ча. Яе свя́татъ, нэсу́ть домбóй, запальваю́ть, шчо́б грóму нэ боя́лися. Агнём хрэ́ст на ба́льцы пішу́ць. Сві́чку храня́ць. [Зажигаю́т её тогда, когда гремит гром.] Р.

[Сретенская свеча] — громі́чна свэ́ча. Свэ́чу у цэ́ркви святу́ть, у дом нэсу́ть. Як грымі́ть, тады́ яе па́лять. Як ва́жко чоловíк умира́е, то запальваю́т яé. Р.

Кагда́ сўа́татъ сўэ́чки на Стрэ́тене, зима́ з ле́том стрэ́чаецца. У нас сўа́татъ сўэ́чку на Па́сху и на Стрэ́тене. Громне́чная сўэ́ча. [Принеся́ громни́чную свечу из церкви на Сретенье,] подпа́льўали ўо́лоса́, шоб не боя́ўса грóму. [Во время грозы зажигали громни́чную свечу.] Р.

[Когда начиналась, надвигалась гроза] запальва́ли громни́шную свэ́чку (шчо́ ў Срэ́тене святі́ли), на двор выкиды́вали хлё́бную лопату́ и ко́цюбу [кочергу]. Ту́чу хрэ́сти́ли, моли́лися. Р.

[ГРОМОВОЕ ДЕРЕВО]: ГРОМÓВОЕ (Р, О), ГРОМОВЭ́ (О), ГРАМАВÓЕ ДЭРЭВО (ВЖ) — о дереве, в которое ударила молния.

Грамаўóго дэ́рева не бяру́ть, як дом стро́ять. ВЖ.

Громовэ́ дерево, то дерево нэ бра́ли. О.

См. также **Свято дэ́рво**.

ГРЭМЫ́ТЬ, ГРИМИ́ЦЬ, безл. гл. (Б, Р) — о звуках грома.

Як пе́рший раз грэ́мыть, то об дуб че́салися, чи по землё́ кача́юцца, [чтобы спина в жатву не болела]. Б.

На Чы́стый четвер засві́чуют срэ́теньску свэ́чку и чуть посма́лююць коскі́ [виски], шчо́б нэ боя́ца грóму. Як грэ́мыть вельми, то свэ́тимо ту свэ́чечку. Б.

Викидали дэ́жку и лопату хлё́бну на по́кути ставили пид хатой як грими́ць. Б.

Як вельі́ка ту́ча идé, греми́ць, ста́вляць лопату́ хлё́бную кі́ля стéнки, ві́несуць на двор и поста́вляць дэ́ржилом ў зэ́млю. Б.

[Сретенская свеча] — громі́чна свэ́ча. Свэ́чу у цэ́ркви святу́ть, у дом нэсу́ть. Як грымі́ть, тады́ яе па́лять. Р.

Ўно́сили лопату́ [печную], мо́жэ не бу́де греми́ти ўэ́льми. Р.

Як греми́ть, лопату́ [хлёбную] ў́ынесем на двор и ру́шника́ свато́го. Р.

[ДОЖДЬ]: ДОШЧ (Б, ВЖ, Р), ДОРШЧ (О) — дождь. Считался божим даром, необходимым условием и символом урожая, плодородия. Известно множество магических действий по вызыванию дождя.

Косы е на небе — дошч. Як косы — дошч заре падае. Б.

Ў гаю [в лесу] е хрэст, капліца, калёдец, свецзнік во́ду свя́тил и туды́ насі́ли той рушні́к ко́ли нэ́ма́ доршчу́, там прэ́сят Бо́га, тей рушні́к ра́стна́еца, обма́тываеца [на́зывали рушні́к] пэ́рэсы́паны рушні́к бо разны́ми нитка́ми пэ́рэсы́пали рушні́к, нев́ышеты́й, ткут у адно́й же́ншчыны ў́ день, любá же́ншчына мо́гла́ ткаць. О.

Шоб пашо́ў доршч, гаршкі́ кра́ли ў́ печы́ [соседа], горшкі́ с ка́шею гу́стою с пше́на, и кы́дали ў́ калё́дец, ата́мкнут ха́ту, укра́дут. О.

Муравья́ развору́шивали, шоб доршч шо́ў. О.

Вэ́шаю́т жа́бу живо́ю на кале́, шоб пошо́л доршч. О.

Як на по́ле рабы́ли, во́ду бэ́ру́ть, и усее́ не вы́пыва́е и тады́ аста́вят, тады́ ту́ю во́ду бра́ла вдова́ и ў́ три калё́дезя ў́довьски́ (шоб там бра́ла во́ду [люба́я] вдова) та́я сы́пала, и тады́ по́йдэ́ дорши. О.

Боршч по́стны кра́ли ў́ вдовы́ и кы́дали ў́ калё́дец [чтобы пошел дождь]. О.

Ча́стні́к на зы́му са́дят, а е та́кі же́ншчыны, шо́ на весне́ са́дят, то я́рый ча́сні́к, тады́ той ча́сні́к кра́дут, вырыва́ю́т, разбра́сываю́т на по́ли чи на ага́роде, шоб доршч шо́л. О.

Если́ жы́то сы́пят [в гроб] — тады́ доршч, если́ не сы́пят — тады́ засуха. О.

Жидо́вский до́ждь (Б) — грибной дождь, дождь с солнцем.

Кура́чий до́ждь (О) — то же.

Кура́чий дождь. Коротко́часный. О.

Роса́ўки купа́юца (Р) — то же.

Свinyáчий до́шч (Б, Р, О) — то же.

Свinyáчий до́шч. Пригрева́е со́лнце, а свinyá лю́биць, шоб и пригрева́е, и гря́зь, — ей те́пленько и не жа́рко. Б.

[Грибной дождь назывался] свinyáчи — та́кі те́плы ме́леньки. Р.

Казáли то свinyáчи — вони́ вжа́ть и крыча́ть (О. — Туманная Гута).

Слепый до́шть (Р) — то же.

Слепый до́шть. Р.

Цыга́нский до́шч/до́шчык, м. р. (ВЖ, О) — то же.

Цыга́нский до́шч [в такую́ погоду́ цы́гане же́нятся]. ВЖ.

[Солнце оглянулось на великий дождь] (О). См. [Солнце].

[ДОРОГА]: ДОРО́ГА (Р), ДОРО́ГИ (Б, Р), ДОРО́ЖКИ (Б), толь-ко мн. ч. — млечный путь.

Доро́ги на небе́ — на до́шч. Б.

[Загадка:] По якому путі не можна пройти? По дорóги. [«Дорóга» — Млечный путь]. Р.

[Млечный путь называется] дорóга. Бывае на нібе дорóга зрóбица. Р.

Жураульíна дарóга (ВЖ) — то же.

Дорóга на Кíев (О) — то же.

ДЭВЯТНЫК (ВЖ) — четверг на девятой неделе после Пасхи. Праздновался ради защиты от грозы. См. также **Грозовой дэнь**.

На дэвятнык нэ рабыть ничóго [девятая неделя после Пасхи, в четверг], бо бóдэ гроза. ВЖ.

Цэ од грóму на дэвятныка [на девятой неделе после Пасхи в четверг] нэ рóблять, шчоб нэ булó грозы. ВЖ.

На дэвятнык нэ рабыть ничóго [девятая неделя после Рождества в четверг], бо бóдэ гроза. ВЖ.

Девятая недéля от Пáсхи у чэтвэрг не рóбили — дэвятник — от града. ВЖ.

ЖИДÓВСКИЙ ДОЖДЬ (Б). См. [Дождь].

ЗАСУ́ХА (Б, ВЖ, О, Р) — засуха. Считалась наказанием за нарушение традиции и запретов. Многочисленны способы ее предотвращения и вызывания дождя.

Од Вэлыкодня до Провóд нэльзя городы́ть, бо бóдэ засу́ха. И да́же такэ було, шо плóты розкида́ли, шоб пошóў дошч. Б.

Як засу́ха, так вдóви по дорóге плóга тяга́ют, шчоб дождь па́дал. Б.

Як засу́ха, сыпали мак саморóдний у колóдец. Б.

Як засу́ха, як нема́ дошчá, збира́юцца три удови́цы и тягну́ць плушкá и перэгорну́ць шляхá попере́к три разá, изрэзу пада́е дошч. Две тягну́ць, а одна́ дэржи́ць плужóк. Прóсяць деви Марíи, матёнки Бóжии. Б.

Як засу́ха, обгóрывали селó дядькí стары́е плóгом, кóньми, и батюшка идé и кóруги [хоругви] несóць. Три разы обгóрывали за сóнцем. Б.

Ў засу́ху стары́е ба́бки ходíли на клáдбище облива́ли водо́й мо́гилки, где то́пленник або вéшанник, и дождь пóтом паде́. Б.

Дак, кра́лы горшкí да кы́дали в колóдесь. Я багáто кра́ла. Шоб засу́хы нэ булó цэ. [В это время] нэ можна вéшать [горшок на забор], нэ бóдэ дошч итý. ВЖ.

Як засу́ха, палива́ют магі́лу утóпленника, шоб во́ду атда́ў, вон во́ду с собой забра́ў, як утапíўся. Сабра́лись куткóм 5–6 малади́ц, идóт ллю́ть на магі́лу, кóло магі́лы, пригавáривая: «Пэ́тро чи Ива́н, атда́й во́ду, атда́й во́ду, атда́й во́ду». Свой жíнка [рядом]

приплаківае, пригалашывае, це хазяйка выходит: «Умэр да лю́дям го́ря нарабіў, забраў вади́цу, тэпэр ў вади́це лежы́шь, на тэбэ воды́чку ллю́т» — трэйчэ́цэ [три раза]. [Вариант:] «Отда́й во́ду, бо ў воде не лежа́ў». О.

Як засу́ха, магі́лу непла́кану аблива́ют вадо́й, шоб доршч пашо́ў. Непла́кана магі́ла — нема́ родствеников. О.

Як умрэ́ люды́на, трэ́ба жы́то се́ять за мэ́ртвецом, шоб засухи не было. О.

Як засу́ха, трэ́ба свары́ць боршч, шоб ненача́тый быў, и кы́нуть ў кало́дец свой. О.

Як за́суха, так у нас калы́сь жабу́ виэ́шали на дэ́рвао чы на по́ле чы ко́ло ха́ты. О.

ЗО́РКА (Б, О, ВЖ), **ЗІ́РКА** (О) — звезда. По звездам гадали, предсказывали погоду.

Як хто у́ехал да́леко, чи на войне, чи шо — гада́ли, хто жив, хто ўмер. Большинство пуд молоды́к гада́ли ў пя́тницу, ў се́реду. На ко́ляды, на пра́здники якие вели́кие — то́же гада́юць. Як е кў́пка зо́рок до па́ры — чи четы́ре, чи ше́сть — жив. Як нема́ — пога́но, пропа́л, чи шо зроби́лось. Б.

ЗО́РНО, нареч. (ВЖ) — ночь, когда видно много звезд на небе.

Як на ўсе́ношну зо́рно — дак бу́де грибо́вы год. ВЖ.

ЗРУ́ШИЎСЯ (МЕСЯЦ) (Б) — об убывающем месяце. См. также **Руша́ння**, **Ру́ший ме́сяц**, [Рушты́ть].

Зру́шиўся, надпада́е. Б.

ЗЫ́РАШНО, нареч. (О) — о ясной ночи, когда видно множество звезд. Ср. **Зо́рно**.

Тры ку́ті — ку́тя на худо́бу, ку́тя на урожа́й, ку́тя на людэ́й. Як зы́рашно на нэ́би, урожа́йно будэ, як хма́рно — пло́ха [соответственно на скотину, урожай и людей]. О.

КА́ИН А́ВЕЛЯ УБЫ́Л (Б). См. [Брат].

КОСА́РІ, только мн. ч. (Б) — созвездие Орион. См. также **Ко́сы**.

Коса́рї ко́сяць (Р) — то же.

Три зо́рки одна́ за однэ́ю — коса́рї ко́сяць. Р.

КО́СЫ, только мн. ч. (Б) — созвездие Орион. См. также **Коса́рї**.

Косы е на нэ́бе — дошч. Як ко́сы — дошч за́ре па́дае. Б.

КОСЯ́Р (Р) — старый месяц, но не совсем тонкий.

[Благоприятно колоть свинью «в старику», когда ущербный месяц, а курицу сажать «на Кося́р», т. е. когда месяц чуть потолще.] Р.

КРУ́ТЕНЬ (Б). См. [Вихрь].

Кру́тень, як бу́ря вели́ка. Б.

[КРУ́ТИТЬ]. См. Кру́тень, Кру́ча, # Ви́хор кру́тиць, # Лихи́й кру́тиць. См. также [Вихрь].

[Черт / витер лихой / висельник крутит] (Б, Р) — о вихре.

Кру́ча, ви́хор — че́рт кру́тиць, чи ве́шалники — ужесь хтось повеси́ўся. Б.

[О вихре говорили:] кру́тить чорт, ви́тер лихи кру́тить. Р.

КРУ́ЧА (Б). См. [Вихрь].

Кру́ча, ка́жуць. Десь я́кось повеси́лось, чи утопи́лось, чи там по́мер пога́ный — шо так бури́ць, мете́. Б.

КУ́РКИ (Р), КУ́РЫ (Б), только мн. ч. — созвездие Плеяд.

Ку́рочка хо́диць (Б) — о созвездии Плеяд.

Ка́жуць, шо ку́рочка хо́диць. Б.

КУРЯ́ЧИЙ ДОЖДЬ (О). См. [Дождь].

ЛИХИ́Й, ЛИХИ́ (Б, Р) — нечистая сила, черт. Может проявляться в виде вихря. См. также [Вихрь].

Ўсе раўно́ што ўйхор, што лихы́ — то то одно́. Р.

Лихи́й кру́тиць — о вихре. Попадая в него, человек заболевает. См. также [Крутить].

Ви́хор, пудве́й, хви́ля — лихы́й кру́тиць. Як ў негó люды́на пападе́ — бо́лее, уже надо шука́ць таку ба́бку, шоб пошепта́ла. Ишо ка́жуць — че́рти же́няца, чи повеси́лось, чи утопи́лось. Б.

МЕ́ЛА, МЕТЛА́ (ВЖ) — омега. См. также Веха́.

Метла́, ме́ла, поме́ла, оме́ла. ВЖ.

МИГА́ВИЦА (Р) — молния. См. также Бли́скаўка.

[О молнии говорят:] мига́е бо мига́вица. Р.

МИ́ГАЕ, безл. (О, Р) — вспышки молнии.

На жару́ ми́гае — жа́рка паго́да бу́дэ. Як гразá си́льна, як дожч чы нема́ — то вара́бина ноч. О.

МОКЛЫ́ВЭ ЛІ́ТО (ВЖ), МОЧЛІ́ВО ЛЕ́ТО (О) — дождливое лето. О погоде летом гадали зимой по кутье. Ср. **Сухлі́во ле́то.**

Цэ на куттю, тільки возьму́ть, поста́влять, наза́ўтра открыву́ть, да як кры́шка мо́кра, то бу́дэ лі́то моклы́вэ. ВЖ.

Як берэ́за пе́рша [зацветет], мочлі́во ле́то бу́дэ, як пе́рша бль-ха — ле́то сухлі́во. О.

[МОЛОДІ́К]: МОЛОДЫ́К (Б, Р, БЖ), МАЛАДЫ́К (Б, О, БЖ), МОЛОДИ́ЧОК (Р), МАЛАДИ́ЧОК (О) — молодой, растущий месяц, первая его четверть. Фаза месяца, как правило, неблагоприятная для разных работ (посадки, тканья, убоя). Значима для приемов лечебной магии. Ср. **Стары́к.**

На молодіку́ не трэ́ба нічо́го ре́заць, бо ра́на не зароста́е. И ко-банá не ре́жуць. Б.

Як молоді́к, то не бью́ць, не кладу́ць са́ло. Стара́юцца [на] ста́рому. Б.

Ў молоді́к не трэ́ба сады́ць — хай молоді́к тро́шки постáрее, як ў молоді́к посады́ць — ўсе́ бу́де молодóе, капу́ста не бу́де вяза́ца. Б.

Як ў молоді́к шо зроби́ць — ўсе́ бу́де молодóе, некрéпкое. Са́ло мя́ккое бу́де, порти́ца бу́де. Б.

Як молоді́к, то, каю́ць, не мо́но сады́ць гарбузы́, бо бу́дуць цве-сті, а́ле не бу́дуць ро́сти, не бу́де ро́диць. Б.

Капу́сту на́до сажáти ў трэ́ттю сре́ду по́сле малады́ка. ВЖ.

Зубы́ як боля́ць — за́мовляю́ць их на зóрки. Як пе́рший раз ме́сяца побáчишь — трэ́ба за́мовля́ць зубы́: Молоды́че молоды́й! Шоб тебе́ ро́ги молодéли, А шоб менé ў ро́ти зубы́ не болéли. Неха́й тады́ заболя́ць, Як у мое́й ба́бки Овдю́шки на том све́те ко́сти заболя́ць. Трэ́ба так три ра́за сказа́ць. Б.

Борóдивка. Як пе́рший раз молоді́ка побáчишь, то облива́юць борóдивки водо́ю, и схóдиць. Трэ́ба шоп хто-то водо́й подáл, и облива́юць на том ме́сте, де сто́иш. Мо́но перевязáць черво́ною ниточкою. И як у дубóвом пенóчке вода́ е, то тóже обмо́ываю́ць, и схóдиць. Мерцо́вою руко́ю обво́дяць, и схóдиць. Б.

Як молоді́ка побáчишь, то де сто́яла, нагина́есса, наби́раеш зéмлю, потрй́, да и пере́кинеш через себя́ [и бородавки пропадут]. Б.

Як у молодіку́ замóчишь, бу́дэ били́йшэе, як ў старіку́, то чэр-не́йшы [полотно, лен]. Р.

Молоды́к. И капу́сту нэ садку́ють на дру́ги ты́ждень молоді́ка. Нэдóбро. Р.

То́льки на пе́рвый ты́ждень молоді́ка садку́ють [капу́сту]. Як нэ зроби́ў туды́ ву́жé дожидáють грэ́ттю нэдéлю молоді́ка. Р.

Кабанá бью́ць ў молоды́чку [молодой месяц]. Р.

Ў трэтью недэлю, трэтьего дня дэбре гокна ўстаўляти, у молодикү дэбрэ пэч робити бэдэ жаркая. Р.

Гуркі [сажать] на молодикү — трэтий день, п'ятый... далэ путоцвэт бэде. Гарбузы — к ужэ под поўна, то хорэшы расту́т, крупны. ВЖ. [Заговор от зубной боли.] Пэ́рвый раз молодика побачыш, дак на́до на молодикү сто́ять и каза́ть: — Молоди́к молодый — молодой, Тебе́ ро́г золотый? — Золотый. Ты на том свэте быва́ў? — Быва́ў. — Ты мэ́ртваго чэлове́ка вида́ў? — Вида́ў. — У ёго зу́бы не боля́ть? — Не боля́ть. — Неха́й раба́ Бэ́жэго (имярек) не боля́ть. ВЖ.

Як угледы́ш молодика́, дак на́до на том мэ́сте сто́ять да стэ́рть [песком из-под ноги]. ВЖ.

Як е́сть барада́ўка, то калі́ маладик, то трэ́ба на ёго́ сматрэ́ть и бра́ть зэмлю́, яка́ пад нага́ми и йёю натира́ть сабэ́ цэ́ мэ́ста. ВЖ.

На маладикү не сэю́ть, шоб не було́ поўймы, вонó папа́даець и посóхне. О.

Нэ на маладикү снава́ть, а на стару́ом, шоб крэ́пча нитка. О.

Агурцы́ на маладикү саджа́ли, шоб малады́ гурóчки, у панэдэ́льник. Гарбузы на старóм, шоб стары́ булі́, — на Рыгóрья, ў панэдэ́льник. О.

Шоб мя́йка була́ [капуста], квасили на маладикá. Як на старику́ кваса́ть, то шоб твэ́рда. О.

На маладыку́, як ма́жешь [хату], так пауки́, казя́ўки бэ́дут, а як на старóм, так ни кой га́дости нэ́ буў. О.

Идэ́ш, пабачы́ш пэ́рвы раз маладичка́, никуда́ ни с миэ́ста — вы́мачыс и трэ́ рукой [в моче] памы́ть и схóдыть (бородавка). О.

НА МЕЖЕ́ (Б), НА МИЭ́ЖЫ́ (О) — период безлуння. См. также [Безлунне].

На межé не трéба сади́ць, сэя́ць, бу́льбы не мо́но сади́ць. Б.

Молоды́ и стары́к, [между ними] — на миэ́жы. О.

НАДПАДА́Е, безл. (Б) — убывающий месяц, четвертая его четверть. См. также **Падь, Ру́ший (месяц)**.

Зру́шиўся, надпада́е. Б.

НЕГО́ДА (Р) — непогода, плохая, дождливая погода.

[О толче́е насекомых в воздухе говорили:] Так бу́ ступу́ тоўчу́ть.

На негóду. Р.

Як бога́то комора́ на весні́, то прóсо дэ́брое порастэ́. Комары́ ступу́ бэ́ють — бэ́дэ негóда, як о́ни танцу́ють ў́ кучи. Р.

НЕДЕ́ЛЯ (Б) 1. Воскресенье, день недели, характеризующийся запретами, в частности, на женские работы. 2. Мифологиче-

ский персонаж, связанный с этим днем, карающий за нарушение запретов на работу. Ср. Пя́тница, Среда́.

Ў неде́лю не тчо́ць, неде́ля крoсна перепу́тае. Б.

НЕЖАЛОСЛИВО/НЕЖАЛОСТНО ДЭРЭВО (О) — о дереве, в которое ударила молния. Считалось, что в нем скрывалась нечистая сила.

Неза́, ка́жуть, бо нечы́ста си́ла сидэ́ла, на ха́ту не ба́руць, як вда́рил гром. Дэ́рэво нежа́лосливо. Лука́вый там быў. О.

...нежа́лостно дэ́рэво, ка́жуть, там нечы́ста си́ла сидэ́ла, лука́вый там буў. О.

НЕПРА́ВИЛЬНЫЙ ДЭ́НЬ (Б) — день, работа в который приводит к несчастьям. Как правило, запреты относятся к ткачеству.

Бабы́ каза́ли, не слуй у непра́вильный дэ́нь, бо прусы́ да блошчы́цы нападу́ць. Шче ка́жучь, волки́ бу́дуць до хатэ́й напада́ць. Як не у пра́вильный дэ́нь снова́ць бу́дешь, то душа́ ме́ртвого бу́де приходи́ць. Ляко́ўки ходи́ць бу́дуць. Б.

НО́ЧЬ (Б) — мифологический персонаж (персонификация ночи как времени суток), связанный с прядением, карающий за нарушение запретов.

У нас ка́жучь, шо не мо́но мы́чку на грэ́бни оставля́ць. Чи на ноч оста́вишь мы́чку, то ноч приде́т, да бу́де ша́ра́хкаць вереце́нами, мы́чку допреде́, да не бу́де дава́ць спаць. Б.

Трэ́ба допра́сти мы́чку, на ноч на грэ́бне не кы́дали, бу́де ша́рахте́ць яка́сь пога́на, змей яка́сь. Такé зле́, ка́жучь, Ноч. Шче каза́ли, шо у де́да борода́ вы́росте, у то́го што умер, да бу́де ходи́ць да ляка́ць. Б.

ОМЕ́ЛА (ВЖ) — омега. См. Ме́ла.

ПА́ДЬ (Б) — время убывания месяца, четвертая четверть. См. также На́дпада́е, Руша́ння, Ру́ший ме́сяц.

Ў па́дь не зачина́юць роби́ц, як бы па́дае ўсе́, шо бу́дешь роби́ць. И ў са́мый молоды́к не зачина́юць роби́ц — тре́ба, шоб оду́жил дни три-четыре. Б.

ПАЛУЛУ́НИЕ (О) — полнолуние.

Палулу́ние, по́ўный ми́сяц. О.

ПО́ДВЕ́Й (Б). См. [Вихрь].

По́двэй — ка́жучь, як де круне́. Б.

[ПОЛДЕНЬ]: ПОЛДЕНЬ (Б), ПОЎДЕНЬ (ВЖ), ПОЎДЕН (ВЖ), ПОЛУДЭНЬ (Р), СЕРЕД ДНЯ (Б) — опасное время суток, так же, как и **[Полночь]**.

[ПОЛНОЧЬ], ПЕЎНОЧ, ПЎЎНОЧ (Р, ВЖ), СЕРЕД НОЧИ, ПОСЕРЕД НОЧИ (Б) — полночь, как и полдень, опасные, переходные периоды суток. В это время соблюдался ряд запретов.

Шо пòлдень, шо посеред нòчи — одне. Мòже злякàца, зрòбица погàно днèм, як и нòчью. Серед дня русàлки ходили по житю. Моя мàти их колысь бàчила. Кàже: «Приходю до жита, бàчу — спевàюць девòчки ў бèлых венòчках, плàтьечках: „Меня мàти народила, на кàмушек посадила“ — русàлки, це ж нехрищченые девòчки, шо так умирàюць». Б.

Серед дня як и ў серед нòчи. Не мòно спàць, в окнò не мòно дивца — погàны хòдяць. Б.

Шось пужàз у пèўноч и ў поўдень. ВЖ.

Во пўўноч мòжэ пòявцэ такàя, шо пужàз; и во поўдèн — столб иде... на ростанцàх пужàз. ВЖ.

[Не нужно плавать по реке, пруду в полдень и полночь:] Бўдэ такàя бўра. Гды то полудèнь, пèрвы час. Ўсе равно як поўноч, так и ёто, аднàково. Р.

[ПОЛНЫЙ (МЕСЯЦ)]: ПОЎНА (О), ПОЎНЯ (Р, ВЖ), ПОЎНО (ВЖ), ПОЎНЫЙ МИЭСЯЦ (О) — полнолуние.

Зàўтра бўдэ пòўня, той настàне пòўни, на дрўги дèнь. Гнйли дèнь — ци один, ци два. Р.

Под пòўна (О), под пòўне (ВЖ), под пòўну (О), под пòўню (Р), подпòўна (Б), падпòўна (Б) — время около полнолуния, конец второй четверти месяца.

Под пòўну дом [ставят], шòб дòма стоял и пòўно ў домў былò. О.

У нас завèтса ухòдины. Некатòрые убираюцца у сèмачку [7-й день новолунья], а некатòрые под пòўню [полнолуние]. Кàжуць: «Во, багатырй убираюцца под пòўню». Р.

Як уже подпòўна бўде — трèба седàць прàсти — ў пьàтницу, да ў серèду. Б.

Гуркй [сажать] на молодикў — трèтий день, пьàтый [нечетный]; дàле — пустоцвèт бўде; гарбузы — як ужэ под пòўне, то хорòшы растўт, крупные. ВЖ.

ПОМЕЛА (ВЖ), ПОМЕЛО (Р) — омега. См. также Мела, Вехà.

Помелò [омела] растé на бярòзе, на вишни. Зялèны такй куст. Р.

[ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ / ДНИ]: ПОСЛЭДНЭ ВРЭМЬЯ (МЕСЯЦА) (Р), ПОСЛЭДНЕ ДНИ (Р) — ущербный месяц, последние дни перед безлунием.

[Когда не подкладывали яйца под наседку?] Мбжа бу́ти у послэ́дних врэмья ме́сяца да и мбжа плóхо. Як старі́к у́же, послэ́дне дни. Р.

ПÓЎДЕНЬ, ж. р. (Р) — полнолуние (?).

Картóшку сады́ли трэ́тей недэ́ли трэ́тего дня [месяц на ущербе] и ў поў́день [полнолуние] — хорóшо будэ. Дерэ́вья на́до ў семачóк [первые семь дней молодого месяца] сады́ць. Р.

ПЬЯ́ТНИЦА (Б, Р, ВЖ, О). Ср. Недэ́ля, Середá.

1. День недели, чаще всего считающийся несчастливым. Окружен многочисленными запретами, связан с женским началом и женскими работами.

Як бу́де так высóка жóнка, то сы́пали на не́е семенá лёну. У пьятни́цу трэ́ба сы́паць и во ў́борник. Але трэ́ба, шоб та жóнка рóдственница была́. На Нóвый гóд на стары́й сы́пали, сы́пали и на Купáлу. Да потóм позметáюць, да сы́пяць у тые семенá, што сэюць. Б.

Як у пьятни́цу прадэ́шь, ма́ти ляка́ла, каза́ла, не прадэ́ть, бо ба́тько ру́ку одрубáе себе́. Б.

Ляка́ли, што не мóно у пьятни́цу пра́сти, бо на глаза́ изрóбицца штось. Каза́ли, у нос, да у рот, да у глаза́ веретéна бóдуць лэ́зти са́ми на тóму свéти. Бóдуць колóць. Б.

Пьятни́ца есць тэ́ жéнский день, пра́сты не полóжено. Б.

Хóди така́ жóнка, перэ́кидае́цца на сбóаку, на вóвцах, яка́сь русáлка, волосá длінны́е, аж по землэ́, да люд́ину гільгае, аж заду́шить — так ляка́юць, шоб не пра́ли у пьятни́цу и на дэд́ы. Б.

В воскресéнне и у пьятни́цу не пра́ли, у сэ́ду пра́ли. Каза́ли, з лóном трусы́цца у пьятни́цу не мóна. Б.

У пьятни́цу нэ́ пра́ли, а ручайќи свивáли на клубóк. Р.

Ў пьятни́цу не мб́жна ткаць. ВЖ.

У пьятни́цу на Ма́сляной не пра́сти, нэ́ кру́татъ прядко́ю, шоб у са́ли чэрви нэ́ завóдылись и у льюбу́ пьятни́цу. О.

У пьятни́цу́ ние приядэм, а шить мб́жна, якись такий религибóзный диень. О.

2. Мифологический персонаж, связанный с прядением и ткачеством, в ряде случаев отождествляемый со св. Параскевой.

У пьятни́цу не пра́ли: пьятни́ца приснй́ца, жóнка така́. Б.

У пьятни́цу не пра́ли и у недэ́лю. Пьятни́ца мў́челница та́ка бу́ла. Ко́лись жы́нка пра́ла у пьятни́цу, вэ́лми пóзно вéчором сидéла.

И з кóмина цéлый такий пучóк веретён упáў. И она́ по одной нi-точце напáрала на кáжно веретёнце и óбрáтно подалá. И Пья́тница их приналá. И с тех пор люди не пра́ли у пъя́тницу. Б.

Ко́лись таке бу́ло, шо жóнка така́ бу́ла пъя́тница. Ена́ тка́ти и пра́сти не хотéла. Дак её чéловéк прышо́ў к ней да гóворыт: «Ў пая́дéлок пра́дi, и ўо втóрок пра́дi, а ў пъя́тницу мотáй, мотáй, мотáй!» Да стал яé мотáть. Дак кáжут, ў ё́тот дeнь ба́бы пра́знуют, не пра́дут. ВЖ.

Икóна е та́ка, дак веротéна на ей торча́ть. Так затiм не пра́ли. Свята́я Пя́тэнка вся веретóнами обста́влена да не мóжна. ВЖ.

Не пры́лы, не прыма́зывалы (в пята́ницу), та́ка икóна бу́ла зрисóвана Пя́тница, як ма́зать, то вона́ убри́зана у крýиди. (Женщина) не та́ка шоб мoлода́, не старá, Параскéва Пя́тница. О.

Свята́я Пя́тница — жéнщина, пуд стéклó (ее) завэ́ли и прасветы́ли и лежа́ла у гробу́, вона́ прасвяшчéна, вона́ бóдэ абéжаца, и пра́чысываца нельз́я, нэ пра́сты, нэ прыма́зывать, нэ стира́ть. «Вы мeне паража́ете, вадвига́ете, тяжéло шо рабóтаете», забри́скають глаза́, «ви му́й вóлосы рвуть», глаза, рúки, пакру́тишь ей, нóги. О.

Ў вóчэри ўже моно пра́сты, бо кáжут, Пя́тница ўже лéгла спаць. О.

РАБIНОВА НОЧ, РОБИ́НА НОЧЬ. См. [Воробьиная ночь].

РА́НИЯ ЗОРНИ́ЦЫ, только мн. ч. (Р) — плеяды. См. Кúрки.

[Плеяды называются] ра́ния зорни́цы. Р.

[РАДУГА]

[Разрывать радугу] (О) — магическое действие, с помощью которого отгоняли дождь.

Як ра́дуга — бóде доршч. Вона́ набирае́ вóду ў ре́цы. И ры́бу тягне з водóй. Сусед пойшо́ў пасцi коня, сиди́ць — пэ́рэд jим ў травi ры́бина — то з ра́дуги. Ко́лись разрывáлы ра́дугу, шоб не бу́ло дорчú, трéчи разорвóмо так [мизинец за мизинец], ўже доршчú не бóде. О.

Ра́дуга вóду бэ́рэ, дорчú не бóдэ. Дэты́шки разрывáюць ра́дугу мызы́нцамы. «Давай-ко ра́дугу разорвóмо». О.

[РУСАЛКИ]. См. также [Дождь].

Росáўки купа́юца (Р) — когда идет грибной дождь, говорят, что это русалки купаются.

На Купáла до звýхода сóнца купа́юца, кáжут, росáўки. Дóжжик идэ́ та́к дрóбненьки и сóнэйко свéтит. То, кáжут, росáўки купа́юца. Р.

РУША́ННЕ (О), РУША́ННЯ (ВЖ), с. р., РУ́ШИЛО, безл. (ВЖ) — время убывания месяца, месяц на ущербе.

РУ́ШИЙ МЕСЯ́Ц (Б, О) — убывающий месяц. См. также [Рушить].

Ў черне́ц, ў ру́ший ме́сяц не мо́но почи́наць ро́біць. Б.

[РУШИТЬ]: РУША́Е (О), РУ́ШИТ (Б), РУ́ШИЦЬ (Б) (МЕСЯ́Ц) — «сдвигается, убывает» — об убывающем месяце; третья четверть месяца.

Руша́е — руша́нне, ста́рый ужэ, сходи́ть на нет. О.

Руша́е ми́сяц, ру́шы, ста́рик. О.

СВИНЯ́ЧИЙ ДОШЧ (Б, О, Р). См. [Дождь].

СВЯТА́ РОСА́ — дождь.

Святу́ ро́су пу́сты́л (бог) (О) — бог послал дождь.

Ў га́ю е хрэ́ст, кало́дец (капли́ца), свещэ́ник во́ду свети́ и ко́ло таго́ кало́ца прэ́сят Бо́га, шо́б святу́ ро́су пу́сты́л. О.

СВЯТА́ СМЕРТЬ (О) — смерть от молнии. См. также **Бо́жа сме́рць.**

СВЯ́ТО ДЭ́РЭВО (О) — о дереве, в которое ударила молния.

Свя́то дэ́рэво, гро́мовое дэ́рэво. Не упо́требля́ть ни в я́кие стрóйки, бо гры́ум спа́лить, добра́ не бу́дет, бо́льные бу́дут, бо́ялись, дэ́рэво то мо́жэ ко́ все́мо привэ́сти. О.

СЕМА́К, СЕМИ́ЧО́К, СЕМО́ЧО́К (Р) — первые 7 дней новолуния.

...втора́я че́тверть [или] семичо́к. Р.

Молоди́к то прэ́быва́е до семака́. Р.

[Ово́ци сажа́ли] трэ́ти де́нь трэ́тей неде́ли [ме́сяц на ущербе].

[Дере́вья сажа́ли] ў мо́лодзику́ [молодой ме́сяц] и ў семочку́. Р.

[Ка́пусту ква́сили] трэ́тей неде́ли или ў семочку́ [перые семь де́ней мо́лодого ме́сяца]. Р.

У семочку́ до́бре ку́ру сажа́ць [на я́йца]. Р.

СЕРЕ́Д ДНЯ/НО́ЧИ (Б). См. [Полдень], [Полночь].

СЕРЕДА́ (Б). Ср. Пя́тница, Неде́ля.

1. Постный день недели, характеризующийся запретами, особенно на женские работы — прядение, снование и тканье.

У Хрэ́сну сэ́рэду не мо́тали, бо бу́де плу́тацца пра́жа. Б.

В сэреду и у п'ятницу, як тчуць, доўго не сидяць, и напрóти недэли. Доўго не сыд'і, б'уде лякаць, якесь погано, чи чэрти. Б.

2. Мифологический персонаж, персонификация среды.

Прóти сэреды долго не сидэмо, не мóно долго прасци, смеяцца не мóно, бо не мóно: сэредá, казали, хóдиць, и б'уде прасци. Б.

У сэреду не снуэмо, бо сэредá мае богáто дóчек, тре богáто оснóвы, прáжи. Б.

СКАЛА

1. Молния (Б, ВЖ)

Скала — мóлния. От, гóвóрать — попáла скала — дом загорéўса. ВЖ.

Як грем'иць и попадáе по дэреву, и разбивáе дэрево, — кажуць, скала по дэреву прохóдиць. Б.

2. Камень (Р).

[Слово скала означает большой камень.] Скала — д'іки кáмень.

Бувáюць три кáменя больш'іх — три скалы [за селом лежат три больш'их камня в кучке]. Р.

Скала я чула што кáжуть. То кáмень. Р.

СЛЕПЫЙ ДОШТЬ (Р). См. [Дождь].

[СОЛНЦЕ]

[Солнце играет (огнями) (Р) / веселится (ВЖ) / гуляет (ВЖ) / купается (О, Р) / сходит (всякими) цветами (ВЖ)] — «игра» солнца во время его восхода на Пасху и некоторые другие летние праздники. Считалось, что его могут видеть только безгрешные люди.

На Пáску сóнцэ грáе у рáзных цвита́х. Такы́ми рáзнымы цвэ́тамы мэ́нялось. Так сóнцэ вэ́сэлылось. ВЖ.

Это ж на Купáла и на Пáску сóнцэ игрáе, когдá начинáе ўсхóдить. Р.

Сóнцэ грáе. [Не обязательно на праздник, могло и не раз в году.] Р.

На Пáску сóнце игрáе. Рáзные цвэ́ты. То як ў́захóдить, рáнен'ко-рáнен'ько. Бáтько кáжэ: «Вэ́ра, побáчь, як сóнце игрáе». Тóлько на Пáску, на пэ́рвы́й дeнь. Р.

Утречком сóнэ́йко игрáе ў́сяк'ими огн'я́ми: на Пáску, на Купáлу, на Рóзгру. Б'удэ ў́сяк'ими цвэ́та́ми рóби́ца. Р.

Сóнца грáе на Пáску тóльки. Игру́ сóнца побáчыть тóльки пчáсливы. Р.

Сóнца грáе пэ́рад Пятрóм — Петру́ўка. Як дэўк'і умира́юць, яны по жы́ту гуля́юць — гэ́та рóзыгры, але их н'ихтó нэ бáчыть, яны [гуля́ют в виде] русáвачак, тады яно грáе. Р.

На Пáску сóнцэ гуля́ет, такы́мы хóдыть цвита́мы. ВЖ.

Это ж на Купала анó, сóнейко вельми купаецца, усякими цветáми показваецца. Р.

За хмару заходить — солнце ку(п)ается. О.

На Пáску ўтром рáно схóдыць сóнцэ ўсякымы цветáмы — кругы рóзови, зелéнаи, сiнии. Сóнцэ схóдыць рáзнымы огнiамы — гуляе. ВЖ.
[Солнце оглянулось на великий дождь] (О) — о грибном дожде.

То кáжуть сóнцэ агляну́ласа на вэ́лики дож — бóльшэ дож б́удэ.

СТАРИ́К (О, Р), СТАРИЧО́К (Р) — старый, убывающий месяц. См. также **Старый**. Ср. [Молодик].

У мéсяцу чаты́ри ква́дри. У трэ́тью чэ́твэ́рть обiчно стараю́цца, у старику́ убира́цца у хáту. Окна стáвяць у эту хáту тóжэ у трэ́тью на́дiлю, оны́ зимóй не намэрза́юць и не текúть. Трэ́ттю на́дiлю, трэ́тего дня обiчно. Р.

[Старый месяц] — послéдня чéтвэ́рть або старiк. Р.

[Старый месяц называется] старiк, зусiм малéньки. Р.

Это ўжэ ў старичку́ дóбре мыть, як ўжэ мéсячик малéнький, ёто вот мýють [дежу]. Р.

Парасýнка на старику́ нэ трэ́ба рiзэць. О.

СТАРЫ́Й (Б, О) — то же, что **Старик**. Ср. [Молодик].

Вивтóрок, ў пýтницу, ў старóму до молодыкá. Б.

На старóм сэют [лен], шоб лóўки рос. О.

Навивáть трэ́ на старóму, шоб булá плóтно полóтнó, нэ рэдкэ, нэ молодэ́ полóтнó. О.

Сноўáть на старóм, шоб нэ дрáлася нiтка, у любий дэ́нь. О.

Та на старóм трэ́ снавáть и ткáсьти. О.

Стары́е лýди и рубáли лис на старóму, и хáту рабiли на старóму, и гнуй вазiли на старóму, и садiли на старóму, картóплю за-кóпвали на старóму. Абязáтно — харашó б́удэ. О.

Вiмазэць хáту трэ́ на старóм, як на маладику́ — б́удэ сыпаца. О.

Агурцý на маладику́ саджáли, шоб малады́ гурóчки, у панэ-дэ́льник. Гарбузы́ на старóм, шоб старi булi, — на Рыгóрья, ў па-нэдэ́льник. О.

Снаўáть на старóм, шоб нэ дрáлася нiтка, у любий дэ́нь. О.

На старóм садя́ть [капусту]. О.

Жы́то це ж на старóм, ўже пóсле Спáса [сеять можно]. О.

И картóшку на старóм садя́ть, и цибу́лю — у сэрэду, у пýтницу у субóту, а гарбузы́ на старóм у лóби дэ́нь. Як хмáрок [тучек] багá-то, знáчить, и гарбузóв багáто будэ́т. О.

На старóм лúччэ, бо на малады́к нэ завья́жэца [капуста]. О.

На старóм стараю́цца убира́ть [картошку на храненъе]. О.

На старóm у пóгреб сыпали. На який дóнь та галóдна куття попадó, у той дэнь и сыплють, шоб мýшки ў пóгрэбэ не завóдilisь. И на Пётра сыплють, на який дэнь [недели] Пётр, на той и галóдна куття. О.

Кали сьвиню на старóm риззали, шоб ў сáли ништó нэ завóдилось — пэрэд Ражэством, Пáской. О.

На старóm стаўлять хату. О.

Пачына́ют шчо паха́ть на старóму, шоб óдмолоть нэ ишла. Óдмолоть — отростки на стебле. О.

На старóму, коли галóдна куття, после Ражэства, пэрэд Крэшэ́нэм [картошку складавают]. О.

[СТУПА]

Стúпу бьóть (Р) / гра́ють (Б) / тоўчúть (Р) (коморы́, мошкá); У стúпку / стúпу гра́ють (Б) — толчея насекомых в воздухе, предвещающая хорошую (или плохую) погоду.

Мошкá стúпу гра́е, коморы́ стúпу гра́ють. То на погóду. Б.

Кумары́ у стúпу гра́ють. То будэ погóда. Б.

Так бу стúпу тоўчúть. На негóду. Р.

Як богáто коморá на веснi, то прóсо дóброе порастэ́. Комары́ стúпу бьóть — будэ негóда, як они́ танцúють ў кúчи. Р.

СУС ХРИСТÓС РОСПЬЯТ (ВЖ) — так говорили о пятнах на Луне. Ср. [Брат].

Гомонiли старые лúди, шо это Сус Христóс роспьят, и не одiн, а врóде два. ВЖ.

СУХИ́НДЫ, только мн. ч. (ВЖ) — какой-то праздник, связанный с угрозой засухи.

Сухiнды [дата неизвестна]. На йих грэчки не сéяли. ВЖ.

[СУХОЙ ЧЕТВЕРГ]: СÚХИЙ/СÚХИ ЧЭТВЭР/ЧЕТВЭР/ЧАТВЭР (Б, О, Р) — четверг после Троицы, связанный с запретом работ во избежание засухи. В этот день просушивали одежду.

Сúхий чэтвэр после Трiицы. Картошки не окóпают — бо посóхне. Як знáэш — нэ мóжно робiть, як не знáэш, то можно. Б.

Однá жонка ўсе скóльки вьóполола ў сúхий четвэр, стоки и посóхла. Б.

[Сушили ли на Сухой четверг одежду?] От тогó сúхий чэтвэр, шоб на пóле нэ итi. Сё до пóля, сё нэ до одéжы. (...) Б.

То Сúхий четвэр на чэтвэ́ртой нэдэле от Велькоднiя, перед Трiицею. На йóго бúльби нэ кóпають, нэ окóпають ничóго на огорóди. Е шо хто зрóбит — то посóхло. Б.

Сухі чэтвэр — [четверг после Троицы]. Нэльзя нічога робіты. Усё просушываюць одэжу. [Если в этот день работать, то] усё пособхне. Р.

У чэтвэр пбслэ Троицы — русалки ж сўшатся — сухій чэтвэр, кáжут. Нэзя сапавáты — бо будэ засуха. Адэжу пэрэсўшивали. О.

На Сухі чэтвэр одэжу пэрэсўшивали, нэ сапавáли — шоб нэ па-сбхло. О.

Сўхи чэтвэр — русалки пэрэсўшиваюца. О.

Сухій чэтвэр (четверг после Троицы) русалочки пэрэсўшуюца и ховáюца у могíлу. «Провожа́ють» русáлок. О.

СУХЛІВО ЛÉТО (О) — засушливое лето. Ср. **Моклывэ літо**.

Як берэза пёрша [зацветет], мочлiво лéто будэ, як пёрша бль-ха — лéто сухлiво. О.

ХВІЛЯ (Б). См. [Вихрь], # Лихій кру́тиць.

ЦЫГАНСКИЙ ДОШЧ/ДОШЧЫК (ВЖ, О). См. [Дождь].

ЧЕРНÉЦ (Б) — безлуние. См. также [Безлуние].

[ЧОРТ]. См. также [Вихрь].

Чóрт дóчку зáмуж выдаé, чэ́рти свáдьбу гуля́ють (ВЖ) — о вихре.

[Про вихрь говорили:] Чэ́рти свáдьбу гуля́ють, чорт дóчку зá-муж выдаé. ВЖ.

Чóрт жéница, чэ́рты жéняца (Б, Р) — о вихре.

Як вiхор — чи повéсилось, чи утопiлось, чи ховáюць погáного. Ишо кáжуць — чэ́рты жéняца да лéтаюць. Б.

От летiть [вихрь], кáжут, чорт жéница. А одын мужык узя́ў да соки́ру тудá. Он летiть, а он соки́ру тудá. И на соки́ри кроў булá. [Причина вихря:] лихий, нэчiстая сiла, чорт. Р.

[О вихре говорили:] вiтер велiки, чэ́рти жéняца и зломáюць усé на пуцi, вiхор, кру́ча. Як зрбица вiхор ды баба якáясь умéрла ба́юць: «Гэ́то знахóрка булá». [Причиной вихря считалась также погоня чертей за душами людей.] Р.

М. М. Валенцова

ДЕМОНОЛОГИЯ

Словарь мифологической терминологии включает не только имена мифологических персонажей, зафиксированные в этих селах, но и предикаты, описывающие основные действия и состояния как самих мифологических персонажей (например, *водить, знать* и т. д.), так и людей, подпавших под воздействие этих персонажей (например, *представляться*, а также названия процессов и состояний, являющихся результатом деятельности нечистой силы (в частности, *вихрь, колтун, подумки, уроки* и т. д.).

В основу словаря положен лексический принцип с некоторыми элементами идеографического: выделяются пучки релевантных для персонажа признаков и функций. Если имя персонажа, приводимое в качестве заглавного слова (например, *Баба*), участвует в образовании устойчивых фразеологических сочетаний (например, *Баба, што шепче*), эти сочетания приводятся в словарной статье с данным заглавным словом после знака #.

Заглавные слова, обозначающие имена, даются в том графическом виде, в каком они зафиксированы в записях (например, **БАБА ЗЕЛІЗНА, ВАРАЖЕЙКА**). В качестве заглавного слова, обозначающего предикат, в квадратных скобках приводится глагол в неопределенной форме в соответствии с правилами русской грамматики (например, [**ЗНАТЬ**]), независимо от того, принадлежит ли он в каждом конкретном тексте украинским или белорусским говорам. Фонетические варианты написаний (отражающие зачастую не столько разницу реального произношения информантов, сколько разницу восприятия звуковой системы диалекта собирателями, не подготовленными к диалектологической работе в полесских селах) приводятся после заглавного слова в круглых скобках (например: **ВЕДЬМА (ВИЕДЬМА, ВИДЬМА, ВИЭДЬМА, ВЭДЬМА, УЕДЬМА, УЭДЬМА)**). Словообразовательные варианты, образованные от одного корня (как, например, **ВЕДЬМА** и **ВЕДЬМАРКА**), равно как и лексические синонимы (например, **ЗАВИТКА** и **ЗАЛОМ**), даются как самостоятельные заглавные слова. В тех случаях, когда мифологический персонаж, действие или состояние имеют несколько обозначений, определение дается к наиболее частотной, наиболее характерной лексеме, в остальных случаях дается отсылка к основной статье (**ВЕДЮГА** — то же, что **Ведьма**). В основной статье после опреде-

ления за двумя косыми чертами (//) курсивом приводятся зафиксированные в словаре синонимы к определяемому слову. Если описывается мифологический персонаж, то после синонимов за одной косой чертой (/) полужирным шрифтом приводится список глаголов, обозначающих характерные для этого персонажа действия. В диалектных текстах курсивом выделяются глаголы, описанные в словаре под отдельными статьями.

БАБА — знахарка, лечащая заговорами и травами людей и скот от болезней, главным образом, полученных в результате порчи, сглаза, а также с помощью магических средств определяющая того, кто «испортил» больного. // *Бáбка, Бáбка-шэпту́ха, Шепту́ха.* / [Знать], [Шептать].

Як шось менé худóбе стáне, чи худóбе, то идéшь к бáбе, и онá кáже: хóчешь побáчиць? И як побáчишь, то ужé минé ничóго не бóде, а томú колдунú бóде. Б.

Баба, котора лéчиць

Шукáюць такú бáбу, котóра лéчиць, шоб *пошептáла* и зéлье шоб даé. Б.

Бáба, шчо ворожýла

Бáбу-ягú робýли [на палке], коб дéти утекáли да к огнiю не йшли. Постаўлять два колкi да хýску завяжуть, зрблять би пужáнало якбе, да стоить бáба-ягá кóло тогó ведрá [в котóром жгли солому]. Ведрó сэрэд, кóло сорáя. Хто *знаў робýти*. [1-ый информатор] «Баба-яга — порвáна ногá» [2-ой информатор] [Почему так говорили?] Мы ж её обкрутили тра́пками порвáнами. А потóм пораскидáють да ўсе у яку ямú кiнуть. Тóя бáба, шчо ворожýла, тóя и разрывáла. [1-ый информатор]: [Баба-яга] стоýла на дрючкú [на палке]. Поста́вили пáлку, рúки зрбýли, гóлову, да и бáба-ягá. Прóти Купáла вéчером. Як пройшлó Купáло, да и разрывáли. Р.

Бáба, што шéпче // *Шепту́ха.* / [Шептать].

Як дитя спугáецца, то бáба, што шéпче, берé мýкишку хлéба, качáе, качáе и по животú, и по спинé, и потóм разделéе, и там е нéкий вóлос, такi тýнецца, як злякáлос. А як яйцé качае, то выливáе ў стакáн з водóй и жолтóк пáдае на дно, а белóк поднимáецца, и у ём такi пáлки, и тадá бáба кáже — сiльно злакáлоса. Б.

БАБА ЗЕЛIЗНА — мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей, чтобы они не ходили в огород.

Чтобы дети не ходили в огород, [говорили]: Бáба зелiзна сэдýть. О.

БАБА-ЯГÁ

1. Мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей, чтобы они не подходили к колодцу.

Не заглядáй ў колодец, бо там баба ягá сидíть. Р.

2. Чучело, которое делали накануне Ивана Купалы и уничтожали по прошествии этого дня.

Бабу-ягú робíли [на палке], коб дéти утекáли да к огню не йшли. Стаўлять два колкí да хúску завяжутъ, зрóблять би пужá-нало якóе, да стоить баба-ягá кóло тогó ведра [в котором жгли со-лому]. Ведрó сэрэдъ, кóло сорáя. Хто знаў робíти. [1-ый информатор] «Баба-яга — порвáна ногá» [2-ой информатор] [Почему так говорили?] Мы ж её обкру́тили тра́пками порвáнами. А потóм пораскидáють да ўсе у яку ямú кíнуть. Тóя баба, шчо ворожи́ла, тóя и разрыва́ла. [1-ый информатор]: [Баба-яга] сто́яла на дрючкú [на палке]. По-ста́вили пáлку, рúки зробíли, гóлову, да и баба-ягá. Прóти Купáла вéчером. Як пройшлó Купáло, да и разрыва́ли. Р.

БАБА́Й — мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей, чтобы они не ходили в огород или к колодцу.

Як [в] колóдэць дýвыця дýти, пужáють: Баба́й ухватэ, або жа́ба. О.

БА́БКА — то же, что Ба́ба.

[Чтобы обезвредить залом] ба́бки шука́ють, *пошепче*, вíрве и жжигáе. Б.

БА́БКА-ШЭПТ́УХА — то же, что Ба́ба.

Кади́ я был хлóпцэм — як заболэ́эшъ — гукáют ба́бку-шэпт́уху, и тады у ба́бы у руке́ из свято́го стэ́гна кóстка и нож. Патарка́ет бально́му, а кóстку прóсто дэржа́ла — як струмэ́нт у ей был. О.

БУРАЛОМ — то же, что Вíхорь.

Буралом. Бурун. Ветер дуэ — нечиста сила летить. О.

В НОС́У МУХИ — о человеке, умеющем колдовать, заниматься знахарством. Б.

ВАДЯНЬ́ИЕ [ЛЮДИ] — мифологические персонажи, обитающие в море. В основе представлений о водяных людях лежит апокрифическая легенда о воинах фараона, утонувших в море и вынужденных жить в воде до конца века. Этот персонаж не имеет типологического и генетического родства с в.-слав. во-

дьяным — мифологическим хозяином водоема, склонным к оборотничеству и способным топить людей.

Вадыяны́е — дѣки людѣны [живут в морях]. Мѣсячна ноч, так столько их велѣзают и спиваюут под тем свѣтом. [Раз] паймаѣли вадыяну жѣнщину, красѣва, касѣ чѣрна. Она плакала и просѣлась назад [в море. А тот, кто ее поймал,] ў казанѣ держѣаў и вон з нею жил. [Эту печальную историю рассказал информантке ее дядя, который плавал на кораблях 8 лет]. О.

ВАРАЖЕЙКА — знахарка, с помощью магических приемов указывающая на человека, который является причиной порчи, или находит место, где порча подброшена // *Ворѣжка*.

Варажѣйка — угадывае, акраѣец хлѣба [дают], кѣлы угадае. О.

ВЕДЬМА (ВИЕДЬМА, ВИДЬМА, ВИЭДЬМА, ВЭДЬМА, УЭДЬМА, УЭДЬМА) — женщина, обладающая демоническими свойствами, вступающая в контакт с нечистой силой, отнимающая молоко у коров и насылающая болезни на людей и скот. Ведьма обладает способностью превращаться в различных животных и предметы. // *Вѣдѣма-чародѣльница, Вѣдѣмарка, Вѣдѣмуха, Ворѣжка-2, Вѣдѣюга, Змея, Знахарка, Колдунка, Колдунья, Колдунха, Погана, Сатана-2, Хундорка, Чаровница, Чародѣйка, Чародѣйница, Чѣртоў маѣтерь знала.* / [Знаѣся], [Портѣть], [След братѣ].

Знахари, шептунѣ, вѣдѣми — все с чѣрѣтями *знаюца*. Порчу навѣдѣять. Б.

Кто становится ведьмой:

Як маѣти два разѣ своѣй грудѣ дѣтѣти даѣ [отняв от груди ребенка, через некоторое время снова кормит], то тѣе дѣтѣ бѣде молоко у корѣвы тягѣти — вѣдѣма бѣде. ВЖ.

Время появления:

[**Большие праздники:**

Карѣву ў хаѣу прѣтѣв Вѣлѣкого прѣздника (Пѣски, Крѣщѣния), шоб вѣдѣма не падаѣла, хлѣвѣ замыкаѣли. О.

[**Троицкая неделя:**

На Свѣтѣ нѣдѣлю, Клѣчана нѣдѣля, стрѣкаюут клѣчанье, сынѣ, лѣпа [т. е. любую зелень, зеленые ветки] ў хлѣв той, шоб вѣдѣма не захѣдыла. О.

[**Иван Купала:**

Вѣдѣмы на Купѣльного Ивана летѣюць. ВЖ.

На Купѣйла злѣтѣвались тыи вѣдѣмы ў хаѣу, ў бѣўдуру [трубу]. О.

На Купайлу вѣдьмам песні спѣвали:

*Кто не вѣйдэ Купайло глядѣти,
Стара вѣдьма сама не вѣшла.
И дочкѣ не пустѣла,
На дуб лѣзла, кору грызла,
С дуба упала, зелья копала,
Щоб на вѣдьму шухля [лихорадка] напала,
Шоб трусила во вѣтрок,
Не дойла коров сѣрок.
Шоб трусила в пятницю,
Не збирала в масляницю. Б.*

Откуда вѣдьма берет свою силу:

На Паску пэрэд тым, як батушка кáжэт: «Христос ўаскрэс», ў 12 часѡв вѣдьми гуляе. Идэ свечшчэник, егѡ ахраняют мушчѣны, а тѣи вѣдьми за мушчэнами, хѡче смѣкнуць батушку за рѣзу, як смѣкнэ, не даглядят мушчѣны, той батушко большы, она [вѣдьма] тодá шо хѡчет, то и рѡбит весь год. Це тѡчно, як смѣкнэ батушку вѣдьма. Не успѣет — значит прапала, тагѡ не зрѡбит: малакѡ мѡже хадѣць дайтѣ, [но] не пэрэрѡбѣца ў сабаку чи шо. Як на празднѣк за папѡм бежать, то тѡчно вѣдьма. На Паску вѣдьмы бѣгают. О.

[На всенощную.] То кáжут, шо якá вѣдьма ўже як батушка пѣрви раз скáжэт: «Христѡс воскрэс», она кáжэ: «У менѣ грѡшэй нема». Ето, шоб ей спорѣлося. Р.

Оборотничество вѣдьмы:

Колѣсь казали, шо караулили. Вѣдьма *перкидѡица* в жáбу, коняку, в вужакá [ужа]. Булѡ так: у жáбы отрубѣли лапу, а у бáбы руки нимá на дрѡгий дѣнь. Б.

Вѣдьмы колѣсь булѣ, у них хвостѣ булѣ. Вѣдьма у гѡлку *пэрэрѡбыца*, як шукать стануть. О.

[Туманная Гута] Калѣсь бáтько шоў и куэт мяўкае. И ўзяў йгѡ на плѣзчы, ўшоў ў хату и куэт кудáсь дѣўся. То вѣдьма булá. О.

Ужѡм *пэрэкѣдваюца* и жáбау вѣдьмы. Идѣш па дарѡги — сѣна на капѣца ѣдэ — то вѣдьма. О.

Цэ вѣдьма, зрѡбитѣ так, болѣть бѣдэш. Шэптѡха отшѣпчивала, так прѡйдэ. Вѣдьма мѡжэ сказáть, шо нэ так, вона корѡву мѡжэ нѡчу подойть. Одзвáеца у погáну одэжу, и собáкой *дзлаеца* и гадѣюкой. О.

Ўѣдьма нѡчью карѡў дѡбитѣ, ўона ў котá *преврашчáеца*. О.

Колѣсь такѣ бул сын, а егѡ мáти сидѣла на прѣпечке, а ѣнá булá вѣдьма. А он сел у хлѣве нѡчью ждáци ту вѣдьму. Прихѡдѣ жáба, и ѣн одрубáл ий лáпку, а на другѡе ўтро увѣдел, шо одрубáл своѣй мáцери рѡку. Б.

Батька вашоў ў хлев, а карова падбена, така жаба агромна ў хлёви была, батька взяў, здвiгнул батогом, а назаўтра соседка перебита. То вядьма. Бiльш не хадыла. [Время не указывается]. О.

Действия ведьмы:

[Отнимать у коров молоко]:

[Один рассказывал]: Идэ з гульні и собака вскочила на плэчи. То вiедьма. А шчэ воны ходылы корёву дойць. О.

Паслі тры чоловiка на Купалу коней, и тут бачуць — бэжыць свиння. Адiн ускочиў, ды пабэг за ёю. З свинни вiрасла жоночина, вона бэгла и збирала росу. Тады адiн чоловiк прызнаў у ей сваю куму и кажа: «Што кумэ, то и мне». На чоловiка палилося молоко. Гэта была вэдьма, яка крала молоко. Р.

Прыдэ вэдьма да шо-нибудь возьмэ со двора — хоть трыпочку, — так уже у корове нема молока. Б.

[Собирать росу]:

На свiята Юрия часом собираюць росу як сонце ишо не зашлэ. Моно и не вэдьма собираць — очи промываць тею росю. Як збирае росу вэдьма — она тею росой на корову лёе. Часом корова вiйде з ноци — роса так и стойць по ней. Б.

Вэдьма може на Юрья збираць росу — шмотiнку по росе помочила да вiтерла ў кварточку, чи ў тарелочку. Вiйде корова ўтром — роса так и стойць по ей. Б.

Вэдьма на Купала жабой *скинула*. На Юрья росу собирали на цэдiлку з чужих полэй. Р.

[Портить скотину]:

[Когда у коровы кровь в вымени], это ўэдьма зробила. Уэдьма [обычно употребляют это слово как ругательное]. Р.

Як людiна вэдьма с нэчыстым духом *знаеца*, вэдьма скатыну *портит* ўсегда, вона у чужих каров малако тiгнэ и ў сваё хазiйства нэсэ. Як вэдьма будэ, то уж будэ у нею ў хлеме, уж малако у чужих каров ссе, малака натяг и ей нэсэ, шоб багато малака було у каровы. О.

[Брать след]:

Як прайдют каровы, вэдьма побачит и зэмлю из слэда бэрэ, карову зедэе и вона малака не дае, а тоды шукajúт шептуху, а баба та Бога прэсыт, шоб малачко було, баба *пашэпчэ*, и вонэ паможэт. Другою ўлицею гонить нада. О.

[Прясть и ткать]:

На сноўницы нельзя основу остаўляти [на ночь], мо яка вэдьма будэ ткати. Наснуеш да че вэдьма да вiтче [и возьмет себе]. Р.

До празника старajúца кончить [особенно перед Рождеством]. Уже ж прадэш, коб вэдьма не пришлэ. [Если не успевают, то говорят:] «Ужэ нехай вэдьма докóнчвае, допрадае». Р.

[Летать на шабаш]:

А да она жыла на хуторе, посэрадь поля груша большая була, дычка старинная, и у ётой ведьмы знаёте, шо из Россiiи, её шукали, приежали, прилетали до той груши, то ж вонь чим долетали, чи чертами, чи шче якими птушками, да гента танцовали. Тую жёншчину вона на Прэчiсту пришла, каб бы под тую грушу, и там зробылося шо вона всем лет пролежала нетлэнная и жыла. Р.

Йихал гончар, трыпошник. [Попросился переночевать в дом], положили спаты на лавку, а вун дывыця: найшло бабок богато, за свитылы моргунчик и шипочут, вун очи закрые и подывыця. Двери не очиняюця, а их ўсэ мэнше и мэнше. [Когда ни одной не стало, он заглянул в печку] и затынуло у камэн и оказаўся у дэгарни на вэрби, да вэдыми злытались, вонь на бэрэзовой тычки пролытылы и вун так. О.

[Насылать на скот ласку]:

[хутор Подомша за г. Столин] З ноцы короўа мёкра. Шо мы робымо. Гоўбрать, есь такая ласица, она злэз на короўу и шлокбэ её. Ўздыма наслала. Ўзшаемо зеркало над короўою, бярэмо скелета, голоўу с коня [череп коня], ўзшаемо на дўэрах, — ужэ она (ласица) не пойдэ. Р.

[Делать колтун]:

Кажуть, вэдыма короўу подоила, коўтун приробила. ВЖ.

Смерть ведьмы:

Як вэдыма умирае, будэ доўго болеть, дак доску трэба вертеть ў стбли, щоб вона скорей ўмэрла. О.

Обереги от ведьмы:**[Сретенская свеча]:**

На Стрэтение святили свечки, на Купайлу затыкали их в ворота до коробы, щоб вэдыма не пришла. В.

Свечку ложать в хлёв, если вэдыма пройдэ, то погрызэ свечку. В.

[Растения]:

В ворота затыкають осiновую голячку [палочку], щоб она вэдыму не допустила. В.

Ветки от берёзы ломали, занесут в будiнок, оставят, щоб вэдыма не приходила. В.

На Ивана Купалного вэдымы ходили, то каюць, трэ взяти мака-ведюку свячного и посыпаць кiле хаты и хлёва, то вона не мбже перойти. В.

Пэрад Купала рано беруть прокiву, вэшають кругом (каб вэдыма рuki попакла), на выгоняють рано скотыну. Р.

[Сжигать ведьму]:

На Купала некоторые идуть с жаром, да и ворожать, да спать. Солómки крóхи спáлять у ведрé кóло хáты. [При обсуждении с другими информантами, зачем это делали, был и такой ответ:] Конéшно, вéдму палили. Р.

Некóторые полили на дворí солóму [на Ивана Купалу]. Накладуть огóнчик малы, чи мо какй вéдми, чи мо полили éтих вéдмэй; то ж вéдма нэ прййдэ у дворí. Р.

[Закрывать хлев бороной]:

Боронóю хлeуá застаўляли, штоб ўэдма не пошла до короўи. Прокйўы накладáли на дўэра́х, так, на Купáлу закладáли старйе бабй. Тапéр не закладáють, бо не ма тых ўэдмэй. Р.

[Сжигать на Ивана Купалу костру и лен]:

Е прáзник такйй, Иван Купáльный. Як закопáеш кайстри́цу собé на дворé, то познáеш, якá бáба хóдиць молоко́ тягнуць. Палили тую́ костри́цу, штоб молоко́ не тягнули вéдмы. Б.

На Купáлу кйдали ў огóнь мýчки и трóхи лeну, штоб вéдма молоко́ не тягла. Б.

[Обсыпать двор маком, семенем льна]:

Посыпáли мáком, протягиўали вэрóўку, не тóльке нйтку, да вэрóўку дóбрую, шчо чоловйк идэ да й зачéппица да й упадé. Вот шути́ли так. [Для вéдмы делали то же.] И лён сыплють. Мак, лён — это коб вéдма, як идэ, то пóкуль шчо́б она́ пэрэшчитáла то усé той мак и ёто сёмье пэрэшчитáла, пóкуль она́ дóйдэ до дворá. То ж, знáчить, пóкуль она́ пэрэшчитáе. Прокйву ложы́ли, коб опэклáся. Р.

[Соблюдать правила выгона коровы на пастбище]:

Соки́ру, яйцэ, хлэб, водо́ю свято́ю [поливали хлев и перед порогом клали]. «Иди́, корóўка, на пáшу, стéли бóжэ, тэбэ, коб от тэбэ молочкá никтó нэ отняў, коб вéдма от тэбэ молочкá нэ забрáла». Р.

Як вигоняюць на пáшу, берóуць у тóрбочку цилий бухáнец, штоб ни надрэзани, берóуць ицó сирé, вирбу́ свечóну и штоб ўсé до дóму назат принéс, штоб весь гот коро́ва була цéла. Вигоняюць вирбóю и носи ту вербу́ ў руках цéлий день и принéсьть до дóму и заткнуць ў ворóта, то ўже нйяка зми́я, нйяка вéдма не бóдит подхóдиць. Б.

[Кипятить воду]:

На костре́ кипитйли вóду в чугункé, штоб вéдма туды попáла. Б.

Способы увидеть и узнать ведьму:**[Через борону]:**

Прóти Ива́на вéдма, шо молоко́ тягне, стáвили бóрону. Як сядеш за тей боронóю, то побáчишь вéдму, — як она шо-нибудь затыкаé ў кля́мочку, де замыка́еца корóвка — голя́чку яку́ю-нибудь. Б.

Як х́очешь вѣдму поб́ачиць, то в́озьми борон́у и сядь под ёю, от себе з́убы, и ты вѣдму б́ачишь, а она́ тебе не. Вѣдма *перэкидаецца* у жабу, у кот́а, у соб́аку. Як ты поберэ́шь ту жабу, то у тебе у х́ате у р́анце б́уде та ж́инка, якшо та жаба не утека́е. Б.

[С помощью горошины, выросшей в черепе ужа]:

Як ты х́очешь узн́аць, хто у тебе молоко́ тягне, трэ́ба заб́иць вуж́а, ў з́емлю закопа́ць и положи́ць у па́шчу е́му одну́ чи две горóшины, и як в́ырасте, то трэ́ба на Ива́ну Купа́йлу положи́ць на плече́ ту горóшину, шо в́ыросла, и тода́ поб́ачишь ту вѣдму, шо до тебе иде́. Б.

Если х́очешь поб́ачить вѣдму, надо в ма́рте ме́сяце впойма́ть гадю́ку, оторва́ть го́лову, закопа́ть и на том ме́сте посади́ть горóх, шоб он к Купа́йле подрóс. На Купа́йлу на́до обвяза́ться тем горóхом, сесть в сара́е за борон́у, шо стои́ть зубца́ми к стéнке и сэсти и жд́ати и поб́ачишь вѣдму. Б.

[Во время церковной службы]:

Як ид́уть на всéночну, то вѣдма нэ в́ыйдэ с цэркв́и. «Я постóю, я постóю». Приворóживали, приговарывали. То ж ќажуть: «Во вѣдми, поостава́лися». Р.

Як ид́уть круг хра́ма [на Пасху], да ба́тюшко ќажэ: «Христóс ўоскрэ́с!» Як ска́жэ: «Христóс ўоскрэ́с!» — то ўона́ [ведма] земли́ ухóпить и с тэй земл́ей бежы́ть до х́аты. У́а́дма. Р.

[Во сне]:

Иде́ вóзле сара́я — слы́шешь, до́юць корóву, открýешь двéрь — никóго. Дед мой поб́ачил во сне одну́ вѣдму, шо у его корóвки молоко́ тяѓала, она́ е́му ќажець: «Ты на меня́ не серча́й. Я тебе бóльше корóв дойць не б́уду. Я за́ре пришла ў хлев — заткн́уць дверь берёзовым колóчком. Не прид́у, значиць, бóльше». Наутро он придé ў хлев, ба́чиць — и пра́вда. Б.

ВѢДМА-ЧАРОДЕ́ЛЬНИЦА — название вѣдмы в заговоре скота накануне Ивана Купала. Этот же заговор используют и при лечении скота от порчи.

Скот́ину лечы́ть:

Гбсподу Бóгу помолю́ся,

Святóму Ива́ну Купа́йлóму,

Святý Ива́н Купа́йло,

Ст́ане ты ў пóмочь скот́инцы,

[масть, например] *Чóрной шэ́рст́инци,*

Азьм́и ты е́е и постанóви

Пóды мх́ами,

Под болот́ами,

Под сными зар́ами,

А прихóдить Прэ́чыста Ма́ти,

Взяла эту скотинку,
 Чорну шэрстинку,
 Постановила ее сінего мбря,
 Тридевяти жэлэзных тынбу городила,
 Тридевяти жэлэзных ворбт запирала.
 Тридевяти золатых замкбу замукала,
 Тридевяти золотых ключбу ў мбра бросала,
 Тридевяти золотых чаш вина паливала,
 Тридевяти четвртэй маку рассыпала
 И ведьму-чародельницу
 До этой скотинки не допускала,
 Если ты, ведьма-чародельница,
 Можэш напройтиў Ббга стаць
 От этой скотинки,
 От чорной шэрстинки
 Плоть-молоко отнять,
 Дак ты ж можэшш, ведьма-чародельница,
 Тридевяти жэлэзных тынбу отгородить,
 Да ты ж можэшш, ведьма-чародельница,
 Тридевяти тэмных ворбт отпирать,
 Да ты ж можэшш, ведьма-чародельница,
 Тридевяти замков отмыкнуть,
 Дак ты можэшш, ведьма-чародельница,
 Тридевяти золотых ключбу
 Из мбра достать,
 Так ты можэшш, ведьма-чародельница,
 Тридевять золотых чаш вина попить,
 Дак ты можэшш, ведьма-чародельница,
 Тридевять четвртэй маку подобрать,
 Да ты можэшш, ведьма-чародельница,
 От этой скотинки, от чорной шэрстинки,
 Плод-молоко отберзшь,
 Дак ты крбью сипнеш
 И Госпбдь тебя накажэ,
 И я тэбэ заговораю губу, забу и шчары, пашчары [?],
 Штоб ты па свету не ходила,
 И з людми не говорила.

[Наговаривать надо] — с чужого села приходить, так на хлебе, мак рассыпáешь; на воду говорю. Заговарывать напро́тиў Ивана Купаль-
 нья надо. [Если не заговоришь], назаўтра молоко уменьшьца, а пого-
 ворйш — не уменьшьца. И крапіву трэб ў ворбта затыкать. [Если
 корову испортили, используют тот же заговор.] ВЖ.

ВЕДЬМА́К — колдун, человек, обладающий демоническими свойствами, связанный с нечистой силой, причиняющий зло людям и скоту. // *Вед(ь)мар(ь), В носу мухи, Колдун.*

Ведьма́к — йон нэ вмырае дак, як нэ пэрэка́жэ ніко́му. Мучы́ця до́уга: пяць-шэсць дніў. Гавары́ли, шо провэ́рчува́ли ў сто́ли, шо́б вин вма́р. Хо́ва́ют як, дак вэзу́ць на кла́дбишчэ ко́нём. Да́к бува́е слўча́и, шо гроб закру́тыця — галова́ на мо́гылкі. ВЖ.

ВЕД(Ь)МА́Р(Ь) (ЎЭДЬМА́Р) — то же, что Ведьма́к.

Ко́лісь каза́ли, шо ведма́ры хо́дяць прэ́тиў Ку́пайла. Б.

[д. Кострово, 5 км от Радчицка] Ведма́ры, знахо́ры на Ку́пала хо́дят. Она́ [ведма] як умрэ — да бу́дэ текты́ из ю́бки мо́лока. [Когда ведма умирает, то просит, чтобы ей дали поесть сметаны или молока:] ой ю́й мо́лока́, ой ю́й сме́таны. [Чтобы «ведмари» не ходили после смерти], обы́па́ють ма́ком на ты́ю мо́гялу. Р.

ВЕДЬМА́РКА — то же, что Ве́дьма.

[хутор Подомша за г. Столин] На Па́ску на усюно́чну ба́тюшко о́кбло цэ́ркви с свечка́ми хо́дить, коро́гви выно́сить, то э́тые же́ншчыны, ве́дма́рки, то она́ бу́де бе́гать за ба́тюшком и хапа́юцца за э́тые ре́зы, при́смо́трисса — их мно́го [ведьм, схватившихся за ризы]. Як оно́ (ба́тюшко) ста́новицца на поро́г, оны́ хапа́юцца. Гы́ньша ка́жэ, шо́б здо́роўа бу́ла. Она́ [ведма] скида́ецца или ў пту́шку йли ў жа́бу йли ў ужа́. Р.

ВЕ́ТЕР ВИХРЕВА́ТЫЙ — то же, что Ви́хорь.

Як ве́тер вихрева́тый, ве́тер шуми́т, ка́жут люди, то чо́рт летитъ з ро́гами. Ко́ли ну́ыж туды́ кинуть, ну́ыж ў кра́ви бу́дэ. О.

ВИ́ЕДЬМУ́ХА — то же, что Ве́дьма.

Шэ́пту́ха — ца́ хорба́ша. Ко́лысь мой ба́тько вва́з в жо́ны з ху́тора. А ты́ Соло́ха ўзяла́ слі́ду ба́тькову и найшла́ ж таку́ ви́едьму́ху ве́до́чу, *пришептала* слаба́ бо́лезь на сим год, мля́вость та́ка, ви́ялось. Во́зйла у Стука́чи́ чэ́рез Дэ́сну, допыта́лис, найшлы́ то́го де́да шепту́на, *пошептав* и выздо́ровив. О.

ВИ́ХАР ВИ́ЭТРА́НИК — то же, что Ви́хорь.

Ка́жуть, че́рт лэ́титъ, альбо́ ви́хар ви́этра́ник. Бра́са́ли нажа́, ў кра́ви нюо́ж и прысе́да́ють на калэ́нцах на зэ́млю. Пу́бд та́э пуо́д-лэ́титъ — ви́этра́ник бу́дэ. О.

ВИ́ХО́РЬ (ВИ́ХАР, ВИ́ХЕ́РЬ, ВИ́ХО́Р, У́ИХО́Р) — нечистый, опасный для людей ветер, результат действия различных де-

монов. Появление вихря связывается со смертью нечистых, «за-
ложных» покойников, с самоубийством. // *Віхар віэтрэнік, Вэ-
тэр вихрэватый, Подвэй, Чэрти жэняца, Чорт лэтить, Чэрт
летить з рогáми, Черты крутили.*

[О вихре говорили:] вітер велики, чэрти жэняца и зломáюць усé
на пуцй, віхор, круча. Як зробица вихор ды баба якаясь умэрла,
баюць: «Гэто знахорка була». [Причиной вихря считалась также
погоня чертей за душами людей.] Р.

Причина вихря:

[Смерть колдуна]:

Віхерь. Як колдун умираець — кажуць, шо оттого крутиць. Б.

[Самоубийство]:

Як віхор — чи повэсилось, чи утопилось, чи ховаюць поганого.
Ишо кажуць — черты жэняца да лётаюць. Б.

[Вихрь — это черт]:

Ўсé раўно што ўйхор, што лихй — то то одно. Р.

Як короўа мокрая — то злы дух, то поганы пудкóхнецца, сядэ на
еé и катаецца. Трэба пилноваты, то трёба там ночоваты да побáчиш,
зачэм она мокрая. Той віхор збурицца, бурить буром, вітер кру-
тить — это той поганый. Это ён пудкóхнецца. Ён и пуд коня пуд-
кóхваецца и пуд корову. Р.

Віхар — то чорт лэтить. Калісь кидáли нож, будэ кроў на
ножы. О.

Обереги от вихря:

[Крестное знамение]:

Віхор — це чорт. Калісь кинул дядька сакиру чыстаю, крови
сакира [стала]. Як віхор — присядь, пэрэхристисца трёба. О.

[Кукиш]:

От ў нас три разы складáли жито, складуть, а его віхорь роскидае.
Дак тея баба, як ў трэти раз віхорь полетёу, побéгла к нему, да мотáе
дўлями: «На-на-на!» ВЖ.

[Умывание наговоренной водой]:

Як крутиць вихор, то шéпчуць на воду, то трэ помыцца не до-
лoнью, а верхом [тыльной стороной руки], а воду вылиць на розы-
ходнии шляхи, и идти, не зырнáць. Б.

Полотно, закрученное вихрем:

Як віхор полотно закрутиць, у цэркви его вéшали и на хфигуры
вэшали, што на росходних дорóгах, хфартуки из них шили, чи так
вэшали. Каза́ли шче, старцам [странникам, нищим] даць, чи жиду
продаць, чи цыгану. Такé шче бывáло, што и закопвали, áле не
зжигáли — лúчше старцу тому оддаць. Ка́жуць, тое полотно черты
крути́ли. Б.

ВОВКУЛА́К (ВОВКУЛА́КА, ВОЛКУЛА́КА)

1. Человек-оборотень, способный по своей воле или воле колдуна оборачиваться волком. / [Перекинуться], [Переробиться].

Ма́тка рассказывала. По́йхав чоловик у Чернігов и взяв про случа́й бэ́змэн. Ну, е́дэ. (Вдруг кто-то) сэ́рд но́чи го́лову положы́в на вуо́з, тот бэ́змэном уда́рив. Нэ́ма нэ́ бэ́змэну, ничо́го. Заежа́ у пе́рвэ сэ́ло, про́сыця ночува́ть. Чэ́лови́к выхо́дэ, отчиняе́ воро́та. «Мо́жно у вас пе́рэночува́ть?» — «Нэ́ бо́йсь, ни́хто ко́ня нэ́ за́ймэ». (В хате) он на ста́ну гля́нув — е́го бэ́змэн. Ста́ло видни́ть. Запрю́ог ко́ни и ка́жэ: «На ж твуй бэ́змэн, ты так нэ́ одва́жуй». (Рассказчица считает, что тот, кто взял безмен), пе́рэки́нувся вовкула́кою. О.

Вовкула́ка це из люде́й переобро́зовываеца в во́лка. Ко́лись дя́дка лежи́т и лежи́т, а як но́чь, так он пошо́ў ў лес. А тоди́ тьи ста́ршие ка́жуть: «Шо вон де́ла не ро́бит? Дава́й присо́чимо, куда́ вон идэ́». Пошли́. Он идэ́, идэ́, воше́л ў лес. Ски́нул ўсе́ на све́те, пе́рэро́бился волкула́кою и знов поше́л. А воны́, те́и ста́ршие, забра́ли штаны́, са́ро́чки. Як най свет, пришо́ў, пе́рэро́биўся знов, а аде́же не́ма. Оста́лсь го́лым. [Чем закончилась эта история, информант не помнит.] О.

2. Бранное слово.

Вовкула́к мо, во́ук, на во́ука ма́тка каза́ла, шо во́укула́к. На люде́й гово́ря́т, ко́гда бра́няца. О.

3. Неповоротливый человек.

Вовкулака — непворона людина, не бистра такэ. О.

[ВОДИ́ТЬ]

1. О действии нечистой силы по отношению к живому человеку: управлять поведением человека, заставляя его, помимо воли, совершать поступки, присущие демонам.

Молоды́ пожини́лись, а он но́чью в во́лка переки́нулся. Так як 12 часо́в пройде́, так он в во́лка *переки́неца* и уходи́ из до́му. Гово́рили, мо́ это сатана́ его во́дит. Б.

2. О действии нечистой силы по отношению к покойнику: вселяться в тело умершего, заставляя его *ходи́ть*.

Святы́ мак ба́ру́ть, як умрэ́ чолови́к, ло́жать у гроб, шчо́б вон нэ́ *ходи́ў*, яго нэ́чысты́я во́дють. Р.

ВОДЯНО́Й — мифологический персонаж, живущий в воде и затягивающий туда людей. В Полесье водяной осмысливается не как хозяин водоема, а как его обитатель, происходящий из утопленников, способный топить людей.

Водяно́й мо́же в во́ду утяну́ть. Б.

ВОЛШЕБНИК — знахарь, обладающий способностью останавливать и отвращать градовые тучи.

Були волшебники такі, штоб хма́ра вороча́лась, па́лкой хресты́ рб́били. В.

ВОРО́ЖКА (ЎОРО́ЖКА)

1. Знахарка, которая может делать добро и зло: вылечивать от порчи и насылать ее, останавливать распространение пожара. // *Варажейка*.

Пудкладáют сьо́эль и хли́ба кусо́к и ўу́злик на углу. Ольге [которой подложили], воро́жка сказала, шось е ў ха́ти [подложенное] и раскида́ли ха́ту, шука́ли и нашлы́. О.

Зна́харка нэ пога́на, вона́ про убы́тки ка́жэ. Воро́жка за пожа́р ворожи́ла. Пэ́рэхры́стыць и читае мо́литва. Бо́жэ сохрани́ про та́и воро́жки пога́но поду́мать — [узнает и гадать не будет]. О.

Ўоро́жка и ле́чыць и наси́лае. Р.

2. То же, что **Ведьма**.

[Ведьма превращается в бревно.] [Дед рассказывал:] Ста́ри чоло́вик ри́бу лови́ў и ўот шоу поўзь сара́й чужы́м. И зацапи́ўса, такэе потяну́лоса [какое-то бревно] за но́гою. А у него́ буў топо́рчик, ун ўз ў да сякану́ў э́тае. И пошбу́. Приходи́ть домо́й, а ужэ́ у яго́ ба́бушки, перясю́к но́гу ба́бушки. То такіе ўоро́жки́ булі ко́гда-то. [Это было на Ивана Купалу.] Р.

ВРОБЛЯТЬ — портить, наносить зло с помощью магических приемов. // [*Зробить*], [*Испортить*].

Ка́жили «вроблять». О.

ВРЭ́ДНЫЕ НА ГЛАЗ — люди, способные «испортить» других людей своим «злым» взглядом. // *Глаз(а)*, *Глазные (люди)*, *Сглаз*, *Уроки*.

Е така́ ма́ти, што покы́нець корми́ти, одлуча́е корми́ти, а оно́ крычи́ць, то вона́ шкоду́е и зно́ў дае́ цы́цку, то такіе лю́ди врэ́дные на гла́з, гла́зные, ка́юць. В.

ВЫ́РЕЙ (ВІ́РЕЙ, ГІ́РЕЙ, ИРИ́Й) — мифологическая страна, находящаяся на теплом море, где зимуют птицы.

Ко́лысь гавари́ли: «А куды ласточки улетели?» — Куды — ў вы́рей. А шо за страна така́? Вы́рей. ВЖ.

[Какая-то птица:] жо́лтбруш́ка или ма́леньки жа́вороночек [ранней весной, перед началом сева кричит:] «Пуд-подб́д-пуд-подб́м». А сто́ги

клали на подá. И она: «На подú». То ўже есть хлеб на подú. Ужé пожа́ли, то она́ будеть крича́ть до зимы́, пока́ у вы́рей (ўы́рей) нэ полеты́ть. Р.

Бусел вылётуе Пёрва Прэчыста [28 августа] у Вы́рей — тэплий край. У вы́рэй лэтыя у тэплий край. О.

Гірей — тэплий край. Вот ў гірей полетэли птушкі. Р.

Говоряць пtiци на зиму в ирий лияць. Б.

ВЭДЮГА — то же, что **Ведьма**.

Вэдюгы ходять да малако́ дбать. Трэба хоч ворота́ дб́рэ закрýть. ВЖ.

ГАДЮКА — мифологическая предводительница змей, имеющая на голове корону.

Есть са́ма глávна та гадю́ка, шо на дэ́рево лэ́зе и там сви́ще.

Блеститъ у гадю́ки голова́, и то зову́ть каро́на. О.

ГЛАЗ(А) — «Злой» глаз, обладатель которого мог испортить человека. // *Глазные (люди), Сглаз, Перелог, Уроки.* / [Поурочить].

Ў кочельку ука́лывали. Ў ко́фточку бу́лавочку зашкрýнэ. Од глаз. И ўзрóслой. Р.

ГЛАЗНЫЕ (ЛЮДИ) — то же, что **Вредные на глаз**. Пример см. в ст. **Вредные на глаз**.

ГРОМ ПОБИЎ — то же, что **Громовое дэрэво**.

[Дерево, в которое ударила молния, называли] шчо гром побіў.

Немóжно пáлиць и дом стрбиць. Бо про яго казáли: сатанá удáрыў бо Бог удáрыў ў сатану. Р.

ГРОМОВОЕ ДЭРЭВО — громобой, дерево, в которое ударил гром, потому что в нем прятался черт. Такое дерево нельзя брать для строительства дома. // *Гром побіў*.

Сэ то дэрэво, громбóвое дэрэво. Не употребля́ть ни в якие стрóйки, бо грыум спáлить, дб́ра не б́дет, бóльные б́дут, бо́лись, дэрэво то мóжэ ко всéмо привэ́сти. О.

ДАМАВОЙ — то же, что **Домовик**.

Дамаво́й, говоря́т, позакрúчивал грíву коня́, где лáсочка е, там дамаво́го не, а ё́сли не — там дамаво́й грíвы закрúчивае. О.

ДЕД — знахарь, лечащий травами и заговорами, мужской аналог **бабки**. // *Дед шептун.* / [Шептать].

Я копа́ла сморóдину, ко́пну́ла — двóе яйц, и трэ́ба забрáть, рúку одибрáло, нельзя и опуститъ руки б́ло. Дед *отчитáв*. О.

ДЕД ШЕПТУН — то же, что Дед. Пример см. в ст. **Віедьмуха**.

[ДЕЛАТЬ] (перевод / на хорошее) — с помощью магических действий и средств приносить вред или добро людям.

Знахор, знахорка — [обыкновенный человек, вредит людям; даже если делает кому-то хорошо, другому человеку от этого делается плохо]: вон мбжэ и на хорбшэе сдэлае, а кому-то от тогб переўбд дэлае, от тобэ, напрымэр, забирае, а другім дае. Он от когб-то дбўжэн ўзяць... Ўэдьмар, знахор — однэе. Р.

ДОБРА (НЭ ДОБРА) НА ПЭРЫХОД — женщина, способная своим приходом принести удачу (или неудачу) в работе.

Як навивае. — Нэ пускайце, трэба навива́ти крósна. Замкнўтисе трэба. Вот она нэ добра на пэрыход, и навиваеца нэ добра. Ўыдэ добра, высылають другую. Ўышэў, походиў по двору да пришлá ў хату. — О, вона́ добра на пэрыход. Як ўыдэ добра, ужэ нико́га нэ пускають ў хату. Р.

ДОЛЯ — персонификация судьбы, участи.

[На Андрея] бра́ли коно́пли и вийшли на ву́лицю далэко и крича́ть: «Гандрэю, Гандрэю, я по тэбе коно́пли сэю! Доля — гу!» И так деўчата кликали соби́ доли. Там ўжива́еца: «Пожды́, я йду!» [Несколько лет назад] у ба́би Соло́хи як покликало, то та дбля розвалы́ла хату. Б.

Як на Андрэ́я мы́чешь мычки́, то ту костри́чку загреба́ем, змета́емо и выно́сим по́зно вэ́чера, як со́нце за́йде, на сме́тняк. И ка́жущь деўки: «Андрэю, Андрэю, я на тобэ коно́плю посею. Доля моя — гу!» А обзыва́еца: «Я иду!» А то лихэ обзыва́еца. И ты девча́та убега́ющь у хату, а той же го́лос ка́же: «Коб не зэлле, да не то́я, то ты бы́ла б деўка мб́я». Б.

Гадалы пред Новым годом. Девки выходылы у поле и вызывалы свою долю: «Доля, Доля моя, идэ ты?» О.

ДОМОВИК (ДАМАВИК, ДАМАВЫК, ДОМОВЫК, ДОМОУИК) — мифологический персонаж, обитающий в доме и мучающий по ночам лошадей. Домовик часто смешивается с лаской и ужом // *Дамавой*.

Домоу́ик, ка́жущь, нечы́ста си́ла живе́ у ха́ти, не у ка́ждой ха́ти, хто йми занима́еца. Р.

Челови́к купи́л в ха́ту, там був домо́вик, дядька в шля́пé. Прихо́див шоб но́вого хозя́ина повида́ть но́чью. На голо́ве сэ́де, на нога́х и да́вить, да́вить, бала́кае, руки не мо́но подня́ть. Б.

Действия домовика:**[Заплетать гриву кою]:**

Ласочка у каждому двори, то по корювку. [Домовой связан с лощадьми]: Як домовик полюбэ — гривки позаплетэе. О.

[Мучить нелюбимую лошадь]:

Домовик буѷ. То у хлёве. Як полюбить коня — то виплитэе, як не — то худый, гоняе йогó. ВЖ.

Як не залюбит дамавик каняку, начнёт мучит, ёздыт, якись людына, карóвы невзлюбит. Тóже гóре: мóкра и мóкра, мучит нóчью. О.

Яна хóдит ласочка во дворé, такой масти трéба худóбу держать, такой шерсти. Як не любыт дамавик каняка, бóдэ патлэае и ў мýле пóсле нóчи. О.

Як злюбит коня, так заплетэ гриву красíво, ў кóсу, то дóбрэ, а як не взлюбит, тады закрутыт як папáла, тады не расплетэшь. Дамавик ў кáждом дворé, дóма бувае, никуда не хóдыт. Як дамавик, то дóбрэ. Нóчью мóжно пачу́ть, идэ: шам-шам... а его не пабáчишь, выун де хоч: хоть на хáте, на дварé, як людына. Мóкрэ конь — то дамавик ганял вси нóчь по хлёву як невзлюбил. О.

[Давить, беспокоить ночью человека]:

Баба Соўкувна кáжэ: «Мэнэ усю нуч давiв домовый. Лэжу до горы, прылэзэ до мэнэ кóтык. Я кажú: «Кóтык, кóтык», — и глажу ёго. А вин кáжэ: «Я нэ кóтык, я домовик». Да як прыдавэ. Но ту бабу домовик нэ задавiв. У кóжному дóми довжón быть домовик. О.

Домовик е по хáтам. Не дае тэбэ спать, лáзае, гуркае. Коняки не полюбить — продáть лóшадь трéба, ездыть цéлу нóчь, корóву змучит. О.

Як домовик заведéца, то погáно. Прихóдил ко мне нóчью, як человек, да только не видáть. Чúю надо мной нагну́лся и дышит, дýе в лицó. Спугáлась я. Б.

[Связь домовика с прядением]:

Пряла баба аднá, да вон ачиниў дъвер, дамавик з хáты, и кáже: «Сегóдня пётница, чтóгó ж ты прадэшь? Прáсты нэльзя. [А баба была] така шутяга, нэ пужлива: «Ты за чóртов бáтька! Шо ты прыглядáе!» Шапка высóка, як человек, а вин только гуркнул и схавáлся. Прядка упáла. О.

[На нóчь нельзя основу оставяль], вон домовик побáчыт, шо лежыт, вон уплúтаеца. О.

Способ увидеть домовика:

Дожидáемо Пáски. Хóдят на Стрáсть [Страстная пятница], свéчки свéтят, прихóдят с Стрaстéй, тады свéчками хрэсты рóбят от грозы. Хóчэшь полéзти на хáту и с тэю свéчкаю и там побáчишь людыну — то домовик, бóдэ сидеть распáтланы, як людына. Люды бáчили. О.

Обереги от домовика:**[Освятить дом]:**

Як хату зробил нòву, шоб не завёлся домово́й, надо хату вы́свя-
тить. Домови́к к ху́ду мо́же прийти́. Б.

Дамави́к увижа́еца, о це ляжешь спать, а он ходит, будит тэб́,
при́дэ, ўстань — его нема́, дамави́к це страшнэ́. Дамави́к — люды́на,
ходит по хате́, по сто́ли бе́гае, вын стра́шный, не дай Бог егб́. Посвеш-
чэ́ние раби́ли [когда дом был построен], воздушо́к виха́ют [поднимают
платок 4 раза], пи́ше свещэ́ник на стéнах Йорда́нь, пи́ше, шо воно не
замазываеца ничи́м, шоб домовика́ не бу́ло, нечэ́сты не бу́ло. [Рисунок
«Йордани»: стена — на ней в беспорядке кресты]. О.

[Закрывать на ночь ткацкий станок и орудия ткачества]:

На ночь прикрýешь прядку́ и тчешь — прикрýешь крòсна,
грэ́бня кла́ли, як лажили́ся, шоб никто́ не смы́каў но́чью, шоб не
стырча́ў. На тэ домовика́. Домови́к мо́же. О.

[ДОШЭПТЫВАТЬ] — наговаривать вредоносные заговоры на какие-либо предметы, которые служат для передачи порчи. // **[Шептать].**

Заламу́ють, дошэпту́ють, то за́витка, за́ломка. Хто вы́жне, то на
смерть. Б.

ЗА́ВИТКА (ЗА́ВЕТКА) — то же, что Залóм.

Як за́витку рòбьяць, то беру́ць трóшки жы́та, бува́е и на лёну,
объязвае черво́ной ниткой и пригинáе к землэ́. И як вы́жнешь ее,
то бу́де рúки лома́ць, мо́же и помере́ць. Б.

Коли́сь були́ такie лю́ди, шо ёсли он зло ма́е, то он робить та-
кúю за́ветку, за́ломку, и як её вы́жне, то у той люды́ны бу́дуць рú-
ки болец. А як не вы́жне, то потóм находи́ць такú люды́ну, шо она́
зна́е одрòбьяць, и та ий вырыва́е и спалиць ий на осòвом огнэ́, и
нема ёй ничого, той люды́не, чиé пòле. Б.

За́витки — мой баты́ко коли́сь ходи́ў, да вырыва́ў [у людей в
жите], да кола осíнова забива́ў. ВЖ.

ЗА́ВИУ́КА — то же, что Залóм.

За́виу́ка. За́лом. Это ўже ко умрэ́не ў ха́ти. Не́кто с ха́ты умрэ́
абó заболе́е. Говора́ть: на хозя́ина. Шукáють зна́хора. Зна́хор прие́дэ,
вы́рвэ тóе залóмано. [Знахарю платят за это деньги.] Р.

Рòблять за́виу́ку, шоб сэмы́я помэ́рла, чи на това́р, шоб пропа́ў.
[Однажды живой] гуж лэ́жаў [в завиу́ке], то егб́ обжали, гэ, ды
много поки́нули. Не́йки чоловíк пошэптаў-пошэптаў да й спали́ў,
[прогнав всех:] «Идите з пожа́ру, бо мо́жэ кiнутиса гуж». Р.

Рóблять зáвиўку. Вона́ [ведьма] залáмне на ёго [хозяина], дитя, скотину. Знахоря́ позвать, он отгребёт. Р.

ЗÁВЯЗКА — то же, что Залóm.

Зáвязка, зáломка. Колдун́ накрутыв, наломáв, насплетáв той солóмы. Б.

ЗАДЕЛАТЬ — навести порчу (о колдуне, ведьме), то же, что [Сделать]. / [Зробить].

Знахоря́ буля́. Захо́че зрóбить тябя́. [Они только вредили людям?] И лячйли. Зна́хор шэптáти нéшто знал. Задéлать, закол-довáть [навести порчу]. Знахоря́ буля́ [могли навести порчу]. Р.

[ЗАКОЛДОВАТЬ] — навести порчу (о колдуне, ведьме). Пример см. в ст. Задéлать.

[ЗАЛАМЫВАТЬ] — о действии колдунов по изготовлению залама.

Заламуютъ, *дошэптують*, то зáвитка, зáломка. Хто вьйжне, то на смерть. Б.

ЗÁЛОМ — пучок скрученных, сломленных или связанных узлом колосьев в поле, сделанный ведьмой или колдуном в целях вредоносной магии. // *Зáвиўка, Зáвитка, Зáвязка, Зáломка.* / [Заламывать].

Это навед у мэнэ было. Ёт у мэнэ был залóm, я жы́то нэ жа́ла у мэнэ жа́ли диўча́та, кажу: «Вы йдй́те, жнй́те с утра́, а я пойду́ потóm». Я пошла́ потóm, а онй́-то кажуть: «Тётка у вас зáлом ў жы́ти». Там мой брат быў. Я позва́ла бра́та, кажу: «Ходй́, побáчь, у мэнэ два зáломи ў жы́ти». Он пришоў, вьйрваў ти зáломи, так от себе́, рваў. И занёс на доро́гу, кй́нуў ў колею́, тую де колёса идуть, и усё. [Что говорил, когда вырывал?] «Хто закрутй́ў, шоб на тогó гóлову». Р.

Уничтожение залама:

Залом у жы́ти зрóблять, штоб ягó ломáло. Это ж такй́е знахоря́ буля́. Некотóрые их [заломы] вьйрве, вьйрве, да возьме́, спáлить. Р.

ЗÁЛОМКА — то же, что Залóm.

Зáломка, зáвитка. Залóмене чи закру́чено [жито]. Як сожнй́ш, болéе люды́на. Нэ чипáють. Б.

Зáломка, зáвитка. Хтось злость зрóбыв, шоб умер чи шо. Той, що нэ знае, [как обезвредить], так нэ чыпáтыме, бо рúки позачипá-еш, ногáми не ходы́тымэш. Той, що залóмуе, [приговаривает]: «Як будэш жать, то будэш слабй́й лежáть, як будэш молоты́ть, то буде

у голове колоты́ть, як будэш молоты́, то будэ ў грудях колоты́, хто будэ пекты́, то будэ кров тэкты́». Б.

[ЗАНИМАТЬСЯ] — о занятиях колдовством, знахарством.

Е такі чолоўёк — не бойцца ўужа́, ўбзьме и ў карма́н полбжы́ть. Ўжэ ж то зна́еш, шо ўон чым-то занима́ецца. Р.

ЗЛА́Я ДУША́ — то же, что **Чёрт**.

Ўон бярэцца би пан да по лесу один ходить чи где, сам один, то-то злая душа́, ка́жуть: мо то чорт ходить. То-то гэтак гоўбрать. Убярэцца по-па́ньски. Ке́дысь одна́ деўка пошла́ на другу́ дярэвню заму́ж. [Она рассказывала, как однажды встала «вэ́льми ра́но»], одину́лася, вы́шла на грэблi и идú. Идú, чу́ю, нэхто: тух, тух, тух — с конём ийдэ — на коню́ сиды́ть охвицэр убра́ны, ў самíх заслу́гах. Аж менé, ка, тут ста́ло холодно́. Я ж ягó не бúду ба́яти и он до менé не баé. Кáжэ, ййхаў, ййхаў разóм за мной. Ўот, доешча́ем, така́я кана́ва бу́ла сýльная перэко́паная, так перешча́ем тую кана́ву и тóго коня́ не ста́ло, и тóго охвицэ́ра не ста́ло. Ото тэ злая́ душа́ нéкая ййхала. Р.

ЗЛЕ́ — обобщенное название нечистой силы.

Трэба допра́сти мы́чку, на ноч на грэбне не кýдали, бúде ша-рахтэць яка́ясь погáна, змей яка́сь. Такé злé, ка́жущь «Ноч». Шче казáли, шо у дéда борода́ вы́росте, у тогó што умéр, да бúде *ходýць* да *лякáць*. Б.

ЗЛО́Й ДУ́Х (ЗЛИ ДУХ, ЗЛЫ ДУХ) — то же, что **Чёрт**.

[После захода солнца] спáти немóжно — шúхлю [лихорадку] приспиш. Детéй не шугáли [не качали] ў-колы́ске и зéркало дítям не показывали — там чóрт. Смýтте на ноч с хáты не выно́сили — бога́це с хáты вынесеш. Пелёнки с хáты не выно́сили [т. е. не вывешивали на улице] — ребёнок не засне́ ў но́чi. Хлеб не почина́ли бо злы дух придé и зысть ягó ў но́чi. Р.

Обереги:

[Громничная свеча]:

Святáя свэчá. [Если в церкви свеча трещит, значит, будет] лýто гра́мное. [Приносят домой, ставят её] на бáльку. [Считалось, что] злы дух нэ поды́де тады́. [Волосы] на крэст подпáливают, каб дýти не лапáлися грóму. [Свеча зажигалась всегда во время грозы.] Р.

[Острые предметы и крест]:

Кóсы за козёл, за крбкви [стропила] затика́ли, коб ния́ки зли дух нэ подступíў, кажуць, ко́са нэ допúстит. На Крэшчэ́ние (19/1) робíли крэсты́ мáлом на дверáх, на бáльцы, нэ досту́пишь, зли дух. Р.

[Заговор]:

Невэсте гóлку ў подóл, а в пáзуху нáдо ўниз жáлом втыкáть:

*Хто менé урачэ,
Нехáй емў кроў очы заволочэ,
Хто менé спокўсiць,
Нехáй он сырўю осiну укўсiць,
Косáми откошўся,
Ножáми отножўся,
И злóго дўха не боiса.*

И скотiну мóжно так заговорiть и сам себе:

*Соль емў да печыiна,
З егó лiхiми очыiма,
Што подўмаэ мне,
Нехáй забiраэ себе. ВЖ.*

ЗЛЫДНИ — персонажи, олицетворяющие несчастливую судьбу, бедность, беду.

Ой, нэ крадь лóжок у людэй, бо бóдуть злыдни. ВЖ.

ЗМЕЙ

1. Мифологический персонаж в виде летающего змея, приносящий богатство ведьмам и колдунам.

Говóраць, шчо змеi прóтиў Купáльного Ивáна лéтають. Ёiх нэ чiстые носiли. Р.

2. Бранное название нечистой силы вообще.

Трэба допрасти мýчку, на ноч на грэбне не кiдали, бóде ша-рахтэць якáясь погáна, змей якiсь. Такé злé, кáжуць «Ноч». Шче казáли, шо у дéда бородá вiросте, у тогó што умёр, да бóде ходiць да лякáць. В.

3. Бранное название **ведьм и колдунов**.

На Ивáна Купáльного прокiву [крапиву] на дверáх [хлево́в] чап-ляють, кóсы вéшають: змеé ходяць — порáжуцца. [«Змеé» (змеи) — люди, колдуны, знахари]. Р.

ЗМЕЯ́ — бранное название **ведьм и колдунов**, отнимающих у коров молоко.

На Купáло затыкáють по хлевáх крапiву, прiде змея́, то нóса упечé. То ж змея́ бóди ходiти. То ж жэншчына зрбiцца, як свiн-ня зрбiцца. [Змея — женщина, ведьма, могла превратиться в сви-ню]. Р.

[ЗНАТЬ] — обладать магическим знанием, необходимым для колдовства, знахарства.

[Знать], што робіты — обладать магическим знанием.

[Покойник, который был при жизни знахарем,] до дванадцать дён ходить. На дерэўню ідэ, *ходить* по хати. Як знаў, што робіты, *чоройаты*, як знахор. [На двенадцатый день поминали, и покойник переставал ходить.] Р.

[Знать одробіть] — о знахаре, использующем свои способности для нейтрализации вредоносной магии.

[Чтобы обезвредить залом, хозяин] ведэ другого, той, що знае одробіть, той виривае [залом] да левою рукою поміж ног, молицца Богу. Б.

ЗНАХОР — колдун, человек с демоническими свойствами, полученными от рождения или при заключении договора с нечистой силой. Ему приписывается способность творить добро и зло с помощью магических действий и средств, влиять на урожай, здоровье людей, плодовитость скота. // *Ведьмар* / **[Знать], [Зробіть], [Зробіться], [Шептать], [Ходить]**.

Знахор, знахорка — обикноўэнны чолоўэк, [вредит людям; даже если делает кому-то хорошо, другому человеку от этого делается плохо]: вон мбжэ и на хоршэе сдэлае, а кому-то от тогó переўбод дэлае, от тобэ, напрымэр, забирае, а другим дае. Он от когб-то дбўжэн ўзяць. Ўэдьмар, знахор — однё. Р.

Оборотничество знахаря:

Знахор мбжэ свиннёю зробицца да идэ кому ўрд зробіты. Р.

Деятельность знахора:

[Обезвреживать залом]:

[Чтобы обезвредить залом], шукajúть знахора, и шось он там рббыть и шэпче. [Один знахор], дед пойшов ў лес и зломáв бсику и позатыкав унбз вершками ўкруг заломки и запалбв и сказав: «Она довго жыть нэ бúde, хто то зробыла». И вона умэрла. Б.

[Лечить человека]:

Подўча болэзнь, свой болэзнь. На когб як пэрэлбжать — вблечица. Як придэ другбй, знахор пэрэлбжэ. Если пёрший раз вбдиш, накрбй чёрным чим-нибўдь. Р.

[Возвращать корове отнятое ведьмой молоко]:

Вона попотягла од нас молокоб. У нас булб двэнáцать корбў з молокобм... а ў ее рекою теклб, да привэзли знахора с Фядбр, някбго жыда. А он ка(жэ): «Тягнэ вáша суседка од вас, да и гбди». «А як?» Да он вужэ покáзывае, я пбмню, ў нас такее посылки через хату былб, жрдки. И пэрэчепб ручника, ўтирáльника

чэрэз ту жэрдку и поста́вили цэбра тако́го, дэрэвляно́го. И тя́гне за то́го ручника́, ўтира́льника, а мо́локо ў цэ́бр течэ́, ей-бóгу пра́ўда! Р.

[Наводит порчу на человека]:

[При строительстве нового дома] нэ на добро́ кла́ли мыша́. Знахорí на хозя́ина нало́жили мыш [дохлую мышь], да и ўмер хозя́ин. Р.

Смерть и похороны знахоря:

Я вам скажу́, тоды́ чэ́рти ўлезáли ў тих знахорóў вэ́ликіх. Як вун умрэ́, так вун в е́го ту́ловишче влезé и его *вбдiть*, вот, а чóрта нэ бáчиш. И ё́тых бо́ялися. А тéло лежы́ть, ду́ша мэ́ртвого, е́го нóсить. Р.

Знахорь после смерти становится ходячим покойником:

Сидя́ть лю́ди по ву́лицах. И вонí [черти] клубкáми качáюца. Як пóўдэнь, одын другóго склика́еь: «Ма́рко, Пётро, иди́ сюда!» [имена умерших знахарей]. Ты́е клубкí, шчо качáюца. Клубкí з пра́жи. Кóтица и кóтица по селу́ той клубóк. Сам кóтица. Кто ж е́го будэ́ коты́ть? Чóрт кóтит. Чэ́рт у ё́м сиды́ть. Умэ́ршие знахорí по селу́ клубкáми ворóбчи́лися. Никóму нэ захотéли козáти богóў свойх чэ́ртóўских, знахорских. Вот их и тягáли, ўже мэ́ртвых. Чóрти. Р.

Обереги от умершего знахоря:

[Обсыпать могилу и дом маком]:

Знахорí шэ́птáти нéшто знáли. Яко́ такí знáхор умрэ́, так он *хбдiть*. [Чтобы не ходил,] возмóуть ма́ку и посéють. Поку́ль он ягó перелíчить, так пéвень заспева́е, нуч кончи́ця. [После этого покойник не ходит]. Р.

[Поминать на 12-й день]:

[Покойник, который был при жизни знахарем,] до двана́дцать дён *хбдiть*. На дерэ́ўню йдэ́, *хбдiть* по хáти. Як *знаў, што робíты, чоройáты*, як знáхор. [На двенадцатый день поминали, и покойник переставал ходить.] Р.

ЗНАХОРИ́ТИ — заниматься колдовством.

Ляка́ли пукóйники. Еде дядько ўо нóчи конём [конь захрапел:] *скидáлосо* котóм áбо собáкой. [Всякий покойник мог «скидаться»?] Какóй умéл знахорíти. Вот беды́ко [страшно]. Р.

ЗНАХО́РКА (ЗНАХАРКА) — то же, что Вéдьма. Пример см. в ст. [Делать] (перевод / на хорошее).

Откуда знахорка берет свою силу:

[Во время крестного хода] Як пошчúпае ба́тюшку за ря́су чи за хварту́к, за пэ́лэну, ий уда́ча тоды́ ворóўки, знаха́рки. О.

Действия знахорки:**[Делать залом]:**

[Ведьмы,] знахорки [разозлившись на кого-нибудь], роблять завіўку. Загне, завьяжэ гузлом, би кўкла, человек, шчо знае [знахарь] вірве и откїне. [Вред могло это причинить хозяину, хозяйке, детям или скотине, смотря кому сделана «завіўка».] Р.

[Наводит порчу]:

Потклáдывали скóльке яéц ётые ведьмї ля дóбрых людéй. [Куда?] А у сóрай, або у хáту, у корова́х. И под хáту, под углóм у пóкути дэ икóна, вот там закопае. У лóшади клáли, у свїнье клáли вот такїе во знахóрки, шо вони дúмають вред нанести́ людéям. Р.

Смерть знахорки:

Знахóрка. Та са́мая, што ми ка́жом, шо робїла, молоко́ ў нас одбира́ла, то та й по-коровлїчи ревля́, пока́ вона дойшла́, ко́нчилась. Так ей ж рва́ли дúшу, а нїхтó нэ схотэ́ў еé бóги забра́ти. Вот й рвуть. Ко́нала. Р.

Була́ знахóрка, ўмїрала вона́, дак сто́лю подрывáлы. Понéсли ее, дак под ла́вою шэ́рсть, на дощї шэ́рсть. О.

[ЗНАХОРОВА́ТЬ] — заниматься колдовством. // Знахоріти.

Як ко́нае люды́нна — начёшь пла́каць, крича́ць над им — перебёшь ему́ сме́рть. Ему́ подúшку убира́юць, сто́лю зрыва́юць, як хто знахорова́л, лю́дям пога́но робил. Б.

ЗНА́ХО́РСТВО**1. Магическая деятельность знахаря, колдуна. Пример см. в ст. [Приворожіть].**

Ру́ки и но́ги бе́лым шнурóчком звязываюць. По́тим развязываюць з ног и з бо́ку ў гроб лóжуць. З рук этот шнурóчек беруць жїнки для зна́хорства — шоб приворожіць — обводїли им вокру́г па́рня. Б.

2. Магические средства, применяемые для колдовства, наведения порчи.

Говора́ць, знахóрство: яйцэ́ леже́ на дворе́. Мо́же кто поткину́. Р.

ЗНА́ЮШЧА — женщина, обладающая магическими знаниями и способностями. Ср. Вёдьма, Зна́хорка.

Ба́ба па́пороть шукáе, на Купáла Ива́на цвэ́тэ. Зорвала́ ту па́пороть и стала зна́юшча, ста́ла зна́харка. О.

[ЗРОБИТЬ] — о действиях колдуна или ведьмы: навести порчу. / [Заделать], [Заколдовать], [Одробить], [Шептать].

Засва́тался хло́пец к дивчи́не, сва́дьба на дру́гий де́нь после Па́схи назна́чена бу́ла. Пришла́ же́нщина, ро́дственица, да так зро́би́ла, шо на сва́дьбе нача́ли же́ни́х з нева́стой раздева́ться до гола́, кукарека́ть. В це́ркву пове́ли, ничо́го не помогла́. Его́ ма́тка пове́зла за Москву́ к жи́нке, шо́б отро́би́ла. Та *одро́би́ла*, да́ла с собо́ю кру́жку во́дки и мы́ло и гово́рить: «Як прие́дешь, тоби встре́тит та, шо зро́би́ла, захавáй мы́ло и не отдава́й». И впра́вду, прие́зжа́ють, а та их встреча́еть, не отходи́ть от них. Хавáла, хавáла жи́нка мы́ло, но все равно оно пропа́ло. Б.

[ЗРОБИТЬСЯ]

1. О болезни, полученной в результате **порчи**, сглаза.

Из очей (з глаз) зроби́цца:

[О порче, насланной на корову:] як из очей зроби́цца, як што мо́же зуро́чыть... чи з глаз зроби́лосо чи што. Р.

Наса́дять у це́дылочку голо́чок да й це́ди́ молоко́ — як ма́ло дае́ молоко, як из очей зроби́цца, як што мо́же зуро́чыть. Р.

2. Превращаться, менять облик — действие мифологических персонажей, связанное с оборотничеством.

Ве́дьма *зроби́ца* сви́нью, каро́ваю, саба́каю, капа́щею гаро́ховой. Шол дядька з райо́ну но́чью. За ним гаро́хава капа́ща уцепи́лась километра 2. Вон ка́же: «Як куда́ зверну́, и вона́ напе́рэд, уцепи́лась, напе́рэд не пуска́ла. А бра́та сви́ння́ так вады́ла. Вады́ла-вады́ла. Спужа́ўсь. О.

ЗРОБЛЕНО (безл.) — то же, что **По́рча**.

[О порче:] Зробле́но. Ему́ зробле́но на сим год. О.

У мене́ у сусе́дки, сколь я жи́ла, все́ коу́тун быў. Она́ каза́ла — зробле́но ей. Его́ но́сят да зрэ́звають. До Все́ночной но́сят, а на Все́ночной и́щуть та́ких люде́й, кото́ри зрэ́звать уме́ють, да на во́ду пуска́ють. ВЖ.

ЗРОБЛЕНЭ — то же, что **По́рча**.

Чо́рного ко́та и пи́ўня пуска́ли, шо́б сам поно́човаў. Як шчо́, ка́жуть, там зробле́нэ — на ко́та упаде́. [Кто мог зроби́ть?] Знахо́ри бу́ли. Р.

КОЛДУ́Н (КАЛДУ́Н) — человек с демоническими свойствами, полученными от рождения или в результате договора с нечис-

той силой. Колдун может творить добро и зло, влиять на атмосферные явления, урожай, здоровье людей и скота.

Пошёл в ліс чоловік, світло було, тихо, вдруг буря началась — це колдун бурею пройшов и сокирку унёс. Тот домой пришёл, тихо всё и у сусіда увидав свою сокирку. Б.

Видали стары люди. Летить, крылей нима, к вдовам, к колдунам прилетали. Кболо колдуна на кладбище хоронились под крестом. Б.

Смерть и похороны колдуна:

Столю пробиваюць, шоб колдун помер. Б.

Вешальников, да утопленников, да колдунов за забором ховаюць. Б.

Обереги от колдуна:

[Обсыпать дом маком]:

Погано як вельми плачешь, тужишь — ходиць покойник буде. Ишо — самосейным свяченым маком-ведюком хату посыпали. Колдунам ў могилу забивали осиновый кол чи грабовый. Гроби кидаютъ и за место, и шоб не *ходиў*. Ишо — сыпали на могилу самосейным лёном шоб не *ходиў*. Б.

[Демонстрировать колдуну знание магических приемов]:

Як колдун стаканчыка дае, бэри чарку и мызынчыка подкладэ. Он бачыць, шо ты *знаеш* и ўже не пристае. Б.

[Обращаться за помощью к знахарке]:

Як шось мене худбе стане, чи худбе, то идешь к бабе, и она каже: хочешь побачиць? И як побачишь, то уже мине ничого не буде, а тому колдуну буде. Б.

КОЛДУ́НКА — то же, что Вѣдьма.

Прокиву кладуть ў хлев, то топэрэшной нощу [записано 6.07.], як корову уже у хлев заженэш. Шоб змея нэ ўлезла да молоко нэ отобрала у коровы. Кбоя знахорка, колдунка, шчо *пэрэкидаеца* ў змея. И ў жабу *пэрэкидаеца*. Р.

КОЛДУ́НЯ (КАЛДУ́НЯ) — то же, что Вѣдьма. Пример см. в ст. Вѣдьма.

КОЛДУ́ХА — то же, что Вѣдьма.

Як отелицца корова, то та колдуха уже бежыць шо-нибудь поэчыць, то не треба даваць ей ничого. Б.

КОЛТЯ́К — то же, что Коўтун.

Колись, як голова заболиць, то треба браць свечено зэлечко и ладан и замотаць у голову. Мой сестра так зделала и зробилса колтяк. А одрезаць не моно, каюць, шо умрэш. А як у скотыны, то,

каюць, не́кии сатана́ её гоняе. Е така́я крýса, як ласочка, он гоняе скотíну и заплетáе ей кóсы. Б.

КОУ́ТУН — спутанные на голове волосы, болезнь, имеющая демонологическое происхождение — следствие порчи или деятельности мифологических персонажей — **домовика, ласочки, ведьмы** и т. п.

Як схóпиць мыш, та што летýча [за волосы], то рóбицца коу́тун. Б.

Як заля́мчылас — дамавы́к искрути́ў — нэ любит тэ́бя — нэ атрэ́закот — раску́буэш. О.

[КРУТИ́ТЬ] — о деятельности **вихря**.

Кру́ча, вихор — чэ́рт кру́тиць, чи ве́шалники — ужэ́сь хтóсь повеси́ўся. Б.

КРУ́ЧА — то же, что **Вихорь**.

[О вихре говорили:] вiтер вели́ки, чэ́рти жэ́нница и злома́юць усё на пуцi, вихор, кру́ча. Як зрóбицца вихор ды ба́ба яка́ясь умэ́рла ба́юць: «Гэ́то знахо́рка бу́ла». [Причиной вихря считалась также погоня чертей за душами людей.] Р.

Кру́ча, ка́жуць. Десь якась повеси́лось, чи утопи́лось, чи там по́мер пога́ный — шо так бури́ць, метé. Б.

ЛАСИ́ЦА — то же, что **Ласочка**.

Е такi зўэ́рок ласи́ца. Ано́ такi дли́нны, той зўэ́рок, я ягó знаю. Если той зўэ́рок е у сара́и, он по коро́ўи бе́гает, по ўэ́рху по коро́ўи. Корбу́а ў́тром мо́кра-мо́кра. Если ягó ўiгнать, э́того са́мого зўэ́рка, убива́ють со́року и ўи́шають у сара́е, и усё, ўун уходи́ть. Э́то зако́нно пра́вда. Р.

[Корова доится кровью], як ласи́ца пробэ́жить проз ви́мье, или як уда́рить коро́ва ро́гом, як ласо́ўка пролэ́титъ. Р.

Обереги скота от ласицы:

[Повесить в хлеву убитую со́року]:

Э́то як ласи́ца гоняе коро́ўу [корова мокнет], э́то пту́шка со́рка — чапляють со́року, за ба́льку пуд потоло́к [в хлеву] — она́ [ласка] ужэ́ з ёй забаўля́ецца. Р.

[Повесить в хлеву зеркало или череп коня]:

[хутор Подомша за г. Столин] З но́чы коро́ўа мо́кра. Шо мы ро́бымо. Гоу́братъ, есь така́я ласи́ца, она́ злэ́зэ на коро́ўу и шлокóчэ её. У́дыма наслáла. У́шаемо зéркало над коро́ўою, бярэ́мо скелéта, го́лоўу с коня [череп коня], ў́шаемо на дўэ́рах, — ужэ́ она́ (ласи́ца) не по́йдэ. Р.

[Намазать спину коровы калом]:

[Если коровы, лошади после ночи мокрые, это значит,] ласи́ца ко́ўзаецца. Трэ́бо своiм кáлом на крыж [скотину помазать], кажу́ть, нэ бу́дэ коўзатиса. Р.

Лечение коровы, которая доится кровью:

[Поймать ласицу и протащить ее под коровой]:

Як уку́сить га́дина або гуж, [корова доится кровью или, когда] ла́стоўка або ла́сица пробэ́жыць — то ё́на [корова] нэ ўстае́. [Ласицу и ласточку тогда] лбу́ляць ды наза́д прокида́юць. Р.

ЛА́СОЧКА (ЛА́САЧКА) — зверек, наделенный мифологическими свойствами, обитающий в хлеву и мучающий по ночам скот. По масти ласки определяли предпочтительную для данного хозяйства масть скота. Ласочка иногда отождествляется с домовиком, иногда воспринимается как самостоятельный персонаж. // *Ласица, Ласточка.*

Ла́сочка живэ́ на двора́, довгэ́нька. Ру́дэньки, ря́бэньки, те, кажу́ть, добрэ́. У ка́жного вся́ка ла́сочка е. О.

Зависимость масти коровы от масти ласочки:

Ла́сочка — звиро́к тако́й до́ўгинький, як ко́тику, то́льки то́ненька, вон нико́ды не ро́бит не яки́й, его ма́ло кто ба́чит. Як ко́рова во дворе́ бие́ла, так и ла́сочка бие́ла. О.

Ласочка ў ка́жном дворе́ сво́я, ла́сочка живэ́ для скоты́не, а не для люды́не, бува́е, шо ба́чим, яка́ ла́сочка — така́ каро́ва ў дворе́, бува́е рябэ́нька, ры́женька, красна́. Як каро́ву до́ишь — мо́же побачи́ть, ла́сочка не вре́дна, як живэ́ ў хазя́йстве, це харашо́ дуже́, незя́ биты́ — пага́но бу́де, грэ́шно. Ла́сочка харашо́, як е. О.

Кото́ра каро́ва масты́та, як бу́дэ масть ла́сочки. Як ла́сочка не та, то каро́ва паршы́ва. О.

Соотношение: ласочка — домовик:

Ласочка — то до́мови́к. Яка ла́сочка во дворе́, такú и каро́ву дэ́ржы. О.;

Действия ласочки:

[Заплетать гриву лошади]:

До́мови́к да́вить люды́ну и мо́жэ кину́ть из ха́ты. Ла́сочка ко́ням косы́ на дворе́ закру́чвае́. О.

То у ко́ней ля́мэц — ла́сачка пазаплютае́. О.

[Мучить скотину]:

Такая́ ла́сочка е. Шо ё́на каро́ву ўсю́ ночь ласко́че, шо ё́на ўся́ мо́кра. Саро́ку да варо́ну ве́шаютъ ў сара́е, шоб не ходы́ла до каро́ўы. ВЖ.

ЛА́СТОЧКА — то же, что Ла́сочка.

Ла́сточку ры́жэньку пабачи́шь [во сне] — ры́жэньку коро́ўку дэ́ржы, як бэ́лэньку — бы́лэньку дэ́ржи. О.

ЛЁШЫЙ — мифологический персонаж с неясными характеристиками, обитающий в болоте.

То буў лёшый ў болоти. ВЖ.

ЛІХО — то же, что Пóрча.

На перехрэсток ўсе кидали, ўсяко ліхо на перехрэсток выно́сца, там бэременной не мб́жно стоять штоб лихо не перекінулось. Збб́ку ўстань. Б.

ЛИХО́Й (ЛИХІ́) — то же, что Черт.

Як ба́тюшка зéлень посва́ицы, то трéба коро́ве даць ту зéлень, шоб здоро́ва була́, и у хлёве затыка́юць, и у забóр, шоб лихой не приступи́ў. И водо́ю двор полива́юць трошки, от грóму, шоб не була́ гроза́. Б.

Крапи́ву ў хлёвы затыка́юць шчоб лихы́ не прыйшо́ў. Р.

ЛУКА́ВЫЙ — то же, что Черт.

Кались гуля́ла дівка с па́рубком. А вона́ с лука́вым була́ повя́зана. А там була́ рэ́чка, там мост. Вона, та дівка, найпроси́ла егó ит́и [по тому мосту]. Вон йдэ́, и на тэ́й мост выходзя́т два охфи́цэры ў меда́лях и даю́т ему́ ру́ку. А вон ка́же: у мэ́нэ рука́ заны́та. А он знаў ма́літву «Отчи наш» и мог чита́ть наўбарóт. А вони́ все́ ру́ку здаро́вкаца даю́т. А он отвеча́е: у мэ́нэ буква́я па́лка ў ру́цэ, а вони́ бая́ца. Колы́ он стаў канча́ць ма́літву, вони́ заплеска́ли ў ладо́ши и шугну́ли ў во́ду. Он побáчиў, вони́ не який оде́жы, адни́ рэ́бры з ра́гами. О.

ЛУСА́РКА — то же, что Русáлка.

У Млинку було́. На Святу́ нэди́лю жінка, дяди́на моя, учини́ла т́сто. А нб́чу лусáрки повыкида́ли т́сто з дй́жки. О.

ЛЮ́ДЫ З ВЭ́ЛЫКИМИ НОСА́МИ — то же, что Зна́харь, Колду́н.

[Колдунов называют]: Лю́ды з вэ́лкими носáми. О.

[ЛЯКА́ТЬ] (безл.) — о неопределенной нечистой силе, которая проявляет себя исключительно безличной функцией: пугать человека стуком, шумом, звуками. // *Лякоўки*.

Не ходи́тэ, бо там не́што наляка́е, да тябе́ схóпить да посу́не тудá. Нас ляка́ли. А мы ж дума́ем, там бу́дэ сяды́ты не́што. Уты́каемо. Там пога́ный сиди́ть да ухóпить. Р.

ЛЯКОЎКИ — неопределенная нечистая сила типа «полтергейста», чья основная функция — пугать людей стуком, шумом, звуками. // Ср.: Лякаць.

Бабы казали, не снуй у неправильный дзень, бо прусы да блошчыцы нападучь. Шче кажучь, волки будучь до хатэй нападачь. Як не у правільный дзень сноваць будешь, то душа мёртвого буде приходіць. Лякоўки ходіць будучь. Б.

МАРУШКА — мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей, чтобы они не ходили в лес или в поле.

В лэси марушка, волк. Б.

В полі — марушка, вўлк. Б.

НЕЧИСТА(Я) СИЛА (НЕЧЫСТА СИЛА, НЭЧИСТА СИЛА, НЭЧИСТАЯ СИЛА) — обобщенное название любых мифологических персонажей, чаще всего черта. // *Лукавый, Нечистые, Нечистый дух.*

Бура крутат вїхор — кажуть — нечиста сила. О.

[Некрещёных детей хоронили] на кладбищах да обок, под забром. И котóрое чоловїк повзсица. Уже збóку. Кóло людéй нэ кладуць. [Утопленников хоронили вместе со всеми, потому что:] утопїўся — не хотéу, повзсїўся — нечїстая сїла тогó повзсїла. Р.

Ветер все крутыт [стог может снести], то нечїста сїла, то чорт. Вертыць водá [водоворот], то знáчит нечїста сїла. О.

НЕЧИСТЫЕ (НЕЧЫСТЫЕ, НЭЧИСТЫЕ, НЯЧИСТЫЕ) — обобщенное название любой недискретно воспринимаемой нечистой силы, чаще всего чертей.

Якўю ж гóлову у хлевї клáли... кéдысь. Я пómню, шó клáли. [Не помнит, какую] чи вóўкова гóловá, чи якáя, то булá у хлевў. Бывáло, кажуть, нечїстые тїе да по коровáх лáзять, да по кóнях, не так по коровáх, як по кóнях. Взшáли гóлову. Р.

Чорт як мушчýна с хвостóм. Это, кáуть, зтые ўсé нечїстые, як лóди. Р.

[Когда скотина мокрая] — нячїстые гоняють. Р.

НЕЧИСТЫЙ (НЭЧИСТЫЙ, НЯЧЫСТЫ) — то же, что Черт.

Еде аўтóбус, и шóфер сам. Ўыхóдить чолоўэк большўшчы, ўысóки [из леса]. И ўон [шофер] ўзяў ягó, стáли гоўорїти, и ўон кáжэ, той нячїсты: Тапéр ўсé лóди, ўсéй мóлодеж мой. Тóлько не мóжу я старýх ўзяти, шчо ўонý у цэркóу хóдять и Бóгу мóляцца. Як побáчиў той шóфер, шчо ўонó так бáе, да перехрестїўса. —Ах! —

кажэ, как ўйскочил с тóго аўтóбуса той нечýстый да й пошбóу ў лес. Р.

НЕЧЫСТЫЙ ДУХ — то же, что **Черт**.

Як ведьма конáет, стóлку прокручываюць, шоп нечýстый дух дýшу её забраў. О.

НОЧ — неясный мифологический персонаж, прядущий по ночам оставленную не убранной кудель. Пример см. в ст. Злэ.

НОЧНИЦЫ — персонификация детской бессонницы.

Ночницы, ночницы, идите на вечерницы,

И тут вам не стояти,

Кости не ломати,

Крыў не разжигати,

Тоды вы стояли, кололи, пороли,

Тэрновали, волновали, спать не давали.

Як я вас не уговарала,

А тепэр вас уговораю, на воздух ссылаю.

Три разы перагаворыти [над ребенком или на воду]. ВЖ.

НОШНИЦА — неясный персонаж, прядущий по ночам оставленную не убранной кудель. // *Ноч*.

[с. Карпиловка]: Девóк ляка́ли, шо не мóно мýчку покида́ць, бо ношница приде́ и допраде́ ту мýчку. В.

НЭЖАЛОСТНО ДЭРЭВО — то же, что **Громовое дерево**.

Як грóм убьё — бóжа смерть, хáту с того дэ́рева нейзй рóбыць, вонó грóмом обошлó, нэжáлостно дэ́рево, кáжуть, там нэчýста сýла сидéла, лукавы́й там буў. О.

[ОДРОБИТЬ (ОДРОБЫТЬ)] — о магических действиях знахоря по излечению порчи, сглаза, в том числе с помощью чтения заговоров. // Ср.: [Вробля́ть], [Зроби́ть].

Погáный глаз, отлэ́чить, одроби́ть. ВЖ.

Да зробиў, шчо на её находили нечýсти да её душýли, требушы́ли, она́ кричáла у ночé. По знахорáх éздили, скрузь éздили, и рáды не далй. Ўзяў да одробиў, шчо она ужэ — не булó ничóго. Р.

ОН — то же, что **Черт**.

Ужé дэ́вушка идé на вечéру, и нихтó не знáе, куда она́ ходиць. И худá-худá стáла. Ужé мáти доследи́ла и напáрила тóи и уплелá

ей у кóсы. И он [черт] подходиць и ка́же: «Ка́бы не то́я, была́ бы мо́я». Б.

[ОТЧИТАТЬ] — о действиях знахоря при излечении болезни с помощью чтения заговора. // *Одробіть, Отшептать*. Пример см. в ст. Дед.

[ОТШЕПТАТЬ] — о действиях знахарок при излечении болезни с помощью чтения заговора. // *Отчитать, Одробіть*.

Зурóчить, пристрѣк. Шептúхи отшѣпчуе ат балѣзни. О.

[ПЕРЕВЕРНУТЬСЯ] — то же, что **Перекидаться**.

Застаў чэловѣк кóло свай карóуы ў сарае саба́ку и тяга́л ее к калóдке, ла́пу адрубáть хотѣл. У́он ла́пу ей топорóм адрубѣл, а ў́тром глянóл — соу́сэдка бѣз рукѣ, так тая жѣншчына ўѣ́дьма була́ ўона сабако́й пѣрэвѣрну́лась. О.

[ПЕРЕКИДАТЬСЯ] — действие мифологических персонажей, связанное с оборотничеством (особенно ведьмы, колдуна, волколака), изменять свой облик, превращаться в другое существо или предмет. / [Зробіться-2], [Перевернуться], [Переробляться].

[Перекидаться волком] — то же, что **Волколак**.

Бўв сын. Шо́сь та ма́ти прогрѣшила, он идѣ в ногѣ и перекида́еца волком, душѣть кобы́л, в ра́нце домóй приходѣть. Ма́ти обѣд зварѣла и не посолѣла. Сын говорѣть: «Шо́ ты, мати, не солóне зробѣла!» Мати отвѣчае: «Ты кобы́лу зъел, она несолóна була́». Сын говорѣть: «Ты, мати, прогрѣшила, а я за тебе́ страда́ю». А ма́ти та вѣдьма була́. Б.

ПЕРЕЛÓГИ — то же, что **Сглаз**.

Як побáчуць худóбѣну та́ка свежая лю́дѣна, то ка́жуць перелóги, и рубáшкою чи брúками оптираюць. Б.

[ПЕРЕРОБЛЯТЬСЯ] — то же, что **[Перекидаться]**.

Чорт пѣрэробля́еца у вѣхорь. Ко́лѣсь на лу́зи с́но грѣбу́ть — вѣхорь разнѣсѣ — то чорт. Налѣта́з, разнѣсѣ с́но по лу́гу. О.

ПОГÁНА — то же, что **Вѣдьма**.

Як мать кóрмиць, а потóм кѣне, а дицѣ пла́че — йго́б исче раз почáли кормѣць, то будѣ погáна [ведьма]. ВЖ.

ПОГÁНО — обобщенное название нечистой силы с неясными характеристиками, чья основная функция пугать людей. // *Лякаць, Лякоўки*.

В сэреду и у п'ятницу, як тчуць, доўго не сядяць, и напро́ти недэли. Доўго не сыды́, бу́де ляка́ць, якесь пога́но, чи чэ́рти. Б.

ПОГА́НЫ(И)(Й) — то же, что **Черт**.

У любэ́ время́ самосейным, свячэным ма́ком-ведю́ком обсыпаюць хлева́, ха́ту, шоб пога́ный не круты́л. Б.

На войне́ забі́ли еé му́жа. Пога́ни ходи́ў. Чорт ходи́ў. Скіну́ўся мужо́м да и ходи́ў до еé. Знушча́ўся. Як шчэ́пка, высуши́ў ей. И прика́зал, шчоб нико́ме нэ ка́зала. Ба́тюшка позва́ли. Стаў чита́ть моли́твы, вы́свети́ў свето́ю водо́ю. Пото́м та дочка́ матери́ призна́лася. Р.

ПОДВЕЙ — то же, что **Вихорь**.

Подве́й — ка́жуць, як де круне́. Б.

ПО́ДУМИ — вид сглаза, порчи, возникающий в результате недоброжелательных мыслей того, кто сглазил больного. // *Подумки*.

Приговáривають уро́ки, по́думи:

По́дом ишла́ Бо́жья Ма́ти

Помога́ти кобили, коню́, корови́ чэ́рной, бу́рой [и т. п.],

По́думи шепта́ти.

По́думала, пога́дала поробца́кия [мужские] и жонца́кия.

Го́споди, присту́пи́ и поможи́ коби́ли,

По́думи однимы́.

По́думи вишэ́птваю́

И на соба́ку ссила́ю. Р.

ПОДУ́МКИ — то же, что **По́думи**.

[От сглазу]

Первым разом, Господним часом,

Господу Богу помолюся,

Святой Прэ́чистой поклонюся.

На синем морэ́ камень,

Там стояло́ тэе́ дэ́рзэво,

Шо́ тэ́рэн побило́,

Там сиде́ў Петро́ и Павел,

Там е́ны́ сидели́,

И думали́-гада́ли,

И книжку́ читали́,

И з хрэ́шчэ́ного (имярек)

По́думки вымо́ўля́ли, выговора́ли,

Из жо́ўтия́ кости́, из горя́чэй кро́ви,

Из буйно́й голо́вы, из румяно́го лица́, из шчы́рого́ серца́.

Хто́ хрэ́шчэ́ному́ (имярек) урэ́чэ,

Тому́ кро́ю́ потечэ́. ВЖ.

ПОРЧА — совокупность магических приемов, применяемых ведьмами, колдунами и другими «знающими» (например, строителями) для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека. // *Лихо*.

Ў снi яйцэ, яйця — пропадэць шо-нэбуць ў хазяйстве абэ порча. ВЖ.

[ПОУРОЧИТЬ (ПОУРОЧИТЬ)] — сглазить, испортить человека, скот или работу «злым» глазом. / **Уроки**.

Як хто поурочить, трэба казаці: «Урокі на сорокі!» Р.

Як поурочаць, морду скотыне штанами [вытереть нужно]. Р.

Як поурочаць дитя, то ўозьмуць, штанами обтираюць лице. Жэнскімі штанами. Р.

ПОШЕПТАТЬ — о действиях знахарки по лечению болезни с помощью чтения заговора. См. **Шептать**.

Віхор, подвэй, хвіля — лихий крутиць. Як ў негэ людына попадэ — более, уже надо шукачь таку бабку, шоб пошептала. Ишо кажуць — чэрты жэняца, чи повэсилось, чи утопылось. Б.

[ПОШКОДОУАТЬ] — испортить человека, нанести вред, причинить болезнь с помощью магических приемов.

Есть такая маці, грудёю кормить, ножыка лэжыць пуд сабе. Ножык складаненьки, маленьки. Шоб ништо не пошкодоуало дитяці. Р.

[ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ] — о воздействии нечистой силы, при котором человеку мерещится, кажется, видится то, чего нет на самом деле.

Святый мак сыпали у колбци. Празник Макавія — ёто свэтыць мак, зель разное. Если умрэ человек, знахор, тым сватым маком обсыпаюць [могилу], шчоб он не вылазіў. Если што ў семье плохо, претставляеца. Опсыпаю ўкружкi хату. Покудова вэчысты ўсэй тай мак пошчитае, уже будэ день. Р.

[ПРИВОРОЖИТЬ] — о действиях в любовной магии: магическими средствами вызвать любовь мужчины и женщины.

Руки и ноги бэлым шнурбчком звязываюць. Потим развязываюць з ног и з бэку ў гроб лэжуць. З рук этот шнурбчек беруць жiнки для знахорства — шоб приворожыць — обводили им вокрут парня. Б.

[ПРИБЫТЬ] — сглазить, испортить, наслать какую-либо болезнь.

[О порче:] Прибыть шчось. О.

Кажуть, ведьма корбу подоила, коутун прибила. ВЖ.

ПРИСТРІ́К — болезнь, происходящая от сглаза, порчи.

Шепту́ха — лечит от пристри́ка, ма́лiтвы чыта́е. О.

ПРИСТРІ́ (Э)Т (ПРЫСТРÉТ) — то же, что Пристри́к.

Шпы́льки насы́ли ат пристри́эта. О.

Прои́мали, як пристри́эт напáл, под ла́ўкай. О.

Гаваря́ть, игóлки затыка́ють на спiнe на́хрест. Так же и мала-дóй. Так гавора́т, от пристрэ́ту. ВЖ.

Гóлку або була́ўку чы шпы́лку, шоб прыстрéт не нападáл. О.

[ПРИШÉПТОВАТЬ] — о действиях знахарки по излечению болезни или для предупреждения болезни или опасности с помощью чтения заговоров. // [Зашептáть], [Поошептáть]. / [Шептáть].

Були́ у нас овéчки, знялы́сь и побiглы. (Мать послала до шепту́хи) — Хай зашэ́пчэ, шоб вóвки нэ зы́лы. Вона́ прише́пчue. О.

ПУ́ГАЛО — нечистая сила с неясными характеристиками, чья основная функция — пугать человека звуком, шумом, появлением.

[д. Кострово, 5 км от Радчицка] Дomoўiк то ўрóди невiдiмэе такéе. От ёсли дитя́ распла́чецца, [говори́ли:] «Заснi, бо домоўiк приде́, забярэ́ тебе́». То пу́гало. Р.

[ПУЖА́ТЬ] (безл.) — о характерном действии нечистой силы, не имеющей определенного облика и характеристик, чья основная функция — пугать человека — проявляется безлично. // [Ляка́ть].

Это не при моёй бiтнoсти, но мне старiе росскáзўали. Ўот и здесь есть дорóга, пáросль назывáласа. То, кáжэ, кадá-то там пужáло, лякáло. От нóчью, ёсли средi нóчи ёдеш, то дáжэ мóжэ тебе на ходу́ колёса снять с ўóза и останéсса прóсто сам. [Что это лякало?] Какбiй-то злой дух, чорт. Ягó нiхтó не мог бáчыць. Прóсто ты ягó не вiдиш, нiчóгo, а то свiшчэ, то вóздух такi, вéтром тебя́ поддува́е. Як начнé чоловёк Бóгу моли́цца, хрести́цца, онó ўсё удалiцца и чоловёк проежжа́е, дóльшэ ёдэ. Р.

Шошь пужáз у пёўноч и ў поўдень. ВЖ.

Во пуўноч мóжэ пoявiцца такáя, шо пужáз; и во поўдён — столб иде... на ростанцáх пужáз. ВЖ.

П(Ь)Я́ТНИЦА — персонификация дня недели, с которым связаны основные запреты на прядение, ткачество и другие женские работы в этот день. Почитание пятницы обусловлено народным культом Параскевы Пятницы.

У пýтнiцу не пра́ли и у неде́лю. Пýтнiца мýчелнiца та́ка була́. Ко́лысь жýнка пра́ла у пýтнiцу, вéльми пóзно вéчором сидéла. И з

кóмина цѣлый такой пучок веретѣн упáѹ. И она́ по одной нѣточке напра́ла на ка́ждо веретѣнце и о́братно подала́. И Пя́тница их прина́ла. И с тех пор люди не пра́ли у пя́тницу. В.

У́ вѣчери ўже моно пра́сты, бо кажуть, Пя́тница ўже ла́гла спаць. О. Пятница наказывает женщины, нарушивших запрет работать в пятницу:

[Нельзя пряхь в пятницу.] Каза́ли: «Як умрѣш, то верѣтѣнми пя́тница скóле. На том свѣте веретѣнма коло́ть бу́дэ». [Какая пя́тница? — Ответ неопределенный: «Як жѣнпчина.»] Р.

У пя́тницу не пра́ли: пя́тница присни́ца, жѣнка така́. В.

Коли́сь такѣ було́, шо жѣнка така́ була́ пя́тница. Ена́ ткáти и пра́сти не хоте́ла. Дак её человек прышбѹ к ней да го́ворыт: «У́ пана́дѣлок пради́, и ўо вто́рок пради́, а ў пя́тницу мотáй, мотáй, мотáй!» Да стал я́е мотáть. Дак кажуть, ў ё́тот день ба́бы пра́знуют, не праду́т. ВЖ.

Работа в пятницу вызывает мучения самой Параскевы Пятницы:

Святня Пя́тница — жѣнщина, пуд стѣкло́ (ее) завѣли́ и прасветы́ли и лежа́ла у гробѹ, вона́ прасвящѣна, вона́ бу́дэ абежа́ца, и пра́чѣсываца нельзя́, нэ пра́сты, нэ прыма́зывать, нэ сти́раць. «Вы мене паража́ете, вадвига́ете, тяжело́ шо рабѣтае́те», забрѣскаю́ть глаза́, «ви му́й во́лосы рвуть», глаза́, ру́ки, пакру́тишь ей, но́ги. О.

Не пра́лы, не прыма́зывалы (в пятницу), така́ ико́на була́ зрисѣва́на Пя́тница, як ма́зать, то вона́ убрѣзана у крѣ́йди. (Жѣнщина) не така́ шоб мо́лода́, не старá, Параскѣ́ва Пя́тница. О.

Бу́ла ико́на, шо называ́лась Пя́тница. У грудя́х у ней пять верѣтѣ́н, шо вона́ прядѣ́. [Пряхь в пятницу считалось грехом]. ВЖ.

В часовне Параскевы Пятницы получают исцеление от болезней:

Пя́тница — жѣнка, у Де́сяту пя́тницу каплѣ́чку роскы́зали, ба́би, мужы́ки берѹ́ть во́ду, рушны́ки, палѣ́тна носѣли. Ка́лыс ма́я ма́ма аслѣ́пла, куры́на слѣ́потá [называется болезнѣ́]. [Ей посоветовали]: «Ты пойдѣ́ до каплѣ́чки (ка́ли каплѣ́чку аткрѣ́ют, цѣло лиѣ́то вона́ аткрѣ́та) иды́ памалы́сь Бо́гу, той Пя́тнице, вазьмы́ палатно́, грѣ́шы». [Она пошла] кру́з ико́ны, позна́мала [поцеловала] ко́жну, помолѣ́лась. [А в церкви] гѹ́ркае, стѹ́кае як пуд мустом, як хто там е́сть. (Она) ви́шла и свѣѣ́т аткрѣ́ла, ста́ла ба́чыть. [Каплѣ́чка стая́ла в лесу], гáй, пасѣ́рэд гаю́. О.

ПЯ́ТЭ́НКА — то же, что П(ь)я́тница.

Ико́на е́ така́, дак верѣ́тно́на на ей торча́ть. Так затѣ́м не пра́ли. Свята́я Пя́тэ́нка вся верѣ́тно́нами обста́влена да не мо́жна. ВЖ.

РУСА́ВАЧКА — то же, что Русáлка.

Сѣ́нца гра́е пе́рад Пятро́м — Петру́ўка. Як дѣ́ўки умира́ють, яны по жы́ту гуля́ють — гѣ́та ро́зыгры, але их ни́хто нэ ба́чыть, яны [гуля́ют в виде] русáвачак, тады́ яно́ гра́е. Р.

РУСА́ЛКА (РОСА́ЛКА, РОСА́УКА, РУСА́ВКА, РУСА́УКА, РУСО́УКА) — женский мифологический персонаж, происходящий из душ самоубийц, девушек, умерших до брака, и лиц, умерших на Троицкую неделю. Русалки появляются на земле в период цветения и созревания злаков, после чего вновь уходят на «тот» свет. / *Лусарка, Русавачка, Смолянка.*

Те русалки у бѣлом они. Сорбчки такі бѣлы, а рукава усіми цвѣтами росшиты. И венки они плетуть и на воду кѣдають. О.

У бѣлых сарбчках, косы распатланы, хлѣпец умирае, тоже будэ русалкой — у бѣлом мушчына. У жѣте танцуют, спивали, па-своему кричали, свайх пѣсен пѣли, бувають табуном. О.

Такэ було, купаюцца дѣўки и бачать, тая русалка вѣдѣть йих, виходить и приговороить: «Мэнэ породѣла, нехрышчену положила, телѣ бух-бух в воду». ВЖ.

Хѣди така жѣнка, *перэкидаецца* на собаку, на вѣвцах, якась русалка, волоса длінные, аж по землѣ, да людѣну гільгае, аж задушить — так лякаюць, шоб не праѣли у пѣятницу и на дэдѣ. Б.

Кто становится русалкой:

[Родившиеся на Троицкой неделе]:

Русалка — це та, шо родѣца на русальны тѣждень, як умрѣ, то в русальны тѣждень появляцца. Б.

Хто на святѣ надѣлю родѣвся, той и русалка. О.

[Умершие на Троицкой неделе]:

Русалка — це дѣвчина, шо в русальну неделю утѣпица от любѣ, то большой грѣх був, на кладбище их не хоронили, только за кладбищем. Она в русальны тѣждень и *перекѣдица* русалкой, шоб любѣмого побачить. Б.

Як людѣна утѣпица у святѣ надѣлю — то русалка. Вонѣ у жыти, выхѣдять и спивають, пока Свята надѣля нэ пройдець, а тодѣ ховаюцца у жыто. О.

Зелина видѣля — це русалки гуляють. Хто умрѣ у цей день йли прѣрд Зелинаю, тот и русалка. Хлѣпец умирае — тоже будэ. Мушчына у бѣлом. О.

[Кто мог стать русалкой]: Хто пѣсле Святой рѣдыця. Пусля Святой умрѣла — кажуть, русалка баба. О.

[Дети, умершие некрещеными]:

Серѣд днѣ русалки ходѣли по жыту, моя мати их колѣсь бачила. Кажѣ: «Приходѣю до жыта, бачу, спѣваюць дѣвѣчки у бѣлых венѣчках, плѣтьчѣках: „Меня мати народѣла, на камушек посадила“». Русалки — це ж нехрышченые дѣвѣчки, шо так умираюць. Б.

[Девушки, утонувшие или умершие до брака]:

Русаўкі по жыту хódяць, як жыто красуе. Як деўкі. У когó деўкі велікіе умёрли по двенадцать, по тринадцать, пятнадцать годóў, то оні ходіли по жыту, русаўкі называюцца. На Рóзыгры ёты русаўкі хódяць. Р.

Кажуть, умрэ деўка коли-нябóдь, то она ужэ устае, убираецца, ходит на Рóзыгры, русалка *хóдит* на Рóзыгры, кажуть, это она *хóдит*. Р.

Жэнóўчина жила кóло клáдбишча. И бáчила тэе дéвочки. Чи праўда, чи нэ. Мóжэ и красовáлися, у когó дэвочки умрúть. Умэрлá деўка. И вот она така́я русаўка пока́зывается [в платье, в котором похоронили]. Смоля́нка — однэе [одно и то же]. Р.

Время появления русалок:**[Иван Купала]:**

На Купáлу русáвки у рэ́чы купáюцца, одэ́жу развэ́шваюць на вéтках, калі воні нэ паспéют скупáцца до зй́ходу сóнца, то одэ́жа застае́цца на вéтках. Р.

На Купáла до звй́хода сóнца купáюцца, кажуть, русаўкі. Дóжжик идэ́ такэ́ дрóбненьки и сóнэйко свéтит. То, кажуть, русаўки купáюцца. Р.

[Троицкая неделя]:

Быва́е в нéдэлю пóсле Трóицы, назывáли Русáльный тýждень. В понедéлок после тýжня русáлки расхóдяца. Колысь не мóно булó стира́ть. Понеделок после тýжня назывáли рóзыгры, нужно булó капúсту гребать. Б.

Русáлки выходíли на Трóицу. Русáлки устаю́ть у чéтвэ́рг пэ́рэд Трóицей, пóсле обéда ужэ устаю́ть русáлки. О.

На Трóицу русáлки выхóдят. Умрэ́ людýна у той дэ́нь, шо русáлки встáю́ть, у чéтвэ́р пэ́рэд Трóицэ́й, [станет русалкой]. После обй́да нычóго нэ робы́ли. О.

Сухы́й чéтвэ́р (четверг после Троицы) русáлочки пэ́рэсу́щуюя и ховáюцца у могíлу. «Провожа́ють» русáлок. О.

[Неделя перед Петровым днем]:

Е така́ русáльна нeдeля — Русáльный тýждень. На Пeтрóўку. Пeрeд Пeтрóм. На Русáльный тýждень колысь нас мáтки не пускáли купáтца, гавары́ли, русáлка потя́гне. Хто на Русáльный тýждень утонóў — тот русáлка. ВЖ.

Бéгали русаўки по жыту. Деўчáта. Як жыто спeе. Русаўки бeгали раз у год. Рóзигри — одíн дэ́нь, на пeршы дэ́нь Пeтрóўки. Р.

Як деўка помрэ́ — то русалки́. Як их нара́дывали [в этом и ходят]. На Купáльного Ивáна бóдуть гуля́ть. У субóту. У Пятрóўку. По жыту гуля́ють. И вянкí накладáють. Онí ходíли ў но́чi. Серeдь

дня по жыту ховаюцца, по лесу. Это на Рóзыгры у Пятрóўку онь гуляють. Р.

Если петрóўка пэ́рвый день, то ка́жу русаўкí ходять. Если ў мэ́нэ умэ́рла дэ́вочка и тую еé одéжу выно́сят. Русаўка пороси́ца и змэ́нивае одéжу. Р.

Действия русалок:

[Русалки появляются, бегают, танцуют в жите]:

Русоўкí, росаўка [девушка, умершая до свадьбы]. У нас каза́ли, што така́я бу́дэ *ходы́ть* и як похорóнять. Оно́ тако́е бу́дэ *ходы́ть*. У мене сестра́ да й шла ўона́ с ба́бушкой с по́ля да ба́бушка пошла ўперо́д да ўона́ шла, така́ межа́ бу́ла, и тут жы́то и тут, стéжэчка бу́ла, да ўона́ шла, цвето́чки рвала́, тые́, што венка́ вьють. Ка, гля́нула — идэ́ дйўка, идэ́ дйўка, идэ́ дйўка, ка, у вяно́чку, як убира́ють и у нас было́, ўэ́шають рушника́ ци на́метку на ру́ку, у хвартушкú — и ба́ба жэ одыйшла́ а я ка: «Ба́бо, яка́ ж дэўка!» Як я та́ки сказа́ла, так зра́зу махну́лосо жы́то и не побáчила тую́ дйўку. То, каза́ла, як убира́ють до венца́, то гэ́така дйўка́ шла, бу́ло у нас косныко́ў богáто коло́ венка́, ко́сы распúстяные и косныкí вися́ть. И хварту́х, и сукéнка — як хорóнять. Р.

Одэ́н дэ́душка э́хаў ў по́ли лоша́дьми на падво́де, и ему́ чэ́рээ доро́гу пэ́рэбига́ли ў бэ́лому жéншчыны, ло́шади ўпугну́лись, по́нэсли его́, и он посчита́ў, шо́ это русáлки. На Трби́цу выходы́ли из вады́ и *хады́ли*, хто утопи́ўся. То́лько женщчыны. По лесу́, на лугу́, бо́льше ў жы́те, хараво́ды вады́ли. О.

Русалкí *ходять*. Смоля́нка з бато́гом да й го́де, вэ́дма, змэ́я, жéно́чина, котóра знае. На Купáлу на Ива́на русалкí ска́чуць по жы́ту. Р.

[Русалки щекочут, щиплют человека до смерти]:

[Русалки] чэ́ловека пойма́ли да зашчэ́пали, а де́ хлеб у негó бы́ў за па́зухой, оста́вили [не тронули этого места] — там и жы́ў оста́ўся. По жы́ту боя́лись ходи́ть, каза́лись русáлки в лесу́; мо́гли зашчэ́пать на́смерть. ВЖ.

Жэ́ншчына саповáла ў горо́де, а дитя́ток покíнула под жы́том. Вонó пла́кало. Чэ́е — уты́хло, нэ́ пла́че бильш. То воны́, русáлки ты́и, заласкота́ли, воно́ и помэ́рло. О.

Жнеш жы́то, их не ба́чиш, а она́ идэ́, ка́же: «Здравствуй», жы́то шэлэ́ститъ. Русáлки спивáли у жы́те. Русáлки мо́гли залоскота́ть. О.

[Русалка убивает детей своей грудью]:

[д. Кострово в 5 км от Радчи́цка] Русáлкою пугáли. Врóди жэ́ншчина ста́рая, стару́ха, тако́е оборо́ванэ́е ўсе́. Як жы́то красу́е. Оно́ красу́е дў́э неде́ли. Врóди дитя́ убивáе цы́цкою большо́й. [Пугали детей русалкой.] Русáлка с цы́цкой вя́ликое, дэ́тэй у́бье. Цы́цка залíзная. Така́ старэ́нка, стра́шная, ко́сы дли́нные распúшэ́ные. Покúль жы́то красу́е. Р.

[Русалка наказывает тех, кто работает на русальной неделе]:
Против тей ниділи нелзя зачиня́ть тїсто. Одна ба́ба зачинїла ў д́жу палянічки. Дак вонї, тей русалки, вїкидали всэ тэсто на стэл. Шоб нічо́го не висэло, мо́гут порва́ть, помета́ют на ме́сте. О.

[Русалка пугает людей]:

[Женщинам надо было пройти мимо кладбища днем]. Им трэ́ба итї́, а те, русалки, на мо́гилках лепата́ют, во́ны [русалки] на мо́гилках начї́ тарахтэлками тарахтї́ть чи звонка́ми, и те збежа́ли. О.

Проводы русалок:

На русалну неде́лю русалок проводи́ли да венкі робїли, да на капўсту кла́ли. Венкі вїли з берэзок, а ў венка́х шли проводи́ть русалок. Иду́ть, пею́ть:

*Сидэла русалка на бэлой берэзе,
Ой, ра́но, ра́но, на бэлой берэзе,
Она́ сидэла да ле́то пыта́ла,
Ой чи бы́ло ле́то, чы не бува́ло,
А я мо́лодая, ле́та не ўгада́ла,
Ле́та не ўгада́ла, жы́та не нажа́ла,
Жы́та не нажа́ла, ў недўзе лежа́ла.*

На мо́гилки шли об хрэст побїть венкі, покача́юца на мо́гилках и тоді несу́ть [венки] на капўсту. ВЖ.

На Ива́на Купа́ла ого́нь жглі, русалки проводи́лы посла́ Трїбцы, первы́й дзэнь Петрбу́ки, понеде́льник — вянкї плялі, нэзаплэ-тано ходы́лы — русалку робы́лы. Ого́нь пэрэпры́гують за сэлóm била́ вады́. Пукі вяза́лы, пэрэбра́сывалы. Венкі на во́ду кы́далы. Русалки на мо́гилы проводи́лы. ВЖ.

Сыр печу́т на Петра́. И варэ́ники трэ́ба обяза́тельно на Петра́. Ка́жуть: «У-та-та, на Петра́ ма́тка сы́ру попе́клá». Ко́лісь, ка́жуть, русалки бу́ли. Уме́рла нехрї́шченэ дитя́. На русальном ты́жне. Дак лю́ди жнуть жы́то, а оне́ кача́ється на берэ́зе да ка́жуть:

*Менэ́ ма́ти поро́дила
Нехрї́шчену по́ложила.
У-та-та-та́, на Петра́
Ма́тка сы́ру попе́клá.*

По́этому и на Петра́ пеку́т сыр, и варэ́ники ва́рят. Провожа́ють русалок на Ива́на, кладу́т пукі, беру́т ого́нь, кло́пцы пры́гають. На Ива́на на Петро́вского — за три дни до Петра́. ВЖ.

Це по́сле Свято́й че́рэз ты́ждэнь у че́твэрг проводи́ть русалки на кла́дби́цэ и там оби́дають. О.

Обереги от русалок:

[Троицкая зелень]:

Украша́ли: ліпу стрека́ют за плуоты́, лэпэху́ рвуть, стэлю́ть на дали́ўци [т. е. внизу, на полу], ў сизня́х и ко́ла парбо́га трэ́ накла́сь-

ти часнычок, цветá рáзны, шоб русаўки нэ *хаділі*. То клэчэнне. Кала парбга клэчэнько дьве галіны. О.

[Туманная Гута] На свьяту нэділью ад русáлок палінь рвут, часнік, цибулю, и пригавáривають: «Як бы тэбэ нэ палінь, я б тэбэ задаўыла. Як бы тэбэ нэ часно́к, я б в тэбэ за часо́к, як бы тэбэ нэ цибуля, я б тэбэ нэ забу́ла». И ўона нэ б́удэт к тэбэ ходы́ть, а кали будэ, так нэ зробить ничого. О.

[Запрет купаться и стирать в период появления русалок]:

С чэтвэргá до дру́гого чэтвэргá, цилый тыждэнь ўжэ русáлки выхóдять, нэ мóжна купа́ця и стира́ть, шоб нэ було утоплэнников у семмі. [Неделя с четверга на четверг, а в воскресенье между ними Троица.] О.

Як Свята нэділья, шоб нэйті купа́ца, бо русáлка залоскóчэ. О.

[Можно ли купаться на Купалу?] Вот то говоры́ли, шо нельзя купа́ца, вот то говоры́ть, шо ў Купáла уто́плять ётые, в́эти, русаўки, русáлки, по жы́ту бéгають, ето прóтиў Купáльного нóчню, и мóжуть утопíти. Р.

Отношение людей к русалке:

[Русалкой пугали детей]:

И вот ужé хóдять дэ́ти да усé и ляка́ли, на Купáлу: «Нэ йды́ты по жы́ту, бо росáлки злóвять, да возьму́ть, батогáми вас позасекáють». Р.

[Пугали детей:] Ты нейд́и у жы́то, там русáлка. Такя́ кáжэ доўгая кошма́тая рубáха на ём. С тоўкачóм. [Русалка держит «тоўкач», может истолочь им.] Вэ́дьма перетворáласа. А пóсля Купáла русáлка. [Она ходит,] покóда жы́то не сберу́ть. [Куда уходит потом?] Чи ў ўóздух леты́ть, холэ́ра яé ма́терь знаé. Р.

На Ивáна Купáла вэ́дьмы *хóдять* у жы́ти. От дэ́ти волóшки рвáли да венкí плял́и, идúть ў жы́то, а т́ые стáрые пужáють их: не хóди, бо там вэ́дьмí да налякáе. Это сáмая тáя русáлка. Кáжуть, прійде русáлка да забярэ́. Хóдить по жы́ту. Р.

Русаўки, русаўкí. Баáло дэ́ти ў жы́ти хováюца. Ма́ти кáжеть: «Нэ идэ́ у жы́то, бо росаў́ка злóвить». Озьмэ́ кóсы распúстить и помотáе т́имэ косьмí. Як красúе жы́то, то она́ красúеца кóло тóго жы́та. Р.

[Для русалок на русальной неделе вывешивают одежду]:

От у когó деўочкí помира́ють малíе, заўсегдá гуля́ють на ё́ту. Наўска Трóйца назьу́аецца, пóсле Трóйцы чэтвэ́р. То ўыно́сять одэ́жу, ўэ́шають где на дўорé, ё́то русáлочки б́удуть по жы́ту гуля́ть (на ноч ё́то ўэ́шають), оны́ у ноч гуля́ють по жы́ту и ё́ту то одéжу наклáдають. Моя ма́ти ўи́носила, она бáло [бывало] на грúшу поўэ́шае. Это, ка, мой деўочкí придúть, да б́удуть убира́цца да по жы́ту гуля́ть. Русáлки. Р.

Як ё́то ужé жы́то красúе, да русаўкí *хóдять*, да померлá дэ́ўка, а она́ ужé прóсить: «Дай жэ мне сўою сподни́цу, у мянэ́ не ма́ таких». То

она дала, да уноч поўстали — её не було, а на другую ноч устали, то на порозі, у клёти тая сподніца лежала. Як умерла дэўка у когo, то тая баба ужэ ўшае, што яе дочка умерла. Вто но́ччу. Ужэ то жы́то красуе, ужэ то ўшають на дўорé ту яку одéжу: платка́ яко́го поўсять. У дўору́. То, ка́жэ, ты́е русаўкі накла́дають да гуля́ють ужэ у но́чы. Р.

То у нас як Петроўка, русаўки по жы́ту ходять — адын дэнь, первы дэнь у Петроўку. Рóзгры ё́то той дэнь [первый день петровского поста]. Да ка́уть русаўки гуля́ють по жы́ти. От одéжу вешали на плот, ка́жуть, оны́ прйдуть у мо́кром и наложат. Русаўочки гуля́ють. [У расказицы умерла девятилетняя внучка; для нее она развешивала одежду. Утром рассказчица пришла на кладбище и плакала:] «Гáля, Гáля, ты ж не пришлá, я тебе пла́ттечко вешала, ты не пришлá, ты мо́края». Да она́ мне у рáнцы присни́ласа у том пла́ттечку ра́беньком. Р.

[Соблюдение запретов на работу]:

Розыгры́ пóсле Трoицы за ты́ждень. У нэдэлю за́пуски, а уж у поэдэлок розыгры́. И ми той ты́ждень нэ шíемо бо то ка́жуть русаўки очи зашíеш. Р.

САТАНА́ (СОТОНА́)

1. Обобщенное название любой нечистой силы.

Бэзвэршник, такé зéллечко, от сотоны́ скрoзь што́б оно́ было́. Як худóбину мўчиць сотона́, мо́кра гэть уся́, то трéба безвэршник пáриць и мыть еé од бармўзы аж до хвоста. Б.

Сатану наслатъ — сглазить, испортить.

Зробы́ть, зглазы́ть, сатану́ наслатъ. Одробы́ть. Б.

[Домна Трофимовна ткала полотно, зашел сосед и похвалил ее:] То так колодóчу наткáть, такой тоньчины. [После этого у нее отнялась рука] — таку́ сатану́ насла́ў. [Она пошла к другому соседу] шoб Яська отробиў... [Пришла она к Яське за заговоренной водой, а он не дает, говорит, что ему приснился сон]: Он ўсю́ ночь не даёт мне покoю, кажет: «Я поставиў свечу́, не оборочáй моéй свечы́ шшэ́ я оставиў». Вон тэ́э зробиў, пшэ́б я не отробляў. [Тогда Домна предложила ему поросенка, и Яська решил, что] он не бўдэ́ минэ́ сильнэй [и вылечил руку]. Б.

2. Бранное название ведьмы.

[Чтобы «вернулось» молоко] на цэдýлку лóжать ножа́, альбó сэрпа́ и цэдять на ё́тот нож. Дэветь гóлок [иголок] утика́ють ў цэдýлку носкóм ўвэрх [и ставят на порог]. З трох колóдзеоў во́ду трéбо бра́ты и корóви дава́ты. Бра́ты до зыхóд сoнца. Живодрéк (чóртово гоўно́) подкўривають корóви, коб сатана́ нэ прыста́вала. Р.

СГЛАЗ (ЗГЛАЗ) — способность причинять вред, вызывать болезни, приносить неудачу своим взглядом, приписываемая ведьмам, колдунам, а также людям, которые обладают «злым глазом». // *Врѣдные на глаз, Глаз(а), Перелого, Уроки.*

Колісь ба́бки носіли гóлку из нítкой од згла́зу. Б.

[На свадьбе] Помиж лопáтками гóлка и красна нítочка заткну-та у молодóю од згла́зу. Б.

[СГЛАЗИТЬ] — причинить вред, посмотрев на кого-либо или что-либо «злым глазом». // [Поурóчить].

Еси корова хорошó доиця, кажуць, шоб не зглазиць, гóлку ў хвост замотаюць, то е никто не зглазиць. Б.

Як приходѣяць до хáты, а я тчú, то он кáже: «Бóже, поможí, да спор покажí», а ему кáжуць «Дѣковаць тобé», а сáми дúлю кáжуць, штоб не зглазиў. Б.

[СКИДАТЬСЯ] — то же, что [Перекидаться].

Это на Купáльного Ивáна онí *хóдятъ*, ведьмé такíе, да молоко́ отбира́ють, да скида́ецца свиннѣю, да хто-то свинню́ по личú бóхнуў то на дру́ги дэнь ужé бáчать, што нос перабíты буў у жонóчины. У тэй сáмэе вѣдьмы, кáтóra скидáласа. Она чим хоч, собáкою мóжэ скíнутиса и ўсѣким. Р.

СЛЕД БРАТЬ — вид вредоносной магии, состоящий в том, что землю, на которой отпечатался след человека, держали в печной трубе, чтобы человек высох, как и его след.

[Присушка] Такíе вѣдьмы, што след бра́ли. «Берú след на семь лет, чтоб от вѣтру хилиўся да сóнцу бояўся». Возьмí лáтку, ножá и берé след три рáза. И тоды́ этот след кладé ў вьóшке, и он там сóхнет, и чэловéк сóхнет. ВЖ.

СМОЛЯ́НКА (СМОЛЯ́НА, СМУЛЯ́НКА, СМУЛЛЯ́НКА) — то же, что Русáлка.

Смуля́нка то тэé сáмэе шо этая и русáўка. Хто як муг так и пугáў пацанбú. Р.

Кто становится смолянкой:

Смулля́нка *ходы́ла* у жы́ти, ми бо лиса. Молоды́е деўкí умира́ли. Уона́ як *ходы́ла*, то ўона́ сватáя *ходы́ла*, еé нхтó не побáчыть, та смуля́нка. Але дэ́ты однѣе другóго страшы́ли, и бо лиса у жы́то иттí. Нэйдí, бо смуля́нка. Р.

[Умершие некрещенные дети становятся «смудля́нками».] У менé умерла́ деўчинка. Это например умерла́ у меня деўчинка, и она́ ужé

бўде смуля́нкой называ́тиса, то лю́ди ба́чили у ле́то у жы́ти гуля́ли деўочкі. Ба́ло [бывало] де́тям ка́жуть: «Нейди́, бо ужэ́ ве́чор, нейди́ у жы́то, бо там смуля́нки». Та́кие як деткі. [Как они одеты?] Як померлі́ да их поубера́ли, то так оны́ *ходя́т*. [Когда ходили?] Мо шчэ́ як жы́то не жнуть, у Пятро́ўку. Як вялі́ка деўка помрэ́ то русаўкі́, а як дитя́ — то смуля́нкі. Р.

Смоля́нкой пуга́ют дете́й:

Шоб оны́ [маленькие дети] нэ́ пўтали́ жы́то, так их ляка́ли: «Там смоля́нка (смоля́на) вас заберэ́». А ми завьём веночка. Р.

Смуля́нкі. От ды́ты собира́юцца итты́, то стары́е лю́ди ка́жуть: «Нейды́те, бо там смуля́нкі. Смуля́нкі». [Пугали детей, чтобы не шли в поле.] Р.

Пока́ жы́то стои́ть, де́ты ходи́ли у жы́то як цўэ́тэ ўоло́шка и блўта́ють, ужэ́ стары́е их пужа́ли. Ка́жэ, там смуля́нка з бато́гом [кнут] да набы́е бато́гом. Ка́жэ, у яе́ жалезна́ стўпа́ и тоўка́ч. Да ўозьме́ у залезну́ стўпу́ да потоўча́. [Как выглядит смуля́нка?] У фо́рме чо́лоўка. Р.

СМЭ́РТЬ — персонификация смерти.

Сме́рть и соба́кой, и коро́вой, и жэ́нщиной *зроби́ца*, чим хошь. Кóло нас жила́ жэ́нщина́ бля́зу. И коро́вою сме́рть ийшла́ по е́е. Са́ми ба́чили. На дорóзи вон [человек] э́хаў. А вона́, сме́рть, ста́ла поперо́к дорóги. И нэ́ мог э́хать. Ийдэ́ коро́ва пэ́рэд машы́ною. И дойшла́ до то́е тётки́ и та́я тётка́ зра́зу умэ́рла. Р.

[СПОКУСИ́ТЬ (СПОКУСУ́ИТЬ)] — навести порчу, навредить с помощью магических приемов. // *Вробля́ть, Зроби́ть, Спортитъ*.

На сва́дьбе, як вэдў́ть на поса́д, шобы́ до́брэ́ бу́ло, шобы́ ни́хто́ не споку́сыв, то молодóйи ко́фточку выворáчуютъ. ВЖ.

[СПО́РТИТЬ] — нанести вред, вызвать болезнь человеку или скоту с помощью магических приемов. // *Вробля́ть, Зроби́ть, Спокусі́ть*.

Як коро́ўку дожды́даеш, перва́чку, то трэ́б пойт́и́ и обсы́пать [самосейным маком] што́б не спо́ртили ве́дьмакі́. ВЖ.

[СУРО́ЧЫТЬ (ЗРО́ЧИТЬ)] — то же, что [Сгла́зить].

Абы́чно шпы́лизку, игóлку, шоб нэ́ сурочы́ли. О.

Як сурóчат, услю́н ў ха́ти, скруз услю́н прала́зят трэ́йчи. О.

[Туманная Гута] Шоб нэ́ урбчили́, памы́еш пасў́ду и умóй лицó той ва́дбóй. Як сурóчат. О.

Купы́ў ад́ин чэ́лавик карóуу́ и в́ывеў́ на па́шу и гóлка ў́ рагу́ бу́ла с тра́почкой, шоб нэ́ сурóчыў́ ни́хто. О.

Побáчишь, шо корóва такá красíва — зрóчишь её. Ужé корóва мнéца, трéца, лягáе она — тады обтираюць её штана́ми. Б.

У КОПЕЛЮША́Х — то же, что **Черт**.

А óни повыхóдыли, ў трох, вышли у копелюша́х, як жэ ж паны́, панíчи, шо ж ты. Як лю́ди, прóсто настоя́щие лю́ди. У нас тоды́ копелюшóў нэ носíли, а воны́ б́ули ў чóрных копелюша́х. Р.

УЖ (ВУЖ, ЁУЖ)

1. Домашняя змея, которая обеспечивает дому счастье и связана со скотом.

Жíв уж у воднiх. Дéти едýть, и вон идé, и никтó егó не трóгал, потом ушел кудáсь. Стáры лю́ди казáли, шо нельзý убивáть. Б.

Ёуж, кáжут, у кáждой хáти ўун е. Ёон никóго не чапáе. Р.

Той уж добрó принóсит, нэльзý его вбить. О.

Говорáць, шо як ўж живé под хáтой, то не мóно убивáць, трéба спужáць егó, он и ўйде. Б.

Уж сосет корову:

Дэ уж живé и карóву ссе, дóбрэ, и он так, як хазýин на дварé. О.

Уж карóву ссе, лежýть, як бык стал, обмáтываеца кругóm ногi и карóву вiссе. О.

Уж наказывает человека, укравшего его яйца:

[Мужчина пошел пасти скот.] Сам пастýх пасé товáру, на ноч загóнить у хлеў и ночýе там кóло тоўáру у хлéве. Ёзяў ёон той чолóўэк ужóўые йца покрáў. Ну и ёон ужé корб́уы дойў, той чолóўэк, а ёон ёзяў да ўсé молоко́ поўылиўаў. Ёуж. На што йца покрáў? Хўостóm кáжэ окрúжить и лье, и лье. А як ужэ ёон понёс, той чолóўэк ййца, да положýў, то ужé нишчó не рóбицца. Р.

Ходiть уж и молоко́ пье, нанéс яйц, жiнка ййца взяла, уж пошёл и в молоко́ напускáл яду. ЖЫнка принеслá на мéсто положýла, уж все кувшины́ перевернýл и молоко́ повыливал. Б.

2. Мифологический персонаж, живущий у ведьмы или колдуня и своим существованием приносящий пользу.

[хутор Подомша за г. Столин] Домоўiк казáли есь у йiньшого. Ёон домоўiк, гоўорýли, есь у нéкоторых людéй — ёуж с красными заушницами. Но не у кáждых людéй ёон быў. Покóйник отéц раскáз-ваў. Я, кáжэ, горú, ўыгóрýаю ужá. Да ўз ў ягó, убйў. И ёон снiцца [уж снится отцу]: шо я табé зробйў, я тобé крóме хорóшаго ни кого зла не зробйў. Мо воны́ булi у ётых ведьмарóў онi жылi. Р.

Вужi ў дама́х не живýт — ў сарáе. Кóли хазýйка знáе — шеп-тýхи рáзные — у таé и вуж живé. Вон же карóву ссе, а дэ вóны живýт, там пóльза. Це той вуж живé це доволны. О.

У други́х, хто *зна́е* шось, у того уж живэ. Кажуть, нэльзя ўбыва́ць ужа. О.

Ужй жи́лі ў норэ, на лепеху́ [сено] выла́зят, лежа́т, оні каро́ву ссут, як ве́дьма хазя́йка — ў чужо́й ідэ [сосать корову]. О.

[УРЕКА́ТЬ (УРАКА́ТЬ, УРЭКА́ТЬ)] — портить человека или скотину, посмотрев «злым» глазом. // [*Поурочить*], [*Сурочить*], [*Сглазить*]. Пример см. в ст. Поду́мки.

УРО́КИ (ВРО́КИ) — то же, что Сглаз.

Кладу́ть ключ [от дома] саки́ру у хвóртки, вэ́рбою свято́ю падганя́ють [когда скотину выгоняют], шоб уро́ки нэ напа́ли на каро́у. О.

У нас кали́с, як го́нят на па́шу, ба́руць вэ́рби́цу, шо сьвяти́ли ў Вэ́рбну, хли́эб па́ску аддава́ли каро́уе, шоб уро́ки нэ нападáли. О.

Вро́ки ба́бка *пошэ́пчэ*. Р.

Заговоры от уроков:

Приговáривають уро́ки, по́думи: По́дом ишла́ бо́жая ма́ти помага́ти коби́ли, коню́, коро́ви чэ́рной, бу́рой [и т. п.], по́думи шепта́ти. Поду́мала, пога́дала поробо́цкия [мужские] и жоно́цкия.

Го́споди, присту́пи и помо́жи коби́ли... По́думи одними́. По́думи више́птваю и на соба́ку ссила́ю. Р.

У́РОЧЛИВЫЙ (У́РУЧЛИВЫ)

1. О человеке, обладающем способностью испортить, сглазить кого-либо, что-либо.

О, то така́ ўрочлива. Мину́та така́ бува́е, шо и ты мо́жэ *зурочить*. О.

Як сцэ́ дву́йчэ́ цицьку́ у ма́тки, ўру́чливы́ очы́ бу́дуть. О.

2. Восприимчивый к порче, сглазу.

Круз сту́бл проима́ло, шоб нэ ўру́чливе було́. О.

ХВІ́ЛЯ — то же, что Ві́хор. Пример см. в ст. Пошепта́ть.

[ХОДИ́ТЬ] — о покойнике, приходящем после похорон к себе домой.

Это ро́згры ка́жуть на Трóйцу э́то ўро́ди покóйников што ходи́ли. Р.

Причины «хождения» покойника:

[Нарушение запретов на прядение и ткачество]:

Бабы́ каза́ли, не сну́й у непра́вильный дэ́нь, бо прусы́ да блошчи́цы нападúць. Шче́ ка́жучь, волки́ бу́дучь до хатз́й нападáць. Як не у пра́вильный дэ́нь снова́ць бу́дешь, то душа́ ме́ртвого бу́де при-ходи́ць. Ляко́ўки ходи́ць бу́дучь. Б.

[Тоска, плач по покойнику]:

Удумаеца людбына, и от сильных думок привижаетца всякое — шчо пакойник ходить и ў окна стўкает. Так, трэба хрэстик на окнах и двэрях напісаць — и ўон нэ ходить. О.

Обереги от «хождения» покойника:**[Обсыпание дома маком]:**

Самосейнай мак, василькі, безвэршник свэтыць на Маковея, да тем маком-ведюном и тем зельем обсыпають хату и по окнам лóжуць, шоб пакойник не сніўся, не стучаў, не ходиў. Б.

[Осиновый кол]:

Шоббы мэртвий нэ ходыў, забываюць ў магілу колка осынавого. Маком самасейным обсыплют хату, ў цэркву свэтыць егó. Осынавый клын колысь вбывали ў дўчки [прорыта магыла]. ВЖ.

Ўмэрла жінка у чоловіка. Осталось трое детей. Вон ночуе у хати. Чуе, хтой-тось у хати. Вон не спиц, бащиц жинку: печь топиц, вэриц, детей купаець. А чоловик бащиц, бойца фставаць. Як петух заспеваў — куды вона дэлась? У каждую ноч хóдзыць, хóдзыць и фсе. Шо ж рóбиць? Пойшоў вон до бабы. Она и кае: «Возьми засеки осеку, колок трэба затэсаць, понесц на мógилки, забиць той колок, дэ голова у йей. То нэдóбрэ, шо мэртва приходиць». О.

[Свеча, горящая под новым горшком]:

Да, ка́жэ, жыў дядько да ўмэр Пэ́тро, да ў йих он жыў да й остаўся так вон ўдовэц и ти ты ж жэнихом и помэр. И другі быў Ма́рко. Ун — Пэ́тро, а дру́ги Ма́рко. И вот ўжо як змэркнэ ужó он ў хаты хóдыть, ужэ хóдыть, ужэ хóдыть, а отэц ей тэй жэ́ншчыны шчо росказывала, то ж сусэдка бу́ла, быў кологуркою кóло цэрквы стояла, як морóз дак лóди зимóю идуть да грэюца. Да у той кологурци дежуриў, стóрожом буў. А она́ тая жóнка прóбуе: «Што ж ты, ка́жэ, идэ́ш, да идэ́ш а мэ́ни, ка́жэ, твой брат покóя нэ дае́». А вун ругае е́: «Э́то ты брэ́шэ́ш, э́то ты выдумля́еш на бра́та». А она́ ка(жэ): «Нет. Вот пэрэночуй хóть ночь». И звивала она́ ў пятницу з вэротён бо тые ручайкі на клубок. Покидала тые вэротёна, покидала она́ тые клубкі ўсе, ўы, ночуй! Вот не поспило змэркнути, той Пэ́тро пришоў, вышоў спод пэ́чи и дава́й на гэ́того бра́та и вэротёнами тими, клубком и колыська бу́ла р(аней) дэ́тя бу́ло, а як вун тўей колыськой як вы́знуў ў бок... Вот да ужó он тоды́ повэриў шо такы́ ходить, а што ж трэ́ж яку́ раду шука́ти, ужэ не мóжа ка(жэ) спасэ́нья бу́ти. Ўж нэ поспее́ змэркнути уже он хату отчи́няў, ужэ по хаты лóпае, горшкы́ скида́е, ложкы́ кы́дае, ну и хóдит, жывэ́ ў хаты. Нэ́хто ю́й научи́ў, так она́, сказа́ли, шо запáli свэ́чку да накрый нóвым горшкóм ту свэ́чку. Як вон онó поя́вица ты худчэй горшкá знимй да свэ́чка неха́й горы́ть. И тоды́ вон не

ста́не ходы́ти. Ну вона́ так зробі́ла. Он пришо́ў да и дава́й ж ло́пать. Так вона́ тогó горшка́ зняла́, и вон: «А што́б тебе, о су́ка, догада́лася шо зробі́ти», да ўзя́ў, каза́ла та́я жэ́ншчына, шо нам расказа́ывала, егó ўжэ́ бра́това дочка́, бо тогó ж у свитка́х хова́ли, свиткі́ по́ли подоткну́ў за по́яс и пэ́сню заспа́ваў: «Ой, з ббру, до-ро́жэнька, и з ббру, Ча́с, порá гóстэньки до́ дому». И зобра́ўся, и пошо́ў. С тих пор не пошо́ў. Р.

[Матерная брань]:

Коли́сь ба́ба гавары́ла: ў е́е невэ́ска была́. Пло́хо жы́ли. Дак та невэ́ска ўме́рла. Дак ў ё́й но́ччу ў акно́ ку́ра или пету́х запоё. И по ха́те шагі́. Вро́де идёт-идёт, на печь ле́зе. И ш-ш-шу по ха́те. И за ю́бку тя́гне. И ё́й стару́шки гавары́ли посвяты́ть ў це́ркви самосе́йный мак и обсы́петь мо́гилку и дом. Ка́мни ло́жили на мо́гилку и дом обсы́пали — ничо́го не помога́е. И сказа́ли ей: вы с ней руга́лись. Як прі́де, дак ты е́е слова́ми, як она́ тебе́ руга́ла, так ты отруга́й, и по ма́тери. Дак ё́на як прі́йде, дак та: «Чо́го ты пришла́, така́я ты (и по ма́тери)». Тоды́ ўсе́ кончы́лось. Гово́рит, год му́чила. Це́лый год. ВЖ.

ХУ́НДОРКА — то же, что **Ве́дьма**.

Сва́кор мой ра́но на базáр (собрался) йхатъ. Пову́юв коня́, дохóдитъ, гдэ́ ху́ндорки живэ́. Жа́ба здоро́ва сыды́ть на ўлыци, як ко́пица, вона́ растэ́, растэ́, вот така́ вы́росла. О.

ЧАРÓВНИК — то же, что **Зна́харь, Колдун**.

Чарóвник — чарова́л, шо́б жени́ха до́брого к не́вэсти присватать. В.

ЧАРОДЕ́ЙКА — то же, что **Ве́дьма**.

Чароде́йка — им на том све́те агню́ ма́ло бу́дет. О.

ЧАРОДЕ́ЙНИЦА (ЧАРОДЕ́ЛЬНИЦА) — то же, что **Ве́дьма**.

Чароде́йница лю́дям балэ́знь па́кастит. О.

То чароде́льницы робы́ли, а я нэ́ знаю. О.

ЧАРОУ́НЫЦА — то же, что **Ве́дьма**.

Ў адно́го хло́пца ўме́рла ма́тка. Йона́ була́ чароу́ныца. Пры́йшоў сын да сусе́да и ка́жэ: «Ходы́м рабы́ць грóба ма́тци». А ма́тка сусе́да ка́жэ: «Нэ́ йды́, сыно́к, бо е́на чароу́ныца». Йон нэ́ послу́хав — пошо́ў. Зде́лали грóба и прі́шлі ў ха́ту сне́дать. И сне́даюць а́ні. Е́на ле́жыць на ла́ўци. Пакрыва́ло зняло́сь и палетéло по ха́ти. Упа́ло на пол и ла́жыт ўжэ́. Ле́жыць на полу́. Дочка́ зня́ла и покла́ла, и зно́ў накрыва́ла йийй. Дак е́на (ме́ртва) сы́ла. Дак той, катóрый пры́йшоў, ка́жэ: «Макэ́й, дай ма́ми

чарку». А бабы побегли з хаты. Сын трѳхы растерялся: шо рабыць? Грабовшчык кажэ: «Трэ на йи кыпятку нальць». Вытягли с печы чугун кыпятку и линули. Як линули, дак ўсэ вылетело з йѳи, тильки шкурка залишылась. Дак тоды шкурку паложыли ў гроб и закапали. ВЖ.

ЧЕРНОКНИЖНИК — колдун, занимающийся чародейством по специальной черной книге.

Чернокнижник — чѳрну книгу читает, с сатаной знает. Б.

[ЧАРОВАТЬ (ЧОРОВАТЬ)] — использовать магические средства для вредоносного или положительного воздействия на окружающих.

Чаровник — чаровал, шоб жениха дѳброго к невѳсти присватать. Б.

ЧЕРТ (ЧОРТ, ЧЭРТ, ШОРТ) — нечистая сила, олицетворяющая абсолютное зло.

Мѳжэ якие чѳрты, прѳсто такіе высѳкие у капелюшѳ, [их видели в лесу]. Одѳн вѳлыки, другѳ помѳньшэ, трѳти малы. Зѳддалэ показваецца у капелюшѳ. Вѳтер дѳне — не ма ягѳ. То самѳ лихийе. Чѳрт, сотанѳ. Р.

Вѳдели чѳрта, гѳвѳрять, як корѳва, другѳ — як лѳшадь, собѳка. Б.

С хвастѳм, рѳги, стрѳшный. Чорт на скрѳпце граѳ [для] своих, вѳны танцѳе. О.

У нас гром одного гѳду, то шчэ при Пѳльшчы, у цѳркоѳ [ударил]. То кѳло престѳла забѳил чѳрта того, би телюкѳ, лежѳ, прѳсто таки би холодѳц, о такѳе большѳе. Чѳрта забѳѳ Буг. Прѳсто гѳ лежѳло кѳло престѳла ў цѳркѳѳи. Р.

То чортоѳѳ пѳльцы у крѳйды буѳѳа, а чорт йон з рѳгамы. ВЖ.

Оборотничество черта:

Чорт. Вѳни *скѳнуца* такѳя большѳя би копѳца чи сѳном, чи чим-нибудь и от летать вѳни по вѳздуху, сѳнуца. Ў нѳй свѳкор ѳхаѳ у Пиньск, и ѳот заѳхаѳ он там, он за мост, егѳ нѳмцы назвѳли: «косий мост». И от того кѳсого мѳста ишѳѳ почти под сѳмый Пиньск, копѳца прѳсто йшла рѳзом с вѳзом, да й гѳди. Он дык боялся шоб хочь на кѳни не найшла та копѳца да нѳ подушила. Ишѳѳ, ишѳѳ и дойшла до того мѳсту, ужѳ до того Любѳнского мѳста и ишчѳз, ишчѳзла та копѳца. Р.

Диалог Бога с чертом:

Мой бѳтько, бѳло [бывало], роскѳзѳе, як Бог с чѳртом бѳял. Чорт кажэ на Вѳга: «Побѳдѳю», а Бог казѳѳ: «Нет, я табѳ побѳдѳю». А ѳун ка: «Я схѳваѳюса». (черт). А Ыун ка: «Где ты не схѳваѳсса, я

табэ найдú и забью ўсе равно ж» (Бог). А ўун кáжэ: «Гдэ ни приходíть мéцца, там я бúду хова́цца. Круго́м». — «Гдэ?» — «Ў цэркúи я бúду хавáцца». — «Бúду и ў цэркúи бíти». Ка: «Пуд престо́лом схава́есса, пуд престо́лом бíти му. То́льки пуд ча́шэю не». Пуд ча́шэю, кото́ра ўот споўэда́е ба́тюшко, причашча́е. Р.

Действия черта:

[Черт помогает тем, кто вступает с ними в контакт и приносит им жертву]:

Ма́ти вьшла на двор прóтиў рудва́. А ў сусéда молóтица ў сара́е. Сусéд ў ха́ти спíть, а у его молóтят. То ж чéрти молотíли. Р.

[Черти помогают в сельскохозяйственных работах. Их надо кормить.] Пáска. Пэчúть хлеб и бэру́ть на Пáску ў но́чí. Прийдуть до до́му и поснídaють. Покúшали и понёс у сора́й, у хлиў и оста́виў [остатки пищи], и чéрти усé поели. Р.

Игна́т и Юзеп, и вонý ж кúми. И той богáтый, а гэтой жé Игна́т, бэдненький, и ён ка(жэ́ть): «Зна́еш шо, кúме, зна́еш шо ў менé ж, кáжэ, пóле е, и ў то́бе ж, гэток, ў то́бе ма́ленько пóле, ў то́бе ўсёго ё́сти и во́дицца ў то́бе скот и ўсё вэдэ́цца ў то́бе ў хозáйстве, идéт, а я ж кáжэ, мо́жу ни як попрáвицца», а он кáжэ: «Ходы́ за мно́ю, приды́ до мэнэ́ вэ́чера да пуйдём ў но́чи са мно́ю и да бúдэ и ў тэ́бе». Пошбó, той Игна́т. Зайшли́ на клáдбишче, ка(ж): «Скида́й одéжу». Скинóў той Игна́т. Той Юзеп, як свíснуў, прилэ́тыло, при́шло, прóсто прилэ́тели, пэ́ред Ё́ми ста́ли, три чéрти ў копелю́шах, пани́чки. Ну, кáжэ: «Бéрысь за ё́тые, розры́жь на ле́вой рúци ма́зiнца и роспи́шыся своéй кро́ўю, то бúдэ ўсё у то́бэ». А он кáжэ: «Э-э, кúмэ, я нэ́ хóчу гэтак». «Бúдэ у то́бе споры́тися и бúдэ то́би носíти и усé, но ўж трэ́ба им платíти». А он ка(жэ́): «Я не хóчу, нэ́ хóчу гэ́того добра́ и нэ́ хóчу гэ́того добра́ и нэ́ хóчу свíх дэтэй од-дава́ты». Вот и нэ́ схотíў. Р.

Чóрт приходíть як солда́т к колдуну́ и говорíть, шо пора́ дать ему́ жéртву. Колдун говорíть: «Невестку́ дам». Чорт: «Не вóзьму, вонá крещéна, мо́лица». — Кабана́ дам. На утро́ кабана́ не було́, помéр. Б.

[Если какая-нибудь женщина напрядет больше других, то так говорят]: вот, кáжэть, ёй чéрти помогли́ напра́сти! [Это происходи́ло ночью, но, по словам информантки, никакая женщина не признаётся, что ей черти помогли ночью напрясть.] Р.

[Рассказ про мать и дочь, которым черти помогали прясть, мотать и т. п.] Позывáли кóлысь на спопра́духи. Так собира́ли то́локу, деўча́т побóльшэ. Да пра́ли! Вон прадэ́, тут почнэ́ вэротóна — ўжé ручáйка, тут почнэ́ вэротóна — ўжé ручáйка! Онэ́ спóру [слово, способ, подсказанный чертом] зна́ють. Им робíлося.

Им чэ́рт помога́е. Р.

Хазяїн нанял челядника. Бўдэ на балатэ пахатъ. Жыве у егó. Усьò рóбить: браў, вóду насйў. Де рабйў — ўсьò растé. Ужé хазяїн крéпко разжйўся з ним. Раз нóчью лежйт хазяїн, мéсячно. Чўе, шо хтось кляпае ў стаўню. Бáчит, це не людýна, а чорт з рагáми и хвост. Кáже жйнке: вставáй, чорт у нас. А вонá: це наш челядник. И не стáло знов у негó, ўсьò чорт забрáў. О.

[Черт заводит пьяного в болото]:

А то булò, чорт прйшóв до пьянóго чловéка, то кóло шинкú у болóти йон сйдйў и так: «Рятуйтэ, рятуйтэ!», а колò йогó коврòхов багáто, а йон дúмаў, шо то бúлок наклáли, а то й морòз буў. ВЖ.

[Черт участвует в шабаше ведьм]:

Позбйрáлись в хáту вéдьмы, чóрт з нйми, и хозяйкй сýн був там. Вмéсте прйготóвили горшòк з зéльем, кáжна понюхала и пошлá чéрез трубу. Чóрт сйдить всех дожидáе. Человйк тóже понюхав, схватйл ступу и через трубу в вóздух унёся. Б.

[Черти вылетают из умершего колдуна]:

Чóрною плáтинкою накрывáлы óчы, лицó. Чытáлись молйтвы. Вóду пускаюць ў рот. Свéчку запальць ў рúки. Кóбли калдунá — прокручывалы в потолокú дыркы, шоб вылитáлы чóрты з евó. ВЖ.

Обереги от черта:

[Обращение к Богу]: Як шо табé погáнэ рóблять, то по лéвий сторóни свербйтъ, кóле чорт табé, то про Бóга згадáй — то усэ мынáз. ВЖ.

[Сорока, прибитая над хлебом]: Як изловйць сороку и прйбйць на дворé, колò хлевá напрóти дверéй — шóрт перестáнецъ коня мýтиць. Б.

Бранные формулы и проклятия:

К чóрту иды. Чорт ты, той, шо в болоти. О.

Штоб тебé чорт задушйў! Б.

Черт лэтйтъ — то же, что Вйхорь.

Кажуть, черт лэтйтъ, альбо вйхар вйэтрэник. Брасáли нажá, ў кравй нюòж и прысэдáють на калэнцах на зéмлю. Пуòд тэбэ пуòд-лэтйтъ вйэтрэник бўдэ. О.

Крутит чорт — то же, что Вйхорь.

[О вихре говорили:] крутит чорт, вйтер лихи крутитъ. Р.

Чорт дóчку зáмуж выдáе — то же, что Вйхорь.

[Про вихрь говорили:] Чэрти сэдáбду гуляють, чорт дóчку зáмуж выдáе. ВЖ.

Чорт жэниця — то же, что Вйхорь.

Чорт жэниця. Плююць [увидев вихрь]. Р.

От летйтъ [вихрь], кажуть, чорт жэниця. А одын мужык уз ў да сокйру тудá. Он летйтъ, а он сокйру тудá. И на сокйри кроў булá.

[Причина вихря:] лихий, нэчйстая сйла, чорт. Р.

Чэ́рты жэ́няцца — то же, что Вихорь.

[О вихре говорят:] чэ́рты жэ́няцца. Лэ́тiть и бараба́нить и кры́шу зні́муть. Р.

Чэ́рти сва́дбу гуля́ють — то же, что Вихорь.

[Про вихрь говорили:] Чэ́рти сва́дбу гуля́ють. ВЖ.

Чорт до́чку за́муж вы́дае — то же, что Вихорь.

ЧЕРТЫ́ — недискретная нечистая сила.

Осно́ву на ноч у ха́ти не кiдали: полу́чацца та́кие перэмо́ты, черты́ тые е́е перэмо́тами поснуо́ць. Б.

Зна́хора не мо́но донести́ до кла́дбишча — та́ка́ тя́жесть. Ка́жуць ўсе черты́ на него се́ли. Б.

ЧОРТОЎ МАТЭРЬ ЗНАЛА — то же, что Вэ́дьма.

[Домна Трофимовна видела на Юрия, как по ее огороду ходит что-то] напну́то настóлныком и збира́з рóсу на жы́ты. То што сусе́дка ходыт, она чортоў ма́тэрь знала, [потому и] рóсу збира́ла. Б.

[ШЕПТАТЬ] — о действии знахарей и колдунов: заговаривать, воздействовать на окружающий мир с помощью чтения заговоров как с вредоносными, так и с лечевыми целями (ср.: Доше́птовать, Отше́птáть, Поше́птáть). Это магическое действие получило название от обычного способа произнесения заговора — шепотом, чуть слышно, чтобы присутствующие не могли слышать слова, которые следует хранить в тайне. Отсюда названия знахаря и знахарки, лечащих с помощью чтения заговоров: Ба́ба, шо шéпче, Ба́бка-ше́птуха, Дед шéптун, Шéптун, Ше(э)пту́ха.

ШЕПТУ́Н — знахарь, лечащий болезни с помощью заговоров, то же, что Дед.

Шéптун — хорóша людýна. (Лечит людей.) О.

ШЕ(Э)ПТУ́ХА — то же, что Ба́ба.

Шéпту́ха — лéчит от пристрýка, малiтвы чыта́е. О.

Действия шептухи:

[Шепту́ха лечит больных заговорами]:

Шéпту́ха, зна́харка — шо *зна́е, шéпче*, чи болна́, гадо́ка як уку́сить, трэ́ба шéптáть. И до́брэ и погáно мо́жэ зробить. Шо погáно, тых ма́ло. О.

Шéпту́ха — цэ хорóша. Колы́сь мой ба́цько взял в жо́ны з ху́тора. А тя Солоха ўзяла́ слiду ба́цькову и найшла́ ж таку́ вiедму́ху

ведючу, *пришптал* слаба́ болéз на сим год, мля́вость така́, ви́ялось. Возы́ла у Стукачй чэрэз Дэсну, допытáлис, найшлы тогó дéда шептуна, *пошептав* и выздоровив. О.

Шэптúхи — *отшэптуе* ат балéзни. Кáжутъ, вéдьмы мбóгут зрб́ить, шо хоч, *пэрэрбб́ица* вона́ чэм хоч, мб́жэ *зрбб́ица* и катóм, и саба́каю. О.

У менé нагá балéла, та шэптúха сказа́ла, шоб дэркачóм прыту́лыть, и абматáть круз нагй. О.

[Шептуха лечит скот, испорченный ведьмой]:

Як пра́йдют карóвы, вéдьма побáчит и зéмлю из слéда бэрэ, карóву зедáе и вона́ малакá не даé, а тоды́ шукáют шептúху, а ба́ба та Бóга прóсыт, шоб малачкó булó, ба́ба *пашэпчэ*, и оно́ памб́жэт. Другóю úлицею гб́нить на́да. О.

[ПЕРСОНАЖИ БЕЗ НАЗВАНИЙ:]

[На Купалу?] Пишла́ жонб́чина на мб́гилки, ба́чыть, на дубкé сьдйть чоловйк увесь сйвеньки, чоботкй сйвенькия, малéньки такй. Сидйть на дубкé, нб́ги спустйў, а пóтым ён прапáў и больш яго нхтó нз ба́чыў. Р.

У пýятницу и у сэреду сновáли. У дэдý не мб́но сновáць, на глазá стемнéеешь. У субóту не мб́но сновáти. Мо ма́ти колйсь сновáла у субóту, а мб́й брат пáстил кошáру, рáзного товáру, и ця кошáра стáла як бéшена, да бéгала по лéсу, и он за нею бéгал. Да з лесу от выхóдиць жб́нка, высó-ока, у бéлом, волосá длйнные, по землé волочйлиса. Да брат злякáўса, да зоболéў и умёр. Б.

Е. Е. Левкиевская

Е. Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ

ДЕМОНОЛОГИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО СЕЛА ТИХМАНЬГИ

Словарь описывает мифологическую систему (инвентарь имен и предикатов) одного архангельского села. Словарная статья строится по тем же принципам, что и в разделе «Демонология» (см. настоящий сборник).

БАБА-ПУСТОВОЛОСКА — зловредный персонаж заговора, источник порчи и болезней.

Вот с глаза с плохого взглянут на тебя, недобрим взглядом, и может человек заболеть. Ведь что говорят: «Спаси и сохрани от дёвки-чужоволски, от бабы-пустоволски, от тихой воды, от лихой беды...» Это я уж забыла.

БАЙНАЯ СТАРУХА — женский мифологический персонаж, обитающий в бане, которым пугали детей.

Раньше нас всё пугали маленькой всё: «Какая байная старуха».

БАБКА — знахарка, нейтрализующая последствия порчи и сглаза, лечащая заговорами и травами людей и скот, а также с помощью магических средств определяющая того, кто «испортил» больного. // *Бабушка, Знахарь-бабушка, Со словами, Старуха, Старушка.*

А вот каждую ночь только как лягут спать, у них посуда забрякает... Так ездили в другой район — бабку искали... Бабка приехала... Осталась ночевать, ночевала. И всю ночь проспала — ницево не брякало, не стучало. Ну, они легли спать-то, а бабка там встала, сходила на кухню. По утрам встали, она говорит: «Живите спокойно, добра и здоровья вам». И вот они живут. И больше ницево.

[Падучую болезнь называли] припадошной. [Как лечили?] У детей-то лечили тоже бабки. У маленьких. Вот один случай я знаю такой. Один ребёнок упал на пол и его... [показывает, как трясёт]. Бабка подошла, рубашку розорвала с него, в подпол сходила, деревянным клином забила в землю. Надо забивать в такое место, говорят, чтобы не шевелить. И всё. Больше ни разу не было. Вот уж сейчас за семьдесят ему, а больше ни разу не было.

БАБУШКА — то же, что **Ба́бка**.

А раньше ребёночка не показывали. Зыбка качалась, оцеп деревянный был. Привешивают, половиком закроят и никому не показывают. [Почему?] А есть такие, что *сглазят*, что всё плакать будет. У меня вот который сын сейчас умер, так я думала, мне не спать у постели: в зыбку повалю — плачет, и на постелю к груди дам — плачет. Ходила в церков, омывала икону, ходила к бабушке, омывала икону и потом этой водой ребёнка купали. И со скобы умывала.

Заболела корью. После кори у меня заболели колёны. Вот мама меня водила к одной бабушке. Не помню я, сколько раз она меня водила. Опять слова. Как только лечат, она меня и поведёт. Так. Приходим. Бабушка берёт сметану на руку, шепчет чего-то. Потом берёт моё колёно и начинáет вот масси́ровать.

БАТЮШКА — то же, что **Домовой**.

[д. Манылово] [Купили] корову когда привели, надо обязательно у батюшки, у матушки-хозяйки просить разрешения ввести её во двор. Когда корова подошла ко двору-то, из-под заднего копыта я взяла ком земли, бросила через весь двор, есть слова там, говоришь: «В гостях гостыла, домой пришла». Потом она подошла, с северной стороны начинáешь на четы́ре стороны кланяться, говорить, что «матушка-хозяйка, батюшка-хозяйнушко, вот тебе скотинушка. Мы её будем рядить да кормить, а ты её люби да храни». Три раза повторяешь. А если не полюбит, она может заболеть и пропасть.

БАТЮШКО-ХОЗЯИН (БАТЮШКА-ХОЗЯИН) — то же, что **Домовой**.

Хозяин, хозяин, домовый был. Раньше скот держали, так были этово, ходили во дворы да батюшка-хозяина спрашивали у него: нашу скотинку, крестьянску животинку от волка хыпистого, от медведя лапистого, от россомáхи... Когда скотину выпускают.

[Когда въезжали в новый дом, хозяина приглашали с собой.] Говорят слова, без слов-то... Прбсят што-то там:

*Батюшко-хозяин-та,
Матушка-хозяйюшка,
Пойдёмте к нам.*

БАТЮШКО-ХОЗЯИ(Й)НУШКО (БАТЮШКА-ХОЗЯЙНУШКО) — название домового при обращении к нему в заговоре.

[Новую скотину во двор приводили, у хозяина просили]: «Батюшко-хозяинушко, мы Боронюшку-коровушку любим, мы ставим, и ты тоже люби, пой-корми, чисто води. Мы тебе сдаваем». Когда заходишь во хлев, нать в первую очередь и сказать. И никогда она не замарается.

Когда заводишь, приведёшь в дом, дак просишь хозяина:

*«Батюшко-хозяинушко,
Матушка-хозяюшка,
Как я хожу, так и вы ходите,
Как я люблю, так и вы любите.
Пойте, кормите».*

Обоих просишь, батюшко и матушку.

Переходишь [в новую избу], так прбсятся тоже, а хозяина прбсишь. Я преходила, так попросила, скотинку привела, так благословясь зашла около столба коровушку три раза провела и у хозяина попросилась: «Батюшко-хозяинушко, пришла я со скотиной, люби нас и люби мою скотинку. Гладь, чтобы была она сыта и гладенька». Хозяева глядят скотину. А ни попросиши, так худо. Я своб хозяина вызвала, сюда перевела, здесь и просилась: «Батюшко-хозяинушко, матушка-хозяинушка, я перехожу в новый дом, вот в такую-то деревню. Так вы уж меня поддержите во всех делах». Пришла, так попросилась. Три раза взяла корову круг столба обвела. [А у хозяина еще хозяйюшка есть?] — А как же. Хозяюшка.

[Мурхово] Дак вот, как из старой квартиры уходишь, дак: «Батюшко-хозяинушко, пойдём с нами жить. У старого хозяина не остаётся ни кола, ни двора, а у нас есть и кол, есть и двор». И уходишь. А когда приходишь в новую квартиру, так опять: «Батюшко-хозяинушко, люби нашу семьюшку, пой-корми сладко, води гладко. Пой да корми, постель стели, скандалы не заводи». И всё. Надо вот так приговаривать. И тогда будет всё хорошо.

[Переход в новый дом]: Мы [з] дому пошли и корову повели вместе вечером. Корову вводят в новый дом вечером. И сами к ночи переходят. Так заведено. Они [старые хозяева] уехали тоже под вечер, и я и попросила хозяина, что: «Ты уж освободи нам дом, помещенье. Хозяева твой уехали, и ты с Богом уезжай!» [Перезывает хозяйка домового из старого дома в новый]: «Батюшко-хозяюшко, матушка-хозяюшка, малые детушки! Мы пошли, и вы пойдёте с нами!» [Если у хозяев нет детей], то у них [домовых] нету детей тоже. А если у вас есть ребёнок, [то надо звать домовых с их детьми].

[д. Манылово] [Купили] корову, когда привели, надо обязательно у батюшки, у матушки-хозяюшки просить разрешения ввести её во двор. Когда корова подошла ко двору-то, из-под заднего копыта я взяла ком земли, бросила через весь двор, есть слова там, говоришь: «В гостях гостила, домой пришла». Потом она подошла, с северной стороны начинаешь на четыре стороны кланяться, говорить, что матушка-хозяюшка, батюшка-хозяинушко, вот тебе скотинушка. Мы её будем рядить да кормить, а ты её люби да храни». Три раза повторешь. А если не полюбит, она может заболеть и пропасть.

Хозяина просили. [Когда ставили скотину на зиму в хлев, говорили:] «Батюшка-хозяинушко, матушка-хозяюшка, напой, накорми, скотинушку мою и мягко стели, чтоб она была хороша».

БАТЮШКО-ХОЗЯЙНУШКО ЛИСНО́Й — обращение к лесно́му в заговоре.

[Если корова «закрыта», то перед тем, как идти ее искать, нужно три жернова закрыть полотном]. Я ещё дёвкой была, у нас коровушка была закрыта. Два вагана пасли Иван да Степан... От нету у нас коровы и до того доискали, до того доискали... Ну а потом подсказали кой-чего мамушке три жернова закрыть. Ну так вышла. Вынимали, а была она закрыта. Она в Дорйцче забежала, а с верёвками пошла. И мы с верёвками кругом обошли, так её и стяпали. От три жернова, говорят, закрой, так потом идите искать. Ну тут хозяйка закрывала. Репаком [полотном]. [При этом обращались к лешему]: «Батюшко-хозяинушко лисной, как шутишь, так открой коровушку». А он, видно пошутил, так и открыл. Лесной.

БАТЮШКО-ХОЗЯЮШКО (БАТЮШКА-ХОЗЯЮШКО) — название домового при обращении к нему в заговоре.

Прсыят хозяина-то. Ну вот, переведёшь скотину из нового дома, либо купишь ли чево ли, так: «...батюшка-хозяюшко, матушка-хозяюшка, мою скотинушку как я кормлю, так и вы кормите. Пойте, кормите и любите». Вот так три раза.

[Когда приводили купленную корову]: зайдёшь во хлев, помоблишься во все четы́ре угла:

*«Батюшко-хозяюшко,
Матушка-хозяюшка,
Я вас не вижу,
Вы мёня не видите.
Я вам молюсь, я вам корюсь
Пособите, помогите,
Полюбите, мою животную, матушку,
Как мне она́ люба и мила,
Так вам пусть люба и мила.
Пойте и кормите,
И штоб было всё тихо и спокйно.*

Когда мы пришли в поробзную избу — окна все разбитые, обои все висят, всё грязно, ну пришли с Василиём, с мужем, девочки ещё маленькие были, там [в старом доме] остались. Сказали, што, мол, зайдите, попросите. Считаетца, шо в ка́жном до́ме свой хозяин. Так я уж когда пришла, там был хозяин [въезжали не в новый

дом]. Ну там так же называют, што: «Бáтjошко-хозяюшко, мáтушка, Мы пришлi, мы дом купили, Нам любóй, и ты нам пусть любóй, и мы тебе любóе. Благослови, Господи, во iмя Отца, Сына, Святово Дúха. Аминь». [В новом доме не убирают, пока не переночуют]. Пришлi, што там было, какáя грязь, нéжито было, а потóм уже молотили зернó. Ничёвó уже нé было. В двенáцать нóчи идút [вселяться в новый дом], и мы в двенáцать нóчи пришлi, на чём-то поспáли. Утром встáли, уже поéхали за вешчáми.

Одна пошлá к хозяину спрашивать о мúже. Ну, а хозяйина потрeбжила. Не дождалась егó, стáла солóму отодвигáть, его хлевёе нацáло шевелиться, он живёт во хлевi, на зимú в теплe, онá и побежáла, у ней бýло два робёнка небольшие на печi спáли, зимóй, но онá прибежáла да ёсто в середiнке мeжду робят-то леглá: «Ой, — говорит, — Иван, — говорит, я вчерá сходила во хлев, да так напугáлась, брат». — «Чего так ты хозяйина-то не дождалась? Ты бы егó дождалась. Он бы тебе сказáл: „Ну, чего нáдо?“ У него стрáшный такóй гóлос. Ты бы сказáла: „Жив ли у меня муж?“ Он бы тебе ответил. Молi Бóга, что вот у тебя дeти-ангелкi кругóм тебá, а не то он бы запетушил, запетовáл, захватил за гóрло, да и всe. А то сказáла: „Бáтjошко-хозяюшко, скажи, хозяин жив иль нет, придeт иль нет, из плéна, двое детей у меня“. А он стал шевелиться, навбз вздувáть, солóма то вздувáется квeрху, а ты убежала».

БЛУДИТЬ — состояние, связанное с потерей ориентации, в которое впадает человек под воздействием нечистой силы, чаще всего, леснóго, оказываясь в «чужом», «нечистом» пространстве, обычно в лесу. // Ср.: **Водить**.

[Лесной человека по лесу] вóдит. Нас лично водило вот здeсь в поле. Ходили два часа, в болóто выходили. Выйдем на тропинку, придём, идём-идём — теряется тропинка. Приходим — то болóтина, то ляговина опáть. Повернёшься, в болóто придём, постоим, пойдём — пять раз в однó мeсто вертáлисе, потóм я говорю: «Знаешь што, вот éта соснá, я на éту соснú идú прýмо, бóльше я никуда не свернú». Вот тогда вышли мы на дорóгу. Так бродили, прýмо два часа бродили. Выйдем, придём на тóже мeсто. А тудá придём, дойдём до половины дорóги, обязáтельно то в ту сторону нет тропины, то в другúю, и такие ручьи не перейти. Когда блудили — выворачивают одeжду.

БУКА — мифологический персонаж-устрашитель, которым пугали детей.

Не ходите, нельзя, там — бúка, или что-нибудь такóе.

ВЕСТ(Ь)И ПОДАВАТЬ (ВЁСТИ ПРИДАВАТЬ) — о домовом: звуками или появлением предвещать предстоящие в семье события, чаще всего смерть члена семьи.

Хозяин в каждом доме есть. Да не в каждом доме он покажется. А бывает, что и покажется. [Плохо ли это?] Хоть хорошо, хоть плохо — там неприятно. Бывают такие дома, что весть подавает. Вот, например, что случится, где-нибудь живут дети, или внуки, родные. Что там случится — обязательно вечером покажется. В окно поколотится, вот там вот поколотит. Или во двери поколотит. Даёт весть — значит, они знают, что что-то должно быть. И во многих домах это бывает. Очень во многих. Вот [была старушка, у нее — две дочери. Старушка заболела. Дочери пошли проведать её. Одна из них запричитала], руками всхлестнула и запричитала. Они сидят и говорят: «Ну, теперь уж не надо спрашивать, теперь уж готова бабка будет. Доживёт ли нет до завтра». Она на второй день и померла. Это худо — вести подавать.

ВЗГЛЯД — то же, что Глаз(а).

[Что клали в качестве оберегов ребенку в люльку?] Иконку клали в головках [ребенку в люльку], ножницы клали. Сбли и чесноку [в узелочке привязывали ребенку на шею]. Чтобы ницё не приставало к ребёнку. Может быть, он такой цыстенький, белый родицца. Посмотрят, взгляд да нехороший на него. Вот, чтоб не пристало ницево.

ВІХРЬ (ВІХОРЬ) — нечистый, опасный для людей ветер.

[При встрече с вихрем говорили]: «У вихоря худая жена!» Какая-то сила в нём есть, в этом вихоре. Нельзя, говорят, трогать.

Вихорь. С небес оно посылает. Как вихорь идёт, дак ты: «Налево, налево, налево». Он и отвернёт.

[Мурхово] Вот если кричим — мы маленькие были: «У вихря худая жена!» Нам интересно, чтобы ещё сильнее было. Так если вихрь — конечно мужчина.

Обереги от вихря:

[Обходить дом с иконой]:

Обычно вихрь возникает не внезапно, тут вот дело-то в чём. Если и с иконой обойдёт, понимаете, старушка свой дом, раза три кругом — так везде бывают такие. Старушки обхаживали. Во время бури, были ураганы у нас, всё ходили с иконами, ходили кругом домов. Клали и сковородку. Выносили, понимаете, и у угла дома клали. Вверх дном. А вот уж я не скажу, чего старуха шептала. Вот и на лесовую стену обычно ложили. В середине, да.

[Выносить из дома сковороду]:

[Матюшино] Во время вихря раньше, я слыжала, сковороду выкидывали. Из дому выкинут, а чтобы ходили с иконой — [этого не было].

[Просить вихрь «уйти налево»]:

А мы говорим, когда вихрь начинается: «Наливо, наливо поди», чтоб не задело нас. Сковороду выносят на крыльцо, чтобы обносило кругом дом. Переворачивают сковороду кверху дном.

Когда ветер сильный идет, идет, и вдруг станет вьюном — это называют вихрем. А когда там на сенокосе или где, кричим: «Налево, налево, налево», он налево и пойдёт. Так из ветра делается. Живого тут нет ничего. Я кричу: «Налево, налево, налево», он к реке пошёл, там и остоялся.

Вихрь во время свадьбы — плохая примета:

[Цыпино] Вот если женятся, и вдруг такая буря сходилася, такой вихрь пошёл, ветер, захватало всё. Это говорили, что эта пара жить будет плохо.

ВОДИТЬ — о нечистой силе, чаще всего о лешем: сбивать человека с дороги, лишать его ориентации, заставляя часами кружить в незнакомом месте.

[Лесной человека по лесу] водит. Нас лично водило вот здесь в поле. Ходили два часа, в болото выходили. Выйдем на тропинку, придём, идём-идём — теряется тропинка. Приходим — то болотина, то ляговина опять. Повернёшься, в болото придём, постоим, пойдём — пять раз в одно место вертались, потом я говорю: «Знаешь што, вот эта сосна, я на эту сосну иду прямо, больше я никуда не сверну». Вот тогда вышли мы на дорогу. Так бродили, прямо два часа бродили. Выйдем, придём на тоже место. А туда придём, дойдём до половины дороги, обязательно то в ту сторону нет тропины, то в другую, и такие ручьи не перейти. Когда блудили — выворачивают одежду.

ВОДЯНАЯ — то же, что Русалка.

Бывало, ребят пугали, забыла звать как, шо на камню сидит. Не ходите в реку, не то она утащит вас под камень. Русалка-ли, водяная какá. Но я не видала.

ВОДЯНАЯ СИЛА — то же, что Водяной.

От так вот говорят: «Понеси ты леший, водяная сила, дворовая». Всё вместе: и леший и водяной, и дворовой.

ВОДЯНОЙ — мифологический хозяин водоема, затягивающий людей в воду. // *Водяная сила.*

[Водяной] — Ну, так, конечно, есть. Вот у Ольги Васильевны потонул муж. И она начальником [на почте] была. Дак Маритушка была, она *знала*. Она мне надиктовала, я списала и дала ей. Они поехали на лодке, на корбасу в озеро. Как только выехали, она эти слова три раза прочитала, а вот шчука такая большиханская, большиханская пересекла карбас и пошла. А они испугались. Надо было ехать за этой шчукой, чтобы их привела к утопающему-ту. А они вернулись обратно. Эти слова она потеряла. Потом его нашли. Да нет, тут уж не шчука была. Он шчукой показался, водяной.

Водяной. Говорят, тут недавно в Каргополе, двадцать лет парню с девочкой, выехал на Онегу, на реку покататься в лодке да задумал раздеться да из лодки прыгнуть искупаться. Она в лодке осталась, ведь он прыгнул даже и руки не показал. Он там, наверно, гош водяному был. Не благословясь, да не перекрестясь, так бухаются с краю, ничево не думают. А девочка осталась сидеть, а его неделю искали.

Рыбакі-то ловят на озеро, дак обращаются тоже к водяному. Есть в одной молитве к Господу Богу, тако берут в корман с собой, обращаются, шобы дал погоду хоробшу.

После второго августа купаться нельзя. А то водяной утащит.

Много купаешься — водяной заберёт. Если, например, будут там баловаться или кошку бить или что-нибудь, вот ты не будешь слушаться, тебя домово́й приберёт, ну не приберёт, а будет ругать.

ГЛАЗ(А) — «Злой» глаз, обладатель которого мог испортить человека. // *Взгляд.*

[Бывает ли, что у коровы пропадет молоко?] Бывает, это редко бывает, что *зглазят*, есть такой глаз. Или ты погнишь [корову], может какая встреча, недобрый глазом поглядит. Всякий народ бывает.

Обереги скота от глаза:

[Окроплять водой]:

[При выгоне скота] вот иконку-то брала и водичку-то возьмёт из ковша, отхлебнёт и корове так вот... [прыснет] до трёх раз корове в морду из ковшика водичкой ей опрыснет. А котора корова с колоколом ходит, в колокол нальёт, из колокола хлебнёт и опрыснет. Я думаю, опрыскает от всяких скверных глаз.

[Не позволять пересекать скоту дорогу]:

Вот с глаза с плохого взглянут на тебя, недобрый взглядом, и может человек заболеть. И могут корову тоже *оговорить*. Вот пойдёт она первый раз на поскотину, дак всё замечают, чтобы доро́гу не пересекли.

Лечение от глаза:

[Умывать водой, пропущенной черед дверную ручку]:

На маленького ребёнка глаз действует. Какой белой ребёнок, а может женщина смугла или чёрна, не по крови, поглядёла не его. И вот он беспокоится и не спит, плачет. [Тогда] умывали, со скобы умывали. В рот наберут воды да через скобу [на ребенка сливали].

ГУМНО́Й ХОЗЯ́ИН — мифологический персонаж, хозяин гумна.

Гумно́й хозя́ин, этот человек он везде есть, где раб́тают, тут есть, а где не раб́тают, тут н́ету. Он вредитель [?], спасает людей. Вот и в гумне́ — придёшь молотить, так молотилом надо шваркать, чтобы в голову не попало. Вот молотило берёшь и говоришь: «Господи, благослови, пособи́ всяку доро́гу измолотить и измолотим». А гумно́й хозя́ин ничего́ не де́лает, если спросить, дак ответит, надо слова́.

ДВОРОВО́Й — мифологический персонаж, хозяин усадьбы, живущий во дворе, в хлеву и связанный со скотиной, часто воспринимается как ипостась домово́го.

Дворово́й то́же есть. Он всё мо́жет сде́лать то́лько попросить нать ёго́. В ка́ждом до́ме, у ка́ждого хозя́ина свой хозя́ин. Вот если как в дом но́вый переходи́шь, дак надо своего́ хозя́ина вести́ в э́тот дом. Если, вот мы с отцо́м жи́ли, а переходи́шь, дак нать просить и де́лать, шо вот идите... хозя́ина дава́ть и туда их отпра́влять. [У хозя́ина есть] жена́, де́ти, а что, дак де́ти в но́вый дом переиду́т, если в но́вый дом переходи́шь.

Дворово́й-то во хлёве живёт ото всего́. Во дворе́ чтобы ругани не было никогда́.

Действия дворового:

[Заплетать гриву коню]:

Раньше я слыжала, у ко́ней ко́сы заплетали. Домово́й ли, дворово́й. Бывало́ встанешь, а ко́са как заплетена у ло́шади. Грива вся спутана, так что не расчесать.

[Предсказывать будущее]:

[Мурхово] В войну́ [многие мужья на фронте были]. Хозя́йки [об их судьбе] ходили спра́шивать дворово́го.

У нас во время войну́ как-то ходила к дворово́му. Спра́шивать. Как жить да́льше. У нас было́ две коро́вы. А тогда́ раньше не разрешали. Наша боле́ла вот эта сестра. Да́к сестра ходила. А я до сих пор дво́ра бою́ся... А про моего́ мужа спросила́ выйдет ли нет, придёт ли нет с войну́-то. Сказал — придёт. Какá-то вот пришлá стару́шка, сказа́ла: я умею́ гада́ть, ну, вызыва́ть домово́го. Ну наши это... двоё — наша сестра да ещё одна́ стару́шка то́же пришл́и. Вы-

вернули на левую сторону рубахи все. Наизнанку. Вывернули все. Пошли в двенадцать часов ночи во двор. А там эта, которая-то вызывает домового-то... И все пошли туда. Вот. Во хлев. Пошли. Там она как-то этот... круг-от очертила всех. Какі слова говорила, вот я не знаю... Ну вот и стала в общем, домового спрашивать. Вызвала его... как этот хлев затрещал, вот солёма зашумела и хлев затрещал... Корова стала, а она: сперва скотинку ували, а потом с нами говори. Он повалил, скотинка легла спать. Он не голосом, а так шершавым голосом. Потом сестра спросила, которую нам корову оставить, молодую или старую. Он: старую — сказал. А молодую продать. Потом... хотела спросить вот про Марию, что поправиться ли нет, а забыла сама-то спросить, а потом испугалась. Про моего хозяина спросила, что придет — нет с войны. Навозом начало бросать ещё. Руки холодные вот как захватил за меня дак... ещё за фуфайку, в фуфайке ходила дак, да дернул так меня. Про моего хозяина сказал: будет дело. Плохо ли хорошо.

ДЕЛАТЬ (НА ПЛОХОЕ / НА ХОРОШЕЕ) — с помощью магических действий и средств приносить вред (насылать болезнь, разводиться мужа с женой и под.) или добро окружающим.

[Мурхово] Я говорю — не ругались, ничего, зачем вы мне вред делаете? И так сделали, что я падала, а потом мне эта вот бабушка всё [наладила]. Они на меня делают — соседи. А потом как пагнуло тело — так одна делает на плохе, вторая делает на плохе, третья делает — а вот на хорбшее-то мало знают. А на плохе так полгорода. [Это в Северодвинске было.] [Тот, кто на хорошее, на плохое делать] не может. У них не получается, потому что что-то надо одно делать. А которые на хорбшее делают, они как-то снимают. Я прямо на пол падала, а дома так всё за столом больше.

ДЕВКА-ЧУЖОВОЛОСКА — зловредный персонаж заговора, источник порчи и болезней.

Вот с глаза с плохого взглянут на тебя, недобрый взглядом, и может человек заболеть. И могут корову тоже оговорить. Вот пойдёт она первый раз на поскотину, дак всё замечают, чтобы дорёгу не пересекли. Чтобы никто встречу-то не попал. Ведь что говорят: «Спаси и сохрани от девки-чужоволоски, от бабы-пустоволоски, от тихой воды, от лихой беды...» Это я уж забыла.

ДОМОВИХА — жена домового.

Он хозяин дома — домовый, у него есть домовиха, они живут под печкой. Охраняет дом. Если ему хозяйева не нравятся, он может

но́чью напуга́ть. Души́ть начне́т. Он мо́жет посу́ду битъ, переставля́ть с ме́ста на место, ве́щи прятать.

ДОМОВОЙ — мифологический персонаж, хозяин дома, живущий в пределах усадьбы, влияющий на благополучие семьи и хозяйства в целом. // *Батюшка, Батюшко-хозяин, Батюшко-хозяинушко, Батюшко-хозяюшко, Хозяин, Хозяин-батюшко, Хозяин домовой, Хозяинушко-батюшко, Хозяюшко-батюшко, Хозяюшко домовой.*

Есть домово́й, в ка́ждом до́ме жило́м есть домово́й. Вот е́сли я вот живу́ здесь, хозяйка, женщина́, так у меня́ домово́й — женщина. Где живу́т мужики́, там домово́е — мужики́. И в ка́ждом доме — кто живё́т в до́ме — тот и домово́й.

[Кем детей пугали?] — Не ходите, де́ти ещё до́мой, по́дте в во́ду купа́ться, так вас руса́лка срáзу в во́ду зата́щит. Ещё́ покричи́, покричи́, сейча́с цыга́не придут, тебя́ заберу́т. А домово́ым не пуга́ли нельзя́ домово́го шевелить.

Действия домового:

[Предсказывать будущее]:

[Мурхово] А домово́е, ра́ньше ча́сто, говоря́т, заходи́ли. Сейча́с что-то уже не ви́дим. Ну вот тако́е быва́ет. Вот как, наприме́р, было́ со мной. Была́ я в положéнии тре́тьим ребéнком, и вот снится́ мне сон: сижу́ я на кúхне, се́ла на стул, слы́шу — открыва́ется дверь, идут́ тяжёлые шага́и. Идут́ — и сади́тся ко мне на колéни. И я спихну́ла егó с колéней и говорю́: «Да скажи́, к хúду ли, к добру́?» Он мне отвече́т: «К хú-ду». Расхохота́лся, на́взнич упáл и говоря́т: «К хú-ду». Я вста́ла у́тром, а дело́ было́ к пра́здникам октя́брьским и рассказываю́ му́жу: «Я, — гово́рю, — ви́дела плохой́ сон». «У, наговори́т э́тот, ты только́ слуша́й», — [отвече́т муж]. И пошли́ мы к золо́вке в гости. Пришли́ к золо́вке и я взяла́ за сто́лом рассказа́ла э́тот сон. А повали́лась тут у свекро́ви на́ пол спáть, а они ста́ли зна́ешь, вы́пивку себе́ гото́вить. Тогда́ ведь не так запреща́ли с э́тим самогóном. Они́ реши́ли погна́ть э́того самогóна-то но́чью. Как-то заткну́ли неправи́льно, и он весь-весь обварился́. А был в тельня́шке. И вот она́ вся прильну́ла-та. Я слы́шу крик-то, соскочила́ — Го́споди! Я месяц егó води́ла в больни́цу, ме́сяц. И вот ви́дишь, как мне сказа́л — к хúду. А мне бы́ло два ра́за так. Пе́рвый раз я девчо́нкой была́. А но́чью спáть повали́лась. Вот тако́й сон: пришло́ снача́ла на но́гу навали́лось, пото́м на грудь, пото́м за го́рло меня́ взял. Я просыпа́юсь — моя-то рука у своегó го́рла. Ду́маю — бо́льше я не бу́ду спáть, не бу́ду спáть. Нет, о́пять сомкну́ло глаза́ мне. Сомкну́ло — и пото́м уж о́пять меня́ крéпко души́ть нача́ло. Я просну́лась — под у́тро уж о́пять меня́ крéпко души́ть нача́ло. Я просну́лась — под у́тро уже, всё, приезжа́ет ра́но брат ко мне, говоря́т — Аня, едем до́мой, о́тец при́ смер-

ти. Я пришлá к Мака́ровне, [рòдственнице] в больни́цу, говорю — я еду́ домой, мне вот такбе но́чью, ду́шило си́льно. Говорит — а ты че́го не спроси́ла — ху́до ли к добру́? Я говорю — я откуда зна́ла? Ведь я же ни-че́го не зна́ла, девчо́нкой [была]. А потóм я запóмнила, ужé самó на себе́, как толькó дойдёт — ужé у тебя́ срáзу выработаетсá. Спра́шиваешь: к ху́ду ли к добру́? И вот это весть такáя. Кому́ скáжет к хорóшему, кому́ — к плохóму.

[Появляться человеку]:

[Мурхово] Это уж тóлько в стари́ну бы́ло. Оте́ц у меня́ рассказывал. Я, говорит, лежу на полáтях, это бы́ло вéчером, а мать на скамейку повали́лась. И вдрут́ вот я слы́шу — открывáется дверь и тяжёлые ша-ги́ вот идут́, открýрили дверь, заход́ят, встаёт на пристúпок — как вот пристúпок печы́ — ко мне на печь. И повали́лся, говорит, рýдом со мной на эту, на полáти. Шершной-шершной! Полежáл, полежáл, а мне, говорит, жуткó стáло, я одея́лом закрýлся, усну́л, просну́лся — никогó нету́. Так. Это домовóй приход́ил.

ДУ́ХИ — невидимые потусторонние существа, вызываемые во время гадания.

На блю́дце тóжо опя́ть дýхов вызывали. Поста́вит там, напи́шет буквы [на бумаге], алфáвит, чёрточки поста́вит и блю́дце захвáтят двое, на лéву стóрону возьмешь блю́дце и бума́жка, на бума́жке б́квы, прб́тив чёрточки остано́вить. Руки полож́им, не дёржим, а блю́дечко так бега́ет: «Мэ», дальше «А». остано́вится. Ходит, ходит и складывáется че́во говорит.

ЕХÉТНЫЙ — человек, обладающий «злым» глазом, способный испортить, сглазить.

Когд́ы бра́ли, так у людéй у простýх, у ехётных не бра́ли. Те той *подделáют*. Есть таќие ехётные, дак они́ глянут гла́зами, так травá повéнет. А кто простой, дак возьму́т, благословес́ поведут́, хозяйка сэди: «Под́и, мáтушка, с Бóгом, под́и, пошла, в гостя́х бы́ла, пошла́ домóй, в гостя́х бы́ла — пошла́ домóй». А другая́ продаёт, а думáт, шóбы корóва..., у нас однá продаёт, корóва с поскóтины идёт, кто купи́л, с те́ми не идёт, а идёт к стáрой хозяйке. Вот как *сделáно* было. Ну так чó-то пош́ишала [старая хозяйка], она перестала ходить.

ЗАЌИНУТЬ (ИКО́ТУ) — испортить человека, с помощью магических средств «заразить» его икотой. // *Нагоня́ть, Нанóсить, Наводня́ть.*

Икóта. Икáет [человек] безостановочно. Это — болéзнь. Раньше я слы́хала, ну, однá зна́ла, навéрно, заќинула икóту, дак она́ [женщина,

которой это сделали] всё стала икать и днём и ночью всё ходит — икает и спит икает. Закинула икóту так назло. Как хто знал, так сдѣлали ей, чтоб она икала. Во зле [скажут]: «Каб к тебе икóта пристáла!»

ЗАКРЫВАТЬ — с помощью магических средств делать скот невидимым для людей, а также лишать его возможности покидать пределы небольшого пространства. Обычно это делал колдун или лесной. // Ср.: **Открывать**.

[Вы не слышали, чтобы закрывали корову?] — Слыхать-то слышала, но уж не знаю как. Вот только слышала, шо закрыта корова, шо не могут найти, не показывается на глаза никому, ходят ищут, и корову найти не мóжут. А вот я не знаю, кто [это] делал. Так тут тоже опять колдóвски-то наверно *налажáли*. Раньше было этих старушек знающих, а сейчас — не знаю.

ЗНАТЬ — обладать магическим знанием, необходимым для колдовства, знахарства.

Одна была очень много знала. У ней все эти слова божественны. Вот чирей бывáет, так она заговорит, сразу почернеет, ничего не стáнет. Такая ягода, я бывáло в баню сходила, у меня на шее и вездé по рукам. К этой старушке сходила, она меня окатила во дворе, ничего не стáло. Вот за это ей выслали.

Старуха много кобе-цево знала, умела, много кобе-цево знала, так пятнадцать годóв в углу сидела, никому слов не сказала. Тоже говорят худо. Ежели знает, так значит надо кому-то передать. [Старуха не могла умереть, так как никому не передала своих слов] ... та старуха уж всё-то знала.

Знать колдовать — уметь колдовать, обладать магическим знанием.

У нас одну старуху в бáйне задавило. Лапой, горстью. Она тоже вымылась в бáйне. Она колдунья была. Знала всё колдовать. И на хорошее и на худое. Она вымылась в бáйне, пришла, цáю попила. «Ой, жару в бáйне ещё много, пойду ещё помóжуся». — «Что ты, Христос с тобой, Дарья, теперь пойдёшь, поздно-то». — «Нет, пойду!» Да ушла, а у ней двёри [в бане] на замке были и поутру на замке. А бáйну открыли — а она в бáйне лежит на полке... Её выволкли. Конь велику постаёт — такие значки на шее были. Он [байник] пришёл, не полюбил её — пошто идёшь в бáйну второй раз. И не во время. Дальше двенадцати часов, а она пошла. Все крестьяне вымылись, она вымылась, пошла ещё другой раз, а он не полюбил, что другой раз. [В баню с крестом ходили?] — Раньше не снимали креста.

Знать на хорошó / на худóе — обладать магическим знанием, используя его во благо или во вред людям.

Колдóвки... другáя знáла и на хорошó, а другáя знáла и на худóе. [А их уважали все?] А как же. Ежели náдо те сына ли, снохú соединить, чтоб онí жíли дружны́я, конéшно... а ведь б́ли такие, што и пóртили.

Знать (слова, молитвы) — обладать магическим знанием.

[д. Манылово] Почему здесь и не каждый может коров пасти, кто эти слова может знать, кого и слушаются; и молитвы надо знать. Тут даже такой был случай, что пастух не стал пасти, и дали другого пастуха. А тот сказал: «Я так сделаю, что ты коров будешь бегать по всему лесу искáть». На чайнике, говорит, что-то сделает. Может быть, что-то бросит в чайник.

Знать слова́ на хорошó — использовать магические знания для помощи людям.

Котóрый знáет слова́ на хорошó, так хорошó умираёт, а кто не на хорошó, тот тяжелó. Передáть надо другóму. А так — сын к лáвке одну́ привязывал, так тяжелó умира́ла, [а как облегчить смерть?] А никак. Почто дéлала делá худые, сы́на с жено́й разлучáла?

[**ЗНАТЬСЯ**] — вступать в контакт с нечистой силой с целью получения от нее магического знания, материальных благ.

Они уж нам не говорили [свои заговоры], нельзя было; у них был свой óтпуск. Они там с какими-то знáлись, с сýлами знáлись. Кому какой óтпуск [у всех разные были]. Идёшь с ним, руку подаёшь, а он тебе не подаёт — óтпуск такой. [Не пастухи были особенные люди, а] это были особенные люди, которые давали óтпускí — старúхи старые.

ЗНАХАРЬ-БАБУШКА — то же, что Бáбка.

[д. Мурково] [Говорят, что корову закрывают.] — Ну, это бывáло, бывáло. Кто егó знáет, чегó как закрывáют, лесные закрывáют. Знахарí-бабушки есть, и они открывáют, со слова́ми тóже ходят, которые знáющие есть. Она закрýта, она ходит [вот тут вот, а ее не видно].

ЗНАХАРЬ — человек, обладающий магическим знанием, применяя его как во благо, так и во вред человеку.

[д. Сенино] Теперь-то в́велись, а рáньше были-то знахарí, по-худóму знали и по-хорошему. По-худóму, если человекú náдо вред сделать что-нибудь, чтоб скотíна там издёрживалась, тоже дéлают на вред чего-нибудь. Тут старíк мне рассказывал один — лошадь не успеем завести́, так кони играли, немного пройдёт — конь

па́дает. А пото́м, говори́т, пришёл там, по побере́жью Арха́нгельской области бы́ли особы́е знаха́ри, тот пришёл, погляде́л, говори́т — у вас тут что-то нела́дно. Пришлѝ и там, ко́сть была во дворе́ зако́пана. Ну, вот — ко́сть вы́рыли, ничего ста́ли ко́ни. Со слова́ми, наве́рно, бы́ло.

ЗНАЮЩИЙ — человек, обладающий магическим знанием, занимающийся знахарством, колдовством. Пример см. в ст. *Знахарь-бабушка*.

ИКО́ТА — болезнь, при которой человек непрерывно икает или говорит от третьего лица, полученная в результате порчи, колдовства.

[Что такое икота?] Там, внутри, отдава́ет, кто-то говори́т. Я скажу́, наприме́р, сло́во, а кто-то говори́т. Ма́нька-то была... в Ухте́-то. У неё ико́та была́. Ну, она там и померла́. [Человеческим голосом говорит икота?] А как она́ и говори́т. Повторя́ет [слова]. Я вот одну́ таку́ ба́бу запо́мнила.

[Ругательство]: Кабы к тебе́ ико́та приста́ла.

ИСПО́РТИТЬ — нанести вред с помощью магических приемов: рассорить мужа с женой, причинить болезнь человеку или скоту.

[Мурхово] У неё ягни́та [пропадали] Как то́лько рожда́ется — и тут же пропада́ют. Она не могла́ ниче́го. Чего-то *сделано* было, испорчен двор был. Ну, [ей были присланы слова], и она́ сделала, и всё сгла́дилось.

К ОСТУ́ДУ БРОСИТЬ — с помощью вредоносной магии развести, поссорить супругов.

Корова́й, коври́ги [пекли]. Круглый большой, дак налепа́т цюво-нибудь [в пирог]. Колдо́вка которая. К осту́ду броса́т, чтобы не любѝли [молодые друг друга].

[КОЛДОВАТЬ] — с помощью магических действий и средств воздействовать на окружающий мир как с благими, так и вредоносными целями. // *Наколдовать, Отколдовать, Поколдовать, Приколдовать, Расколдовать.*

КОЛДО́ВКА — знахарка, вступающая в контакт с нечистой силой, обычно с лешим, для получения сведений о пропавших людях или скотине.

Я то́же слы́шала от мамы, семья́ там у нас была́ одна́, девчо́нка така́я ма́ленькая была́. А мать-то что-то заруга́лася. Вот так нао́т-

машь — а понеси тебя лёший, говорит, и всей деревней ходили, искали. Не могли найти девочку. А мне, говорит, дедушка идёт, зовёт: «Иди сюда». Потом и говорит: «Чё-то надо снести, чтоб этого задобрить, хозяйина-то лесного». Так мать яйца носила, так нашла-то ей, да кто его знает, она посажена, говорит, на пенёк, там и сидит, там и нашла. Она кокой-то колдовке ходили, к бабке, шо она ещё помоложе была, та ходила. Если яйца, говорит, возьмёт он, лесной этот человек, то он те девочку отпустит, если не возьмёт, то не отпустит. Пришли, яйца взяты. Она на клоц посажена. Говорит: «Меня дедушка вел: „Пойдём, пойдём“». А уж не так они яйца положили, а со словами какими-то.

Когда покойника выносят, в первую очередь льют воду на дорогу. Не знаю, зачем, это какая примета, не знаю. Обязательно пол мили. От покойника воду лили на большой угол. Ещё колдовке. Брали эту воду. Если муж гуляет, так этой водой напоить мужа или ей напоить, чтоб она разошлась.

Так тут ведь колдовки были, к колдовкам ходили. У меня тоже бывало. Вот овца не пришла с пазбица. Я сама не ходила, у меня мама была жива, она ходила к этой старушке. И старушка сказала, шо овца у вас обьегнилась и придёт домой, не ростраивайтесь. И правда: мужики ходили вот там с выгона, с деревни в лес за грибами, и идут и ёгнят несут на руках, а овца идё с ними — увидели там на выгородках. Раньше ведь выгородки были у нас. Правда она сказала, шо овца жива. Колдовка была старушка, давно её нету живой.

КОЛДОВСТВО

1. Совокупность магического знания, приемов и средств, используемых для нанесения вреда людям.

[Воду, которой обмывали покойника, выливали] в помойку, а иные для колдовства не выливали.

2. Результаты, последствия магического вредоносного воздействия.

У одной старушки тоже колдовство нашли, так пугало, она, наверно год или с два жила вон там, в маленькой зимовке. Вечером... день ничево, с сельсовета приходили. Чашки поставят — чашки на столе прыгали. С сельсовета говорят: «Бабка, ты врешь». Она созвала, пришёл председатель сельсовета, потом ещё милиционер созвали. Пришли, посидели, посидели, вроде ничево, потом стол вот так вот заходил и чашки запрыгали. Они походили: «Кто, — говорят, — у тебя в подполе спрятан?» Она говорит: «Никого нет». А потом всё ж таки под печем нашли всё: волосы там, ище чево-то, кости да лягуха сушеная — выняли, всё прошло. А подложили — ее сын

и там сошёлся, не по любви сходились, родителям не хотелось. И она умерла эта женщина, которая сделала, молодая умерла.

КОЛДУН — человек, обладающий сверхъестественными возможностями и вступающий в контакт с нечистой силой для причинения вреда людям.

А колдун если умирает — не отдал своего колдовства никому не сдал, так великая ему мука. Его так будет мучить, так он горькими наревется. Так вон, кто понимает, чувствует, что он больше не способен этого делать и жить, он кому-то их передает: «Возьми от меня слова и колдовство».

Было у старухи дак корова завязала. Ходили, искали мимо. Я искать-то не бывала, я от людей-то слышала. Раньше говорили: по злу дак закроют. А закроют, что мимо идут и не видят животину. А однашла старушка, у ней корова тоже была, дак искали всякось с неделю искали. Мимо-то искали ходили, а никто не видел. А потом ходили ког-то искали [и нашли эту корову]. Раньше то были колдуны, а теперь все вывались.

КОЛДУНЬЮШКА — то же, что Колдунья.

*У моёво у дружкѧ
Матушка колдуньюшка.
Присушила ко дружкѧ
Молодѧю девушку.*

КОЛДУНЬЯ — знахарка, женщина, обладающая магическим знанием, способная использовать свое знание как во благо человеку (например, избавлять от порчи), так и во вред.

У нас вот случай такой был. Корова отелѧлась, двѧйня. Приходит к ней хорѧшая знакомѧя: «Дай посмотреть, пойдѧм, покажѧй». Вот онѧ пришлѧ, посмотрѧла она, безо всякого замечѧния, безо всего. Та [хозяйка] не подѧмала, што чегѧ-то бѧдет, пошла корѧву доить, молока-то нет. Не знѧет чогѧ делѧть. Телятам нѧдо молоко. Тут у нас есть колдунья, она пошла к ней: «Не знѧю, чогѧ сдѧлалось». — «А кто у тебя был?» — А вот, такая-то. Нет, не спросѧла, кто был-то. А говорѧ, вот иди сейцѧс, сколько надоишь, столько вскипѧти. И кто был, тот к тебе придѧт. Молоко вскипѧт, и тот человек к тебе придѧт. И узнаеш, от когѧ у тебе стало. И так и получилось. Только вскипѧло молоко, женщина та пришла... И потѧм опѧть все наладилось.

[Цыпино] Когда жнешь, так колоса два попадет на одной веточке. Этот колос у нас для чего-то колдуньи забирали.

ЛАДИТЬ — с помощью магических действий и средств нейтрализовать зло, причиненное ведьмой, колдуном или нечистой силой: излечивать болезнь, находить пропавшую корову, восстанавливать добрые отношения между супругами и т. д., а также нейтрализовать вред, причиненный нечистой силой в наказание за неправильные действия человека. // **Налажать.** / Ср.: **Портить.**

[Цыпино] Есть такие, ладят старухи. [А как ладят], кто их знает. [Слова] они их не скажут. Две коровы пропало. А потом мы разговорились с племянницей в городе, она говорит: в Лёкшине есть старушка, она хорошо ладит. Ну мы с ней и пошли, к этой старушке. Она мне и говорит: «Знаешь что, Яковлевна, я тебе ничего не скажу, ты только хозяйке скажи, пускай она положит по 20 коп. в хлев, в каждый угол. А слов я тебе не скажу. Я спущу по ветру, слова придут к ним. Я пришла и сказала Шуре, она это сделала. Потом они взяли в колхозе. Овцы пропадали, коровы пропадали — кто-то *портит*».

Мужа вот с женой раньше испортят — не живут. У нас тут был старичок, отлупит так, что у отца неделю не одну пролежит [муж жену бьет], а без ней, без глаз жить не может, а дома придет — опять скандал, налупит. Видишь, как *испортят*. А наладить-то не наладили. Наладить-то труднее, чем испортить.

ЛАСКА — зверек, наделенный мифологическими свойствами, обитающий в хлеву и мучающий по ночам скот. По масти ласки определяли предпочтительную для данного хозяйства масть скота. Ласка иногда отождествляется с домовым, иногда воспринимается как самостоятельный персонаж.

Все говорят: «Домовой, домовой», а по-моему, там ласка еще есть. Маленькое, говорят, животное, я тоже не видала, я слышала. Если во хлевё во дворе завелась, то животине спокоем она не даёт. Ночью особенно. Она ей там гоняет по двору. И утром как выпустят из хлевá — она [скотина] вся в пене. И кони раньше так бывало. И косячки заплетёт на гриве. И корову, или телёнка — в пене выскочат. И это про ласку говорят, что ласка не любила. Кто говорит, что хозяин не любил, кто — ласка не любила. [Что в этом случае надо делать?] Раньше были люди знающие. А тут ещё слышала, если ласка во хлевё есть, па волё — там не так ещё, а когда зимой во хлев застанут, так она бегает, гоняет. Надо дёгтем во всех углах намазать. Просто углы стен. И эту животину тоже хребёт помазать.

Действия ласки:

[Мучить скот]:

[Ласка] — вроде как домовый ли, что ли. Ласка может без всякого домового. Ласка может мучить во хлеву. На лошадь заскочит

и вот щекóтит, лошадь беспоко́ится. По хлэву хóдит, а ласка игра́т там, щекóчит... Ласка пова́дится, так живóтно беспоко́ит. На спинé, кóгти óстрые, коготкí пúстит, лóшадь трясёт, стрáхивает. Она [ласка] по нóрам хóдит крысíным. А где ласка, там уже мышéй нет. Бывáат, што поправи́лась живóтна, так не беспоко́ит ей, а бы-ва́ат, што беспоко́ит. Бáлуется. Хозяин придёт, а лóшадь вся в по-ту — прогоня́ла всю ночь.

[Ласка] А вот зверёк, у меня́ был у самóй во хливé, дак испытáла это место. У нас была́ корóва на сда́чу и нётель. Так корóву мы во дворе́, а нётель во хливé. И вот я настелю́ вéчером, так хорошó, [а утром] я войду́ в хлэв, а там всё валáми та́кими, вся эта под-стýлка сбита́ та́кими валáми, а я ей преклоню́ гóлову [корове], а на ней, на кáждой шерстíнке будылíнка воды́.

Ласка если лóбит живóтину, дак она́ вы́глядит, а как не лóбит, так она́ прервёт всю грíву. Шерсть дёргат у корóвы шерсть, а у лóшади — грíву дёргает. А лóбит, так дéлат, вы́глядит всё ласка-то.

[Заплетать гривы лошадям]:

Ну, она́ так хорошó, она́ не вредíт, живóт у когó во дворе́. Она́ лóбит живóтных, так ничегó не дéлат. Рáньше конéй держáли, дак от она́ однóй лóшади не любíл, дак всё заплетáл кóсы. Одну́ не любíл и всю грíву заплетёт в кóсы. Как цéловéк заплетёт. Вся грíва в кóсах. А он ей гоня́ет. Она́ становíтся пóтной. На кóнчиках, на шерстí такóе, как бóдто она́ под дождём была́. Сырáя. Ласка — это́ зверóк. Ласка бéлая. Она́ как кóшечка. Мóрдочка таkáя, как у кóшечки. И она́ нóсит по три котёночка. [Ласку можно убить?] Вот этого́ не слыхáла, чтоб когдá-то бíли. Она́ ницегó вредного́ не дéлат. Только вот что она́ какóю живóтную не полóбит, дак гоня́ет. Я ма́леньких котя́ток [детенышей ласки] да́же в руках держáла. Бýло на хливé она́ родилá котёночков.

Это ласка заплетáет, кóсы заплетáет у конéй, ёсли не полóбит котóру скотíну, дак спокóю не даёт, гоня́ет он ей.

Ласка кóням кóсы заплетáет. Как зайдёт во хлэв, дак вот корóву или овеч дак она́ беспоко́ит. По шерстí-то дак она́ там хóдит по ним нóжками-то.

Ласки бывáют в хлэву, но ведь не во всех. Ласка, она́ ведь поя́вится, так ведь не пéред хоро́шим. Я в лесозаготóвке была́, мы жíли у хозя́ина, в Лашкóвской слободе. Так ласка тóже во дворе́ поя́вилась. К кóням пришлá. Я на котóром конé рабóтала, так он ведь кáждую ночь то назаплетáет грíвы, то на суслéд ей наку́тает, эту грíву всю наку́тает. А кóсы как заплетёт, косíчки. Ну, они на косички-то похóжи, но вот уж потóм отстрича́й ей, не расплестí. Она́ ведь и телёнку ведь спокóю не даёт, и корóве ласка не даёт. Она́ шебуршít, вколо́ них хóдит,

иногда вот придешь, и даже корова сырая. Наверху вот, будто роса напала. Это она ей вот не даёт покою, мучает.

ЛЕСНОЙ — мифологический хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц. Он заставляет человека блуждать, уводит с собой проклятых детей, помогает пасти скот пастухам, заключившим с ним договор. // *Леший*.

Говорили раньше, что вроде какой-то лесной есть. Видали, вроде, что такой высокий-высокий. Человеком покажется. Лесной. Увидят. Но ничего. Плохого не было.

[В лесу живет] лесной. Он может закружить, если попросишь, то и выйдешь. Вот одной-то нечиста сила показала лесная женщина, что иди вот сюда. В женщину превратилась она [нечисть]. Чаше как женщина появляется. И отправила по дороге домой. И оторвала у ей от платка угол. [Зачем?] А неизвестно.

Действия лесного:

[Заключать с пастухом договор]:

Ну с лесным раньше пастухи знали, дак говорили, что с им, лесным знали, дак лесной выбирает саму лучшую животину. Ну, он забирает, *закрывает* её, и её не может найти, она так в лесу и остаётся, она зайдёт в такое место, что ей не выйти. [Можно ли найти закрытую корову?] Конечно, можно, раньше были такие, что *открывали* и находили, но она уже не живая. [Как открывали?] Да к этому же лесному и ходили. У них тайно дело, как они это дело *открывали*.

[Помогать пастуху пасти скот]:

Иные [пастухи] *пасут лесом*, а у иных божественные отпуски. [Что значит «лесом пасли»?] — Лесом, дак лесной пасёт, выгонят, дак... Раньше у нас в Пронине ваганы все пасли — они не ходили в лес сами, выгонят в улицу, коровы уйдут, сядут на забор, откуда коровы должны быть, да затрубят в рог, оне как верёвку вьют — идут домой все.

[Забирать корову в качестве платы за услуги]:

[Кто такие черти?] Напримёр, бывает пастухи пасут Господом Богом. Есть называется *пасут лесным*. Уж если ты *лесным пасёшь*, пастух коров выпускает и наблюдает: котора корова последняя идёт, ту летом Господь Бог, ну, лукавый, лесной приберёт. Ничего не сделаешь.

[Наказывает пастуха, нарушившего договор]:

Лесной, если провиниссе [пастух], так накажет. Отхлыщет, отлупит ли, помнёт... Напримёр, не надо красных ягод йись, а ты поёл, так он или тебя накажет или скотом обидит. Штё-ни из двух, одно штё-ни сделает.

У нас вон там дом крайний. Он там пас все время. Игнат. Он пас лесом всё. Он всё: «Бога мать, Бога мать», всё матюгался, всё Бóга матюгал. Он пас лесом. И вот знаешь, на́дать с лесным то́же рассчиты́ваться. А лесной взял и у него вы́брал корову-ту от сирот. Тут от рядом соседка была, а у ней двоё дети́шок. А лесной от вот взял и корóву-ту вы́брал от сирóт, от бедных, а не от богáтых. [Эта женщина пастуха спрашивает:] «Где, Игна́тий, корóва, у меня́, Игна́тий, корóвы не́ту». Сходил и пригоня́л. Он пригоня́л и корóву э́ту отня́л, он её не о́тдал э́тому лесно́му. А нать е́му о́тдать бы́ло. А о́тдал и он бы живо́й оста́лся. А он е́му не о́тдал, дак, никто́ э́того не ви́дел, ево́нна-то стару́ха говори́т: «Две́ри откры́ло, но́чью, среди́ но́щи и до то́го дохлыста́ло в избе́, так все стéны исхлыста́ло». И е́го нахлыста́л, и е́го захлыста́л. И ён у́мер. И он заусну́л, два дня проспáл, а на тре́тий у́мер. Вот он лесом пас.

[Можно ли пастуху во время пастбищного сезона спать с женой?] А это у ко́го ка́кой о́тпуск. У нас у двух мужико́в бы́ли о́тпуска́, о́ни с жена́ми поспáли, так их об́их лесной вы́хлестал. А та́ки о́тпуска́ бы́ли, что нельзя́ спать. А друго́й, при́ехали гости, пья́ный на́пился с гармо́шкой по дере́вне походи́л. На́ши о́ба запольских пастуха́. Да об́их налупи́л. Один из них всё с нами жил. «Что у тебя́, Тимо́ша, боли́». — «А не говори́, де́вушка, меня́ так вы́хлестал лесной, дак не могу́. Три го́да пас, так не прикаса́лся к женé, пас хорошо́, а тут вы́думал, то́му и да́ли», а то́му за гармо́нь дали.

[д. Мурхово] Есть, коне́чно, в лесу́, везде́ есть хозя́ин. Вот скот пасу́т, ведь скот ра́ньше пасли́ в леса́х, в по́жнях, везде́, ведь далеко́ ходи́ли, за 12 кило́метров гон ли скот. Ну вот. С о́тпуска́ми, там, ну есть кни́жка, у пастухо́в-то. Назывáется — «О́тпуск». Видáла [такую]. У нас де́душка пас корóвы. И вот он пас, свёкор-то, и вот это, с о́тпуском, а тут у нас пасту́х один у́мер, мы на дворе́ ра́ботали. Как-то о́тпуск та́кой, что че́рез два на тре́тий год на́до о́тдава́ть корóва са́мая лу́чшая из ста́да корóва. Та́кой закон. Ну, он зна́лся-то с хозя́ином с лесным. И вот по сосе́дству была́ у сосе́дки, корóва-то вы́шла лу́чше всех. И она пошла́ хозя́йка повела́ лесна́я, корóву-то. Не ушла́ — пасту́х не о́тпусти́л. Прише́л домо́й — и но́чью его лесной задуши́л. Давно [э́то было], э́то го́дов три́дцать.

У нас бывáло, я ишчо́ де́фкой была́, в той дере́вне мужик пас, дак каку́-то корóву, што́бы оста́вить ей, лесно́му, и он взял о́тпуск-от, пе́рву корóву стал выпуска́ть, пе́рва-то корóва попа́ла тут одной же́нщины с робя́тами. Ейна́ от пе́рва корова́, пе́рву корóву што́бы лесно́му хозя́ину — о́тпуск-то был. А он [пастух] говори́т: «Ейну корóву возьми́т, дак об́ижу [хозя́йку коровы́]». Це́во-то там

сделал, не разрешил, дак потом сам умер. Не оддал той коровы, пожалел. Другую — а другую... Котора первая пошла, ту ему было надо [лесному].

[Указывает местонахождение потерявшейся коровы]:

Вот раньше я жила у мамы в деревне. В той деревне был старичок. Старичок он старый был. Вот потеряется корова или лошадь. Уйдёт в лес — и нету. Всё говорят — ушла в пяту, в пяту. Так называлось. А неизвестно, куда она ушла. У нас у самих лошадь была, у мамы да у отца выпущена. Ходила, ходила на берегу противу дома. Потерялась, нету. До того мы доискали... А мама и говорит: «Сходи к Стёпе». Такой Стёпа Ваганихин, старик. [Мать пошла.] Она сходила к этому старичку. Он говорит: «Давай, Аксинья, я не с ночи, а с утра тебе скажу». Он с лесим знался, с лесным. Говорят то, что он в лес ходит и вызывает. Так он ходит, наденет на левую сторону портки, кальсоны, рубаху, ворота расстегнёт, волосы все расстрепет. Ну — к лесию там. Там он, говорит, из лесу выходит, так страшно, говорит, стойшь вот так, трясёшсись. [Лошадь нашли.] Потеряется вот корова — к нему и идут. Ну, он скажет — «корова ваша *закрыта*, у пастуха такой отпуск». Была *закрыта*. Но корова живая. Через три суток токо найдите корову. Раньше не найдите. И в таком месте. Скажет место.

[Забирает проклятую хозяйкой корову]:

Лесной, дак... Лесий — это лесной. У нас вот тут вот в этой деревни был дом и жила женщина со свекровью, а свекрова-то слышала... Дак корова-то ходила во дворе весной, выскочила да побежала, а она след за ней, эта женщина побежала. И не могла догонять и сказала: «Понеси ты лесий!» А она [корова] до леса добежала, скрылась, дак найти не могли. А там в другой деревни была старушка, она *знала*, она вызывала лесного. И вот она его вызвала, вызвала, только она сказала ей, этой женщине, что ты пойдёшь, дак тебе попадут два солдата. Они, эта нечиста сила, они превращаются в него, в человека. Они [нечистая сила] наредятся. А ты спроси: «Робятка, не видали коровушки?» А она доходит до леса-то, ушла корову-то искать, доходит до леса-то, вот сделалось сколько шуму, сколько крику так звонко лес-от весь говорит. Траву к землёй клонит. У меня, говорит, волосы дёбом встали, да я, говорит, бегом из лесу и убежала. Так корову-то и не могла найти. Спугалась и убежала. [На следующий день старуха ее спрашивает]: «Ты что не спросила у робят?» — «Да постыдилась». А они прошли, дак схохотали, как, говорит, схохотали. А потом она [старушка] в ейного [хозяйки потерявшейся коровы] брата свекровы превратила вот этим в нечисту-то силу, вызвала [т. е. она вызвала лешего в образе

брата свекрови]. Пойдёт к тебе дядя Тимоша попадёт, ты у дяди Тимоши спроси [сказала старушка]. Иду, говорит, а из лесу дядя Тимоша с топором. Дядя Тимофей, ты не знаешь, где корова? — «Да вон, — говорит, — за кустом корова-то лежит у тебя». А я, говорит, повернулась, и его нигде не стало. Потерялся на глазах. [Старушка лесного] в дядю превратила его. Она, которая вызывает, она его на какого вызовет, дак такой человек и покажется.

[Уносить проклятого ребенка]:

[Нельзя детей ругать]. Которые настоящие матери, так они не скажут, а если так, так скажут, а потом научаются сами, найшчутся этово ребёнка. Скажет: «Понеси тебя леший!», и вот леший и несёт. Пойщет-пойщет — ребёнок должен домой прийти, а ево не видать. Потом пойдут искать людей, которые знают с лесным, чтобы отыскать ребёнка. Были такие слуцаи. В Шалге дёвка дружила с парнем, а матери было нелюбо, што она дружит с парнем, и дёвка ушла в лес по ягоды с подругами. Подруги-то пришли, а дёвка-то розошлась на ягоды, осталась в лесу ягоды брать, — доберу да и пойдю. А мать-то в это время заругалась, што леший унёс, наверно этово парня заругала, што с ним ушла, ну вот ей леший и унёс. До Слободы ей провела старуха, а потом как ей не видать, да робята-то стали ходить, да все искать, стрелять в этом лесу-ту, рядом-то болото — нигде не могут найти-то, а мать-то и сдрейфила. Хорошо, што она зналась с лесным, дак она и побежала засекачь дорogi. Самá потом дёвка-то росказывала, што, говорит, шла-шла со старушкой, вперёд старушка идёт, токо: «Што, устала?» — спрашивает у ней, — а, говят, на меня не гляди! — «Устала». — «Так не садись, иди, — говят, — пойдём. Цёво-то шла — больше не могу итти». Потом, гят, как затрепцало, ветер завёял в лесу-ту, так ужасная темень, ницёво не видно. Старушка эта потерялась, и она не знает, куда итти. Стала глядеть, и оказалась: на тропинку ей вывела эта старушка. Она пошла по этой тропинке. Тропинка довела её до реки, до руцья, — река ли, там река, наверно, в Слободё. Перешла она этот мост, опять смётрит: куда она пришла — не знает, но видит, што там деревня, и увидела, што есь огонёк, и на этот огонёк она пошла и пришла в дом. Пришла в дом и спрашивят, куда я пришла да цёво. А в том доме-то оказалось есь дёвка замужом, а она-то ей узнала: «Катя, ты как появилаесь здесь-то?» А она села да и заплакала: «Вот так и так, — говорит, — наверно, мать меня проклёнула»... [Что же это за старушка была?] Лесной. [Он всякий вид может принимать?] Может и мужчиной быть, может и женщиной. Мать-то хозяйка, у них мужика-то не было, так вот она и нашла, што вот женщиной с ней шла. А у других слыхано было, што

мужчина вёл, дедушка вёл. Тóже одново паренькá [прокляли], што вот ево лёший увёз, так вот ево мушчина вёл. Если в семье есть мушчина, лёший мóжет показáться мушчиной, а если нёту — жёнщиной, жёнщина ведёт.

Я тóже слýшала от мамы, семь там у нас была́ одна, девчóнка такáя мálенькая была́. А мать-то что-то заругáлася. Вот так наóт-машь — а понеси́ тебя́ лёший, говорит, и всей деревней ходили, иска́ли. Не могли́ найти́ дёвку. А мне, говорит, дедушка идёт, зовёт: «Иди́ сюда́». Потом и говорит: «Чё-то нáдо снести́, чтоб́ э́того за-добрить, хозя́ина-то лесно́го». Так мать я́йца носила, так нашли́-то ей, да кто его знат, она поса́жена, говорит, на пенёк, там и сидит, там и нашли́. Оне кокой-то колдóвке сходили, к ба́бке, шо она ещё помолóже была́, та ходила. Если я́йца, говорит, возьмёт он, лесной э́тот человек, то он те дёвку отпúстит, если не возьмёт, то не отпúстит. Пришли́, я́йца взяты. Она на клоч поса́жена. Говорит: «Меня дедушка вёл: „Пойдём, пойдём“». А уж не так они я́йца положи́ли, а со слова́ми каки́ми-то.

Да лесные́ бывáло... Дívка ушла́... сéно косили. Си́ли поужинать, обéдать к роднику́. А в роднике́-то воды́ нёту, она́ [девушка] ушла́ к друго́му. А её нёту и нёту и нёту. Мать-то: «Что дёвка?» И слово́ вы́рвалось у ней нехорóшее. Пришли́ домóй — её нёту. Нáдоть идти́ иска́ть. Пришли́ — а она́ к берёзе привязана косáми, сидит. Говорит: «Тебя́ кто привязáл-то?» А она́ говорит: «Я ходила, иска́ла, иска́ла родник. Старицóк подошёл — бéлая борóдка, небольшо́го рóстику. „Подру́жка, пойдём-ко со мной, я тебе́ найду́ родник“». Пришёл, к берёзе привязáл. Так её живую́ нашли́, срáзу иска́ть стáли. [Из-за того, что мать] её нехорóшим слóвом обозвала́.

Жертвоприношение лесному:

Корóвы не ходят на поскóтину — так носят на поскóтину хлéб-от, я́йца-та, дéнег-то, водки стóпку-то, все пьют там э́ти, лесные́ пьют. [Куда ставили угощение лесному?] — А под кúстик. [Нóсят] хлéба, три я́йца, вóдки стóпку налива́ют.

ЛЁШИЙ — то же, что Лесной.

[Цыпино] Лёший мóжет показáться любóму. Очень мóжет показáться. У нас был старик, где я дёвушкой-то была́. И он ходил к лёшему. Потеряёт кто корóву, он и пойдёт. Степáн, звали, сходит. Вот он пойдёт, рубáху вы́вернет на лéвую стóрону, воротá расстéгнет, ну вот и вызывёт, как — так ведь не спрашивали. Так-то интересно ведь подслúшивать. Он говорит: «Вы дúмаете, легкó лёшия вы́звать?» Говорит, — прёжде, чем ему вы́йти из лёсу, такой вéтер сдéлается, что тебя́ с ног роняет. А вот я стáну его спрашивать, а у самогó гóлос дрожит. Бывáло и так, что ему́ ска́жут: «Корóвы нет

живой». Он знает, какие слова, раз он ходит, *знается* с ним. Он, бываёт, покажется человеком, бываёт, покажется собакой, а говорит по человечески. Ну так вот. То скажет: «Корбву ищи за́втра в таком-то месте». Корбва *закрыта*. Идите во столько-то часов и корбву найдите». Какой-то был отпущк у пастуха, что какую-то животи́ну надо *закрыть*. Никто не видит — она тут и есть. Вот как всё было.

[Леший] говорят, что он какой-то синий.

Леший людей не ест, только *уводить* может. Заведёт, заблудит, потом отпускает, если ты вспомнишь Бога, он тебя отпустит... [А как он выглядит?] А ты его и не видишь, а он тебя видит. Так он может тут вот, он невидимый. А у меня свёкор бывало, говорит, видел старика. Ну потом ушёл, заготовал и всё. Ушёл. [И ничего не было?] Ну а чево? Он же не на всех бросается. А на всех бросал, так уж всех бы изводил бы. [А на кого?] Ну пошла вот ты в лес благословись, перекрестись, вот и иди, платье одевай на праву сторону, не на леву, а на леву, так и уведёт налево.

МАРА́

1. Мифологический персонаж, связанный с приданием.

[Девушкам говорили:] Не будешь пряться, так Марá придёт. Нас так пугали.

Так Марой дразнили маленьких, что вон Марá-то придёт, тебя заберёт.

Марá, это женщина, марá. Как детям говорят, што россомáха придёт, так и там марá. [Это говорили] ребятам.

2. Бранное слово.

Слыхала там, [что ругали]: «Ах, ты Марá! Ты как марá!»

НАВОДНЯТЬ (ИКОТУ) — то же, что Нагоня́ть.

[Мурхово] Икóта — это болезнь. И эту икóту только колдуньи *нанóсят*. Раньше было. И вот они эту икóту *наводняли*.

НАГОНЯ́ТЬ (ИКОТУ) — портить человека, с помощью магических средств «заразив» его икотой. // *Закинуть, Нанóсить, Наводня́ть.*

[Мурхово] Икóта — это болезнь. И эту икóту только колдуньи *нанóсят*. Раньше было. И вот они эту икóту *наводняли*. Вот как человек начнёт: «Ик, ик, ик». Вот эту икóту *нагоняли*. Вот это я слыжала. И частенько вот говорят, вред надо людям сделать, вот эту вот икóту *нагоняли*. Но сама я никого не видала, не слыжала.

НАКОЛДОВАТЬ — нанести порчу с помощью магических средств.

Если порча, так складут, бывает шерсти, бывает кость какую-ни найдут, наколдуют и закопают, куда-нить сунут. [Тот, кто хочет порчу навести.] Скот не будет, то его к двору не загнишь... На свадьбе, говорят, соль на стол не кладут. Соль может порчу сделать [молодым].

НАЛАЖАТЬ — то же, что Ладить. Пример см. в ст. Закрывать.

НАНОСИТЬ (икоту) — то же, что Нагонять.

[Мурхово] Икота — это болезнь. И эту икоту только колдуны *наносят*.

НАШЕПТЫВАТЬ — нейтрализовывать последствия порчи с помощью чтения заговоров. // Шептать.

Снять порчу. Снять надо опять к другим, которые перебарывают. Которые умеют *отколдовывать*. Како-то там нашептывают чего-то, кормят или ещё что-нибудь.

НЕ ПО ДВОРУ — о скоте, который пришелся не по нраву домовому или ласке, в результате чего животное чахнет, болеет и погибает.

Бывает, што не залюбит [хозяин скотину], и ей сколько ни кормят, она всё худая. Не по двору пришлá.

НЕПРОСТА́Я — о женщине, обладающей магическим знанием, способной испортить, сглазить.

Ну вот, другой раз пришлá одна такая, вроде как женщина непростая, ну есть такие хитрые, ну там какие, шо посмóтрит вроде или шо похвалит, какбй ты хороший или чего... Это тоже бывало, разговоры такие.

НЕСПРОСТА (что-то делать) — о действиях знахарей и колдунов, которые они совершают с применением магического знания.

Скотину какую купят, корбв особенно, у той хозяйки она стояла хорошо при дойке. Пиривидут [новому хозяину] — она не стоит. Не даёт подойте. С места на место переходит или ногой пинаёт прямо в подойник. Просто нортёж. И это бывает, не знаю, и неспроста её отдаёт. Неспроста.

НЕЧИСТА(Я) СИЛА — обобщенное название любых мифологических персонажей, чаще всего черта.

Ангелы — это святые. Когда надо спуститься на землю, у них крылья расходятся. [У каждого человека] есть ангел-хранитель, рядом с человеком: справа — ангел, слева — нечистая сила.

Вересинка — святая деревинка. Раньше делали из них подошники, коров-то доили, вересвий был подошничек, деревянный. Говорили, будто за Иисусом Христом или за каким-то святым ангелом нечистая сила гонялась, и он под вересинкой спрятался. [При грозе] нам маленьким всё внушали, чтоб под вересинку садились.

Я проснулась: за прядкой сидит, прядёт человек. [А какой?] Неизвестно какой. Прядку тоже надо благословить. Положи прядку и говори слова божественные. Кудёлю можно оставлять на ночь только со словами. А так нечистая сила будет прядти. Она, может, и не прядёт, а веретёшко жужжит.

Вот ходили, ягод набрали, домой надо выходить. Ну я смотрю, вроде как знаю. Иду к этому, клычу [кочка, поросшая мхом] подхожу. Вот у клыча посидели и снова пошли. Опять идём, идём. Опять к клычу этому пришли. Вот идём уж далеко. Вот кто-то был, какая-то нечистая сила. Вот три раза, потом сели на клоч, перекрестились как обычно. И дорога-то рядом. А ходили и не видели ничего.

Виды нечистой силы:

[Водяной]:

Водяной — дак это водяная сила. У нас тут тоже в Патрове потонул мужик, а баба-то поехала розыскивать. Ну там, в Данилово живёт Ольга Васильевна Якимова, на почте работала этим, начальником, ну у ней мужик потонул, они поехали со свёкром. Вот та баба, которая вызывала лесного, вот она и вызвала водяного-то. Вызывала водяного-то, ну а там написано уж было, на этом, в книжке-то, в записочке-то она написала, что вот так и так, прочитайте. Он в лодку сели и поехали, в карбас. Поехали, а шчюка, говорят, экой век не видела — така вот шчюка как нырнула да под лодку, и надоть им было за шчюкой и плыть, оне бы его нашлы. Оне спугались-ка да и вернулись. Потом весной его нашлы на Кольском. Вот она тоже вызывала водяного. Водяной шчюкой превратился. Да уж в леща да в налима не превратится, а шчюка хищная. Шчюка она может превратиться в нечистую силу.

[Леший]:

У нас старичок *нас лесным* [отпуском], так он заболел, уже дома лежал, и он сказал, что меня только в коридор или на сарай уносите. Тяжело умирает, ежели в дому, а на улице уже легче умирает за это всё. Кто имеет это, это уже считается, как имеешь дело с нечистой силой. Надо *передать*. Я бы *передал*, но скотина во

дворѣ. Надо осенью. Осенью можно, а сейчас ходит скотинка, я не знаю, што сотворится.

ОГОВОРИТЬ — нанести порчу, сглазить.

Ребёночка не показывали до шести недель. Она [мать] на большой наряд не должна выходить. Кто может оговорит. У кого какой глаз. Старались избегать.

ОГОВОРИЩЕ — то же, что порча, сглаз. // **Портёж.**

До бани доведут, а там зайдёшь, там еще старуха, старушка старая с приговором, приглашена мыть. Ну голову намочишь сама, а она обкачит, приговариват, вот забыла, приговоры какие, чтобы не пристало оговорище никакое да ни портёж да никакой, чтобы не было да портежу никакого, щоб житьё-то хорошо было...

ОСТУДА(У) КИНУТЬ — навести порчу на супругов с целью поссорить их и развести.

[Рассказ о соседке, которая умела ворожить. К ней пришла женщина, которая просила развести сына с женой. Та отказалась]. Я к худому не умею. Ей нать, чтоб остуда кинуть, чтобы он разошёлся с женой. А я этого не умею. Я умею только для любви. Я вот это так умею, чтобы сошлись. Остуду кинуть — чтобы они друг друга ненавидели.

ОТКОЛДОВЫВАТЬ — уничтожать последствия порчи с помощью магических приемов. // *Ладить*. Пример см. в ст. *Нашептывать*.

ОТКРЫВАТЬ — с помощью магических средств находить скот, который закрыл колдун или лесной.

А это *закрывал* лесной [коров]. А были люди, знали, как открыть, находили. Найдут, што она вот, вокруг ей ходишь сколько раз, у меня у соседки бывало корова ушла, домой не идёт. А ходили мимо ей, искать ходили. Нигде найти не могут. Она [хозяйка] пошла когда дойти, корову назвала худым словом, проклянутым, вот корова после этого домой и не пришла. Нельзя проклянутым называть. Нашли потом-то её, открыл уж лесной, дак одна земля, и травки нет нисколько.

ОТПУСК — договор пастуха с мифологическим персонажем, обычно с лесным, содержащий ряд предписаний и запретов, обязательных для выполнений пастухом. Отпуск обеспечивает

пастуху успешный выпас стада на один сезон. Нарушение отпуска пастухом влечет за собой наказание или смерть.

[д. Цыпино] Раньше у пастухов был отпуск. Шобы скотина ходила, шобы ни волк, ни кто не заходил в стадо. У них какие-то слова были, у пастухов. [С лешим] говорили, да. Выйдет на дорожку — он с ним и говорил, с лесным.

ПАСТІ ЛЕСОМ (ЛЕСНЫМ) — о пастухе: вступать в соглашение с лесным, чтобы он пас скот в течение сезона, взамен чего пастух обязуется соблюдать отпуск и отдавать лесному в жертву лучшую корову.

Иные [пастухи] пасут лесом, а у иных божественные отпуска. [Что значит «лесом пасли»?] — Лесом, дак лесной пасёт, выгонят, дак... Раньше у нас в Пронине ваганы все пасли — они не ходили в лес сами, выгонят в улицу, коровы уйдут, сядут на забор, откуда коровы должны быть, да затрубят в рог, оне как верёвку вьют — идут домой все.

ПЕРЕДАТЬ — о колдуне, знахаре: передать магическую силу и знание другому лицу перед смертью или при завершении профессиональной деятельности, при которой это знание необходимо.

У нас старичок пас лесным [отпуском], так он заболел, уже дома лежал, и он сказал, что меня только в коридор или на сарай уносите. Тяжело умирает, ежели в дому, а на улице уже легче умирает за это всё. Кто имеет это, это уже считается, как имеешь дело с нечистой силой. Надо передать. Я бы передал, но скотина во дворе. Надо осенью. Осенью можно, а сейчас ходит скотинка, я не знаю, што сотворися.

ПОГЛЯДЕТЬ НЕСПРОСТА — испортить взглядом, сглазить.

Такие вот люди есь, поглядит, так он плачет и худо спит [ребенок]. Который белой ребёнок, а чёрная женщина поглядит, дак может быть и от этого. Иные неспроста поглядят.

ПОДПОРЧ(Ц)ЕННЫЙ — подвергшийся воздействию порчи, сглаза.

Есть такие, что животну продают, а жалуют сами. Ну, животна уснёт. Приходит она к этой опять домой, к хозяйке, мучит у ворот, пробится в ворота, туда, во двор. Чтобы ей застали. Уж она — чего-нибудь ей сделаю, подпорчена, видно. Вот, она просто была отдана, да хозяйка не хотела, видно.

ПОКОЛДОВАТЬ — воздействовать с помощью магических действий и средств обычно для причинения вреда.

Вот у нас ёсь, вот рядом живёт, она отбивала у жён, што котóрые по трое детёй, а она всё равно скандалы устраивала [отбивала мужей у жен]. И вот вздумали поколдовать, но нету вот тепёрь этих старух, и говорят, што дали ей, вот покойника мóют, так этой воды. На эту воду она *шептáла*, штобы эту воду она выпоить этой, котóрая гуляла. Говорят, што ей не выпоили, а попáло ребёнку. Она [ребенок — дочь] двáдцать пять лет болéет.

(быть) ПО КРÓВИ / НЕ ПО КРÓВИ — в случаях сгláза или излечения от сглаза совпадать (или не совпадать) по цвету волос и глаз с объектом сглаза или лечения, что важно как для возможности сглазить, так и вылечить от сглаза.

[Клали ли какие-то обереги ребенку и роженице в кровать?] Роженице рáньше клáли нóжик, или нóжницы. А ребёночку — икóнку. Соль клáли, сóли щепóтку. Чтóбы не пристава́ло ничегó. Не сгláзили. Мáленький — ему чегó, всякого места... Какáя *не по крóви* посмóтрит — вот он беспоко́ится, не спит, пла́чет. [Что значит «не по крови»?] Бывáет, ребёночек белый, а женщина на него посмóтрит смуглая. Вот оно ему, мáленькому и нейдёт. Старáлись, пока мáленький — не показывать ребёнка.

ПОЛУ́ДНИЦА — женский мифологический персонаж, появляющийся в полдень в ржаном поле. // Ср.: *Сковородница*.

Рáньше всё пугáли [детей, чтобы в рожь не ходили]: подите, подите. Там во рже полудница сидят, сковородница. Поди, поди, там сковородница сидят.

ПОМОЛÍТЬ — вылечить болезнь с помощью магических средств, заговоров и молитв.

Малыши как плачут, приглашали старух. Старухи помблят, и не так плачут. Водой с углей окатят [маленьких детей].

(ПО)ПÓРТИТЬ — то же, что **Испóртить**.

На сковороде одевают [к венчанию], чтобы ху́доба кака́я не пристала да еще клéщи полóжат. Да еще в подóл булáвок налéпят с голóвочками, хоть две или три, шобы не попортили.

ПОРТÉЖ — то же, что **Пóрча**.

У нас старушка остáлась жить одна, и она́ заявля́ет, что у ней пугáет в подпóлье, стучит да́же. Говорит, спокóю нет. Треци́т в под-

пóлье, в погребѣ. В двѣри стучѣт и в сенѣх. Стала уж ждѣть коѣ-кого. [Пришел на ночь родственник.] Застучѣло при нем. И оне свет взяли, и он с топором туда полѣз. Никого нигде не видал. Чужіе люди придут — ничѣво не слышат и не видят. Другіе говорѣт: «Видно, осадку даваѣт дом». Нет, всё не то. Потом вроде под печкой нашла клубок: вóлосы да шерсть да. Она когò-то подозревѣла, с кем-то тут не лѣдила — они портѣж подсунули. Больше ничѣво не стучѣло.

Портѣж коровы:

Скотину какую купят, коров особенно, у той хозяйки она стояла хорошо при дóйке. Пиривидут [новому хозяину] — она не стоѣт. Не даѣт подойте. С места на место переходит или ногой пинаѣт прѣмо в подбóйник. Прóсто портѣж. И это бывѣет, не знаю, и неспроста её отдаѣт. Нѣспроста. Жалѣет. У меня у самóй такой слúчай был. Пошли мы с хозяйником корову покупѣть. Пошли во двор, верёвку я ей наложила на рогѣ. Корова со двора не выхóдит. Я её тяну из хлѣва, маню, а она никак не идѣт. Хозяин стоял в сторóнке. А хозяйка с головы, да по всему хребту до хвостѣ рукой провѣла. — «Ходи, говорѣт, с Бóгом». Пришли, недели две стояла хорошо. Давѣла доить. Потом стѣла пинаѣть. Так я не стóлько молока домóй носѣла, сколько во хливѣ оставлѣла. И куда я ни ходѣла к старúхам, никто ничѣго не помог. А мне хозяйин говорѣт: «Она так и так сделала... Зачѣм она это дѣлаѣт, она *портит*». Говорѣт, если вы не замѣтили, не подумали, то ничѣго не бóдет, [а если замѣтили, как она портит, то порча подействует].

Оберег невесты от портѣжа. Пример см. в ст. Оговóрище.

ПÓРЧА — совокупность магических приемов, применяемых ведьмами, колдунами и другими «знающими» для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека. В качестве орудия порчи применяют старые, битые, сломанные, пустые, использованные предметы, что символизирует их принадлежность к потустороннему миру: яичную скорлупу, яйца без зародыша, змеиную шкуру, кости и черепа животных, разбитые горшки и пр. // *Портѣж*.

Ну это пóрча уж совсѣм другóе [чем сглаз]. Ну, пóрча, если хочѣт кому-то навредѣть там, испóртить, какú-то пóрчу подсбывает, гдѣ-то закладывали... Я слыхѣла, что пóрчу какú-то кудѣ-то подлóжат. И в дом лóжили и всё. Ну вот, напримѣр, вы возьмѣте, та же порча... может хочѣт, чтобы женихѣ, чтобы он не ходѣл...

ПРѢВЕДНОЙ ЛЕСНО́Й — обращение к лесному в заговоре.

Пастухú вот тóже нѣдоть. Стѣтя оно зовѣтся. Вот нóне на Чуринове есь старѣк. Вот у нас пасѣт одѣн живѣт, пѣрень. Дак у него́,

говорят, статья от чурйловского старика. Съездил туды, так дана. В статье, говорят, есь слова: «Праведной лесной, помоги мне сохранить своё стадо от ветра буйного, от зверя лютого». Да надо, чтоб ещё и молоко-то было у коров, так говорят ещё и там написано, чтобы хорошо.

ПРАВИТЬ — то же, что Ладить.

[Цыпино] А здесь у нас маленький двенадцать годов сломал ногу, боролись с ребятами, куча-мала, да как-то сломили ему. А там была старуха слепая, вот та знала тоже. Она ему положила гипс, он двенадцать недель у ней жил, потом стал ходить. С Печниково при мне приехали, на лошадей ехали, на тарантасе, лошадь то ногу сломала. Ну и у ней привели эту, на трёх ногах прискакала из Бутина. Она слепая, лошадь стоит, она пришла: «Дай ногу». А я тут стою на крыльце у них. Она положила ногу. Чего *нашептала*? [Лошадь] не пошевелилася. Потом пошла, на копыто стала вставать. А на трёх ногах привел. Она коней правила, а потом умерла.

ПРИВИДЕНИЕ — неясное мифологическое существо, проявляющее себя в доме звуками и шумом преимущественно перед смертью кого-либо из семьи.

Мы сидели в карты играли. И у них по чердаку ходил какой-то. Лестницы скрипели, кто-то ходил. Мы не видели. Выйдем — тишина, зайдём — опять скрип. А потом сказали, цыганка нагадала: у них бабушка Анна умрёт, и у них больше это привидение в доме ходить не будет.

ПРИКОЛДОВАТЬ — о действиях в любовной магии: магическими средствами вызвать любовь мужчины и женщины.

Мать приколдовала [к мужу]. [Я рожь жала.] Вдруг идёт свекровка. Яичницу приносит ещё тёплую. Это всё меня приколдывают: на соль нашепчут да посылят. А я понимаю. Я сказала: «Яичницу век свой не ем».

ПРИСТАВАТЬ — о результате воздействия порчи, сглаза.

[Клади ли какие-то обереги ребенку и роженице в кровать?] Роженице раньше клали ножик, или ножницы. А ребёночку — иконку. Соль клали, соли щепотку. Чтобы не приставало ничего. Не *сглазили*. Маленький — ему чего, всякого места... Какая *не по крови* посмотрит — вот он беспокоится, не спит, плачет. [Что значит «не по крови»?] Бывает, ребёночек белый, а женщина на него посмотрит смуглая. Вот оно ему, маленькому и нейдёт. Старались, пока маленький — не показывать ребёнка.

ПУГАТЬ (безл.) — характерное проявление нечистой силы, возникающее, чаще всего, в результате порчи и реализуемое в действиях «полтергейста»: звуках, шумах и под.

Вот у нас дом пострйоили, так пугало. Набросали уже дом был полностью готов, оставалось только пол настлать, потолок и все. Мы стали играть, а эти мостовины потолочные заходили, ходунóm ходят. Мы играам, мы убежали оттуда. И потом им не дало этого дома дострйбить. Видно кто-то колдовство какое-то сделал, они и продали этот дом.

Люди-то такие на тарелках. Вот меня так напугало. Я так поняла, что эти... С неба-то летают. Люди-то такие на тарелках. Оне меня пугали. У окошка стали. Я засокотилась [спряталась] за стенку. Такие высокие, как люди. В белых халатах и в черных. Сперва я чай пила за столом. Посмотрела в окно — стоит трактор — не трактор, мотоцикл — не мотоцикл. Не знаю, цевб и свидится. Вот и смотрю в окошко-то, за занавеску. Потом, знаш, вскоцило много народу и побежали прямо к моей квартире. А я уже испугалась. Вот будто они к окошку подошли, вижу — тень-то есть. И у всех у этих здесь во лбу огоньки, фонарики. Смотрю, что дальше будет. Счас выйду, зайдут, да убьют меня. Так и думала. У меня заложено всё. От подошли к окошку, огонь поселился в избе. В щелях-то всё просветлело и в стенках, везде, видно, зажигают меня. Вот как одной худо. Всё стою, у стола стояла, а через занавеску видно всё. Чё-то посмотрела я в окно, а эта деревня-то, вот по эту сторону, вся как на карточке снята. И высоко-высоко этот дом вот стоит, первой. Так его будто нету, а всё нарисовано, как на карточке. Вижу, что эта деревня — наша. Потом, это, смотрю в окошко — у того окошка, у другого по двое стоят, а потом — вижу — ходят, цевб-то им надо — не знаю. То ли военные, то ли не знаю. И так мне страшно стало, а на другой день кбе-кому говорю, а они не верят. [А они уехали?] — Около полуночи уехали. У них какая-то было карета с окбшечками. Не дай Бог их увидеть. В окбшек стояли, так страшно стало, перебирали руками, а на другой день рассказала кому-то, а они говорят: «У бабки-то крыша поехала», а это всё правильно было.

РАСКОЛДОВАТЬ — действие обратное Колдовать. Магическими средствами уничтожить воздействие колдовства. // *Отколдовывать.*

В грехах проститься надо и расколдовать, кому чего сделал.

РОС(С)ОМАХА — то же, что Русалка.

Была деревнюшка Бурцево, бывало озёрко небольшое. Кто-то видал, что в озёрке росомеха живёт с длинными волосами, она,

когда хороший день, так вылезает. Говорили, что в Бурцевском озёрке росомаха живёт с длинными волосами. Кто видит, дак она, говорят, показывается к нехорошему, когда вылезает. Она там ропускает по плечам, ей самой не видно, она вся в волосах.

Говорили, малыньки как ребята купаюца вецером, поздно уже, а купаюца: «Ты вон докупаеся вецерами — росомаха тебя утащит».

[Что такое росомаха?] — Росомаха — она похожа на человека. Она у коровы вымя выдираёт. Ничёво не трогат, а вымя режет. Нет, я ошиблась, это русалка такая. Русалка похожа на человека, а росомаха на четырёх ногах. [Русалки] тоже ходят, скачут на четырёх ногах, но у ней ноги — как руки, может стоять на две ноги.

РУСАЛКА — женский мифологический персонаж, обитающий в водоемах и затягивающий людей в воду.

Ну, русалки, видели, говорят, русалки, что там в волосах сидела женщина, мылася на камню в Данилове. Так вот разговор был. Всё там в реке тонут, так года через два, через три — покойник, потонет человек. Действие такое есть.

Время появления:

В Духов день русалка может на деревьях сидеть, в поле. Если человек один идёт мимо, они его защекотать могут.

Действия русалки:

[Топить людей]:

Русалка в воде. Вот у нас на горке там есть в реке родник. Вот это в роднике вьон такой всё ходил, так две девки потонуло, да парень. Одного утаскивали, а он говорит: не тащи, я тебя уволоку, дак тот парень жив остался. А русалки выйдут в середине ночи, на камень сядут, волосы чешут, у них волосья вот до этого места [показывает на пояс] чёрное. Я вот не видела, а стары-то люди видели. Две девки потонули, русалка-то увела под воду. Русалка-то сидит да боёзно глядеть на неё, волосья долгие, чешет на одну стору и на другу. Косы-то до этого места.

Русалка... сидит на камне и волосы расчёсывает. Такие белые длинные волосы. Белые... с зеленоватым оттенком. Тут раньше мельница стояла, после мельницы появилась. [Она] одна. Если кто-нибудь с большого камня будет купаться в полночь, она может утащить.

[Расчёсывать волосы, сидя на прибрежном камне]:

На омуту, говорили, что была русалка. Волосы долгие. Вылезает, на камень садится и волосы расчёсывает. Человека увидит и нырнёт.

На Круганове есть большой камень. Говорят, там русалки после двенадцати ночи выходят. Людём бояться. Волосы, говорят, почему-то у русалок все время зелёные. Они волосы чешут, бабушка тоже говорила.

[Мурхово] [Русалки] выходили, они сидели на камнях. На камни выходили и сидели с длинными волосами, расчёсывали волосы. Я не знаю точно, в каком месте, не здесь, а вот подальше к лесу, вот там видали эту русалку. Русалка или кто — не знаю, потому что — есть ли русалки? А про [них] говорили: сидит, как человек с длинными волосами, расчёсывает. Слышала, но сама не видела.

Русалка. Говорили: «Не ходите туда, там русалку я видел, что-бы глубоко где, там купаться не ходили. Там русалка живёт. Каат, сидела на камню, чесала волосы. Маленьким говорили.

САТАНА́ — черт, предводитель нечистой силы.

У сатаны в коленях [говорят о самоубийцах]. Кто повесится, так скажут: «Ушёл сатане в когти».

СГЛАЗ — вредоносное магическое воздействие «злым» глазом на человека и его хозяйство, вызывающее болезни, разлад в семейных отношениях, неурожай, неудачи в делах, расстройство хозяйства, в тяжелых случаях — смерть людей и падеж скота. Способность причинять вред своим взглядом приписывается ведьмам, колдунам, а также людям, которые обладают «злым глазом» невольно, по стечению обстоятельств.

Один мужчина рысий коготь носит на шее. От сглазу, наверное.

Сглаз. Если человек идёт, глядит на вас, про себя что-то подумал плохо, человеку плохо сразу делается. Или даже дома. Обязательно делается плохо. И вот они тогда ложки моят. Свячёной водой опять в церкви. И вот ещё что помогает ребёнку-то, что берут в церкви воду свячёну и этой водичкой поят, омывают, ножки намочат, ручки и тоже несколько раз, не меньше девяти раз. И что-бы крещёный был ребёнок.

СГЛАЗИТЬ (ЗГЛАЗИТЬ) — испортить человека, скот или работу «злым» глазом.

Обычно клали три солёнки, как пойдут куда, так клали три солёнки на язык ребёнку, чтобы ничего не приставало, чтобы не сглазили его.

Роженица не должна бывать перво время на людях. Сглазят. У неё и всё болит, кости болят. Раньше оберегали роженицу.

[Бывает ли, что у коровы пропадет молоко?] Бывает, это редко бывает, что сглазят, есть такой глаз. Или ты погонишь [корову], может какая встреча, недобрый глазом поглядит... Всякий народ бывает.

СДЕЛАНО (безл.) — о результатах порчи, нанесении магического вреда.

Когдѣ брали, так у людей у простых, у ехѣтных не брали. Те той поддѣлают. Есть такіе ехѣтные, дак они глянут глазами, так трава повенет. А кто простой, дак возьмѣт, благословесь поведѣт, хозяйка сзѣди: «Подѣ, матушка, с бѣгом, подѣ, пошла, в гостѣх была, пошла домѣй, в гостѣх была — пошла домѣй». А другая продаѣт, а дѣмат, шѣбы корѣва..., у нас одна продаѣт, корѣва с поскѣотины идѣт, кто купил, с теми не идѣт, а идѣт к старѣй хозяйке. Вот как сдѣлано было. Ну так чѣ-то пошѣшала [старая хозяйка], она перестала ходить.

СИЛА — то же, что **Нечѣстая сила**.

[Не говорили ли что ночью кто-нибудь прѣдет за хозяйку?] — Если пойдѣшь благословѣсь, дак кто прѣидет в мой дом ткать ли, цѣво дѣлать. А ведь уж как другѣе пойдѣт, да вот так, сяк ругѣются, матерѣцца, так мѣжет приттѣ хоть кто сдѣлать цѣго. Это такѣя сила есть, видѣмо. Ведь ѣсли пойдѣшь да всѣ по-настоясчему, так кто прѣидет? А если сѣдни мать-перемѣт, да да другѣй день такѣе опѣт, ну дак и прѣидет.

СКОВОРОДНИЦА — мифологический персонаж-устрашителъ в виде женщины со сковородѣй в руках, которым пугали детей, что-бы они не ходили на поле во время созреваия ржи или гороха.

Не ходѣте, там сковорѣдница во рже или в горѣхе. Так пугали маленьких, чтобы горох не воровѣли. Как Баба-яга — только со сковородѣй и сковорѣдником бѣгает.

Не ходѣте, нельзя, там — бѣка, или что-нибудь такѣе. В рекѣ — там русѣлка сидѣт. Русѣлка, не ходѣте. [В огород] не ходѣте. Там кто-нибудь сидѣт. Сковорѣдница. Там сковорѣдница сидѣт. [Кто это?] Старѣуха такѣя со сковорѣдом. Со сковорѣдой или с ухвѣтом. Так говорѣм, что не ходѣте — там сковорѣдница. Вот они [дети] и хѣдят. А нѣнь никто не ходѣт. Сковорѣдницы нѣнь хѣдят такѣе.

Сковорѣдница — это рѣньше там ходѣли, горѣх сѣяли, во рже там колоскѣв чѣво-то класть. [Детей пугали]: Ты пойдѣ, там тебѣя сковорѣдница...

Горѣх-от когдѣ поспѣет, бѣгали дѣти-то все щипѣть-то, всѣ обмѣнвали, что бежѣте, там сковорѣдница. Сковорѣдница догѣнит, сковорѣдником отлѣпит. В горѣхе есть сковорѣдница.

СЛОВА — заговоры, словесные магические тексты, употребляемые как во благо человека, так и во вред.

Со словами — то же, что **Бѣбка**.

У нас вот не одна старѣушка была, но все померли. Знѣли онѣ хорошѣ, онѣ со словами. Вот как... пуп стрѣнишь. Бывѣет такѣя

болѣзнь. Это... если случится, то врачѹ ничего не сдѣлать, а бабушки эти *знали*. Она со слова́ми так она ножница́ми вот спи́ну, а вот тра́вок у нас ника́ких не́ было.

СНЯТЬ ПОРЧУ — уничтожить магическими средствами вредоносные последствия порчи. Пример см. в ст. **Нашептывать**.

СПУСТИТЬ ПО ВѢТРУ — способ передачи магической силы с вредоносными или положительными целями путем чтения заговоров на ветер.

[Цыпино] Есть такіе, *ладят* стару́хи. [А как ладят,] кто их знаёт. [Слова́] они их не скажут. Две коровы пропа́ло. А пото́м мы разгово́рились с племя́нницей в го́роде, она говори́т: в Лѣкшимае есть старушка, она хорошо *ладит*. Ну мы с ней и пошли́, к этой стару́шке. Она мне и говори́т: «Зна́ешь что, Яковлевна, я тебе ничего не скажу́, ты то́лько хозяйке скажи́, пускай она по́ложит по 20 коп. в хлев, в ка́ждый угол. А слов я тебе не скажу. Я спущу по ветру, слова́ придут к ним». Я пришл́а и сказа́ла Шу́ре, она это сдѣлала. Потом они взяли в колхо́зе. Овцы пропадали, коровы пропадали — кто-то *портит*.

СТАРУ́ХА — то же, что **Бабка**.

Мальши как плачут, приглаша́ли старух. Старухи *помо́лят*, и не так плачут. Водой с углей окатят [маленьких детей].

СТАРУ́ШКА — то же, что **Ба́бка**.

Дети маленькие ро́дятся, да не заспят, режут и режут, плохо спят. Пойдут старушку и́скать. Стару́шка придет, че́-то поше́пчет на растительное масло. У пѣчки стои́т, чего-то *поша́птывает* [сплевывает], а потом этим ма́слом ма́зали ребѣнка. Или на свѣклу, на свѣкольный сок... А если слова́ не подойду́т, так ребѣнок ещё ббольше реви́т. Тут скорее мыть ёго и опять пойду́т друго́ю стару́шку искать. [А слова могут не подойти?] — Да, слова́ могут не подойти. Мо́гут *по-кро́ви*. Кровь не такая. Если и бѣлому ребѣнку — так надо и бѣлую женщину, а е́сли те́мный, че́рный ребѣнок, то те́мную же́нщину.

Ходили́ даже стару́шки ещё и в баню, мыли детей. Придет вот, набѣт ребѣнка в бане, больше по́ три раза всё ходили́.

СТАТЬЯ́ — то же, что **Отпуск**. Пример см. ст. **Пра́ведный лесной**.

ХОДИ́ТЬ — о покойнике, приходящем по ночам домой.

До сорокового́ дня, говори́т, ходи́т до́мой [покойник], а если после сорокового́ дня это уже дя́вол ходи́т, ну а ббраз его [покой-

ника]. Я вот и в вóлости слыхала, вот одна жéнщина скáзывала — к ней, да потóм она его оста́вила. Он порешít, ну задúшит и всё. Это стра́шное дело, это нечиста́я síла. Не сам же покóйник хóдит, покóйник никогдá не хóдит, это не нáдо пускáть.

Ну, раньше говорíли, душá шесть недéль хóдит. Где умерлá, тут и хóдит. [Видеть ее можно?] А не знáю. У нас одна в Запóлье, у неё умерлá, а она́ тóже всё плакала, так плакала, так ей приходíло. Ну, что, она, говорит, придёт, так меня не трóнет. У меня хозя́ин тожо приходíл колько раз [умерший муж]. А двирí открёт, похóдит, похóдит, а потóм пропадёт. Онí хóдят до шестí недíль. Шесть недíль пройдёт, сóрок-то дён помя́нут, они бóльше не прíдут. До сорокá дён онí хóдят.

[д. Мурхово] Чтóбы тебе лёгче было, чтóбы покóйник тебе не снíлся íли к тебе не приходíл, до сороковóго дня ста́вишь рjóмочку с вóдкой пóсле покóйника, вот как тóлько схорóнишь, помíнки-то начnúтся, на стол поста́вишь рjóмку, хлéбушка кусóчек: «Придí пей-ешь, такóй-то по íмени, приходí пей-ёшь, а меня не беспоко́й». И до сороковóго дня ésta рjóмка сто́ит. Не налива́ют, не добавля́ют, и кусóк хлéба. Это обяза́тельно дéлают, чтóбы не пугáл. Он до сороковóго дня, у него́, говоря́т, душá летáет.

ХОЗЯ́ИН — общее название мифологических персонажей, покровителей определенных локусов (дома, гумна, леса, водоема), чаще всего **домовóго** или **лесно́го**.

[Цыпино] В по́ле? Мóжет быть, общий хозя́ин есть. В лесу́ есть. Не знáю про полевóго. Пострóйки есть хозя́ин. В любóй, в кáждой пострóйке свой хозя́ин.

Хозя́ин — название домового:

[Хозя́ин есть в каждом дворе]:

[В каждом дворе] свой хозя́ин. Домовóй или дворовóй, кто как говорíт, [в Тихманьге называли] — домовóй. Кто — домовóй, кто — дворовóй, кто по-просту — хозя́ином. Никто не ви́дал, какóй хозя́ин. [Клали ли домовому угощение на праздники] — Не знáю, у нас не прíято. И от ма́мы не слышала, чтóбы яна́ чё дéлала. [Домовóй помога́ет скоту́?] Он помога́ет. Не помога́ет, а, видимо, не мешáет, когдá животíна пьёт и ест.

[Хозя́ину сообщают о прибавлении в семействе]:

Бабушка éтим дéлом заведовала. Стáрша хозяйка считáлась раньше в семье. Вот она́ тут и хозя́ину всё говорíла про ёто. Что в семье вот родíлся. [Чтобы] полюбíл и помóг. Семéйка прíбыла.

[Хозяин заплетает лошадям гриву]:

Бывáли, я слыхáла, кто у коней гриву заплетáет хозяин. Это хорошó.

[Хозяину отдавали скотину под покровительство]:

[Д. Цыпино] Когда скотину выпускали, бабушка ходила с икóной, Бога просила. Она всегда одна ходила. И во дворе был хозяин над скотом, и она просила, чтобы скотину всё лето он хранил и берёг. Раньше зверей-то было: шо волков, шо хозяин охранял дом и скотину. Для него шоб добрó делали.

[Хозяин предсказывает будущее]:

[Мурхово] Есть хозяин. Я верю этому и видала. Они *вести придают*. А вот если пускай помрёт, бывáет, что там ну в нóвый дом переходишь ли, ну вот, напริมёр, мы переходили тоже вот. Это было всё с мамой мы жили, вот надо нам переходить в нóвый дом. Ну не то что нóвый, а купили дом. Стáрый дом-то. Нам переходить надо. Ну вот. И она вот ходила туда на три нóчи. Хозяина стáрого вот из дóма этóго выгоняла, потóм своего переводила. И вот она пó три то нóчи туда ходила в 12 часóв, а ўтром пришла, а этó хозяин-то — он всяко превратится — он и в собаку, он и в кошку, он в звиря, он всякой. Как и человек бóдет, тóлько что в такой одéжде, как хозяин ходил этóго дóма [который там раньше жил]. Ну вот. Мама пришла, с лéстницы пóд гору спустилась, а вот из кормушки — этó лéтом корóва во дворе стоит, так кормушка — он из кормушки как волк, как волк сёрый, встал — и в подворóтку. Значит, он показáлся, что он ушёл. Вот так ворóта и ушёл. Значит, он показáлся. Это наявó было.

Ну а я видала, не то что видала, вот было пéред тётушкой. Тётушка умерла тут, вот в дом-то надо переходить, тóже весть подавало, тётушка умерла, так мне тóже прощáло, и он дáже привалился, хозяин, к бóку, такой мохнатый. Он во всякому, знáешь... Он прямо на кровáть пришёл. Ко мне, а тётушка умерла. Я егó не видела в глазá, а рукой пощúpала. Тó, что я слышала — этó шóрох был в кровáти, а потом он дáже вот так [показывает рукой на бок] захватил меня, он вот так подошёл и за спину ко мне лёг. Одна была в дóме-то. А я потóм стáла молитвы творить, он исчез.

[Хозяина вызывают, чтобы узнать будущее]:

[Цыпино] У нас вот в этóй деревне была старушка, ну тогда она ещё не старушка была. Говорят, мýжа у неё не было дóма, трóе детей, так вот ни слýху, ни дýху ничегó не было, а узнать-то охóта, жéнщина есть жéнщина, с дитя́ми. Схóдит во двор к хозяину, схóдит — как всё зашевелится, вскóчит и убежит. Ей страшно. Раз убежала — он открыл дверь в квартiру — ну, она говорит, я не видела,

кто. И сказа́л: «Сча́стлива, что ме́жду дете́й легла́ спать, я бы тебе́ показа́л, как меня́ вызыва́ть». Так, она говори́т, я ду́мала, что меня парализу́ет. Хозя́ина вызыва́ть не так прѳосто.

[Хозя́ин наказывае́т мужика́ за наруше́ние запре́тов]:

У нас один в Запо́льи [входит в деревню́ Лѳкшма] вон то́же мужи́к то́же пришѳёл лошаде́й пои́ть, да одну́ вы́матюгал, дак хозя́ин его́ вы́хлестал, что глаз вы́хлестал, что был криво́й век сво́й.

У меня́ хозя́ин [муж] на ло́шади робѳтал, да у него́ това́рищ на ло́шади робѳтал. У хозя́ина [мужа] ноце́вали. Так приходи́т-ко — ло́шадь стои́т, да коса́ заплетена́. А друго́й това́рищ приходи́т, у того́ под е́сли ло́шадь запи́хана. Ну, мы верну́лись в и́збу, хозя́ину говори́м: «Цо́го говори́ли, когда́ пои́ли?» А он про сосе́да говори́т: «Мату́шки, шут с тобо́й, как не пьѳешь». А я говори́т: «Пей, пей, пи́ть на́доть, а не вы́пьешь, так ва́лись с Бо́гом, отды́хай». Так ево́нна ло́шадь — гри́ва росце́сана, коса́ заплетѳена, а у того́ под е́сли запи́хана. Вот во дво́ре заце́м мату́шку сказа́л? А он тако́й [муж] у меня́ был не матюгли́вый, он всё с хорѳшими слова́ми хо́дил. И ло́шадь хороша́. А ту запи́хали, запи́хали, ну, хозя́ин запи́хал ей. А у него́ [ло́шадь мужа́] росчеса́л, ко́су заплѳл и краса́на ле́нтоцка [в гриве́].

[Хозя́ина перево́дят в но́вый дом]:

Мы [з] до́му пошлѳи и корѳву пове́ли вме́сте ве́чером. Корѳву вво́дят в но́вый дом ве́чером. И са́ми к но́чи перехо́дят. Так заведе́но. Они [ста́рые хозя́ева] уѳехали то́же под ве́чор, и я и попроси́ла хозя́ина, что: «Ты уж освободи́ нам дом, помещѳение. Хозя́ева тво́и уѳехали, и ты с Бо́гом уезжай!» [Перезывае́т хозя́йка до́мового из ста́рого до́ма в но́вый]: «Ба́тюшко-хозя́юшко, ма́тушка-хозя́юшка, ма́лые дете́шки! Мы пошлѳи, и вы пойдѳмте с нами!» [Если у хозя́ев нет дете́й], то у них [до́мовых] не́ту дете́й то́же. А е́сли у вас е́сть робѳнок, [то надо́ звать до́мовых с их дете́ми].

Перехо́дишь [в но́вую и́збу], так прѳсятся то́же, а хозя́ина прѳсишь. Я перехо́дила, так попроси́ла, скоти́нку привела́, так благо́словя́сь зашла́ о́коло столба́ корѳвушку три ра́за провела́ и у хозя́ина попроси́лася: «Ба́тюшко-хозя́йнушко, пришлѳа́ я со скоти́нкой, люби́ нас и люби́ мою́ скоти́нку. Гла́дь, что́бы была́ она́ сыта́ и гла́денька». Хозя́ева гла́дят скоти́ну. А ни попроси́ши, так ху́до. Я своѳо́ хозя́ина вы́звала, сю́да перевела́, здесь и проси́лася: «Ба́тюшко-хозя́йнушко, ма́тушка-хозя́йнушка, я перехо́жу в но́вый до́м, вот в такую́-то дере́вню. Так вы уж меня́ поддержи́те во всех дела́х». Пришлѳа́, так попроси́ласи. Три ра́за взяла́ корѳву круг столба́ обвела́. [А у хозя́ина е́ще хозя́юшка е́сть?] — А как же. Хозя́юшка.

[Паук — хозяин дома]:

[Манылово] Пауков, говорiли, нельзя убивать. [Почему?] Тоже как-то связано с хозяином. Тоже как-то дом охраняют. Свёсится над головой паук перед лицом — известие какое-нибудь принесёт.

Хозяин гумна:

Один ходил всё; кожу возьмёт да пойдёт обцертиться в гумне. Пришёл наконец-то: «Сергунька, я завтра пойду слушать». «Подй, подй, — говорит, — потом скажешь, чего тебе там прищодитсе». Он кожу-то обцёртил, а хвоста-то не обцёртил. За хвост хозяин-от взял да ево по гумну-то и давай волощить. «Хорошо, говорит, я не слетёл с кожи-то. А так бы слетёл, дак он меня бы мог задавить». Онй ведь нецйста сила. Пришёл поутру-то опеть: «Сергунька, ...я бы не забыл хвоста-то обцертить, дак меня бы не волощило. Мне бы цевó там пощóлося — и всё бы. Сказало бы. В гумне-то всё и кружило меня. А я, — говорит, — только держусь, чтобы не слитить».

ХОЗЯИН-БАТЮШКА НЕВИДИМУШКА — обращение к дворовому в заговоре.

[Когда выгоняли скот, обращались к дворовому:]

*Хозяин-батюшка, невидимушка и
Хозяюшка-матушка, невидимушка,
Я вам корюсь, молюсь и прошу вас.
Выпускаю я свою коровушку (там по кличке),
Стерегите и берегите,
На поскотинку водите,
Пойте, кормите
И с поскотинки водите,
Спасите и сохраните
От лесу тёмново
От зверя цёрново,
От девки пустоволбсой,
От мужика троезубово.*

ХОЗЯИН-БАТЮШКА(О) — то же, что Домовой.

По хлеву и в дóме хозяин и хозяюшка. Хозяин-батюшка и хозяюшка-матушка.

Я вот жила-то вот там, там у меня позёмочка [зимовка] была, а сюда перешла, дак мне вот эта Мариюшка сказала, што подй да сходи во двор и скажи, што «Хозяин-батюшко да хозяюшка-матушка, я пошла и вы пойдёте со мной». А коровушку, говорит, дак по три дня встретить у колóдца и всё, она́ будёт ходить. Как только до колóттца она́ доходит и уматит [мычит], а я встритю и придёт домой.

ХОЗЯ́ИН БОЛО́ТА — мифологический персонаж, покровитель болота.

Как идёшь в болото, да говоришь: «Хозяин болота, помоги мне, Господи, насобирать там ягод». Идёшь и всегда благополучно пройдёт.

ХОЗЯ́ИН ДВОРОВО́Й — то же, что Дворовой.

В лесу — лесной, в воде, в озёрах — водяной, а во дворе — хозяин дворовой, скотину бережёт. А в поле нету.

ХОЗЯ́ИН ДОМОВО́Й — то же, что Домовой.

Надо не оставлять безо всякого приберегу прялку-ту. Клади, дак по хорошему дома-то, как спать ложися, дак повали да: «Хозяюшко домовой, не трогай моей прялочки, пусть она тут лежит». Нать веретёшко убрать, шобы не попрял хозяин домовой. А то дак говорят: оставишь веретёшко да на веретне ещё пряжи немножко, дак он всё слижет, — говорят.

ХОЗЯ́ЙНУШКО-БА́ТЮШКО ДОМОВО́Й — название домового при обращении к нему в заговоре.

Как заходите да приезжаете, говорите:

Хозяйнушко-батьюшко домовой,

Хозяюшка приехала,

Будем жить вместе.

Вот так проговорите. Господи благослови. И хорошо. Хозяйнушко не тревожит и не пугает меня никто.

ХОЗЯ́ЮШКА[О] — название лешего при обращении к нему.

Например, я один раз пошла за ягодами — болото большое, страшно было, я думаю: как бы не заблудиться, ягод ничево нет, я говорю: «Хозяюшка[о], помоги мне ягод найти, не заблудиться». И вот попала, такая поляна, одни ягоды, буквально в какой-то час куда все ягоды исчезли? Насобирала корзинку. Так страшно было, а потом как солнышко выглянуло — и ягоды и всё. Всегда тоже надо какое-то обращение делать. Если даже ты и вслух не произносишь, всё равно в уме произносишь. Закрёт [ягоды], и всё [если не попросить лесного].

ХОЗЯ́ЮШКА ДОМОВА́Я — название жены домового при обращении к ней.

Как спать ложися, надоть не оставлять безо всякого приберегу прялку-то, к ночи говорила: «Хозяюшка домовая, не трогай моей прялочки. Пусть она тут лежит». Надоть ещё веретёшка убрать —

чтобы не попрял. А то так бывало, оставишь веретёшко да пряжи немножко, он всё сліжет, говорят.

ХОЗЯЮШКА-МАТУШКА НЕВИДИМУШКА — обращение к жене дворового в заговоре (см.: *Хозяин-батюшка невидимушка*).

ХОЗЯЮШКО-БАТЮШКО (ХОЗЯЮШКА БАТЮШКА) — обращение к домовому в заговоре.

[Зовут ли хозяина в новый дом?] Зовут, [говорят]:

Хозяюшко-батюшко,

Хозяюшка-матушка,

Пошла в нбый дом,

Пойдёйте и вы с нами.

Было такое, что из старого дома переходит хозяин в новый дом, так он заходит во хлев, кланяется во все четыре угла, приглашает хозяина: «Хозяин-батюшка, хозяюшка-матушка, пойдёте с нами. Приходят в новый дом и опять заходят во двор, в хлев и опять так же хозяин уже придёт: «Хозяюшка батюшка, хозяюшка матушка, любі скотинку пой, кормі». Таке были приговорки. [Что будет, если хозяина не перезвать?] — Не знаю, такого не бывало.

[Зазывали ли домового в новый дом?] Кто как: «Хозяюшка-батюшка, перейди к нам, да служі, чтоб было всё хорошо». А когда скотину переводят: «Хозяюшка-батюшка, пой и кормі мою животи́ну».

ХОЗЯЮШКО-ДОВОМОЙ — название домового при обращении к нему.

Я как приезжаю домой, первая захожу: «Хозяюшко-домовой, хозяюшка приехала. Будем жить вместе. Господи благослави». Три разá так проговоришь, чтобы никто ничего не знал, между собой так вот. Под полом картошка лежит — всё сохранно, кур никогда никто не таскал, не морил. [Что может случиться, если не уважать домового?] Покажется страшное что-нибудь, почудится. Либо крысы, говорят, а то подушки дома раскиданы.

ХОЗЯЮШКО ДОМОМОЙ — название домового при обращении к нему в заговорах.

Надо не оставлять безо всяково приберегу прялку-ту. Клади, дак по хорошему дома-то, как спать ложися, дак повали да: «Хозяюшко домовой, не трогай моей прялочки, пусть она тут лежит». Нать веретёшко убрать, шобы не попрял хозяин домовой. А то дак говорят: оставишь веретёшко да на веретне ещё пряжи немножко, дак он всё сліжет, — говорят.

ЧЕРНОКНИЖНИК — мифологический персонаж с неясной этиологией, живущий триста лет и поедаящий людей и животных.

Ноне ведь нету этих чернокнижников, раньше были будто бы, такие, они триста лет жили, оне не колдуньи, оне чернокнижники. Там один бежал чернокнижник за ней, бросила она лошадь. Он пока ел, да эта уж всяка неправда, что лошадь съел и ей догнал и потом пал там, скукарекал петух, там под Верховьем, он пал и тут и умер. Могут и людей съест. Надо их избегать. [Как узнать чернокнижника?] Так в деревне ж как не знать, что он жил долго, ведь как не знать. [А может это леший был?] — Леший лешем.

Тут вот там у нас Горбатка, так от старых людей я слышала, что бежал чернокнижник, а петух скукорекал, а ён и упал, упал и, говорят, на том месте крест стоял, долго крест стоял. Крест был поставлен. Старик крест обновляли. Чернокнижники, они тоже как нечиста сила. Никто их тоже не видал.

ЧЕРТ (ЦЕРТ) — нечистая сила, олицетворяющая абсолютное зло и упоминаемая в формулах святочных гаданий.

Вот сковородником чертились. Так нас пять человек; надо обязательно лишнего человека, четверо — ровно, надо лишнего. Она ходит кругом: «Чёрта — поцёрту, в чёрта — ни чёрта, позади черта — все чёрти, а чёрту в чёрту чтобы не попасть». А мы сидим спинами, глаза закроем. [Слушать надо.] Хоть в любой день ходи слушать все Святки.

[Гадали перед Новым годом и Рождеством.] Ворожили — да. Девушки да парни вместе ходили слушать. Перед Новым годом, перед Рождеством. Соберется несколько человек в деревне молодёжи. И пойдут в поле, где три дороги расходятся, на ростани. Встанут, оцертят кругом, там со словами: «Цёрти-поцёрти, по-закругу три цёрта, в кругу ни цёрта»... Ещё там что-то было. Вот стоят и слушают: откуда кому чего послышится: кому колокольчик забрякает, кто там лошадь услышит, или кто-то там песни поёт или ругается или ещё чё. А потом уже между собой рассуждают: Я вот это слышала, я вот это. Колокольчики — значит замуж...

ЧУДИТСЯ (безл.) — о воздействии нечистой силы на человека: мерещиться, казаться, видеться.

Все Святки ещё пока воду не освятят до Крещенья, так всю чудится. Потом принесут святую воду, да напрыскают: «Святая вода выше хором» и в коридоре, и в сарае... У нас сделают такую солоненную щёточку да в святой воде купают, да напрыщут — чтоб больше ничего, всё ушло.

ШЕПТАТЬ — воздействовать на человека и окружающий мир в магических целях с помощью заговоров для излечения от порчи или насылания ее, установления контактов с нечистой силой, передачи магического знания и т. д.

Дети маленькие рóдятся, да не заспят, ревут и ревут, плохо спят. Пойдут старушку йскать. Старушка придет, че-то пошэпчет на растительное масло. У пэчки стоит, чего-то пошэптывает [сплевывает], а потом этим маслом мазали ребэнка. Или на свёклу, на свёкольный сок... А если слова не подойдут, так ребэнок ещё бóльше ревит. Тут скорéе мыть ёго и опя́ть пойдут другую старушку искать. [А слова могут не подойти?] — Да, слова могут не подойти. Могут по-крóви. Крóвь не такая. Если и бéлому ребэнку — так надо и белую женщину, а ёсли тёмный, чёрный ребэнок, то тёмную жéнщину.

Говорят, во дворе свой хозяин есть. Говорят, что в кáждом дóме есть, а там Бог его знайт. Говорят, она-то самá шоптала, говорйла, я вот от баб-то слыхала, у некотóрых мужья —то погйбли, что охóта им [женам] узнать-то, вот она шоптала. [Как шептала?] — Во двор ходйла, во хлев [и хозяин там ей говорил, кто из людей живой, а кто — нет].

[Облегчить смерть пастуху.] Отдáст свой знáния кому-нибудь, мóжно на вéник отдáть. Нашептáл на вéник и всё.

ШОЛЫКУН — мифологический персонаж, появляющийся на святки, которым пугали детей.

Когдý Святки, дéвки предут, [им] говорят: «Предите, предите, вон мотóвок настáвте». Говорят: «Шолыкун бéгает, мотóвку намотáет». А рáньше шолыкуны бéгали про Святки. Всё говорят: шолыкуны бегают. А я не видáла. Нечйста сйла. А возьмут, дéвки мáленьки, да учатся прéсть-то, дак им возьмут родйтели, стáрши брáтья или сéстры, возьмут, им напредут, намотáют на мотóвки на йхни, смйелися.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КАРПАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В 1987–1998 гг. проводились регулярные экспедиции Института славяноведения Российской академии наук в карпатоукраинские говоры под руководством С. Л. Николаева*. Основной целью этих экспедиций было лингвистическое описание говоров отдельных карпатских сёл; важная часть работы заключалась в записи на магнитофон образцов диалектной речи — текстов, как правило, на «этнолингвистические» темы. Такая тематика определялась как пониманием важности свидетельств по традиционной народной культуре (многие из участников карпатских экспедиций прежде работали по этнолингвистическим программам в Полесье и на Русском Севере), так и тем, что в беседах на такие темы сами носители говора, как правило, придерживаются более традиционного, более архаичного языка, чем, например, при обсуждении современной жизни. Архив карпатской экспедиции, хранящийся в группе славянского глоттогенеза Института славяноведения, располагает богатой коллекцией магнитофонных записей, относящихся к обрядам, верованиям и быту украинцев Прикарпатья и Закарпатья. К сожалению, эти материалы пока остаются неполностью востребованными и используются только в лингвистических работах.

В настоящей публикации представлены образцы текстов, записанные в разные годы в трех закарпатских селах: Брод Иршавского р-на, Синевир Межгорского р-на и Русская Мокрая Тячевского р-на, расположенных на территории закарпатских боржавских говоров («укающий» говор с. Русская Мок-

* Об экспедициях в украинские Карпаты см.: С. П. Бушкевич, С. Л. Николаев, С. М. Толстая. Этнолингвистические экспедиции в украинские Карпаты // *Славяноведение*. 1994, № 3. С. 62–83, а также в статьях С. Л. Николаева в журнале «Славяноведение» (№ 3, 5, 1995; № 1, 4, 1996). Краткое грамматическое описание, словарь и образцы текстов близкого к представленным в настоящей публикации торуньского диалекта см.: С. Л. Николаев, М. Н. Толстая. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001. С 1995 г. исследования карпатских говоров проводились при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 95-06-18702, 96-04-06147, 96-04-18006, 98-04-18006, 01-04-18013); работа по описанию синевирского говора была поддержана фондом «Культурная инициатива».

рая является архаическим боржавским). Расшифровка магнитофонных записей выполнена автором по принятой в карпатских экспедициях системе транскрипции, модифицированной для кириллицы.* Используются следующие условные обозначения: [...] означает пропуск в записи или в расшифровке, .. — «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи; в угловые скобки заключены вопросы, обращенные к информанту, в квадратные — пояснения к тексту. Знаки препинания отражают фразовую интонацию и синтаксическое членение текста.

с. БРОД Иршавского р-на Закарпатской обл.

Ломáга Олена Юрьевна, 1916 г. р. Запись 1988 г. А. В. Тер-Аванесовой и М. Н. Толстой.

«Грубый соколовый камень»

Кáмін' тáм же пуд земл'оw. [...] А тáм же уру́боj¹ соколóвоj² кáмін', такój як цїр'кow, на баун'ї³. [...] соколóвоj кáмін'. Такój уру́боj! Кáмін', тák с'а клич'е, кáмін', соколóвоj кáмін'. (А почему він ся кличе *соколовый*?) Бо в'їн дуже.. тáг бо́ло дáвно шчо камїн'а рослó. А жоуó пак.. заклинáw Бóх, обо́ в'їн не рїс, бо дуже бо́ бо́ло фшїтко кáмін', а зарїс то фшїтко.. [...]. Рóзум'їєте? А жоуó закл'áw Бóх, обо́ в'їн дáле не рїс. А тóт тáм ўрїс⁴, та тепér' тáм.. д'їти, коли идўт' на кў.. тото́.. кур.. é, но́.. — Екскурсију! — Та тудó жих ведўт', та обо́ в'їд'или то́.. тóт кáмін'.

* О знаках фонетической транскрипции см.: Славяноведение, № 3, 1995, с. 107, или в кн.: В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993, с. 330. В настоящей публикации буквы латинского алфавита переведены в соответствующие кириллические (кроме *j, w, i*); сохранены особые буквы для гласных *o, ù, u, í* и согласных *z, ž*; вместо *l* используется *u*, вместо *ŋ* — *u*, вместо *ç, ĺ* — соответственно *ŷ, ÿ*. Буквой *y* обозначается фрикативный, буквой *z* — взрывной согласный. Для облегчения восприятия текстов укажем, что *o* произносится близко к [ы], *u* — близко к [у]. Отметим, что в говорах с. Брод и Синевир приставка *vy-* представлена в виде *y-*.

¹ 'большой'. ² значение неясно. ³ 'верховое болото'. ⁴ 'вырос'.

Ведьмы на сессии; полуночные опасности

[...] на тѣлиц'і¹, ајбо то так'іи идѹт на тѣлиц'і, шчо.. двадѹшникоо. (Як то?) Два дѹхоо маѡвут', так'і.. жоноо. Ото на тѣлиц'і иде у ноч'и. [...] Но, бо она так маје ходіти, о такооу два дѹхоо маје. [...] Босоркан'а², та на тѹм. [...] Та тко знаје јіх. Они там јіх је бѹл'ше, та вони так'і. А моо задар'³ будеме ити, бо моо.. моо не так'і, та ја не.. ја јі не знаѡу. [...] то с'а коли воо тепер' ноч'оо сходите. Но и они с'а сход'ат', ајбо.. [...] недозволено т тоом'⁴ ити.

[...] такоје јак рообник. Знајете тако оо, вода је.. јак рооба унну'⁵ што је. Та они на ото с'а сход'ат', из лопатами⁶. На тото, на озеро, на воду. [Каждая имеет] коч'аруу'⁷ тај лопату. [...] Тоом с'а б'јут'. Та котр'і зберавут'⁸, та уб'јут' нас'м'ир'т'. (Почему они бьются?) Та ѡу них тако је, шчо вони с'а збивавут'. Но а ч'оуоу коли војна је, та б'јут' с'а? Но та и они так, они с'а таг б'јут', та ко'⁹ дѹжоо, та зберује, а тко слабоој та јіх уб'је там, ишч'е п'ѹде дом'ѹ а там умре. [...] котр'і дѹжі, та зберавут', а котр'і слабші, та тоох уб'јут' в'ітром. Та шче пѹдѹт', а даље пак.. (Сколько их?) А, та мнооу јіх је. Та на каждѹм сел'і сѹт' та сход'ат' с'а. (Когда они собираются?) Но, ја не знаѡу, у ноч'и, у дванац'ц'ит' ѹдин идѹт'. (Каждую ночь?) Не кажду, коли на [н'і].. ото.. так ѹи'¹⁰ коли воо мајете тепер' [до] школоо ити, такооу н'н'а, ват'¹¹ м'іс'ац'а такооу мајете ити, цї на.. е, уч'ите с'а, но. Та тепер' воо мајете сесіју, ват' шчоф' такоје. И они, и они ото маѡвут', там сѹт' старші, та они-ми.. комсоо.. уже росказувут', коли ооо они прејшли всі! Так јак коли уч'ител'і! Д'іт'ом вшиткоом [пов'іс'ц'¹² ош'¹³] коли боо воо прејшли. А там је такоој межи ними јак.. д'іт'ом, дирѣктур, а ѡ них такоој је. Та јіх тоѡдоо заклич'е, дас'ц' им такоој прикас, на тоѡдоо обоо с'а зоојшли на ото поле. И они мѹс'ат' ити.. (Где они сходятся?) Та ход' де, ход' де вода је така, де рообна.. Мнооу је такооу. [...] Маје кажда лопату. Та тоом с'а б'јут'. Но та ко дѹжоо — сѹт' и дѹжі межи ними, — но та тооу уб'је так, шо ледвоо'¹⁴ п'ѹде дом'ѹ, а даље умре. [...] Тото лем'¹⁵ тоѡдоо они идѹт' шо на тѣлиц'у сідат', та ош иде. У дванац'ц'ит' ѹдин. [...] Неч'істоој, неч'істоој. [...] Но, тотá спїт', а ч'олоѡ'ік и не бѹде знати, шчо јоуо жона спїт'. А она ѹмертва. Не прејде'¹⁶ пак. [...] А она ѹмертва. Лем ото вже јак дванац'ц'ит' ѹдин мине — они вже на м'істах! Они лем точ'но у дванац'ц'ит' ѹдин там. А [они] приход'ат' ѹт. У дванац'ц'ат'іѹ ѹдин'і прејдут' ѹт. Та у нас так је, шчо ѹ дванац'ц'ит' ѹо-

¹ 'трепалка для конопли' (лл < рл). ² 'ведьма'. ³ 'напрасно, без толку'.
⁴ 'к тем'. ⁵ 'внутри'. ⁶ 'хлебная лопата'. ⁷ 'лопатка для выгребания золь'.
⁸ 'побеждают'. ⁹ = тко 'кто'. ¹⁰ 'как (сравнит.)'. ¹¹ 'или'. ¹² 'скажет'. ¹³ = ож
'что'. ¹⁴ 'едва'. ¹⁵ 'лишь, только'. ¹⁶ 'не придет' (ѣј < ѹј).

дин ниткó с'а не рúшат'¹, дéз' де је на.. у ýóс'ц'ах, wat' шчó. Лем јák минé двана́ц'ц'ит', тоудó мóш ужé итí. Бо о́на напа́де на пу́тí хóд' дé. [...] Тák, шчо ў́де² на н'ý ч'òлòw'ík, та заимíт'³, та заманé, тák шчо вóо с'а.. јáг бóо с'а напи́w, вóо с'а не рòзум'íжете. Та она́ поведé хóд' дé ў хáш'ч'у⁴. Wat' ч'òлòw'ík поведé, у хáш'ч'у, шчо заблудíт', óв'úн неýóден⁵ при́тí дòм'ú до дрúгоýо н'н'á⁶! Јák с'а прòч'ýн'ат'⁷, óж дé óв'úн је, а óв'úн у л'íсý! А јák óв'úн тáм при́шòw, дúмат'? Кудóо? Бò óв'úн нíч' не знáје, кудóо жоýо тó поведé. [...] Нó, та нíч'! Трéба тоудóо колí жоýо тák заманé, обóо с'а не рòзум'íw, нáј⁸ сíдат', а нáј с'а мóлит'. Такá је молíтва, што нáј с'а мóлит' «Помíлуј н'а Бóже». А нáј нигдé не јдé з м'íста. А отó жоýо прíждé, отóо минúтòо прíждút', и в'úн ýóден итí тоудóо дòм'ú.

[...] заманúло. Пíшла у нòч'í, та отó јá на отó w'úшла, а јá неýóнна трафíтí⁹ пúд' дòм'ú. Но шчó јá робíтí, јá неýóнна тák. Не знáwу! Не знáwу кудóо итí! Ја тоудóо сíла, áбò ужé менé заман.. забíло у тернóвóој кóрч'¹⁰. А јá неýóнна ўттíт' ў́тí¹¹, а јá ужé в'í-д'íла óж б'íдá, а јá тоудóо тáм сíла, обóо отóо минúтòо w'úшли, та мóл'у с'а, у кóрч'í мóл'у с'а. Рáс мeн'í с'а.. јá прòw'íд'íла, кудóо мeн'í итí трéба, óж дòм'ú. Нó? Јák то бóоло? Тák јá [завнáжила]¹², бò у двана́ц'ц'ид' ýóдин-им бóола ўрушила с'а тák ис тоóý ýúр. С'у-дóо. А јá неýó.. јá не знáла прeјтí дòм'ú. Нó. Тúј у свòјúм сeл'í јá не знáла прeјтí дòм'ú. А тóч'но бóоло двана́ц'ц'ид' ýóдин. Нó, а тáм бóоло.. убíли бóоли јeннóоу хлòп'ц'а, такó ужé двáц'ц'ит' в'úс'им рòкú мáw. Та убíли ýо, та отó менé шчòс' тáм заманúло, бò в'úн тáм.. [...] А јá пак, јák јá сíд'íла тáм у тúм кóрч'í, — а бóоw тернó-вóој такóој, шчó јá неýóнна бóола пак ў́тí ўттíт', — и јá прòw'íд'íла нáрас¹³, јák минúло двана́ц'ц'ид' ýóдин, и јá прòw'íд'íла кудóо итí дòм[òw]. Тák јá при́шла ў нòч'í дòм[òw].

[...] Отó в'úн тáм, жоýо ўбíли, та óв'úн тák ходíw. [...] Јá ýо не в'íд'íла, лем óв'úн ужé тák ходíт', шчó заманé тáм. Кeд'¹⁴ на тóтò м'íсто п'úтí¹⁵. Знáјете, дé жоýо убíло. [...] Óв'úн заманúw, тák шчó јá не знáла пúт' најтí сòб'í w сeлó! [...] ..шòw дeс'. А јá на отó ў-шла, а самá-м ишла, кeд' бóо бóоли двòје ишли, та нíз' бóо бóоло не бóоло¹⁶, а јá самá ишла. [...] Áжно¹⁷! Бò в'úн.. жоýо ўбíли, в'úн не мáw умерáтí, а жоýо ўбíли, ўстр'íлили. Та жоýо за отó.. [...] Áжно! Óв'úн тák шчó пúжaw. [...] Отó тíл'кò, дòтíд' óв'úн бдé ходíтí, дòкíд' жòмý бóола суд'бá жíтí. А ужé јак жòмý бóола суд'бá, дò-кíд' бóо бóоw жíw, та ужé бóо бóоли жоýо.. óв'úн тоудóо не ходíт'.

¹ 'не двигается'. ² 'выйдет'. ³ 'поймает'. ⁴ 'в лес'. ⁵ 'не может'. ⁶ 'дня' (н'н' < дн'). ⁷ 'очнется'. ⁸ 'пусть'. ⁹ 'отыскать'. ¹⁰ 'куст'. ¹¹ 'оттуда выйти'. ¹² значение неясно. ¹³ 'сразу'. ¹⁴ 'если'. ¹⁵ 'пойти'. ¹⁶ 'ничего бы не было'. ¹⁷ 'да'.

Ведьма в виде колеса

У ноч'ї чолѡв'їк вартовáw¹, у хл'їв'ї. Ош тко будé жоуó молоко бра́ти. Та довартовáw. А жонá при́шла. А́бо то така́ бо́ла жонá, шо́ вна́ зроби́ла с'а го́лесом², як на вѡз'ї. А ѡв'ї́н ими́w та заби́w ошви́ло³ у то́то го́лесо, про́вд'їw мѡтузо́к⁴ та зав'їсиw на геренду́ — хот'їw в'їд'їти, шчо́ ра́но⁵ с то́уо будé, с то́уо го́леса. Она́ на тї́м го́лес'ї при́шла. А ѡв'ї́н при́шо́w ра́но ў хл'їв'ї, а она́.. зав'їшена, го́леса ни́е, а́ она́ зав'їсена⁶ та́м. Жонá, дру́га. Ѳв'ї́н вартовáw, шчо́ будé та́м с ї́м.. но́. [...] на го́лес'ї тї́м. А ѡв'ї́н ско́ро го́лесо, та́м је́ го́лесо — про́вд'їго́е, што́ тре́ба.. [...] искла́довати в'ї́с. А ѡв'ї́н зад'їw мѡтус, та зажа́w на геренду́⁷ ото́ го́лесо — ош што́ будé ра́но там, ци́ будé го́лесо на ра́но сто́я́ти. При́де у хл'їв'ї — а та́м жонá ви́сит'. Јѡму́ бо́ло не слѡ́б'їдно⁸ то́то.. она́ обо́ бо́ла п'ї́шла. [...] у п'ї́вноч'ї, у ноч'ї. У ноч'ї, а́бо и в'ї́н уме́р ско́ро. И в'ї́н уме́р, жоуó паг дру́г'ї заулу́шили. То́ не тре́ба ко́вати⁹.

Загробные столы

Уме́лла¹⁰.. бо́ла попа́д'а, зна́ете, по́пова жонá. А она́.. слў́жни-ца у не́ї бо́ла. Та ка́зала та́к, обо́ ни́ч' не да́вала.. да́вно бї́д'н'ї хо́дили, так'ї, но́, ко́вдо́шї¹¹. Обо́ им да́шчо да́ти. А она́ ка́зала, шобо́ ни́ч' не да́вала, ко́ при́де јако́ј б'ї́дно́ј, а́ ото́ нај да́с'ц'.. нај у́л'л'е¹² сви́нам ото́, шчо́ вна́ ма́је жо́му да́ти. А она́ уме́лла, мо́лодá уме́лла. А отá слў́жни-ца та́к, коли́ она́ не в'ї́д'їла, та при́де б'ї́нно́ј до хо́жі, а она́ хот' шчо́, хл'ї́ба, ци́ солони́но¹³, хот' шчо́ то́му да́с'ц'. «Та́ ї́ди ў́ет»¹⁴, ка́же. Но́, та она́ уме́лла, слў́жни-ца и́де сви́н'ї по́їти, ко́рѡву до́їти, бо́ ка.. газдо́н'а, газ-дї́вство¹⁵ бо́ло. А она́ п'је.. на валѡ́ви¹⁶ сви́н'а. Бо́ она́ ка́зала, обо́ не́ б'ї́нно́му да́ти, а обо́ да́ти сви́нам ото́. Она́ п'је́, сви́н'а, ис сви́н'ами на валѡ́ви. А она́ им с'а ви́дит'. Она́ не.. ли́шат', она́ не хо́ч'е та́м бо́ти. При́шли с це́ркве, ку́раторо́, зна́ете, шчо́ коло.. у це́ркве, шчо́ у́же так'ї ма́.. д'а́ко, шчо́ мо́л'ат' с'а та́м. «Но́ та по́ї¹⁷ из на́ми, а ну́, ци́ мо́о будеме́ в'ї́д'їти». — Онї́ ни́ч' не в'ї́д'ї-ли. Тотá ка́же: «А́, ў́нде¹⁸ п'је́». Она́ в'ї́д'їла, а ото́ не в'ї́д'їли, дру́г'ї. — «Но́ та к'ѡ́т' ви́диш, то́ ка́жї, ош шчо́ она́ хо́ч'е. Шчо́ она́ хо́дит'? Не б'ї́ј с'а ни́ч', мо́о тў́жко, то́о з'в'їда́ј¹⁹, ош шчо́ она́ хо́ч'е, к'ѡ́т' то́о ју́ ви́диш — а мо́о не ви́дїме, мо́о бо́о з'в'їдали, а мо́о не ви́дїме». А она́ ка́же то́удо́ ош.. «Во́о што́ хо́дите?» — «Јѡ́, ка́же, да́ј мен'ї́ де́с'ату́ ч'а́с'ц' ис то́уо, што́ то́о ма́јеш» — е́,

¹ 'сторожил'. ² 'колесом'. ³ 'вилы'. ⁴ 'веревку'. ⁵ 'утром'. ⁶ sic. ⁷ 'матица, балка'. ⁸ 'нельзя'. ⁹ 'трогать'. ¹⁰ 'умерла' (лл < рл). ¹¹ 'нищие'. ¹² 'выльет'. ¹³ 'сала'. ¹⁴ 'уходи'. ¹⁵ 'хозяйка, хозяйство'. ¹⁶ валї́ 'корыто для свиней'. ¹⁷ 'пойди'. ¹⁸ 'вон там'. ¹⁹ 'спроси'.

она ўжé надавала, та дўже отá ма́је мно́го, слўжниц'а, а она́ нич' не ма́је, бо она́ б'інно́му нигда́ не дала́ нич'. Нигда́ не пришла́ б'ўл'ш. А она́ отá слўжниц'а о́пов'іла¹ «Я́ даўу ўшítкo». А она́ о́пстала² на м'іс'ц'і, та оно́ [онтуудо́] — сама́ бо́ола газдо́н'а, та тко́ пришо́в, та то́му давала́. Нитко́ јіј не роска́зoвав, та ка́жут' ото́ д'акоо: «То́о до́ста нагазду́жеш³ со́б'і. А она́.. а јіј да́ј». Та но́.. «Я́ даўу, ка́же, wшítкo». — Нигда́ не пришла́. Нигда́ јі не бо́оло вítкo⁴ на валóви.

Пришла́, бо она́ нич', она́ умéлла, она́ нич' та́м не ма́ла, јејі уна́ли — «Шчо́ тоо нагаздова́ла? Шчо́ тоо ма́јеш, кeт' тоо нич' не ма́јеш, кeт' тоо б'інно́му нич' не дала́, у тебе́ нич'».. стўл.. у не́јі стўл је, тко́ умрe. А та́м нич' ни́је. А у дру́гоох, шчо́ та́г даўут' б'інно́ом, та та́м столoо пoвн'і, шчо́ да́јетe, ото́ је. Ы́ солоні́на, й хл'іп, [јакóје] зeрно, — шчо́ да́јетe, ото́ та́м ма́јете. А она́ нич' не ма́ла. А јі уна́ли, ош «Шчо́ тоо за жив'ўт⁵ нагаздова́ла? Ци то́о зна́ла, ош то́о при́деш с'удо́? Ош [e] умрe. То́о не думала́, ка́же?» Нí газдў́ство бо́оло [...], ај думати́ бо́оло, ка́же, обо́ то́о ма́ла на тўм св'іт'і, шчо́ то́о тудо́ п'ўдeш, бо та́м на в'ікоо, а тў́јкоо — шчо́ тў́ј? Кудо́ п'ўдe, та тудо́ ўз'мe, та она́ думала́, ош и та́м та́г бўде. Та́м у то́.. ца́рств'і. Та́м је ца́рство, та́к ка́зали да́вно, ко́лі Христoс ході́в по́ земли. Тако́ј ч'oлoв'ік, ја́к ко́лі мо́о. Та напо́менáв л'уді. [...] Та а́јно, та ў ка́ждоу стўл, бо e у хо́жі стўл је, та у ка́ждоу та́м стўл је. Но́ та́к. Јак ја́ нич' не ма́ву, та стўл нич' ни́је на стол'і. Но́ а тко́ ма́је, та то́т ма́је. Та.. Христoс ході́в по́ земли, зна́јете ш.. ото́. Та ка́же.. умeр дўже бо́уач' умeр. А нигда́ не хот'і́в б'інно́му да́ти. А oв'ўн то́удоо умeр, пришо́в тудо́, — та́м не пуш'ч'áвут'. А в'ўн ка́же ош «Пус'ц'і́т' н'а лем ра́з до́мі. Ја́ wже бўду́ зна́ти, што́ робі́ти». Имі́в — пу́стили чо́ рас. Натeр'хáв⁶ пoвнoој в'ўс хл'іба. А бо́оло п'ўвхл'іба. А то́т хл'іп из во́за упáв, та опка́л'áв с'а⁷. Та по́клав наза́т на в'ўс, а Христoс ишо́в, а в'ўн не зна́в, ож ото́ Христoс. Та ка́же — тако́ј як кoвдош Хри́стoс искла́в с'а⁸, тај ка́же ош «Та тўл'ко́ у ва́с хл'іба, дали́ бистe мeн'і!» А oв'ўн уз'áв то́т хл'іп, шо́ oпка́л'áноој — «Но́ на́!» Тај п'ўшо́в. Запéлли с'а вoротá, а oв'ўн — зајшо́в унну́⁹ уже́ та́м, — а та́м ни́је лем то́т кáл'áноој хл'іп, п'ўвхл'іба. Шчо́ oв'ўн да́в, то́то ма́је, то́т хл'іп, то́т кáл'áноој. Ка́е — [шч'e] с'а про́сі́в, обо́ чо́ шч'e рас пу́стили, ош набе́ре ўро́ши. — «Нидосто́јно ти», ка́же. [Ну шч'e] не пу́стили. То́то там ма́в, то́т.. п'ўвхл'іба кáл'áнооу, што́ упáв у кáл, то́ та́м ма́в. А б'ўл'ш жо́о не пу́стили.

¹ 'ответила'. ² 'осталась'. ³ 'наживешь, «нахозяйствуешь»'. ⁴ 'видно'. ⁵ 'за жизнь'. ⁶ 'нагрузил'. ⁷ 'испачкался'. ⁸ 'оделся'. ⁹ 'внутрь, внутри'.

Вихрь; полдень

В'ітер коли в'іје, то оні [ведьмы] боо убіли тоом в'ітром ч'оло-
w'іка с'акюо. (А як то?) Так шчо.. кет'.. оні.. воо тепер' не јисте¹
так'і як вона. А воо п'ідетé там де вона, а вона вас уб'јé в'ітром,
так шчо умре ч'олоw'ік. [...] Отó коли тотá пов'ітрул'а. Та јіден
бооw задүw² у ту пов'ітрул'у ніш, óстроој. А пов'ітрул'а одејшла,
а ов'ін забиw соб'і.. ў батич'ко³ [j], знајете, шо [отó], шо јоуó дер-
жит', коли малóј. Хресник јому. А ов'ін јому забиw у нóуу, ніш
у ноз'і бооw. «Та тоó, кáже, шчо тоо наробиw». А ов'ін у тім [угла-
довáw]⁴, у дванац'ц'ид' уóдин, у полунне [отóј] боóло. У полунне
так јак у п'івноч'и. Не мош.. Јáк на полунне, тоудó не трéба ро-
біти, ај трéба.. споч'ивáти⁵ на пол'у. Пол'іуáти, ніч' не робіти.
Док'и не пріјде дванац'ц'ид' уóдин.

[...] На межі не мош л'іуáти спáти. На межú не мош л'іуáти,
бо оні тудó.. оні хóд'ат', ај јіх не вітко у дванац'ц'ид' уóдин у
полунне. Јіх не вітко. У нас једна боóла леула так на межú, та
в'ітром јі убіло. Таку мóлоду, и д'ітина опстáла мален'ка. Ніч',
и помауáли, и wс'áудó јі воділи, ніч' — умéлла. Тó не мош.

Молитва о дожде; выкапывание покойника*

[...] молили с'а обоó бооw дошч', а йшли у поле, там де тенетú⁶,
де ўмертв'і. Та йшли тудó крууóm, опходіw п'іп, а нáроду мноуо,
та отó молили с'а там, та с'атиw⁷ ўшітко тотó. А дáле друуу не-
д'іл'у у друуој тенетú ишли, бо туж два сүт', једен с'удó а једен
с'удó.

[...] боóла б'ідá, бо тотó д[о]жзү не боóло, в'ін [угладовáw]⁸ та-
коóm, та и укоповали живóуо.. ужé ўмертвóуо вон. Та шчóс' там
помауáли му. А једна боóла так шчо умéлла, та — туж, недáлеко,
на тім, з Дешковец'. Та дуже худóба здоухáла, корóвоо. Кáждој
дэн' пропадаáла. Л'уде uw'ід'или ож б'ідá, та пóч'али копáти вон.
Нó а привели таку жонú, што знáла там помауáти туж жон'і. Бо јá
не знáву, [ти] онá такá боóла, та јá бооx не помауáла, бо јá не знá-
ву. Та укопали⁹, та јáк јіцј там помоули, опсопали тоом шчóс', ма-
ком, такоóm, та [закланили] ош.. обоó такóје б'іл'ше не робіла. Та
нігда¹⁰ б'іл'ше пòтфму, нáрас перестáла худóба здоухáти. (А шчо
тото *закланили?*) Закл'али так, ош обоó онá ўттит'¹¹ не.. не ч'ині-
ла худóб'і ніч'. [...] — То так јак керовáла тów.. тоóm скотóм. Онá

¹ 2 pl. praes. от *боати*. ² 'бросил'. ³ 'крестный отец'. ⁴ значение неясно.
⁵ 'отдыхать'. ⁶ 'кладбище'. ⁷ 'освящал'. ⁸ значение неясно. ⁹ 'выкопали'. ¹⁰ 'ни-
когда'. ¹¹ 'оттуда'.

* Запись Е. Э. Будовской, М. Н. Толстой.

помѣлла, и да́ле поч'али́, як она́ помѣлла.. — А ни́ч' јіј не помау́али тоудо́, коли́ умѣлла, тоудо́ бо́ло¹ помау́ати, до́кит' јі не спр'атали². Тоудо́ јіј бо́ло помау́ати!

Средство от порчи младенца*

(1) [...] оуѣн' ууасіти. (А як тото?) Так уз'ати у уорн'атко³ водо́, а ве́реч'и⁴ до́ де́в'јат' уу'л'у́ у ту́ во́ду. А ја́г д'іти́н'и мн'а⁵, «у́ашу ти оуѣн'», уже́ як мн'а́ је. Тоудо́ ве́рсте⁶ жеде́н ууе́л', у сесе́, та перехрестіти тре́ба, то́ту во́ду; та то́т не раховати⁷ ууе́л', а ја́к будете́ дру́жој метати́, та тре́ба казати́ «ни жеде́н, ни два́, ни три́, ни ч'ото́ри, ни п'јат', ни шс'ц', ни сім, ни в'іс'ем, ни де́в'јат'», назат⁸. «Во і́мн'а О́ца и Со́на и С'ато́уо Ду́ха». Тоудо́ да́йте ис' с'о́уо бо́ку д'іти́н'и ложе́ч'ку водич'коо́ то́ји, и ис' с'о́уо, ис тр'о́х бо́к'и́. А да́ле нарубо́⁹, и замоч'іти у ту́ во́ду ру́ку, та д'іти́н'и три́ рас ту́ј, три́ рас на уру́ди помоч'іти, и с'а́к руч'ко́о нарубо́ помоч'іти. И ни́шкоо́ ту́ј и ту́ј. И оту́ во́ду «у́л'л'ати та́к, тко́ ни.. ни́тко не ходит, та́ко́је м'істо [зам'ітно́је]. Та казати́ та́к: «Ја́к напáло, та́г боо́ пропáло, на хаш'ч'і́, на пуш'ч'і́, ни́ч'ами, во́дами». И д'іти́н'и уже́..

(2) [...] ото́ будé он ота́ жона́, шчо́ д'іти́н'и ни́ч' ни́је. Лем жона́ пре́жде до́ хо́жі, та попози́рат'¹⁰ на д'іти́ну, а д'іти́на с'а́ ду́же похвор'і́је. А она́ п'і́де. А́жо та́к, шчо́ за два́ц'ц'ид' за чо́то́ри [...] до́ два́ц'ц'иг' чо́то́ри уо́ди́ноо́ д'іти́на боо́ умѣлла, ке́д' боо́ не помау́али. Ај на́рас тре́ба оуѣн' ууасіти. (Шо́ тре́ба?) Оуѣн' ууасіти тре́ба. (А як то́?) Так уз'ати у уорн'а́ водо́, та с'аче́ноји водо́, та ууасіти оуѣн' та́к ја́г д'іти́н'и і́мн'а́. «у́ашу ти оуѣн'», ци Мари́ја, ци ја́к уже́, а измо́оти сесе́, и уру́ди, и ру́коо, но́уо, позмо́вати, та у́л'л'ати та́к у ме́жі, ош «На́ј иде́ на хаш'ч'і́.. ја́к напáло, та́г боо́ пропáло, на хаш'ч'і́, на пуш'ч'і́, ни́ч'ами, во́дами, на́ј иде́». Д'іти́на ма́ло по́лежит', и д'іти́на [...]. Д'іти́на уже́ ба́вит' с'а¹¹, а ке́д' боо́ ото́ не зроби́в, та́ј д'іти́на боо́ умѣлла. [...] (А ско́лько раз?) Жеде́н ве́реч'и́ та́ лем перехрестіти, «Во і́мн'а О́ца, и Со́на, и С'ато́уо». А дру́жој метати́, та лем казати́: «Ни жеде́н, ни два́, ни три́, ни ч'ото́ри, ни п'јат', ни шс'ц', ни сім, ни в'іс'ем, ни де́в'јат'». Назат перехрестіти, «Во і́мн'а О́ца, и Со́на, и С'ато́уо». Тоудо́ да́ти д'іти́н'и ис тр'о́х бо́к'и́ ис поура́¹² ци из уорн'атка водо́ то́ји с'а на́пи-

¹ 'надо было'. ² 'пока ее не похоронили'. ³ 'горшочек'. ⁴ 'бросить'. ⁵ 'имя'. ⁶ 'бросьте'. ⁷ 'не считать'. ⁸ 'снова'. ⁹ 'с обратной стороны, наизнанку'. ¹⁰ 'посмотрит'. ¹¹ 'играет, занимается'. ¹² 'из стакана'.

* Этот сюжет записан дважды (запись Е. Э. Будовской, Е. В. Степановой и М. Н. Толстой).

ти. И [úтт'út', и útт'út', и úтт'út']. Ис тр'ох бóкi. А дáле отó змó-ти, та тоудóо казáти, жák с'а ужé змóже д'итiна, «Отáг боо.. п'úшлó на.. жák напáло, тáг боо пропáло, на хаш'ч'í, на пуш'ч'í, нiч'ами, вóдами». Обóо п'úшлó уét. [...] «Ҷáшу оуén'», жák ужé ймн'á. Ма-ри́жо, ци А́н'о, ци жák. «Ҷáшу оуén'. Обóо Бóу дáw, обóо ти помоу-лó». [...] дати напiти с'а, дáле позмóвáти, та тáм д'итiна нáй у отó [...]; та унести уét. [...] Тáм, шó не дохóдит' ниткó. [...] [Надо знáть, чем ребенок] хвор'íе. Трéба знáти ош на ч'úm¹, бо кет' хвó-ра онá уентáк² шо трéба дóхтора, та тáм зáдар' тó уасiти оуén'.

с. СИНЕВИР Межгорского р-на Закарпатской обл.*

Цимбóта Анна Степановна, 1940 г. р. Запись 1996 г. М. Н. Толстой.

Порча некрещеного младенца**

Споуáнити мóже жонá д'итiну. Напрiклат, жé такá жонá — не wс'í. Не wс'í, жé такá.. жé так'íи жóноо, р'ítко, шчо коли на тóб'и жé — у нáс кáжут «жé на тóб'и», нó, менструáц'íя. Та вiд'íла-с' д'и-тiну — такú, шчо шчé нехрешчéна, та мóже тоó и самá за с'á не знáнеш, шчо тоó такá, спáскудиш тотú д'итiну, та пак у нéјi усé³ личкó нефáјноје⁴ у тóјi д'итиноо, í у великóјi. Та ототó примóвл'á-жут⁵. (А что тогда?) Споуáнен'á. Споуáнила, кáжут, уé боóла тотá та без'úвно⁶ на н'úј боóло, кáжут, тај споуáнила, жак'íс' мiхуңкó⁷ на д'итин'и, не мóж изуóјити⁸. Нó та пак ууáдујут — тотá боóла, -нтотá боóла, -нтотá боóла, дóк нехрешчéна, нó та мóже на н'úј боóло. Нó та котрá.. а мóже дéз' [д'úјсно]⁹ на жакiс' жак рáс тоудóо боóло, — та онá с'а признáје, жак чýје, шчо биткáжут с'а¹⁰, шчо д'итiна спáску-зéна, та признáјé с'а, шчо «На мéн'и тоудóо боóло». Нó та пак жак жé на н'úј опjáт, та прéјде — аш¹¹ тоудóо не примóвила, бо тотó при-мóвл'áјут. Жак на тóбi жé, та тоó собi думáш, шчо мóже тоó такá, та кáжеш: «Жакá w т'а мáти, такá жá». Нó é жонá жак урóдила, та жакá тоудóо — такá жак и тоó. «Жакá w т'а мáти, такá жá», кáжут. (То дiтинi кáжут?) Д'итин'и, при д'итин'и тúј урóженúј, малéн'кúј

¹ 'чем (болен)'. ² 'так'. ³ 'всегда, всё время'. ⁴ 'некрасивое, нехорошее'. ⁵ 'произносят заговор'. ⁶ 'наверное'. ⁷ 'прыщи'. ⁸ 'вылечить, свести'. ⁹ 'действительно'. ¹⁰ 'жалуются'. ¹¹ 'если'.

* Публикацию текстов из с. Синевир см. также: М. Н. Толстая. Несколько текстов из села Синевир // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999, с. 477–490.

** Нижеследующий текст получен в ответ на вопрос о глаголе *поганити*.

трéба казати — «Да яка у т'а мати, така ја», та три рас трéба потихен'к[о] так оповiсти¹. Та ишчé казали стар'и, шчо ужé як знаје жонá, шчо так тóчно она така жé, та берé.. дé ми с'а имiло [показывает], зáдну полú на спiдн.. моó кáжеме «спiдниц'а» сесé, шчо с'а нóсит у сподú, жа не знају, як тоó кáжеш. Та берé зáдну полú, та идé д д'итин'и, та три рас с'ак изрóбит дóвкола² личкá, та кáже «Якá в т'а мати, така жа, яка в т'а мати, така жа», тричи³. Обóо не боóло ни́ч. Нò а аш.. а аш так не зроби́ла, нó та тá котрá с'а хóче признáти — бо дáкотра не хóче с'а признáти. А котрá с'а хóче признáти, та кáже «На мéн'и тоудóо боóло», та прéжде коли на н'íж жé дáле опjат, та прéжде, та кáже шчо «Нај опчérпну д'итину, бо и жа тоудóо така боóла». «Як кажут?» Опчérпну. Опчérти личкó. «Опчérпну, кáже, вáм д'итину, бо и жа тоудóо така боóла». Та кáже, «Обiм с'а не yr'иховáла шчо мóже шчóс' тотó вiд мéне».

Нò а напри́клат мóже боóти тоудóо.. Мóже пришлá молодiц'а якáз', жонá, шо жé у нéји чолóвик. Та як рас тоудóо она тотó.. [уживáла], та тотó с'а ў тóт момéнт стáло. Пак а дáле она жéје ш чолóвиком, и мóже она забéрeмeн'ила. Нò та нејé за тотóо.. Он'⁴ дáле пак жé, так шо она вжé и самá не знаје, шчо тотó она дáле виновáта боóла. Та паг дáле идúт ит цérкви тотóо, бо не знајут ткó, та коли дeс' так'и прáзникoв, у нáс напри́клат на С'атú нед'iл'у⁵, ват' на Бoжoрoдиц'у хрám цérкви⁶. Та кладúт тúж дe с'а захóдит пiд ворóта, дe с'а захóдит у двiр цérкoвнoв, та пiд ворóта кладúт, пiд ус'и ворóта трéба поклáсти черлéну нiтку, прот'аунúти. Обóо ус'á чéл'ат'⁷, ус'и жóноо обóо чéрес тотó ишли, та котрá.. ужé така обóо перeйшлá и тотá котрá тотó боóла виновáта, та пак тoв нiткoв самi собi рóбл'ат тотó, та с'ак кáжут.

Нò ајбо дáкотра жé шчо не хóче по.. бо мóже.. мóже.. жа на тéбе сердiта. Ё́ та сесé с'а вiд мéне стáло твóјíж д'итин'и. А жа не хóчу обóо тоó ај.. мáј тоó свóју журу⁸ якýс', бo жа шчóс' с тобóв мáју. Та увiдит тотú — она за тоóм ужé дiвит — та увiдит нiтку, та лиш вiт'т'áуне та вёрже⁹. Розумiјеш?

[...] шо она тотó виновáта. [...] Не хóчe! Мóже она так хот'iла пiтти подiвити. Мóже жа шчóс' на тéбе мáју зúп якoс'. Та жа дý-мáју — ну хот' с'iл'кo¹⁰ ти вiдомшчú. Нò пак тотó ужé yr'ix с'а-кóје роби́ти, на д'итин'и мсти́ти с'а.

¹ 'произнести'. ² 'вокруг'. ³ 'трижды'. ⁴ 'даже'. ⁵ 'Троица'. ⁶ 'престольный праздник'. ⁷ 'все люди'. ⁸ 'грусть, беда'. ⁹ 'бросит'. ⁹ 'столько'.

Иваніна Олена Алексеевна, 1924 г. р. Запись 1996 г.
О. А. Абраменко.

Христос и Петр

[...] Н'ан'о¹ на не́бі, ус'оох² нас, да́в нас, де́ржит нас, — о́він и платн'у да́је. Но́ коли́ ја́ завин'у³, тоудо́ о́він не мо́же да́ти, бо́ ў н'о́у до́ста је́ с'ако́х. Ві́н не мо́же на́рас⁴ платн'у дава́ти. А́ј жо́му је́ коли́, ві́н ме.. ја́к ка́жут, Бо́х милості́вој до́вґо терпелі́вој. Ві́н терпі́т та диві́т. Но́ ў н'о́у с'ако́х до́ста, wc'о́ј⁵ с'ві́т. Та́ ў н'о́у не́ ја́ је́нна, шчо́ ја́ завині́ла, та ме́н'і́ указа́в, та́кој⁶ ми да́в платн'у, шо́ недобре-с' изробі́ла то́о се́се. А́ј то́то му́сај⁷ чека́ти. Та́ј с'а́к ка́ждоје. Мо́о wc'і́ д Бо́уу пре́јдеме, бо́ ў на́с же́де́н ду́шу кла́в. Же́де́н Бо́х небесно́ј. Из во́со́тоо, та́ ві́н в́же на́з зна́је за wc'о́, ві́н та́к пре́красно.. те́пер' слуха́т⁸, шчо́ ја́ жо́во́р'у. Ві́н и мо́-ју́ я́тку⁹ зна́је. И́жшо́в Хри́сто́с ис Пе́тро́м. Та.. коли́ Хри́сто́с по зе́мли хо́дів. Та́ ишо́в ис Пе́тро́м. Та́ бо́о́в.. лежа́в же́де́н пид у́рушо́в та́ л'іно́ва́в с'а́ у́рушу́ со́бі у́рвати¹⁰, а́ј обо́о́ му́ ў ро́т упа́ла, а мо́же-с' чу́ла се́с'у́ послóвиц'у. А́ обо́о́ му́ ўпа́ла в ро́т, л'іно́ва́в с'а́, а тї́л'ко́ у́руш, шчо́ на у́руша́х ле́жіт, та́к ја́к ка́лу¹¹ пид у́рушо́в. Иде́.. А́ та́ј ка́же — «А́ шчо́ тў́ј ле́жіш?» — «л, ле́жу!» — Хри́сто́с жо́му. — «Ле́жу». — Хри́сто́з зна́је, ка́же, «Пе́тре, ка́же, ле́жіт обо́о́ му́ у́руша́ ў ро́т упа́ла, л'іну́је с'а́ пид..» И́ду́т, и́ду́т, и́ду́т.. На́јшли́ д'і́вку. На́јшли́ д'і́вку, — «Кудо́о́ до́ро́ґа?» — Хри́сто́з зна́је кудо́о́ до́ро́ґа, ли́ж з'в'і́дад'¹² д'і́вку, кудо́о́ до́ро́ґа. А́ д'і́в-ка́ ка́же: «Е́ онту́до!» Не́ о́пові́ла му́¹³. И́ду́т, и́ду́т, и́ду́д да́ле. И́ду́т, а́ д'і́вка по́л'о́че цў́р'а¹⁴. У́ звóрин'і¹⁵. — «Д'і́вочко, ци́ то́о зна́јеш, кудо́о́ бо́о [о́тс'удо́] до́ро́ґа», а́ д'і́вка пї́шла́ з ні́ми ту́доо́, — «О́тс'удо́, о́тс'удо́, о́тс'удо́; аш'¹⁶ хо́чете и́ти нао́правц'і́¹⁷, та́ и́д'і́т' о́тс'удо́, а́ аш' шо́ о́во́до́ґво́кола¹⁸, та́ ма́ј да́ле́ко, ка́же, о́тс'у-до́о́, о́тс'удо́». А́ Хри́сто́с ка́же: «Но́, Пе́тре! То́т шо́ ле́жа́в пид у́рушо́в ле́ґін'¹⁹ не́тр'і́бној²⁰, та́ се́с'у́ му́ д'і́вку су́зу²¹, обо́о́ јі́ wz'а́в». А́ Пе́тро́ о́тс'а́к имі́в с'а́ за жо́ло́в: «О́тче, О́тче, ка́же, недобре́ су́диш!» А́ о́він ка́же: «Пе́тре, Пе́тре! Ја́ до́бре су́зу, а́ то́о недобре́ су́диш. Но́ шчо́ то́о ду́маш?» — «Ја́, ка́же, ду́мају, шчо́.. то́ту́ д'і́вку, шчо́ ка́зала́ «Е́ґе́ -втудо́», та́ то́му. А́ с'ў́ј да́ти, ка́же, та́коґо, ка́же, обо́о́.. ле́ґін' бо́о́в, обо́о́ бо́о́в чо́ло́ґік». А́ ві́н ка́же: «Пе́тре, Пе́тре! То́то́ не мо́ш изни́сто́ґжити²². Не мо́ш, ка́же. То́то́,

¹ 'папа, отец'. ² 'всех'. ³ 'провинюсь' (?). ⁴ 'сразу, немедленно'. ⁵ 'весь'. ⁶ 'так'. ⁷ 'нужно'. ⁸ 'слушает'. ⁹ 'мысль'. ¹⁰ 'сорвать'. ¹¹ 'грязи'. ¹² 'спрашивает'. ¹³ 'не ответила ему'. ¹⁴ 'полоскает белье'. ¹⁵ 'в ручье'. ¹⁶ 'если'. ¹⁷ 'напрямик'. ¹⁸ 'круглым путем'. ¹⁹ 'парень'. ²⁰ 'негодящий', 'неработающий'. ²¹ 'при-суждаю'. ²² значение неясно.

каже, овѣн л'інівсој, а она тр'ібна¹, та пор'адна², та она буде помало и жоу поуан'ати, та вни будѣт жити јакос'. А шчо бо вни чинили³, каже, шчо бо овѣн чинѣв ис тоу? Но шчо бо?» — Ци се записује вс'об? — «Шчо бо овѣн ис тоу чинѣв, каже. Но шчо? Ај тото..» А овѣн каже.. А Петро рѣвно нахреста⁴: «Отче, Отче, недобре сѣдиш!» А вѣн каже: «Та ја недобре сѣзу! А тоѣ йди в море, та унеси ми з мѣр'а камѣн'», — Христос упѣв'ѣв Петрови. Тај пришлѣ д мѣр'ови⁵, тај прѣступѣла с'а вода. Пѣшѣв у море Петро, — «Обѣс'⁶ ми ѣнѣс камѣн' у руц'і, каже, з мѣр'а». А јак Петро пѣшѣв ѣ море — та Бѣх ус'об робѣв! — пѣшѣв Петро ѣ море, ѣнѣс камѣн' у руц'і. — «Ци ѣнѣс-ѣс' камѣн'?» — «ѣнѣс». — «Нѣ, тоу чѣи го. Тоу чѣи го, каже». А Петро истѣвк тоу камѣн'а, а Христос знѣв, шчо у камѣн'ови јѣ. Шчо червѣк, живѣи червѣк у камѣн'ови. Шчо ѣ руц'і ѣнѣс! Каже: «А шчо там јѣ?» — «Јѣ, каже, червѣк». — «Пѣтре! Јѣ знѣв за сѣс' червѣк у мѣр'у у с'ѣму камѣн'ови шчо јѣ, та за тотѣ-м т'а пѣслѣв обѣс' ѣнѣс, та обѣс' с'ѣк, Пѣтре, не гоуѣриш изѣ мѣв. Ај шчо ја сѣзу, шчо ја кажу, так мајѣ боѣти».

Нѣ та ци так и јѣ, јак Христос.. Умерѣли, воскресѣв⁷. Ишла бѣпка.. тѣрѣдо ревуѣи⁸, а Христос идѣ. — «А шчо всѣ, бѣпко, плачѣте?» А она идѣ, та рѣкоо кроѣшит⁹, та реѣ, реѣ, реѣ. — «Шчо всѣ, бѣпко, реѣте?» — «Бѣже мѣј, каже, Бѣже, јѣдноѣ-м соѣна ма-ла, тај тотѣ вѣд н'а¹⁰ умѣр, каже. Ужѣ и.. и зарѣбли¹¹, каже, ужѣ трѣ нѣс¹² јак у грѣби¹³ јѣ». А Христос јѣј каже: «Бѣпко! Вѣн не умѣр, овѣн лиш уснѣв». А она каже: «Отче, Отче, прѣвелиѣкој! Отче, Отче, каже, прѣвелиѣкој! Каже, дѣ, ужѣ каже, ужѣ трѣ дѣс, каже, у грѣби јѣ, ѣжѣ смерѣт». — «Бѣпко, не смерѣт, овѣн уснѣв! Овѣн зарѣс прѣјѣ». Пришѣв на грѣп Христос, та каже: «Уноша!» — кѣпнуѣ пѣлиц'ѣв у грѣп. Каже — «Уноша, шѣс-с' уснѣв, уста-ѣј ужѣ, прѣбуди с'а!» И тотѣ устѣв у својѣм.. т'ѣл'и и у својѣм цѣр'у¹⁴ и.. и пришѣв на зѣмл'у.

Па тотѣ вс'ѣк'и боѣли, вс'ѣки боѣли чудѣ, па тотѣ лиш Христос. Пѣк нас кѣл'ко јѣ, а Христос одѣн. Бѣх јѣдѣн та вс'ѣс¹⁵ с'ѣвѣтом команѣдује. Но моѣ сѣсѣ заслужѣли сѣби у Бѣгу, бо моѣ Бѣгу с'а не моѣлиме, до цѣркѣви не хѣдимѣ, ненѣвѣс'ц' така шчо гоѣсп.. Кѣсѣ вжѣ — нѣ не идѣд до цѣркѣви, нѣ не моѣл'ат с'а, нѣ та кѣсѣ хѣт' л'убѣли јѣдно дрѣгоѣ!

¹ 'работающая'. ² 'порядочная'. ³ 'делали'. ⁴ значение не вполне ясно. ⁵ 'к морю'. ⁶ 'чтобы ты'. ⁷ 'воскрешал'. ⁸ 'сильно плача'. ⁹ 'ломает руки'. ¹⁰ 'у меня'. ¹¹ 'похоронили'. ¹² 'три дня'. ¹³ 'в могиле'. ¹⁴ 'в своей одежде'. ¹⁵ 'всем'.

Анонимный информант. Запись 1993 г. А. В. Тер-Аванесовой.

Сказка о девушке, чэрте и царском сыне

Боола пустá хо́жа, давно́, давно́ — на́м д'ідо роска́зовав, ко́ж¹ сме скота́рили², мо́же ми бо́ло шіс'ц', сі́м ро́кї. Та скота́рили, та ка́же — но́ бд́у вам, д'івочко, ка́ску каза́ти. Скота́риш из на́м тако́ж мо́же сі́мдис'атудо́воо́ж д'ідо. Та бд́у вам ка́ску, ка́е, роска́зовати. — «Но́ кажі́т», — а мо́о та́г д'іда л'у́бимо³, на то́лоц'і⁴, та с'а-деме ко́лон⁵ д'іда та сл́уха́еме. Та ка́же — ја́ запо́мн'іла и на но́-н'і! — ка́же — бо́бли вечі́рниц'і⁶, така́ боо́ла пустá хо́жа — шчо́, ци запису́еш? — Боо́ла така́ пустá хо́жа, ка́же, та нитко́ в н'і́ж не сид'і́в⁷. Нитко́ в н'і́ж не сид'і́в, а д'івочко́ с'а зоберу́т, та поха́р'ят⁸, та шчо́. Та́м земл'а давно́ је́, та чер'уова́ти⁹, та́г ґи у на́с те́пер' ка́жут, тото́ ка́жут [по́вднá] оди́ннац'атсо́ј де́н', же́ннї́ј оу́н'а кла́сти, поме́сти, поха́рити, и о́ні бду́т сид'і́ти у Пили́повец'¹⁰. Та ја́к Пили́повец', у на́с Пили́повец' те́пер' пїшшо́в ужé. У Пили́повец' о́ні сид'ят, та вс'і сид'ят со́бі фа́нєн'ко, вс'ім ид́ут фра́жеро́¹¹, пр'аду́т, с'мі́ју́т с'а, с'півáју́т. А же́нна сид'і́ла в з'ја́з'у¹² — о́нде з'ја́зи с'а клі́че. О́нде. З'ја́з'а онто́то ќут, о́тс'аксо́ј ќут, з'ја́з'. А т'ї́ј нитко́ не јшшо́в. Нитко́ не јшшо́в та ґото́во, то така́ жу́рнá¹³ д'іт-вачі́на, шчо [ра́с]. И пїшла́ о́на сиги́н'ашка¹⁴ у то́то, во́н. Та ка́е: «Бо́же, кобо́ д мен'і хот' чо́рт пријшо́в». [...]. Дру́гоо́ј де́н' при́ходит ле́гчн'. А о́ні ґо н'і́бооти¹⁵ позна́ју́т¹⁶, шчо о́вї́н би́рїс'ко́ј¹⁷ из дру́гоо́у села́¹⁸. Ҷї́, Ҷосподи, ја́к ус'і с'а ві́тсува́јуд¹⁹ д'і́вко́о си, обо́ си коло́ них с'і́да́в, а о́вї́н ни́где лиш та́м пїшшо́в в з'ја́зи с'і́сти коло́ не́јї. О́на си прі́рекла́! И ході́ла, ході́ла, и стра́шн'і́ла, и ка́же сво́јї́ј т'ї́тц'і, а т'ї́тка в не́јї боо́ла д́уже ро́зумна во́рожїл'а²⁰. Така́ в не́јї боо́ла т'ї́тка во́рожїл'а, та во́рожїла. Ка́е, «Т'ї́тко, с'аксо́ј, с'аксо́ј д мен'і ле́гчн' ходит, мо́о ґо позна́емé..» — «А ну́ вечі́р верете́но пу́стї²¹ ја́г бде́ш пр'а́сти, та поди́ви пї́д ла́виц'у, јако́ј о́вї́н, но́оо у н'о́оо». Ра́з д'і́вка та́к изробі́ла, пу́стїла верете́но, дівит — а то́то, кї́н'ска же́нна ла́ба, а же́нна ќур'ача. А хві́ст поза ла́виц'у ві́сит. (Хвост че́й?) Но́ пак чо́ртї́. Поди́вила, напу́дила с'а, у́шла за ні́м во́н, јо́ј, при́бі́ула та у́пові́ла сво́јї́ј т'ї́тц'і. — «Јо́-јо́-јо́ј, т'ї́точко солóтка, с'ак и с'ак». — «Зна́јеш шчо́, ка́же, то́о.. д'і́ти́но, за́втра во́з'мі́ кл́убок ма́ртовсо́ј» — то́тоо коли́ се́оу ма́рта. Зна́јете, мі́с'ац' ма́рт. — «Ма́ртовсо́ј кл́убок бе́рї,

¹ 'когда'. ² 'пасли скот'. ³ sic; ожидалось бы *л'убиме*. ⁴ 'горное пастбище'.
⁵ 'вокруг'. ⁶ 'супрядки'. ⁷ 'не жил'. ⁸ 'приберутся'. ⁹ 'дежурить по очереди'.
¹⁰ 'Филипповский пост'. ¹¹ 'кавалеры'. ¹² 'в углу'. ¹³ 'грустная'. ¹⁴ 'бедняжка'.
¹⁵ 'якобы'. ¹⁶ 'узнают'. ¹⁷ 'сын сельского старосты, бирова (поп. sg. бирї)'.
¹⁸ 'из соседнего села'. ¹⁹ 'подвигаются'. ²⁰ 'шептуха, колдунья'. ²¹ 'урони'.

што с'а напр'а́w на ма́рта, та прижажи́¹, прижажи́ го до то́го, до ўклада²», бо да́вно w у́н'ах ходи́ли, ја́ да́ле роска́жу вам, шчо́ то у́н'а³. «Та прижажи́ го до ўклада, та кудо́ бде́ ити́». Та ја́г го на дру́гој де́н' у страху́ прижаза́ла, у пла́т⁴ клу́бок покла́ла, и с'а́к иде́ за ним, а овѐн — де́ [яко́ој ска́ла], де́ як'и́ кучи́⁵, де́ яко́је wс'о́, пове́ртат, пове́ртат тај ра́с лиш поверну́w до.. у тенети́. Та и она́ ко́ј клу́бок и ве́лла⁶, та би́юм, та до́му, як собо́w ўда́рила w две́р'и, та до́ с'іни не зајшла́ — ма́ти ји зат'ау́ла, она́ умелла́. Як умелла́ она́ — она́ с'а ду́же напу́дила, — як она́ умелла́, и же́ји тотá т'у́тка дру́гој.. уже́ ўповѐли⁷ т'у́тц'и, ско́ро убра́ли⁸, w тру́ну покла́ли, и ту́ј пѐдрубáли пѐдлѐуу⁹, џу́ј, урубали¹⁰, не́ крѐз¹¹ две́р'и, та тудо́ ји ўнесли, та на ро́спу́т'а закопа́ли, бо во́ мо́же и не зна́ете, што́ то́ ро́спу́т'а? — У.. на ро́спу́т'а ји закопа́ли, та́к, но́. А овѐн пријшо́w у вече́р'и, не ма́w бо́ мо́ци ни т ко́му. Јѐј, ко́ј ими́w собо́w би́ти: «Ци́ с'удо́ ји не́сли?» — две́р'и ви́пл'а́т «н'и́», ци́ взо́роо́, ци́ с'удо́ ји не́сли, — «н'е́т», бо ји́ тудо́ не не́сли, бо.. бо ји́ пѐд пѐдлѐо́w у́т'ау́ли, с'а́к по́пѐд пѐдлѐуу. То́удо́ стар'и́ хо́ш-ко́о бо́ли, не так'и́ џи но́н'и. Так'и́ џи мо́ја, напри́клат, а́жо шче́ ма́ј стар'и́ бо́ло. И́ ра́с — ўросла́ там кра́сна ру́жа¹², кра́сна, на тѐм ро́спу́т'у. Ко́н'и хо́д'ат, wс'о́, а ру́жу ни́тко [не трогае́т]. Ра́с иде́ ца́р'ско́ј со́н та́ј ка́же: «Јѐј, иди́ ўрви́ ми, ко́т'ишу¹³, иди́ рви́, р'и́ш но́жом», — и не хо́ч.. А вѐн ско́чиw ца́р'ско́ј со́н из ко́ре́тоо то́ји и ўр'и.. лиш до́коо́нуw с'а¹⁴ лиш та́ј покла́w со́би ту́ј на бл'у́зу. И вѐн красне́н'ко хо́дит. Хо́дит овѐн, хо́дит.. с то́ом, та wсе́.. [ти́] ра́с унесу́т ку́харко́о јісти ца́р'ови, а wсе́ с'а остава́ти ма́ло, wсе́ они́.. не по́јдат, а w н'о́го wсе́ ни́је, wсе́ ни́је. Ји́, ка́жут, ја́ка́с' хо́дит фра́је́рка. Јѐј, иде́ме мо́о вартова́ти. Та де́! Ишче́ ма́ј мно́го му несу́т, ишче́ ни́је. Та́ј овѐн.. жо́му ими́ли ка́зати — «Ци́ во́ по́јда́-жете, ци́ тко́ по́јдат, мо́о вам ма́ло јісти да́диме́». — «Та де́, ка́е, ја́ и.. и чо́у во́ мен'и́ тѐл'ко несете́?» Ра́с чи́тат ўза́ету, покла́w на с'а, бде́ вартова́ти. Не привартова́w једно́ји но́чи. Шчо́с' она́.. зами́чаw.. ра́з дру́џи́ј но́чи покла́w вѐн ўза́ету, ту́тај, н'і́бооти џи др'и-ма́w, а она́ зл'і́зла вѐттoо, с ко́сиц'и¹⁵, та́ лиш ими́ла јісти, а вѐн ји шва́к¹⁶ за ру́ку. Она́ јми́ла рева́ти, пла́кати: «[Ти] ја́ не хо́чу, ни́ж..» — «Бо́ така́-с' кра́сива, у те́бе ру́жа..» — «Јѐј, мене́ не тре́ба, ја́ с'а́, да́јте т'у́тц'и мо́ји́ј зна́ти». Да́ли т'у́тц'и зна́ти, прикли́кали т'у́тку.. Роска́зала́ т'у́тка — двана́ц'ц'ит' ку́реј чо́рноо́х напечи́, и пу́стити.. и до це́ркви су́кно́м до́ро́уу wу́стели́ли, и су́кно́м ја́г

¹ 'привяжи'. ² значение неясно. ³ 'зимняя суко́нная куртка'. ⁴ 'юбка'. ⁵ 'ку-ча'. ⁶ 'конура, сарай' (?). ⁷ 'бросила'. ⁸ 'сказали'. ⁹ 'обрядили'. ¹⁰ 'пол'. ¹¹ 'вырубили'. ¹² 'через'. ¹³ 'красивая роза'. ¹⁴ 'кучер'. ¹⁵ 'дотронулся'. ¹⁶ 'с цветка'. ¹⁶ 'хватать'.

дорóу устел'ат, и таг јі до цёркви вéсти, а он' у повíтр'у¹. [...] та кóј, та кóј јих пíднимáw, та к[о́]ј јих хапáw, та кóј хапáw, ајбо они́ жаг до цёркви дíјшли, тај и wс'ó, та кúри јим úмítали, оден-на́јц'ит' курéј јим úмítали чóрнсох, тај вíн.. до цёркви јим дáли зајтí, та дáле гул'áли, јíли, пíли, та w рóт'и сýхо боóло. Нó.

с. РУССКАЯ МОКРАЯ Тячевского р-на Закарпатской обл.

Пола́га Анна Михайловна, 1914 г. р. Запись 31.03.1995 г.
А. И. Рыко, Ю. В. Стрельниковой.*

Совпадение Благовещения и Пасхи

[...] будé у п'јáтниц'у, ў с'л'íдушчу п'јáтниц'у Блауов'íшчéније Прис'атóји Д'íво Маријí, великóј прáзник тóже. Рáз дáколис' боóло тák, шчé мíј прáд'ít, нн служíw у цёркви, пак д'áковáw², јак моó казáли, сп'íвáw. Та припáло Блауов'íшчeн'а на Пáсху, и тó јим воóјшло — забóоли с'а л'úде, шчо Блауов'íшчeн'а на Пáсху. Та не wз'áли Блауов'íснику служíти, молíти с'а, лишé Воскресéнију молíли с'а, та тёмнó боóло, тёмнó. Не зор'áло³ нíч. А потóму на-уáдáw с'а⁴ д'ít, мíј прáд'ít, шчо Блауов'íшчeн'а. Чим⁵ нáчали слу-жíти Блауов'íснику, тоóm с'а рoзв'íдн'íло.

Змея, сосущая корову

[...] Јé, јé, шчé и кíл'ко. У мóјeји бáбо боóла корóва. Нé тýј, óнде нíже мóста жíли. А тáм на зарíнку⁶ великóј кáмíн' такóј боów. А ттá корóва јак об'ít пријшów, тá ход' воóткó⁷ ўтеклá, ход' воóткó с пáши, з дáлеку ўтеклá и пр'áмо т тóму кáмeн'ови íжшлá. Но шчó сeсé, wс'í удиwл'áли с'а л'úде. Нó мíј д'íдо нáчав дивíти с'а, набл'удáти. А тáм такóј боów ўát укóханóј⁸, шчо такá ў нeуó шéја боóла. Воóссе⁹ корóву кáжзóј полúденoк. Нó шчó, л'úде при-способíли с'а пáк та убíли тóуо ўáда, тó чудíшче боóло. Нó тај ттá корóва здóхла скóро. Тá корóва здóхла, тó ў мóуо д'íда боóло, шчó тóтó.. чíсто прáвдa боóла. Сокотíли¹⁰. То р'ítкó, р'ítкóј слýчaј боów, шчобów ўát ссáw корóву. Ўн тák ссáw, јак тел'á, и тák ко-рóва ишлá д ўáдови, јак ит тел'áтови уw об'ít. То такóј боów.. И ни ўкусíw јí, корóву. Ни кусáw, а тó дрúг'и сохтýјут¹¹ укуsíти ўа-доó корóву, та тák заклинáјуд бaбоó сýт так'í, шчо знáјут закли-

* Информантка употребляет отдельные русизмы.

¹ 'воздух'. ² 'прислуживал в церкви'. ³ 'не рассветало'. ⁴ 'сообразил'. ⁵ 'как только'. ⁶ 'низкое место у реки'. ⁷ 'хоть откуда'. ⁸ 'откормленный'. ⁹ 'высо-сет'. ¹⁰ 'береглись, остерегались'. ¹¹ 'норовят'.

на́ти ўа́да то́уо, та вѝн.. заклина́јут, та вѝн пак издо́ха́је, то́д ўа́т. И та́к пак ко́ро́в'і л'і́віт¹. Пу́хлик² изо́јде, вѝ'о́.

Ласка и змея при доме

Јѝ, ла́сиц'а јак укúсит, то ко́ро́ва здо́ха́је. И вонá та́к не ку́са́је, јака́.. јако́уо цв'іту ко́ро́ва је, та та́ка и тта́ ла́сиц'а ко́ло ха́тоо т́ри-ма́је с'а. Но́ јак јі ко́ро́ва примн'а́цка́је³, вна́ тоудо́о кúсат. Ја́к укúсит, у́же тта́ ко́ро́ва здо́ха́је. Л'і́ку не́је⁴. Тта́ ла́сиц'а пак иде́ ўѝд да́ле со́б'і, јак ко́ро́воо ни́је, вонá йде́ ска́ти⁵ да́ле м'істо со́б'і. [...] Ла́сиц'а посто́јанно в хл'і́в'і је, та́м де ко́ро́ва, посто́јанно. Но та́ке.. До́ууа та́ка, но́ похо́жа на б'і́лку. Лиш ро́т ма́ј б'і́л'шо́ј у не́ји.

[...] ка́жут, јак у́б'је́.. котро́ј је, бо ка́жжа ха́та ма́је сво́уо ўа́да. Ко́ло ка́жжо́ји ха́тоо ўа́т је. Но́ жо́уо ўби́ва́ти не мо́ш, бо ка́жут, то м'і́сцево́ј ўа́т, жо́уо не ўби́ва́ти. Аш у́б'је́ уо ткѝс', а та та́м и ко́ро́ва здо́хне. Та́к каза́ли, ват' ткѝс' умре́, ват' ко́ро́ва здо́хне, та́к да́вно ўовори́ли.

Отбирание молока

Сўт и вѝро́жил'і та́к'і, шчо прі́јдут та вѝодбе́рут ма́нну вѝот ко́ро́воо. Јак је та́ка шчо зна́је вѝоро́жити, вѝодбе́ра́је ма́нну, та́ј ко́ро́ва у́же не да́је мо́локо́ тто́ шчо вна́ да́вала до́к'іт' та́ вѝоро́жил'а не ска́зи́ла. А тта́ вѝоро́жил'а пере́ве́рже с'а на жа́бу.. и на жа́бу, и.. хо́т' на́ шчо, та иде́ в но́чи ў хл'і́в, ко́ли с'а ма́је ко́ро́ва тѝлі́ти, та иде́ в но́чи в хл'і́в, та обо́о вѝодбе́ра́ла ма́нну вѝот ко́ро́воо, ма́с-ло, јак ка́жеме мо́о. Но́ та ту́ј бо́ло та́ке — се́ ми неда́вно ро́ска́зо-ва́в одѝн хлѝпе́ц', — шчо при́шла в них, ма́ла с'а тѝлі́ти ко́ро́ва, одна́ жи́ңка при́шла до́ них и — зау́л'а́нула ў хл'і́в, јак ко́ро́ва тѝлі́ла с'а. Ја́к с'а отѝлі́ла, на дру́го́ј тто́ де́н' бо́ло. И вѝ'о́, ко́ро́ва не да́вала с'а здо́јити, ўо́р'і с'ц'і́но́в л'і́зла, ро́окала. А па́к при́шла шче тта́, шѝѝ' из дво́ра хо́т'і́ла вѝ'а́ти вѝот то́јји, де́ ко́ро́ва сс'а́ отѝлі́ла с'а. А то́т хлѝпе́ц' вѝ'а́в та со́коо́ру ў пјату́ ју́ј за́т'а́в⁶. Тта́ хо́дила хро́ма, жи́ңка хро́ма, ка́же вѝн. А вѝн ју ўпо́знав, она́ убра́ла с'а хо́д' бо́ла та́к, хо́д' ја́к, на ба́бу л'ачну́⁷. А ѝн ју упо́знав. Ка́же — «Шчо́ тоо хро́ма?» — «То то́ мене та́к по-с'а́ти́в⁸, ка́же. То́ мене та́к по-с'а́ти́в со́коо́роу, у пјату́ за́т'а́в». А до́ууо хра́мала тта́ жо́на. Во́ло та́ко́уо, но ја́ то́уо [н'і́]гда не зна́ју, ја́ ни́јакоо.. ни́јакоо вѝоро́жо́к, бо це́.. мене́ ба́т'ко учи́в, [н'і́]ко́ли, бо тто́ ўр'і́х. То́ ве́лико́ј ўр'і́х ро́бі́ти та́ке.

[...] Прі́јде то́та до хо́ш, котра́ вѝодбе́ра́ла. Но́ шчо́ чині́ли л'ўде, да воні́ бо́ли ма́ј ро́зу́мн'і. Вѝ'а́ли до́јити на́вхрѝст⁹ ко́ро́-ву, за́днѝо́ј до́јок та́ј пере́днѝо́ј. И па́к изнѝо́в, на дру́го́ј бѝк та́к

¹ 'становится легче'. ² 'опухоль' (?). ³ 'примнет'. ⁴ 'нет лекарства (спасения)'. ⁵ 'искать'. ⁶ 'воткнул'. ⁷ 'страшную'. ⁸ 'освятил'. ⁹ 'крест-накрест'.

на́вхрест до́жат, на.. молоко́ беру́т, на ко́вбан¹ кладу́т та соко́рѡв с'ича́т. Як на́чнут с'ичи, до́йти тту́ ко́рѡву на и́уло, за́ткнут де́вјат' иу́ол, ѓ́стр'ом² ид у́р'и³. Та на тто́ иу́ло до́жат, а пак то́ молоко́ с'ича́т на ко́вбан'и, тоу́доо́ при́жде.. тотá боо.. wat' при́жде зау́ло-лоси́ти с'а⁴, шчо «ве́рну ти тво́ју ма́нну». Аш не при́жде, woná у́мера́је. Та.. пак при́жде — «Да́йте по́кнј, не с'ичи́т, ја вам ве́рну ва́ше wс'о́». Та та́к пак верта́ло с'а. Л'у́де wс'а́к'и су́т..

[Манна — это] но́ молоко́, сметана́, wс'о́. Ко́ли је така́ жи́нка, котра́ зна́је тто́ зроби́ти, та та́к шчо ў́ коро́воо ни́чо́ю не wста́не с'а. Молока́ не да́је, здо́йти ји не мо́ж, бо ли́ш шчи́т, по́сто́янно ско́рчена та шчи́т, та не мо́ш.. Та то́ту жо́ну.. имн'али⁵, она́ л'ау́шкѡв за́јде w хл'и́w, ци шче́ жако́воо' тако́в пти́ц'ѡв, та wсодбе́ре тто́ молоко́ wсот коро́воо. А тта́ коро́ва хо́дит та́к ро́учи, та сло́зо з оче́ј бду́т ити́ ко́рѡв'и. Но́ пак уже́ л'у́де дизи́нали с'а, тко́ тто́ ро́бит, та ту́.. ссе́ ме́н'и́ роска́зовав w про́шлм у́д'и оден. Ка́же, wтели́ла с'а ў́ нас коро́ва, а одна́ жи́нка при́шла до ни́х и заул'ану́ла w хл'и́w. Она́ заул'ану́ла, дру́жој де́н' уже́ молока́ не́је. По́то́му шчо́ то́т изроби́w. Ишла́ л'ау́шка у хл'и́w, дру́жою ве́чера. Ўн wз'а́w соко́ру та при́биw ла́бу л'ау́с'ц'и. Дру́жој де́н' дивит с'а — та с'а́ сама́ жи́нка хо́дит хро́ма. Ка́же, «Ци́л'о, шчо́ w те́бе з ноу́ѡв, шчо́ тоо́ хро́ма?» — «Ше́ ми зв'и́дуеш?»⁶ Шчо́ ја хро́ма? То́ ми зроби́w ссе́». — Wна́ призна́ла с'а, шчо́ ѓ́н соко́рѡв, но ѓ́н не зна́w, шчо́ тто́ woná, ѓ́н ба́чиw л'ау́шку.

Оберег при первом отеле

[...] ко́ли коро́ва oтели́ла с'а, тели́ц'а пе́рвој ра́с тели́ла с'а, та тоу́доо́ из оси́коо⁷, оси́ка таке́ де́рево је вели́ке, ис то́уо де́рева бра́ли чи́п⁸, а ко́рѡв'и.. wсот коро́воо бра́ли кула́јстру, уже́ пе́рве молоко́ — то́ пе́рве молоко́. Та то́то пе́рве молоко́ заве́рчовали у по́ри́х, та с то́ји оси́коо за́тоочку таку́ робили, та та́м забива́ли то́т чи́п, обо́ тто́.. та примѡ́вл'али: «Тоу́доо́ боо́ зауубила́ молоко́, ко́ли це́ј чи́п во́јде ис то́ји ди́ркоо». И тто́ нико́ли не во́јде, бо тто́ та́к на́плотно за́бито, шчо́.. Ссе́ воро́жили да́вноо.

Гадание о теленке

[...] ко́ли жо́ноо кро́сна тка́ли, вере́тоо⁹, ци шчо́ та́мкоо, та воро́жили с то́ом, шчо́ при́пуска́ли wсе́ ни́ткоо, ко́ли.. кро́сна дото́ка́ли, а то́ту.. бра́ли то́то де́рево, ја́к вороти́ло¹⁰ зва́ло с'а, та с то́ом ишли́ на ву́лиц'у. Диви́ти с'а, шчо́ бде́ у коро́воо. Бо́ок ци тели́ц'а. Бо́о́ок ци тели́чка. Диви́ли с'а, аш уви́д'ат мушчи́ну, то́ значи́т бо́о́о́г буде́, аш ви́д'ад д'и́wчину ци жи́нку, то́ бде́ тели́чка.

¹ 'колода'. ² 'острием'. ³ 'кверху'. ⁴ 'объявить'. ⁵ 'ловили'. ⁶ 'спрашиваешь'. ⁷ 'из осины'. ⁸ 'деревянная затычка'. ⁹ 'простыни'. ¹⁰ 'вал в ткацком стане'.

Жаба

[...] прибивајут ворону, или жабу, прибивајут на такој б'ігар¹, та кладут на ниву, на ґород'і, ну, палиц'а така. (Это в хлеву, да?) Тó ни в хл'іву, тóтò на оґород'і. Заткнут у зéмл'у, а ттò там в'іје. Ват' ворона, ват' жаба. (А зачем то роблят?) Та кажут шчо сáме б'іл'ше у жаб'і тоу босоркан'. Та жабу.. У нас, знајете шчо, в'ічно.. нò тўј јак восоко, даже в хату заходила жаба. И ссе прóсто с'м'ішно казати.. и кїл'ко ттá жаба заходила, тїл'ко у мене ў внўкоо непријемнас'ц'² боола. [...] Ну ја потóму ттў жабу ўбила. Нò зајшла трї рás у нáз боола у хат'і, тўјкоо, до хош³. Шò ја јі вже рás не убивáла, сїл'л'ow-им јі поссопáла. Она надўје с'а така шчо на́з боо скакáла уw óчи, така злá вoод со́ли. А пак⁴-им јі убила.

[...] Бóју, жáбоо бóју с'а. Нò, поссопáјеме сїл'.. На н'у, на жабу нассоплеме со́ли, тáј, та пак т'іче, тák мн'áвкат, далéко јі чути, тák јаг д'ітіна реве вoод со́ли. Тák, тák, ја коли посолїла јі óде пáд порóум, та тák ревáла, јак.. д'ітіна. [...] солила ја.. Бо ја с'а јі дўже бóју, та ја.. не т'áмл'у⁵ коуó-м закликáла, обоо во́нести с хатoо вон. А тўј не бо́ло ко́му, та ја јі мýсила самá брáти на лoпáтку, та тák л'ашчáла⁶ солéна..

Змея с короной

[...] Јé межи нїми *пожáрниц'а*, межи нїми ұлáвна черлэну корóну маје на ұолов'і. Јé, тўј óдекoо у нас у дéбри⁷ бо́ло. Тўј ид ұор'і, óдекoо, на дéбри. У нас там.. ходїли сме с'іно косїти, а ттá јак укúсит, та нїјé.. тóтў и закл'астї не мóж, бо.. умерáје вoод нé-јї, она дўже ядовїта. Она така малéн'ка змејá, нò ұоловá черлэна у нéјї, така јак курóна⁸ на ұолов'і. Нò ттá јак укúсит, нò тó р'іт-коој слўчай јé, бо вона не дајé с'а на óчи нїкóму. Кáже, јак она.. јeјї ткóс' увїдит, она вже пак мýсит издоохáти. Шò тó р'ітко ткó јeјї ттў вїдит, змејў. Р'ітко. Тўј бо́ла.. тўј бо́w ұорóт оуорóженoој камїн'ом. А моó черес тóт.. забóр камїннoој перел'їзáли, и она там бо́ла в тóму.. ис корóнкoоw, тó в'їд'їла-м јї самá. А бїл'ш не в'їд'їла-м, то рás-им, одїн рás в'їд'їла тóтў ўад'ўгу. Она чóрна, така зádоwуа⁹ дéс'.. мај дówуа шéз'дéс'áт цéнты¹⁰. И корóна черлэна на ұолов'і. Нò она тáг засвїшче, јак.. јак мушчїна јакóс'. Тáг засвїшче, такоој свїстóк дајé тóтá ўад'ўга. Јак-им јі ув'їд'їла ўже тоудó, тák-им бојáла с'а итї, моó там мáли пóле, та сме ишли ўрeпсти тудó. Та вже-м ходїла дрўчооми дорóуами, уже-м с'а тáг бојáла wс'ўдoо ходїти тóјї змејї. Л'ўта така, л'ўта змејá.

¹ 'палка'. ² 'неприятность'. ³ 'в комнату'. ⁴ 'потом'. ⁵ 'не помню'. ⁶ 'визжала'. ⁷ 'обрывистое непроходимое место'. ⁸ sic. ⁹ 'такой длины'. ¹⁰ '60 см'.

Вихрь

То знаєте шчо трі у́дсо те́пер' бу́де. Já т́у́ урѣбла самá-м, он-деко отáву ужé косіли-сме. Та т́у́ сус'ітка, тáм шчо р'áдом из нá-ми ма́е по́ле, та поклáла на сáму ме́жу д'ітіну, кол'áску з д'іті-ноу. Ко́лі с'а в'ітер изн'áв.. нигде́ хма́роу не бо́ло. Но́ нарас та-коб́.. хма́рка с'а по́явила, тако́́ в'ітер надсо́шфóу, шчо на мене́ wс'у отáву, wс'у.. с'іно на мене́ склáв. Já ч'у́т' не задушіла с'а. Но́ já скóро з уолово́ прóсунула с'іно, та крич'у́ — «Свѣто, ка́жу, д'ітіну бері́ уѣт из [мѣжі]», — д'ітіна на сáмо́ї межі. Но́ тоудó моулó тту́ д'ітіну і́ли *пидв'іжати*, і́ли взауáл'і пов'ітру́л'а моулá понѣсти тту́ д'ітіну. — «Т'ау́ні уѣт!» — já тák кричу́ на тту́. Чім она́ забрáла д'ітіну [с] мѣжі, тák тóт в'ітер ути́х. Из мене́ ліш по-су́нула с'а ттá отáва. Já чісто бо́ла як копи́ц'а с с'іном. Но́ на межі клáсти.. Но́ тó на межі wсѣ сохт'у́е¹ шчóс' стáти с'а, і́ли д'ітіну спаралізу́је, ци шчó, то тáг бо́вало. Но́уо wоткáжут, р'у-коу д'ітін'і wоткáжут, ужé недви́жима тáká д'ітіна, ко́лі на ме-жі. Тó мно́го бо́ло тák, шчо казáли *пидв'іжало* д'ітіну. (И так ді-тина и была всю жизнь?) И тák паг бо́ла. Бо́ла, до́коу бо́ла, пак и умерáли тто́ д'іти. Бо́ло тто́. (В Русской Мокрой так было?) У Лопухóвому дѣс' тó бо́ло. А т́у́ лиш кáжу, як тотá д'ітіна бо́ла тáм на межі, шчо já на тту́ кричáла «Т'ау́ні, т'ау́ні!». Оні wспо-м[е]нáют и те́пер' мѣн'і, шчо jáг бо́ла ни já, та мо́же шчóз' боо бо́ло бо́ло² з д'ітіноу. А já кричáла, кáжу, «Бері́ д'ітіну з мѣ-жі, бо недóбре будѣ». Мáти молодá, wнá не знáла, шчо тто́ не мо́щ, на ме́жу клáсти д'ітіну, тто́ на.. и т́у́ хоз'áин, и т́у́ хоз'áин, шчó боо не стоптáло тó.. отáву тту́, та поклáла на сáму ме́жу. [...] Знá-јеш чо́уо, мо́ лиш тák со́б'і приуáдовали³, шчо тто́ за тто́ шчо тáм д'ітіна бо́ла на межі, та пов'ітру́л'а моулá забрáти тту́ д'ітіну.

У дво́јур'ідно́ї сестро́, та тóже тák. Начáла с'а т́уча-т́уча тáká. А д'іwчина тáká ма́ малá бо́ла, як нáш Вас'кó. Б'і́ула дворо́м. И ко́лі тту́ д'ітіну wз'áло за волóс'а та на ќучу⁴ поклáло. На ќучу поклáло, шчáс'ц'а, шчо бо́w д'áд'а ўwон⁵, та т́у́ wхóпиw д'ітіну. (Почему так взяло?) Но́ тák уз'áло, в'ітер тóт пидн'áв д'ітіну та по-клáло на ќучу. Вídно дáле не [мо́х] понѣсти, бо д'áд'а бо́w у двор'і. [...] Б'і́ула дворо́м, у тó́ т́учи бліскало тák, та урѣм'іло, до́ш та-ко́́, з в'ітром надсо́шфóу. И тту́ д'ітіну пидн'áло бо́ло. Она́ и те́-пер' жѣ́е, ттá жи́нка. (А где это было?) Óдеко w нáс у сус'ід'іх. Бліс'ко, бліс'ко бо́ло т́у́, ў мо́ї дво́јурно́ї сестро́.

¹ 'норовит'. ² 'что-нибудь случилось бы'. ³ 'предполагали'. ⁴ 'сарай, хлев'.
⁵ 'на дворе, вне дома'.

Научное издание

**Восточнославянский
этнолингвистический сборник
Исследования и материалы**

Редактор *И. А. Седакова*
Корректор *Р. А. Агеева*
Оригинал-макет *Л. А. Коритысская*

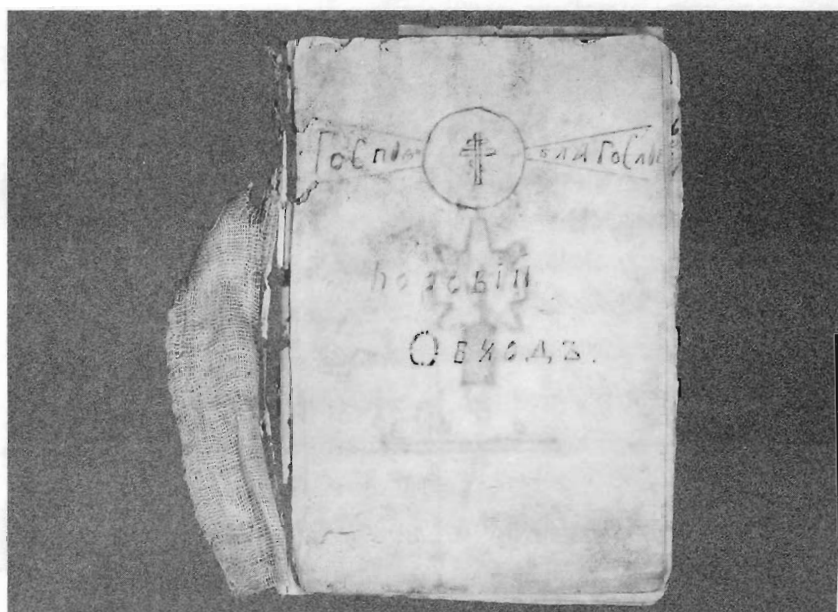
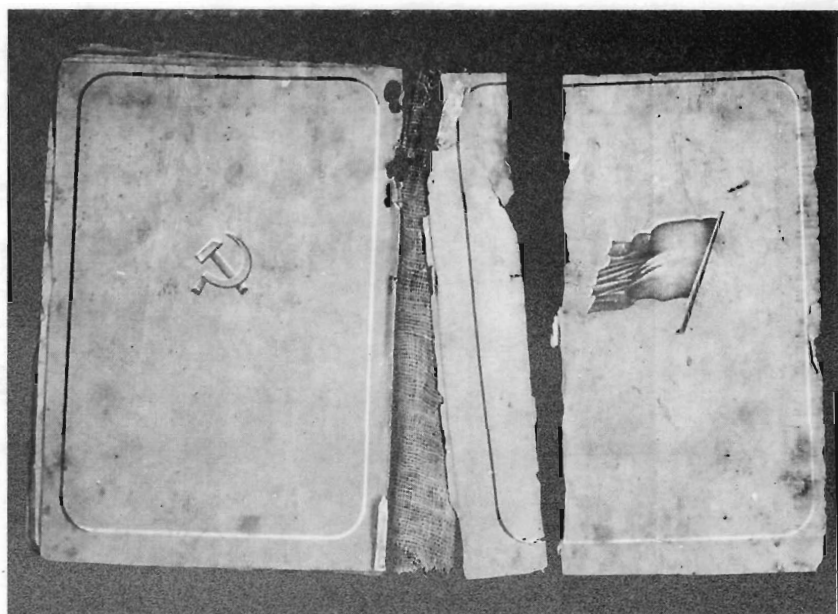
Издательство «Индрик»

По вопросам приобретения книг следует обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект 32-а,
Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)
тел. (095) 938-01-00
тел./факс 938-57-15

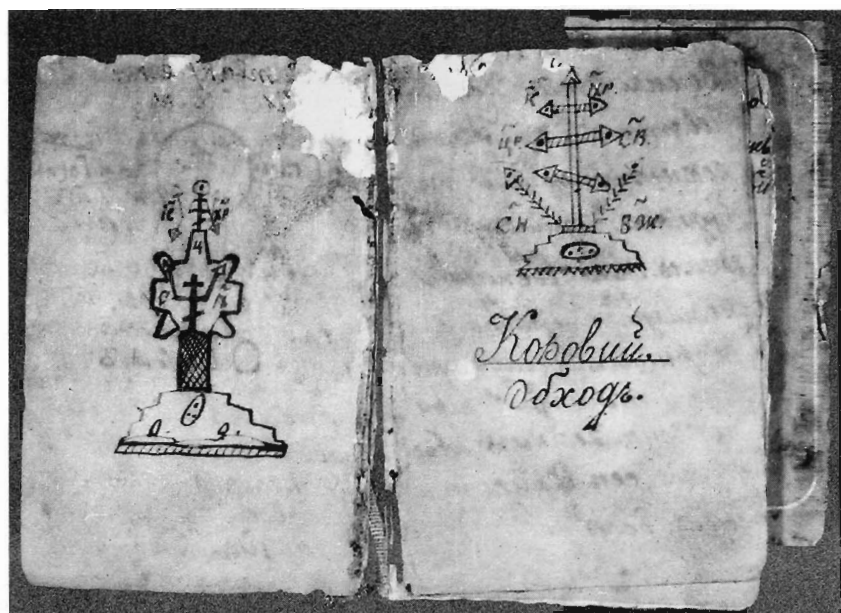
ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Подписано в печать 31.05.2001. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Школьная». Бумага офс. № 1.
Печ. л. 31,0+0,125 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ 5966.

Издательско-производственная фирма «Индрик».
113452, г. Москва, ул. Азовская, д. 25, корп. 2, кв. 130.

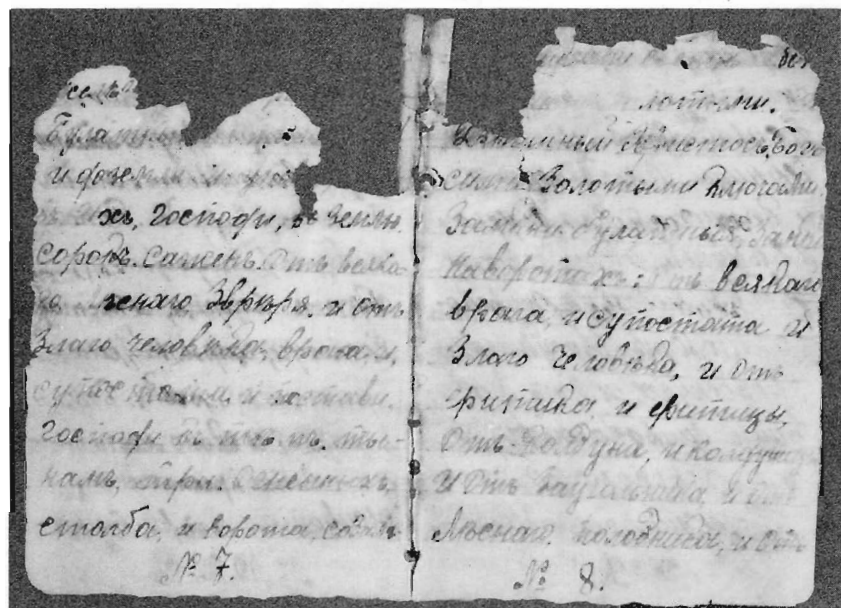
Отпечатано с оригинал-макета
в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, д. 403
Тел. 554-21-86

Ил. к статье А. Б. Мороза

Издательство «Индрик»

Ил. к статье А. Б. Мороза

